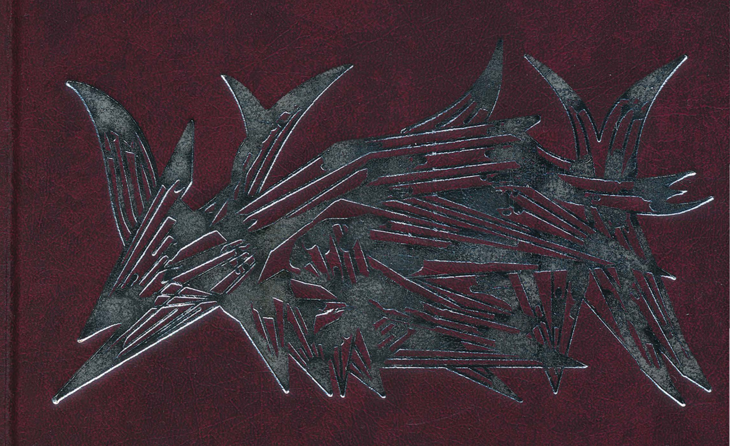

СОЧИНЕНИЯ

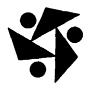

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

собрание сочинений

САЛАТ ИЗ БУЛАВОК

издательство

Дмитрий Сечин

МОСКВА 2015

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)1
А19

Составление, подготовка текста и комментарии
В.Д. Миленко

На фронтисписе: Аркадий Аверченко.
Севастополь, 1919–1920.
Из личного архива В.Д. Миленко

Аверченко А.Т.

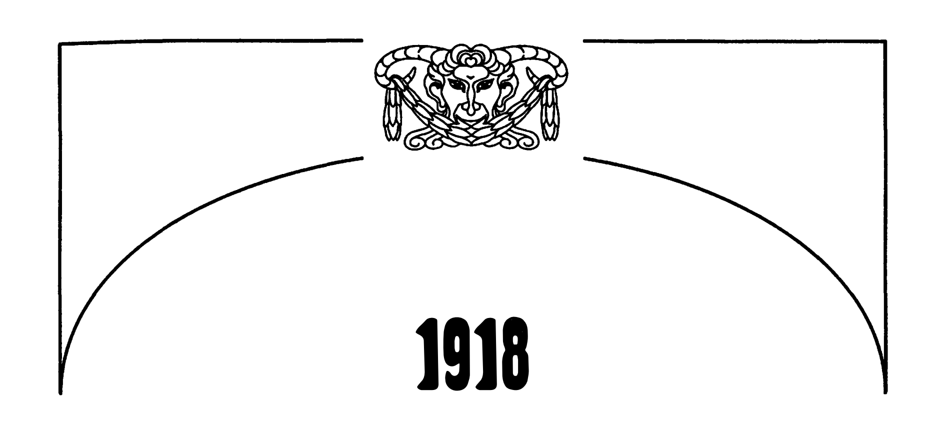
А19 Собрание сочинений: В 14 т. Т. 11. Салат из булавок / Сост., подг. текста и комментарии В.Д. Миленко. — М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2015. — 720 с.

ISBN 978-5-904962-11-1 (Общ.)
ISBN 978-5-904962-49-4 (Т. 11)

В одиннадцатый том собрания сочинений вошли публикации Аркадия Аверченко в прессе 1918–1922 г.г. (киевской, ростовской, севастопольской, парижской, константинопольской), никогда не включавшиеся им в сборники. Многие тексты писателя переиздаются впервые, в т.ч. материалы из газеты «Чертова перечница» (Киев, 1918), а также «Газеты Аркадия Аверченко» (Севастополь, 1920) и «Рождественского “Сатирикона” Аркадия Аверченко» (Константинополь, 1922), ставших попытками возрождения журнала «Сатирикон» в новых условиях.

ISBN 978-5-904962-49-4 (Т. 11)
978-5-904962-11-1 (Общ.)

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)1

1918

салат из булавок

ПОСОБИЕ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ «КОНФЕРАНЬСЕ»

На подмостках появился новый персонаж:

— «Конферансье».

Чаще всего это молодой человек с лоснящимся, точно эмалированным пробором, безукоризненно одетый и с округленными жестами, слегка отдающими «куаффюрою».

Красуется этот молодой человек на авансцене, переминается с ноги на ногу, как застоявшаяся лошадь, и растеряно и виновато улыбаясь, лепечет «под Балиева»:

— Дирекция, не щадя затрат... Антракт на 10 минут по петроградскому времени... и т.п.

Но уже через неделю-другую после открытия сезона все взятое напрокат остроумие изнашивается, и тогда несчастный «конферансье» начинает увядать на глазах у всех.

Говорит он с публикой уже все меньше и меньше. Да и что скажешь?

С выражением лица христианского мученика появляется он на авансцене и, обводя потухшим взглядом зрительный зал, неуверенно докладывает:

— «Травиата из русских песен»...

А еще через неделю-другую вы можете прочитать в хронике театральной газеты:

«Конферансье N. разошелся по принципиальным соображениям с кабаре “Вытекший глаз” и поехал в Бахмут в кабаре “Лиловый ихтиозавр”».

Израсходовав балиевский репертуар в «Лиловом ихтиозавре», бедный конферансье «по принципиальным соображе-

ниям» перекочует в новое кабаре и будет странствовать этак многие годы, пока не поредеет его лоснящийся пробор и пока в России останется хоть один город, где еще не слышали:

— Дирекция, не щадя затрат... Антракт на 10 минут по петроградскому времени...

* * *

Мне почему-то всегда очень жалко этих молодых людей и хочется помочь им.

Но как? Как?

Идея! Не написать ли для них «conferance'a»?

Попробую.

Может быть, он будет не совсем забавен, но все же он выведет не одного «конферансье» из затруднительного положения, освежив и обогатив их репертуар.

* * *

— Милостивые государыни и милостивые государи! Дирекция поручила мне ознакомить вас с задачами и целями нашего театра, вы и представить себе не можете, до чего мне это трудно. Какой я «конферансье», посудите сами? Ни умения разговаривать с публикой, ни находчивости, ни пенящегося остроумия... Но ничего не поделаешь: из всей нашей труппы я — самый разговорчивый, вот и того... этого...

Правда, все это вышло совершенно случайно. Вначале предполагалось пригласить настоящего, заправского «конферансье», но когда хватились, то оказалось, что все хорошие «конферансье» уже разобраны: Керенский конферирует где-то в Лондоне, Троцкий — на чехословацком фронте, а знаменитый «конферансье» Ленин занялся почему-то оптической работой — «втирает очки» народу...

Вот и пришлось выпустить на сцену меня... И вот я здесь...

О чем же я должен сказать вам? Вспомнил, вспомнил: — о задачах и целях нашего театра! Так вот: задачи эти очень трудны. Мы должны быть и веселы, и остроумны, и злободневны. А легко ли, по-вашему, быть теперь злободневным?

Вот, например:

Задумали мы дать забавный шарж на министра Иванова. Написали пьеску, поставили ее, загримировали актера

вот этим самым Ивановым, а — глядишь — на спектакле никто из публики уже не помнит, кто такой этот Иванов. На министерском посту за это время перебывало уже десять человек...

Да что политика — даже простой песни мы не можем инсценировать, потому что она отстала от момента, как черепаха от поезда.

Возьмите, к примеру, хоть эту песню:

На последнюю, да на пятерку
Найму тройку лошадей,
Дам я кучеру на водку,
Погоняй, брат, поскорей!

Позвольте узнать, на какую это пятерку вы наймете теперь тройку лошадей? Да ведь нынче конец на одной кляче стоит 10 рублей, сколько же слупят с вас за тройку?

Или это:

«Дам я кучеру на водку»...

А где же он эту водку достанет? И сколько придется заплатить за нее? Даже на самогонку надо дать рублей 50. Пятьдесят плюс 10 за проезд — вот и выйдет, что один конец вам влетит в 60 рублей...

А затем:

«Погоняй, брат, поскорей!»

Легко сказать «погоняй!». А вы лошадь овсом кормили, что просите погонять? Сено ей давали? От гнилой соломы не очень-то она поскачет...

И вот приходится перефразировать эту песню так:

На последние сто карбованцев
Найму извозчика я одноконного
Пообещаю ему бутылку пива
Погоняй, товарищ, пока лошадь не издохла!

Нескладно, но зато верно.

Теперь несколько слов о нашей труппе. О, это замечательная, исключительная труппа!

Начнем с режиссера.

О, что это за режиссер!

Этот человек может поставить все что угодно: «Евгения Онегина», «Отелло», сто рублей на карту... Что ни увидит — все поставит. И единственное, чего он не может поставить, это керосин для Киева. Впрочем, этого и никто не умеет...

А наши актеры! О, какие это актеры! Об их гастролях заботится и киевская, и одесская публика, причем одесситы ждут не дождутся, когда они уедут в Киев, а киевляне — в Одессу...

А наш аккомпаниатор! Какой это замечательный христианин! Правая рука его никогда не знает, что делает левая...

А наш декоратор?! Все, к чему ни прикоснется его кисть, тотчас же привлекает публику. Да чего вам больше: — на днях ему поручили выкрасить забор — и что же?! Все проходившие мимо этого забора останавливались...

Вообще наша труппа — это Пантеон знаменитостей! О себе же я из скромности умолчу, но вы, надеюсь, сами оцените меня...

Оценка же производится по правилам нашего театра так: при выражении одобрения вы должны аплодировать, ударяя правой ладонью об левую, при неодобрении же наоборот — левой о правую...

* * *

Вот и написал первое «пособие для начинающих “конферансье”».

Может быть, и этот «conferance» неудачен, но все же он имеет хоть одно достоинство:

В нем ни разу не упоминается ни:

— Дирекция, не щадя затрат...

Ни:

— Антракт на 10 минут по петроградскому времени.

ДВА РОМАНА

(Век нынешний и век минувший...)

I

Однажды летом 1618 года по дороге, ведущей из Локруа в Шовероль, скакал всадник. Его юное лицо было покрыто

мужественными чертами, и благородство было ясно, черным по белому, написано на всей его фигуре. Его изящные члены покрывал темный плащ, а голову осеняла шляпа, украшенная дорогими перьями.

В семи лье от Локруа был трактир, принадлежавший хитрому плутоватому трактирщику Жозефу Прунье (таково было его имя) — под вывеской «Рогатый лев».

Подскакав к «Рогатому льву», граф Марсиак (это был он) сбросил поводья на руки выбежавшему конюху и, звеня шпорами, направился в низкую прокопченную залу трактира, где его встретил сам трактирщик.

— Чем могу служить высокородному графу де Марсиак? — подобострастно осведомился он.

— А, каналья, — весело засмеялся граф. — Ты узнал меня?.. Ну, говори скорее, что там есть в твоих погребах и кладовых?

— Могу предложить его сиятельству живую шоверольскую форель, окорок ветчины, добрую яичницу и перепелов на спице. А кроме того у меня есть доброе анжуйское винцо — напиток богов.

— Ну, довольно растабарывать, — весело вскричал де Марсиак (это был он). — Давай все это, да поскорей, а то тебе придется познакомиться с моей толедской шпагой!.. (это, действительно, была она).

Не прошло и пяти минут, как перепела жарились у очага, распространяя упоительный запах, и перед графом уже стояли две запыленные бутылки...

Позавтракав, граф бодро вскочил, спросил счет и бросил, даже не взглянув на него, кошелек с золотыми трактирщику, который, изогнувшись как кошка, ловко поймал подачку на лету.

Граф закутался в плащ и, кивнув милостиво головой, вскочил на лошадь, которая быстро понесла графа де Марсиак (это был он) в Шовероль.

II

Однажды летом 1918 года по Невскому медленно плелся легковой извозчик № 1528 (это был он). Одет он был по моде извозчиков того времени — грязный армяк и измятый извозчичий полуцилиндр.

На лице его ясно написалась апатия и скука. Он придержал лошадь и вяло слез с козел как раз у входа во вновь открывшееся кафе великосветских тружеников, под вывеской «Свежпродипрохлнап» (свежие продукты и прохладительные напитки).

У входа извозчик был встречен Воронцовой-Дашковой (это была она), одетой в черное люстриновое платье, белый передник и кокетливый чепчик.

— Чем могу служить? — вежливо осведомилась княгиня.

— Чаво? — прищурился извозчик.

— Что вам угодно?

— Мало ли. Выпить чего-нибудь щипательного не найдется, э?

— То есть?

— Га?

— Я спрашиваю, что вы называете «щипательным»?

— Денатур, одиколон, хи-хи.

— Будьте любезны не трогать меня руками!

— А чем же тебя трогать, ногами, что ли? А пожевать чего есть?

— Суп и котлеты.

— Ах, жук те забодай! Который это уже я день супом и котлетами накладываюсь. Ну, тащи, чего с тобой делать.

Ел он сопя, задумчиво и сурово. Кончил, тяжело дыша.

— Сколько с меня?

— Две порции супа и три порции котлет... 64 рубля.

— Ладно! Гони с зеленой керенки шашнадцать.

— Сию минуту.

Графиня Воронцова-Дашкова (это была она) удалилась, но через минуту вернулась и сказала:

— Эта керенка фальшивая. Потрудитесь переменить.

— Ври больше.

— Прошу вас быть учтивее.

— Чево-о? Это за свои-то деньги? Ну, не прошло так не прошло... Гони обратно керенку. В другом месте спулим.

Оставшись один, извозчик № 1528 (это был он) побарабанил пальцами по столу, потрогал ладонью серебряную столовую ложку и потом задумчиво опустил ее в карман армяка.

— Н-да-с, — думал он, вяло шагая вниз по лестнице. — В энтих алистократических трактирах, пожалуй-ча, еще

повыгоднее харчиться, чем в наших, извозчичьих. О-хо-хо... Дела-то, в халате.

Моросил дождик, ласково поливая голову издохшей на тротуаре лошади.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ АКТЕРА БРОНЗОВА

Перебравшись через большевистскую границу, актер Бронзов встряхнулся, как собака, выпрыгнувшая из холодной воды на берег, выпустил из себя сжатый большевиками воздух и, радостно фыркнув, въехал в земли украинские.

— Ф-фу!!

Растянувшись на мягких пружинах купе спального вагона, мечтал по-карамазовски — сладострастно:

— Вот приеду в Киев — будет что порассказать! Удивлю. И обыскивали, и чуть было не арестовали, и костюм новенький забрали. Прямо граф Монте-Кристо! Тысяча и одна ночь! Приключения Ливингстона в Центральной Африке!

* * *

Весь Крещатик кипел и бурлил, как раскаленный дьяволом гигантский котел.

Внутри афишных тумб наскоро устраивали новые паштетные. В проезжавшем автомобиле испортился механизм. Автомобиль остановился и, пока его чинили, в кузове наскоро открыли паштетную. На тротуаре валялась брошенная кем-то коробка от гильз. В ней пробегавший мимо мальчишка устроил паштетную.

Три знакомых москвича окружили ошарашенного суматохой Бронзова.

— Давно из Москвы? Как добрался?

— Ах, это целый роман! — отвинтил Бронзов невидимый кран. — Прежде всего, в Зернове большевики меня задержали и стали осматривать вещи... Один высокий, черный такой, с усами...

— Короче! — лениво перебил его киевский старожил (он жил в Киеве уже 2 месяца). — Догола раздевали? В волосах бриллианты искали? Золотые зубы изо рта вынимали?

— Н-нет, — с сожалением вздохнул Бронзов. — Не раздевали. Не вынимали. А только один такой, маленький, бритый, арестовать хотел, но я...

— Так чего вы лезете со своими рассказами? Надоело! Что же это за переезд через границу: «чуть-чуть не обыскали», «чуть-чуть не арестовали»... Пресно, голуба!

Киевляне покатили дальше, а Бронзов угрюмо усмехнулся и проворчал:

— Ишь, черти. Не проберешь. Обыска им мало, выбрасывания из вагона мало. Заелись.

Он ухватил за пуговицу пробегавшего мимо знакомого:

— Куда вы?

— В паштетную. Пирожное с белым хлебом есть. А вы?

— А я из паштетной. Кекс ел с белым хлебом. Что же вы не спрашиваете, как я доехал?

— А что? Разве в дороге случилось что-нибудь особенное?

— Ну! Шутка ли, — загорелся священным огнем Бронзов. — Большевики дорогой три раза арестовывали. В волосах бриллианты искали! Зуб золотой вынули!!

Знакомый лениво потянулся, зевнул...

— Тек-с! тек-с. Бывает. Штыками в спину кололи? На рельсы перед маневрирующим паровозом клали?

— Что вы? — испугался Бронзов. — Разве можно?

— А меня клали! Так черт ли я буду слушать ваши пошлейшие бриллианты в волосах?! Задерживают зря на тротуаре! А я как раз спешу по делу. Тут один дом снарядом попорчен. Так мы с приятелем в дырке паштетную открываем...

Убежал.

Полупогасший Бронзов схватил за руку полузнакомого москвича. Залепетал, а глаза кротко молили: «удивись, скотина!».

— Стойте! Ехал. Через большевиков. Штыками кололи. На рельсы клали. Дочиста. В чем мать родила вырвался. Скальп сняли. Оброс, слава Богу. Вам только одному и рассказываю. Доверительно.

— У стенки стояли? — скучающе осведомился полузнакомый. — Пулю в лоб имели? Поймите, что все остальное приелось. Все рассказывают одно и то же.

* * *

Только к вечеру в пивной «Утешение» Бронзов имел некоторый успех. Слушали благосклонно с некоторым почтением и даже слегка удивлялись:

— На Орше поставили меня к стенке. Пли! шесть пуль в груди, одна так, кое-где. Падаю! три штыковых раны. Кладут в могилу. Засыпают. Засыпался я, но потом думаю: «нет, шалишь! Еще польска не згинела». Была у меня в кармане пилочка для ногтей... Разрыл пилочкой с трудом могилу, вылез, выковырял пули, украл аэроплан, вырезал все население, да и сюда. Над Фундуклеевской мотор стал давать перебой, да наплевать уж... Хе-хе, не страшно. Прямо на паштетную трах, уселся и конец. Человек! Еще дюжину пончиков и фунт белого хлеба с маслом! Получите, кстати, и за пирожные сто сорок два с полтиной.

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

Горничная вошла ко мне в кабинет.

— Вам письмо принесли.

— Откуда?

— Из Киева.

— Нарочный?

— Нет, почтальон.

— Ну, полно врать, матушка... С утра уже хватила лишнего. Как это может почтальон принести письмо?

— А вот же и принес. И марка на письме, и все как следует быть.

— Ничего не понимаю! Может быть, он сумасшедший? Или провокатор какой: я выйду за письмом, а он — «руки вверх» — да бомбой в меня!

— Нет, обыкновенный почтарь. И марки на письме наклеены.

— Ничего не понимаю. Зови его в кабинет...

* * *

— А-а, миленький! Честь имею приветствовать. Садитесь. Сигарку? Отдыхайте. Какими судьбами?

— Да вот письмецо доставил, хе-хе.

— Хе-хе, действительно, оно курьезновато: теперь, в наше время — и вдруг почта доставляет письмо! Небось, товарищи отговаривали?

— Нет, не особенно. Смеялись только: вот, говорят, чудак вздумал письма таскать... хе-хе...

— Хе-хе... А вы действительно — зачем же... того? Что это вам вздумалось?

— Да собственно, откровенно говоря, доктор велел: вам, говорит, сидячая жизнь вредна! Почтальон, а имеет ожирение сердца!.. Вот я и решил каждый день по дюжине разносить.

— Какая прелесть! Стакан вина разрешите предложить? Маруся! Тут господин почтальон письмо принесли — собери на закусочку.

— С вас тут еще доплата — рубль сорок. За излишек веса.

В дверь постучались.

— Кто там?

— Сосед. Здравствуйте. Тут во дворе говорили, что к вам почтальон с письмом пришел. Может, и обо мне когда вспомнит. Где он? Дайте я его, канашку, прижму к груди.

В кабинет вошли еще какие-то люди. Они разглядывали почтальона, его сумку, его палку... потом качали мужественного труженика, принесшего мне этот бумажный квадратик из далекого неведомого мира — Киева.

Незнакомый интеллигент приблизился к столу, налил стакан вина, поднял его и радостно воскликнул:

— Господа! Это доставленное письмо — верный шаг к возрождению России! Выпьем же за возрождение России!!

РАЗМЫШЛЕНИЕ О СОВНАРКОМЕ И О СОБАКЕ

С большим огорчением прочел о новом плане советского правительства.

Я очень люблю большевиков, считаю их умными, честными, талантливыми и полезными для России.

Подумать только — сколько они добра принесли России! Как все хорошо устроили!

Вся Россия любит и благословляет большевиков. И я тоже люблю и благословляю большевиков.

Очень, очень милые.

И потому я с огромным огорчением и печалью прочел странные сообщения московских газет об их предполагаемом отъезде.

Недоумеваю: как может население Москвы и Петрограда отпускать от себя эту роскошную власть... Да я бы зубами в них вцепился.

На заседании совнаркома заявлено будто бы, что если иноземцы оккупируют Москву и Петроград, — совнарком переберется на Волгу, в Нижний, а если чужестранцы возьмут и Волгу, то совнарком переберется на Урал, в Екатеринбург.

То-то там радости будет!

Москва и Петроград оденутся в траур, а в Екатеринбурге — радостный перезвон колоколов...

Да, ничего не поделаешь, так уж устроено: если чужестранцы доберутся и до Екатеринбурга — куда двинутся большевики? Терять любимое — горше всего.

* * *

Не знаю почему, вспомнилась мне одна забавная историйка, которую я прочел, будучи еще ребенком.

Два приятеля стояли на берегу и с любопытством следили за собакой, которая имела недвусмысленное намерение выкупаться в реке.

— С чего это она? — спросил один приятель другого.

— Жарко очень. Да и главное блохи одолели.

Собака же, очевидно, принадлежала к партии «постепеновцев». Сначала вошла в мелкую воду, замочив только кончики лап.

Затем продвинулась немного глубже.

Вода доходила ей уже по брюхо.

Сделала еще три шага. Вода покрыла спину. Только голова и шея торчали из воды.

Еще шаг — одна макушка, нос, да умный черный глаз виднелся из воды.

Р-раз! Собака целиком скрылась под водой, нырнула и выскочила на берег — бодрая, освеженная, будто на свет Божий народившаяся.

— Почему она так странно вела себя? — спросил один приятель другого.

— То есть?

— Почему она не сразу прыгнула в воду, а входила постепенно?

— А-а, брат! Ты и представить себе не можешь, какая это умная собака. Настоящий немецкий пес. Видишь ли: если бы она бросилась в воду сразу, то все блохи, которые прятались в ее длинной густой шерсти — так бы и остались на ней. А ежели постепенно, то совсем другая музыка. Она окунула лапы в воду — и блохи перепрыгнули с лап на брюхо; окунала брюхо — блохи перебрались на спину; а когда и спина оказалась неблагополучной по воде — они перебрались еще выше. Кончилось тем, что все блохи столпились на кончике ее носа — а здесь уже плевое дело избавиться — часть языком слизнула, часть течением унесло.

И долго еще оба приятеля, стоя на берегу, дивились разуму хитрой немецкой собаки.

* * *

Вот рассказал я не идущую к делу историйку о собаке, надеясь и читателя позабавить да и себя развлечь.

Да невесело что-то.

Все время в мозгу сидит забота о большевиках: куда они денутся, если иноземец дойдет до Екатеринбурга...

Останется для них Сибирь...

Единственный выход...

ВАРВАРЫ

Решено снять памятник Петру Великому.
На его месте ставится памятник Стеньке Разину.

Из газет

*о*Это было тогда, когда фунт сливочного масла весил фунт, и стоил он 32 копейки, а я весил пуд и ничего не стоил.

В настоящее время без ложной гордости могу сказать, что я кое-что стою. Но теперь это, пожалуй, не штука, когда и фунт масла стоит 18 рублей...

Одним словом, в субботу на Страстной, после обеда мой огромный отец дружески-фамильярно дернул меня за ухо и предложил:

— Сынок! Хочешь посмотреть, как баранов делают?

Пустой вопрос: хотел ли я? Конечно! Я на все мог смотреть с удовольствием: как столяр обстругивает доску, как соседская прачка гладит белье, трогая горячий утюг послюненным пальцем, и как дерутся собаки, хватая одна другую за хвосты и уши! Жизнь так прекрасна!

Перед отцом на столе лежал кусок сливочного масла, бумага, свернутая «фунтиком», нож, несколько зернышек перца и веточка петрушки.

На моих глазах стало совершаться подлинное чудо... Кусок масла под ножом постепенно удлинялся, проглядывало что-то похожее на голову, на голове обозначилось нечто, напоминающее рожки, наконец, появилась мордочка — и я увидел перед собой барашка — настоящего живого барашка из масла.

И, однако, это было еще не все: барашек был гол как сокол, отец, не задумываясь, со свойственной ему сердечностью пришел на помощь бараньему горю... Именно, положил в бумажный фунтик кусок теплого масла и надавил бумагу. Из узкого отверстия поползла тонкая струйка бараньей шерсти, которая и окутала постепенно барана теплой, волнистой шубой.

Но настоящий восторг охватил меня, когда два зернышка перца были воткнуты на место глаз, а петушка заняла выигрышной положение во рту барашка. Баран сразу ожил, взор·его принял осмысленное выражение, а петрушка во рту достаточно ясно подчеркивала его природные бараньи вкусы и наклонности.

Что такое искусство? Это — умение из бесформенного, разнокалиберного — создавать стройное, красивое, убедительное целое. Не правда ли?

Нравились мне и крашенные в самые изумительные цвета яйца. Но не так! Нравилась и кудрявая завитая бумажка на мосталыге окорока. Но не так!

Баран был подлинное чудо искусства, и весь остаток субботы я простоял с широко открытыми глазами около накрытого стола, не пошевелившись, не издав звука. Баран

задумчиво глядел на меня, я на барана, и каждый думал свою особую думу.

Родитель высказал предположение, что я приклеился к столу с тайной черной мыслью: выждать удобный момент и стянуть что-нибудь, но я, застывший в столбняке молчаливого восторга, даже не обижался на эти оскорбительные предположения. Пусть!

На первый день Пасхи к нам собирались визитеры. Не знаю, кто они были такие, потому что в те времена различал я людей только по степени табачного запаха (мужчин), по надоедливости (женщин), а главным образом — по тому, кто сколько ел, и в зависимости от пригодности продукта для меня самого — я страдал невыносимо. По привычке я занял наблюдательный пост около самого стола и, расплющив нос о его край, стал наблюдать со стесненным сердцем — сколько съедено сардинок, икры и сырной пасхи.

Меня немного покоробило, когда гости стали бесцеремонно лопать крашеные яйца, даже не восхитившись хотя бы из вежливости их красотой; меня возмутило, когда один гость, отрезав кусок ветчины, отхватил и угол роскошного бумажного украшения.

Но я по-настоящему побледнел от ужаса и затрясся, когда гость (усы пахнут табаком, питается паюсной икрой) с самым равнодушным видом придвинул к себе чудо искусства — барашка — и вооружился ножом.

Я ожидал, что отец хватит его бутылкой по голове или, оттащив от стола, вступит с ним в единоборство — ничего подобного. Кошмар...

Отец только сказал:

— Пожалуйста, масла. Вот с этой редиской.

И гость, покосившись угрюмым желтым глазом на редиску, *отхватил ножом барану весь зад!*

Я истерически вскрикнул, затрясся и, припав на четвереньки, вонзил свои острые зубенки в ногу гостя.

Испуганный гость выронил нож с бараньим задом на лезвии и, отбежав от стола, протянул меня несколько шагов за собой, как щенка, вцепившегося в суму нищего.

И чем же это кончилось?

Меня поколотили; поколотил тот же отец... Поколотил вместо того, чтобы записать меня членом в общество охранения от разрушения памятников народного творчества!

* * *

И теперь мне, уже большому, последнее время мерещится грубый, пахнущий табаком хам с угрюмыми желтыми глазами. Он ходит от памятника к памятнику и отхватывает огромным ножом зады лошадям и людям на потеху голодной прожорливой толпы.

ГОЛОВОТЯПЫ

В такой социалистической стране как Россия — даже сам отец социализма Карл Маркс может потерять голову.

И действительно: в Пензе социалистические граждане отбили голову Карлу Марксу на памятнике, ими же, пензенцами, воздвигнутом месяц тому назад.

Неизвестно, что именно заставило разочароваться пензенских социалистов в своем патроне, но факт горит яркой незакатной звездой на нашем сером фоне: головотяпы оттяпали голову великому человеку.

И стоит теперь на площади безголовая фигура, ярко вырисовываясь на хмуром осеннем небе.

Чью голову взденут теперь пензенцы на широкие плечи Карла Маркса?

Стеньки Разина?

Емельки Пугачева?

И долго ли будут любоваться граждане древним русским разбойником, торчащим посреди площади в скромном сюртуке, с рукой, низко заложенной в пройму жилета?

И не полетит ли через месяц и его буйная голова, чтобы дать место талантливой голове матроса Дыбенко или главковерха Крыленко?

По-моему, это дело можно упорядочить и привести в полную гармонию с нашим утилитарным временем и в соответствие с быстрыми переменами режимов.

Фигуру на памятнике поскоблить и пообтесать так, чтобы она сделалась не Марксовской, а хотя бы вроде «горничной за все», вроде того что в театре на сцене называется «нейтральным павильоном»: это может быть и кабинет

банкира, и приемная кокотки, и задняя комната таверны, где собираются убийцы — только переставляй кое-какую мебелишку.

Чтобы еще больше сделать безголовую фигуру нейтральной — окутать ее плащом с головы до пят... Это упростит вопрос и в отношении пола чествуемого лица... Таким образом сможет получить свое и прекрасный пол — от Екатерины Второй до Алисы Гессенской и Алисы Коллонтай...

И так стоит безголовая фигура в плаще на гранитном постаменте... На плечах торчит винт, на который можно за пять минут навинтить любую голову.

И не нужно также высеченных на граните букв, свидетельствующих об имени и заслугах чествуемого паренька.

Простота и удобство — вот наш девиз!

Пусть висит на фасаде памятника деревянная рамка с прорезом сбоку, в который и просовывается кусок картона с написанным именем и фамилией оригинала привинченной головы.

Такие дощечки, помню, выставлялись в шантанах и указывали они на порядок номеров на шантанной сцене.

Что ж, товарищи переплетчики... обижаться за сравнение нечего. Разве Россия сейчас не гигантский интернациональный шантан, где выскакивает один номер за другим... И каждый пляшет какой захочет танец.

Николай II, Чернов, Дыбенко, Троцкий. Сколько их? Куда их гонят?!

Удобство моего проекта «Постановки памятников» при таких условиях — несомненно:

— Отвинчивай голову Скобелеву! Гони на винт Ленина!

— Отвинчивай Ленина! Вали сюда анархиста Блейхмана. Винти до отказа, чтоб прочней сидела голова!

— Что? Чужой генерал входит в город? Отвинчивай этого анархистишку, подбери что-нибудь из иностранных голов! Скидывай табличку с фасада!..

* * *

О, Россия! Тебя «аршином не измерить»... По башке тебя нужно съездить аршином, чтоб ты, наконец, опомнилась!

РАЗГОВОРЫ ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО УЧЕБНИКА МАРГО

— О, добрая сударыня! Имеет ли дворник этого генерала папиросы?

— Дворник этого генерала имеет не папиросы, а пост главнокомандующего фронтом, но зато генерал продает на Невском папиросы.

— Скажите, мой дорогой друг, причем тут фронт? Разве мы воюем?

— О да, любезный господин. До заключения мира мы не воевали, а как заключили мир, то и стали воевать.

— Любите ли вы наше хорошее начальство?

— О да, я очень люблю наше хорошее начальство!

— Любите ли вы Ленина? Троцкого?

— О, несомненно! Я очень люблю и почитаю Ленина, Троцкого, Иоффе, Коллонтай и даже Дыбенко и Шнеура...

— Виноват, моя милая госпожа, но Дыбенко и Шнеур уже отстранены за злоупотребления!

— В таком случае, я не люблю нехороших Дыбенко и Шнеура!

— Стоите ли вы на советской платформе?

— О, несомненно, пока стою, но потом, скоро буду лежать, мой достойный господин.

— Хорошо ли вы отпраздновали годовщину большевиков?

— О да! Мы так шумно праздновали этот приятный день, что мой дорогой дядя даже переутомился и скончался от голодного тифа.

— Имеете ли вы наследство от вашего бедного дяди?

— Нет, наследство по декрету имеет государство, я же имела хлопоты и расходы на похороны.

— А вы лично — имеете ли вы хороший стол?

— О да, я имею хороший стол о шести красивых ножках.

— Имеете ли вы что-либо на этом столе?

— О да! Я имею на этом столе моего покойного дядю.

— Хорошо ли вы питаетесь?

— О да, исключительно надеждами и «завтраками», мой добрый господин, я питаюсь каждый день.

— Имеете ли хлеб, называемый по-французски «пэн»?

— Хлеба, называемого по-французски «пэн», я не имею, но один знакомый мешочник имел пулю в живот, называемый по-французски «вантр».

— Какое мясо вы имеете к своему столу?

— Млекопитающих из породы грызунов, мой добрый господин.

— Имеете ли вы на столе зелень?

— Имею, но не на столе, а на стене, ибо со стены текут очень изящные водопады.

— Я бы, в таком случае, советовал затопить печку.

— За отсутствием дров, мой дорогой советчик, я не могу затопить печку, но вода ее уже затопила.

— Имеете ли вы, дорогая сударыня, молоко?

— О нет, у меня никогда не было детей.

— Имеете ли вы, я спрашиваю, коровье молоко?

— Я не знаю, что это такое.

— Отчего бы вам не уехать из Петрограда?

— Не могу успеть, мой добрый друг. Однажды я собралась в Псков, но пока взяла выписку из домовой книги, засвидетельствовала, удостоверила у комиссара, выхлопотала разрешение в комиссии по разгрузке, затем в комитете по погрузке, сдала в районную управу продовольственные карточки и отправилась в билетную кассу — в это время Псков был взят немцами. Тогда я собралась в Батум. Но пока я взяла новую выписку из домовой книги, засвидетельствовала у домового уполномоченного, удостоверила у комиссара, выхлопотала разрешение в комитете по погрузке, потом в комиссии по разгрузке, в районной упра...

— Довольно, моя добрая сударыня. Я вас понял, не продолжайте. Имеете ли вы автомобиль?

— Я имела автомобиль и имела бензин, но теперь я только имею масляные пятна на платье, которые нечем вычистить.

— Имеете ли вы, о добрая сударыня, к вашему столу кекс?

— Как-с?

— Не как-с, а кекс? Имеете ли вы к вашему столу означенный сладкий кекс?

— Сладкого кекса я не имею, а послать тебя к черту за такие идиотские вопросы имею большое желание.

— Имеете ли вы холеру? Имеете ли вы голодный тиф?

— Пошел вон, гадина.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ

Не все же, господа, смеяться... Иногда можно поговорить и о чем-нибудь дельном...

Вот несколько полезных советов молодым хозяйкам, хозяевам и вообще молодым людям.

Приготовление обеда из соломенной шляпы

На первый взгляд — кажется непостижимым.

— Как это можно получить обед при помощи такого неудобоваримого продукта?

Возьмите старую соломенную шляпу и тщательно вымойте водой с мылом; высушите на легком огне; смажьте яичным белком, наденьте на голову и отправляйтесь к знакомым, стараясь выбрать обеденное время.

Полученный таким образом обед иногда бывает очень вкусен и питателен.

Как сделать яичницу из газетной бумаги?

Теперь, при современной разрухе хозяйка часто задумывается, из чего бы устроить сытное питательное блюдо.

Взять 3 номера газеты — лучше всего сегодняшней, когда краска не успела высохнуть — и положить на ночь в уксус. Утром газеты разрезывается на мелкие кусочки и посыпается перцем, кардамоном и лавровым листом. Высушить на легком огне. Взять десяток обыкновенных куриных яиц и, разбив оные, вылить на смазанную маслом сковородку. Приготовленную же вышеуказанным способом газету положить между дровами в печь.

Полученная таким способом яичница отличается приятным вкусом и сытностью.

Как получить за 2 рубля бутылку шампанского?

Все мы любим этот освежительный напиток, но где его достать и по какой цене — вот вопрос.

Однако есть возможность иметь шампанское за 2 рубля!

Сделать это нужно так: пойдите в первоклассный ресторан и, усевшись в укромном уголку, мигните лакею. Когда он подойдет, скажите ему с самым заговорщицким видом:

«А что, голубчик, нельзя ли получить чего-нибудь шипучего, в кувшине, этакий лимонад — знаете?». Лакей делает не менее таинственное лицо и через 5 минут перед вами будет стоять французское шампанское, перелитое в кувшин. Вы его выпиваете и требуете счет. «Извольте», — говорит лакей и дает вам счет — «лимонад 240 рублей». Вы вскакиваете, возмущенный: «С ума ты сошел?! За лимонад 240 рублей?!». «Помилуйте-с, — лепечет лакей, — вы просили в "кувшине"»... «Да, просил. Но почему же за один кувшин 240 рублей. У вас в прейскуранте сказано: лимонад бутылка 2 рубля! Значит, я выпил 120 бутылок? Значит, в кувшин вошло 6 ведер?! Караул, разбой!!». На крик сбегаются посетители, подходит хозяин. Вы начинаете кричать еще громче, тыча всем в лицо счет с лимонадом за 240 рублей: — Грабеж! Панама!

Испуганный скандалом хозяин извиняется, получает с вас 2 рубля, и вы уходите как можно поспешнее, с печатью благородного негодования на лице.

ПРЫЖОК МАТРОСА КОВАЛЬЧУКА

Прямо какой-то бес толкает меня под руку: напиши да напиши о севастопольском матросе Ковальчуке.

— Да зачем я буду писать о матросе Ковальчуке, — деликатно возражаю я бесу, — если этому делу уже минула двадцатилетняя давность, да и Ковальчука этого самого, наверное, и на свете нет. Будь еще какой-нибудь повод...

Смеется лукавый бес.

— Есть повод. И не один, а два. Первый повод: это некоторая аналогия событий — двадцать лет тому назад Россия принимала в Севастополе французов как своих верных любимых союзников, и теперь тоже Россия готовится к приему своих верных, прекрасных союзников!

— А ведь, пожалуй, и верно, — соглашаюсь я с бесом. — Вот прекрасный повод вытащить из двадцатилетней пыли, из мрака забвения — севастопольского матроса Ковальчука, поразившего в те времена очень многих, а меня — больше всех.

* * *

Лет двадцать тому назад, в самый разгар молодого франко-русского альянса, прибыл в Севастополь для закрепления дружбы французский стационер «Леврие». На его борту было до четырехсот бравых моряков, и вот когда эта веселая жизнерадостная компания сошла на берег, — Севастополь опьянел без вина... Только прекрасный юг может в таком бешеном темпе выражать свои симпатии и любовь. Русские и французы ходили и ездили по городу только обнявшись, причем на солидном члене городской управы красовалась кокетливая французская морская шапочка с помпоном, а французский моряк, прильнув в порыве дружбы к плечу члена управы, то и дело поправлял съезжавший ему на нос солидный котелок.

Находили где-то музыку и тут же на улице устраивали бешеные пляски, носили друг друга на руках, качали, произносили на невероятном франко-русском языке невероятные тосты, и все это было очень мило, потому что скрашивалось и освещалось горячим пышным южным солнцем и, главное, обоюдной искренностью.

Через три дня командир стационера давал у себя на судне ответный бал. Нотабли веселились среди офицеров и целого цветника дам, а русские матросы, затопив своими белыми, сверкающими блузами все уголки крейсера, тоже развлекались, как могли, перемешавшись с синими, ловкими, как обезьяны, хозяевами прекрасного судна.

Молодой лейтенант после целого ряда песен и плясок решил показать гостям какие-то особенные гимнастические упражнения, захлопал в ладоши, и тогда взгляды всех обратились на метра Дюшато.

Небольшого роста широкоплечий смуглый бретонец бесшумно, как пантера, выпрыгнул из среды товарищей и по знаку лейтенанта молнией взлетел по вантам на верхушку мачты.

Все, задрав головы, с напряженным вниманием следили за крохотным человечком, будто бы окунувшимся в синее глубокое небо...

Достигши верхушки мачты, метр Дюшато на секунду приостановился, потом схватился руками за боковые тросы,

шедшие вниз от верхушки мачты, и, держась так на одних руках, поднял свое сильное мускулистое тело ногами вверх. Голова его теменем стояла на самой верхушке мачты, а тело, красиво изгибаясь, описало правильный круг.

Взрыв аплодисментов был наградой искуснику за эту замысловатую штуку.

Русский мичман завистливо поглядел на спустившегося вниз бретонца и, усмехнувшись иронически, спросил стоявшего около него матроса Ковальчука:

— Можешь так, Ковальчук?

Ковальчук поднял серые огромные глаза, бестрепетно поглядел вверх, где иголочкой кончалась высоченная мачта, и ответил бестрепетно:

— Так точно, ваше благородие. Я еще лучше могу. Никто так не делает.

— Лучше?! А ну, покажи, Ковальчук. Не посрами, голубчик.

— Есть!!

Миг — и не рассуждающий храбрый Ковальчук, как кошка, вскарабкался, цепляясь привычными руками и ногами за выбленки, — на самую верхушку мачты. Первые его приемы на высоте напоминали немного приемы метра Дюшато, но конец был немного иной...

Ковальчук так же уставил свое темя на конец мачты, так же, держась руками за канаты, поднял ноги кверху, но... вдруг руки его разжались, он их выпрямил горизонтально и — в следующий затем момент камнем полетел вниз...

Раздался единодушный крик ужаса и скорби, но... велик Бог полупьяных людей! В своем полете Ковальчук, черт его знает каким чудесным маневром, успел схватиться рукой за веревочную петлю на второй рее, свесился вниз, как червяк на древесной ветке, и, повернув свое испуганное, еще полное смертельной тоски и ужаса лицо к зрителям, закричал торжествующе, хотя и дрожащим голосом, адресуясь к метру Дюшато:

— А так ты можешь, сволочь?!

Этой наглой фразы на краю гибели я никогда не забуду — она и сейчас звучит у меня в ушах.

Ковальчук оказался прав в одном, — так, как сделал он, — больше уж никто не смог сделать. Это удается раз в жизни, одному из миллиона.

Теперь я сижу за письменным столом и думаю: был ли Ковальчук замечательным русским человеком? Нет, он был обыкновенным русским человеком.

И поэтому случай с Ковальчуком так типичен...

И если приложить Ковальчука к современной мерке, то ведь в Ковальчуке заключался в потенции весь русский большевизм!

Подумайте только: искусные иностранцы долгой, планомерной тренировкой не могли добиться и десятой доли того, что простой полуграмотный Ковальчук сделал с маху: взлетел на верхушку мачты, стал на голову, заболтал руками... и вот он уже турманом летит книзу, со всем своим социализмом, а иностранцы, задрав головы, полные ужаса и изумления, взирают на это чудо российское.

Повис русский Ковальчук на неизмеримой высоте, чувствует, что сейчас конец ему, на лице холодный смертельный пот, а в это же самое время полупьяные, искривленные судорогой уста кричат гордо, с вызовом:

— А так ты можешь, сволочь?

Нет. **Так** иностранцы не могут. Где уж там.

Это — русское.

ОТ ИЛЬИ МУРОМЦА ДО ПОРУЧИКА ПИРОГОВА

Ничего не может быть ужаснее человека, получившего впервые в жизни оплеуху...

Он мечется по комнате, как раненый тигр, хватается за револьвер, стонет и только между двумя выходами колеблется он: застрелиться ли от невыносимого позора самому или убить обидчика?

Но представьте себе, что почему-нибудь он и сам не застрелился, и обидчика не убил. То есть он собирался и то, и другое, но не успел этого сделать, как в комнату, где он метался, вошел другой человек и дал ему оплеуху номер второй.

И-и, что тут пошло! Невероятное возмущение, угрозы, крики: «Это безобразие, это гнусность! Этак всякий будет приходить да наделять оплеухами — что же оно тогда

получится?! То один бьет, то другой! Нет, я, милостивый государь, этого дела так не оставлю!».

Вообще страшный шум поднял обиженный.

Но вы замечаете, как странно: уже ни убийством, ни самоубийством и не пахнет, уже доносится довольно густой аромат мирового суда, где обидчика штрафуют за оскорбление действием на 25 рублей и садят под арест на трое суток.

А представьте на одну минуту — ну, на одну минуточку! — что вам стоит! представьте, что во время этих криков возмущения и упреков вошел третий человек и со всего размаху закатил обиженному третью оплеуху...

— Э, — сердито скажет обиженный, — да это уже подлинное избиение!.. Разве так можно? И почему это всякий норовит в личность въехать? Будто ему нет для этого дела затылка. Нехорошо, молодые люди. Непохвально-с.

А когда в комнату поочередно войдет четвертый, пятый, шестой человек и каждый отвесит обиженному по новой оплеухе, то сделает обиженный скучающее лицо и скажет саркастически:

— И эти туда же... Гм!.. Что они такое привлекательное, притягивающее нашли в моей личности?..

Ярмарочный турок, которого бьют молотом по голове, первое время, вероятно, тоже обижался.

* * *

У всех еще должно быть в памяти жуткое воспоминание, когда немцами была взята Варшава. Боже, как горело на всероссийском лице это оскорбление! Хотелось отомстить, раздавить, уничтожить обидчиков или завыть от горя, обиды и тоски. Да многие и плакали. Простыми человеческими русскими слезами. Другие бешено метались:

— О-о, подлецы! Камня на камне за это не оставим.

Прошло некоторое время, и немцы отняли Ригу.

— Ну, это уже безобразие, — проворчали огорченные русские. — Этак всякий будет города забирать. Нет, этого так оставить нельзя. Мы их в мировой суд потащим! Пусть им покажут союзники, как города отхватывать...

И вот уже Псков... Немцы в исконном русском городе Пскове. Пожалуй, самая сильная, самая звонкая пощечина.

— А, однако же, немцы здорово дерутся, — бормочет, поеживаясь, русский патриот. — Нехорошо, молодой человек.

А там румыны оттяпали Бессарабию. («Вишь ты! И эти дерутся. Туда же, за немцами! Хи-хи...»). А там и японцы оккупировали Владивосток. («А, макаки! И вы туда же! Как говорится, и рак с клешней, хо-хо!»).

От частого битья щека одеревенела. На ней орехи можно колоть — обладатель щеки даже не поморщится.

Скучно только очень.

Надоело.

* * *

Душа моя, сердце мое обливаются кровавыми слезами, когда я думаю о моем бедном народе, но с кем я теперь сравню тебя, русский народ, тебя, бывшего титана, бывшего витязя, бывшего Илью Муромца?

Единственный для тебя прообраз в природе — гоголевский поручик Пирогов.

От Ильи Муромца до поручика Пирогова — только мы, русские, можем так далеко скакать.

Давайте хоть этим гордиться, коли другим нечем...

Ах, Пирогов, Пирогов!

* * *

«...Я — немец, а не русская свинья! Не так ли, друг мой Гофман? Бери его, друг мой Гофман, за воротник!! Прочь с него всё, друг мой Гофман! Держи его за руки и ноги, камрад мой Кунц!».

И немцы (грустно повествует Гоголь) схватили за руки и ноги Пирогова.

Напрасно силится он отбиваться. Эти ремесленники были самый дюжий народ и поступили с ним так грубо и невежливо, что, признаюсь, я никак не нахожу слов к изображению этого печального события.

Ничто не могло сравниться с гневом и негодованием Пирогова. Одна мысль о таком ужасном оскорблении приводила его в бешенство. Он летел домой, чтобы, одевшись, оттуда идти прямо к генералу, описать ему самыми разительными красками буйство немецких ремесленников. Он

разом хотел подать и письменную просьбу в главный штаб. Если же назначение наказания будет неудовлетворительно, тогда идти дальше и дальше.

Но все это как-то странно кончилось: по дороге он зашел в кондитерскую, съел два слоеных пирожка, прочитал кое-что из «Северной пчелы» и вышел уже не в столь гневном положении.

А вечером попал на одно общественное собрание; с удовольствием провел вечер и даже отличился в мазурке».

* * *

Ну, разве это не Россия? Высеченная, слопала два слоеных пирожка в виде социализма и диктатуры пролетариата и пошла танцевать на пролетарский вечер, которых, кстати сказать, в Петрограде развелось видимо-невидимо.

Съели мы пару слоеных пирожков, протанцевали на пролетарском балу очень мило «кохано ку», а обломки прутьев из спины... это уже будем таскать завтра...

МЕРТВЕЦ-САБОТАЖНИК

Умирал недавно один богатый старичок — мой приятель.

Получил я от него такую записку, написанную неверной рукой:

«Кажись, подыхаю. Докторишки уверяют, что не выживу. Приходите проститься со старым греховодником. Я, признаться, всегда любил вас, непутевого».

Я оделся во все черное, скроил перед зеркалом необходимое для этого случая выражение лица и поехал.

В передней богатого стариковского дома меня будто обухом по голове ударили: не было еще 12 часов дня, а из внутренних покоев доносились звуки развеселой музыки из «Орфея в аду».

— Неужто выздоровел? — охнул я, сбрасывая чинному лакею пальто на руки.

— Какое! Нынче к обеду помереть должны.

— Да что же это за бал такой?

— Не могу знать. Приказали. Пожалуйте в красную гостиную. Они там.

Это было незабываемое зрелище... Посреди большой гостиной стояла оттоманка, на которой раскинулся исхудалый, посиневший умирающий, в углу, у рояля, приютился большой румынский оркестр, а вокруг оттоманки живописным цветником раскинулись десятка два дам в вычурных туалетах, все как на подбор красивые, все как на подбор лучшие представительницы столичного демимонда.

А сбоку оттоманки стоял накрытый стол, сплошь уставленный запыленными бутылками, фруктами и яствами...

— А-а... — оживился умирающий. — Рад видеть вас, дорогуша... Meed mes! Я на себя взял смелость... Позвольте представить моего молодого друга... Хочешь вина? Мальвазия — пятьсот монет за бутылочку недавно плачено. Садись... А я, видите ли, умираю. Сейчас будет петь тенор, хороший, собака, — пять тысяч содрал с меня за эту экстравагацию. Да не жаль! И десять отдал бы. Потом бывший императорский кордебалет станцует. Вообще, тут у нас совсем недурно. А потом эту самую красавицу Кло-Кло в шампанском купать будем. Уже сто двадцать бутылок в ванну вкатили... Гуляй, душа! Капитон!

— Что прикажете?

— Это простеночное трюмо у нас продано?

— Все продано, кроме трюмо. Маклаки размера очень опасаются, а также цены. Двадцать тысяч пугают.

— Ну нет, — захохотал умирающий, — этого я не допущу...

И, схватив бутылку с мадерой, — запустил в зеркало.

— Ловко! Совсем звезда получилась. Капитон! А что, клетку со львом привезли?

— Так точно.

— Распрекрасно. Это, видите ли, у меня такая идея явилась: скормить моего гнедого Принца льву. Хотел продать, но никто больше десятка тысяч не дает. Не хочу обидеть Принца мизерными деньжишками. Пусть лучше царь зверей его ест.

Я пожал плечами и наклонился к уху старикашки.

— Ну, к чему вы это? Зачем вам все это понадобилось?

Он приподнялся на локте и прохрипел:

— Зачем? Очень просто: совдепов не люблю.

— ?!?!

— Не понимаете? Вышел декрет, что после смерти русского гражданина все имущество его переходит в советскую республику, а опекуном будет совдеп. А я не хочу совдепа! Вот поэтому все и устроил. Ни копеечки им не достанется!

— Но ведь у вас же миллионное состояние...

— Будьте покойны: распорядился. Всего несколько сот рублей и останется. Эти кроткие девушки обеспечены, Капитон, Илья, Никанор и Яков — обеспечены, обстановка продана, деньги получены, растрачены, гробовщику и бюро уплачено вперед, даже попам авансы розданы! Пусть теперь совдеп получает. Нет, я этого дела так не оставлю! Музыка! «Сильву»! Тенор, можешь «Сильву» изобразить? Не хочешь? Десять тысяч за это хочешь? То-то и оно. Пой, брат, пока поется! Ванна готова? Кло-Кло, раздевайся! Капитон! Вскрой еще дюжину мальвазии! Сирийских танцовщиц сюда! Рабы, разносите фиалы! Капитан, дурак! Говорил я тебе, что роз на 25 тысяч не хватит на весь пол! Это тебе не совдеп. Я им покажу декрет о праве наследования................

Когда я уходил, он потянулся к моему уху и прошептал холодеющими устами:

— Друг! Сердце мое! Выручи меня... Попал я в дурацкое положение, а ты можешь легко помочь мне.

— А что такое?

— Да засунул сейчас нечаянно руку под подушку — глядь — а там пачка. Пятьдесят тысяч. И как я о ней забыл — ума не приложу... Бери!

— Ну, что вы... Мне не надо.

— Не обижай умирающего... Это моя предсмертная воля!! Только бери незаметно, а то потом отберут. Читал декрет о дарении? Я этим совде... Прощай!

Он откинулся на подушку, вытянулся и затих...

Оркестр играл «Осеннюю песню»... Красные розы умирали на полу... В углу, в клетке, лев доедал жеребца...

Тихо плескалось шампанское в ванне...

Я сунул в карман пачку тысячерублевок и, поцеловав покойника в лоб, — неслышно вышел.

От цветов или от вина, или от того и другого, но на улице у меня закружилась голова. Сердце остановилось и в глазах потемнело.

Мелькнула мысль:

— Неужели умираю?

И другая мысль:

— Умираю, а у меня пятьдесят тысяч наличными... Допустимо ли это?

Я поднял палку и ударил по зеркальному стеклу магазина.

Выскочили приказчики.

— Сколько?

— Помилуйте, по десяти тысяч стекло!

— Так я еще два разобью. Получите.

Побрел тоскливо с двадцатью тысячами... Встретил генерала, продающего газеты. Купил у него на десять тысяч «Чертову перечницу».

Зашел в парфюмерный магазин.

— Сколько за этот большой флакон герленовских духов?

— Тысячу.

— Десять штук! Раскупорьте и облейте меня! Желаю благоухать. Если я буду покойником, то покойником благоухающим. Единственный случай в природе.

К счастью, я не умер. Легкое головокружение, которое скоро прошло.

Жаль, зря деньги потратил.

Благоухаю до сих пор.

САЛАТ ИЗ БУЛАВОК

Жизнь и логика

По логике — я уже давно мертвый человек... А жизнь являет мне другое: раз я хожу, езжу, разговариваю, даже устраиваю собственные вечера — какой же я, к черту, мертвый?!

Вот так-то вот жизнь не всегда совпадает с логикой.

Вот в чем дело.

Позвольте представиться:

— Третья категория, очень приятно, садитесь.

Позвольте и объяснить: у нас в Петрограде третья категория — это все равно, что в похоронных бюро третий разряд — смерть, но смерть, растянутая на известный срок... Скажем так: лицо первой категории может протянуть три месяца (½ ф. хлеба на два дня, пять селедок), лицо второй

категории — месяц (¼ ф. хлеба на три дня, две селедки), лицо третьей категории — неделю (шесть лотов хлеба на 18 дней, вместо селедок — реквизиция мебели) и, наконец, лицо четвертой категории не имеет права протянуть и дня: его поспешно прислоняют к стенке — вероятно, потому, что от слабости бедняга стоять не может.

Итак, я попал в третью категорию — (шарманщики, профессора, конокрады и писатели)... Мне на 18 дней отпустили по карточке шесть лотов хлеба, а чтоб я не ел мяса, то его тоже взяли на учет для надобностей первейшей категории, а чтобы я не ел картофеля, его просто реквизировали, а чтобы я не ел контрабандного хлеба — целому ряду мешочников всадили по пуле в живот.

Видите, сколько хлопот, и все только для того, чтобы я не прожил на свете больше положенной мне недели...

Но я человек увертливый — я мог бы питаться шоколадом, сгущенным молоком и девичьей кожей из аптекарского магазина: однако, советская власть оказалась еще более проворной: она под самым моим носом реквизировала и шоколад, и молоко, и кожу, а заодно уж и мануфактуру, чтоб я, упаси Боже, не сварил себе суп из лино-батиста или не состряпал вельветовых котлет.

Шесть лотов хлеба на 18 дней и ничего другого да ведь это смерть для меня, большого, здорового человека, весящего пять пудов с излишком, верная смерть!

А я жив. Где же логика?

Впрочем, дело объясняется очень просто: мы с советским правительством оказались достойными друг друга... Оно поступило со мной по-разбойничьи, а я с ним — по-мошеннически: оно решило уморить меня голодом, а я сначала поддерживал свою жизнь ужиленными у коммуны старинными макаронами, а доев все до крошечки — убежал.

Вот тебе и мертвый человек.

Аккуратные люди

К моему петроградскому приятелю пришли двое. Активные советские деятели.

— У вас хорошая обстановочка...

— Да, — неохотно промямлил он. — На собственные трудовые покупал.

— Прямо приятная обстановка!

— Для семьи старался, — уклончиво ответил приятель.

— Поди, не дешево стоит.

— По грошам подкапливал...

— Ну что, товарищ... — обратился один к другому. — Социализнем ее?

Другой возмутился:

— Как это вы, товарищ, еще не научились правильной терминологии... Какой же дурак говорит: социализировать обстановку? Обстановку можно только национализировать...

— Здравствуйте, я ваша тетя! Он собирается «национализировать квартирную обстановку». Какой же это осел может санкционировать «национализацию обстановки»?!!! Причем тут национализация?!! Тогда уж лучше просто реквизируем.

— «Просто». Это он называет «просто»! Да вы знаете, что такое реквизиция? Ведь за реквизируемые предметы полагается оплата их стоимости, а вы...

— Да, это не то... — задумчиво согласился первый. И добавил нерешительно: — Тогда не будет ли более уместным термином: конфискация...

Мой приятель переступил с ноги на ногу и робко сказал:

— Товарищи! Если вы уж решили мою обстановку того... то, ей-Богу, не все ли равно: социализируете ли вы ее, национализируете или ампошируете... Что касается меня, то раз берете, совершенно безразлично, под каким соусом... Цыпленок совершенно равнодушен к тому, на каком масле его жарят. Только дурак-карась требует в этом случае сметану!

И оба социалиста возмущенно закричали:

— Смотрите-ка! Этот буржуй сваливает в одну кучу все завоевания революции: национализацию, реквизицию и социализацию! Каким нужно быть аполитичным человеком, чтобы сказать это. Нет, голубчик! Мы хотим, чтобы все правильно было.

И так как у одного из поваров что-то блеснуло в руке, то цыпленок поспешил заявить, что его мнение такое, чтобы его зажарили на кунжутном масле: не национализировали, а «конфисковали» обстановку.

Это всех устроило.

Лавры

В Петрограде легально ничего нельзя достать: ни хлеба, ни масла, ни сахару — все из-под полы, все по знакомству, все через большие связи:

— Послушайте, Курицын! Я вас очень люблю и теперь решил доказать это: через четыре дня позвоните по номеру 73–16 и вызовите из 11 номера Аглаю Шишкину. У нее есть дядя, который на днях привозит из Пскова три фунта сахару. Я ей говорил о вас. Она вам за керенку уступит полфунтика.

Начинаются бешеные поцелуи. Льются слезы благодарности.

И вот что я сделал на этой благодарной почве (иногда так хочется повеселиться).

Прихожу к другу моему Зайченко и говорю:

— Гриша! У дяди одного моего знакомого есть лавровый лист. Хочешь, устрою по знакомству два фунтика по 60 рублей?

Ни ему, ни мне, никакому вообще черту в Петрограде сейчас не нужен лавровый лист — с чем его есть?

Но Гришины глаза увлажнились. Он долго целовал меня.

— Друг! Вот деньги. Только чтобы завтра, не позднее. А то вдруг перехватят! Из-под носу вырвут!

У бедняги была такая психология: лавровый лист... Неизвестно даже, как и с чем его едят? Но это все-таки товар, все-таки какое-то съедобное имущество, а деньги, а керенки — кому они теперь нужны?..

Я взял деньги, зашел к Елисееву (он теперь только лавровым листом и торгует), купил два фунта этого продукта и отвез Грише.

Радости всей семьи не было пределов!

* * *

Этой ночью мы оба плакали в наших холодных постелях. Я — потому что в это страшное жуткое время вздумал так глупо подшутить над приятелем.

Он же плакал потому, что не купил четыре фунта...

Вот так мы и жили.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Приходило ли кому-нибудь в голову, что, в сущности говоря, мы с большевиками никогда и не разговаривали, как следует...

Не правда ли: ведь никто никогда не вел ни с одним из них задушевного разговора о текущем моменте, о большевистских задачах, о достижениях и о результатах достигнутого.

В сущности говоря — разве мы, небольшевики, знаем большевиков? Сложилось у нас очень прочное, но тривиальное убеждение, что большевики наполовину жулики и разбойники, наполовину жалкие, обманутые жуликами дураки — мы на этом и успокоились.

А поговорить по душам, объясниться, как следует, — этого не случалось.

Причина этому ясная: если большевик и сходился с обыкновенным русским человеком, то весь разговор сводился к тому, что или большевик перерезывал обыкновенному русскому человеку горло или обыкновенный русский человек всаживал пулю в живот большевику...

В таких хлопотах до разговора ли, до задушевной ли тихой беседы у камина?

Мне тоже не случалось разговаривать с большевиками, как следует... Потому что, пока я был в их лапах — всякий разговор мог бы окончиться «стенкой», а в мои лапы ни один большевик еще не попадал.

У меня на языке давно уже вертится просьба, которую я хотел бы обратить к казачьему или добровольческому офицеру:

— Дорогие друзья! В наши руки во время боев попадает много большевиков... Ну что вам стоит выбрать из всей массы одного поумнее, с лицом более или менее осмысленным, закатать его в ковер, чтобы не испортился в дороге, да и прислать его мне для «задушевного разговора».

А то ведь так и всю жизнь могу прожить, не потолковав с большевиком, как следует.

Получил бы я, значит, посылочку, раскатал ее, вынул бы большевика, успокоил бы его и, усадив в удобное кресло, приступил бы к ясному толковому разговору без экивоков и недомолвок:

— Большевик будете?
— Большевик.
— Так, так. Дело хорошее. И давно, скажите?
— Да уж с год будет.
— А раньше: этим делом занимались или чем другим?
— Слесарем был.
— Теперь слесарное ремесло, конечно, бросили?
— А зачем мне? Я комиссар.
— Очень приятно. Теперь скажите мне: в большевики пошли вы — в силу убеждения или так — сытной жизни захотелось?
— Ясно: в силу убеждения! Раз большевики дают мир, хлеб и счастье трудящимся массам...
— Виноват, неужели дают?.. Только, будьте любезны... У вас почему-то бегают глаза... Вообще, я заметил, как только большевик начинает говорить о счастье трудящихся масс — у него глаза не смотрят на собеседника. Поэтому я попрошу вас: смотрите на меня в упор и повторите ваши слова. И, ради Бога, не надо шарить рукой в кармане брюк — револьвер я вынул раньше. Ну, говорите — что большевики дают трудящимся?
— Этого... как его...
Глаза его тоскливо, с укором глядели бы на меня: за что, мол, мучаешь?!
— Этого... Хлеб они дают трудящимся... Опять же мир... Опять же... еще кой-чего...
— Именно? Еще раз повторяю: не шныряйте глазами по сторонам! Что они еще дают?
— Вообще, свободу...
— Прекрасно-с. Теперь начнем рассуждать по-настоящему. Вот вы говорите: трудящиеся массы. Я согласен с вами, что массы. Но трудящиеся ли они? Где они трудятся?
— На этих самых... Такие, еще с трубами бывают... На фабриках! На заводах!!
— Но ведь у вас заводы и фабрики почти все закрылись.
— Что ж, что закрылись! Зато мы содержим безработных. В одной Москве до ста тысяч безработных получают каждый день обед и 8 рублей деньгами.
— Отчего же вы им не дадите работы? Ведь существуют общественные работы...

— Не хотят, черти! Лодырничают. Моя бы власть, да я бы их...

— Как это у вас странно: то трудящиеся массы, то черти и лодыри... Значит, вы согласны с тем, что большевизм расплодил среди рабочих лентяев и лодырей?

— Отпустите, господин... Что вы, ей-Богу, пристали?

— Еще немножко... Вот вы говорили, что большевики обещали «трудящимся массам» хлеб... Сытно, значит, живут в Петрограде и Москве рабочие люди? Сидите! Все равно дверь заперта на ключ, а окно слишком высоко!.. Видите ли... Вот я смотрю вам в глаза — мои глаза не бегают, как ваши, — смотрю и заявляю, что в Петрограде и Москве каждый день десятки смертей от голода... Слышите? Это факт! Дети мрут, как мухи. Не ерзайте, а то я вас свяжу. Значит — обещание хлеба — обман. Перейдем к миру... Вы обещали трудящимся мир... Дали вы этот мир? Во время «империалистической» войны был один фронт, а теперь десять. Мир это или нет? Исполнено обещание? Не кусайте мою руку — это не возражение. Теперь вот... маленький вопросик насчет смертной казни. Когда Корнилов ввел для изменников и шпионов на фронте смертную казнь — вы на стену полезли, доказывая, что смертная казнь, что лишение жизни человека — подлость и преступление... Отменили ли вы теперь, будучи у власти, смертную казнь?.. Да смотрите же мне в глаза, черт вас возьми!..

— Да что вы ко мне пристали — смотри да смотри! Да я, может быть, и разговаривать с тобой не хочу.

— Почему же? — ласково улыбнусь я. — А вы мне докажите превосходство и преимущество вашей партии перед другими... Я тогда, может быть, сам пойду в большевики.

Поморщив лоб, он будет думать долго-долго...

И прохрипит неуверенно:

— А у нас зато социализма много.

— Это верно. Социализма хоть отбавляй. Но скажите мне, мой теплый, нежный друг: при социализме жизнь сделалась лучше, чем без социализма? Чего ж вы молчите? Да не шарьте вы зря за пазухой: нож я тоже вынул. И потом это ведь не доказательство.

Я схвачу его за руки и, хотя он будет извиваться и корчиться, прокричу ему в лицо ясно и раздельно:

— Большевизм возвышен и прекрасен?!! Почему же народ с остолбенелыми от ужаса лицами разбегается из Великороссии куда попало: на Дон, на Украину, на Кубань? У вас коммуна? Почему же она превратилась в пустыню, в которой только и слышен ваш звериный вой да белеют кости замученных русских людей? У вас социализм? Но почему фабрики и заводы не работают, а у вас на шее сидят сотни тысяч обленившихся оголтелых сутенеров от труда, которых вы должны поить и кормить? У вас мир? Почему же вы всю страну превратили в военный лагерь? У вас свобода мнений? Почему тогда вы закрыли все другие газеты, кроме ваших, чего не мог себе позволить даже Николай? Не дергайся ты, собака! Я хочу с тобой поговорить до конца. Ты бы мог сказать мне, что все это делается во имя рабочих, но где они сейчас? Часть в паническом ужасе разбежалась, часть уничтожена крестьянами во время этих диких экспедиций за хлебом, часть тихо умирает с голоду, а та часть, которая еще может подать голос и подает его против вас, — арестовывается и расстреливается вами как контрреволюционеры. Во имя чего же вы сейчас вскарабкались на загорбок России и, прикусив артерию, пьете теплую русскую кровь? Ну, отвечай же мне, отвечай — не молчи только! Может быть, я не прав, может быть, я в чем-нибудь ошибаюсь, чего-нибудь недооцениваю — разубеди меня, опровергни же меня, голубчик, мой прекрасный загадочный бог, мерзкая молчащая собака с фальшивыми озирающимися глазами?!! Хочешь, я тебе руку поцелую, если ты мне докажешь, что в том, что вы делаете, — есть смысл и логика? Молчишь, будь ты проклят?!!

И я буду трясти его за шиворот, толкать в бок, становиться перед ним на колени, а он будет угрюмо шнырять глазами по стенам и — молчать, молчать, молчать...

Ну, что ж... Все-таки, мне немного легче... Вс-таки, поговорил по душам. Выговорился.

* * *

Может быть, читательская бровь недоумевающее поползет кверху:

— К чему такая горячность, к чему такая трата темперамента перед холодным молчаливым чучелом?

Так поймите же, что я с этим чудовищем прожил бок о бок, как муж с ненавистной женой, целый год — надо же когда-нибудь договориться до конца.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

С неизвестным вам Черпаковым я встречаюсь редко — в год раза два.

И разговоры самые стереотипные, шаблонные.

— Здравствуйте. Как поживаете?

— Мое почтение. Ничего себе.

Я задумчиво смотрю на пуговицу его жилета. Что бы такое еще спросить?

— Ваши здоровы?

— Ничего, спасибо.

— На даче зазимовали?

— Нет, в городе устроился.

* * *

Недавно в Петрограде встретил Черпакова. Более странного разговора мне в жизни не приходилось вести.

— А, здравствуйте. Как поживаете?

— Грустно.

Я задумчиво смотрю на пуговицу его жилета. Что бы еще спросить?

— Семья здорова?

— Откуда же мне знать?

— Значит, на даче на зиму остались?

— На чем?

— На этой, знаете... Еще такие деревянные бывают.

— Деревянные? Гробы, что ли?

Разговор решительно не вязался.

Поднатужился, спросил:

— Вы где живете?

— В гостинице.

— А семья где?

На этот стереотипный вопрос он раньше и отвечал так же стереотипно: «На даче» или «Еще в городе». Теперь же он поглядел на меня свинцовым взором и мрачно спросил:

— У вас есть время?

— То есть?

— Вот вы спросили, где моя семья. Очевидно, вас интересует ответ. Ну, так вот: вы никуда не спешите?

— Мм... Сравнительно нет.

— Ну, так садитесь и слушайте. Когда в Петрограде начались июльские беспорядки, я увез семью подальше, на юг, в благословенный Киев. Но началась разруха, беспорядки, стрельба и в Киеве. Встревожилась семья! Тогда я решил так: поеду со старшим сыном в Москву, понюхаем там, посмотрим и, если будет удобно, то перевезем и всю семью. Вы следите?

Однако не успели мы с сыном приехать в Москву, как грянули октябрьские беспорядки. Я телеграфировал семье, чтобы ехала в Ростов, но вышло так, что сами мы не достали мест на ростовский поезд. Решили ехать до Севастополя, а там или перебираться в Ростов, или выписать семью в Севастополь. На Синельникове сына за хранение револьвера арестовали, но он успел скрыться и бежал в Псков. Вы следите?

— Очень.

— То есть он даже не сам попал в Псков, а его завез какой-то сумасшедший блуждающий поезд со снарядами.

В это время семья, не получая от меня известий (телеграмма о Ростове пропала), решила ехать в Одессу, так как по общим отзывам там было совсем тихо. В Киеве оставили только больную тетку и двинулись все, кто остались: жена, ее брат и двое младшеньких... Петю — жена потеряла в Жмеринке, когда солдаты выкинули их всех из вагона, а Катеньку толпа в Пятихатке вынесла вместе со сломанной дверью на перрон, потом унесла на другую сторону станции, а теперь есть слухи, что ее усыновил помощник начальника станции... Теперь кто у нас остается?

— Жена и брат.

— Превосходно. Доехали они до Одессы как раз в тот самый момент, когда там начались беспорядки. Легко раненный брат исчез в какой-то больнице, а испуганная жена выехала в Кишинев, надеясь, что там-то уж все спокойно. Что же касается брата... Что это вы на часы смотрите? Спешите?

— Мм... Нет. Хотя, признаться...

— Постойте, теперь уже немного... Так как брат еще хворал после раны, а в Одессе стрельба не прекращалась, ему посоветовали пробраться в Кисловодск. Сухим путем нельзя было ехать — поездов не было — он и решил мокрым. Бродячий миноносец взялся за тысячу рублей подвезти его куда следует, но потом перерешили и высадили его в Батуме. Затем... Опять вы на часы смотрите?

— Виноват, но какой же результат?..

— А результат такой: была русская семья и жила она вся, целиком, в России. А теперь: тетка в... Украине, брат в Турции, старший сын в Германии, жена в Румынии, а сам я, как дурак, болтаюсь в какой-то коммуне, которая, судя по нравам и обычаям, примыкает к Новой Каледонии, куда ссылают каторжников. Что же касается двух младшеньких, так теперь и не разберешь — где они? Не то в Австрии, не то в Украине.

И, пожимая мне руку на прощание, он пробормотал с ядовитым сарказмом:

— А вы спрашиваете, на даче осталась семья или в городе... Теперь, при углублении, это не так просто...

ЗАПИСКИ ГОДОВАЛОГО РЕБЕНКА

От автора

Недавно мне пришлось с большим трудом и затратами достать редкий манускрипт записок годовалого ребенка Мити Социалова, родившегося в Петрограде 25 октября 1917 года, т.е. немного больше года тому назад...

Может быть, кто-нибудь бестактно усомнится: как это, дескать, годовалый ребенок — и вдруг пишет записки? Не может быть этого.

В нормальном правовом государстве — пожалуй. Это бы и казалось диким.

Но темп жизни в Петрограде очень быстрый. Лихорадочный. Идет война. А, как известно, на войне месяц считается за год. Значит, нашему Мите уже можно считать не 12 месяцев, а 12 лет. А так как война идет на два

фронта (с внешним и внутренним врагом), то эти 12 лет увеличиваются вдвое.

Таким образом: неужели двадцатичетырехлетний оболтус не может вести собственноручных записок?

Он и вел их. Правда, характер и тон этих записок несколько своеобразный, более того — странный и местами даже непонятный, но это объясняется опять-таки своеобразностью туземной жизни и необычностью условий туземного существования.

Вот эти записки:

* * *

С мамой делается что-то ненормальное: понесла форменную дичь. Взяла меня к себе на колени и начала рассказывать, что раньше был какой-то белый хлеб и она его как будто даже ела.

— Как же так может хлеб быть белый, — удивился я. — Выкрасили его известкой, что ли?

— Нет, Митя, просто белый. Не крашенный.

— А какого же цвета там щепочки и песок, которые внутри?

— Да, видишь ли... Там не было ни щепочек, ни песку...

— Тогда это, может быть, не хлеб? Не путаешь ли ты, старая?

Молчит. Только гладит меня по голове да плачет.

* * *

Вчера на именины получил игрушки: деревянного контрреволюционера на виселице, две игрушечных ручных бомбы и книжку «Жизнеописание первого социалиста Стеньки Разина», издание Пролеткульта...

Играл до вечера... Сначала восемь раз повесил контрреволюционера, потом бросил под сестренку бомбу.

От сестренки отлетела рука и лопнул глаз.

Гости много смялись.

* * *

Сегодня ходили с папой освобождать для нас квартиру, которую занимал какой-то саботажник.

Это делается так: берется «Маузер» и из него стреляется в хозяина. Квартира делается сразу свободная, только нужно вымыть пол.

Обстановка остается та же.

* * *

Мама опять рассказывала мне разные гадости.

— Я, говорит, когда была молодая, ела бычачье мясо!

Меня прямо затошнило:

— Да ведь противно!

— Нет, говорит. Котлеты даже очень вкусные.

— Брр! Как же можно кошку променять на быка?

Разоврется старуха — прямо удержу нет.

* * *

Сегодня истратил вторую бомбу под сестренку.

Мама почему-то плакала, а папа ходит такой веселый:

— Бойкий, говорит, у меня сын будет. — Настоящий большевик. Весь в меня.

Завтра похороны.

* * *

По случаю годовщины основания социал-емократической партии у нас праздничный обед. Мама постаралась: на первое суп из матрацной набивки, на второе — крысы в мокричном соусе. На сладкое ели дедушку, у которого сахарная болезнь.

После обеда отец долго рассказывал о преимуществе социалистического строя и потом довольно ловко подстрелил из оконной форточки прохожего буржуя.

Содрали енотовую шубу для мамы.

* * *

Видел на старой вывеске какую-то странную букву.

Папа говорит: это — ять.

Не знаю. Первый раз в жизни увидел этакое.

Как смешно жили в старину.

* * *

Заметил совершенно определенно, что мама любит приврать:

— В мое время, говорит, печки топили дровами.

— Какими еще дровами?

— А вот, говорит, в лесу рубили деревья, распиливали на куски и топили.

— А рояли как же? Разве роялями не топили?

— Нет, говорит. Это только теперь.

Если мама не врет, то странно и хлопотливо жили люди в старину: ведь рояль под боком, а за дровами нужно ехать куда-то к черту на кулички.

* * *

Сегодня папа стрелял в меня из нагана за то, что я объел с оконных стекол замазку.

Не попал, старый. Руки уже трясутся.

— Все равно, говорит, — ночью прирежу.

Вопрос еще — кто кого.

* * *

Прекратили электричество. Сделалось темно, а папа читал какое-то социалистическое издание. Он рассердился и послал меня поджечь дом на противоположной стороне улицы.

Было светло и весело. Бревном случайно придавило нашего преподавателя марксизма в пролеткультской школе. Завтра не пойду на занятия.

* * *

Сегодня латыши по ошибке расстреляли папу.

Кругом все смеялись, но я заметил, что мама не совсем довольна.

— Отчего, говорит, год тому назад этой ошибки не сделали?! Тогда бы мой первый муж был жив.

Странная она. Никакого социализма — всё старина да старина!

* * *

Семья наша постепенно уменьшается. Вчера захожу к маме, а она висит.

Что же мне делать, сиротинушке?! Снял с нее ботинки — совсем еще крепкие, треснул чугунным бюстом Карла Маркса по голове тетку — чтобы не ревела на весь дом — и ушел, куда глаза глядят.

Пойду на юг.

* * *

Итак, я в Ростове.

Какой-то дикий город: а улице ни одной дохлой лошади, едят вместо кошек и крыс — отвратительную говядину из быка с ужасным белым хлебом, а на тротуарах — ни одного выстрела.

Издохнуть можно со скуки.

Махну-ка я к Петлюре. Там, кажется, есть кто-то из наших.

* * *

На этом месте записки странного малютки обрываются.

СЕНСАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

(Взгляд в глубь и в даль — Аркадия Аверченко)

Ежедневно ко мне обращаются десятки людей с запросами: скоро ли кончится большевизм в России? Скоро ли уйдут большевики?

Не спорю: я один из самых тонких знатоков большевизма. Не спорю: я, может быть, один-единственный, который может категорически ответить на поставленный вопрос по этому поводу...

Но мне эти массовые бестолковые вопросы надоели... И поэтому я решил воспользоваться таким могучим проводником и распространителем точных сведений, как печать — чтобы оповестить всех оптом, избегая утомительных розничных ответов:

— Большевизм в России кончится 28 декабря, старого стиля, этого года в 4 часа 50 мин. утра.

Надеюсь, точно?

* * *

Дело в том, что все очень заблуждаются, когда предсказывают конец большевизма в небывалых муках страшных потрясений, предстоящих России.

Все думают, что этому будут предшествовать страшные битвы между большевиками и их врагами — защитниками свободной демократической России; что миллионы красных и белых бойцов лягут костьми прежде, чем большевики уйдут; что обложенные со всех сторон Петербург и Москва будут геройски защищаться и, голодая, начнут пожирать крыс, кошек и другую неудобносъедобную тварь; что титаны — Ленин и Троцкий — перед концом явят трагической красоты лицо свое, лицо древних римлян, которые умели погибать красиво, мощно или, как говорил изящный Петроний: «подыхать, так с музыкой!»; что долгие месяцы пройдут, пока могучий большевизм будет сломлен!..

Так вот вы и имейте в виду:

— Ничего подобного!

Это будет до смешного просто и неожиданно.

27 декабря красная армия еще будет устилать своими костями подступы к Совдепии, а 28-го в 4 часа 50 мин. большевизм тихо и бесшумно падет в тот момент, когда у ворот Кремля нечаянно столкнутся две молчаливых тени: Ленин и Троцкий.

* * *

У Троцкого в руках щегольской изящный заграничный чемодан желтой кожи с металлическими застежками; у Ленина — большой косо и криво перевязанный узел из простыни, обмотанный веревками.

Хотели крадучись проскользнуть один мимо другого, но — столкнулись.

— А, черт, кто это?

— Я, Троцкий. А вы кто?

— Ленин я.

— Куда это вы, на ночь глядя?

— Вышел подышать свежим воздухом. Не спится что-то.

— Что ж у вас свежий воздух — в этом узле, что ли? — ехидно спросил Троцкий, ткнув ногой Ленинский багаж.

— Однако, и у вас в чемодане, я думаю, не проект доклада ЦИК'у о положении дел.

Помолчали.

— Белья много взяли? — спросил Ленин, устало опускаясь на свой узел.

— Кой черт. Надо было укладываться, чтобы эти дьяволы не подглядели.

Еще помолчали.

— Вот тебе и социалистическая коммуна, — задумчиво сказал Ленин, поглаживая свежевыбритую щеку.

— Н-да-с... Не вышло чивой-то... Впрочем, я ведь особенно и не надеялся. Так, думал попробовать: авось выйдет.

— Империалисты все.

— Бросьте, надоело.

— Положим. Куда думаете?

— На Сандвичевы. А вы?

— Гавайские. Так и пишите: Гавайские острова, Ульянову, до востребования... Нет ли спички?

— Кремль поджечь?

— Ну, действительно! Кому это нужно? Курить смерть хочется.

— Значит, «дверью не хлопнем».

— Что вы! Наоборот, тихонько притворить, чтобы не скрипела... и... на цыпочках. Много заграничных паспортов взяли?

— Восемь.

— Я двадцать два. Нельзя, знаете ли, в дороге иначе.

— Ну, я пошел. Поцелуемся, что ли, на прощанье?!

— Еще чего! Розовый бантик вам подарить не прикажете ли?

Троцкий вздохнул, протянул в темноте руку, поводил ею бесплодно налево и направо, пожал сырой, холодный воздух и, сгорбившись, потонул во мраке.

За ним, кряхтя, повлек свой узел и Ленин.

* * *

Вот вам и весь конец большевизма.

* * *

А наутро вся Россия, да что Россия! — вся Европа будет хлопать коллективными ладонями об коллективные же лапы:

— Ушли? Ах ты ж, поди ж, ты ж! Неужто ж так просто кончилось? А мы только что танки выписали!..

Утром же в лагерь союзников, добровольцев и казаков явятся красноармейцы.

Шмыгнут красными носами, встанут на коленки и разведут отмороженными руками:

— Простите, дяденьки... Больше не будем. Так что, действительно, сдуру... Думали, социализм и коммунальность, а оно вышло простое жульничество. Поверите ли — чуть не в окно выпрыгнули!

— Ну, что уж с вами, дураками, делать... Ступайте, да вперед будьте умнее!

* * *

Вот, голубчики мои, точный прогноз событий.

Может быть, если я и ошибся в своих расчетах на несколько дней, то это исключительно благодаря разнице в стилях...

Стиль играет здесь большую роль.

Твердо знаю лишь одно: конец большевизма будет обязательно в русском стиле.

В ОМУТЕ ВРАНЬЯ

Странное время; странные люди.

В наши дни каждый старается отломить от целого «кусок жизни грубой и бледной» — кусище старается отхватить побольше — и тут же творит из него прекрасную легенду, а такое слепит, что и смотреть совестно.

Такое впечатление получается, что каждый старается сам для себя, для своего домашнего обихода, сочинить, сварганить слух позабористее и тут же начинает прикармливать этим незатейливым блюдом родных и знакомых.

Все равно, что на керосинке халву варить — противно, вязко и в рот не лезет.

Обыкновенную бумажную солидную газету стали потихоньку презирать... Теперь всякий сам себе газета.

Встречаю этакого:

— Слышали новость?

— ?!!

— В Харькове большевики.

— Откуда узнали?

— Из первых рук. Племянник приехал. Рассказывает.

— Врет ваш племянник.

— Не такой человек мой племянник, чтоб врать.

Пожимаю плечами. Отхожу.

Подходит второй:

— Последняя новость из Харькова. Город в руках немцев. Все спокойно.

— Кто рассказывал?

— Племянник приехал. Только что оттуда.

Я хватаю за руку второго, тащу его, как козла на веревке, подтаскиваю к первому (дело происходит в фойе театра) и сталкиваю их лбами.

— Вот. Познакомьтесь! Очная ставка. Мне бы хотелось, чтобы вы тут же, сейчас же, не сходя с места, выяснили между собой: что в данное время происходит в Харькове?!!

— А как же, — оживляется первый. — Большевики там. Арестовано все бывшее начальство, расстрелы, пулеметы...

— Где?! — ахает второй. — В Харькове?!! Перекреститесь. Все спокойно. Немцы в городе, жизнь идет самым нормальным ходом.

— Какая это вам сорока на хвосте принесла?

— Не сорока, а племянник.

— И мне племянник говорил! Сам только что оттуда. Егором зовут!

— Ну, моего не менее вашего — Митей зовут! Пожалуйста! И все-таки в Харькове спокойно.

— Большевики там!

— Спокойно!!

— Врет ваш племянник.

— Почему это мой врет, а ваш говорит правду?

Я мягко кладу свои руки на их вздрагивающие плечи.

— Вы оба не совсем правы, друзья мои... Я имею о Харькове самые верные сведения... Власть в Харькове захвачена

Марковым вторым! Объявлена монархия. Венской мебельной фабрике Кон даже трон уже заказан.

Оба широко открывают завистливые глаза:

— Откуда вы это знаете?

— Племянница только что оттуда, из Харькова! Мусей звать.

— Врет ваша Муся.

Я вспыхиваю:

— Прошу эту чистую светлую девушку не оскорблять! Почему она врет, а ваши гнилые кособокие выродки говорят правду?!! Почему я должен верить этим развязным авантюристам, этим поездным ворам без совести и чести, а вы опорочиваете сведения моего чистого благоуханного цветка, моей грациозной козочки Муси?!..

— Да я уверен, что вы сейчас выдумали вашу Мусю!

— А вам не все равно? Почему соврать и опереться на живого племянника — это хорошо, а соврать и подпереть ложь изящной, хоть и выдуманной, девушкой — дурно?! Да я вам скажу больше: моя племянница Муся существует и дышит постольку, поскольку существуют ваши племянники. Где они?!! Тащите их сюда!! Сегодня же за любого из них выдаю свою грациозную плутовку Мусю — пусть поженятся, пусть произведут потомство таких же лгунов и пустобрехов, как и их грациозные дяди!..

* * *

Обоим дядям моя речь, очевидно, понравилась, потому что они одобрительно потрепали меня по плечу стулом и задумчиво отошли, погрузившись в новую сладкую экзотику пышных вымыслов.

Я обвел глазами фойе и пришел в ужас: все оно до краев было наполнено только дядями и племянниками, дядями и племянниками.

P. S. В конце концов, я ничего не опровергаю: может быть, в Харькове и большевики; может быть, и немцы; может быть, петлюровцы или махновцы... а может быть (чем черт в России теперь не шутит!) — и монархисты с Марковым во главе.

Я только хочу сказать, что если бы даже всё это и было так, то об этом никто толком не знает, а все высасывают свои сенсации из праздного пальца: и Митин дядя, и Егоркин дядя, и Мусин дядя!..

МОИ НОЧИ

Уже несколько дней подряд меня все душит один кошмар.

Москва... Холодное, серое небо; скупой, редкий, сухой снег — всего по нескольку снежинок на каждый квадратный аршин — скупо падает с угрюмого неба через пятое на десятое...

Усталый, обмерзший человек сидит на холодной скамейке сквера и, держа в руках игрушечную корову, машинально отламывает от нее кусочки и отправляет себе в рот.

А сквер, в котором сидит обмерзший человек, тоже особенный: он весь выкрашен в синюю краску — голые деревья, фонари, ограды, кусты, даже редкая трава в газонах — все закрашено в синюю краску.

Сидит себе насквозь промерзший человек в синем сквере и жует игрушечную корову. И так ярко я это все переживаю, что даже чувствую омерзительный вкус папье-маше во рту — сухие бумажные корки, моментально впитывающие в себя слюну и высушивающие слизистую оболочку рта...

Вижу я — съел этот человек корову, стряхнул с колен крошки и, вздохнув, отправился в театр — развлечься.

Идет новая модная пьеса... Посмотрел насквозь промерзший москвич первый акт, второй... Но в конце второго акта в зрительный зал вваливается группа опоздавших к началу вооруженных людей и, направив на актеров маузеры, требует, чтобы они начинали пьесу сначала.

Поглядели актеры на публику тоскливыми мученическими глазами, махнули рукой театральным плотникам — и снова декорация первого акта, и снова идет первый акт...

Уже дотянули до третьего акта, новая группа шумных, полупьяных, до зубов вооруженных людей, снова маузеры и снова актеры, «по требованию почтеннейшей публики», начинают с первого акта...

И так три раза, пять раз, десять...

Вот ночной кошмар, который меня душит, но когда я прихожу в себя и начинаю размышлять — ничего в этом кошмаре нет бредового, надуманного... Просто отдельные реальные обрывки сложились в одну стройную законченную картину.

Приехал из Москвы знакомый виолончелист, и когда я спросил его: «что там?» — он описал мне кратко и наглядно:

— Москва вымерла. Топлива нет. Холодно. Все магазины по Тверской, Петровке и Кузнецкому Мосту закрыты, опечатаны, реквизированы, попросту забиты досками. Торгуют только игрушечные лавки и магазины электрических принадлежностей. Нет ни мяса, ни сыру, ни колбасы, ни сорочек, ни сукна на пальто — а можно только купить электрическую арматуру или игрушечную корову... Осветил себя изящной электрической люстрой и жуй корову на здоровье...

И синий сквер тоже не сонное видение: вероятно, все прочли в газетах известие из Москвы, что там во время октябрьских торжеств футуристы, которым было поручено украшение города, выкрасили один из скверов — с деревьями, травой, скамейками и оградой — в синий цвет.

И вооруженная банда в театре, вломившаяся ко второму акту и требующая играть спектакль сначала — тоже не сказка. Об это сообщали в киевских газетах.

И вот болезненно обостренное воображение собрало все эти обрывки воедино и создало картину высокого художественного полета: мерзлый москвич сидит в синем сквере, ест игрушечную корову, а потом сидит до пяти часов утра в театре и смотрит первый акт, потом опять первый и второй, потом первый, второй и третий и так далее — по числу вооруженных шаек...

* * *

А с Петроградом у меня тоже неладно. Другой кошмар: будто я хожу по столикам ростовского ресторана, собираю со всех тарелок куски белого, пышного хлеба, который пресытившиеся ростовцы не могли доесть, нагромождаю эти пышные остатки с поджаренными хрустящими корка-

ми — в груды, в целые горы и эти груды, эти горы каким-то неведомым чудесным образом переправляю на Невский проспект, угол Владимирского, где уже с весны этого года сгрудилась страшная уродливая толпа полумертвецов. Стоят у бывшего Палкина под балконом бывшие чиновники, бывшие кадеты, бывшие студенты и торгуют с рук: кто продает сиротливо лежащие в коробке от гильз два кусочка пожелтевшего сахара (весь его магазин!), кто — загадочные серые лепешки, кто — крохотные котлетки из конины. Мне всегда казалось, что со стороны никто у них ничего не покупает, а просто сахароторговец продает свои два обшарпанных кусочка грязного сахара лепешкопродавцу, а лепешкопродавец скупает и тут же съедает весь товар котлетовладельца...

Съев же все — они, вероятно, заходят куда-нибудь за угол и там, тихо вытянувшись, умирают.

И вот этим людям я в своем ночном кошмаре собираю со всех столов пышные куски свежего белого хлеба, сваливаю в блюдо оставшиеся на тарелках половинки котлет из курицы, груды недоеденного жареного картофеля, и все это посылаю им, им, им, им, им!..

* * *

А сегодня ночью я стоял у окна, выходящего на север, и кричал во тьму:

— Держитесь, друзья! Потерпите еще немного! Уже слышен под Кронштадтом гул орудий тех, которые идут вам на выручку! Еще одно гигантское усилие — стяните ваши тощие пустые животы ременными поясами потуже — скоро вас накормят, приласкают и обогреют.

Вглядываюсь в холодную мглу и вижу — бегут по петроградским улицам в смертельной тоске и ужасе все, кто изуверски мучил вас — все мошенники, подлецы, предатели и инквизиторы — не скрыться вам, мучители, убийцы — расплата, расплата, расплата — полным рублем!!

Истинный исход истинно демократичен, но заплатит он вам по-королевски!

Бьет 12 часов...

РАССУЖДЕНИЯ О СВОБОДЕ, РАВЕНСТВЕ, БРАТСТВЕ

...Я пожал большевику руку, угостил его папиросой и, чокнувшись с ним бокалом, продолжал:

— Нет, что ни говори, а мне ваш большевизм нравится. Как-то все теперь проще и справедливее сделалось... Одним словом, именно как говорится: свобода, равенство, братство.

— Вот именно, — подтвердил он, благосклонно кивнув головой.

— Ну да. Над Россией взошла розовая заря и по этому фону вы начертали твердой рукой: свобода, равенство, братство.

— Да, это мы можем.

— Да, ей-Богу! Возьмем, прежде всего, — свободу... Раньше, когда царил гнет, связывающий все движения несчастных граждан — как все было сложно, как трудно... Скажем — захотели вы поехать из Петербурга в Севастополь... Черт его знает, сколько хлопот и стеснений. Иди на вокзал, подходи к окошечку, бери билет первого класса с плацкартой... впрочем, кажется, больше ничего не надо было. А теперь как просто: захотел поехать из Петербурга хотя бы в Москву — легче легкого!

Возьми только выписку из домой книги, снимись у фотографа, отправляйся с этими документами в комиссию по разгрузке, там тебе дадут бумажку, с которой ты отправляешься в местный совдеп, который рассмотрит твою письменно изложенную просьбу о выезде и если мотивы окажутся основательными — тебя направят прямо в комиссариат твоего района. Там приложили штемпель, выдали свидетельство — и ступай себе с Богом к коменданту вокзала. Постоял в очереди, дали тебе квиток на право взять билет, стал опять в очередь перед кассой и готово. Можно и ехать. Если, конечно, поезда на эту неделю для случайных пассажиров не отменены... Просто! Не то, что раньше, когда была волокита.

— Вы... как-то странно хвалите, — промямлил большевик, и взор его омрачился.

— Ничего не странно! Мне ваша система свободы нравится, и я громко заявляю это. А равенство? Ну-ка, укажите

мне пример, чтобы раньше при полицейском гнете было такое равенство? Человек, скажем, хотел иметь десять комнат — он имел десять комнат! Другой человек покупал хлеб и мясо — и ел и то и другое. Статский советник мог купить то же, что и землекоп! Разве это равенство? Вот теперь равенство так равенство! Статский советник выбрасывается из квартиры, а его место занимает семья красноармейца Кузьмы Мордастова. Вот это равенство! А еда? Ежели ты профессор — получай в день селедку без хлеба, а если ты парикмахер, стоящий на советской платформе, — на тебе полфунта хлеба и мяса с куриным яйцом в придачу. Постукиваешь ты слесарным молотком по железу — твои дети получают молоко, а играешь на пианино в кинематографе — твои дети получают рахит. Служишь ты комиссаром совдепа — к твоим услугам пышный автомобиль, генерал ты — к твоим услугам такой же пышный катафалк! Вот это равенство, черт его передери!..

— Однако, это... я не понимаю... Вы так хвалите, как будто ругаете.

— Да ведь от восторга, голубчик! Единственно от восторга. Такие слова: Свобода! Равенство! Дух захватывает. А братство? Все братья! Скажем, один брат красноармеец, а другой саботажник — городской учитель, отказывающийся учить детишек святым заповедям Троцкого. И что же? Раз братство — ничего не поделаешь: ставит первый брат второго к стенке да и того...

Мой собеседник встал, застегнулся на все пуговицы и сказал обиженным, ледяным голосом:

— Я вижу, что вы просто надо мной смеетесь...

— Смеюсь?! — зарычал я. — Да разве же ты не видишь, холодный каменный болван, что я уже полчаса как плачу?!

СКАЗАНИЕ О СПЕКУЛЯНТЕ

Жил да был на свете спекулянт — земля ему бутылочными черепками...

Питался он целым рядом стаканов кофе по-варшавски в кафе, а жил только подвохами, комбинациями и жульничеством.

Вот однажды в кафе подходит к этому спекулянту (чтобы его суставной ревматизм в дугу согнул) некоторый человек и спрашивает его:

— Можешь ты достать нам партию кирпича для постройки тюрьмы?

— Прошу без намеков! — вспыхнул спекулянт.

— Какие намеки! Нам кирпич нужен, а не намеки.

— Гм... Кирпич — это можно. А какая цена?

— Такая-то.

— Цена грошовая, — подумал спекулянт. — Нищенская. Тут и пятидесяти процентов чистого не очистится. Поставлю-ка я им за эти деньги скверный кирпич, трухлявый. Опять же, если я попаду в тюрьму, то из такой трухлявой тюрьмы, построенной из моих кирпичей, бежать легче будет.

Мотнул головой:

— Извольте. Достану вам кирпич.

— Потом нам еще ножи нужны.

— Какие?

— Такие-то. А цена такая-то.

— Мизерная ценишка, — поморщился про себя спекулянт. — Да я им вместо стальных оловянные подсуну. И заработаю на этом, да и ежели мне потом за мои штуки будут этаким ножиком горло пилить — черта-с-два! Скорей нож испортится, чем горло...

Вслух пообещал:

— Извольте-с. И ножей вам партийку достану...

— А веревки есть у вас? Нам нужны и веревки. Цена такая-то, франко и прочее, что полагается.

— Много ли по такой цене заработать можно? — печально подумал спекулянт. — Да ин ничего!! Поставлю им гнилых веревок — мне же лучше. Вешать будут — оборвусь.

Из всего вышесказанного ясно видно, что спекулянт был человек умный, оборотистый и видел далеко вперед.

Ан, Бог-то видит еще дальше!

* * *

Свершилось... Попал, наконец-таки, спекулянт за свои проделки в тюрьму.

А сделал он простую штуку: достал аптекам партию кокаину, а в банках вместо кокаина простая сахарная пудра насыпана.

Дуракам-то, которые кокаин нюхали, польза только от этого, но аптекари, однако, обиделись...

И от этой от обиды аптекарской попал наш спекулянтишка в тюрьму, выстроенную из его же трухлявых кирпичей...

— Ну, — думает, — отсюда убегу.

Посадили его в одиночную. Холодина, хоть собак гоняй.

— Отчего так холодно?! — возопил.

— Кирпич у нас скверный. Весь насквозь промерзает. Щелистый больно.

Простудился спекулянт, кашляет, сопит, кряхтит и стонет.

Ясное дело — бежать надо.

— Эй, — говорит, — дайте мне ножик на предмет интеллигентного принятия пищи с разрезыванием оной!

Принесли ему ножик, вручили.

И стал заниматься ручным трудом спекулянт, может быть, первый раз в жизни.

Долбит, знай, стену, как дятел.

Только кирпич-то дрянь, мягкий, а нож, поставленный в свое время спекулянтом франко тюрьма, еще мягче, гнется в руках, ломается, крошится, как горячий бублик.

Взвыл:

— Отчего ножи у вас такие?

— А это вы у того спекулянта спросите, который ставил.

Опять взвыл:

— Не могу жить тут в сырости, в невежестве. Переведите, где посуше, потеплее.

Перевели его в третий этаж. Как глянул спекулянт вниз — екнуло его сердце.

— Ежели теперь бежать, без веревки не обойтись!

С помощью жульничества и всяческих подвохов достал он длинную веревку, привязал к подоконнику, сиганул вниз да и... трех аршин не прополз, как веревка лусь! Напополам. Очень гнилая была.

Сам, собака, и ставил.

Как мешок шлепнулся оземь.

Ногу сломал, руку из гнезда выломал, голову расшиб, — лежит на сырой земле и тихо спекулит.

Вот-те и перехитрил, вот-те и предусмотрел!

Валяется теперь в тюремном лазарете с антоновым огнем, со всякими травмами, с разрывом диафрагмы — пожалуй, скоро и ноги протянет...

И окончу я свое правдивое сказание, чем и начал:

— Земля ему бутылочными осколками!

Не спекули. Поэтому.

P.S. Всех спекулянтов из кафе «Ампир» очень просил бы выучить это сказание наизусть и рассказывать в долгие зимние вечера своим детям.

БОРЬБА С БАЦИЛЛАМИ

Когда на Украине началось дурацкое бестолковое восстание Петлюры — многие мудрые люди закивали мудрыми головами и заявили очень мудро:

— Мы этого ожидали... Движение Петлюры — это тот же большевизм!

— Ну, так что ж такое?

— А то такое, что, очевидно, Украина еще не переболела большевизмом.

— А зачем ей болеть большевизмом?

— Затем, что такое уж правило: вся Россия по отдельным кускам должна переболеть большевизмом.

— Почему же именно должна?

— Да так: отболеть, чтобы уж потом быть здоровой. Как говорится: отзвонил — и с колокольни долой.

Так говорят патентованные мудрые люди.

* * *

Я, конечно, такого патента на мудрость не имею, но могу похвастать, что кое-какой патентишко на простой здравый смысл я себе выправил.

И вот, на основании этой бумажонки, смею вступить в рассуждение:

Говорят, большевизм — болезнь, которой надо переболеть.

И оспа — болезнь.

Разве скажет кто-нибудь, что холерой и оспой — **надо** переболеть?

Хорошо бы, был бы человек, который бродил бы из угла в угол, почесывая переносье, и твердил бы озабоченно:

— Эх, скорее бы, мол, холерой заболеть. Отделаться бы поскорей, да потом, если не протяну ноги — и заняться спокойно своими делами.

Даже самый отпетый дурак, я полагаю, не скажет этого.

А пойдет он к врачу, и пожалуется ему, и попросит его:

— Боюсь я холерой заболеть... Сделайте прививочку.

Три укола, маленькая боль, несколько дней повышенной температуры — и гуляет после этого человек по Божьему свету, как встрепанный.

* * *

Рассуждение мое такое: если большевизм — болезнь, то не лучше ли вместо того, чтобы допустить заболеть этой болезнью — сделать сразу предохранительную прививку.

Ведь в чем сущность прививки? В том, что субъект после прививки переносит привитую болезнь — в миниатюре, в карликовом размере, в разбавленном, разжиженном виде, так сказать, выпивает яд в размере чайной ложки на бочку воды.

Раз это можно с одной болезнью, почему нельзя с другой болезнью?

Раз можно привить холеру, почему нельзя привить большевизм?

Практически?

Пожалуйста! Я не привык давать советов наполовину.

Додумывать до конца — таков мой девиз!

* * *

Предположим, начальство начинает замечать, что такой-сякой город Обрыдлов как-то странно притих, затаился, как-то глухо зашептался, незаметно зашевелился.

— Э! — думает начальство. — Нехорошие признаки! Как бы наш богоспасаемый Обрыдлов не заболел большевизмом... Сделаем ему прививку.

И тут же самым научным способом изготовляется вакцина для прививки: рота переодетых в разнокалиберное платье людей подступает к городу и начинает обстреливать его из пушек холостыми снарядами...

В то же время на базаре под рукой пускается слух, что идут большевики, что да здравствует пролетариат, что да здравствует социализм, что довольно-де буржуи попили теплой пролетарской кровушки...

Часть обрыдловцев прячется при первых выстрелах по погребам, а часть выступает за город и встречает хлебом-солью победителей.

Рота переодетых людей торжественно вступает на базарную площадь, вешает посреди площади на длинной палке красный флаг и заявляет:

— Да, действительно, мы большевики.

— А что вы будете делать? — с робкой радостью и надеждой спрашивают сознательные, революционно настроенные обрыдловцы.

— А то, что обыкновенно большевики делают... Прежде всего, закрываем лавки и магазины.

— Это для чего же?

— А как же: национализация торговли. Попробуйте-ка теперь достать что-нибудь съестное! Затем отбираем у вас весь рогатый скот и лошадей.

— Господи помилуй! А это для чего?

— Извольте видеть: социализация скота называется.

— А что же будут делать граждане?

— Укажем и гражданам, что делать: первым делом, пусть несут все свои деньги и теплые вещи, а вторым делом становятся к стенке!

— Помилуйте, за что же?!

— За тайное несочувствие идеалам мирового пролетариата!

После этого диалога рекомендуется наделить всех любопытствующих граждан парой добрых затрещин и поджечь несколько нежилых строений.

Это лучше всего делать под аккомпанемент пулеметной стрельбы: стрелять рекомендуется вверх, чтобы жизни большевистски настроенных обрыдловцев, упаси Боже, не было никакого ущерба.

По заборам расклеить несколько декретов обычного большевистского характера:

«Все школы отводятся под бани».

«Женщины и девушки объявляются национальной собственностью».

«Бани реквизируются под школы».

«Вход на базарную площадь без мандата от исполкома карается расстрелом».

«Помещения банков отводятся под красноармейские казармы».

«В зданиях бывших казарм устраивается народный социалистический банк».

«Мужчины от 18 до 55 лет беспощадно караются».

«Дети от 5 до 10 лет за вялое отношение к социальным идеалам подвергаются ответственности наравне со взрослыми».

«Все, вообще, караются!».

«Церкви разоружаются».

И так далее. Для руководства можно выписать из Москвы сборник подлинных декретов, которые отличаются от выше приведенных только большей туманностью.

* * *

В такой обстановке: при пулеметной стрельбе, в зареве пожаров и в бредовом тумане декретов, обрыдловцы должны прожить недели две...

А к началу третьей недели они собираются на базарной площади, набрасываются на прибывших правительственных большевиков, отнимают красный флаг, а пришельцев выгоняют за город под свистки, укоры и проклятия.

Выгнанные правительственные большевики командируются для новой прививки в другой город, а обрыдловцы, потушив пожары, смыв с заборов декреты и сходив в баню, — заживают новой, здоровой жизнью.

С этой поры они одержимы истерической привязанностью к порядку, спокойствию и к попечениям заботливого начальства.

И если разлетится к ним настоящий большевик и начнет ораторствовать на базарной площади, то скажут ему наученные горьким опытом обрыдловцы:

— Сыты уже по горло. Видели. Попробовали! Узнали, почем фунт гребешков. Вон отсюда, гадина!

Да еще, пожалуй, и бока намнут незадачливому оратору.

* * *

Вот.

Мое дело — дать и развить благую мысль.

А в жизнь мою мысль пусть проводит начальство.

Главное только — стрелять холостыми снарядами и поверх пустых обрыдловских голов... Это запомните.

СОВЕТЫ МОЛОДЫМ ХОЗЯЙКАМ (ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ, СЕРЬЕЗНЫЕ)

Предисловие

Наступают праздники... Старому и малому хочется повеселиться, хочется съесть или выпить чего-нибудь вкусного, а где достать, когда все дорого, когда ни к чему приступу нет...

И вот — я хочу в этой небольшой краткой статье — прийти на помощь неопытному читателю и в целом ряде простых, удобноисполнимых советов указать путь к тому, чтобы без особых материальных затрат всякий желающий мог сытно и весело провести праздники.

Как приготовить домашним способом шоколад

Всякому, конечно, хочется съесть на праздниках кусок вкусного шоколада, а как этого достигнешь, если в лавках шоколад стоит совершенно невероятных денег.

Но есть способ приготовить таковой и дома, из материалов, имеющихся всегда под рукой, и вкусом никак не ниже покупного, не говоря уже о том, что достигается громадная экономия в ходьбе.

Способ приготовления домашнего шоколада очень прост...

Достаньте 2 части ливера говяжьего на 5 частей обыкновенной пшеничной муки! достаньте 1 часть сливочного масла, достаньте полдюжины яиц, достаньте щепотку обыкновенной поваренной соли.

Из всего этого...

Впрочем, позвольте... Если у вас есть ливер, мука, яйца и масло, то зачем делать из этого шоколад, который неизвестно как еще и выйдет...

Не лучше ли из всего перечисленного сделать пирог с ливером?

Держать в духовой печи, пока зарумянится.

Подавать на стол горячим.

Как приготовить себе почти безо всяких затрат вкусный обед

Взять четверть фунта обыкновенного очищенного бензина, подавать на стол холодным; на этом же столе разложить сюртук и тщательно вычистить все пятна. Надеть вычищенный таким образом сюртук, надеть шляпу; отправиться к знакомым, стараясь попасть к обеденному времени.

Приготовленный таким образом обед очень питателен и обходится сущий грош.

Чай с ромом для гостей

Как известно, гости очень любят чай с ромом, но еще более известно, что за ром в магазине сдерут десять шкур.

Как же выйти из этого положения, если к вам придут гости, которых вы решили угостить чаем с ромом?

Казалось бы, положение безвыходное, но нет.

Взять старую пустую бутылку из-под рома. Налить ее доверху крепким чаем. Взять рубль. Купить на этот рубль в аптекарской лавке немного ромовой эссенции. Влить в бутылку.

Взять поднос; взять горничную. Бутылку поставить на поднос, поднос всунуть в руки горничной. Когда она войдет в столовую, сзади потихоньку ткнуть ее пальцем под мышкой.

Горничная роняет поднос, бутылка разбивается, по полу разливается жидкость с сильным ромовым запахом...

— Ах, — печально восклицаете вы. — Настоящая ямайка! Эта Агафья такая неловкая дура.

И все гости ясно видят, что ром точно был, да только случилось несчастье. Расходятся по домам, прославляя тароватого хозяина.

Дешевый способ устройства елки для детей

Все знают, что Рождество — это праздник детей... Как не повеселиться малюткам около зажженной елки среди сластей и игрушек?

Ниже мы приводим дешевый способ, как доставить малюткам эту невинную радость.

Взять обыкновенную зеленую елку... Впрочем, где ее возьмешь, ежели теперь простое полено сто рублей стоит...

Ну, ничего, можно без елки.

Взять несколько кукол, барабан и десяток книг с раскрашенными картинками...

Да, черта с два. Легко сказать «взять». А приступитесь-ка вы к кукле. Самая дешевая тварь с волосами из пакли 50 рублей стоит. А книжки с картинками?..

Ну, ничего, можно без игрушек и без книжек.

Взять просто сластей...

А сласти, вы думаете, дешевле елки, дешевле игрушек?

Впрочем, можно и без сластей.

Да и вообще, что это за елки такие? Не до елок теперь, голубчики.

А если станут капризничать и просить елку — попросту высечь маленьких шалунов.

Делается это так: взять десяток гибких прутьев; взять шалуна. Разложить. Действовать, пока не подрумянится.

Вот тебе и елка, маленький каналья!

Устройство домашнего спектакля

Всякому хочется повеселиться, развлечься на праздниках, но не всегда это доступно.

Часто мы слышим от наших друзей и знакомых:

— Мы бы и устроили домашний спектакль, но у нас нет сцены.

Из этого видно, что все затруднение в сцене.

Как же устроить у себя дома без особых затрат и хлопот хорошую сцену?

Вот простейший способ, доступный всякой опытной хозяйке: взять красивого румяного молодого человека и пригласить его в отсутствие мужа.

Начать целовать, пока не подрумянится и пока не явится муж.

Увидев молодого человека в объятиях жены, муж устраивает домашнюю сцену и закатывает такой спектакль, что небу жарко.

Устроенная таким образом домашняя сцена дает окружающим на праздниках много хороших веселых минут и скрашивает монотонность бездеятельного праздничного времени.

P.S. После спектакля грим с молодого человека снимается при помощи свинцовой примочки.

ИСКУССТВО ГРАБИТЬ

Человек, которому взбрела на ум безумная сумасбродная мысль — проехаться из Москвы в Крым или на Дон, напоминает мне по своему положению — судьбу американского бизона, загнанного, затравленного охотниками на широкой равнине дикой Северной Америки.

Охотники, завоевавшие бизона, не едят его целиком — для этого они слишком гурманы. Да и мяса слишком много, так что есть из чего выбирать. Сняв с бизона шкуру, охотники вырезывают для себя только сочный жирный горб со спины и язык.

Остальное предоставляют индейцам, помогавшим охоте.

Индейцы вырезывают филейные части, ребра и грудинку.

Остальное представляют неграм-слугам.

Негры объедают все мясо без разбора.

Остальное — внутренности и кости — предоставляют шакалам и коршунам.

И уж эта последняя инстанция, обгладывая последние клочки мяса на скелете, ничего кроме скелета не оставляет...

* * *

Русский гражданин, выехав из Москвы, попадает первым долгом в руки гурманов-красноармейцев, которые, действуя в общегосударственном масштабе, не интересуются мелочами, а отбирают на границе только жирные части — золото, бриллианты и кредитные билеты. Это — горб бизона, самая вкусная его часть...

Остальное пренебрежительно перебрасывается через границу, дикарям-петлюровцам на шарап.

Петлюровцы не так избалованы, вкус их менее прихотлив...

У гражданина отнимаются чемоданы, набитые всяким вздором: платьем, бельем, книгами... Чай — давай сюда и чай, домашняя лепешка — давай домашнюю лепешку, веревочка — давай и веревочку...

Остальное — облаченное в жалкое демисезонное пальто, без денег и вещей — перебрасывается дальше...

Это уже неотъемлемая добыча махновцев, именующих себя то социалистами, то анархистами, то еще чем-нибудь не менее звучным и красивым.

Махновцы играют роль голодных негров у трупа бизона.

— Пальтецо? Давай и пальтецо. Пиджачок? Сапожки? А ну, скидывай во славу интернационала и пиджачок, и сапожишки, а ежели исподнее хорошее, то и исподнее...

Кажется, уж ничего от бизона не осталось — одни кости.

Но есть, оказывается, публика, которая льстится и на жалкие клочья мяса, присохшие к костям...

Где-то около Мелитополя завелся, как сообщают газеты, такой «учитель Опанасенко», по его утверждению, эсер, а по нашему утверждению просто жулик.

И вот «отряд учителя Опанасенки» тоже «производит обыски», как вежливо пишут газеты.

А какие тут, к черту, обыски? До Опанасенки русский гражданин доезжает уже дочиста ограбленный и раздетый догола.

Но Опанасенке с отрядом тоже хочется кушать свой хлеб с маслом...

И вот я представляю себе этот «обыск учителя Опанасенки»:

— Стой, пассажир! Именем революционной демокра...

— Да бросьте, надоело! Вот рубашка осталась — берите. Больше ничего нет. Только за две станции досюда махновцы очистили, как апельсин.

— Экие дьявола! До чего аккуратно работают!.. В руке ничего не зажато? Гм... Нет... Открой рот.

— Ф-фу! Первый раз за все время могу спокойно открыть рот!

— Да не за тем, идол! Зубов золотых нет ли? Вишь ты, коронка... Тащи ее, тащи это империалистическое украшение!.. Покажь горло? Нет ли серебряной трубочки — у некото-

рых бывает. Глаз-то настоящий? А то, брат, за стеклянные в Мелитополе по сто рублей за штуку платят.

Неприхотлив шакал. Уж обдерете все — так до последнего клочка полусгнившего мяса, до последней связки мускулов.

* * *

И, Господи Боже ты мой, как наша жизнь усложнилась! Раньше, если человек тебя грабил, он назывался просто жуликом. И ты знал, что у него нет ничего общего ни с Марксом, ни с Энгельсом, ни с Бакуниным.

Жулик ты, братец, — и все тут.

А теперь — ограбили тебя в Совдепии.

Кто ограбил — жулики?

Что вы, что вы?.. Можно ли так выражаться?

Тебя обыскал член коммунистической партии социалистов большевиков.

Потом — ограбили тебя в Малороссии.

Мошенник ограбил?

Что вы! Как не стыдно, право! Полная необразованность...

Тебя «обыскал» самостийник, гражданин; член украинской директории! Как пышно, как богато!

И Махно тоже... Вероятно, мошенник каких свет не производил, конокрад и мытарь, и едва ли тетка его не держала в Конотопе хипесную квартиру...

— Нет, — говорит Махно. — Я отнимаю у тебя пальтишко не как мошенник, а во имя светлой памяти моего учителя анархиста Бакунина делаю я это!

А учитель Опанасенко, сдирая золотые коронки с зубов, так прямо и заявляет:

— Я — говорит, — эсер.

— Жулик ты, а не эсер.

— Напрасно обижать изволите... Святые имена народовольцев горят в моей груди, подобно жертвенному пламени, и прочее и тому подобное.

* * *

Рассказывают, что под Харьковом «бизоний вопрос» вылился уже в стройные кристаллические формы сложившегося быта.

Едут в холодном нетопленном поезде забытые холодные пассажиры.

Вдруг:

— Стоп! Показывай ваши вещи!

— Куда вы лезете? Не в тот вагон попали. Мы уже на Андреевке ограблены; мы пересадочные.

— Кто грабил?

— Махновцы.

— Наши?! (Разочарованно). Ишь, черти... Успели.

— То-то и оно. Лезете не разобрав. Идите в соседний вагон. Там прямое сообщение. Да дверь притвори плотнее. Ишь, холоду напустил.

— ... Этот вагон прямого сообщения? А ну, показывай вещи!

— Наконец-то... Вот они. А мы вас еще на Богдаревке ждали.

— Руки вверх! По постановлению военно-революционного социалистиче...

— Брось, не надо. Какие тут разговоры... Чемодан хочешь? На, жри!

Голос с верхней койки:

— Ой, кого я вижу! Здравствуйте, махновец! Я вас-таки по лицу узнал. Вы меня уже позавчера грабили, когда я из Харькова ехал. Ну, как поживаете? Не узнаете? Финкельштейн! Еще пальто драповое взяли. А что я теперь не вижу вашего товарища Сеню?.. Убили? Ну, царство ему небесное. Приятный был жулик... Что? Что я вам могу дать? Ну, этот плед я вам могу дать и несессер я вам могу дать. До свиданья, до воскресенья. Буду ехать обратно — встретимся. Еще, даст Бог, пограбите.

* * *

Русский или все равно еврейский гражданин — незлобив и простодушен... Он даже палача, набрасывающего ему на шею петлю, угостит папироской и поговорит о погоде...

Хороший русский народ, прямо замечательный...

Только откуда вдруг взялись среди этого замечательного народа миллионы жуликов?

РАССКАЗ В ПОЛУТЬМЕ, НА УХО

Стоит мне только вспомнить об этой истории, как непроизвольная улыбка начинает подергивать углы моих губ...

И это не веселая улыбка — о, нет! — в ней больше печали и скорби... Мне делает грустно, когда ясно почувствуешь — в каком необозримом океане страшных мелочей и обыденщины мы барахтаемся, пока благородная аристократическая старуха Смерть не потянет нас на дно.

* * *

Эту историю рассказала мне молодая женщина с белокурыми волосами и нежным, как лебяжий пух, бело-розовым телом, рассказала в минуту тихого затишья после бурных поцелуев, ласки и объятий.

Лежа около меня и обвивая мою шею любящей, благодарной рукой, она прошептала эту историю мне на ухо, отделяя вводные и придаточные предложения, вместо запятых, поглаживанием моих растрепавшихся волос и вместо точек в конце фразы целуя меня скользящими поцелуями в шею и в ухо.

Это была настоящая Божьей милостью женщина: если она в этот момент не отдавалась любви, если она отдыхала от любви — она все равно рассказывала о любви.

* * *

— Ты знаешь, голубчик мой славный, говорят, что любовь сильнее смерти... Не знаю, очень может быть. Однако я знаю, что бывают вещи не только сильнее смерти, но и сильнее любви.

И если бы ты знал, мой милый, какие это на посторонний взгляд смешные по своей ничтожности вещи... И однако в них непобедимая сила...

Вот будь паинькой, не перебивай меня и не мешай, а я тебе расскажу историю мой кузины Любочки Ракитиной. Положи голову ко мне на грудь... вот так, и теперь веди себя тихо и слушай, мой глупый мальчик, на чем держится любовь человечья.

У Любочки Ракитиной был муж и был любовник...

Мужа своего она, как это принято, не любила, а любовника обожала; прямо молилась на него.

Муж ее служил в каком-то департаменте небольшим чиновником, а любовник был крупный делец, инженер, все время проводивший в разъездах и только раза два в месяц приезжавший в Любочкин город на свидание к своей любимой...

Любочка была прекрасным чудесным человеком, да и инженер был парень прямо замечательный. Я относилась к ним, как к брату и сестре, и, признаться, даже немного помогала этой на редкость великолепной паре.

Так они и жили себе поживали, она воспитывала маленького сына, ухаживала за усталым после работы мужем и за всем этим очень любила инженера, а он ее.

В прошлом году я оставила эту идиллию в полном разгаре и уехала на Кавказ на все лето, а когда я вернулась... оказалось, что все у них пошло прахом.

В момент моего приезда горничная доложила мне:

— А вас тут инженер Сергей Сергеич все спрашивал. Почитай, два-три раза на дню... Бледный чивой-то, расстроенный. Да вот, никак, он опять идет...

Он ворвался ко мне, как буря, уронил на пол фуражку и, схватив меня за руку, стал вертеть у самого моего носа измятой затрепанной телеграммой:

— Что это?!! Видели вы что-нибудь подобное?!! В чем дело? Да говорите же скорее или я разобью себе голову о стенку!

— Прежде всего, здороваются, дяденька, а потом надо раньше показать мне телеграмму, а потом понять, что да как?

Телеграмма оказалась краткая:

«Все ясно. Все на свете ложь и обман. Не пытайтесь искать встречи, не пытайтесь писать, не отвечу. Любочка».

— Изменили? — укоризненно спросила я.

— Кто?! Я изменил?! Да побойтесь вы Бога! Ведь я ею только и жил! Приезжал сюда, был около нее, уезжал — только и жил, только и дышал ее телеграммами. И вот получил последнюю... О, черррт! Как это все дико и нелепо!

— Может быть, вы чем-нибудь ее обидели?

— Что вы! Да я скорее Бога бы обидел, чем ее...

— Не предложили ли вы ей, Боже упаси, денег... Она ведь очень щепетильна в этом отношении...

— С ума я сошел, что ли. Это значило бы, что я ее вовсе не уважаю. А я — молился на нее.

— Тогда я ничего не понимаю.

— Мне от этого не легче. Я хотел бы, чтобы вы понимали.

— Ну, ладно, черт с вами. Я поговорю с ней.

Подошла к телефону. Позвонила:

— Ты, Любочка? Здравствуй, с приездом меня. Послушай, тут у меня бегает по комнате один молодой безумец...

— Сергей Сергеич? — торопливо вскричала Любочка. — Ради Бога, ни слова о нем! Все кончено, и я бы очень просила тебя не мешаться в это дело!

— Но повидать-то тебя можно?

— Не сейчас. Так... на следующей неделе или... даже позже.

В трубке послышалось нечто вроде рыданий. Потом все стихло.

Как приговоренный к смерти, пошатываясь, ушел от меня инженер. А на другой день уехал в Сибирь с сердцем раздавленным, как клубничная ягода каблуком.

Мучилась я, мучилась... Так дня три мучилась. Наконец, не вытерпела — полетела к Любочке.

Если бы ты видел — это был фонтан, гейзер горьких слез.

— Любочка, говори правду. Ты его разлюбила, изменила ему?

— Я его люблю! Он мой полубог.

— Провинился он чем-нибудь?

— Он? Он меня любит даже слишком.

— Дуреха! Почему же вы тогда расстались?

— Так нужно было.

— Муж узнал, что ли?

— Он ничего не подозревает.

Билась я с ней часа три... Наконец, ласками, угрозами, бранью и поцелуями вытянула по кусочкам, по обрывкам истину...

Если бы ты знал, что это была за истина!

Пряча свое лицо у меня на груди, голосом, прерывающимся рыданиями, поведала она мне.

— Ты ведь знаешь... что Сергей Сергеич все время разъезжает, кроме одного или двух приездов в месяц, он во время... отъездов он из каждого города присылал мне срочную... телеграмму... о своей любви... Иногда даже две

телеграммы в день... И все просил, чтобы я ему... отвечала тоже срочно... Иногда тоже два раза в день...

— Ну, так в чем же дело, дурочка?! Что же здесь ужасного? Наоборот, это доказывает только любовь...

Она вскочила с пылающим лицом, растрепавшимися волосами и разразилась, как буря:

— Да пойми же ты, что эти срочные телеграммы обходились мне 200–250 рублей в месяц, а мой муж у себя в департаменте получает только 300 рублей в месяц!

— Бедняжка ты моя, — ахнула я. — Но почему же ты ему не сказала, Сергей Сергеичу?

— Что ты, что ты... Да я скорее бы умерла, чем призналась в своей бедности. Наше чувство было так красиво... Разве можно его этим опошлить?..

— Гм, да... А если бы ты знала, как он тебя любит...

— А я? Я ночами не сплю, все думаю о нем и плачу, и плачу... Но расстались мы все-таки красиво!

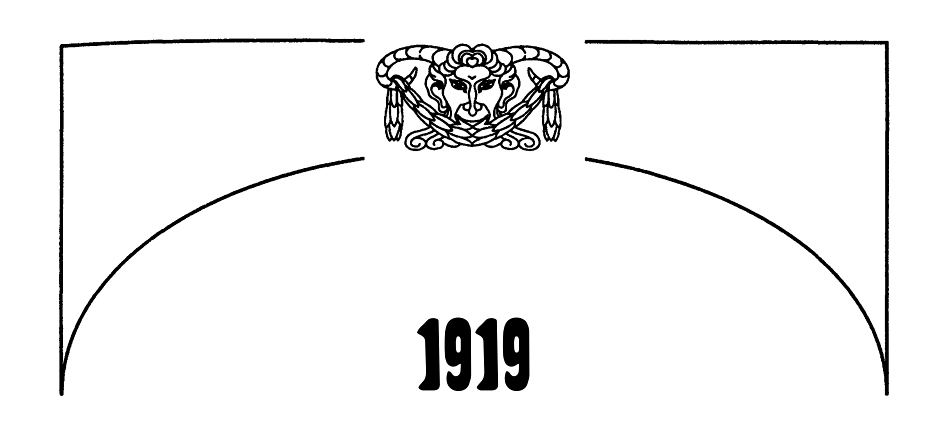
Она опустила голову и прошептала, припоминая:

— «Все на свете ложь и обман. Не пытайтесь искать встречи»... Чтобы послать эту телеграмму срочно, мне пришлось заложить свое летнее пальто с синим шелковым воротником. Помнишь?

* * *

— Вот и вся история, искорка моя дорогая. Если тебе эта история понравилась — поцелуй меня покрепче и прижми к себе, а то я по тебе уже соскучилась.

(Последний абзац не читается. — *В.М.*)

1919

салат из булавок

НОВЫЙ БЫТ

Раньше жизнь была простая, как палец...

Приходит, бывало, молодой человек к любимой девушке посидеть вечерком — драсте, драсте, — а потом разговор такой:

— Озябли, Михаил Иваныч?

— Да, изрядно холодно. Чайку бы сейчас. Оленька, горячего.

— Сейчас заварю.

— Что это папы не видно?

— Уехал по делам в Решеткино; завтра к вечеру вернется.

— А братья гуляют все?

— Да... Коля на бульваре, Гриша в библиотеку пошел, а Сеничка алгебру зубрит. Вовка уже спит.

— Оленька! Придете завра в час дня к памятнику Пушкина на свидание?

— А вам очень хочется?..

— А вы еще спрашиваете!..

— Приду, приду... Что уж с вами делать.

— Ну-с, а теперь пойду я домой:..

— Возьмите палку, а то у нас во дворе собака довольно сердитая.

— Что вы! Маленький я, что ли? Привет вашим.

* * *

В той же самой патриархальной семье разговоры теперь...

Приходит молодой человек к любимой девушке — кокетливой дочери хозяина дома — драсте, драсте, — потом разговор:

— Озябли, Михаил Иваныч?
— Еще бы! Какие-то двое на проспекте шубу сняли...
— Только и всего?
— К счастью. Убежать успел.
— Дешево отделались. Садитесь, что новенького?
— Чайку бы стаканчик горяченького.
— Ну что вы, будто бы газет не читаете!
— А что?
— Да ведь петлюровцы захватили Екатеринослав.
— Что ж из этого?
— Какой вы смешной! Да ведь движение прервано?
— Ну?
— Значит, нет подвоза сахара из Киева. Какой же там чай?
— Гм... досадно... Папа дома?
— Который раз уже спрашиваете! Ведь я рассказывала вам, что полгода тому назад уехал на 2 дня в Решеткино...
— Так ведь на 2 дня же!
— На два. А тут как раз случилось между Решеткиным и нашим городом восстание большевиков, потом их разбили немцы, потом петлюровцы разоружили немцев, а махновцы разбили петлюровцев... Теперь ждут тюркосов из Одессы. Так до сих пор и тянется, а папы все нет и нет. Мама все боится — не женился ли он там опять.
— Комиссия! А братишки гуляют все?
— На каторге бы им гулять — самое подходящее дело!
— А что?
— А то. Целый день в квартире свалка. Колька объявил себя петлюровцем, Гришка на коммуниста тянет. Сеничка за единую Россию, а Вовка махновцем объявился, — вчера все варенье в шкафу слопал. А за обедом стреляли друг у друга. Теперь Гришка забаррикадировался в чулане, а те три дурака его осаждают. К вечеру обещали разоружить.
— Оленька! Придете завтра в час дня к памятнику Пушкина на свидание?
— Какого Пушкина?
— Александра Сергеевича, который писал. Неужели не знаете?
— Все у вас из головы вылетело! Ведь его большевики сняли в прошлом году за саботаж! Там теперь будка с папиросами.

— Ах, да! Ну, к будке приходите!

— Если свое бриллиантовое кольцо продам до завтра, тогда приду.

— Не понимаю, какое это имеет отношение. Вы меня обижаете.

— А такое отношение, что у меня ботинок нет, а ботинки 400 рублей стоят. Вот и придется кольцо продать.

— О кольце не беспокойтесь. Я вам лучше свою фрачную крахмальную рубашку подарю.

— Что же, я ей ноги закутаю, что ли?

— Помилуйте! 500 рублей стоит. Всякий дурак на ботинки променяет.

— Ну, идите домой.

— Почему гоните, Оленька?

— Не я гоню, электрическая станция гонит. Сейчас все погаснет.

— Ну, я пойду. Ого, стреляют где-то близко!

— Это ничего. Это братья, наверное, в чулане палят. Не боитесь идти по улице?

— Нет. Слава Богу, что шубу уже сняли. Впрочем, кошелек и часы я вам оставлю. Завтра принесете к Пушкинской будке. Да, слушайте: если не приду завтра, значит убили.

— Вот еще новости! Что же я, значит, зря выйду?

— Но ведь, может быть, и не убьют?

— Да... знаю я вас. Вы все так говорите.

* * *

Очень сейчас интересная жизнь, побей меня Бог.

ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДНО И ТО ЖЕ

Есть такой анекдотический разговор о незрелой черной смородине:

— Что это?

— Черная смородина.

— А почему же она красная?

— Потому что еще зеленая.

Сумбурно, а правильно. Так же сейчас говорят о Петрограде.

* * *

Приехал один человек из Петрограда...

Конечно, обрушили мы на его голову тысячу вопросов:

— Ну, как в Петрограде? Что делается? Как живут?

— Очень хорошо, — не колеблясь, отвечал он. — Полный порядок.

— Это неслыханно! В чем же там порядок?

— Помилуйте! Всюду прибрано, на улицах чистота — никакого сору!.. Грабежи совершенно прекратились, по городу можно без опаски ходить даже темной ночью... В трамваях порядок, нет никакой давки, нет этих трамвайных висельников, которые — помните — так отравляли нам жизнь прежде... Да-с! В трамваях свободно, а театры наоборот переполнены.

Слушаем мы его и думаем:

— Ой, врешь ты, человече!

Но нет.

Лицо открытое, правдивое, как у святого.

Поверили.

* * *

Приехал другой человек из Петрограда.

Набросились:

— Ну, как? Что там? Как жизнь?

— Ужас, — сказал человек, и на глазах его выступили слезы отчаяния. — Погиб прекрасный город! Голод, холод и кладбище. Кровь стынет, когда вспомнишь.

— Но ведь там, говорят, порядок, на улицах чистота, сору нет!

— Конечно, нет сору... А почему? Потому что вообще ничего нет. Что такое сор? Это обрывки, огрызки еды, шелуха, окурки папирос, скорлупа орехов. Ну, так вот теперь Петроград действительно чист, как паркет: в голодном городе нечем сорить!

— А вот тоже, говорят, грабежи прекратились...

— Так точно. Прекратились. Сами собою. А почему? Грабить некого. Все, кого можно было ограбить, все буржуазные овцы — ограблены, а волк на волка, как вы знаете, не нападает!..

— Еще вот, говорят, в трамваях порядок, нет висельников.

— Еще бы не порядок: пустые ходят. Три четверти населения перемерло с голоду... Ездить-то, глядишь, и некому...

— Но почему же нам говорили, что театры переполнены?..

— Ослы! Какие театры? Анатомические!

* * *

Двое говорят, что смородина черная, красная и зеленая...

И оба правы.

О ЧЕМ ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА

— Здравствуйте, моя милочка! Что это у вас такое растерянное лицо?

— И не говорите. Голова кругом идет. Скажите, вы не знаете, кто симпатичнее — армяне или грузины?

— Как вам сказать... И у тех и у других глаза красивые.

— Да, это конечно... Но я не в том смысле... Видите ли, армяне и грузины сейчас воюют между собой. И вот я не знаю, кому из двух мне симпатизировать, кому желать победы?

— А вы будьте нейтральны!

— Не могу! Я должна принимать в борьбе активное участие, должна кому-нибудь симпатизировать — а кому? Армяне говорят, что виноваты грузины, а грузины все сваливают на армян.

— Знаете, что? Симпатизируйте союзникам: англичанам, французам.

— Уже! Даже с мужем из-за этого расхожусь. Но тут я опять совершенно запуталась...

— В чем? Может быть, я вас распутаю.

— Сомневаюсь. Скажите, ведь союзники в этом, как его... В контракте с Добровольческой армией?

— В контакте, а не в контракте.

— Это лучше?

— Несравненно.

— Ну, вот. Только я в этих словах путаюсь. Контакт — контракт... Я лучше буду говорить: «симпатизируют». Это

мне понятнее. Итак, союзники симпатизируют Добровольческой армии и воюют с большевиками. Так?

— Верно.

— Но ведь петлюровцы тоже воюют с большевиками?

— Да.

— Значит, союзники и добровольцы должны симпатизировать петлюровцам?

— Ну?

— А они не симпатизируют, а наоборот воюют с петлюровцами! Как же это понять?

— Очень просто: у петлюровцев есть отвратительная манера — все отрезывать: сегодня они отрезали Киев, завтра Харьков, послезавтра Екатеринослав... Вот их никто и не любит. Скажите, а как петлюровцы относятся к грузинам?

— Что вы! Где имение, где Днепр. Но кто меня больше всего сбивает с толку — это махновцы.

— Почему?

— Удивительная нация! Никому не симпатизирует! У них война и с большевиками, и с петлюровцами, и с Добровольческой армией, и с союзниками. А в промежутках еще успевают делать в поездах повальные обыски.

— Что это значит — повальные?

— Очень просто. Повалят и обыщут.

— Скажите, махновцы идейные?

— Очень. И идея такая: побольше награбить. Мой знакомый Васищев — в одном пенсне из Харькова приехал.

— Почему же в пенсне?

— Дымчатое. Не так стыдно. Он, между прочим, рассказывает, что в Харькове уже без пальто ходят.

— Так тепло?

— Нет, просто грабители все шубы и пальто поотнимали.

— Что только делается! Волосы дыбом... Вчера мне сообщили, например, что Новороссийск занят.

— Не может быть!

— Меня клятвенно уверяли.

— Что же теперь будет?

— Совершенно теряюсь.

— Может быть, другой город занят?

— Нет, нет! Именно Новороссийск.

— Кровь стынет. Кстати, а кем он занят?

— Кем?.. Гм... Вот этого я не догадалась спросить.

* * *

Вздыхая, расходятся; в сердце печаль, на лице ужас, на голове модная шляпа, а в голове — хоть шаром покати.

БУМЕРАНГ

Ко мне зашел приятель.

На лице его было такое кислое, унылое выражение, что мое доброе сердце сжалось острой болью.

— Что с тобой?

— Ничего. Настроение ужасное. Не вижу в нашей жизни никакого просвета. Хоть бы ты рассказал мне что-нибудь радостное!..

«Отчего, — подумал я, — и не порадовать хорошего человека! Меня от этого не убудет, а ему сделается приятно».

Из имеющегося у меня материала я скроил самое простодушное лицо и сказал голосом, дрожащим от радости:

— Изволь! Как раз сейчас мне сообщили замечательную новость: в Петербурге началось восстание!

На лице его зацвели розы:

— Кто? Где? Как? Когда?

— Видишь ли... Гм... Появился такой человек... Некто Плюханкин. И он на Неве захватил транспорт «Москва», а на других судах с помощью своих приверженцев снял с орудий замки. И в одно прекрасное время объявил себя защитником Учредительного собрания! И ни одно судно не могло ничего с этим поделать! Подымай! Орудия не стреляют, экипажи деморализованы! Теперь события развиваются.

Радости моего приятеля не было пределов...

— Наконец-то! Началось! Слава Богу! Ныне отпущаеши раба Тво...

— Здравствуйте! — приветствовал нас неожиданно зашедший ко мне Клюкин.

— Слышали? — обратился к нему возрожденный приятель. — Новости-то какие!.. Задохнуться можно.

— А что?

— Ну, как же? Неужели, не слышали!? Известный повстанец Плюханов захватил в Петербурге броненосец

«Москву», отобрал у всех замки, деморализовал экипажи, созывает Учредительное собрание! События развиваются с ошеломляющей быстротой.

— Может быть, неправда? — недоверчиво спросил Клюкин.

— Ну вот! Из верных источников получили!

Клюкин затеплился, как свечка, потом вспыхнул, как ракета...

— Разрешите по телефону... Алло! Номер 73–52. Ты, Маруся! Сообщаю самую последнюю новость: в Петербурге известным революционером Плехановым поднято восстание! Что? Как, умер? Неужели? Ну, значит, однофамилец — неважно! Так слушай: захвачена «Москва» и еще несколько, все замки отобраны, ключи отобраны, экипажи даже демобилизованы, весною созывается Учредительное собрание, события развиваются с головокружительной, жуткой быстротой, слышишь?

У них были такие счастливые, сияющие лица, что я втайне похвалил себя:

«Молодец я! Как легко с помощью какого-то Плюханкина доставил этим бедным людям истинное счастье».

* * *

А на другой день ко мне ввалился знакомый Перегрызов.

— Ну, и штуки, — кричал он еще из передней. — Слышали? Да где вам слышать! Москва взята у большевиков!

— Какая Москва?!

— Столица, я думаю.

— Неправда!

— Вот вы поговорите с этим человеком... «Неправда»! Только что приехал из Москвы мой друг Чикалдеев, — самые свежие новости. Понимаете, известный эсер Плеханов поднял восстание...

— Да ведь Плеханов умер!

— В том-то и штука, что не умер! Оказывается, вместо него похоронили какого-то загримированного, а он по тактическим соображениям на броненосце скрывался. А теперь обнаружился, поднял восстание, захватил Москву и потребовал даже, чтобы ему принесли ключи от нее. Помните, как тогда Наполеон?.. На 21 апреля созывает Учредительное

собрание! Большевики из Москвы бегут — все экипажи мобилизованы. Поверите — по три тысячи за простую пролетку платят! Побегу дальше!

Когда он ушел, я разгримировал, обмыл, отчистил принесенную им сенсацию, и только тут узнал свое собственное скромное детище: некоего Плюханкина, захватившего транспорт «Москву» и снявшего с других судов орудийные замки...

И тут я убедился, что всякий пущенный слух — это австралийский бумеранг, который, будучи пущен в воздух, возвращается обратно в руки своего хозяина. А если он пущен особо искусной рукой, то в своем полете перед возвращением в воздухе убивает птицу с ярким оперением.

И чаще всего эта птица — утка.

СТАЛЬНОЙ НАРОД

Из всего чудесного и замечательного, что есть в нашей доморощенной революции, самое чудесное и замечательное, самое такое, перед чем я готов благоговейно снять шляпу и с почтительным удивлением и восторгом преклонить голову — это русские железные дороги.

Среди необозримого разбушевавшегося океана беспросветного хамства, лени, разгильдяйства, грабительства, жадности, преступной небрежности, тупой жестокости, оголтелого баклушничества и смешного, но облитого кровью самодурства и произвола — маячит какой-то островок, основание которого твердо покоится на самом крепком неподвижном фундаменте.

Это — железные дороги и вообще железнодорожная служба.

Кто поймет эту психологию серого, незаметного подвижничества, этот «перманентный» риск своей жизнью, этот ежедневный будничный героизм, к которому так все привыкли, что считают его таким же обязательным и непременным, как воздух, которым нужно обязательно и непременно дышать — иначе задохнешься...

И нельзя даже сказать, что железнодорожный аппарат потому так живуч и жизнеспособен, что он по своей природе выкован из железа и стали — поэтому несокрушим.

Наоборот, ничего нет чувствительнее и нежнее железнодорожного аппарата... Заметьте: как только в какой-нибудь местности неблагополучно — сейчас же вы получаете телеграмму:

— «Железнодорожное движение прервано».

Это первая ласточка. Железная дорога — это хрупкая женственная натура, склоняющая первая нежную голову на надломленное шее при первом же дуновении свирепого урагана.

Но нет ничего на свете выносливее таких женственных хрупких натур. Они первые пригибаются к земле, но и первые же выпрямляются, как только ураган пронесся дальше.

Налетела грубая ужасная грабительская красная армия — железнодорожное дело разрушено, исковеркано, разрушена, разграблена, исковеркана почта, банки, городское самоуправление, учебная жизнь.

Но вот кто-то явился на выручку несчастной местности, красные грабители и насильники прогнаны дальше, и за их спиной остается все, чего коснулась рука жестокого демона разрушения: закрытые банки, разрушенная почта, разогнанное городское самоуправление, мертвые заколоченные гимназии.

И угрюмо дремлет в тоске смертельно израненный город — закрытые, заколоченные банки, почта, гимназии.

А в это время — даже еще раньше, когда красные в полуверсте от станции, убегая, еще отстреливаются из орудий, когда еще по железнодорожным путям посвистывают последние запоздавшие пули — на перроне показывается фигура, хлопотливая, в красной фуражке, какие-то серые люди копошатся около развинченных, развороченных взрывами рельс, кто-то чистит холодный молчаливый паровоз, кто-то что-то смазывает, кто-то по чем-то хлопотливо постукивает молоточком и — не прошло и нескольких часов, как колесо завертелось: уже на железнодорожном телеграфе застучали, как дятлы, телеграфисты, уже засаленные люди льют из масленок в вагонные колеса какую-то смазочную штуку, уже у билетного окошечка замаячила небритая физиономия кассира, а там — звонок, свисток, гудок, т-шу, т-шу, тшу-у-у! Пожалуйте!

— На Конопаткино, Васино, Чудаковскую — третий звонок! Поезд стоит на втором пути!

А на другой день начальство, если только есть малейшая возможность, кроме почтовых пустит еще и международный вагон. Уж будьте покойны! Это вопрос его, железнодорожного, самолюбия.

Банки заколочены, о городской думе ни слуху, ни духу, а на станции — будто ничего и не случилось:

— Что вы хотите знать? Ну, да! 3-й номер, как всегда, отходит в восемь вечера, а 8-й bis по-старому в 11 часов. Что? Багаж? Конечно, принимается! Почему бы ему и не приниматься?

* * *

На железной дороге своя логика — логика чудо-богатырей.

— Эй, начальник станции! Почему поезд не идет?

— Угля нет.

— А вы купи́те.

— Денег нет, Верите, третий месяц жалованья не получаем.

— Что же делать?

— А вы, может, между пассажирами на уголь соберете? Все-таки с десяток станций проедете.

— А машинист поедет?

— На то он и машинист, чтобы ехать! Ему лишь бы уголь был.

Пошептались. Собрали. Купили в городе. Нагрузили тендер. Кто-то постучал молоточком по колесам вагонов, кто-то звякнул, кто-то свистнул...

Пассажиры сияют, машинист сияет, а больше всех сияет начальник станции: есть, значит, еще порох в пороховницах, сердце в хилом умирающем организме, все, значит, в порядке!

Проехали несколько станций, отправили снова делегацию к новому начальнику станции, прикупили угля, постучали, позвякали, погудели — качай дальше вплоть до той магической черты, где «благодаря беспорядкам железнодорожное движение прервано».

По сей необъятной Руси раскинулась стальная паутина, и в ней несмотря ни на что — ни на холод, ни на голод, ни на расстрелы — копошатся десятки тысяч серых трудолюбивых пауков...

Кто, когда, каким образом дал им этот гигантский толчок, кто сообщил им столько могучую инерцию, что они

до сих пор аккуратно и педантически катятся по своей паре хрупких рельсовых путей в туманную загадочную даль, где брезжит рассвет могучей страны?

Кто они, эти безликие безымянные сумрачные герои в засаленных тужурках, красных шапках, оберкондукторских кафтанах и инженерных мундирах?

Шапку долой перед этим серым, безликим, могучим, прекрасным цементом разваливающейся жизни!..

КРЫСА С КОРАБЛЯ

Один взрослый, бородатый, усатый человек, будучи в лихорадочных исканиях удобной квартиры, наконец, нашел себе комнату, по его мнению, очень удобную и уютную.

— Прелестная комнатка, — восхищался он. — Светленькая и аккуратная. А залом я могу пользоваться?

— О, сколько угодно. В особенности по вечерам. Вам будет тут весело.

— И рояль есть? Это прелестно. А кто на нем играет?

— Как обыкновенно: тапер.

— А я других жильцов не стесню?

— Наших барышень? Отчего же, наоборот.

— А! У вас барышни?

— Исключительно!

— Пансион, что ли?

— Ну, да. Без древних языков.

— Так, так. Да и, в сущности, к чему эти древние языки? Только душат. Недаром их называют: мертвые языки. Что же... много у вас этих... пансионерок?

— Десять: Леля Венгерка, Бланш, Катя, Манька Танцуй, Желтенькая Рахиль, Тамара Королева, Зузу, Голландка и Дуська Матрос...

— А-а... Приятно, приятно. А занятия у вас когда происходят?

— Которые?

— Ну, вот эти... Преподавание научных предметов?

— С одиннадцати.

— Оч-чень мило! Я так рад, что очутился в семейном доме.

И стал жить в семейном доме усатый, бородатый господин.

Днем весь дом был погружен в сон, а с 11 час. вечера в гостиной начиналось — гремел рояль, съезжались гости, высыпали в гостиную барышни — Леля Венгерка, одетая гусаром, толстая Бланш и худенькая Манька Танцуй, в белом платьице-бебе, и Рахиль в цыганском костюме, и Дуська в матросской блузе с голыми коленками, и Катя, и многие тому подобные.

Жилец тоже выходил в гостиную, пил с барышнями вино и ликер, с гостями разговаривал о политике, а с «мадам» играл в шестьдесят шесть и в подкидного дурачка.

С тапером однажды выпил «на ты», а мощный швейцар Васька Рыжий, или Васька Зверь, как называли его девушки, величал жильца по имени-отчеству: Алексеем Максимычем...

И так жизнь эта продолжалась целый год — обе стороны были довольны друг другом...

И вдруг однажды в местной газете появилось громовое письмо в редакцию, подписанное бородатым, усатым жильцом:

— «Возмущенный тем наглым обманом, который был допущен в отношении меня, обращаюсь к защите общественного мнения! В прошлом году я снял комнату в одном доме, хозяева которого уверили меня, что там помещается пансион без древних языков... Я прожил в этом доме целый год и что же? — в конце концов, убедился, что ничего подобного: никакого пансиона нет! Я не видел ни одного преподавателя, не видел учебных пособий, а ученицы ходили по всему дому чуть не голые. Хороший пансион! Днем спали, вечером танцевали в зале с развязными подвыпившими молодыми людьми, даже не представленными хозяевам, а ночью ко мне стучались какие-то пьяные и требовали, чтобы я указал, где Манька Танцуй?!..

Целый год я не понимал, в чем дело, и добросовестно думал, что это действительно закрытое учебное заведение, и только на днях у меня глаза открылись!.. Граждане! Это неприличное учреждение, и ездить туда безнравственно! Ах, как меня жестоко обманули! Что-то скажет моя мама и знакомые, когда узнают!..

* * *

Если бы рассказанная выше история случилась в действительности, и читатель бы ей поверил — он всплеснул бы руками и сказал:

— Боже, какой дурак этот усатый и бородатый.

Читатель! Осторожнее!

Не выражайся так — иначе ты оскорбишь обидным эпитетом «дурака» известного русского писателя Максима Горького!

Это именно он, и никто другой, проработал в большем или меньшем контакте с большевиками целый год, живя все время в столицах, зная все время о мошенничествах и разврате народных комиссаров, зная о расстрелах о разорении и гибели интеллигенции, о развале всей России, видя, что вся система власти большевиков построена на обмане, грабеже, на крови и жульничестве, видел вымирающие с голоду, холоду и от насилия — обе столицы — видя все это, так как это ясно видят все, на глазах которых происходит (фрагмент не читается. — *В.М.)*. И только на днях он узнал, что такое «пансион без древних языков», и что Ленин, Троцкий, Бонч-Бруевич и Луначарский ближе к Маньке Танцуй и Леле Венгерке, чем к русской демократии, в которую так влюблен Горький.

Вот что написал на днях Максим Горький в газете «Новая жизнь»:

«Даже для самого наивного простеца ясно теперь, что не только о каком-либо мужестве и революционном достоинстве, но даже о самой элементарной честности народных комиссаров говорить не приходится. Перед нами компания авантюристов, которые ради собственных интересов готовы на самое постыдное предательство интересов родины и революции».

Вот это, действительно, «трагедия молодого Вертера»!

Старый усатый господин целый год прожил в страшном публичном доме и только на днях воскликнул:

— Позвольте! Да это не институт благородных девиц! Это что-то другое! А я ходил по колено в крови и не замечал!

Нет! не дурак Горький...

Здесь что-то другое...

В чем же дело?

* * *

Если мы обратим наше пристальное внимание на животный мир, то должны будем признать: крысы гораздо проще и искреннее... И когда им приходится покидать тонущий корабль, они не хлопают себя в раскаянии по бокам и не пишут перед этим громовых статей о том — чего они раньше не знали — о том, что покидаемый корабль — пиратский!..

ЭПОХА РЕНЕССАНСА

(Утопия)

В один прекрасный день (день этот был, действительно, прекрасный, а не то что как вообще говорится) — в один чудесный, замечательный день — все кончилось.

Так-таки все решительно кончилось: большевизм и всякое вообще жульничество, развал и разруха, лодырничанье, грабеж, гнусность и неразбериха — все прикончилось!

И наступила прекрасная новая жизнь и даже вернее сказать не новая, а старая — порядочная и строго-организованная — от пятачковой стоимости пятачковой булки до уголовной ответственности за грабеж и убийство — о чем все уже и забыли.

* * *

И вот в такой-то чудесно-сверкающий день ко мне зашел мой знакомый Скелетов.

— Чертовски захлопотался, — кричал он еще из передней. — Ну, здравствуйте, недорезанный буржуй. А я к вам по делу... Окажите протекцию... Вы знакомы с Размахаевым?

— Как же. Очень хорошо.

— Вот и очень замечательно. А дело в том, что у этого Размахаева есть племянница Нюточка...

— Кажется, есть...

— Наверное есть! Я уже все досконально узнал. А у нее есть жених Чмоков, Григорий. И вот Чмоков сей на будущей неделе едет в Саратов!!..

— Ну, и черт с ним, — нетерпеливо перебил я. — Пусть едет.

— Нет, вы так о Чмокове не говорите. Этот Чмоков может мня облагодетельствовать, а вы ему черта сулите.

— Чем облагодетельствовать?!

— Пусть повезет в Саратов мое письмо для передачи сестре.

— Не понимаю, зачем вам Чмоков, едущий на будущей неделе, — удивился я. — Пошлите по почте!

— По... чем?

— По почте. Наклейте марку и опустите в ящик.

— Марку?! Германскую?

— Русскую! Семикопеечную! Ящик-то — знаете, что это такое?

— Ну. еще бы... Такие деревянные, в столе.

— Не в столе, а на стене, на улице. Не деревянный, а железный... Желтенький такой, знаете?

— Что вы говорите?! Вот замечательно! И, значит, если я опущу письмо в такой ящик — оно получится в Саратове? Что ж тут, электричество, что ли? Держу пари, что в этой штуке за версту пахнет Эдиссоном.

Я долго и терпеливо объяснял бедняге почтовый аппарат дореволюционного времени, тот аппарат, который за время революции совсем испарился из его, скелетовской головы.

Он радовался как ребенок, удивлялся, хлопал в ладоши:

— Это же замечательно! Как просто и — главное — удобно! Этакий желтенький проказник! Здесь бросишь, там получишь, а? У вас пуговиц нет?

— Что-о?

— Нет ли у вас дюжины больших костяных пуговиц для пальто? Я бы дал вам за них марксовское издание «Фауста» Гете.

— На кой черт мне «Фауст»? На кой дьявол вам пуговицы?

- Это, собственно, не мне. Видите ли, я заказал портному брюки за сто рублей. Тридцать пять рублей я решил дать ему машинкой для рубки котлет: двадцать — двумя флакончиками вежеталя, тридцать три рубля — правом пользоваться моим домашним пылесосом в течение недели, а остальные двенадцать рублей хотел дать пуговицами.

— А не проще ли отдать ему все сто рублей деньгами?

— Так я ж и отдаю деньгами: считайте — пылесос, да машинка для рубки котлет, да пуговицы...

— Нет, вы меня не поняли... Отдайте деньгами: знаете, такие продолговатые бумажечки с цифрами 5, 10, 25 и с рисуночком на обеих сторонах.

Скелетов недоверчиво взглянул на меня.

— Что же портной будет делать с этими бумажечками? Ведь их вместо пуговиц к пальто не пришьешь.

— Нет, он отдаст эти бумажечки с рисунком в магазин, и там ему вместо этого дадут пуговиц.

— Скажете тоже! А магазин куда их денет?

Я опять долго и терпеливо пытался объяснять ему принципы денежного обращения в стране.

Ахнул бедняга:

— Но ведь это же гениально и просто! Смотрите, какое удобство: вместо того, чтобы тащить к нему мясорубку, вежеталь и пылесос, я кладу в карман такую бумажечку, иду к нему, вынимаю и даю!! Слушайте... А он отдаст мне брюки? А вдруг заупрямится?

Я успокоил его, и он ушел, чуть не приплясывая.

* * *

Снова появился ко мне Скелетов через неделю.

Первый вопрос его был:

— Вы знаете столярное дело?

— Ни капельки. А что?

— Понимаете — боюсь я постороннему довериться. Паркетину одну нужно мою поднять в гостиной.

— Паркет испортился?

— Нет, не то... А вернее я после вашего объяснения все свое лишнее имущество перевел на такие продолговатые разрисованные бумажечки. Очень удобно. Одного только боюсь... как бы не украли. Вот и задумал всю пачку спрятать под паркет...

— А вы лучше в банке держите.

— Я и сам сначала думал... Но ее легко могут унести...

— Кого?

— А?.. Банку.

Мы с недоумением поглядели друг на друга.

— Не банка, а банк. Вы кладете туда деньги — это дом такой, где люди считают и в книги записывают — и деньги ваши будут в сохранности. И если вы, скажем, положили туда сто тысяч, то через год можете получить сто пять.

— Да что ж им за расчет? Они же сохраняют, да они же еще и лишние деньги за это дают?..

И снова долго и терпеливо объяснял я ему основы банковских операций.

И снова он превратился в соляной столб от изумления и восторга.

— Это что ж такое, а? Вот башка придумала! Ты же сохраняй мои деньги, ты же мне еще и плати! Ай да банкиры! Памятник им надо поставить. Кстати, не найдется ли у вас до завтра финского ножа поострее?

— Зачем вам?

— Кухарку хочу зарезать. Нынче оскорбила меня: дураком назвала.

— С ума вы сошли? Вы хотите, чтобы она оказалась права? Подайте лучше на нее в суд.

— Что подать?

— Ничего не подать — так говорится. Пожалуйтесь в суд, судьи ее и присудят к тюрьме.

— А что ж им за смысл хлопотать, судить, наказывать ее? Ведь она не их, а меня дураком назвала.

Снова были объяснения, снова дикий восторг и изумление.

И даже когда он, уходя, спускался с лестницы, до меня доносились его бессвязные восклицания:

— Мозги-то, а? Наполеоны! А говорят — большевики умные. Нет, братец ты мой, не особенно! Сколько лет мы под ними прожили, а они до этого не додумались... Ха-ха... Пусть-ка кто-нибудь в меня теперь выстрелит — сейчас же в суд на него! Пожалуйте бриться! Ха-ха!

* * *

Бедная наша Россия... Ты напоминаешь мне мудрого образованного старика, которому от удара хулиганской дубинки отшибло память и который, тряся седой бородой, начинает учиться азбуке...

СОВРЕМЕННЫЙ ЯЗЫК

В книжном магазине.

— Скажите, у вас есть произведения буржуазного писателя Гончарова?

— Которое?

— Ну, вот это... Где еще говорится о саботаже интеллигенции?..

— Ах, «Обломов»? Нет, не имеем.

— Ну, тогда дайте гоголевского «Реквизора».

— То есть «Ревизора»?

— Нет, именно «Реквизора». Знаете, который по подложному мандату у чиновников деньги ревизировал. Тоже нет? Может, найдется «Легенда о Великом реквизиторе»?

— Может, — инквизитор?

— К дьяволу! Давайте то, что вас просят. Тоже нет? Ну и рынок наш. Надеюсь, гоголевская «Варфоломеевская ночь под Рождество» найдется?

— «Варфоломеевской» нет. Обыкновенную не прикажете ли?

— Сами читайте! И рассказов Антона Чехова-Словакова тоже нет? Гм!.. Эмиля Золя «Земля и воля» не найдется ли?

— Никак нет. Одна «Земля» господина Золя есть. Без воли. А насчет воли найдете у господина Шопенгауэра: «Мир как воля и представление».

— Ну, «волю» я еще взял бы... А представление мне на кой черт? Что я, цирк буду открывать, что ли? Скажите, а что это у вас на прилавке за книжка: «Самоучитель русско-швейцарской борьбы»... Это классовая борьба?

— Нет-с... На поясах.

— Этого не потребуется. В такой борьбе права своего не обретешь. А найдется у вас роман мелкобуржуазного соглашателя Льва Толстого «Война дворцам и мир хижинам»?

— Вроде этого есть: «Хижина дяди Тома».

— Слава Богу. Хоть что-нибудь нашлось. Дайте. А это что? Стихи деревенского кулака Кольцова? Не требуется. А это что? «Рассказ о семи повешенных»? Любопытно. Дайте для ровного счета штук пятнадцать повешенных. Товарищу подарю. Что? Не выходит? Ну, четырнадцать дайте. Как раз две книжки. Да! Потом еще ноты я у вас

хотел взять. Есть ноты? Так дайте мне романс о городском голове, которого повесили большевики.

— Извините, такого романса нет.

— Ну, как нет! Я сам слышал. Во всех цыганских концертах поют.

— Может, слова вспомните?

— Слова известные. Начинается так. «Что ж вы голову, соколики, повесили». Я так понимаю, что они городское управление разогнали, а голову повесили ....

САМОСТИЙНИКИ

В поезде, идущем из Киева в Екатеринослав, в купе первого класса мирно беседуют две дамы:

— Простите, мадам... Вы в первый раз ездите по этой дороге?

— Во второй.

— Тогда я не понимаю, почему вы надели такую хорошую ротонду.

— Но ведь пыли теперь нет.

— Причем тут пыль, когда через две остановки нас будут грабить махновцы.

— Разве уже? Я думала, еще часа через два. Но ведь, говорят, они верхнего платья не берут.

— До вторника не брали. А теперь вышло разъяснение ихнего ревкома, чтобы брать.

— Жалко, что я не читала... Можно было бы что-нибудь старенькое надеть.

— Ох, с этой политикой совсем голова кругом идет. Петлюровцы грабили раньше только кредитки и бриллианты, теперь вдруг переходят на платформу меховых вещей, опанасенковцы снимали только мужские костюмы и сапоги, а с прошлой недели вдруг сразу на дамское белье перешли. Я и не думала, что социализм такая сложная вещь. На вас есть корсет?

— Есть.

— Стянут.

— Нет, не особенно. Я не люблю в дороге затягиваться.

— Нет, я горю, нечипоренковцы стянут. У них платформа такая: долой корсеты! Очень гигиеническая платформа.

— Какие нечипоренковцы?

— Шайка. Атаман — бывший акцизный Нечипоренко.

— Красивый?

— Причем тут красота? Губную помаду даже отбирает.

— Я о нем ничего и не слыхала. Должно быть, новый. Мне в Киеве советовали грабиться у Остапчука. Он только бриллианты и николаевки социализирует. И, кроме того, удостоверение дает, что вы уже ограблены, очень удобно.

— Почему удобно?

— А чтобы на следующих перегонах не грабили.

_ Раз уже ограбили, не все ли равно, что будет на следующих перегонах?

— Не скажите. Они бывают очень недовольны, кричат. Вы, говрят, нарочно нам назло вещей не взяли. А тут покажешь им удостоверение — они и успокоятся.

— Я делаю иначе. Мне приходится часто ездить, я и приспособилась. Видите ли, нужно набрать из дому как можно больше ненужных вещей и разложить их в три чемодана. Первый я держу на виду для Авдеевцев, второй прячу под лавку — Махновцы потом забирают, а третий держу где-нибудь в вагонной топке под углем. Это для нечипоренковцев — они самые придирчивые.

— А вы знаете, они обижаются, если им сказать, что они грабят.

— Еще бы. Они называют это обыскивать.

— Какая же разница?

— Огромная. Грабят — просто, без социализма, а «обыскивают», стоя на какой-нибудь платформе и по мандату.

— Да кто ж им мандат даст?

— Сами. Друг другу. Вы когда-нибудь грабились у Поддубного?

— Еще не случалось.

— Очень симпатичный. Он прямо без мандата грабит. Не люблю, говорит, этих фиглей-миглей. Поет замечательно.

— Что ж он, во время грабежа поет, что ли?

— Нет, он потом три станции со мной в одном купе ехал, так пел. Обещал даже, когда будет в Екатеринославе, в гости придти.

— А вы знаете, у меня есть знакомый Козюкин, так он тоже решил свою шайку составить и грабить. Как раз был свободный перегон между Подляновкой и Слюнями.

— А он на какой платформе стоит?

— Ну, куда ему, дураку, на платформе стоять; его и так-то земля не держит. Смех и грех с такими разбойниками.

— Что же вышло?

— Прежде всего, набрал он всего 8 человек козюковцев. Никто не хотел к нему идти. Ну, остановили они, значит, первый раз поезд около Слюней, вошли в вагон... Козюкин вынул свой старомодный бульдог — наверное, за пятерку на толчке купил — и пищит: «Пожалуйста, прошу вас, потрудитесь, руки вверх!».

Никто почти и не расслышал.

Он опять, чуть не со слезами: «Покорнейше прошу вас, господа, будьте любезны, руки вверх». Наконец, один господин расслышал его бормотанье, встал: «Тебе чего, дохлятина, надо?».

Так тот, верите, чуть не расплакался: «Вы, говорит, не имеете права оскорблять представителя трудового пролетариата. За это и к мировому можно». Потом сконфузился, махнул рукой и убежал из вагона. Вот тебе и шайка.

— Да... — задумчиво сказала первая дама. — Теперь всякая шантрапа в атаманы полезла. Мельчает все.

В это время по коридору прошел кондуктор. Он открыл дверь купе и привычным монотонным голосом протянул:

— Господа-а, приготовьте вещи-и! Константиновка, сейчас грабить будуу-т!

О БУРЖУЯХ И ПРОЧЕМ ТАКОМ

Когда я вижу веселое лицо буржуя, беззаботно гуляющего ясным, солнечным утром по теплым городским улицам — мне всегда приходит на ум сравнение этого буржуя с некоторыми персонажами из страшной, поистине пророческой повести Уэльса — «Машина времени».

Несколько тысяч лет тому вперед, по уверению Уэльса, происходило вот что.

На Земле жили маленькие, веселые человечки, весь день проводящие в плясках, беззаботном веселии и играх. Казалось, ничто не смущало их невинной, кроткой души — пляски и игры с восходом солнца, мирный сон на закате. Но потом выяснилось, что у них был один страх, один ледяной, мертвящий душу и шевелящий на голове волосы ужас... Ужас темных ночей!

Днем и в лунные ночи беззаботное, разодетое в яркие, прекрасные одежды человечество пело и плясало, но едва только наступали темные безлунные ночи — все в страхе и смятении старались забиться кто куда — это был такой холодный, неизбывный ужас, о котором современное человечество не имеет понятия.

И вот, когда наступала мертвая, гробовая безлунная тьма — крышки мрачных колодцев, разбросанных там и сям в этой местности, приподнимались, откидывались, и из колодцев вылезала вторая половина человечества — морлоки... Это была «рабочья» половина человечества, целыми тысячелетиями жившая под землей, ненавидевшая свет, избегавшая солнца и могущая пронизывать своими красными светящимися глазами — только тьму. Видом морлоки напоминали уродливых обезьян, покрытых белой шерстью, лапки их были цепки, жадны и безжалостны, и всюду, куда они ни появлялись, они брали количеством — наваливались на надземного человека и своими цепкими, скользкими, холодными лапками валили его на землю, после чего стаскивали в устье колодцев, где не было ни одной искорки света... Слышалось только пыхтение многочисленных машин. И там, в этих ужасных, темных коридорах, морлоки рвали свою добычу, расчленяли на куски и ели...

Да, они питались мясом беззаботных надземных человечков...

А надземное человечество было для них просто убойным мясом, видом кротких, пасущихся на тучных нивах, овец, которые с ужасом, но безропотно глядят, как страшный пастух утаскивает товарища по стаду и тут же, на глазах у всех, режет его.

В темные ночи беззаботное человечество в ужасе притихало и, набившись в огромную комнату, укладывалось спать, тесно прижавшись друг к другу... Но среди ночи появлялись

несколько белых красноглазых морлоков и, выбрав наиболее жирных, утаскивали в колодцы...

Утром же все оставшиеся просыпались, как ни в чем не бывало, делали вид, что ночью ничего не было, и снова кружились на лугу в веселом, красочном хороводе под нежные, мелодичные песни.

* * *

Когда я смотрю на нынешнего, греющегося на солнышке «буржуя», — он мне ярко напоминает уэльсовского наземного человечка...

До темных ночей, когда появятся алчные, безжалостные большевики-морлоки еще неделя, и поэтому можно пойти в кабаре и за стаканом вина полюбоваться там на модных танцоров.

Но вот — мрак сгущается... Большевики около города!.. Заметался бедный буржуй, забилось тоскливо в предсмертной тоске его овечье сердце... Спасите, люди добрые!..

Поздно... Морлоки уже в городе. Их холодные, мохнатые лапы быстро ощупывают карманы, отбирают самых жирных буржуазных овец, и вот уже лежит распластанный буржуй на огромном большевистском столе.

А в это время другие буржуи, которым удалось удрать верст за сто — только за сто верст от большевиков — сплетаются в веселые, озаренные солнцем красочные хороводы, а вечером все они идут в кабаре и умиленно любуются на еще более модных тангистов.

Они — как воробьи, смоченные дождем. Пока мокрые — сидят, нахохлившись. Выглянуло краем солнышко — и что за веселое щебетанье пошло!

Они — как дети, которых высекла строгая нянька. Лицо еще мокро от слез, а уже на нем блуждает улыбка, потому что столпились они у оконного стекла и любуются на муху, запутавшуюся в паутине.

Они — как овцы на тучном лугу, весело прыгающие по траве, потому что до них о ч е р е д ь е щ е з а в т р а.

Они — как устрица, вяло стискивающая свои створки под ножом гастронома.

Они — как паралитики, как тихие идиоты в доме умалишенных во время пожара — пока огонь не лизнул бок — жизнерадостно пляшут у глухой стены пылающей комнаты.

* * *

Вот многие из них читают сейчас этот фельетон и очень многие из них знают, что, может быть, скоро придут большевики и ограбят их до тла, и заточат их, и надругаются над ними, и зарежут их...

И, прочтя фельетон и зная свою скорую участь, — вы думаете, они возьмут ружье, ножик и пойдут упорной, грозной толпой на большевиков? Нет. Не туда они пойдут.

Они вечером пойдут в кабаре смотреть, как мисс Ольден прижимается в сладкой истоме аргентинского танго к своему партнеру, негру Тайлеру.

Однако, может быть, они, если не возьмут в руки ружье, то дадут другому денег на ружье, не на ружье, так на бинт, на марлю, на крепкие сапоги, на чистое белье, чтобы добровольца не кусала тифозная вошь?!

Что вы, голубчик! Нужно ведь платить портному, чтобы буржуйной даме было в чем пойти в кабаре смотреть за стаканом тысячерублевого вина на знойные изгибы и извивы Мисчет и Макели.

* * *

Ах, как жаль, что у Добровольческой армии нет никакой фантазии, что Добровольческая армия излишне джентльменски бескорыстна и прекраснодушна. Забрать лишнее? Реквизировать насущно необходимое для армии? Что вы! Удобно ли это? А вдруг человек обидится.

Будь у Добровольческой армии моя фантазия и искусство выдумки — она сделала бы так:

Вдруг ночью около квартиры богатого, сытого буржуя, охраняемого кровью Добровольческой армии, — автомобильный гудок, выстрел, крики: «Отворяй! А то дверь с петель! Отворяй, собака!».

— Кто вы? — спросит дрожащий от ужаса хозяин дома.

— Мы? — гаркнут добровольцы. — Мы, большевики.

— Пощадите, — застонет хозяин, падая на колени. — Возьмите все, что есть, но не убивайте. Вот миллион.

— А бриллианты?

— Вот на пятьсот тысяч бриллиантов и на пятьсот тысяч процентных бумаг. Пощадите!

— Ладно там! — искусственно грубым голосом скажет доброволец. — Становись к стенке.

И вот, когда буржуй, вручив добровольцам два своих последних миллиона, безропотно станет к стенке — добровольцы должны добродушно рассмеяться и сказать:

— Вот видишь, дурак: большевикам ты готов отдать все, даже жизнь свою, а добровольцам отдал бы с кривой гримасой только три рубля на благотворительном вечере в пользу семейств убитых добровольцев. Так вот знай: мы — добровольцы, и потому берем у тебя только половину денег, и от стенки ты можешь тоже отлепиться — ну, кто в такого выстрелит? Довольно тебе и подзатыльника.

Вообразите же себе радость буржуя, который уже считал себя погибшим, и вдруг оказывается — он жив, и у него даже есть миллион!

А подзатыльник от дружелюбной, снисходительной руки — даже нечто вроде ласки.

— Хорошие люди эти добровольцы, — думает умиленный буржуй. — Надо будет пойти вечером в кабаре — выпить шампанского за их здоровье!..

И всем хорошо: и буржую, и добровольцам — накормленным, обутым и одетым на буржуйские деньги.

Только, конечно, всю эту инсценировку нужно организовать научно и художественно.

* * *

Ну, кто скажет, что я не прав?

Хотел бы я видеть такого глупого человека.

КРЫМСКИЕ МОДНИКИ

О, мать-провинция!

Ты дорога мне, близка моему сердцу по многим причинам: мне мил твой уют, твоя тихая сытая жизнь, сонная дрема твоих пустынных пыльных улиц, твои беззлобные сплетни и пересуды, и, наконец, твое истерическое стремление ко всему модному, столичному, ко всему тому, что издает хоть отдаленный выдохшийся аромат Петербурга и Москвы.

И всякая мода, о, провинция, не мчится к тебе на всех парах, не летит экспрессом, а мирно плетется товаро-пассажирской скоростью, подолгу останавливаясь не только на больших станциях, но и на полустанках.

Вот — скажем — получил великолепный, изысканный Петербург прежнего времени парижский модный журнал — чудесное платьице с какой-нибудь выемкой впереди и подхватом сбоку.

Надела его петербургская модница, поносила месяц-другой, а там уж парижский экспресс мчит следующую по порядку новинку.

А эта — платьице с выемкой впереди и подхватом сбоку — уже красуется на харьковской или киевской моднице, вызывая зависть и восхищение черниговской, курской, севастопольской — модниц.

Но — три-четыре месяца — и уже не увидишь этого платьица на киевской моднице — устарел фасончик, тем более что только что докатился в Киев из столицы фасон: широкая юбка и лиф с перехватом спереди, или что-нибудь подобное — не знаю, я этих платьев не носил.

А старомодное киевское уже ласкает взоры черниговцев, курян или мелитопольцев...

И уже вы слышите, как симферопольская Анна Григорьевна заискивающе клянчит у гордой мелитопольской Марьи Семеновны:

— Голубчик, что за чудный фасончик? Не дадите ли выкройки?

Пока сшила симферопольская мастерица по затрепанному журналу, пока надела Марья Семеновна в подходящем случае платьице, — глядишь, парижский журнал уже на год вперед ускакал.

Петербург уже десять фасончиков переменил, а Симферополь все еще в старомодной шляпе с птичьим крылом и в платье с буфами щеголяет на потеху заезжих столичных модников.

* * *

Вот я должен признаться, что я такой заезжий столичный модник, и меня часто очень смешит крымская провинциальная манера напялить на себя смешной, давно уже

вышедший из моды петербургский «фасончик» и щеголять в нем на потеху заезжих человеков.

Довелось мне совсем недавно услышать речь одного эсдекского так называемого «партийного работника» — что это за старомодное, намозолившее глаза, выцветшее, выгоревшее от солнца и непогод — тряпье. Тут и:

«Довольно гражданской войны!»,

И:

«Единство демократического фронта»,

И:

«Дорогу общественности!»,

И:

«Организация пролетариата для борьбы за свои классовые интересы».

Донашивают.

Не хватает еще только позапрошлогоднего звучного «Долой десять министров-капиталистов!», не хватает свеженького лозунга «Мир хижинам, война дворцам», чтобы костюмчик получился для любого огорода — только руки, при этом, растопырь...

То обветшалое, старомодное, запачканное грязью, а кое-где и кровью — платье, которое уже 2 года как сброшено поумневшими столичными рабочими, — это платье со смешными обезьяньими ужимками донашивают севастопольские, симферопольские и карасубазарские модники, думая, что на их плечах красуется первейший «дернье кри де ля мод».

Нелепее, а иногда и трогательнее в своей убогой беспомощности старомодные карасубазарские чудаки! Мода уже на целых два года опередила вас и теперь в изъеденных социализмом, изглоданных до костей столицах самый модный фасончик — траурное платье по настоящей, украденной авторами ваших лозунгов, свободе, а «дернье кри де ля мод» — один:

— Спасите, кто в Бога верует!

ЛЮДИ ЗА СТОЛОМ ПОД ПАЛЬМОЙ

За последнее время я начал с неудовольствием замечать, что у меня стали проявляться недюжинные административные способности...

С неудовольствием именно потому, что я имею свою, очень интересную специальность — я писатель, а вместо этого в голову лезут всякие административные планы, проекты, распоряжения и узаконения...

В последнее время я стал даже задумываться: а не поступить ли мне в градоначальники?

Например, придумал я способ борьбы со спекуляцией — такой прелестный способ, что даже самый воспитанный человек — и тот пальчики оближет...

Вот мой способ борьбы.

* * *

Как известно, кафе — суть место, где водятся спекулянты.

Тут им самый вод и есть.

Трудно даже объяснить, почему эта зоологическая разновидность избирает для своего пребывания полутемные, сырые, пропитанные табачным запахом места, уставленные липкими столиками и парой покосившихся пыльных пальм — но это так: где пыльная пальма, где липкий столик, там и ищи под пыльной пальмой за липким столиком спекулянта.

Я совершенно согласен с Бремом, что каждое животное может жить только в соответствующей его характеру обстановке. Лев — только в сыпучих песках Сахары, почему он даже и цвет имеет желтый, «защитный»... Ягуар — в прозрачной тени тропических деревьев, почему и шкура его черная, с ярко-желтыми пятнами — очень удачно имитирует тень деревьев, обрызганную золотыми пятнами пробравшихся сквозь листву жгучих солнечных лучей.

Перенесите ягуара в сыпучие пески — его первый же охотник увидит и ухлопает; перенесите льва в сырую тень деревьев — покрутится, покрутится и издохнет.

Перенесите спекулянта из кафе в фойе театра или в вестибюль гостиницы — не выживает он там, вдали от пыльных пальм и липких столиков — он сам на всю свою жизнь пыльный, липкий, окрасившийся в защитный цвет окружающей среды.

Значит — ищите спекулянта только в кафе.

Как же бороться со спекуляцией, как охотиться и уловлять спекулянтов?..

Одесские администраторы, мои будущие коллеги, одно время придумали способ, втайне заимствованный у того спектротического прожектера, который предлагал для уловления сахарских львов сделать огромное сито и просеять сквозь него весь песок пустыни: песок постепенно просеется, а львы останутся в сите.

Этот верный, но несколько громоздкий способ и применили одесские администраторы к спекулянтам: окружили каждое кафе нарядом полиции, а потом и просеивали сквозь него народ, как сквозь сито — всю кофейную публику: обыкновенная публика отсеивалась, а спекулянты со всеми своими фактурами, накладными, коносаментами и куртажными расписками оставались в сите.

Нет слов, хороший способ, но очень уж громоздкий и для обыкновенной публики беспокойный: этак ведь, если каждый день ее просеивать и трясти сквозь десяток сит, то и до сотрясения мозга недалеко...

А вот мой способ — он удобен, портативен и абсолютно бесшумен.

Захожу я — обыкновенный штатский, но облеченный тайными полномочиями — в кафе.

Вижу — сидит человек. На лице — беспокойная ласковость взгляда, взгляда, прощупывающего содержимое ваших карманов и бумажника насквозь.

Подсаживаюсь. (Это можно. В кафе чем бесцеремоннее, тем лучше.)

Завожу разговор:

— Как дела?

— А! Какие могут быть теперь дела?

Я сочувственно вздыхаю.

— Совершенно верно. Например, этот последний приказ Деникина о спекулянтах — ужас! Не дай-Бог, если спекулянт себя обнаружит, не правда ли?

Он заметно бледнеет и начинает пальцем рисовать на столе узор из пролитого кофе.

Молчим.

— Скажите? — неожиданно спрашиваю я. — Вы чиновник? Или на частной службе?

— Н... нет.

— Ага! Значит, купец? Свой магазин имеете?

— Нет, магазина не имею.

— Так, так. Фабрику, значит, имеете? Сырье обрабатываете.

— Нет у меня фабрики...

— Да что вы! Это прямо-таки ужасно — в такое тяжелое время не иметь фабрики. Студент? Учитель? Тоже нет? Знаю! Занимаетесь физическим трудом! Ну, что ж... Всякий труд полезен. Парикмахер? Портной?

— Да вам-то такое дело? Что вы пристали?

— Видите ли, я по-человечески. Я такого мнения, что всякий человек должен иметь какую-нибудь определенную профессию. А, кроме того, вот бумажка за печатью, дающая мне право задавать всякие вопросы. Слушайте, а, может быть, вы писатель? Журналист? В какой газете пишете? Тоже нет? Какой ужас! Я так вам сочувствую, так сочувствую. За спекуляцию теперь вешают, а другого занятия, другой работы у вас нет. Что ж так, значит, и допускать человека умирать с голоду? Да ни за что! Что ж, у меня нет сердца?! Есть у меня сердце! Пойдем!

Я беру его под руку и ласково веду за собой.

— Приободритесь! Мы устроим вашу судьбу. Годик у нас поработаете, а там сами выберете себе специальность. Видите этот дом? Там у нас общественная прачечная, швальня, хлебопекарня, сапожная мастерская... Первый месяц вы что-нибудь полегче — тротуарчик, например, около дома будете мести, а потом осмотритесь — мы вас в переплетную или в прачечную — к чему душа больше лежит. И профессия своя будет, и другим приятно. Вот мы и пришли. Никандров! Запиши его и выдай казенную одежду.

* * *

Видите, как хорошо я придумал: и вешать его, подлеца, не нужно — веревки на него тратить.

Наоборот, будет он, каналья, у меня полезным членом общества...

И вот сегодня я со своими помощниками четверых захватил, завтра десяток, потом сотню, — глядишь, никакой спекуляции и нет, а в кафе сидят дамы со своими детками, поят их молочком и угощают пончиками.

И тогда купец, имеющий свой магазин, пойдет непосредственно к фабриканту, имеющему свою фабрику, совершат

они покупку товара через банкира, имеющего свой банк, и повещен товар в купцову лавку ломовик, имеющий свою лошадь, а продавать этот товар потребителю с надбавкой десяти, а не двухсот процентов будет приказчик, имеющий спокойное, постоянное место приказчика, а не какое-нибудь шаткое место за липким столиком под пыльной пальмой, где нынче сто тысяч заработал, а завтра глядь — вывозишь мусор из общественных выгребных ям.

Вот как я это понимаю.

КАНИИТФЕРШТАН ПО-РОССИЙСКИ

Всем нам еще с детства, с хрестоматии, памятна чудесная, полная глубокого философского смысла поэма Жуковского: «Каниитферштан».

Наивный, не знающий языка чужестранец попадает в большой голландский город. Прежде всего, его внимание приковывает пристань, у которой стоят десятки, сотни огромных, богатых кораблей...

— Кто владелец всего этого? — спрашивает чужестранец.

И прохожий отвечает ему:

— Каниитферштан! (Я вас не понимаю).

— Ого, какой богатый. А эти склады, эти огромные амбары кому принадлежат?

— Каниитферштан.

В городе внимание чужестранца привлекает ряд огромных великолепных домов, окруженных роскошными садами.

— Кто владелец этих домов? — осведомился у прохожего любопытный чужестранец.

— Каниитферштан!

— Боже мой... Как должен быть счастлив этот Каниитферштан, имея такое богатство.

А в это время как раз навстречу ему двигалась погребальная процессия.

— Кто умер?

— Каниитферштан.

— Вот тебе, — подумал чужестранец. — Не помогли ему ни корабли, ни дворцы, ни все его богатство. Напрасно я ему завидовал, этому бедному Каниитферштану...

* * *

Представьте же себе, голубчики, что у нас завелся теперь новый Каниитферштан, почище... ну, если и не почище, то побогаче того, голландского.

Скажем, приехал в наш город наивный чужестранец — даже понимающий наш язык.

У вокзала стоят извозчики.

— Извозчик! В город.

— Сто рублей.

— Почему так дорого?!

— Овес дорог.

— А почему овес дорог?!

— Спекулянт цену взвинчивает.

— Неужели же найдется такой человек, который заплатит за этот конец 100 рублей?!

— Найдется. Спекулянт платит.

Поехали. По дороге:

— Чья эта чудесная вилла?

— Спекулянта.

— А кто это пронесся мимо нас на автомобиле?

— Спекулянт.

— А дама в бриллиантах рядом с ним?

— Спекулянтова любовница.

В гостинице:

— Позвольте! Да какой дурак заплатит вам за этот номеришко полтораста рублей?!

— Дурак не дурак, а спекулянт платит.

И в ресторане то же:

— Объясните мне, почему у вас простой обед 50 рублей стоит?

— Цены на продукты взвинчены. Спекулянт и взвинтил.

— Но ведь так у вас никто не станет бывать!!

— Ничего. Спекулянт густо идет. У него дурные деньги, хе-хе...

У чужестранца постепенно создается такое впечатление, что спекулянт — это такое пышное растение, которое разрослось, распространилось на всю Россию, вытеснив, отодвинув все вокруг себя на краешек... А все остальное население так себе... нечто вроде подливки, гарнира к спекулянту,

нечто вроде бедного дальнего родственника, который робко жмется около роскошного торжественного стола, и которого пышный спекулянт терпит лишь из милости.

Всё для него, для этого нового некоронованного короля... Для него и цветы пахнут, и музыка в ресторанах гремит, и лучшие актеры комедию представляют, и красивейшие женщины улыбки шлют, а он... Его дело маленькое: купить фунт чего-нибудь за целковый, а продать за восемь... И ребенок пяти лет мог бы это сделать.

Ходил вот этак наш чужестранец, и всюду только и звенело в его ушах: спекулянт, спекулянта, спекулянту!

— Какой, однако, счастливый этот спекулянт, — подумал чужестранец... и вдруг попал на городскую площадь... видит — в самом углу на столбе человек висит.

— Кто это? — спросил он прохожего.

— Спекулянт.

Читатель! Ваше сердце радостно дрогнуло... Читатель! Ради Бога, не радуйтесь... Мне так неловко перед вами, но во имя жизненной правды я должен довести до конца разговор чужестранца с прохожим, отступив от классического образца, данного Жуковским:

— Кто это? — переспросил чужестранец.

— Спекулянт!! — злобно отвечал прохожий.

— Спекулянта повесили!! Спекулянт висит!!

— Осел вы!! — заревел прохожий. — Кто же вешает спекулянта! Я говорю — спекулянт! Это спекулянт довел его до этого!!

— Позвольте, а все-таки, кто же висит?

— Неужели вы по худобе его не узнали?! Потребитель повесился!

Это тебе не Жуковский!!

КАК МЕНЯ ПОХОРОНИЛИ

Рядом со мной на скамейку опустился неизвестный молодой господин.

Помолчав, вздохнул и сказал:

— Очень скучная жизнь теперь пошла.

— Да. Каторжная жизнь, — вежливо согласился я.

— А иногда возьмешь и отведешь душеньку.

— Чем?

— А? Возьму да врать начну. Выдумаю что-нибудь. Все-таки веселее. Вы любите врать?

— Не особенно. Выдумать иногда что-нибудь выдумаю, а врать не люблю.

— Напрасно. Очень весело. Да вот, например, надо вам сказать, — я из Совдепии совсем недавно...

— Виноват, вы это уже начали врать или для дела говорите?

— Что вы... Конечно, для дела. Я ведь из Питера на аэроплане...

— Что-о-о?..

— То есть, я, собственно, по железной дороге, но тут же был разобранный аэроплан. Я даже спал на пропеллере... Так вот, недавно в Петербурге, в Александринском театре — идет «Ревизор». Хорошо-с. Идет себе и идет. И вот в сцене вранья, когда Хлестаков произносит свою знаменитую фразу: «На столе арбуз — в 700 рублей арбуз!» — вдруг с галерки голос: «А где это вы, товарищ, так дешево арбузы покупаете? Скажите мне, я, может быть, тоже куплю себе арбузик...». Так, можете себе представить, актер, игравший Хлестакова, выхватывает вдруг револьвер и бац! в галерку!..

— Ну, это вы уже врете!

— А?

— Это уже врете.

— Это уже вру. Правду сказать, он в него не стрелял, а схватил стул, да стулом на галерку ка-ак шваркнет!!

— И это врете.

— Ей-Богу, это уже не вру! Ей-Богу, — факт!

— Брехня, брехня!

— Да позвольте! Там даже в «Ревизоре» этом и слова тоже есть: «Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать». Это, значит, когда мой актер бросил на галерку стул, — городничий и скажи...

— Городничий это говорит в первом акте, а вранье Хлестакова об арбузе в третьем.

— Разве? Жалко. Да, я и позабыл: он стул не бросал в этого, что был на галерке. А просто протянул руку да хвать его за волосы!..

— Со сцены-то? На галерку? Рукой? Послушайте... есть же всему границы...

— Гм! Да, это я, кажется, хватил... А насчет арбуза, действительно, правда. Ей-Богу. Вообще теперь пошла ужасная жизнь. У меня, например, есть один знакомый, который сразу заболел сыпным тифом, брюшным тифом, возвратным, холерой и карбюратором.

— Простите, но карбюратор — это не болезнь. Это часть автомобиля.

— Да что вы! Подумайте, такую штуку схватить, а?..

— Я вам говорю, что карбюратор — не болезнь!

— А без карбюратора мало: тиф, холера и... и еще один тиф... А ведь прекрасный человек, полковник, 4 Георгиев имеет.

— Врете.

— Вру. Два Георгия. Да... Вообще, сейчас много умирают. Собинов умер.

— Собинов не умер. Завтра его концерт.

— То есть, я хотел сказать — Шаляпин умер. Только что я и письмо от него получ... то есть не от него, а от родственников. От его мамы.

— От чего же он умер?

— От сапа. То есть от сыпа. То есть... Одним словом, от тифного сыпа. Ужас, ужас, сколько народу поумирало. Аверченко, например, умер.

— Кто?!!

— А? Аверченко Аркадий. Тоже от тифа умер. В Таганроге.

— Да что вы говорите? Как же это он так не остерегся?

— Так уж. Некипяченую котлету съел и того... Вот похороны были! Весь город за гробом шел!

— За чьим?

— За гробом Аркадия Аверченко.

— А он сам где в это время был?

— Что значит где? В гробу.

— Слушайте... А вы не врете?

— Ну вот — здравствуйте. Я его сам в гробу видел, как сейчас вас вижу! Речи у могилы какие были! Например, городской голова говорил замечательно красиво: «Господа, говорит, что же это за безобразие, а? Такой человек умер, а? Я это, говорит, считаю антисанитарным беспорядком».

Все — прямо навзрыд! Потом архиерей говорил очень красиво: «Аркадий Николаич, говорит. Почему ты лежишь? Почему ты не встаешь? Слышишь ли ты меня, Аркадий Николаич? Слышишь? — Нет, говорит, не слышу!».

— Виноват, это кто ж ответил: «не слышу»?

— А? Это там один из публики. Далеко стоял, речи ему не было слышно. Потом музыка играла, военный оркестр — очень весело было.

— Послушайте, это правда, что вы видели Аркадия Аверченко в гробу?

— Ей-Богу, правда. Целовал даже. В лобик.

— Гм! Что же мне теперь делать?

— А что?

— Да я, видите ли, и есть Аркадий Аверченко. Теперь и не разберешь: жив я или умер?..

— Вв... вв... Вот так штука! То-то меня еще тогда удивило, что покойник в женском платье был!..

СРЕДИ БЕЛА ДНЯ

Недавно в час ночи я прошелся по неосвещенной темной, как чернила, севастопольской улице.

Совершеннейшая пустыня: ни одного милиционера, ни одного стражника, ни одного... не знаю, кого еще, нас охраняющих.

«Странно, — подумал я, — раз нет ни одного милиционера, то должны быть грабители. Где же они?».

Я прекрасно знаю, что природа не терпит пустоты: нет милиционера, пустое место должен заполнить грабитель.

И однако я прошел часть Екатерининской, почти всю Нахимовскую улицу — и ни одного грабителя.

Это меня чрезвычайно обеспокоило: всегда немного страшно, когда извечный непоколебимый закон природы начинает колебаться.

Нормально — нужно, чтобы было так, — на одном из поворотов улицы из-за киоска или из-за темного дерева вышла бы неясная тонущая в непроглядном мраке фигура, приблизилась бы ко мне и прохрипела традиционное: «дозвольте прикурить!», а затем бы сорвала часы с цепочкой — и давай-Бог ноги...

А если их двое или трое, то есть уже солидная, хорошо поставленная антреприза, то и способ применяется более научный и менее кустарный. Один с деланной беззаботностью, посвистывая, обгоняет меня, двое других держатся сзади. Затем в наиболее темном, глухом месте хватает простодушного прохожего — один за правую руку, другой за левую, а третий перегнавший меня, как на шарнирах, поворачивается лицом ко мне — и раз, два, три, четыре — и я без кошелька, бумажника, кольца, часов беззаботно прислушиваюсь к шуму удаляющихся шагов...

Вот так это делается в нормальном благоустроенном государстве.

А тут — мне даже жутко стало — ни одного грабителя!

Куда же они подевались? Не раскаялись ли они в своих заблуждениях? Не поступили ли в воскресную школу при евангелической общине?

И только в полдень на другой день вся эта загадочная история раскрылась перед моими духовными очами.

* * *

Навестил я одну приехавшую в Севастополь артистку.

Смотрю — глаза красные.

— С дороги утомились?

— Какое! Плакала.

— Кто же вас так обидел?

— Верите ли, все! Весь ваш анафемский и ужасный Севастополь. Меня ограбили.

— Ну, уж неправда, — возразил я. — Вчера я как раз шел поздно ночью по ужасным, темным, пустынным улицам — и что же? Ни одного грабителя! Ни малейшего поползновения на мой кошелек!

— Как вы думаете, сколько стоит этот номер?

Я обвел взглядом плохо меблированный пыльный номеришко третьеразрядных меблированных комнат.

— Рублей 20 содрал?

– 75! А извозчик с вокзала взял сто рублей. А в кафе за какие-то помои, называемые глясе, несколько пирожных и порцию мороженого сняли с нас 88 рублей. А обед с бутылкой лимонада обошелся в 90 рублей. А вообще за два дня мы здесь прожили вдвоем тысячу двести, а в месяц

это получится свыше 36 тысяч, а в год — более 400 тысяч! А мы зарабатываем ровно в десять раз меньше. Ограбили нас, голубчик вы мой, совершенно ограбили — и за каждое ограбление даже счет подавали. Вон, видите, все счета лежат — и за комнату, и за кофе глясе, и за обед... Только извозчик грабил без счета, без гербовой марки.

И тут-то и раскрылись мои духовные очи...

Как сказал поэт:

И зримо ей в минуту стало
Незримое с давнишних пор.

Понял я тут, почему ночью на глухой темной улице не было ни одного грабителя.

Нет, не раскаялись они, не в воскресную школу поступили, а просто переменили профессию — захватили себе магазины, рестораны, меблированные комнаты, гостиницы и фаэтоны — и пошли работать среди белого дня без отмычек, фомок и сапожных ножей.

И повальный грабеж идет без криков, брани, грубых жестов: залез дневной грабитель грязной лапой в чужой карман, вынул сторублевку — и пожалуйте счетик, снял часы, кольцо — еще выдал счетик с гербовой маркой, со своей подписью, даже с указанием адреса фирмы, чтобы помнил, каналья ограбленный, где, как и за что его обобрали...

Помните, раньше было такое выражение, которое повторяли машинально, бессознательно, не вдумываясь в его смысл:

— Да это же дневной грабеж!

Тогда не понимали, теперь понимаем.

А я-то, простодушный старомодный чудак, шел ночью по улице города и недоумевал: а где же грабители?

Рукавицы искал всюду, а они — за поясом!

Теперь подумайте, как стало удобно жить среди нас одной избранной части населения: раньше топчись целую ночь в темном переулке, поджидай запоздалого прохожего, да еще он, каналья, может быть вооружен — подстрелит и полиции сдаст, потом в тюрьме гнить придется. А то скупщик краденого обсчитает... А теперь всё вежливо, всё культурно...

А в это время благожелательное начальство печется о благе обывателей: и милицию оно организует, и стражу комплектует, и уголовное отделение с самыми опытными Шерлок Холмсами открывает.

И будет вся эта публика зря топтаться по безлюдным ночным улицам в поисках грабителей и, если раз в месяц поймает одного заезжего преступника, то будьте покойны, этот одинокий грабитель просто еще не успел открыть ресторан или заняться извозом. Дайте же ему обрасти шерстью — через месяц-другой он уже у себя в отеле будет выдавать счета с гербовой маркой за похищенную у постояльца сумму, избавив сыщиков от лишней работы.

Дожили мы до времени, когда наша жизнь напоминает плохую «сильно комическую фильму», когда десять полицейских гонятся за грабителем, а он, примостившись у них же за спиной, покуривает украденную сигарету.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Юмор висельника

I

Несмотря на голод, террор и унижение, несчастные совдепцы все-таки находят силы жутко острить.

Вот несколько mots, прибывших из Совдепии.

II

Как известно, Всероссийская Чрезвычайная комиссия сокращенно называется «Вечека».

Москвичи объясняют эти буквы по-своему:

— Всякому человеку капут.

III

В Библии сказано: «нельзя первородство продавать за чечевичную похлебку».

— Конечно, нельзя, какой же идиот отдает такую вкусную прелесть за какое-то там первородство.

IV

В ресторане.

— Я предпочитаю, чтобы лошадь была горячая.

— Вы что же... ездить любите?
— Нет, покушать люблю.

V

Перед самым падением Харькова большевики объявили город крепостью.

Кто-то заметил по этому поводу:

— Теперь только остается объявить Харьков портом. Пусть-ка тогда возьмут его добровольцы, если у них судов нет.

VI

Одесса острит:

— Курс русских денег уже сравнялся с английским курсом.
— Как так?
— За фунт стерлингов дают фунт керенок.

Мелочи совдепской жизни

Чирикающий лев... Может ли что-либо быть нелепее, неправдоподобнее?..

И однако же я видел чирикающего льва. Честное слово.

Во время моих скитаний за границей на площади одного из итальянских городков я наткнулся на огромного бронзового льва с грозно разверстой пастью.

И вдруг я услышал из львиной пасти чириканье!

Оказывается, семья беззаботных воробьев свила себе гнездо в глубине ужасной пасти. Какой контраст между мощным гигантским телом, огромной пасти — а из пасти слышится чириканье.

Вся совдепская жизнь по своей горячечной, бредовой структуре, все мелочи совдепского обихода очень напоминают сногсшибательного чирикающего льва.

* * *

Несколько лет тому назад человек, стоя в полдень на Невском проспекте и глядя на бешеную волну мчащихся экипа-

жей, пролеток и автомобилей, мог бы сказать, подчеркивая какую-нибудь несообразность:

— Это так же невероятно, как если бы мне сказали, что мальчики в полдень на мостовой Невского — играют в городки.

Летом 1919 года этот глупейший пример воплотился в жизнь: редкие прохожие могли любоваться на Невском около Казанского собора игрой в городки мальчишек, расположившихся на торцовой мостовой.

Потому что лошади уже по Невскому не бегают. Съедены, ограблены, проданы, издохли с голоду. Невский пуст.

* * *

Кузнецким Мостом в Москве называется просто улица. Ни моста там нет, ни воды там нет.

И если бы кто-нибудь сказал, что видел около Кузнецкого Моста лодку — его сочли бы забористым остряком, душой скучающего общества.

И, однако, весной этого года на Кузнецком Мосту, около Лионского кредита самые положительные люди видели несколько лодок.

И дело, видите ли, в том, что за зиму на улицах накопились целые горы, целые монбланы снега, который, конечно, никем не убирался. Легочным больным, нуждавшимся в горном воздухе, прописывали поездку на Кузнецкий Мост. И так как все ожидали наступления быстрой и жаркой весны, ожидали всемирного потопа от быстрого таяния миллионов пудов накопившегося снега, то заботливые комиссары и расставили *ряд лодок на Кузнецком Мосту.*

Чирикающий лев...

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО БУРЖУЮ

Я, Аркадий Аверченко, русский писатель, стою сейчас перед тобой, выпрямив свою вообще тугосгибающуюся спину, и, заложив руки в карманы, задумчиво разглядываю тебя, русский буржуй.

Что ты такое? Яви мне лицо твое.

Русский ты человек, человек ли ты вообще или ты просто тугой, великолепно все переваривающий желудок на двух ногах — без глаз, без сердца и без мозга...

На экзаменах ты проваливался бесконечное число раз, и вот *в это воскресенье* тебе дается переэкзаменовка — может быть, последняя — не провалишься ли ты и в этот последний раз?

Я ведь кое-что о тебе знаю. Я видел твое бледное, растерянное лицо и отвислую трясущуюся челюсть, когда ты бежал в апреле этого года из Севастополя перед приходом большевиков.

Ты не глуп — о, крыса с корабля — этого у тебя нельзя отнять, и ты прекрасно учел, что ежели ты останешься в Севастополе к моменту прихода большевиков, то они все твои достатки изымут у тебя и обратят в свой жульнический доход, а тебя поставят к стенке и лишат животишка. И поэтому, забрав все свои капиталы, ты бежал, бледный от ужаса, наталкивающийся на людей, думающий, что Россия вконец погибла.

Теперь ты вернулся обратно в Севастополь. Благодаря кому? Кто дал тебе возможность снова спокойно зажить в благословенном Севастополе?

Были среди вас и такие, которые остались в Севастополе, когда все почти уехали, остались вы неизвестно почему — то ли из мужества, то ли из жадности, чтобы не потерять оставляемого имущества, то ли просто будучи в уверенности, что советская власть победила и что, дескать, плетью обуха все равно не перешибешь.

Я и вас видел, вот этих, оставшихся.

Жалкий вы народ были тогда, братцы... Когда наложили на вас многомиллионную контрибуцию, вы, как соленые зайцы, забегали, чтобы как можно скорее и тщательнее исполнить эту приятную обязанность. Я понимаю вас — вы боялись тюрьмы, боялись смерти, но все-таки противно было видеть вашу готовность и угодливость.

Вы все делали с готовностью: тащили ли неизвестно почему затребованные с вас узлы с бельем, рояли, сапоги — или же, пойманные красноармейцами во время прогулки на Приморском бульваре, — покорно брели

вы в своих мило сшитых костюмах грузить на станцию уголь.

Да что там долго говорить — миллионов в пятьдесят вскочила вам советская власть, да и нервов она истрепала на столько же.

Итого сто миллионов. И если бы большевики продержались еще 2–3 месяца — они вам стоили бы еще столько же.

Но тут вышел этакий курьез: пришла Добровольческая армия и в пух и прах разметала грабителей ваших, угнетателей ваших, разбойников ваших...

Сколько миллионов осталось в ваших карманах благодаря Добровольческой армии? Правда, она свой подвиг совершила не только ради вас — великолепных, туго набитых желудков, но — все равно — вы на этом свои достатки и животишки спасли.

И вот наступает воскресенье — День Добровольческой армии... Что вы дадите ей? Отделаетесь ли какой-нибудь сотней тысяч рублей или вдруг неожиданно явите красное, человеческое, радостно бьющееся сердце в складках желтого непроходимого жира? Отдадите ли ей жалкие гроши, завалявшуюся мелочь в кармане или отделите десятую, десятинную — больше и не надо — часть спасенных вами благодаря Добровольческой армии капиталов?

Клянусь вам, что Добровольческая армия бескорыстна — она не уполномочивала меня писать вам это «открытое письмо», но я просто сам хочу раскусить вас: что же вы такое — русские ли, порядочные, платящие свои неоплатные долги люди или сытые коровы в стойлах, которые, конечно, не принесут сами своему усталому хозяину в согнутом копыте ведро надоенного из собственного вымени молока — на то они и глупые, жирные коровы.

Коров доят, но их не уважают; корову, если она брыкается при этом, угощают пинком ноги, но за человеческий стол ее рядом с собой не посадят...

Итак — не хочу пока до понедельника, до вторника — одним словом, до результата подсчета думать о вас, дорогие буржуи, плохо. Прижимая руку к сердцу, умоляю вас: докажите, что вы прежде всего дети измученной, страдающей России, а потом уже — богатые буржуазные человечки.

ГРАЖДАНИН СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Совсем недавно в наш город привезли из самого центра России гражданина, проживавшего в Совдепии с самого начала, т.е. с октября 1917 года.

Привоз его вызвал среди граждан такую же приблизительно сенсацию, какую вызвало в свое время первое появление в Гамбургском зоологическом саду Гагенбека — африканской жирафы.

На вокзале его окружили, осматривали, ощупывали, перешептывались. Глаза его ввалились так, что их не могло выманить на свежий воздух даже сильное удивление или испуг ихнего владельца, а бока совдепца были таковы, что, казалось, кормили его, по удачному выражению Диккенса, одними обручами.

Удовлетворив общее любопытство, он покорно вздохнул, раскрыл свой чемодан и сказал на туземном совдепском языке:

— Пригласдосм.

Опытный переводчик, случившийся подле, перевел:

— По ихнему это: пригласите досмотрщика.

Все удивились:

— Зачем?!

— Осмобаг на предмерек.

— По ихнему, — сказал переводчик, — осмотр багажа на предмет реквизиии.

— Что вы! — засмеялись кругом. — У нас этим Добровольческая армия не занимается.

— В такомслуч выдразреквит.

— Какой вы чудак! Зачем вам разрешительная квитанция? Никому ваш багаж не нужен. Забирайте его и поезжайте с Богом в город.

Совдепец снова вздохну и, закрыв свой чемодан с таким видом, будто он совершал какое-то мошенничество, — уехал в город.

* * *

И стал он жить между нами. В несколько дней снова научился давно позабытому русскому языку, что дало ему возможность сделать несколько деловых визитов.

Первый — был к коменданту города.

— Вы — коменгор?

— Я — комендант. Что вам угодно?

— Я пришел за разрешением. Вот тут свидетельство об отбытии воинской повинности, свидетельство о прививке оспе, квитанция об уплате промыслового налога — все документы.

— А зачем?

— Хочу исходатайствовать право хождения по городу позже 11 часов вечера.

— Да ходите хоть позже 11 часов утра! Кто вам мешает? Всю ночь ходите, если ноги не заболят.

— А разве можно?!

— Сколько влезет!!

— А на общественные работы не отправят? Вдруг уголь грузить на станции заставят?

— У нас для этого грузчики есть.

— А не профессора? У нас больше профессора грузят.

Отпоили беднягу водой. Отпустили с миром.

* * *

Но на другой день он снова вышел в свет. На этот раз явился в городскую управу.

— Чем можем служить?

— У меня рояль есть.

— Ну так что?

— Рояль, говорю, есть.

— С чем вас и поздравляем.

— Я заявить пришел.

— О чем?!!!

— Что у меня рояль есть!!!!

— Если бы у вас холера была, мы бы еще поняли ваше заявление. И то об этом нужно заявить врачебной управе. А на что нам ваш рояль?! Хвастаться им пришли, что ли?

— А разве рояли у вас не на учете на предмет реквизиции?

— Подите к черту.

Он покорно выслушал этот адрес и сделал несколько шагов к дверям, но вдруг вернулся:

— У меня еще и граммофон есть.

— А у меня в углу палка есть. Хотите попробовать? Сторож, выведи его.

* * *

Выражение недоумения не оставляло его измученного лица и тогда, когда он явился к градоначальнику с просьбой разрешить ему поехать в Евпаторию.

Ему терпеливо объяснили, что он может ехать куда ему заблагорассудится безо всякого разрешения, но он заподозрил тут ловушку, не поверил и, захватив свое истрепанное воинское свидетельство и квитанцию на промысловый налог, отправился к начальнику тяги хлопотать о «праве выезда».

Тот послал его «ко всем чертям», но совдепец был не так прост, чтобы отправиться по такому не надлежащему адресу.

Вечером его видели у подъезда городского архитектора. Потому что кто-то сообщил ему, что архитектор «на ты» с начальником материальной службы.

* * *

Надоел он всем в городе чрезвычайно.

Каждый день заходил в колониальный магизин и, таинственно подмигивая, отводил хозяина в сторону.

— Слушайте... Я когда-то знал вашего отца. Не дадите ли вы мне фунтика 2 рису — только так, чтобы не дай-Бог начальство не пронюхало.

— Причем тут мой отец и начальство?... Мальчик! Отвесь им 2 фунта рису.

— Тсс!.. Вы и себя и меня погубите.

А для того, чтобы достать 3 бутылки столового красного вина, он чуть не женился на дочери виноторговца, подарил приказчику свой шелковый жилет, подделал докторский рецепт и, когда нес под пальто таинственный сверток, то, увидев стражника, пустился бежать, уронил сверток, сбил с ног проходившую даму, раздавил насмерть ее ребенка и ночевал в участке.

А утром у него с начальством был удивительный для той и другой стороны разговор.

— Я знаю, — сказал совдепец, — вы меня расстреляете. Ну что ж. Я готов.

— С ума вы сошли. Никто вас не будет расстреливать. А в тюрьме посидите.

— Так и знал. С этим вином всегда неприятности.

— С каким вином?

— Да что я тайно достал.

— Зачем же его доставать тайно. Явно можно купить в любом магазине.

Изумленный совдепец всплеснул руками.

— Так за что вы хотите меня посадить в тюрьму?

— Как за что? Вы раздавили ребенка.

— За ребенка?! В тюрьму? Да у нас в Москве каждый человек еженедельно по десятку взрослых ухлопывает! И ему хоть бы слово кто! А тут за такую мелочь, в тюрьму. Этак у вас тюрем не хватит.

И сидя в тюрьме, он укоризненно бормочет себе под нос:

— Какой же дурак вино так просто под мышкой по улице тащит. Крытый автомобиль нужно было взять. Тогда бы никто не догадался.

* * *

Так как этот бедняга был мне знаком по Москве, я навестил его в заточении.

В приятельской беседе он между прочим осведомился:

— А как вы поживаете?

— Неважно. Квартиры нет. Есть одна на примете и хозяин согласен сдать, но жилец не хочет выбираться.

— Гм! Задумчиво пожевал губами совдепец.

— А вы его зарежьте.

— Кого?

— Да квартиранта этого. Чик ножом по горлу — вот квартира свободна. Я так в Москве всегда делал.

— Так-с... Значит, выходит, что без разрешения вы и гулять по городу не будете, а человека зарежете, как цыпленка... Скажите, отчего вы не носите медного кольца в ноздре?

— Я уже сам об этом подумывал. Красивее как-то. Да не знаю, разрешат ли? Вот освободят — подам градоначальнику прошение.

РУССКИЕ КЛАССИКИ, ИЛИ НОВОЕ ВИНО В СТАРЫХ МЕХАХ

Как известно, петербургский «Пролеткульт» поручил Горькому и другим писателям-коммунистам выпустить новое издание всех русских классиков, напечатанное по новому правописанию и в сопровождении ряда комментариев и объяснений применительно к миросозерцанию и психологии рядового читателя — коммуниста, социалиста, федералиста. Вот несколько отрывков из этого почтенного, многотомного, грандиозного труда.

I

Попрыгунья — стрекоза
Лето красное все пела Интернационал...
Оглянуться не успела
Как уже и того...
Злой тоской удручена
К муравью ползет она...

Выкинула его из дому, реквизировала обстановку и стала жить, припеваючи Интернационал...

II

Зима... Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь...

Спрашивается — чего же это он торжествует?

Да очень просто: народная советская власть ввела в деревнях комбеды и реквизицию у кулаков хлеба.

Вот и радуется сознательный мужичок.

III

Две бочки ехали:
Одна с вином,
Другая — пустая...

Первая ехала в Совдеп, вторая из Совдепа.

IV

Богат и славен Кочубей,
Его луга необозримы,
Там табуны его коней
Пасутся вольны, не хранимы...

(Смотрите, товарищи: «не хранимы»! Не зевайте, товарищи! Как говорится «грабь награбленное!»)

Вокруг Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мехов, атласов, серебра,
И на виду, и под замками.

(N.B. Замок лучше всего ломать фомкой. Делается это так — см. чертеж пролеткульт.<овского> художника.)

V

Проказница Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка
Задумали играть квартет...

Ввиду явного контрреволюционного выпада и подлого белогвардейского намека на заседание Московск.<ого> Центрального Исполнительного Комитета — эта басня из Крыловских сочинений исключается...

VI

Тиха украинская ночь...

Товарища Саенку из Харьковской Чрезвычайки послать бы туда...

Он бы им показал тихую украинскую ночь!..

— Чуть трепещут
Серебристых тополей листы...

Чихать нам на листы, что они трепещут!

Надо, чтобы буржуи трепетали!

VII

Румяной зарею
Покрылся восток...

Очевидно, красноармейцы «красного петуха» пустили помещику-кровопийце.

В селе за рекой
Потух огонек.

И жаль, что потух. Жечь надо деревенских кулаков, мироедов.

VIII

От ликующих, праздноболтающих,
Обагряющих руки в крови...

(Припомним: как известно, Некрасов был помещик, а потому на все его выпады против красного пролетариата плевать нам с высокого дерева!)

IX

Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед.

Пусть пока маленькие приучаются хоть лед резать. Вырастут — буржуев будут резать.

Гусей крикливых караван
Тянулся к югу...

Ага! Понимаем-с: к Врангелю на юг потянулись...
Не мешало бы разыскать их гнезда и конфисковать.

X

Как ныне сбирается вещий Дыбенко
Отмстить неразумным белогвардейцам,
И решил он им дать в спину коленкой,
И поступить с ними подобно индейцам...
С матросской дружиной в чугунной броне
Едет он на черноморском пароходе.

(От издательства: некоторая шероховатость рифмы искупается тем, что мы вставили простого матроса-социалиста, а князя выкинули. Нечего там князьям по полям разъезжать!)

XI

Вороне где-то Бог
Послал кусочек сыру,
На ель ворона взобралась...

Хозяйственные советы: если бы москвич увидел когда-нибудь такую картину, то у него был бы обед из двух блюд, а именно: поймать ворону, отнять сыр, съесть; разломать на куски ель (есть ее не надо), зажарить на еловых дровах ворону — съесть.

Кстати: там под деревом шаталась неизвестно зачем и лисица...

Можно и ее съесть...

XII

У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том,
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...

Дуб — сжечь; златую цепь, если она свыше 16 золотников — конфисковать, ученого кота — съесть.

Нам ученые не нужны,
Довольно попили кровушки.

XIII

Очков с полдюжины она себе достала...

(Примеч. издательства: при игре в девятку, если имеется на руках полдюжины очков, — прикупать не надо.)

Выбрал из советского издания классиков
Аркадий Аверченко

ОТРЫВОК ИЗ ЛЕТОПИСИ

Вот — пишу я, пишу — а спрашивается — с какой целью?

Не с суетной же целью получить гонорар за это, или с еще более суетной целью услышать от знакомого читателя комплимент: «а здорово вы это изобразили — прямо, можно сказать, ахнули»...

Нет. Цель у меня более возвышенная. Более благородная.

И для того, чтобы дать о ней представление, я должен обратиться к классическому, возвышенно-величаво прекрасному Пушкину:

> Когда-нибудь монах трудолюбивый
> Найдет мой труд усердный безымянный,
> И, пыль веков от хартий отряхнув,
> Правдивые сказанья перепишет...

А хотелось бы мне увидеть выражение лица этого будущего трудолюбивого монаха, когда он прочтет мой «труд усердный». Вот-то, я думаю, физиономию скроит!

— Ой, скажет, domine Аркадий, а не врешь ли ты часом? Что-то уж больно все пахнет развязной разгильдяйской выдумкой.

И прозвучит тогда из-за гроба мой вдумчивый вещий голос:

— Возьми глаза в зубы, святой отче, и прочти всю историю русской горе-революции. Ведь вся она сплошь кажется бесшабашной выдумкой и, однако, все это — самая тошнотворная правда!!

Да право! Пимену-то хорошо было: ну, что невероятного в том, что Борис хотел поцарствовать подольше и для этого прирезал царевича Дмитрия? Типичный «исторический факт». А вот попробуй ты написать, что Петлюра воевал против большевиков, большевики против Григорьева, добровольцы против большевиков, Петлюра против добровольцев, большевики против Петлюры... фу, запутался.

Развернет трудолюбивый монах этакую хартию, отряхнет пыль веков, да как начнет читать, так у него глаза рогом полезут!

Например, то, что я как летописец напишу ниже — голая правда, и современники мне поверят, потому что публика

дошлая — достаточно насмотрелась — а каково взглянет на это трудолюбивый монах? Вот что меня угнетает.

Однако, вот моя правдивая летопись. На этот раз нечто финансовое.

* * *

Известно ли кому-нибудь, почему большевиками были выпущены знаменитые «советские» деньги?

Обратили ли вы внимание, что все они — с государственным орлом, и текст напечатан по старому правописанию с ятем и твердым знаком? Штука неслыханная.

А объяснение простое: деньги эти были изготовлены еще правительством Керенского и после переворота валялись безо всякого употребления.

И вот однажды, когда большевики печатали в экспедиции очередной огромный выпуск керенок (в пять миллиардов рублей), какой-то тайный белогвардеец из печатников подмешал в краску клею. Понятно, что когда отпечатанные листы керенок были сложены в кипы, каждая кипа, слипшись, превратилась в плотное монолитное вещество, нечто вроде вязкой ореховой халвы, которую и ножом-то не урежешь. Кипы пробовали размывать, но... клей, очевидно, был пущен на совесть. И тогда-то, так как деньги были нужны до зарезу, советские финансисты выпустили бумажки с орлом и прочим антисоветским соусом.

Такие потрясения может вызвать простая банка клея, примененная вовремя и к месту.

* * *

Как известно, нет ничего легче, чем подделать керенку... Некоторым препятствием служили только водяные знаки, но в Москве додумались до гениального по простоте способа: берет этакий «печатник» полтиничный бон, напечатанный на той же бумаге, что и керенки, смывает краску и текст полтинника и на этой чистой уже бумаге печатает керенки. Из одного полтинника получаются как раз две керенки.

Совсем как экономная кухарка, делающая из вчерашней суповой говядины сегодняшние горячие пирожки.

* * *

Весной этого года в Марьиной Роще под Москвой уголовным розыском была накрыта организация фальшивомонетчиков, печатавшая большие листы изумительно подделанных керенок.

Факт пустяковый, но конец истории совсем неожиданный: забрав печатные станки, комиссары посмотрели-посмотрели — да и стали печатать на этих жульнических станках керенки для надобностей советской республики.

Положим, если посмотреть на всю эту историю, как говорится, а воль д'уазо, то так и не разберешь — чем кустарные мошенники отличаются от государственных, советских?

Именно что: вор у вора дубинку украл.

И, наконец, последний летописный факт — тоже с фальшивомонетчиками.

В одном из заседаний Московского трибунала рассматривалось дело фальшивомонетчиков (не тех, что в Марьиной Роще, а других).

Один из коммунистических судей, товарищ Розенблат, слушал-слушал, смотрел-смотрел на вещественные улики, наконец, его сердце не выдержало... Схватил он фальшивую керенку и чуть не в нос сунул ее обвиняемому:

— Слушайте, вы!!! Вот за эти самые фальшивые керенки вас повесить мало! Что это за работа?! Что это за сетка! Взять бы этой сеткой да по морде! А гравировка? Что это за бордюр? Разве так делают бордюр? Что, у вас оригинала не было перед глазами?!! А почему ноль прямой?! Это разве работа? Вам пивные ярлыки работать, а не кредитные билеты! Эх! Вы знаете, когда я работал с этим делом в Житомире... Что? Вы меня спрашиваете, товарищи судьи, виноват ли он? За такую паршивую работу трижды повесить! Виновен!

Это было возмущение чистого большого художника жалким бездарным ремесленничеством.

* * *

Вот они, отче, мои правдивые сказанья,
Да ведают потомки православных!..

В САМОЙ СВОБОДНОЙ СТРАНЕ
(Как они живут и работают)

В Москве на Тверской встречаются два господина:

— Здравствуйте. Как вы, однако, похудели!..

— Совсем иссох от голода. А вот вы так поправились, пополнели...

— Распух от голода. Вы куда?

— Как всегда. За разрешениями. Вот у меня тут даже записано... Первым долгом — взять разрешение на покупку в Центроткани полдюжины носовых платков. Верите ли — семье плакать не во что.

— А вы все еще плачете? Охота была. Я уже начал смеяться. Пухну и смеюсь, пухну и смеюсь. Вчера какой смешной случай был... Понадобилась мне бумага для написания письма моей тетке. Ну — тык-мык — бумаги в доме ни клочка. Всю исписали на прошения и разрешения. Значит, нужно идти в Центробумагу с просьбой о выдаче двух-трех листов бумаги. Иду: — «Здравствуйте, товарищ». — «Здравствуйте, товарищ». — «Не могу ли я у вас получить двух-трех листов писчей бумаги?» — «Можете. А где прошение?» — «Да я вот и прошу — это и есть прошение» — «Нет, говорит, прошение нужно изложить на бумаге» — «Так если у меня нет бумаги!» — «А вы исходатайствуйте!» — «Я и ходатайствую» — «А где прошение?». Полчаса я с ним бился. «Ну, хорошо, говорю, дайте мне сначала 3 листа бумаги, а я потом тут, сейчас же на одном листе напишу прошение» — «Нет, говорит, как же я могу вам выдать бумагу, не получив предварительно на это прошения?». Плюнул я и ушел.

— К... как? Неужели плюнули?

— То есть так, знаете... Внутри себя. Проглотил слюну и ушел. В Центроверевку пошел. Решил вешаться, да там тоже без прошения не выдали. Может, и к лучшему. Вон сынишка нынче у меня родился. Радость в доме.

— А-а... Поздравляю. На кого похож?

— Выясняем. Какой-то он странный: без волос, без ногтей... Оно, положим, и лучше: парикмахеры и маникюрши разорять не будут... Хе-хе-хе! (Пауза). А вы чего не смеетесь?

— Спасибо. Я уже смеялся. Позавчера. Скажите, разрешение брали?

— На что еще? Неужели на смех?

— Нет, на рождение ребенка.

— А разве надо?

— Ну, конечно! На рождение выдают разрешение в Центроребенке, на смерть в Центрогробе. Вон у меня нынче умер мальчишка — так нужно туда зайти за разрешением.

— А раньше, на рождение вы имели разрешение?

— Конечно! Особый мандат выдали.

— Знаете — идея.

— В чем, собственно, дело?

— У меня родился ребенок, у вас умер. На земном шаре ничего ни убавилось, ни прибавилось. Зачем же нам ходить в Центроребенок, в Центрогроб — передайте мне ваш мандат на рождение — и все будет хорошо.

— Ну, жизнь наша! И, знаете, в чем самый большой ужас: уехать никуда нельзя.

— Почему?

— А вот — полюбуйтесь: задумал я в мае поехать в Крым — благо он советским сделался. Но пока я взял выписку из домой книги, засвидетельствовал, удостоверил у участкового районного комиссара, получил свидетельство о неимении препятствий от уголовной милиции, выхлопотал разрешение в комиссии по разгрузке, затем в комитете по погрузке, сдал в районную управу продовольственные карточки и получил номерок на очередь в железнодорожную билетную кассу, в это время добровольцы взяли Крым! Хорошо, думаю — поеду ближе. В Харьков поеду! Новый город — новая выписка из домовой книги. Опять нужно эту выписку засвидетельствовать, удостоверить в районном комиссариате, зайти в комиссию по разгрузке города, потом...

— Догадываюсь! В это время добровольцы взяли Харьков?

— Ясно! Тут уж я совсем остервенел! В Одессу поеду! Но пока я взял выписку из домовой кни...

— Добровольцы взяли Одессу?

— Да, да!! Тут я сделался прямо сам не свой! В Киев, кричу, поеду! В самый Киев!! Но пока я взял выписку из домо...

— Довольно! Я вас понял. Хотите, дам совет? Начните сегодня же хлопотать о выезде на Воробьевы горы.

— Да ведь они тут же, под Москвой!

— Это ничего не значит. Пока вам дадут выписку из домовой книги, засвидетельствуют в комиссариате, проштемпе...

— Понял! Значит, легче горе пойти к Магомету, чем Магомету к горе?

— А вы что думаете?

Долгий взгляд друг на друга.

— Гм... да!

— Мм... на!

— Компрене?

Хитро подмигнув, расходятся.

МЕЛОЧИ СОВДЕПСКОЙ ЖИЗНИ

(Салат из булавок)

В последние дни большевизма в Севастополе, когда севастопольские большевики уже догорали, они объявили регистрацию всеобуча (всеобщее военное обучение в 96 часов).

И вот — краткий выразительный диалог между председателем приемочной комиссии — рабочим — и призываемым — студентом в очках:

— Господин председатель! У меня зрение плохое, я не гожусь.

— Прежде всего, господ тут нет. Я — товарищ. А что у вас со зрением?

— Очень плохо вижу.

— Ну, на десять шагов-то видите?

— Неважно.

— Ну... меня, например, могли бы застрелить за десять шагов?

— Вас?! С удовольствием!!

Никогда более искреннего, непосредственного ответа не срывалось с человеческих уст.

* * *

Теологический разговор:

— Что же вы там, в Москве, получали по карточкам?

— Исключительно 5 селедок.

— Значит, оказывается, большевизм действительно христианское учение!..

— Почему?

— Да ведь из Священного Писания известно, что Иисус Христос накормил пять тысяч человек пятью хлебами и пятью рыбами. А большевики даже хлеб упразднили. Только пятью рыбами кормят.

* * *

Из речи большевистского оратора:

— Все слухи о жестокости большевиков — ложь! Мы применяем для населения такие же наказания, какие применяются для маленьких школьников: оставляем без обеда и ставим к стенке.

* * *

Существует также ходячее мнение о том, что никому так хорошо у большевиков в Совдепии не живется, как актерам.

Вот иллюстрация:

Известный певец Серебряков умер от голода.

Известный певец Бухтояров — умер от голодного тифа.

Артист Александринского театра Новинский (резонер) — умер от голода.

Артист Художественного театра А. Стахович, не могши вынести окружающей обстановки, повесился.

Оставшиеся в живых влачат жалкое существование. Например, коршевский актер Борисов, выступая по 3 раза «в халтуре», зарабатывает до 70 тысяч в месяц, но все эти деньги, целиком — *проедает*.

* * *

По всей Совдепии несется теперь истерический клич:

— Все рабочие, все свободные руки — к станкам! Иначе мы погибнем.

А знаете, какие это станки? Печатные. На которых печатают керенки.

РАЗГОВОРЫ ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО УЧЕБНИКА МАРГО (МОСКОВСКОЕ ИЗДАНИЕ)

Разговор гастрономический.

— Читал ли дядя вашей жены большевистский декрет о питании?

— О, нет, но зато мой хороший брат судился за подделку векселей.

— Имеете ли вы хлеб, называемый по-французски «пэн»?

— Хлеба, называемого по-французски «пэн», я не имею, но один знакомый мешочник имел пулю в живот, называемый по-французски «вантр».

— Умеете ли вы, о, мой уважаемый собеседник, шить сапоги из гильзовых коробок?

— Этого я еще не умею, но у меня хорошо выходят рубленые котлеты из газетной бумаги.

— Что это за грохот в соседней комнате?

— Этой мой двоюродный брат ест сухарь.

* * *

Музыкальный разговор.

— Любите ли вы скрипку?

— О, нет, я более люблю виолончель. Потому что виолончельная струна дает более хороший навар.

— Любите ли вы Грига?

— Я никогда не ел его.

— Это — композитор.

— Не пробовал. Вообще я давно не ел азотистых веществ.

— Нравится ли вам Бах?

— Это смотря в кого бах! Если бах в меня, то не нравится, а если в нашего комиссара, то я в восторге.

* * *

Сельскохозяйственный разговор.

— Производятся ли у вас под Москвой полевые работы?

— И даже более: у нас производятся военно-полевые работы.

— Но вы уже косили?

— Давно уже косили глазом на всеобщее воровство.

— Жали ли вы?
— Мы — нет. Но нас очень жмут.
— Разводите ли вы рогатый скот?
— Да, у нас бракоразводная процедура очень упрощена. Вчера одного коммуниста развели в пять минут.

* * *

Разговор о литературе.
— Что в Москве издано новенького?
— Новенького ничего, о, мой добрый господин. Из старого же вышло: «Смерть Пазухина», лесковское «На ножах», потом «Смерть Ивана Ильича», «Рассказ о семидесяти повешенных» (дополненное издание), «Смерть Иоанна Грозного» и «Убийство Коверлей»...

* * *

Разговор на улице.
— Почему на Невском собралась такая толпа?
— Говорят, что сейчас лошадь пробежала по Невскому. Кстати, мой добрый друг, как по-французски — лошадь?
— Шваль.
— Напрасно вы так говорите. А у нас этим французским словом называют красноармейца.
— Скажите, опасно ли ходить по этой улице?
— О, нет, она совершенно пустынна.
— Но, может быть, на ней нет милиционера?
— Нет, поэтому она и безопасна.

* * *

Юридический отдел.
— Какая разница между контрибуцией и конфискацией?
— Огромная. При взыскании контрибуции стреляют из нагана, а при конфискации бьют прикладом.
— Кто утверждает в правах наследства?
— Чрезвычайка. Она же разводит брачующихся, расторгает договоры по найму и кассирует выборы в городскую думу.
— Есть ли у вас примирительная камера?
— Да, и это та же чрезвычайка. Примирительная камера, мой дорогой собеседник, заключается в том, что сажают тяжущихся в общую камеру и расстреливают тех и других.

— Существует ли институт правозаступников?
— Наоборот: проститут левозаступников!
— Спасибо за разъяснение. Простите за беспокойство.
— Какое же беспокойство. Ведь вы в меня не стреляли.

* * *

Выдрал страницы из Московского Марго
Аркадий Аверченко

ЧТО-ТО ВРОДЕ БИБЛИОГРАФИИ

Пословица довольно мудро вещает:

— Спустя лето по малину в лес не ходят.

Поэтому и отрывных календарей во второй половине лета не покупают.

А я взял да и купил в августе отрывной календарь, издание газеты «Прибой» — пошел, так сказать, спустя лето по малину.

Оправданием мне может служить то, что ягода эта не обыкновенная, а совершенно удивительная, редкий ботанический вид малины, слывущий у ботаников под названием:

«Разлюли малина».

Обыкновенный отрывной календарь. Все его знают — это очень приличный дурак, который плачет на похоронах и танцует на свадьбе. Этим он отличается от сказочного, который делал наоборот.

Вид листка прежнего отрывного календаря тоже общеизвестный.

— Марта 17-е. Вторник, св. Алексия человека Божия, муч. Марина, прп. Макария Колязинск. Спой мне песню, как синица тихо за морем жила. Труд облагораживает, а порок портит, пятна со скатерти лучше всего выводить лимонным соком, щи с головизной, язык соус пюре, трубочки. Както Суворов сказал своему денщику: ты, дурак. Так точно, бойко гаркнул находчивый денщик. Ищите и обрящете (Матф. 17, XII).

Обыкновенно, когда гость, прохаживаясь по комнате, ожидал выхода хозяина дома, он от нечего делать подходил

к календарю на стене и, отворотив листки, принимался за чтение... Читал и о Суворове, и о живущей за морем синице, и о щах с головизной.

Календарь был тем не-сказочным дураком, который на свадьбе веселился и на похоронах плакал.

Вообразите теперь человека, подошедшего к календарю «Прибоя» — подошедшего и отвернувшего несколько листков... Мороз по коже подерет несчастного.

Если можно допустить сказочного господина, пляшущего на похоронах и проливающего слезы на свадьбе, то кто может допустить господина, который всегда, каждый день, во все праздники только и делает что проливает горючие слезы или рассказывает жуткие истории о расстрелах и убийствах?

По нашему мнению, «Прибой» со своим календарем вовлечет всякого покупателя в невыгодную сделку.

— А ну, — говорит покупатель, беря календарь. — Почитаем... Тут, наверное, и о Суворове есть, и о щах с головизною, и стишки всякие.

Пришел домой, отвернул первый листок, вдруг:

— «Покушение на Д.Ф. Трепова».

— Свят, свят, — шепчет счастливый владелец календаря. — Экое пишут! О чем вспомнили... Посмотрим следующий день: «1881. Арест в Киеве членов рабочего союза». Гм! Гм! А дальше? «Покушение на жизнь ген.-ад. Черевина». Тьфу ты, пропасть! Перелистаем два-три листика... Ну-ка, 14-е января... «Покушение на губернатора Курлова в Минске»... 15-е: «1903 год. Рабочая демонстрация в Сувалках». Важное событие!

А там и пошло, и пошло: через 2 дня выстрел В. Засулич в Трепова, через 3 дня покушение на жизнь адм. Чухнина. Взрыв Степана Халтурина в Зимнем дворце, убийство губ. Крапоткина в Харькове, покушение Карповича на Боголепова, покушение на Победоносцева, убийство губ. Слепцова, убийство губернаторов Накашидзе, Блока, Чухнина, Дубасова... — и так каждый день, каждый день...

И если в какой-нибудь день не ухлопали губернатора, — то вспоминают хоть что-нибудь замечательное... Или: «вооруженное сопротивление в 1879 г. на Жиляской у. в Киеве». (Кто сопротивлялся? Кому?). Или — на другой день: «избиение гимназистов в Курске».

У «Прибоя» есть свои святые, которых он празднует. Например:

14 апреля 1902 г. назначение Зингера (?) мин. нар. просвещ.

16 июля 1906 г. разгром полицией загородн. рабочего митинга близ Батума. (Замечательное событие! Помните дату!).

1901 г. IV съезд еврейского рабоч. союза в Белостоке.

28 апреля, по мнению «Прибоя», замечательно тем, что в «Озерках найден труп Георгия Гапона», а 28 июня «Прибой» празднует «неудачное покушение в Одессе Тамары Принц на ген. Каульбарса» и тут же рядом с этим событием помещает поэтический комментарий к нему: «как жалок тот, чья юность принесла морщину лишнюю для старого чела».

Хорошая морщина! Чуть старика на тот свет не отправила.

* * *

И так — весь календарь... Если не убийство, то повешение, если не избиение, то взрыв бомбы... К концу года «Прибой» наваливает на владельца календаря целую гекатомбу губернаторских трупов, черепов и висельников, и все это сверху придавливает Степняком-Кравчинским, который к исходу года «раздавлен в Лондоне поездом».

У Джерома есть могильщик, который благосклонно говорит некоему юноше: «Молодой человек, вам нужно повеселиться... Сходите на наше кладбище, я вам покажу замечательную коллекцию черепов».

«Прибой» — тот же могильщик, тот же факельщик похоронных процессий, и если он не пляшет на похоронах, то только потому, что твердо придерживается своей политической платформы: плакать и на свадьбе и на похоронах.

ОТРЫВКИ ИЗ ГОГОЛЕВСКОЙ «ЖЕНИТЬБЫ»

(Оторваны для подходящего случая)

О большевистском официальном органе «Известия»: «Такой уж у него нрав-то странный был: что ни скажет слово, то и соврет, а такой на взгляд видный. Он-то, может

и сам не рад, да уж не может, чтобы не прилгнуть — такая уж на то воля Божия».

* * *

Союзник (заключая союз с Россией): — Ты мне не толкуй пустяков, что невеста такая и этакая, ты скажи напрямик, сколько за ней движимого и недвижимого?

* * *

Арина Пантелеймоновна: — Да что с них, с коммунистов-то твоих! Хоть их и много, а один русский мужичок всех стоит!

Фекла: — Ах, нет, — коммунист-то поважнее будет.

— Да что в важности! А мужик коли захочет, то все эти коммунистические ячейки по шеям!

— А коммунист на него с пулеметом: «А ну, скажет, мелкий хозяйчик, покажи-ка какой у тебя хлеб самый лучший!».

— А мужичок коли захочет, не даст хлеба: вот и будет коммунист голодненький, вот и нечего будет есть коммунисту!..

— А коммунист зарубит мужичка!

— А мужичок пожалуется в комбед.

— А коммунист пойдет на мужичка в совнархоз!

— А мужичок на коммуниста в совнарком!

— А коммунист на мужичка в чрезвычайку!

— А мужичок...

— Врешь, врешь — чрезвычайка выше совнаркома!

* * *

Петлюра (поглядывая на Махно). Физиономия этого человека мне что-то подозрительна: чуть ли он не за тем же сюда на Украину пришел, зачем и я.

* * *

— Ах, вы знаете, какая с ним история...

— Как же: миллион украл!

— Нет, это бы еще хорошо, а то в комиссары поступил!

— Да — то-то я помню что-то похожее: или миллион украл, или в комиссары поступил!

* * *

Преподаватель русского языка в пролеткультской школе: Мой отец был мерзавец, скотина. Он не думал меня выучить русскому языку. Я был тогда еще ребенком, меня легко было приучить, стоило только посечь хорошенько, и я бы знал! А теперь — только по новому правописанию и маракую.

* * *

Россия: — Не знаю, кто из них и лучше... Эх, если бы нос мистера Вильсона да приставить к губам Клемансо, да взять немного деловитости мистера Ллойд Джорджа...

* * *

Иным плевали по нескольку раз... — Я знаю тоже одного: прекраснейший собой мужчина, румянен во всю щеку — актером Глаголиным звать; до тех пор перебегал из добровольческого лагеря в большевистский и обратно — что, наконец, не выдержал один доброволец — в лицо плюнул, ей-Богу! «Вот тебе, говорит, твоя ориентация!». А в суде все-таки Глаголина оправдали. Что ж из того, что плюнул. Если бы другое дело, был далеко платок, а то ведь он тут же в кармане — взял да и вытер.

* * *

Союзник (изучая природные богатства России): — О, она не то, как бывают скудные худощавые немки — кое-что есть!

* * *

— А где Владимир Ильич Ленин, вы не видели?

— Да они-с выпрыгнули в окошко.

— Как, в окошко?

— Да-с. А потом, как выскочили, взяли извозчика и поехали обратно в Швейцарию.

— Ах, каналья! Ведь вот, что досадно: выпрыгнул себе, уехал — ему и горя мало, с него все это, как с гуся вода — вот что нестерпимо. Поедет к себе в Швейцарию, да будет сидеть по-прежнему в кафе, покуривая трубку, будто ничего не случилось...

* * *

Русский рабочий (постигнув социалистический рай): — пошли вон, дураки!

Выцарапал из «Женитьбы»
Аркадий Аверченко

СТРАНИЦА ОБЪЯВЛЕНИЙ

Всякому умному человеку известно, что жизнь страны можно изучить по страницам газетных объявлений. В публикациях жизнь страны отражается, как в зеркале.

Таким образом, жизнь Совдепии может быть легко изучена по последней странице «Известий».

Выберем же:

Получены новинки в магазине Бехли:

Ножницы для разрезывания керенок. При покупке дюжины ножниц точильный камень для них — бесплатно!

Новость! Английская *пила* для распиливания на дрова роялей.

Эмалевые коробочки для хранения минерального топлива. Портативно! Удобно! Помещается в жилетном кармане.

Чемоданы «Гигант» — для хранения карманных денег, поставленные на колеса, легко передвигаются без помощи лошади.

Охотничьи ножи для умерщвления родственников, имеющих охоту пообедать у вас — важно в экономном семействе!

Зубочистка-ледничок — автоматически сохраняет в свежем виде в течение 36 часов всякую извлеченную из зубов пищу.

* * *

Сбежала сука-пойнтер. Поймавшему ее и доставившему ее обглоданные кости (дороги как память) — выдам вознаграждение.

* * *

Покупаю лошадь на слом.

* * *

Жирные пятна на платье вывожу бесплатно, за право пользования выведенным жиром.

* * *

Вора, вытащившего у меня из кармана 10000 советскими деньгами, прошу сообщить по адресу — на кой черт ему сдалась эта дрянь?

* * *

*Кухарк*а — может дешево готовить небольшую семью в высшее учебной заведение.

* * *

Ко дню *именин Веры, Надежды, Любви и Софьи* — в магазине Келлера получен свежий цианистый калий для гостей.

* * *

«Друг курильщика!»

В магазине Треймана — имеются изящные *золотые окурочницы* для хранения окурков.

* * *

Стороннее сообщение:

В семье Бырдиных (Невский, 70) 10 числа в 8 час. утра будут зажигать спичку. Желающих иметь от этой спички огонь — просят записываться у швейцара.

Вырезал и наклеил
Ave

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

ПАРИЖ. 12.IX. В Гельсингфорсе скоропостижно скончался Леонид Андреев. Перед смертью он собирался отправиться в Америку, где предполагал прочесть ряд лекций о большевизме и роли Германии.

Смерть приписывают сердечному припадку.

Когда Муза поэта скорбно прошептала, закусив нижнюю губу:

«...У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает» —

она, Муза эта, будто бы о России сказала.

Россия — очень несчастна, и у нее только друзья умирают.

Пожалуй, не было у России более искреннего, более пламенного друга, чем Леонид Андреев.

Он умер теперь, умер в угрюмой неприязненной Финляндии; это было крепкое сердце громового трибуна, кулачного бойца, сердце, могущее вынести самые сокрушительные удары врагов России и своих собственных.

Но, очевидно, был нанесен такой тяжкий, такой страшный удар, что пошатнулся смелый боец, побледнел как смерть, и, как прекрасный, лучший русский цветок, упал, подкошенный, на чужую суровую каменную землю.

Леонид Андреев умер.

Разве мы сейчас, в эти суетливые, полные беготни и хлопот минуты, понимаем, *что* случилось и *кого* мы потеряли?

Подождите: вот войдет русская Россия в Москву, осмотрится немного, успокоится, да как вспомнит, что «Леонид Андреев умер», схватится за голову и закричит страшным голосом, как мать о самом любимом сыне.

Ах! Ведь он был не только замечательным писателем. Он был самым верным сыном Родины, и когда многие не выдержали — поплелись в стане упоенных победителей, он остался в ужасном одиночестве, голодный, истощенный лишениями, но по-прежнему грозный, обличающий, проклинающий.

Его слова и призывы звучали, как гулкая медь московского колокола, и теперь еще плывет во взбудораженном воздухе гудящий медный отзвук, а колокол уже умолк, и никогда не грянет бодрый, мощный призыв его.

Умолк Леонид Андреев, смежив зоркие очи.

Спи, дорогой.

Пусть о тебе как о писателе скажут литературные критики, как о человеке — вспомянут друзья, а я плачу о тебе сейчас как о самом любящем сыне матери-России, положившем на ее дрожащую исхудалую руку лучшее, что у тебя было: твое горячее сердце.

МЕЛОЧИ СОВДЕПСКОЙ ЖИЗНИ
(Из музея Арк. Аверченко)

Среди актеров:

— Ба! Глаголин! Здравствуй. Ты к кому на зиму подписал: к добровольцам или большевикам?

* * *

В наш боевой век.

— Агафья! Закрывай плотнее оконную форточку, а то пули налетят.

* * *

Переезд советского комиссара с дачи в город:

— Акулька! Все уложила на подводу? Пишущую машинку, машинку для рубки котлет взяла? Машинку для печатания керенок уложила? Сундук с паспортами не забыла?

* * *

Пышная жизнь.

— Сейчас Маруська говорила по прямому проводу, что ее муж на красный фронт улетел на гидроплане... Можно бы к ней дернуть на подводной лодке, — да нельзя. Только что получил от жены радио, что первым же бронепоездом возвращается от подруги...

* * *

А вот штрих — душистый и крепкий, как гвоздика: советские газеты так долго и упорно вбивали в головы красноармейцам, что добровольческие войска — это «белогвардейские банды», что когда добровольцы взяли Харьков — к ним стали являться красноармейцы сотнями для поступления в добровольцы — и при этом многие осведомлялись:

— Скажите, где тут можно записаться в белогвардейскую банду?..

* * *

— У него вид настоящего миллионера!

— Почему?

— Видишь, сколько на пиджаке пятен и все масляные!

* * *

Петербургское:

Квартирантка: — Лукерья! Я запираю дверь. Если без меня принесешь мой хлеб по карточке, то можешь просунуть его в замочную скважину.

* * *

Социалистический рай.

— Нравится вам это печенье?

— Очень. Из чего это?

— А это, видите ли, мой муж — парикмахер, и когда он бреет клиента, то часто находит в бороде крошки. Он их собирает в коробочку, приносит домой, а потом и того...

* * *

Сила привычки.

— Что за странность! Сейчас получил приглашение на обед от какого-то Главного Финансово-Рабочего Союза Российских Кинематографистов!

— А ну, покажи.

— Да вот, видишь, приглашение подписано сокращенно: Глафирасорокин...

— Опомнись, голубчик! Это моя племянница Глаша Сорокина тебя на именины зовет!..

* * *

Отрывок автобиографии...

— Был я допрежь того собачьим парикмахером — пуделей стриг. А как всех собачек подъели — поступил по своей специальности к одному комиссару — керенки для него стричь. Но одначе ушел, потому как больше восьми часов в день работать не согласен!...

СМЕРТЬ АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО

Всех как громом поразила неожиданная кончина молодого, еще полного сил писателя.

Покойный происходил из небогатой купеческой семьи города Севастополя, окончил свое скромное образование в Севастополе же, и 11 лет тому назад 26-летним робким молодым человеком выступил на писательское поприще.

Что говорить о его литературной карьере? Она проходила на глазах у всех.

Скажем лучше о нем как о человеке.

Нужно отметить, что покойный отличался высокими качествами души. Редко можно встретить в наш черствый век такого симпатичного, нравственного, доброго человека.

Как сейчас вижу его милое, открытое лицо ....

Очень легко и видеть это лицо, если оно даже сейчас отражается передо мною в зеркале, висящем над письменным столом.

Дело в том, что это я сам о себе и пишу.

Дело в том, что я начал этот свой некролог совершенно машинально.

Дело в том, что только сейчас один приезжий из Таганрога сообщил мне крайне неприятное известие о моей смерти, застигшее меня совершенно врасплох, неподготовленным к этому пикантному событию.

* * *

Заметили ли вы, что в последнее время народился совершенно новый, особый, порожденный большевистской разрухой, сорт вранья... Это сообщение о чьей-нибудь смерти.

Телеграф почти не работает, иногородние газеты получаются крайне неаккуратно, а совдепские и совсем не получаются, поэтому — пойди-ка, проверь, правда ли то, что сообщает ваш знакомый, или ложь?

Теперь ведь знакомые при встрече вместо «здравствуйте» — говорят:

— Слышали? Собинов умер.

— Ничего подобного. Он сейчас поет в Киеве.

— Как же он, мертвый, может петь?!

— Конечно, это трудно. Но дело в том, что он не умер.

— А как же мне говорили...

— Соврали, значит.

Но кровожадной натуре вестника горя такая мирная развязка ужасного события претит.

— Позвольте... Если Собинов не умер, так кто же умер?

— Шаляпин умер.

— Да? Вот так штука. От чего же это он?

— Конины поел, сапом заразился. Горький и велел латышам пристрелить его, чтоб заразы не разносил.

— Да, это очень вероятно.

Плоская, унылая, как солончаковая степь, ложь.

Но оба верят. Оба бегут дальше.

И разносят эту ложь, как Шаляпин разносил сап. Заражают других.

Пристрелить бы их, что ли.

Одна актриса в Новороссийске в январе этого года уверяла меня, что балерина Вера Коралли умерла.

— Может, утка? — осторожно спросил я.

— Ну! Утка, действительно... Сама я за гробом ее шла, а вы говорите — утка.

Теперь я предпочел бы, чтобы наоборот — Вера Коралли пошла за гробом актрисы — на один фунт было бы меньше лганья.

Потому что я — тогда еще наивный, доверчивый человек — привез эту горестную весть в Севастополь и в первый же день преподнес ее знакомому, украсив пышным гарниром горьких слез и поздних сожалений о талантливой балерине.

— Когда вы слышали о ее смерти? — спросил знакомый, странно поглядев на меня.

— Ровно две недели тому назад.

— Гм, да... Дело в том, что я получил от нее вчера телеграмму из Одессы. Телеграмма шла два дня.

Я с большим интересом оглядел проезжавшего извозчика, снял пушинку, приставшую к рукаву, посвистел и вдруг захлопотал:

— Ах, да! Что же это я с вами болтаю! Мне еще на вокзал надо. Прощайте.

Теперь уже о смерти Лермонтова я сообщаю с опаской и оглядкой: а вдруг тоже выдумка?

Однако вернемся к моей смерти.

* * *

Когда в апреле добровольцы эвакуировались из Севастополя и французы сдали город большевикам — я застрял в Севастополе.

Кое-как пережил этот дурацкий, сумбурный период, наполовину скрываясь у своих друзей — наконец — теплая компания бездарных властителей и <нск. сл. нрзб. — *В.М.*> ушла — снова вошли добровольцы и с ними все, кто в свое время так быстро расстался со мной.

И тут посыпались вопросы:

— Когда из тюрьмы выпустили?

— А я и не сидел.

— Толкуйте! Я в екатеринодарских газетах читал. Прямо плакал, знаете, как они вас мучили. Писали, что голодом морили.

— Не морили.

Тогда вмешался другой:

— Послушайте. А, все-таки, зачем вы с большевиками работали? Нехорошо.

— Не работал.

— А один знакомый говорил, что вы на их концертах выступали.

— Если встретите этого вашего знакомого — всуньте ему в рот ваш зонтик по рукоятку, а потом раскройте его.

— Слышал я, — скорбно вмешался третий, — что вас в чрезвычайке приговорили к ста ударам шомполами. Какой ужас!

— А вы знаете — я даже не почувствовал. Как говорится: муж узнает об измене жены последний.

* * *

А сейчас на Приморском бульваре, на скамейке у моря я имел с незнакомым приезжим господином разговор, который и дает мне повод написать все эти строки:

— Хорошая погодка, — общительно сказал незнакомец, обмахиваясь шляпой. — В совдепии, небось, плохо теперь. Кстати, слышали — Шаляпин умер. Вообще, сколько народу поумирало: Шаляпин, Ясинский, Боборыкин, профессора разные, Аверченко умер...

Я с вполне понятным интересом обернул лицо к незнакомцу.

— Кто умер?!

— Аверченко умер, Аркадий. Очень жалко. В Таганроге.

— Вы *наверное* знаете, что он умер?

— Как сейчас вас вижу.

— От чего же он умер?

— А как же: от сыпного тифа.

— Да что же это он так не остерегся?

— Вот подите ж вы. В поезде заразился.

— Нет ли тут какой-нибудь ошибки?

— Хорошая ошибка! Я сам даже за его гробом шел.

— Вот уж мне этого никогда не удастся, — грустно пробормотал я.

— Были бы в Таганроге, так удалось бы.

— Нет уж, не утешайте. Всякий человек мог бы пойти за гробом Аркадия Аверченко, а я не могу.

— Враги были, что ли?

— Наоборот. У него не было более преданного друга. Скажите, и речи на могиле говорили?

— А как же. Один там говорил: «Господа, говорит, что же это такое за безобразие, а? Такой человек умер, а?» — очень хорошо говорил. Все навзрыд!

— Скажите, и вы с ним прощались перед тем, как заколотили крышку гроба? Может, поцеловали его в лоб?

— М... м... да, нет, знаете. Впрочем, я не понимаю: чего вы им так заинтересовались? Мало ли, кто теперь умирает.

— Скажите, и могилку его вы могли бы мне указать?

— Совершенно не понимаю, почему вас так эти пустяки интересуют?!

— Еще бы мне не интересоваться, — удивленно сказал я, — когда я и есть Аркадий Аверченко.

Тут он увидел какого-то знакомого, радостно закричал, замахал руками и убежал...

А я остался один и, полный тихого умиления и грусти перед вечной неразгаданной тайной смерти, тихо побрел домой, к письменному столу ....

Стул перед письменным столом тебе пухом, дорогой товарищ!

КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ...

Это стихотворение в прозе будет прочтено Львом Троцким в день октябрьских торжеств на концерте в Большом Московском театре.

Где-то, когда-то давно-давно тому назад я, отложив в сторону Эрфуртскую программу, прочел одно стихотворение. Оно скоро позабывалось мною... Но первый стих остался в памяти:

«Как хороши, как свежи будут розги...».

Теперь скоро зима; Деникин уже почти под Москвой; мороз запушит стекла окон, будет темнота, потому что нет топлива для электричества; я буду сидеть одинокий, забившись в угол кремлевских палат, а в голове все будет звенеть да звенеть:

«Как хороши, как свежи будут розги...».

И вижу я себя перед низким окном загороднего русского дома. Летний вечер тихо тает и переходит в ночь, в теплом воздухе пахнет резедой и липой; а на окне, опершись на выпрямленную руку и склонив голову к плечу, сидит девушка... Как трогательно невинны раскрыто-вопрошающие девичьи губы... Мои латыши только сейчас расстреляли ее родителей. Я смотрю на нее, а в голову все время лезет назойливая строка:

«Как хороши, как свежи будут розги...».

А в кремлевских палатах все темней и темней. Нагоревшая свеча трещит, беглые тени колеблются на расписном потолке, за стеной слышны стоны какого-то «допрашиваемого» Петерсом саботажника — и чудится мне в этих стонах:

«Как хороши, как свежи будут розги...».

Говядина 500 рублей фунт, конина — сто, сахар покупается на вес керенок, угля нет ни фунтика, все плохо, все плохо — и только:

«Как хороши, как свежи будут розги...».

Встают предо мною другие образы... Слышится веселый шум семейной деревенской жизни.

Это мои китайцы отнимают у русского мужичка хлеб и сено и лупят его прикладами. А немного подальше, в глубине уютной комнаты, молодые руки бегают, путаясь пальцами, по клавишам старенького пианино, и Ланнеровский вальс не может заглушить воркотню патриархального самовара... Велел своим коммунистам рояль порубить на дрова, а ворчащий самовар забрать в обоз, я ему, подлецу, поворчу. Наверное, на наш режим ворчал. Я даже знаю, что он ворчал:

«Как хороши, как свежи будут розги...».

Свеча меркнет и гаснет... Чья это победная музыка звучит там за стеной, чей удалой русский посвист слышится? А я одинок... Только, свернувшись в калачик, жмется и вздрагивает у ног моих старый пес Ленин — мой единственный товарищ...

Вот уже слышны их смелые, бодрые шаги в самом Кремле... Они входят... Они хватают меня...

Мне холодно... Я зябну...

«Как хороши, ах, как хороши и свежи будут розги!».

ПЕТЕРБУРГ

Попробуйте описать постороннему любимого вами человека — ничего не выйдет.

Любовь к нему скрипкой поет в сердце вашем, а как передать это словами, когда слово — буднично, грубо, реально, слово не объясняет музыки.

Я люблю Петербург за то, что он гранитный волшебник, люблю его гладь весенних закатных каналов, люблю розовые бриллианты огней Троицкого моста на серо-голубом апрельском небе, люблю торцы Невского и кухонные ароматы и гам, вылетающие из открытого окна трактира, люблю адовый июльских запах асфальта, кипящего в котле на тротуаре; все мило в нем, в этом странном городе: даже серая октябрьская сетка многодневного дождя, даже безысходная слякоть, с палым древесным листом, прилипшим к скрипучей калоше, с порывами унылого ветра и скрежетом голой черной ветки у ограды сквера, что против Александринки.

Но я ведь говорю, что словами этой любви не выразишь.

Это — наша музыка. Попробуйте рассказать «Осеннюю песню» Чайковского так:

— Закорючка, две черточки, палочка, опять три черточки, соединенных внизу штришком, опять закорючка...

А опустилась молчаливая рука на клавиши рояля — и поник человек в чудно-прекрасной божественной тоске.

* * *

Вот уже несколько месяцев, как Петербург перестал мне сниться — это значит — ждал я, ждал, трепетно ждал свидания с ним — и перегорело, наконец, все в сердце моем, копоть одна осела, как на лампе, которую оставили гореть всю долгую ночь.

Это у меня.

А что вы, которым там, бедные, любимые наши гниющие на страшной двухлетней петербургской каторге, вы, люди с пустыми, ссохшимися в кулачок желудками и опустошенными душами?

Вовремя ли застигло вас избавление?

Или поздно? Или уже нет и Петербурга? Или вместо прежнего холодного красавца — города с гордым лицом полубога — застанет живая лавина вошедших в город наших войск — тихое кладбище, застанет засыпанные, как пеплом, миллиардами декретов омертвевшие каналы улиц, и только кое-где на грязных мокрых перекрестках будет сидеть на корточках человек, кутая в лохмотья скелетовидные колени и грызя с неистовым видом засохшую собачью кость, с обрывками мускулов на ней?

Поднимет равнодушное лицо, поглядит на бодрые четкие ряды живых людей, только что влившихся в город, и снова внимание обратит на полуобглоданную кость:

— Пришли, — подумает. — Теперь уж все равно. Боюсь уж и «ура» кричать. Крикнешь, ан кость из рук и выпадет.

Подумает. А, может быть, и думать уже нечем. Высохло все в голове и болтается мозг, вроде костяной пуговицы в чугунном котелке.

Но нет! Прочь этот ужасный образ!

Живуч, ах, как живуч русский человек! Знаю я его, брата моего: он распродал все свои вещи, книги, ковры и картины, он торговал на Невском кошачьей печенкой, он ужиливал у коммуны полпуда серой муки и десяток консервных коробок, он лгал и льстил, он поступал на советскую службу, пополняя

собой те *«четыреста тысяч чиновников на восемьсот тысяч жителей»* — и все это во имя той потрясающе прекрасной, волшебной, ни с чем не сравнимой минуты, когда ухо его впервые услышит дробный, стройный шаг добровольческих батальонов, идущих прямо по красным (слово неразборчиво. — *В.М.*) — будь проклято красное! — его любимого города, и глаз его впервые уткнется в родимое, полузабытое за два года, трехцветное полотнище флага: когда скажут «брат» ему вместо каторжного коммунистического «товарищ».

Здравствуй, брат мой!

И теперь он живет, считая минуты! Он сейчас самый счастливый человек на Земном шаре.

Петербург свободен!

Юденич в Петербурге!

Это не красная, это новая заря — над городом и страной, и она сразу войдет в ликующий новый день.

Жаворонки! Пойте же веселее, заливайтесь перед радостью наполнившимся пустым лицом несчастного замученного петербуржца. Дайте ему хлеба, мяса и вина! И главное — обнимите его, и поцелуйте, и простите его.

Мы — в Петербурге!

НЕМЕЦКОЕ

К доброму старому немецкому Михелю явился с докладом добрый новый немецкий министр:

— Михель, а Михель, не знаю, что мне и делать с Россией...

— А что?

— Да не знаю, кому мне лучше помогать: большевикам или Добровольческой армии?

— По-моему, помогай большевикам. Ведь, по совести говоря, — это мы и подсунули их России.

— Да, хорошо тебе говорить: помогай большевикам! Поможем мы им, они окрепнут, а там, глядишь, большевизм в Германию и перебросится!

— Верно! В таком случае, будем помогать добровольцам.

— Добровольцам?! А что, если мы им поможем, а они создадут «единую, неделимую». Опасно ведь иметь под боком такого крепкого, сильного соседа!!

— Правильно! Значит, ясное дело — надо помогать большевикам.

— Ясное? Ну, нет, знаешь, — не ясное. Мы, предположим, начнем помогать большевикам, а добровольцы возьмут да и заключат тесный союз с Англией!.. Пойди-ка тогда, повертись!

— И то правда. Выходит, что ничего не поделаешь — другого выхода нет — нужно нам помогать добровольцам.

— Так-то оно, так... Но ведь добровольцы терпеть не могут немцев. Мы им поможем, а они, став на ноги, возьмут да объявят бойкот немецких товаров. А большевики, наоборот, предоставляют нам всяческие льготы в смысле рынка.

— Так чего ж ты мне, пустая твоя башка, голову морочишь! Значит — нет другого выхода! Значит, мы должны ревностно помогать большевикам.

— Ну, уж и не знаю — кто из нас пустая голова... Легко тебе говорить — помогай большевикам! Ведь Антанта ненавидит большевиков. И ежели она проведает про нашу помощь — она нас так даванет, что из нас весь сок вытечет!

— Тьфу, чтоб ты лопнул! Вот накрутил! В таком случае, вот тебе мое последнее решение: возьми ты тысячу пушек, десять тысяч снарядов и сто тысяч ружей... И отправь ты их в Россию: пятьсот пушек — Юденичу, пятьсот — большевикам, пять тысяч снарядов — Юденичу, пять тысяч — большевикам, пятьдесят тысяч ружей Юденичу, пятьдесят тысяч — большевикам...

— Что ж из этого получится?

— А очень просто: кто нас будет упрекать за помощь большевикам — мы покажем благодарность Юденича, кто из левых ругнет за Юденича — покажем большевистскую расписку в приеме оружия!..

* * *

Милые детки! Не любите немцев и бойтесь их. Не доверяйте им. Избегайте их. А если случится вам, детки, встретиться с немцем, плюньте на него.

Потому что он — гадкий.

СЛОМЯ ГОЛОВУ

Черти нас медленно, но верно на сковороде поджаривают — вот какая теперешняя наша жизнь.

Обратил я внимание на одного человечка знакомого: целый день по улицам, по бульварам гуляет.

Ничего не делает. И с чего живет — непонятно.

Остановил я его. Поинтересовался:

— С чего живете?

Повертел он мизинцем перед моим носом, посверкал каким-то стеклышками на кольце, подмигнул:

— А вот с этого и живу.

— Бриллиантами торгуете, что ли?

— Да нет же! Вот это колечко ношу — тем и живу.

Выпучился я на него.

— Очень просто. Теперь многие так живут. Я на этом кольце сто целковых в день зарабатываю. Я скромный. Мне и довольно на жизнь.

— Да что ж вы его за деньги показываете, что ли?

— Ну, действительно, кому это нужно! А я просто купил его года два назад за тысячу — дурные деньги были, и забыл о нем. А год тому назад спрашиваю случайно у ювелира — «оцените», а он скривился и говорит этак пренебрежительно: «неважное; тысяч семь — восемь можно дать. Так я и ахнул: да ведь это, значит, выходит я не пито — не едено, за один год шесть тысчонок заработал! Ведь это пятьсот рублей в месяц! И стал с тех пор мой заработок повышаться. В начале прошлого года с пятисот рублей в месяц кольцо стало приносить по тысчонке, а в прошлом месяце, когда я справился о цене, — оно, родименькое, было оценено в тридцать тысяч. И каждый день цена его вырастает на сто рубликов, на сто рубликов, на сто рубликов... Так чего же мне работать-то? Вот таскаю на пальце колечко — вот вся моя и работа, вот чем и живу...

* * *

Только что отвернулся от этого предприимчивого деляги — трах! Как мина на броненосец, налетел на меня другой. Чуть с ног не сбил.

— С ума вы сошли?! Искалечить этак можете. Куда летите!

— Не задерживайте. Лечу покупать!

— Что?

— А черт его знает. Это совершенно не важно — пеньку, масло коровье, духи, сапожный товар, горох, место на кладбище...

— Да для чего вам?!

— А не для чего. Видите, вот пачка. Это деньги. Пятьдесят тысяч. Мои. Месяц тому назад, если бы я купил на них коровьего масла, — мне бы дали тысячу фунтов, две недели тому назад я уже получил бы только пятьсот фунтов, а теперь мне дадут только 350. Так черта ли мне сидеть ждать, пока эти бумажки будут идти ко дну, как топор. Что-нибудь куплю!!! Молодой человек! Колечко ваше не продаете?

— Ишь ты, ловкий какой. А с чего я жить буду?..

— Ах ты ж, Господи... Эй, господин! Пальто не продажное? Хорошо бы заплатил, скидывайте! Нет? Мадам! Не желаете ли нынче поужинать со мной? Тысчонку за это дело получите! Только сегодня. А то ведь я вас знаю — завтра уже полторы за это самое сдерете. Что? Вы порядочная? Ах, ты ж, Господи, ну извините. Извозчик, продай пролетку — пятьдесят тысяч дам.

— Нету теперь дураков, господин, — захохотал извозчик.

* * *

У меня в кармане было 50 рублей. Я, признаться, испугался: что если я сегодня же не использую их по покупательской способности — завтра упадут мои денежки процентов на 30. Куплю-ка я на них право сделать один конец на этом извозчике...

— Извозчик! На Адмиральскую, пять.

— Пожалуйте! Полсотни.

Сел. Поехали. Приехали. Даю украинку.

— С вас еще десять рублей.

— За что?!

— Эх, господин... Неужто вы думаете, за то время, как мы ехали, жизнь не подорожала?..

ПОЛНОКРОВНЫЙ

В одном тесном обществе я встретил Перекатова.

Меня поразило грустное убитое выражение его лица, и я приветливо осведомился:

— Ну, как поживаете?

Он сокрушенно покачал головой:

— Плохо...

— Что так?

— Богатею все. С каждым днем богатею, и до чего это, в конце концов, дойдет — Бог его знает.

Мы поспешили натянуть на свои лица огорченно-сочувствующие выражения и попробовали утешить:

— Ну, стоит ли отчаиваться... Авось разоритесь.

— Нет, где там, — простонал он, безнадежно махнув рукой. — С каждым днем богатею!

Все ахнули:

— Да с чего же вы это так?! Вот напасть-то!

Увидев наше общее сочувствие, он немного успокоился и стал рассказывать:

— С чего? А с лесного склада. Папаша, когда помер, оставил мне склад лесных материалов. Ну, торговал я себе потихоньку, торговал — вдруг цены начинают повышаться. В прошлом году так повысились, что решил я: продам-кось сразу половину своего товара — хорошо заработаю. Продал! И что ж бы вы думали: проходит два месяца, и оставшаяся половина делается дороже того, что стоил раньше целый склад!.. «Шалишь», сказал я сам себе и тут же за огромные деньги продал половину этой половины!

— Так чего ж вам убиваться? — заметил один из слушателей. — Значит, у вас осталось всего четверть склада. Много ли это?!

— Много ли?! Дело в том, что прошло еще два месяца, и эта четверть склада сделалась в два раза больше того, что раньше стоил целый склад. Тут я уж совсем обиделся. Трах! — и продал половину из этой четверти за сумму, которая была больше и целого склада, и половины, и четверти вместе взятых. От осьмушки я снова продал половину — осталась одна шестнадцатая, и за половину этой шестнадцатой мне теперь предлагают три миллиона.

— А вы, — посоветовал кто-то, искренно огорченный злоключениями лесного торговца, — продайте эти обе тридцать вторые за шесть миллионов — и успокойтесь.

— Голубчик!! — завопил владелец лесного склада. — Да куда же мне такую уйму денег — шесть миллионов!! Ну, что я с ними буду делать?! И так уже есть почти столько же.

— Смотрите... Мое дело посоветовать, а потом еще хуже будет. Вот помяните мое слово — пройдет месяц, и будет стоить одна тридцать вторая — миллионов десять! Вот тогда повертитесь!

— А, в конце концов, — зловеще проворчал другой утешитель, — останетесь вы при одном бревне и полудесятке дюймовых досок, и будут они стоить полмиллиарда...

Лесоторговец чуть не плакал.

Он вертелся во все стороны, бил себя кулаками в грудь и хватался за голову:

— Ну, что же мне делать?! Что делать — посоветуйте! Богатею себе и богатею, как дурак, и никакого от этого лекарства!..

Тут я нашелся. Хлопнул его по плечу и сказал:

— А, знаете что? Пожертвуйте все ваши лишние деньги на Добровольческую армию. Вот вам и выход.

Он недоверчиво, с недоумением покосился на меня.

— На что... пожертвовать?

— На Добровольческую армию, на ту, которая защищает вас от большевиков.

— А разве большевики... еще существуют?

— Конечно! И здесь их нет только благодаря добровольцам. Добровольцы с ними воюют.

— Зачем же они... воюют?

— Потому что хотят спасти Россию.

— Ну?.. А вы знаете, это с их стороны очень мило.

— Еще бы не мило.

— Те, значит, губят Россию, а эти хотят ее спасти.

— Во-во.

— Прямо замечательно! Только на что им деньги, я не понимаю.

— Ну, как же! Вот приближается зима, холода, нужны теплые вещи...

— Да, уж зимой без теплых вещей это не того...

— Вот вы им, значит, и пожертвуйте на теплые вещи. Ведь посудите сами: большевики, приди они сюда, просто отняли бы весь ваш склад и все деньги, а добровольцы даже не просят, а я за них прошу...

Он расцвел.

— А ведь верно! Те бы отняли, да еще, пожалуй, и расстреляли, а эти молчат...

— Ну, вот — поняли?! Я вам не говорю, чтобы вы все отдали. Отдайте ту часть, которая вас тяготит. Знаете, как полнокровный человек должен время от времени звать цирюльника, чтобы выпустить излишек крови. А то задохнется.

— Во-во. Я уже и задохся. А это, действительно, выход. Спаси вас за совет.

* * *

На другой день в номере газеты можно было прочесть:

Сбор на теплые вещи войскам, обороняющим Крым.

От И. Перекатова 100 рублей, от служащих и рабочих лесного склада Перекатова 621 руб., а всего с прежде поступившими и т.д.

* * *

На жирном, лоснящемся, упитанном теле от укола будто выступила капелька крови...

Выступила и тут же пропала.

Как на собаке присохла.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬИЧ УХОДИТ...

Пришел ко мне... один тут такой.

Много их теперь зря шляется.

С такими я суров.

— Что нужно?

— Лино-батистом не интересуетесь?

— Нет!

— Репейным маслом интересуетесь?

— Отстаньте!

— Гигроскопической ватой?

— Проваливайте!!

После этого ему очевидно захотелось поговорить по душе.

Опустился на диван. Сказал устало:

— Вы не думайте, что я какой-нибудь каналья-спекулянт, имеющий вместо сердца куртажную расписку. Я ведь кое-что читал. Классиков знаю. Гоголем интересуетесь?

Я оживился:

— Чрезвычайно! А что, найдено что-нибудь новенькое?

Он горько усмехнулся:

— Наоборот: потеряно старенькое.

— Что же именно?

— Ушел от нас Гоголь. Например — поэма «Похождения Чичикова»... совсем почти для нас погибла.

— Почему?

— Смыслу в ней нет.

Его, очевидно, что-то заметно волновало.

Он нервно закурил папиросу и горячо заговорил:

— Вон у вас на столе лежит Гоголь. Поглядите — ведь теперь оказывается, что Чичиков — дурак! А Гоголь через каждые две страницы называет его умным человеком! Ну вот, раскроем наудачу: «Чичиков у Коробочки»... Обратите внимание: привязался человек к старухе — продай да продай ему какие-то дурацкие мертвые души... А старуха — обратите внимание — старуха ему предлагает купить такие вещи, за которые теперь всякий зубами уцепится: мед, пеньку, свиное сало, гречневую муку, крупу, скотину битую!! Да ведь это золотая старуха!! А он ей за этакие вещи черта посулил!!..

— Это в вас говорит спекулянт.

— Спекулянт?! Взгляните дальше! «Чичиков у Собакевича». После обеда платит Чичиков Собакевича двадцать пять рублей за мертвые души и... вы помните? как боялся Павел Иваныч передать Собакевичу деньги в руки, не получив <фрагмент не читается. — *В.М.*>*:*

— Ну, что ж... <фрагмент не читается. — *В.М.*> Собакевич легко мог польститься на двадать пять рублей.

— Польститься на 25 рублей.. Это после такого обеда, которым он угостил Чичикова?! Обратите ваше внимание на меню: по книжке вам прочту — разная соленая закуска к водке, щи с пирогом, начиненным гречневой кашей, мозгами

и ножками, бараний бок, ватрушки, каждая, по утверждению Гоголя, величиной с тарелку, индюк «ростом с теленка, набитый всяким добром: яйцами, рисом, печенками, а под конец — десяток сортов варенья, увенчанный даже редькой в меду»... Сколько стоит такой обед на одну персону? Рублей 800. Так неужели же Собакевич после такого тысячного обеда польстился бы на какие-то ничтожные 25 рублей ассигнациями, то есть на нечто вроде уже аннулированных советских денег?..

— Тогда другие цены на все были, — задумчиво заметил я.

— А что же я и говорю?! Как теперь можно читать Гоголя? Обратите внимание: он выставляет Ноздрева лгуном, а по-моему Ноздрев — правдивейший, бескорыстнейший человек!.. Да вот обратите внимание. Ноздрев показал гнедого жеребца, за которого он божился, что заплатил 10 тысяч. И почему-то никто ему не поверил — ни Мижуев, ни Чичиков... Почему? Да теперь самая дохлая лошаденка стоит тысяч 15. А за каурую кобылу Ноздрев просил всего четыре тысячи! Только четыре!! И Чичиков не взял. Чичиков отказался! Больше того — за другую каурую кобылу и за серого коня Ноздрев просил всего 2 тысячи!! Помните их разговор: «Ты их продашь, — уверял Ноздрев, — тебе на первой ярмарке дадут за них втрое больше».

И верно, скажу я! Ноздрев не врал, что там втрое-вдесятеро больше дадут!! И Чичиков отказался!! Наконец — шарманку! Шарманку красного дерева на полном ходу отдавал он за 900 рублей! Верите — прочел я и чуть не заплакал — да ведь за нее всякий дурак впятеро больше заплатит!! Ведь она Мальбрука играла! Ведь доведись на меня, я бы на сером коне, на каурой кобыле и на шарманке тысяч пятнадцать заработал бы... Кстати, о шарманке — пианино вас не интересует?.. Пианино и полтора кило хлороформа... Купили бы, а? Зачем вы мне мое пальто подаете? Может, купить хотите?

* * *

И тут почуял я, что ушел, совсем ушел старый прежний Гоголь.

И идет вслед ему новый Гоголь — тот, который твердой рукой возьмет золотое царственное перо и опишет все новое, все страшное, все дикое, что еще десятки лет будет волновать развороченный муравейник неумной русской жизни.

ОСЕННИЙ МЕЛКИЙ ДОЖДИЧЕК

Знаменитая Маруся Спиридонова обратилась с письмом к своим товарищам по партии:

«Рекомендую вам при выборе между большевиками и добровольцами предпочесть последних, потому что при добровольческом режиме, как и при царском, все же возможна подпольная работа и деятельность партийных лидеров, что представляется совершенно невозможным при большевистской власти».

В «Сатириконе» во время войны была помещена такая карикатура: у дверей спальни офицера стоит денщик и изо всей силы колотит палкой по медному тазу. Горничная спрашивает:

— Чего ты, дурак, так шумишь: ведь за дверью барин спит!

— Я потому и стучу, чтобы его благородие спали. Они так привыкли на позициях к канонаде, что без шуму совершенно не могут спать.

* * *

Такая же привычка, очевидно, и у Маруси Спиридоновой: кончится война, большевики будут уничтожены, жизнь войдет в колею, свободный народ вздохнет свободно, парламент издаст новые разумные законы, под сенью которых все сделаются равны — а Маруся Спиридонова все будет колотить палкой по медному тазу — ибо это уже такая привычка, ибо это въелось в плоть и в кровь.

Сцена в участке будущего.

— Сколько вам лет?

— 50.

— Как вас зовут?

— Маруся.

— Ваша профессия?

— Подпольная деятельность.

— Я спрашиваю — что вы делаете?

— Бомбы делаю.

— Для чего?

— Бросаю.

— В кого?

— Это уже дело второстепенное. Главное, сделать бомбу и бросить ее. А адресат не так уж важен.

— А еще что делаете?

— Прокламации печатаю.

— Против кого?

— Против засилья кровавого царизма.

— Да ведь царизма давно нет.

— Не понимаю, чего вы ко мне пристали! Не могу же я, чтобы моя подпольная типография зря, без работы стояла. Вот и печатаю!

Когда Маруся Спиридонова, 17-летняя гимназистка, выстрелила в губернатора Луженовского — это было модно и имело шумный успех.

Но времена изменились, мода ушла, все носят уже не широкие платья с оборками и буфами, а узкие, гладкие — только одна Маруся, уже старая, уже одряхлевшая Маруся — все таскает обветшавшее, такое смешное теперь платье с линялыми оборками и порыжевшими буфами.

Хочется сказать ей:

— Маруся, Маруся, занялась бы ты лучше каким-нибудь делом. Ведь старый уже ты человек. Нужно быть солиднее.

А Маруся в ответ:

— Товарищи! Никакого соглашательства с буржуазией! Да здравствует авангард мировой революции! Жги помещиков, вся земля народу, долой кровавый царизм! Волга впадает в Каспийское море и лошади едят овес!

И тут же, мимоходом, бросит бомбу в мирно бредущего домой после службы чиновника контрольной палаты:

— Смерть приспешникам и палачам отжившего царизма!

Жизнь — прекрасная, величественная — шумя и волнуясь, как Миссисипи во время разлива, катит все вперед и вперед свои чудные воды, а дряхлая Маруся, как подгнивший корявый сучок, торчащий у берега из тины, — тщится остановить мощное движение водяных масс.

Убийство девочкой-гимназисткой губернатора — это героическая сказка беззаветно-смелого детства, но когда старая женщина, заплетая детские косички, рядится в гимназическое платьице с передничком — до чего это смешное, жалкое зрелище!

В парламенте большой парламентский день — республиканское большинство насмерть схватилось с ответственным министерством, вся страна кипит, живет бодрой, лихорадочной жизнью, а на окраине города, в маленьком покосившемся домике сидит старая унылая женщина и одной рукой начиняет бомбы, другой — набирает текст прокламации...

Старая спина ноет и ноет, глаза уже плохо разбирают стершийся шрифт старых свинцовых литер, динамит отсырел, в комнате трудно дышать от затхлого воздуха старых, давно уже отпечатанных и лежащих без употребления кип зажигательных прокламаций, в комнате трудно повернуться от нагроможденных всюду уже готовых бомб и адских машин — а унылая старуха Маруся все начиняет, начиняет, все набирает, набирает...

«Подпольная деятельность»!

Какие вы все скучные человеки — так называемые «партийные», пахнет от вас заношенным бельем, немытым телом, застаревшим табачным дымом, заношенной партийной программой и серой, промозглой, как половая тряпка, скукой

....

КНИГУ УКРАЛИ

В доме, в котором побывали воры и грабители, хозяин дома не сразу открывает все пропажи. Сначала заметит отсутствие самого большого, самого громоздкого, прежде всего бросающегося в глаза, а уже потом, когда пройдет много времени, вдруг однажды выдвинет ящик, где лежала любимая заветная вещь — и за голову схватится:

— И это украли!

Россию обокрали со всех сторон — всё унесли, всё свели со двора — и корову, и лошадь, и откормленную доморощенную свинью, а пропажи чего-то дорогого, чего-то заветного пока никто не замечает:

— У нас украли книгу.

Еще так недавно книга у нас, в России, цвела пышным цветом: издательский рынок бурлил роскошной плодотворной жизнью, сотни тысяч книг ежемесячно выбрасывались

на прилавок — и все всасывал, все поглощал ненасытный читатель.

В столице человек опрятный физически и духовно каждый день брал ванну и каждую неделю обязательно отправлялся, как в некую духовную баню, к Вольфу, или Мелье, или к Попову, или к Сытину — много в столице было книжных магазинов...

Большие прилавки, отдельные столы... И на них грудами, целыми колоннами навалены свеженькие, еще пахнущие незабвенным запахом типографской краски, только что полученные из брошюровочной — книги.

Какое сладкое очарование в книге, даже независимо от ее содержания!

Так приятно было перебирать все эти груды, касаться опытными пальцами свежих обложек — будто чужой творческий мозг перещупываешь, разглядываешь, взвешиваешь.

И каждую неделю чудовищный по своей производительности рынок выбрасывал на широкие прилавки все самое новое, все, сотворенное только вчера... Вот цветистый альманах «Земли», на обложке имена Куприна, Сергеева-Ценского, Чирикова, вот скромная книжка московского товарищества писателей — Шмелев, Тренев, Никандров, вот нарядные, будто «раздушенные» изыски Игоря Северянина и рядом — смеющаяся, бодрящая обложка «Сатириконского» издания.

И чувствовался на этом молчаливом прилавке такой веселый птичий гомон, такая любовь к жизни, такая свежесть, такая радостная толчея, что подошедший невольно заражался ею: лихорадочно перелистывал альманах, откладывал, хватался за Северянина — откладывал, увенчивал все это веселой книжкой Тэффи и, удовлетворенный, утаскивал всю эту еженедельную добычу в свою берлогу...

Ведь у нас только в последние десять лет стали интересоваться книгой и покупать ее не из-за золоченного переплета, только недавно к прилавкам хлынул массовый покупатель и читатель: офицер, коммерсант, светская дама, скромный приказчик и веснущатый гимназист.

Только что начала расцветать и разрастаться книга, и вот — на тебе!

Пришли всероссийские грабители, забрали все: от мешка пшеницы, куска ситца и последней паршивой лошаденки — до книги... все ограбили.

Ведь поймите, что сейчас, сию минуту это еще не так заметно, потому что мы живем старыми запасами: донашиваем старый ситец, дочитываем прежнюю, до революции выпущенную книгу.

Доносим, дочитаем и — впереди пустыня, мрак: голый, обросший волосами дикарь догрызает оторванную в последней борьбе руку брата своего...

Книга тихо, незаметно уходит. Книги нет.

Новых никто не печатает, старые постепенно ветшают, корешки от усердного употребления ломаются — и уже на наших глазах дошлый торговец орехами клеит из этой разлезшейся макулатуры — бумажные пакеты для своего неприхотливого товара.

* * *

Бродили ли вы сейчас по книжным магазинам? Разрывали ли груды наваленного на прилавках «товара»?

Дорогой Маврикий Осипович Вольф! Многоуважаемый Адольф Маркс! Досточтимый Алексей Сергеич Суворин!.. Сколько раз вы повернетесь в гробах ваших, если донесется до вас весть — во что превратился столь любимый вами, столь лелеемый русский книжный рынок?..

Остановитесь у витрины любого книжного магазина. Чем торгуешь, человече?

Когда начинается океанский отлив, то на обнажившемся песчаном берегу остается весь сор, все отбросы океана; дохлая рыба, водоросли, обломок кормы погибшего корабля, несъедобные ракушки и студенистые, тающие медузы.

И в витрине книжного магазина мы видим то же самое: все, что раньше не покупалось, все, что было порождено писательской бездарностью, пошлостью и издательским легкомыслием — все это выброшено теперь на пустынный песчаный берег.

На самом верху стоит Н. Пружанский. Бедный, унылый коллега... Не обижайся на меня, но ведь никогда и никто тебя не читал, и годами ты пылился и коробился в темных подвалах, а вот теперь и ты понадобился, и тебя вытащили, и ты Фома — дворянин на книжном безлюдье.

А около тебя, Н. Пружанский, стоит граф Амори — — и даже не один граф Амори, а три графа Амори: «Послес-

ловие к Яме», «Окончание Ключей счастье» и «В омуте разврата»...

Ты, старик Н. Пружанский, был хотя и бесцветен, но честен. Ты, Н. Пружанский, честно блюл добрые писательские традиции, а вот твой сиятельный коллега всегда почитался мародером и литературным разбойником — и вот выполз теперь этот разбойник в наше разбойничье время на самое видное место...

Немного пониже — «Розовые облака» — стихотворная лирика Ирины Кичкасовой.

Кто ты такая? Какой безумец-издатель выпустил в свет тебя, Ирину Кичкасову, тебя, рифмующую «отблеск» и «воздух», «рыданья» и «ресторан я», «девушка» и «тарелочка»...

Или никакого издателя и не было, а сама ты, заложив браслетку — подарок мужа — выкинула на терпеливый рынок это уродливое детище своей хромоногой музы...

А на Ирину Кичкасову бойко напирает какой-то свирепо раскрашенный «Клуб червонных валетов», пониже скромно чернеет «Самоучитель бальных танцев с приложением светских разговоров», а там еще ниже пошла писать дичь и чушь нестерпимая: «Дневник фармацевта», «Московская Нана», «Положение о земских начальниках», «Жоржик и Фирочка», «Отчет Пироговского съезда за 1909 год», «Вам такие сцены не знакомы?», «Безубойное питание», «С левой ноги», «Тайна графа Личина» и вдруг — тут же ароматный, как обрызганная росой сирень, «Поединок» Куприна.

Что такое? Не может этого быть!

Почему эта книга здесь в таком обществе? Захожу в магазин:

— Покажите «Поединок» Куприна!

Ну, конечно, все понятно. После 16-й страницы сразу 49-я.

— Это ничего, — успокаивает торговец. — Самое неинтересное и вырвано. Купите. Только 15 рубликов.

* * *

Брожу я по этому голому, обнаженному песчаному берегу, среди выброшенных отливом графом Амори и Кичкасовых — и угрюмая мысль заползает в голову:

— А не конец ли это всему? А не броситься ли сразу вниз головой в пенистую воду, пока океан не ушел еще дальше?

Плохая наша жизнь.

БЛАГОДЕТЕЛЬНИЦЫ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

(Монолог одной дамы)

Вы знаете, кого я считаю самыми большими дураками?

Холостяков!

Ну, подумайте: как можно было упустить такую выгодную комбинацию, как женитьба?

Что? Приданое?

Ничего подобного! никакого приданого не нужно: сама жена и есть приданое!

Да! И при этом, заметьте: если холостяк должен выбирать себе жену, то не какую-нибудь там экономную, расчетливую скромницу — Боже сохрани его от этого — а пусть женится на мотовке! На моднице!! На транжирке!! Это самое выгодное.

Если муж заполучил себе такую жену — он может не сеять, не жать, может палец о палец не ударить, может вообще ходить из угла в угол, насвистывая — благодаря жене он тихо, незаметно богатеет и богатеет, богатеет и богатеет!

Я замужем, например, уже четыре года и что же! Муж взял меня без всякого приданого, а теперь, благодаря мне, мы — миллионеры!

Вы, mesdames, конечно, понимаете в чем дело, а холостяки такие дураки, что даже и такого пустяка не поймут — вот пусть слушают и учатся.

В первые шесть месяцев после свадьбы мужу представили мои счета: от портнихи на 8 платьев вечерних, на 3 домашних и на 3 манто, от шляпницы на 11 шляп, от сапожника на 14 пар туфель и ботинок, от парикмахера на 28 флаконов духов и от ювелира, вообще, тысяч на десять.

Муж только за голову схватился, а я, представьте себе, улыбаюсь и улыбаюсь...

Прошел еще год — снова муж за голову — я улыбаюсь: 14 вечерних платьев, 7 манто, 2 ротонды, мех шеншиля, мех куница, каракулевое пальто и горностаевый палантин, 34 флакона Герлена, Коти, Убиган, 24 шляпы, 14 гарнитуров белья, от сапожника счет тысячи на четыре — пар пятьдесят я ему заказала! А после счет от ювелира — тысяч этак на 15, муж выпустил пух из подушек, примочил себе

голову вместо одеколона чернилами и пытался повеситься на моем куньем боа!

Проходит еще год, и что же! Уже муж начинает улыбаться. За это время я износила все первые платья, ботинки, стала их продавать. И знаете? За новое платье я платила по двести рублей, а старое идет по 600, новые ботинки стоили по 50, по 80, а за старые дают по 400, духов за эти два года набрала столько, что извела на себя не более одной десятой, а остальные, можете вообразить, за двадцатирублевые Rue de la Poix — уже пятьсот в магазине предлагают!

И теперь так оно и пошло: за новое платье в 1916 году я платила уже по 800... Поношу год, истреплю и продаю за 3 тысячи. Старые трехсотрублевые ботинки за две тысячи! За мои пятнадцатитысячные бриллианты предлагают миллион — не отдаю. Зачем мне??

А муж не только повеселел, а каждый день стоит передо мной на коленях и просит, прямо чуть не плачет:

— Лелечка, разоряй меня! Ради Бога, разоряй! Почему ты так мало раньше меня разоряла?

И когда мы в гостях — он на меня не нахвалится:

— Лелечка у меня, говорит, такая экономная, такая домовитая хозяйка! Опять платьев по 7 тысяч заказала!! Опять сегодня 8 пар ботинок примеряла!! Жаль, говорит, что у меня жена не сороконожка.

Верьте совести — всегда я одета и обута с иголочки, иногда даже времени не хватает обновить платье, а муж все ползает, как дурак, на коленях:

— Разоряй меня да разоряй.

И вот так я его разорила нынче, что хочу у вас спросить: нет ли у кого имения продажного с землей и лесом... так, миллионов на три? Есть? Так пишите на адрес мужа — он купит!

МОЯ ПОЧТОВАЯ КОНТОРА

Один очень русский человек поехал недавно за границу. Во Францию. В Марсель.

И вот какой разговор произошел у него с одним знакомым французом.

— Бонжур, мусью, — сказал наш русский на чистейшем русском языке.

— Здравствуйте, — отпарировал француз на чистейшем парижском арго. — Чем могу служить?

— А вот чем... Прослышал я, что у вас в Лионе проживает дядя — мусью Дюпон.

— Проживает.

— И что он раза два в месяц ездит по делам в Париж.

— Да, он очень деловой человек.

— Слава Богу! — расцвел русский. — Значит, мои справки верные! Так вот, у меня есть просьба. Видите ли... здесь, в Марселе, проживает один господин Гастон Дюбоск и хотя я с ним еще не знаком, но мне сообщили, что он почти каждую неделю ездит по делам в Лион... Вы следите?

— О, м-сье! Я очень заинтересован...

— Так вот! Что же делаю я? Я беру у вас рекомендательное письмо к вашему дяде, знакомлюсь с этим самым Гастоном Дюбоском и через него пересылаю вашему дяде в Лион и ваше рекомендательное письмо и мое собственное!

— Зачем же?!

— Неужели вы не догадались?! — торжествующе вскричал хитроумный русский. — Поймите вы, что мне нужно отправить одно письмецо в Париж. Марсельский Дюбоск берет его у меня, и при первой оказии везет его в Лион, находит там вашего дядю, передает ему, ваш дядя берет письмо, прячет в карман и при первой оказии везет в Париж. А? Здорово удумано?

Широко раскрыв рот, долго глядел, безмолвный, француз на русского.

— Послушайте... А почта?

— Какая почта?

— Обыкновенная. Почтовая почта.

— Виноват... Я вас не совсем понимаю...

— Почему же вам не отправить письмо по почте?!

— Разве можно?

— Что?

— По почте письма отправлять...

— Да вы знаете, как это делается?

— Н... нет.

— Видели вы на улицах такие желтые ящики, прикрепленные к стене? Вы опускаете ваше письмо в щель, специально для этого проделанную наверху — и ваше письмо идет, куда нужно.

— Да что ж там, канал подземный прорыт, что ли?

— Где канал?

— А вот от этого желтенького ящика до того места, куда должно дойти письмо. Воображаю, каких это денег должно стоить! Гм! А плеваться, молодой человек, нечего. Я так в другого плюну...

— Да ведь с вами святой терпение потеряет!! «Канал»... Просто к ящику подходит человек, отпирает ящик, забирает письма в мешок и несет на почту. Там их разбирают и отправляют на поезда. Поезда их привозят на место назначения, там опять разбирают и доставляют адресатам.

Ахнул бедный русский:

— Боже ты мой, как гениально просто! Как жаль, что у нас в России еще до этого не додумались. Мы ведь все больше с дядей знакомого отправляем!..

* * *

Что касается лично меня, то я последние годы тоже отправляю свои письма с чужим дядей.

Верный человек чужой дядя.

А почта... гм, да.

В наше время, когда стоимость жизни увеличилась ровно в сто раз — почта берет за доставку письма всего 70 копеек.

Как говорится — дешево, да гнило.

Собственно, я думаю, что современная русская почта существует, главным образом, для успокоения взбудораженных нервов пишущего письма человека.

Ему главное — написать, излить душу, а дойдет ли написанное по адресу или не дойдет — это дело второстепенное.

На этом основании и я думаю, что мне выгоднее всего бросить литературную деятельность и открыть собственную почтово-телеграфную контору.

Найду себе небольшое помещение в центре города, устрою там соответствующую святости места проволочную решетку, на фасаде повешу вывеску: «Почтово-телеграфная контора

Аркадия Аверченко» — и начну яростно конкурировать с официальной почтой.

Сходство будет в том, что ни мои, ни их письма не будут доходить до адресатов, а разница в мою пользу потому, что я буду брать дешевле.

Чего там, мне не жалко. Все равно расходов, кроме найма помещения, никаких.

Я даже могу еще облегчить и удешевить жизнь моих клиентов. На официальную почту все-таки нужно приносить физические, материальные письма, запечатанные в конвертах, а у меня все будет делаться словесно. Клиент будет мне диктовать в окошечко, а я буду водить сухим пером на девственной бумаге — и все довольны!

А то ведь сейчас за бумагу и конверт не менее двух рублей сдерут. Да чернила! Да перо!

Я же повторяю, что современному человеку главное — облегчить свою душу. А о такой роскоши, чтобы его излияния адресат действительно получил — он даже и не мечтает: «Написано — и с плеч долой!».

У меня-то отношения к клиенту будут, пожалуй, почище, чем на официальной почте: я войду в положение, посочувствую.

Ах, как это ценит взбудораженный человек. Например:

К моему окошечку подходит молодой человек. Я ему сейчас же:

— Здравствуйте, как поживаете? Кому прикажете написать?

— Катерине Николаевне Ушковой. Она уже вторую неделю не приходит ко мне!.. Может быть, изменила.

— Ну, что вы! Вы такой красивый, как же вам можно изменить... Просто, вероятно, муж не пускает.

— Вы думаете? А все-таки напишите ей, что я на нее обижен и теряюсь в догадках.

— Это другое дело. Теряться можно. Я тут припишу также, что вы ее целуете двести раз.

— Не мало ли? — с сомнением поджимает губы молодой человек.

— Предовольно с нее. Хорошего понемножку.

— Слушайте... А вдруг это письмо попадет в руки мужа?

— *Это-то*? Могу головой ручаться, что не попадет.

— Вот это спасибо. До свиданья. Вы меня очень утешили. Да! Я ж адрес забыл сказать.

— Это неважно. Впрочем, если вы так настаиваете... Следующий! Что вам?

— Слушайте! Напишите этому проклятому Ножкину, чтобы он мне мою тысячу вернул. Можете представить — полтора года тому назад взял — до сих пор не отдает!

Я сочувственно качаю головой:

— Вот мерзавец-то! Повесить такого мало. Вы бы ему при встрече закатили хорошего тумака.

— Нет, вы лучше напишите, чтобы отдавал, а то я в суд подам.

— Извольте. Полтинник с вас за письмо и полтинник за конверт и бумагу. Только знаете, что: уверен я, что это письмо не произведет на него никакого действия.

— Вы думаете? Вот хам-то, а?

— Форменный. Всего хорошего. Кланяйтесь жене. Вам что, господин? Анонимный донос написать. Сделайте одолжение! У нас такое хорошее учреждение, что даже анонимные доносы никому не вредят. Степан! Стул господину доносчику. Курите?

* * *

Ну-ка, скажите по совести: если я открою такую контору — куда переберется вся клиентура?

Для пишущего в смысле сношения с адресатом результаты одинаковые — что там, что и у меня, но у меня дешевле! Но у меня теплое участливое отношение к изнервничавшемуся огорченному человеку, а в наше подлое время это — самое дорогое, самое нужное.

СТРАНА, В КОТОРОЙ НЕ УДИВЛЯЮТСЯ

С врунами у меня установились очень хорошие, истинно человеческие отношения: я их не осуждаю, всегда внимательно выслушиваю, не кричу на них, а изредка, в виде скромной приятельской подачки, даже делаю вид, что верю всему навранному и простодушно удивляюсь.

И за это вруны платят мне тоже полным доверием, любовью, считают меня «стоящим человеком» и иногда даже

посвящают меня в свои профессиональные интересы, нужды и огорчения.

Да вот недавно один, например, — прямо-таки чуть не плачет:

— Плохие для нас времена пришли: прямо хоть не ври!

— А что? — сочувственно спросил я. — Не верят, что ли?

— Ну, что вы! Что значит — не верят? Это даже отчасти хорошо, когда не верят, в этом есть какое-то острое, пикантное наслаждение — вроде как охотнику с рогатиной в руке повозиться около крупного разъяренного медведя... Ревет, хочет тебя лапой достать — и все дальше и дальше на рогатину лезет. Так и тут то же: сомневается, не верит, а ты его все уверяешь, все новые факты, все новые ссылки, все новые даты суешь ему в брюхо — и вот, глядишь, уже трепещет он, обессиленный, на конце твоей рогатины — поверил!! Нет, нам верят. Тут другая беда — самая ужасная, которую можно только выдумать!

— А что такое?

— Удивляться перестали! Посудите сами — что же мне за вкус врать, если никто не ахает, не удивляется. Скажешь ему «что-нибудь этакое», а он поднимет вялый равнодушный взор, тихо похлопает глазами и снова обратится к своим делам, как ни в чем не бывало. Вот, например, шел на днях в петербургской музыкальной драме гоголевский «Ревизор».

Я перебил его самым деловым образом:

— Виноват, это вы врете или для дела говорите?

— Для дела. И вот в сцене вранья, когда Хлестаков произносит свою знаменитую фразу: «На столе арбуз — в 700 рублей арбуз!» — вдруг с галерки голос: «А где это вы, товарищ, так дешево арбузы покупаете? Скажите мне, я, может быть, тоже куплю себе арбузик...». Так, можете себе представить, актер, игравший Хлестакова, выхватывает вдруг револьвер и бац в галерку!..

— Ну, это вы уже врете!

— Это уже вру. Правду сказать, он не стрелял в него, а схватил стул, да стулом на галерку ка-ак шваркнет!!

— И это врете.

— Ей-Богу, это уже не вру! Факт.

— Брехня.

— Да позвольте! Там даже в «Ревизоре» этом и слова такие есть: «Александр Македонский герой, но зачем же

стулья ломать». Это, значит, когда мой актер бросил на галерку стул, — городничий и скажи...

— Городничий это говорит в первом акте, а Хлестаков врет в третьем.

— Разве? Жалко. Да, я и позабыл: он стула в этого негодяя из публики не бросал. А просто протянул руку да хвать его за волосы..

— Со сцены-то?! На галерку? Рукой? Послушайте... есть же всему границы...

— Да, это я, кажется, хватил... А насчет арбуза — ей-Богу, правда. Так вот посудите сами, может ли процветать наше искусство при таких условиях?

— То есть искусство Гоголя или ваше искусство?

— Наше. Когда я что-нибудь говорю — ты удивляйся, подлец! Изумляйся! Не правда ли? А иначе я с тобой и разговаривать не хочу.

— Они, может быть, — сочувственно заметил я, — потому и не удивляются, что вы им что-нибудь мало преувеличенное, очень уж правдоподобное подносите?

— Правдоподобное? Нечего сказать, хорошего вы обо мне мнения. Да вот вам пример. Сообщаю я недавно одному тут человечку, что в Петербурге пуд дров 4000 рублей стоит. Знаете — сказал я и сам рот раскрыл, сказал и сам отстранился немного: а вдруг трахнет? Ничего подобного! Проглотил как ни в чем не бывало, да еще и добавляет: «Да, говорит, ничего тут нет удивительного: если в Одессе пуд дров стоит 200 рублей, то в Совдепии наверное в 20 раз дороже». Каково мне это!

— Да-с. Положеньице!

— Тут уж я не выдержал. А знаете, говорю, кто такой Петлюра? Оказывается, это Керенский пробрался из-за границы, переоделся и действует под именем Петлюры. А Петлюры никакого и нет! Вы думаете, он удивился! Таковский! «Ну что ж, говорит, судя по тому, как подурацки ведет себя Петлюра, возможно, что это и есть Керенский». Да еще и острит: «По-моему, говорит, Керенский стоит бо-ольшой Петлюры». Ну, можно ли говорить с таким человеком? А ведь герой, полковник, семь Георгиев...

— Врете.

— Вру. Два Георгия. А ведет себя как мальчишка. Кстати, о мальчишках слышали? У Маруси Спиридоновой на прошлой неделе от Урицкого родился сын мальчишка.

— А... Поздравляю, поздравляю.

Врун обхватил голову руками и зарыдал:

— И вы... и вы туда же... Вот уж от вас я этого не ожидал. Сами знаете, что это — невероятный, изумительный факт, потому что Урицкого ухлопали чуть не полтора года тому назад, а... где же изумление? Где столбняк?! Вместо этого дурацкое «поздравляю, поздравляю». На что мне ваше поздравляю? Ты удивись!

Рыдал он прегорько.

— Боже, как тяжело... Как тяжело! На днях один тоже... Вздумал я его оглушить, ошеломить... «Знаете, говорю, с будущей недели каменный уголь будет стоить семьдесят пять рублей!». А он мне: «А-а... Поздравляю. Скажите, говорит, это... за фунт?».

Я смотрел на его скорбную склоненную голову и думал:

— Вот еще одна несчастная жертва революции и экономической разрухи. А сколько вас таких, безвестных страдальцев, разбросано по лицу измученной родины?

ЗАГРАНИЧНОЕ, БЛИЗКОЕ

Еще совсем недавно, лет шесть-семь тому назад, — все, что делалось за границей, вся заграничная жизнь, политика и общественность были так далеки от нас, так чужды нашим, своим, кровным, русским интересам, что если кто и интересовался заграничной политикой, то просто так себе — вроде стакана Экса или Виши после обеда, для пищеварения.

Вообще, если и возникал за утренней газетой вялый, ленивый спор о заграничных делах, то тезисы его ограничивались или знаменитой краткой формулой «Англичанка гадит» или более легкомысленной, неопределенной — «француз шебаршит»...

— Чего это нынче немец дурака валяет, — вскользь замечал муж жене, аккуратно складывая прочитанную за утренним

чаем газету, и этим исчерпывалось все отношение русского человека к громкому скандалу в рейхстаге.

Все содержание газетных статей легко укладывалось в ряд кратких конспектов для домашнего употребления:

«Опять венгерцы затянули волынку»...

«С Турцией какой-то шалтай-болтай»...

«На Балканах форменная чехарда»...

И все.

Обронит русский человек такую фразу, и сейчас же забывает о ней, зайдет к Доминику заесть десятикопеечную рюмку водки парочкой горячих пирожков.

Широкая русская жизнь текла мимо заграницы.

Это было раньше.

А теперь?

* * *

— Ну, что, Николай Иванович, покупаете у Степнова кожу?

— Да нет, знаете, раздумал.

— Вот тебе раз! Почему?

— Потому что в палате общин поправка Уинстона Черчилля принята 340 голосами против 105.

— Что же это доказывает?

— А то, что, значит, идея активной помощи России со стороны Англии еще жива, а если это так, то большевизм уже на исходе, значит цены на все, в том числе и на кожу — падут!.. Ну, и вы сами понимаете...

* * *

— Олечка, почему у вас глаза красные?

— За это можете поблагодарить Ллойд Джорджа!

— То есть?!

— Ясно теперь — значит, Володин год призовут.

* * *

— Дай, голубчик, до послезавтра триста рублей.

— Не могу, голубчик. До тех пор, пока между Россией и Германией Антанта не создаст ряда буферных государств — ни копеечки не получишь.

* * *

— Молодой человек! Что заставило вас пытаться повеситься на этом крюке?

— Неудачное окончание авантюры Габриэля д'Аннунцио в Фиуме, господин.

* * *

Ну, чем мы не по-европейски живем?!

НОВАЯ ЕЛЕНА МОЛОХОВЕЦ, ИЛИ СОВЕТСКАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА

Недавно некий беженец из Петрограда привез небольшую тощую книжонку под выше приведенным заглавием в красной обложке с изображением на ней ободранной собаки, разделенной пунктирными линиями на части — самые съедобные, менее съедобные и еще менее съедобные (толстый край, филейная часть, грудинка, огубок и проч.).

В углу обложки две цитаты — из Карла Маркса и Антона Чехова:

1). Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

2). Лопай, что дают.

В книге помещен целый ряд советов — как приготовлять кушанья и вообще разные хозяйственные советы.

Приводим наиболее характерные.

Цыплята из котят

Из молодых котят можно приготовить очень вкусные питательные цыплята.

Когда кошка как следует высидит котят, взять штуки три, ободрать: зажарить на легком, т.н. «паркетном огне» (из кусочков паркета, выковыренных в гостиной), огарнировать по вкусу картофельной шелухой и подавать с пюре из дубовых опилок.

Яйца по-советски

Так как по карточкам одно яйцо полагается на пять едоков, то приготовляют это яйцо так: сварить вкрутую,

держа его в кипятке не больше пяти минут по часам вашего вчерашнего соседа по трамваю.

Сварив, огарнировать его тарелкой и подавать на стол, если стол еще не сожгли на дрова.

Делить это яйцо на пять частей можно так: осторожно сняв скорлупу, отдать ее самому младшему сыну семьи, — может поиграть с ней, может съесть — его дело; осторожно снять тонкую пленку, находящуюся между скорлупой и белком. Отдать ее второму. Желток взять себе, белок отдать четвертому. Пятый едок получает остальное.

Рассольник из старых галстуков

Как известно, из старых замасленных галстуков можно сварить наваристый суп рассольник. Отделив аккуратно металлические застежки, пропустить мелко изрезанные галстуки через мясорубку, добавить по вкусу английской соли, задать перцу тому, кто подвернется под руку, и приготовленную таким образом засыпку опустить в крутой кипяток. Немного остудив, подать на стол, если нет стола — на стул, если нет стула — на пол, если и пол разобран на топливо, то значит пора подыхать. Не до рассольников тут!

Баба с ромом

Взять простую деревенскую бабу; остудить, напоить ее ромом. Впрочем, много ли понимает простая баба в роме; выпейте лучше сами, а бабу отправьте на общественные работы. Вообще надо искоренять деревенских кулаков и мелких хозяйчиков.

Сладкое из глазных яблок

Взять несколько глазных яблок, сварить, протереть глаза, прибавить по вкусу сахарину, толченой ореховой скорлупы, остудить, подавать... впрочем, можно и не подавать — все равно этой гадости есть никто не будет.

Печатаем же этот рецепт исключительно потому, что нельзя же, товарищи, без сладкого...

Хозяйственные советы

Как удалять винные пятна со скатерти

Так как теперь нет ни вина, ни скатертей, то винные пятна удаляются сами по себе.

Украшение дамских шляп

Ничто так не украшает дамскую шляпу как перья и ленты. Если есть в доме старые, уже исписанные стальные перья — натыкать их сбоку шляпы. Ленты можно взять пулеметные.

Как чистить платье

Платье можно чистить не все, а только часть его — карманы. И то не у себя, а у случайного прохожего, встретившегося в переулке.

Устройство званых вечеров.

Чтобы приглашенные гости веселились буквально до упаду — лучше всего встретить их беглым ружейным огнем.

Все изложенное выбрал из книги
Ave.

МИСТЕР ДЖОН

Действующие лица:

Мистер Джон (Лондон), слуга его Джошуа (в переводе на русский язык — Осип), затем министры... а, впрочем, ниже будет видно, какие еще там министры участвуют.

* * *

Мистер Джон: Джошуа, кто там за окном?

Джошуа: Русские делегации к вам, сэр. С бумагами.

Мистер Джон: А! зови, зови. Я люблю почитать на ночь что-нибудь забавное. (*Входят делегации*). А что вы, любезные? (*Берет у одного из пришедших бумагу, читает*). «Его высокоблагородной светлости русскому другу и господину премьерову»... Черт знает что, и чина такого нет...

Член делегации: Челом бьем вашей милости!

Мистер Джон: Какие смешные! Зачем бить челом? Вам же будет больно. А какая просьба?

Делегат: Не погуби, государь! Обижательство терпим понапрасну.

Мистер Джон: Ай. От кого?

Делегат: Да все от большевиков. Таких скверных большевиков никогда еще, сударь, и не было. Такие обиды чинят, что и описать нельзя. Страну, ваша милость, вконец разорили. Как только войдут в какой-нибудь город — сейчас эти самые чрезвычайки, пытки, убийства. По домом же, под видом реквизиции — сплошной грабеж. Не по поступкам поступают. Сукна увидит штуку или там дамское каракулевое пальто: «Э, говорит, товарищ, хороший материал. Отдай-ка его моим латышам».

Мистер Джон: Неужели? Ах, какие же они мошенники!

Делегат: Ей-Богу! С церквями такое сделали, что сказать нехорошо. «Я, говорит, тебя за религиозные убеждения преследовать не буду — наша программа этого не позволяет, а вот мне, говорит, ваша церковь для культурно-просветительного кинематографа нужна! Это, говорит, моя такая железная необходимость!

Мистер Джон: Да это просто разбойник!

Делегат: Ей-ей. А попробуй прекословить — сейчас к стенке.

Мистер Джон: Ах, какие мошенники! Да это просто в Сибирь.

Делегат: Да уж куда ваша милость их не запроводит — все хорошо. Так, можно, значит, надеяться?

Мистер Джон: Да... я там посмотрю. Я буду говорить. Я подумаю. Тебе что, матушка?

Унтер-офицерша: Мобилизовали, батюшка.

Мистер Джон: Кто мобилизовал?

Унтер-офицерша: Да все они же, большевики проклятые, чтоб им...

Мистер Джон: Стой, стой. Кого мобилизовали?

Унтер-офицерша: Меня, батюшка.

Мистер Джон: Да как же они могли это сделать? Ведь ты в некотором роде... женщина.

Унтер-офицерша: Сделали, батюшка, сделали. Побей их Бог на том и на этом свете! «Как же, говорю, меня

можно мобилизовать — ведь я баба». «Это, говорят, ничего, что ты баба — у нас теперь равноправие полов, а окромя того на тебе военный чин есть: унтер-офицерша!». Так и забрили, чтоб всей ихней родне...

Мистер Джон: Стой, стой! Я буду говорить... Я скажу там, в Палате. Тебе чего, голубчик?

Эсдек-меньшевик: Высекли меня, батюшка.

Мистер Джон: Кто?

Эсдек-меньшевик: Большевики, батюшка. По ошибке. Наши-то партийные бабы, разные там интернационалистки и левые эсерки задрались на партийном собрании, а китайский отряд и подоспей на это. По ошибке схватили меня — да так отрапортовали шомполами: два дня сидеть не мог.

Мистер Джон: Так что ж теперь делать?

Эсдек-меньшевик: Да делать-то теперь, конечно, нечего. А за ошибку повели им заплатить штраф. Пусть, когда у них будет Учредительное собрание, чтобы и нам, эсдекам, дали местечко в президиуме. Мне от своего счастья неча отказываться.

Мистер Джон: Хорошо, хорошо, я постараюсь... Я там скажу. Ступайте! Джошуа!

Джошуа: Что прикажете, сэр?

Мистер Джон: Ты не помнишь, сколько раз мы в Палате о русских делах беседовали? Пять или шесть?

Джошуа: Восемь.

Мистер Джон: А-а... Ну, как говорит русский народ, Бог любит троицу — поговорим в девятый раз.

(Вместо занавеса на сцену опускается лондонский туман).

ФИНАНСОВАЯ ПРОБЛЕМА

С нашими русскими деньгами делается что-то нехорошее.

А, может быть, что-нибудь и очень хорошее.

Это — с какой стороны посмотреть.

Помните знаменитую старорежимную фразу, сделавшуюся общим местом:

— Деньги на улице не валяются.

А теперь валяются.

Вчера иду по Екатерининской, смотрю — на тротуаре десятирублевка лежит.

Спрашиваю у продавца папирос, сидевшего около лотка:

— Твое?

— Нет, — говорит, — не мое.

Оторвался от газеты, поглядел задумчиво на десятирублевку и снова погрузился в газету.

Подумал я: «поднять?». Но тут же ложный стыд обуял меня: ежели простой жалкий папиросник не интересуется десятирублевкой, то удобно ли мне интересоваться?

И пошел я дальше.

Не знаю, лежит ли она еще там?

Если будете проходить по Екатерининской мимо № 26 — посмотрите: лежит она еще или нет? Если лежит — возьмите.

* * *

На дверях дома, где я часто бываю, какой-то шутник приклеил полтинник.

Полтинник этот красуется уже две недели на самом видном месте. Перед носом. И никто не сдерет его.

Действительно, на что он?

* * *

Покупал я палку в уличном ларьке.

Взял с меня продавец 75 рублей и когда я ему дал сотенную бумажку, он протянул мне сдачу — потертую полуразвалившуюся двадцатипятирублевку.

Дунул ветер. Вырвал у него из рук ветхую бумажку.

Продавец снова поймал ее на лету, и она в его руках развалилась на две части.

Он прорычал проклятие, подхватил на лету падающую половину, и она в его грубых руках снова развалилась уже на две четверти.

Продавец разъярился: схватил все развалившиеся кусочки, скомкал их и бросил на тротуар.

Порылся в ящике и дал мне другую бумажку, покрепче.

Ветер унес брошенный комок.

Это был момент, когда государственный долг России уменьшился на 25 рублей.

И понял я тут, что для урегулирования финансового вопроса у России есть единственный правильный путь: печатать деньги на тонкой папиросной бумаге. Так, чтобы одна депозитка выдержала не больше десяти складываний и передач из рук в руки.

А когда у одиннадцатого получателя вместо бумажки останется на ладони кучка трухи — пусть он великодушно развеет ее по ветру. Ему не жалко, а государственный долг уменьшится.

Граждане! Поступайте подобно той богобоязненной старушке, о которой мне рассказывали на днях.

Пришла она в церковь и долго молилась перед образом, по бокам которого висели две кружки.

Одна — «В пользу детских приютов».

Другая — «На построение и украшение храма».

Старушка вынула из кармана кошелек, достала из него единственный бумажный рубль и... остановилась в колебании перед обоими кружками.

А потом ее осенило: она благоговейно перекрестилась, разорвала рублевку на две половины и — светлая ликом — опустила по половинке в каждую кружку.

И понял я тут, что, действительно, верно сказано:

— Вера без дела мертва.

Правда, старушка ни детский приют не обогатила, ни храма не украсила, но она сделал большее: разорвала вексель должника, находящегося в большом затруднении.

Земной тебе поклон, милая старуха!

Рвите ваши деньги, господа!

P.S. Заметка для конторы: там мне за этот фельетон следуют какие-то деньги — так это неважно... Могу их получить, а если хотите, можете их порвать, это не существенно.

Все равно, ничего хорошего на них не купишь.

ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ

Немного математики:

В городе 195 тысяч жителей. Возьмем для ровного счета — двести.

Отбросим сто тысяч дряхлых стариков, спящих дома, глухонемых и грудных детей — вообще всех тех, которые не разговаривают.

Разговаривающих, значит, сто тысяч.

Отбросим из них половину — это *выслушивающие* политические новости — останется пятьдесят тысяч, *сообщающих* политические новости.

Теперь, если вы поговорите с каждым из «сообщающих», — каждый скажет вам, что его новость самая достоверная, потому что сообщил ее под большим секретом *офицер из штаба.*

Так как у всех пятидесяти тысяч человек новости совершенно различные, то остается только предположить, что у каждого «сообщающего» есть свой собственный офицер из штаба.

Множим 50.000 на 1 — получается 50.000 офицеров из штаба!

Я спросил у одного знакомого офицера из штаба:

— Сколько у вас в штабе офицеров?

— Человек 20.

— А где же остальные 49.980?..

Он странно посмотрел на меня и сказал:

— Я вас не понимаю.

— Слушайте, — сказал я задушевно. — У каждого почти гражданина есть свой офицер штаба, сообщающий ему не подлежащие оглашению политические новости. Хотите быть моим офицером? Рассказывайте мне все такие новости, а я их буду сообщать моим знакомым... Весело будет?

— Подите вы к черту, — сердито сказал офицер. — Мы не имеем права ничего сообщать!

И ушел.

— Господи, что я за несчастный такой человек!.. У всех есть свой офицер, а у меня нет.

Чем я хуже пятидесяти тысяч человек?

С детства не везло!

* * *

Нашел!

Какое счастье! Сейчас только нашел очень важного офицера из штаба.

Он подрядился сообщать мне самые важные тайные новости и для дебюта сообщил первую:

Готовится приказ: каждого, распространяющего ложные слухи, будут всенародно сечь на Графской площади, против памятника Нахимову.

Только он взял с меня слово — держать эту новость в секрете.

Ну, что ж... Раз я дал слово — сдержу.

ТЕПЕРЕШНЯЯ ЖИЗНЬ СЫЧУГОВЫХ

К Сычуговым приехал издалека племянник Митя.

Сычуговы приняли его с распростертыми объятиями, угостили, как следует, поставили графин водки и несколько бутылочек довольно милого винца.

Выпил Митя, развеселился.

Одним словом, так развеселился, что, отплясывая замысловатого трепака, залил все платье хозяйки дома красным вином, а потом, утомившись, взял банку горчицы и вымазал ею всю физиономию хозяина дома. Затем решил, как он выразился, «заняться сельским хозяйством»: поймал хозяйкиного кота, до половины обрил его и, обрубив кончик хвоста, пустил гулять удивленное и огорченное животное...

И ушел Митя после этого домой спать, а возмущенные хозяева долго еще сидели, ругая Митю, критикуя его безнравственные поступки, и клялись, что они этого дела так не оставят!

Однако Митя явился и на другой день: полез по своей инициативе в буфет, достал оттуда водку, вино, выпил все, потом пустился отплясывать трепака, облил хозяйке вином платье, вымазал физиономию хозяина горчицей, добрил вторую половину кота, отрубил ему еще кусочек хвоста — одним словом, исполнил всю вчерашнюю программу и ушел домой спать.

Долго еще сидели в столовой возмущенные хозяева, долго обсуждали происшедшее и, наконец, сошлись на одном: что это — безобразие, которому имени нет и что, вообще, это нужно категорически искоренить! И что такие вещи можно допустить раз, много — два, но не больше.

Легли спать только под утро.

А на третий день Митя пришел опять. Опять выпил, что было в буфете, опять обливал, мазал, брил и рубил.

На этот раз возмущение хозяев достигло апогея: оба в один голос решили, что это не жизнь, а мученье, и что так дальше продолжаться не может.

Утром четвертого дня сам Сычугов долго ходил по комнате в халате, что-то бормоча про себя и пожимая плечами.

— Ты чего ж не умываешься? — спросила жена.

— А стоит ли! — сердито отвечал Сычугов. — Все равно, вечером придет этот негодяй, опять измажет всего. Лучше же вечером после его ухода сразу и умоюсь.

Соображение это оказалось совершенно правильным.

— Видишь ли, — с довольным видом, фыркая под умывальником, говорил Сычугов. — Я был прав! Я теперь перенесу умыванье вместо утра на вечер и — таким образом — буду умываться не два раза, а один. Видишь, как хорошо?!

Утром спросил жену:

— А ты чего ж ходишь в грязном платье? Вишь ты, какие впереди винные потоки!..

— А я уж решила не переодеваться, все равно вечером Митенька придет в гости. Кстати, там кажется, в банке уже почти нет горчицы — надо бы к вечеру затереть новую.

— Да, пожалуй, затри, — согласился муж. — Только ты не особенно крепкую делай, а то от этой прошлой лицо всю ночь горело. А что это я кота не вижу?

— А он в передней сидит, все ждет, пока Митенька придет. Ведь вишь, ты, неразумная скотина, а как привык бриться! Вот только одно меня беспокоит: хвоста у него осталась самая малость, хватит ли для Митеньки на сегодня?..

— Да! Великое дело — привычка, — задумчиво сказал Сычугов.

— А помнишь, как мы в первый день возмущались? — рассмеялась жена.

— Да! Хе-хе. А если бы нам тогда кто-нибудь сказал, что это затянется так надолго — ей-Богу, мы бы этому не поверили!

— А я теперь себе другой жизни и не представляю!.. Как только вечер, сейчас же какое-то ожидание, как будто чего-то недостает: что это, мол, Митя так долго не идет?

Мазал бы уж поскорей!.. Обливал бы уж, брил бы кота, рубил бы...

* * *

Этого Сычугова я выдумал и кота выдумал. И никакой Митя к ним не приезжал...

А написал я все это потому, что очень уж оно похоже на нашу теперешнюю жизнь.

Помните, как уезжали мы полтора года тому назад из Петербурга, из Москвы?..

— Не можем вынести этого безобразия. Ну, да все равно — скоро этому конец. Сейчас вот сентябрь, уедем мы месяца на два, а там вернемся, а уж Рождество будем праздновать в Петербурге.

И два месяца прошло, и четыре, и восемь, и шестнадцать — и первое Рождество я праздновал в Ростове, второе через несколько дней буду праздновать в Севастополе...

А третье... Гляжу я сейчас на карту Европейской России и думаю: какой из южных городов я осчастливлю на Рождество своим присутствием?..

И примирились мы все, как Сычуговы.

Был недавно такой случай: приходит ко мне некий человек отчаянный: еду, говорит, в Петербург, беру поручения — не будет ли писем каких? Может, кому порекомендуете?..

Направил я его к двум проживающим здесь петербургским приятелям, у которых в Петербурге остались свои квартиры, друзья и родственники.

Потом встречаю их:

— Ну, что, дали поручения в Питер?

— А, ну его к черту. Я уже и не думаю о Петербурге. Наверное, все там перемерли и квартиры моей уже нет. Вы знаете, что я думаю сделать? Открываю в Симферополе сургучную фабрику. Хотите в долю?

А еще полгода тому назад этот самый человек говорил: «к Рождеству вернемся в Петербург, отремонтирую я заново свою квартиру».

Вот тебе и квартира! Сургуч-то повернее будет.

Впрочем, этот человек хоть сургучную фабрику строит.

А большинство перестало даже умываться: все равно придет Митя, горчицей вымажет.

А мирные домашние коты выбриты все начисто; вместо хвостов гладкое место, и привычка даже такая выработалась: чуть где с какого бока отросла шерсть, сам идет:

— Митя, брей!

РАССЫПАННЫЕ БУСЫ

Жизнь наша стала похожа на невнятный сумбурный бред пьяного.

Что раньше могло быть проще, как доехать из Одессы в Севастополь.

Сел там, сошел на берег здесь — и готово.

А теперь один артист рассказывает:

— Из Одессы в Севастополь ехали шесть дней, на мель сели. Сидя на мели, голодали и жаждали. Я играл на гитаре. Ели какие-то консервы из обезьяньего мяса, пили дождевую воду с нефтью. Потом одна волна посильнее подбросила нас, сняла, понесла и выбросила в Ак-Мечети.

— Это еще что за кушанье?

— Кушанья там не было, а местечко оно довольно угрюмое. На второй день ак-мечетской жизни нам повезло: один тамошний охотник хотел убить дикого лебедя, а попал в домашнего теленка. Только благодаря этому мы и получили четверть телятины.

А у попадьи ак-мечетской было три гуся, да она не дала.

Ведь все рассказанное — правда, а будто пьяный человек выдумал.

Сидели на мели с гитарой в руках, ели обезьянье мясо, тут же дикий лебедь, попадья, теленок, Ак-Мечеть, три гуся...

Господи, спаси нас и помилуй!

* * *

Был такой известный всей Москве негр Томас, присяжный увеселитель.

Недавно вспомнил я о нем по какому-то поводу, спрашиваю:

— Где Томас?

— А как же? Он в Константинополе открыл кафе под названием «Русская избушка».

И никто из присутствующих даже не улыбнулся.

А ведь это ли не смешно: африканский негр в турецком городе устраивает русскую избушку.

Впрочем, может быть, это самый интернационал и есть.

* * *

...цветочек дикий,
попал в один букет с гвоздикой...
и что же? От нее душистым
стал и сам...

Чины уголовного розыска обнаружили у директора симферопольского исправительного приюта для малолетних преступников оборудованный литографский станок для печатания фальшивых денег. Часть денег была уже напечатана.

Бедный директор! Не ему удалось исправить малолетних преступников, а малолетние преступники испортили директора.

А, может быть, он просто был болезненно-деликатным человеком: не хотел затруднять казну. «До меня ли им!», думал. «Сам уж как-нибудь на камушке нарисую, сам и напечатаю — никого не буду беспокоить».

Но... разве дадут сейчас скромному трудолюбивому человеку заниматься своим делом?!..

* * *

В одесском кафе.

— Слушайте, вы знаете печальную новость? Большевики в Курске расстреляли Циперовича!

— Да что вы говорите?! Боже, какой ужас, какой ужас!

— Слушайте, только вы потише говорите, а то Циперович сидит сзади меня. Он еще сам ничего не знает.

ДЯДЯ МИТЯ И ДЯДЯ МИНАЙ

Для всего мира существует одна для всех Библия и одно Евангелие — переведенные на все как есть языки.

Их свято чтут, а иногда даже гадают по ним.

Скажем, пропал у матери сын без вести.

И она ищет утешения в святой книге. Раскрывает наугад на первой попавшейся странице и вдруг читает:

— «Сын мой изгибл бѣ и обрѣтеся».

И сладкий бальзам изливается в сердце измученной матери.

Раздумывает ли племянник о том, ехать ли ему с визитом к богатому дяде или нет раскрывает наудачу книгу и читает:

— «Аз был болен и вы не посетили меня». Значит — надо ехать.

* * *

В этом смысле у нас, русских, есть своя Библия, которая всегда дает ответ на всякий поставленный вопрос.

Это — Гоголь.

И в дни тревог, сомнений, смятений и беспокойства — он всегда может дать точный, правдивый ответ.

Помню, когда после февральской революции собрался первый совет рабочих и солдатских депутатов, я, обеспокоенный таким быстрым «углублением» революции, открыл однажды наудачу Гоголя и сразу наткнулся на ответ:

«Что это за скверный город! Только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает, откудова и нанесут всякой дряни».

Тут же я загадал насчет личности Керенского, которого тогда все на руках носили. Открыл на другом месте — прочел:

«Эх, вы! Сосульку, тряпку приняли за важного человека».

Вот я теперь сижу и думаю:

— Что же будет с нашей бедной Россией? Куда доскачет эта гоголевская тройка, «бойкая, необгонимая»? Вот мы все ждем помощи от союзников — сегодня надеемся на Англию, завтра на Францию, а там опять обращаем свои жаждущие взоры на туманную Англию.

Хлопочут они около России целыми днями, говорят о русских делах в своих парламентах, но не знаем мы — будет ли из этого толк?

Поставят ли они снова русскую тройку на настоящую дорогу?

Русский пророк! Дай ответ...

Беру толстый-претолстый том Гоголя — совсем Библия для мятущегося русского человека — раскрываю его на первом попавшемся месте, читаю:

— Страница 613. «Все, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулись только тогда, когда на них наскакала коляска с шестериком коней и почти над головами их раздалась брань и угрозы чужого кучера...».

Ну, что ж... пожалуй, подходящее. Шестерик коней, так неожиданно наскакавший на бедного разиню русского Селифана — не большевики ли это? Тот же наглый наскок, тот же скандал:

«Селифан почувствовал свою оплошность... (Ну, еще бы! крепок русский человек задним умом), но так как русский человек не любит сознаться, что виновен, то тут же вымолвил он, приосанясь:

— А ты что так расскакался? Глаза-то свои в кабаке заложил, что ли?

Вслед за тем он принялся отсаживать назад бричку, чтобы высвободиться из чужой упряжи, но не тут-то было, все перепуталось. Лошади несколько попятились назад и потом опять сшиблись, переступивши постромки.

На такую сумятицу успели, однако ж, собраться мужики из соседней деревни...

(Вот они, союзники наши, вот она — Франция и Англия — так сочувствующие нам, бедным, запутавшимся).

А дальше я буду цитировать замечательные строки уже без перерыва, потому что нельзя перебивать осененного благодатью вдохновенного пророка:

«...Участие мужиков возросло до невероятной степени. Каждый наперерыв совался с советом:

— Ступай, Андрюшка, проведи-ка ты пристяжного, что с правой стороны, а дядя Митяй пусть сядет верхом на коренного! Садись, дядя Митяй!

Сухощавый и длинный дядя Митяй взобрался на коренного коня и сделался похожим на деревенскую колокольню... Кучер ударил по лошадям, но не тут-то было, ничего не пособил дядя Митяй.

— Стой, стой, — кричал сердобольный чужой народ. — Садись-ка ты, дядя Митяй, на пристяжную, а на коренную пусть сядет дядя Миняй!

Дядя Миняй с бородой черной как уголь, с охотою сел на коренного, который чуть не пригнулся под ним до земли.

— Теперь дело пойдет! — кричали окружающие. — Накаливай, накаливай его! Пришпандорь кнутом вон того, того, солового, что он горячится, как корамора!

Но, увидевши, что дело не шло и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй сели оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку.

Наконец, кучер, потерявши терпение, прогнал и дядю Митяя и дядю Миняя, и хорошо сделал, потому что от лошадей пошел такой пар, как будто бы они отхватали не переводя духа станцию. Он дал им минуту отдохнуть, после чего они пошли сами собою».

* * *

Сколько мудрости в одной книге!

Поистине это русская Библия.

А что касается лично меня, то я счастлив только одним: что на всю эту путаницу с двумя тройками — не подошел немец-управитель из соседнего села.

Он бы так распутал, что, пожалуй, не досчитались бы русские ездоки кое-чего из збруи, да и сама тройка, пожалуй, превратилась бы в пару.

Знаем мы этих самых.

О СВЯТОМ ПЕТРЕ, АНГЛИЙСКОМ ЛЕТЧИКЕ И ЛЛОЙД ДЖОРДЖЕ

Когда я был в Риме, то самое большое впечатление произвел на меня большой палец ноги св. Петра.

Медный огромный палец огромной ноги огромной статуи в огромном соборе — все кажется таким вековечным, несокрушимым...

И что же: этот огромный медный палец наполовину стерт поцелуями верующих.

Сколько миллиардов поцелуев нужно, чтобы совершить мягкими губами эту гигантскую слесарную работу?..

Почему-то этот святой палец вспомнился мне на днях, когда мне показали ногу одного английского летчика.

Нога эта — деревянная.

В этом не было бы ничего удивительного — мало ли теперь деревянных ног, но все дело в том, то эта деревян-

ная нога при последующих полетах калеки-летчика снова ранена последовательно два раза.

Он весело смеется:

— А здорово я поднадул этих каналий: подсунул им под пули совершенно нечувствительную ногу. Нет, не скажите: в деревянной ноге есть своя прелесть.

Его спросили:

— Что ж вы, думаете ее переменить на новую?

— А зачем? Пока ее совершенно не истреплют пулями — она мне годится.

Теперь этот веселый англичанин приехал добровольно помогать России в ее последней смертельной борьбе с большевиками.

На святого он, конечно, мало похож, хотя бы потому, что у того нога истрепалась от множества поцелуев, а у этого — от пуль.

Признаться, у меня есть вкус к таким англичанам: я их люблю.

Этот калека-летчик, подставляющий для России наравне с деревянной ногой и все свое прочее живое тело, очевидно, больше любит и понимает Россию, чем мудрый, корректный Ллойд Джордж.

Вообще, Ллойд Джордж очень сдержан, но как только доберется до России — сразу заболевает женской болезнью: недержанием слова.

Говорит, говорит, говорит...

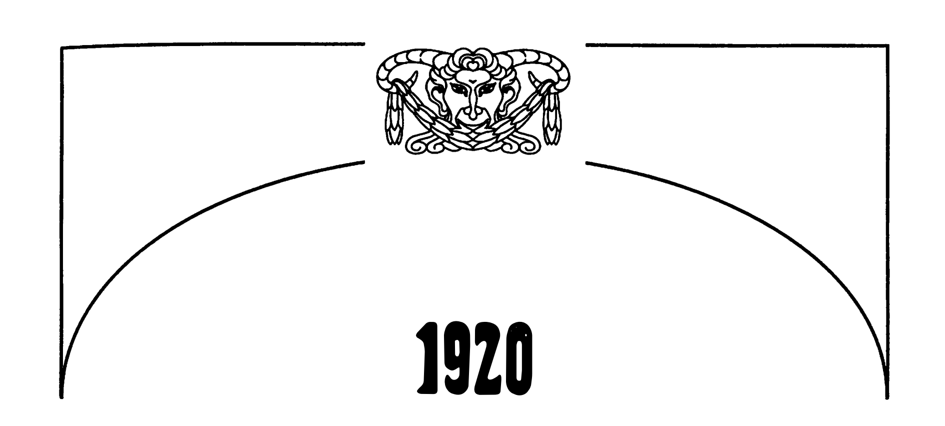
Последняя его речь и вывод из нее были особенно глубокомысленны:

— Мы не можем признать в России ни одного правительства, пока там идет внутренняя борьба. Когда какая-либо из сторон окончательно победит и сорганизует настоящее правительство, — мы его признаем. Пока же — будем выжидать результата.

Ллойд Джордж очень напоминает ученого доктора, стоящего с часами в руках у постели тифозного больного.

— Вот, — говорит он, — здоровый организм этого человека борется с тифозными бациллами. Если победит человек — я заключаю с ним дружеский союз, если победят тифозные бациллы — они мне будут верными друзьями.

Смотрите, сэр, как бы самому не заболеть тифом.

1920

салат из булавок

ПРОКЛЯТЫЙ СТАРИКАШКА

Был поздний зимний вечер.

Я очень устал, и меня клонило ко сну, когда вошла горничная и доложила:

— Там вас какой-то спрашивает.

— Так поздно? Уже без десяти 12. Кто такой?

— Я спрашиваю, а он говорит: 19–19...

— Так это, вероятно, его телефон?

— Говорит: проститься пришел.

— Ах, вот это кто! Приполз-таки, анафемский старикашка?! Ты его где оставила?

— На площадке. Он лез в переднюю, да мне чивой-то он не показался: чай я тоже отвечаю за пальты, что на вешалке.

— И правильно. Ну, веди его сюда, только крепко присматривай, а то, гляди, чего и не досчитаешься.

* * *

Это был седой старик, на вид очень почтенный, солидный, с очень деловым выражением лица. Но что-то неуловимо греховное, воровское и лживое пряталось во всех морщинах его преждевременно постаревшего от распутства и пьянства лица...

— Вот... пришел проститься, — сказал он, опускаясь в кресло.

— Прощай, мерзавец, — угрюмо пробормотал я.

— Однако... вы, тово...

— Могу взять свои слова обратно, — с готовностью подхватил я. — Не мерзавец, а шулер, вор и взяточник. Много наворовал?

Он укоризненно покачал головой.

— Ругаетесь теперь... А год тому назад за мое здоровье пили, на коленях меня качали...

— Да, качал... На коленях!! К груди прижимал!! А когда домой пришел — золотых часов с цепочкой не досчитался. Это в тот момент, когда тебя к своему сердцу прижал!..

— Верьте совести — это не я. Ей-Богу, это 1918-й. Я сам видел...

— Постой!.. Да вот же у тебя на груди и сейчас цепочка моя... А ну, часы покажи!.. Ну, конечно, и часы!..

— Это я у него купил... Ей-Богу... У 1918-го.

— Итак, значит, жизнь свою ты начал с покупки краденого. Сколько заплатил?

— Три тысячи. Может, купите?.. Могу продать за 24.

— Гм!.. Вор и спекулянт. Недурная карьера для одного года.

Глаза его злобно сверкнули из-под сивых бровей.

— Послушайте, — прошипел он. — Если будете ругаться — я вас сыпным тифом заражу!

— А-а... Ты и этим занимаешься?.. Не боюсь я.

— Ну, комнату реквизирую! Или большевиков сюда привезу!..

— Поздно, голубчик, не успеешь.

— Хоть бы чаем угостили, что ли... Пришел человек в гости, а они, как с собакой...

— Тебя? Чаем угостить? Серной кислоты стаканчик не хочешь ли?.. Дай тебе чаю, так ты ведь чайную ложечку украдешь и с меня же за сахар деньги получишь...

— Хм... А год тому назад даже шампанским угощали...

Меня прорвало:

— Многоуважаемый негодяй! Да ведь год тому назад мы тебя за человека считали! За приличное существо!! Коллеги твои 17-й и 18-й — поперек горла всей России стали, так мы тебя, как родного, ждали! Думали: вот приедет барин, барин нас рассудит. Рассудил ты, нечего сказать! Одних к стенке, другим голодная смерть, третьим — тиф... Может ли запомнить Россия более ернический, более гнусный по своей нелепости и неразберихе Год?! Какие-то города завоевывались, опять отдавались, оставшуюся в полуразвалившихся городах публику резали, вешали и жгли, одни

города пустовали, а в других жители, откуда-то бежавшие, всё растерявшие, ютились под лестницами, спали в ванных, и весь год прошел в том, что кто-то что-то терял, кто-то кого-то отыскивал, где-то жгли при отступлении какие-то запасы, а при наступлении отбирали у жителей остатки запасов!.. Все съедалось, все изнашивалось, все жглось и портилось, но ничего не производилось!! Для того чтобы распинать Россию, — воровали последние остатки гвоздей из старого запаса, но чтобы сколотить для России хоть собачью будку, где бы она могла хоть спокойно зализывать свои раны, — для этого не выковали ни одного гвоздя!! О, если бы ты знал, как я тебя ненавижу!! С каким бы удовольствием я проткнул твои воровские бесстыжие глаза вот этой своей булавкой от галсту... Постой, да где же булавка?! Только что сейчас была в галстуке!!

Старикашка сконфузился:

— Я на полу нашел, ей-Богу. Я думал, это моя. Могу отдать. Нате.

— А бриллиант где? Выкусил. А, чтоб тебя...

Я не успел докончить фразы, как часы, мирно тикавшие на стене, загудели и стали бить:

— Р-раз, д-два, т-три...

Это был единственный раз, когда при конце старого года можно было слышать тринадцать ударов: тринадцатым ударом была оплеуха, которой я наделил издыхающего старикашку.

Может быть, это некультурно... Но мне так хотелось поскорее доконать его...

Тихий музыкальный голос, как шелест арфы, прозвучал за моей спиной:

— Издох?..

Я вскочил. Обернулся.

Передо мной стояла неописуемой красоты молодая девушка, в белом благоуханном платье, как молодая яблонька в цвету.

На розовых устах, как розовый луч восходящего солнца на стене белой деревенской церковки, играла розовая улыбка.

Волосы цвета спелой ржи как будто предвещали пышные золотые урожаи, а в глазах сияло и искрилось тихое голубое озеро — обещания благословенного тихого отдыха после гроз и бурь.

— Кто ты? — радостно всплеснул я руками. — Если ты Новый Год — почему ты юная девушка, а не мальчик, как это полагается?

— Я? Я лето 1920-е по Рождестве Христовом. Пока я — весна, но подождите несколько месяцев! Я буду — весна зимой — пока не уничтожу всех бед и зол, посланных этим страшным стариком. Но пройдет все, все минет — и я после тяжкой зимы и краткой весны сразу развернусь в пышное, золотое, зрелое лето, 1920-е лето, богатое тучными нивами, зеленеющими лесами, лугами, алеющее роскошным ковром маков, сверкающее золотом наливных яблок!.. Все кончится, все переживем, и, вместо запаха крови разольется по всей Руси аромат свежеиспеченного хлеба, парного молока, зазвенит под взмахами дюжих рук косцов отточенная коса, и если увидишь ты в розовой дали заката движущееся пыльное облако — не бойся — это не красная армия убийц идет на тебя — это мирный пастух гонит стадо жирных тонкорунных овец, это босоногая русая девочка спешит домой сзади своей крикливой армии — двух десятков серых и белых гусей!.. Ты устал, мой милый, все вы устали — потерпите еще капельку, все вы вернетесь домой и наконец-то вытянете измаявшееся тело на пахнущем фиалкой белоснежном белье родимой постели. Будешь ждать? Потерпишь?

Я поглядел влюбленными глазами в ее голубые очи и обещал:

— Ну, что ж... Потерплю!

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

...А по-моему, электричество — одно жульничество: всунуть туда уголек, да и все.

А.П. Чехов «Свадьба»

Севастопольское электрическое освещение нечто до того грандиозное, что для описания его мало обыкновенного человеческого пера: нужно грандиозное, гигантское перо гения.

Попробуем же.

* * *

Чудно наше электричество при всякой погоде, когда тускло и гнусно горит умирающая, гаснущая лампочка...

Глядишь и не знаешь, горит она или не горит; и чудится, что это не сверкающее ночное солнце нашего века, а сальный огарок, зловонный и подмигивающий, как полувытекший глаз избитого алкоголика, умирающего под забором.

Любо тогда и жулику взломать дверной замок мирного гражданина, любо и нахальному ловеласу чмокнуть в щеку проходящую девушку, любо и пьяному безобразнику оставить следы в коридоре своего пребывания...

Сибирнокаторжные! Они толпятся, как скверные ночные птицы, и под покровом полуиздохшей, еле мерцающей электрической лампочки вершат темные дела свои...

Всякий бандит и разбойник глядит на севастопольское электрическое безобразие, глядит и не наглядится пьяным зраком своим, и усмехается ему, как другу, и приветствует его, как лучшего помощника...

Редкая птица долетит до середины Днепра, но редкая птица удержится, чтобы не плюнуть, увидев такой отвратительный свет.

Чудно электричество и тогда, когда минут за сорок до часу ночи вдруг начинает гореть более ярко, показывая этим, что дело вовсе не в лампочках, и не в количестве свечей, а в том человеке, который сидит на электрической станции и уныло вертит ручку своей шарманки; и вертит он весь вечер ее вяло, изредка засыпая, и только перед тем, как идти окончательно спать, он чувствует укоры совести и начинается крутить быстро ручку своей допотопной электрической шарманки!..

И только тогда горит ярко электричество, когда все население города уже спит, когда оно, электричество это, никакому черту не нужно, потому что приятные сны можно рассмотреть и без электричества, когда все затихает, кроме вертельщика электрической шарманки, и Бог один величаво озирает небо и землю и величаво сотрясает ризу. От ризы сыплются звезды; звезды горят и светят над Севастополем — кому тогда нужно это спазматическое, поминутно тухнущее от собственного бессилия, электричество?!..

Когда же пойдут по небу синие тучи, и молния, изламываясь между туч, разом освещает целый мир — тогда это единственное время, когда в Севастополе светло... Но при чем тут, спрашивается, электрическая станция?!

Глядишь — и не знаешь: за что они дерут такие деньги? Глядишь и не знаешь — умирающий ли светляк неведомо как заполз в электрическую лампочку или это деревенская баба вздула слепящую глаза лучину?!

....

До сих пор это все по Гоголю.

А вот не по Гоголю:

Хотелось бы знать — почему администрация города не прекратит этого безобразия?! Ведь специалисты уже объясняли, что экономия дров тут ни при чем...

ГДЕ ИВАН НИКОЛАИЧ?

Хотелось бы мне сейчас повстречать Ивана Николаича Гуськова — очень хотелось бы...

Ловким ударом кулака я сбил бы его на пол, ткнул бы каблуком в солнечное сплетение и, обмолотив его как следует, плюнул бы на него.

Где вы, Иван Николаич?

Уехали ли вы на «Кирилле» в Болгарию, или просто вкатились с разбегу в какую-нибудь «моторно-парусную», и треплется теперь «моторно-парусная» где либо у берегов Трапезунда, одержимая морской болезнью от одного сознания, что она заключает в своих недрах такое сокровище, как вы, Иван Николаич...

* * *

Многие, очень многие лица сообщали мне доверительно о том, что оборона Крыма ненадежна, что большевики со дня на день возьмут Перекоп, что уже нужно быть готовыми и сидеть не в квартире, а на палубе парохода, причем обязательно нужно последить за тем, чтобы пароход не был привязан канатом к берегу: а то, не дай Господи, войдут большевики — и отвязаться не успеешь. И что за границу нужно везти не русские деньги, а меха, кружева и бриллианты.

Я внимательно и вежливо выслушивал таких людей и обещал все сделать по-ихнему: забраться спозаранку на пароход, нахлобучив на голову кружевное дессу, кутаясь в шиншиловое боа и сверкая роскошными бриллиантами

на обнаженной груди и в ушах, отвязать канат. Я обещал — все это я обещал...

Действительно — что с дураком спорить?

Но — Иван Николаич, Иван Николаич! Ему я не могу простить.

Ровно десять дней тому назад — запомните эту цифру — встретил я его около гостиницы «Ветцель».

Ткнул он меня игриво пальцем в бок и спросил:

— Получили?

— Что именно?

— Ну да, ну да! Нечего там простячком притворяться. Около «Ветцеля» зря никто не крутится.

— Да я шел в редакцию.

— Да, да. Знаем мы эти редакции. На чем едете?

— Куда?

— Вы в Болгарию или в Константинополь?

— Скажите же мне — почему я должен ехать? Разве положение на фронте так плохо?

Он поглядел на меня взглядом взрослого, следящего за ребенком, когда тот хочет зажечь папиросу об электрическую лампочку.

— Да вы что... С луны свалились, что ли? Или вам за ваш оптимизм большие деньги платят?

— Нет... Я совершенно бесплатно.

— То-то и оно. Вопрос с Крымом — конченый вопрос. Самое позднее — большевики через два-три дня в Симферополе, а через неделю займут Севастополь.

Сердце мое похолодело.

— Ну, что вы... — пролепетал я. — Дела на фронте могут еще поправиться.

Он рассмеялся смехом взрослого, любующегося на ребенка, который, раздув щеки, пытается надуть пустой конверт.

— Вам-то уж, — с презрением сказал он, — газетному человеку, стыдно быть таким ребенком. Даю вам честное слово — я имею самые точные сведения, что ровно через неделю весь Крым будет сдан и большевики докатятся до Севастополя.

Он еще что-то говорил, что я уже и забыл, но тон его был так холодно-авторитетен, он глядел на меня так обидно-снисходительно, что сердце мое сжалось: значит, все погибло.

Он говорил так, как говорят о дне, что он бел, и о ночи, что она темна; он говорил так, будто только еще полчаса тому назад Деникин печально держал его за пуговицу и говорил прерывающимся от волнения голосом:

— Да-с, Иван Николаич... От вас мы не можем скрывать положения: дело Добровольческой армии окончательно погибло. Уезжайте, Иван Николаич.

И будто тут же к разговаривающим подошел генерал Слащёв и, разведя руками, сказал:

— От других бы скрыл, но от вас, Иван Николаич, не могу: сдаем Крым! По моим расчетам большевики явятся в Севастополь через неделю.

Нет! Бессильно мое перо передать всю ту уверенность тона, все то пренебрежение ко мне, с которым Иван Николаич сообщил о падении Крыма через неделю.

Это было десять дней тому назад!!

Если бы вы знали, как я втайне волновался первые три-четыре дня.

С утра я с трудом выкраивал веселое лицо для окружающих, но к вечеру вся эта сложная кройка пропадала, таяла, и я сидел печальный, угрюмый, как в воду опущенный...

— Что с вами? — спрашивали меня.

— Зуб болит, — отвечал я, не желая разводить дальнейшей паники.

К концу четвертого дня я стал понемногу успокаиваться и светлеть; до конца назначенного срока осталось всего три дня, а большевиками даже не взят перешеек...

Стрранно. Чрезвычайно стррранно.

Светлел я и светлел с каждым днем, а к концу недели так посветлел, что начал отыскивать Иван Николаевича...

План у меня был такой: ловким ударом кулака сбить его на пол, ткнуть каблуком в солнечное сплетение и, обмолотив его, как следует, плюнуть на него.

* * *

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ЛИЦ, знающих местопребывание Ивана Николаевича Гуськова, просят сообщить в контору газеты «Юг» на имя

Аркадия Аверченко

РЕКОРД ОСВЕДОМЛЕННОСТИ

Симферопольская газета «Таврический голос» распоряжается всей Европой, как хочет.

Например: Франция выбрала в президенты Поля Дешенеля, а «Таврическому голосу» это не понравилось.

Отменил.

Назначил вместо него — Клемансо, которому как президенту Франции и посвятил прочувствованную статью.

Таким образом, во всей истории Франции в первый раз — президент — по назначению.

И по назначению не кого-нибудь, а «Таврического голоса».

* * *

«Таврический голос» захватил себе и прерогативы английского короля — сам возводит англичан в титулы лордов.

Жили-были простой англичанин — Черчилль и простой англичанин Асквит.

— Быть им лордами, — решил «Тавр <ический> голос».

И что же? Сделал их лордами.

Мало этого, симферопольская газета выбрала своего фаворита, мистера Асквита, членом Палаты, а потом — раззудилось плечо — назначила его и министром.

* * *

Теперь — о болгарах.

Спрашивается: какая самая отсталая в мире газета? Ответ:
— «Юг».

Какая самая осведомленная в мире газета? Ответ:
— «Таврический голос».

Почему? Ясно, почему.

«Юг», издаваясь в Севастополе, прозевал такое международное значение события, как — *высадка в Севастополе болгарских войск!!*

А «Таврический голос» подставил близорукой газете ножку и напечатал это сенсационное для Крыма известие — приводим его дословно:

СЕВАСТОПОЛЬ, 20 января, (по телефону). При радостных криках населения высадились два эшелона болгарских

войск, присланных на помощь стремящейся освободиться от большевиков России.

Болгарские войска производят отличное впечатление: они прекрасно одеты, настроены очень дружелюбно к России, ненавидят врагов своей старшей сестры и жаждут поскорее сразиться с большевиками.

— Мы помним войну, которую вела Россия с Турцией за нашу свободу, — говорят болгарские солдаты, — теперь настала наша очередь помочь вам.

Севастополь ликует.

Это верно, что Севастополь ликует.

А почему, спрашивается?

— Потому что «Таврический голос» выходит не в Севастополе, а в Симферополе.

А выходи «Тавр<ический> голос» где-либо еще дальше — в Архангельске, что ли, Севастополь ликовал бы еще больше.

СПИРТОВОЙ УТЮГ

...А, по-моему, истинно блаженны те времена, когда презренный, даже не наполненный спиртом, спиртовой утюг может сделать счастливыми четырех человек.

Что такое был спиртовой утюг раньше? На него и горничная-то смотрела с пренебрежением.

А теперь он на целый день осчастливил:

1). Одного английского моряка.

2). Одного бывшего сенатора.

3). Одного купца.

4). Одного писателя.

* * *

Зашел я недавно в комиссионный магазин.

Гляжу — облокотившись о прилавок, стоит один седовласый бывший сенатор и тихо беседует с хозяином магазина... Между ними на прилавке, очевидно, главный предмет их задушевного разговора — спиртовой утюг.

— Сколько же вы за него хотите? — спросил хозяин, покосившись на меня.

— А сколько дадите? — спросил сенатор.

— Да что ж... Если не на комиссию, а просто куплю — то пятьсот рубликов дам.

Как осиновое дерево от летнего ветерка, задрожал старый сенатор от тайной радости.

Сказал поспешно:

— Ну, давайте. Платите скорей, я пойду.

Обернулся, увидел меня. Поздоровались. Шепнул мне восторженно:

— Замечательную сделку сейчас совершил... Год тому назад купил утюг за 60 рублей, пользовался им целый год и продал за 500!! Недурственно, а?

Получив деньги, сияя, как весеннее солнышко, ушел — почти убежал.

— Что это за штука? — спросил я, указывая на утюг.

— Помилуйте-с! Настоящий спиртовой утюг. Замечательная вещь.

— Сколько хотите?

— Две тысячи.

— Ну, это уже, слушайте, свинство! Сейчас только купили за 500...

— Мало чего... Я мог и на улице найти. А цена ему теперь не меньше двух тысяч.

Я только открыл рот, чтобы пристыдить хозяина, как рядом с нами оказался незаметно вошедший в магазин английский моряк.

Он потрогал утюг пальцем, покрутил какой-то винтик, задумчиво посвистал и спросил что-то по-английски, указывая на утюг.

Хозяин подмигнул мне, поднял руку, показал два пальца и нагло сказал:

— Два фунтика-с.

Англичанин не понял: высоко поднял одну бровь и снова меланхолически посмотрел на утюг.

— Может быть, вы сумеете перевести ему — два фунта, — попросил меня хозяин.

Мои слабые, как былинка, познания английского языка напряглись до максимума, и я перевел, дыша от усилий, как загнанная лошадь.

Услышав цифру, англичанин сделал такое странное лицо, что хозяин перепугался и даже побледнел: ему показалось, что он теряет покупателя.

— Скажите ему, — быстро сказал он мне, — скажите ему поскорее: полтора фунта! Скорее, а то он уйдет.

— Вы думаете, это так легко, — пробормотал я, погружаясь в дебри двух десятков знакомых мне английских слов.

И пока я мучительно раздумывал, как по-английски «полтора», англичанин поспешно полез в карман, вынул из кошелька две фунтовых бумажки, быстро бросил их на прилавок и схватил утюг.

Почувствовав утюг в своих руках, он сделал невероятно плутовское лицо, подтолкнул меня локтем, сверкнул счастливыми глазами и пробормотал что-то, что на всех языках значит:

— Ловко я его обставил.

И тут началось сплошное сияние: сиял хозяин, продавший утюг за 6 тысяч рублей по новому курсу, сиял англичанин, купивший тридцатирублевый утюг за 18 рублей по старому курсу, и сиял я, получив такую прекрасную тему для фельетона, в котором, как солнце в капле воды, отражается вся наша идиотская жизнь.

РАССЫПАННЫЕ БУСЫ

Новые подкидчики:

— Господин, а господин! Постойте, не спешите так: вы тысячерублевку с георгиевской ленточкой обронили.

— Простите... но это, вероятно, не я. У меня даже не было тысячерублевки.

— Толкуйте! Я сам видел, как она выпала из вашего кармана. Берите ее и дайте мне скорее за находку треть.

— Но уверяю же вас...

— Вы, может быть, думаете, что она фальшивая? Можете взять в руки: самая настоящая.

— Да у меня не было такой крупной бумажки. Всего в кармане неполных четыреста.

— Вот и давайте мне за находку треть, а эту себе берите.

— Так если я не терял...

— Врете вы!

— Сами вы врете. Жулик!

— Нет, ты мне отдашь треть или я тебя в государственную стражу сведу!

— Карраул! Люди добрые! Вот этот жулик хочет у меня забрать 333 рубля, а взамен сует тысячерублевую бумажку, которую я не терял!

— Да зачем же это он?

— Ясно: никто тысячерублевки не меняет, так он хочет ее за 333 рубля мелочью сплавить!

* * *

Новое слово.

— Здравствуйте, голубушка. Куда это вы так стремглав?

— Сейчас мне паникюр сделали.

— Маникюр?

— Нет, паникюр!

— Можете быть, педикюр?

— Говорят же вам — паникюр: только что сообщили, что в Крым вступили большевики.

— Ах, как интересно!

— А вы где делаете себе паникюр?

— Что значит где — как обыкновенно, в парикмахерской.

* * *

Один одессит рассказывал:

— Дела большевиков в Одессе таковы, что они прямо за головы хватались.

— За свои?

— Нет, за наши. Еле мы успели убежать.

* * *

— Смотрите: этот человек был раньше обыкновенным купцом, а теперь носильщиком тяжестей сделался...

— Какой ужас! Разорился?

— Нет, но каждый день из магазина домой на себе полтора пуда бумажной выручки таскает.

— Господи! Хоть бы он еще раз повысил цены на свои товары!

— А вам зачем?

— А, может быть, надорвется — скорее издохнет.

* * *

Фраза, пойманная на лету, на улице:

— Да-с... Нашему брату, бывшему буржую, пальца в рот теперь не клади!

- Поумнели?

— Да-с, откусим. От голода.

* * *

Отгадайте загадку: начинается на букву «к», совсем почти раздета, получает массу денег. Что это такое?

— Кокотка?

— Не совсем угадали. Красная армия.

Нанизал рассыпанные бусы
Аркадий Аверченко.

МЕЛОЧИ

«Вся наша жизнь соткана из мелочей...»

(Фраза доморощенного философа, ни его, ни окружающих ни к чему не обязывающая.)

— Володя! Вас ли я вижу, милый!..

— Здравствуйте, Людмила Николаевна...

— Отчего же вы даже не хотите протянуть мне руку... Неужели вы все еще помните нашу размолвку?

— Простите, Людмила Николаевна, но я не могу вынуть рук из карманов брюк.

— Что же у вас там сокровища спрятаны, что ли? Боитесь — украдут?

— Нет... Но вы знаете, теперь в магазинах совершенно нет пуговиц...

— Ну так что?!

— А вы же знаете, что для брюк — первое дело пуговицы! Помните, Наполеон говорил: «Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги!». Так и тут: пуговицы, пуговицы и пуговицы. Иначе — полное падение!..

— Бедный! А вы бы попробовали прикрепить их кнопками что ли...

— Пробовал. Чертежными. Больно. Прямо в тело. Кровь идет.

— Гм... — да. Но все-таки сознайтесь, Володя, что вы все это время меня сознательно избегали?..

— Ах, если бы вы знали, Людмила Николаевна...

— Говорите, говорите... я все пойму!..

— Прачка на полтора месяца белье задержала. Не мог же я прийти к вам без воротничка! Но вы, вероятно, мою газету получили...

— Ах, это от вас газета? Я ничего не поняла! Вдруг приносят какую-то старую газету. Я повертела ее, повертела — да и выбросила.

— Напрасно! В ней заключены все крики моего сердца, вся тоска моя!..

— Но почему же не письмо...

— Почтовой бумаги в магазинах нет. А я взял в газете статью «Помощь союзников России» и под всеми нужными мне буквами поставил точки. Очень удобно...

— А я по вас очень соскучилась. Думала, что вы на меня обиделись за Краснухина. Кстати, у вас, говорят, с ним из-а меня была ссора?.. Я сейчас, когда увидела у вас черную повязку на правом глазу — сразу же и подумала: наверное, дуэль.

— Это не потому. Разбил нечаянно правое стекло в пенсне. Ни в одном магазине нет нужного номера. Вот и завязал временно. Если не найду этого номера — совсем наглухо правый глаз замажу...

— Смотрите, смотрите! Вот Краснухин со своей блондинкой идет! Поверните голову налево!

— Не могу, Людмила Николаевна... Свыше моих сил...

— Неужели вы все еще так ненавидите его...

— Ну, что вы! Он премилый парень! Просто я потерял горловую запонку от крахмальной рубашки. В магазинах нигде нет. А это самая главная запонка: ею и верх рубашки держится, и петли воротничка, и галстук... Поверну голову — все сразу и рассыплется.

— Ах, вот почему у вас такой гордый вид. Смотрю — идет человек, голова кверху, грудь выпятил...

— Я ее не выпячивал, это у меня в боковом кармане коробка от гильз.

— Неужели курить начали?!

— Нет, там у меня деньги лежат. Не могу кошелька найти. Говорят — все распроданы. У вас, кстати, нет свиньи?

— Господи, что это вам вздумалось!

— Я бы с нее щетины немного настриг, зубную бы щетку сделал. Нигде нет зубных щеток!..

— Хотите, я вам подарю старую платяную — у меня есть.

— Ну, что вы: ведь это рот можно разодрать.

— А вы распилите ее на кусочки и ручку приделайте...

— Очень вам благод... Виноват, Людмила Николаевна, у вас ботинок с ноги соскочил!..

— Ах ты, Господи! Чистое наказание! Значит, опять веревочка развязалась.

— А где же шнурок?

— Пойдите, поищите! Нигде таких длинных нет, для высокого ботинка! Я бы замуж за такого человека вышла, который даст мне.

— О, как я счастлив! У меня есть такие шнурки! Значит — ты моя?

— Увы... Я не могу выйти за тебя замуж...

— Ты любишь другого?

— Не то. В городе совершенно нет шаферов. Любочка Кривулина из-за этого жениху отказала.

— Как нет?! Да пригласим того же Краснухина!

— Даром не пойдет. Он с Любочки за шаферство пятнадцать тысяч просил. А у меня и для себя-то — приданого такого нет.

— О, Господи! Да за что же пятнадцать тысяч?!

— А как же... Посчитай сам: карета, свежие перчатки, букет невесте... Он, впрочем, предлагал Любочке счет потом подать. Ты подумай только: два шафера — тридцать тысяч!..

— А знаешь что? Будем жить так, не венчанными.

— Ну, что ж... Только у меня нельзя жить: я помещаюсь в одной комнате с Маней Грибовой. Уплотнили.

— А у меня тоже нельзя. Я живу в одной комнате с Загогулиным.

— Гм... Погибло... Значит, все погибло!..

— Постой! Ничего не погибло! Иди ты домой к себе, а я к себе. Распиши своей Манечке моего Загоглуина, а я своему Загогулину твою Манечку распишу. Скажем, что

она влюблена в него, а он в нее. Так и сведем их, чтоб они поселились вместе...

— Послушай... Удобно ли нам такими делами заниматься?..

— Ну, вот еще! Кто теперь на это внимание обращает.

— В таком случае, я бегу. Так ей твоего Загогулина распишу!.. Кстати, у тебя есть чайная посуда?

— Я из бутылок пью.

— Как?! Ты пьянствуешь?

— Нет, видишь ли... У меня полубутылки. Верхушка срезана... Нигде стаканов нельзя достать. А у тебя есть стаканы?

— Найду! Перелью чернила в пепельницу, в чернильницу пересыплю пудру, а из пудреницы чай пить буду... Что это валяется на земле?

— Ничего, этой мой воротничок упал. Есть булавка?

— Вот тебе — английская. Из проволоки от лимонадной бутылки. Бегу.

НАШИ СУТКИ

Как в каждом культурном городе — в Севастополе жизнь распределяется по часам.

Вот приблизительное расписание наших суток.

6–7 часов утра

Город просыпается.

Из водопроводного крана идет тонная струйка воды.

Обрадованный гражданин, сунув голову под кран, намыливает шею, руки, лицо.

Струйка воды прекращается.

Огорченный намыленный гражданин усаживается и принимается сохнуть.

Высохнув, счищает платяной щеткой с лица, рук и шеи засохшую мыльную пену, — берет корзину, отправляется на базар.

Там у него отнимают все деньги, суют в корзину какую-то дрянь и выталкивают.

Это называется: он купил.

7–9 часов утра

Купцы на Нахимовском, прикрыв двери, перемечают свои вчерашние товары: вместо 100 — 150 рублей, вместо 150 — 200...

В девять часов двери официально открываются и начинается официальный грабеж.

Воды нет.

9–11 часов утра

Ограбленного в магазине купец перебрасывает дальше: к парикмахеру.

Поелозив по лицу бритвой, брызгают в лицо испорченной с неприятным запахом водой, мажут волосы колесной мазью.

— Пожалуйте! Мальчик, почисть! С вас полтораста!

— За что?!

— А водой-то лицо обрызгали, это вам собака?

Настоящей воды все-таки нет.

11 часов утра — 1 час дня

По городу — мелкий грабеж: чистильщики сапог, продавец папирос, содержатель кафе...

Усиленные хлопоты и, наконец, радостное получение заграничного паспорта и визы — со всеми штемпелями, портретами, печатями.

Нерадостное сообщение о том, что ни в какой заграничный порт вас все равно не пустят.

Воды нет; есть слезы.

1–3 часа дня

Единственный отрадный час, когда гражданина почти не грабят.

Ибо — все лавки, магазины, парикмахерские — закрыты на обед.

Пользуясь тем, что их не грабят, граждане бегают по городу с ведрами воды.

3–5 часов дня

Воды нет; есть тихий грабеж по магазинам.

Проволоки электрических лампочек начинают краснеть и накаливаться, как вишня в тени листвы.

Это называется: дали ток.

Вынимаются свечи, наливается, куда следует, керосин.

Делается сравнительно светло.

5–7 часов вечера

Проволоки лампочек начинают разгораться; иногда даже можно разглядеть свою кровать в углу.

Вода есть: в море.

7–9 часов вечера

Это час, так называемый, «Подарок молодым ворам».

Потому что полугорящее электричество вдруг сразу на полчаса гаснет — и тут начинается «работа».

Элегантный севастополец в темноте надевает фрак и идет в «Ренессанс» поговорить с Ленским.

Ленский есть — воды нет.

9–11 часов вечера

При тускло горящем электричестве тусклые люди сидят в домашней кругу и тускло говорят о том, что воды нет, что всюду грабеж, что Россия кончилась и что русских за границей не любят.

11 часов — 1 час ночи

Этот час называется: «Подарок молодым фальшивомонетчикам».

Потому что, когда все честные граждане ложатся спать — электричество после 12 часов вдруг начинает гореть ослепительно ярким светом, который доброжелательно сияете над склоненными головами работающих ночных фальшивомонетчиков.

На улицах ввиду запрещения пьянства пьяных не более тысячи человек.

Что ж делать: воды нет — пьют водку.

1–3 часа ночи

Ограбленные днем купцами ночные грабители начинают тихо грабить магазины дневных грабителей.

Оба в выигрыше, кроме мирно спящего гражданина, которого грабят и те, и другие.

Нет электричества, нет воды, нет ничего.

3 часа ночи — 5 часов утра

В четыре часа утра вдруг появляется вода в водопроводе на полчаса.

Грабители, запачкавшие руки, возясь с замками, — радостно моются.

Это их праздник.

Светает. Наступающий день — смотри сначала...

ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО

Сидит маленький мальчик, плачет.

— Мальчик, мальчик, чего ты плачешь?

— Побили меня...

-—Кто побил?

— Мама побила... потом репетитор... потом папа...

— Ого! Много же народу било тебя. За что ж они так?

— За арифметику.

— Задач не мог решить, что ли?

— Я-то могу, да только там все врут. Не люблю я, брат, когда врут.

— Кто ж тут врет?.. А ну, покажи-ка.

Пальцем, омоченным грязной страдальческой слезой, пополам с растворившимися чернилами — показал:

— Гляди-ка: «Купец продал покупателю 7 аршин синего сукна по 5 рублей арш.<ин> и 4 аршина черного сукна по 3 рубля аршин...». Разве можно так писать? Или это: «Если фунт коровьего масла стоит 50 копеек, а кварта молока 12 копеек, то спрашивается...». Вот и пусть спрашивается! А я на такие дурацкие штуки не хочу и отвечать! А вот тут: «Виноторговец продал одному покупателю 7 ведер вина, другому 5 и третьему 8 бутылок. Спрашивается...».

— Ну?

— Вот тебе и «спрашивается»! Спрашивается, разве можно продавать вино ведрами, когда его разрешают покупать только по рецепту доктора? За такую штуку — 20000 штрафу!

— Да тебе-то что. Решай себе задачу правильно — и конец.

— Не могу я, когда врут. Смотри-ка: «Пассажирский поезд вышел из пункта А в пункт Б. Как известно, поезд делает 40 верст в час...». Вот тебе и известно! А я с папой из Симферополя в Севастополь ехал 70 верст 14 часов!.. А в одном месте тут даже написано, что мальчики ели груши!

— Не плачь, мальчик, — сочувственно сказал я, гладя его по вихрастой головенке. — Я сочиню такую задачу, которая тебе понравится.

— А ты разве сочинитель?

— Да, брат. Только я не вру в своих сочинениях. Все правда. Вот слушай: «Некто взял 3 тысячи рублей и пошел на рынок. Спрашивается: сколько у него осталось от 3-х тысяч, если гусь стоил 1200 рублей, бутылка греческого коньяку, купленная из-под полы, — 800, фунт масла 5000 и хлеб 400? И спрашивается, куда он денется со своим гусем и коньяком, если пока он ходил на рынок, квартира его была реквизирована, и хотя он через три дня освободил ее от реквизиции, но все равно гуся нельзя было зажарить за неимением дров». Нравится задача?

— Хорошая. Припиши еще, что он гуся слопал сырого. Хи-хи.

— Верно. И утерся аршином сукна в две тысячи.

— И купил на остальные сто рублей грушу, а она оказалась гнилой!..

— Ну, уж ты слишком на него озверел.

— Так это ж правда.

От недавних слез не осталось и следа... Оживился мальчик, а глазенки засверкали, как бриллиантики.

В сердце детей живет неистребимая любовь к правде.

* * *

Порывшись в своих учебниках, мальчик вынул хрестоматию и протянул ее мне.

— Переделай и это...

— Что именно?

— Вот: «Четыре желания». По-моему, тоже вранье.

Это была знаменитая притча К. Ушинского.

Для забывших уроки золотого детства привожу ее полностью:

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замерзшей реке, прибежал домой румяный, веселый и говорит отцу: «Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы всё зима была!».

«Запиши твоё желание в мою карманную книжку», — сказал отец. Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пёстрыми бабочками по зелёному лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит: «Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы всё весна была».

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать свое желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене и вечером сказал отцу:

«Вот сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было!» И это желание Мити было записано в ту же книжку.

Наступила осень. В саду собирали плоды — румяные яблоки и жёлтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:

«Осень лучше всех времён года!».

Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил о весне, и о зиме, и о лете.

К. Ушинский

По этой статье и личным вашим воспоминаниям, расскажите, как вы проводите время зимой, весной, летом и осенью? Какие ваши любимые удовольствия?

Я прочел, усмехнулся, и тут же на обороте корешка, набросал свою «притчу»:

«Четыре желания

Была зима. Митя сидел, съежившись, в летнем пальтишке, в папином кабинете и говорил:

— Чтоб она пропала, эта зима. Третий день как дров нельзя достать. Чтоб она провалилась, эта проклятая зима.

— Запишем это желание, — сказал отец.

Пришла весна. Калош не было (стоили две тысячи), и Митя промочил ноги. Сидел с насморком и ворчал:

— Ну, и времечко!.. Чтоб она пропала, эта весна.

— Запишем, — сказал отец.

Настало лето. Большевики захватили тот город, где жил Митя, и пошло тут такое, что Митя, сидя с папой в подвале за бочкой с гнилой капустой, говорил:

— Ну, и лето же! Чтоб оно пропало.

— Запишем, — зловеще сказал отец.

Наступила осень. Фрукты хоть и были, но не такие как надо, а калош и совсем не было. Папа продал пианино и два костюма, а Митя ходил за ним по пятам и говорил:

— Ну, и осень: чтоб она пропала!

— Чтоб ты сам пропал, паршивый мальчишка!! — воскликнул отец. — Видали вы такого мальчика? Вечно он недоволен!

Схватил Митю и выпорол его так, что аж чертям было тошно».

* * *

— Этот рассказ тебе нравится? — спросил я своего юного приятеля.

— Знаешь, что? Напиши так целую хрестоматию! Вот бы здорово!

* * *

Бедные детки...

В хрестоматии у них написано:

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит...

Любите ли вы ласточек? Расскажите, что остановило ваше внимание, когда вы шли в школу?..

Ах, если бы школьник мог теперь, действительно, рассказать что остановило его внимание...

Три недели тому назад два школьника, идя в школу, увидели на базарной площади около дома бывш. Вульфа (дом, где я как раз провел все свое детство) — увидели на телеграфном столбе повешенного бандита Василенко.

Остановились школьники, задрали свои носишки, выпятили животишки и принялись со вниманием разглядывать этот спелый плод.

— Вот здорово: смотри, какой желтый. Отчего это!

— Чего — отчего?

— Да желтый.

— Это в него желчь из печенки разлилась...

— Вот дурак: печенка ведь у него в животе, а веревка на горле.

Они долго вели этот принципиальный медицинский спор, потом дружно засвистали и помчались в школу.

А там, наверное, учитель ходил между партами и снисходительно выслушивал декламацию:

Простой цветочек дикий
Попал в один пучок с гвоздикой,

И что же — от нее душистым стал и сам...

— Дети, видели ли вы полевые цветы? Любите ли вы гвоздику? Что остановило ваше внимание, когда вы шли в школу? Ну-ка, ты, Петров Игнатий?..

— Мое внимание остановили цветочки... Они росли на земле.

— В январе-то? Ну, что ты врешь, Петров! Говори, не выдумывая, говори правду!

Молчит Петров Игнатий.

Детская деликатность мешает ему сказать, что самое любопытное из всего виденного сегодня — человек с желтым лицом, висящий посреди улицы на тонкой веревке.

* * *

Хорошие детки у нас растут, дай им Бог здоровьица!

РАССЫПАННЫЕ БУСЫ

Разговор по душам:

— Здравствуй! Ну, как поживаешь?

— Ничего. Недавно выкинул одну такую штучку, что попал под домашний арест.

— Чего ж ты по улицам расхаживаешь?

— Да у меня номер реквизировали в тот же день, как посадили под домашний арест. Где ж я буду сидеть, если у меня дома нет? Вот и хожу. Ну, а у тебя что?

— За спекуляцию приговорили к высылке за пределы Крыма в 24 часа!..

— Чего ж ты тут?

— А, видишь ли, по другому делу с меня взяли подписку о невыезде. И выслать меня нельзя и оставить нельзя...

— Н-да-с... Запутанное теперь время.

* * *

Беженцы.

— Вы говорите, у вас белье украли. Но какое белье?

— Не знаю, как вам и назвать его, господин пристав... Если это столовое белье, так не похоже: две наволочки и простыня... А если постельное, то тоже не подходит: вместо постели на столе сплю. Проще всего пишите: нижнее белье. Днем я эту простыню и наволочки от холода под жилет наматывал.

* * *

Наш книжный рынок.

В книжный магазин заходит господин.

Он долго роется по карманам, перебирает какие-то записки, наконец, находит нужную.

Глядит в нее.

— А, вот! Дайте мне Шопенгауэра.

Приказчик равнодушно смотрит на покупателя, потом лениво зевает:

— Нету Шопенгауэра. Шпильгаген есть.

Покупатель нерешительно топчется, потом покорно вздыхает.

— Ну, давайте.

* * *

— Работу, господин, мы всю сделали. На водку бы с вас.

— Нет, я вам лучше на чай дам.

— Да какая разница?

— Огромная. Бутылка водки стоит восемьсот рублей, а пара чаю — пятьдесят...

* * *

Мания величия.

Под кустом сидят два зайца.

Один открывает рот и вдруг начинает хрипеть.

— Что с тобой?

— Это я рычать учусь.

— Зачем тебе?

— Ты разве не знаешь? На базаре за зайца тысячу рублей просят. Наверное, все меня за быка принимают.

ЭСКИМОСЫ

Из одного учебника географии:

«...Эскимосами называется народ, живущий на крайнем севере. Эскимосы невежественны, грязны и ленивы. Питаются они исключительно мерзлой тухлой рыбой, а если ее нет — едят, что попало. Одеваются в несколько шкур, которые не снимают всю жизнь».

* * *

Однажды молодому эскимосу пытались объяснить, что такое баня.

— Я не знаю, что такое баня, — простодушно сознался эскимос.

— Ну, слушайте! Я вам объясню. Это такой дом... Прежде всего подходите вы к окошечку и покупаете такой маленький четырехугольный билетик...

— Какого цвета? — спросил обстоятельный эскимос.

— Это не важно, какого. Бывает желтый, красный, голубой...

— А, теперь понимаю! Я покупаю этот красивый билетик, иду домой и наклеиваю его на крышку моего сундука!

— Да ничего подобного! Вы входите в теплое помещение и отдаете этот билетик человеку...

— Ну, вот купил — и сейчас же отдавать. Жалко...

— Отдаете билетик и начинаете снимать с себя шкуры...

— Фи! Как не стыдно говорить вам такие вещи! Слушайте: а в шкурах нельзя?

— Нельзя! Потом, раздевшись, вы входите в еще более теплое помещение, берете шайку...

— Из скольких человек?

— Чего — из скольких?

— Да шайку-то...

— Идиот! Берет вы такое ведерце и наливаете в него горячей воды...

— А, понимаю! Потом бросаю в эту воду щепотку кирпичного чаю и пью...

— Чтоб вас на том свете так бросило! Слушайте: потом вы берете мочалку, кусок мыла...

— Мочалку не надо.

— Почему?

— Мыло я могу съесть, а кто же ест мочалку?

Рассказывают, что человек, объяснявший эскимосу начатки гигиены, не мог больше выдержать: схватил ведро горячей воды, стоявшее подле, и вылил его эскимосу за шиворот.

Эта наглядная иллюстрация объяснила эскимосу больше, чем целый час разговора о бане...

* * *

А теперь перенесемся в прекрасную Францию...

Некий избалованный парижанин, приехав по делам в Лион, решил купить там автомобиль.

В гараже ему показали на выбор несколько штук, причем хозяин гаража, расхваливая свой товар, сказал:

— О, сударь! Это такие замечательные, быстроходные машины, что если вы, купив одну из них, сядете сейчас на нее и отправитесь в Париж, то в Париже вы будете завтра в 7 часов утра!

Парижанин поморщился и пробормотал:

— Нет, этой машины я не возьму.

— О, сударь, почему?!

— Так, не подходит.

— Ну объясните причину!

— Ну, посудите сами: что я буду делать в Париже в 7 часов утра?

* * *

Существует такая анекдотическая помесь — лягушки с осетром.

Такую же противоестественную помесь эскимоса с элегантным парижанином являет сейчас русский тыловой гражданин.

В городе, где нет кафешантана, он чувствует себя сиротой без папы и мамы, но попробуйте втолковать ему, что такое патриотизм, что такое любовь к родине.

— Эй, молодой человек? Куда вы идете?

— Так себе... гуляю для аппетита. А что?

— Скажите, у вас есть любовь к родине?

— Нет, у меня была любовь к «Ниве».

— Что за чушь! Я вас не понимаю...

— Видите ли, «Родина» вообще была неважным журналом. И, кроме того, приложения...

— Да вы знаете, что такое родина?

— Ах, я вижу, ошибся. Пьеса такая есть Зудермана...

— Видите ли... Я вам объясню, что такое родина. Родина — это та страна, где вы родились...

— Да я не в стране родился.

— А где же?

— В Курске. Город такой.

— Ну, да. А Курск-то где находится? В России! Значит, ваша родина — Россия.

— А, пожалуй, это и верно, — задумчиво говорит молодой эскимос.

— Итак, родиной называется та страна, в которой вы родились, в которой протекло ваше детство, юность, где все полно воспоминаниями о ваших первых шагах, маленьких огорчениях, детских шалостях.

— Да я не шалил. Я был тихий.

— Ну, это не важно... И вот эту-то страну — вашу родину, вы должны любить.

— Да ведь она сейчас у большевиков, чего же ее любить?

— Вот именно потому, что она у большевиков! Ее нужно освободить, отмыть от этой грязи...

— Да не мешало бы.

— А как же это сделать?

— Знаю! Попросить Германию, чтобы она...

— Ничего не Германию! Вот, скажем, большевики сейчас наступают на Перекоп... Что же делаете вы? Первым делом, берете вы в руки...

— А, понимаю. Беру в руки заграничный паспорт, чемодан...

— Первым делом берете вы в руки оружие...

— Надо же иметь разрешение...

— На что?

— На ношение оружия.

— Не надо! Вы берете ружье и идете на фронт.

— Что вы! Мне нельзя. У меня порок сердца!

— Хорошо-с. Если вы не врете — то оставайтесь здесь. Вы можете принести пользу родине другим способом... У вас есть деньги?

— Ну, какие мои деньги — четыре-пять миллионов да обчелся.

— Этого достаточно! На часть этих денег вы покупаете полотно для белья, медикаментов...

— Стойте! Теперь я вас понял. Можете не продолжать!... Покупаю я полотно, медикаменты и выдерживаю месяца два... а потом, когда цена на все это поднимется...

— Вас за это повесят!

— Ну, вот видите... Что же можно тут делать русскому человеку на этом клочке земли, где нет даже приличного отеля с горячей водой, а за коммерцию вешают. Нет, лучше уж чемодан в руки да и того...

С таким человеком, как и с эскимосом, разговаривать не стоит.

Чтобы он понял, «что такое баня» — нужно схватить его за шиворот, дать затрещину и, поставив к стенке, взвести на него револьвер.

— Отдавай деньги для России, мерзавец! Или тут тебе и конец.

И только тогда поймет он, что такое любовь к родине, когда на своей шкуре почувствует кипяток.

А вообще — какие могут быть задушевные разговоры с эскимосом?

СТРАНА МОШЕННИКОВ

Недавно, в холодную, прозрачную зимнюю ночь мне приснился сон, который можно было бы назвать четырьмя словами:

— Полчаса в стране мошенников.

Это была удивительная страна.

Жители в ней не работали, не торговали, не правили, а только воровали.

Там были гимназии, но они назывались «Академия воровства». Детей учили только одному предмету: искусству потихоньку залезть в карман ближнего.

Там были театры, но пьесы ставились только для виду. Главное же было, что во время действия зрители лазали друг к другу в карманы.

Там были административные учреждения, вся деятельность которых заключалась в том, что администраторы брали взятки. Впрочем, вороватые просители тут же извлекали потихоньку из карманов администраторов взятое ими — и все были наружно довольны.

Жители этой страны отличались удивительной набожностью и часто посещали церковь, потому что ни одно место не представляло столько удобств — срезать потихоньку ножом подметку у коленопреклоненного, занятого в это время опустошением карманов у стоящего впереди его...

При встрече вместо «здравствуйте» — говорили:

— Много наворовали?

— Где там! — с досадой вздыхал спрошенный. — У всех карманы пустые. Что это у вас будто галстук развязался? Позвольте, поправлю.

— Не стоит, Иван Иваныч, все равно вытащили бумажник 5 минут тому назад. Что это у вас, как будто пиджак в пыли? Почищу...

— Не трудитесь! Сын Володька еще с утра обчистил так, что на трамвай не осталось.

Так как никто в той стране не работал, а только воровал, то жить делалось все трудней и трудней.

Экономисты объясняли это тем, что публика просто разучилась воровать как следует, и поэтому стены запестрели афишами о лекциях:

«Научные основы воровства».

«Искусство украсть из несгораемого шкафа».

«Искусство обокрасть самого себя».

А народ все беднел и беднел.

Так как воровать друг у друга было почти нечего, то дошло до того, что некоторые делались даже честными!

А когда казначей тамошнего государственного банка, уходя домой, не запер двери, потому что украсть из банка было нечего — это было так ужасно, что я испугался и проснулся.

Не спалось больше... Встал, оделся и пошел на рынок: нужен был сахар.

— Почем фунт?

— 240.

— Почему так дорого?

— Потому что яйца вздорожали: я за яйца плачу 300 рублей десяток.

— А яйца почему так дороги?

— Торговка яйцами жаловалась, что за рыбу платит по 100 рублей фунт.

— Чего ж это рыбаки так дерут?

— Говорят, потому что сахар подорожал.

Это была круговая порука мошенников: всякий воровал у каждого и, будучи тут же обворован сам, принимался воровать дальше с тройным усердием.

Каждый втайне очень гордился, что за вещь, стоящую 100 рублей, сдирал 300, но тут же у него сдирали за десятирублевую вещь 400 — и он, воспаленный, жаждущий, драл 500.

Все, все кругом были жаждущие, но как-то странно: все утоляли жажду морской водой, и чем больше они пили, тем сильнее воспалялся изъеденный солью желудок.

Была сначала легкая жажда: пили по стакану...

Стакан морской воды призывал в желудок бутылку, бутылка — ведро, ведро — бочку.

У всех карманы оттопыриваются, как переполненный желудок, но эти пачки денег стоят меньше, чем прежняя скромная десятирублевка...

Мошенники утоляют жажду морской водой...

* * *

Вы заметили?

Сначала исчезли из обихода марки в 10, 15, 20 копеек.

Потом купоны: в 1 р. 25 коп., 2 р., 2 р. 50 коп.

Потом трехрублевки.

Теперь самая мелкая монета, вроде гривенника — десятирублевка...

А я, заброшенный в эту удивительную страну жаждущих мошенников, тихо сижу за своим письменным столом и, хитро усмехаясь, злорадно жду, когда исчезнут постепенно, как отягощающая карман мелочь, — сторублевки, пятисотрублевки и, наконец, — тысячерублевки...

Может быть, тогда мошенники, которым уже незачем будет воровать друг у друга эти тяжелые ненужные пачки бумажек — одумаются и начнут честно работать вместо бесплодного обшаривания друг у друга карманов, наполненных не полновесными деньгами, а горькой морской солью.

МЕНЬШОЙ БРАТ

Со времени Деяний Апостольских самыми бедными и скромными людьми на свете считались рыбаки — не потому ли Иисус Христос и искал себе учеников, главным образом, среди рыбаков?

Апостолы были очень бедны и беднейшие из них были:

— Рыбаки.

До того были бедны, что ходили только пешком...

И даже латинское выражение такое приобрело право гражданства:

— Per pedes Apostolorum...

Что значит в вольном переводе:

«По образу пешего хождения».

Даже по тем блаженным дешевым временам не на что было человеку осла купить.

Нынешние рыбаки совсем другие, и ослов, на которых они ездят, — сколько угодно.

* * *

Балаклавская жанровая сценка:

У берега балаклавской бухты колышутся несколько рыбачьих лодок.

Это — утренний улов: на дне каждой лодки пуда по четыре рыбы.

Лихой рыбачок, заложив шапку на ухо, лениво нежится, колыхаясь вместе с лодкой на еле заметной волне укромной бухты.

На берегу толпятся покупатели. Оптовики.

— Землячок! Сколько тебе за рыбу?

— Четырнадцать.

— А тут сколько будет?

— Пуда четыре.

— А, может, больше?

— Может, и больше.

— А, может, и меньше?

— Может, и меньше.

— Так как же ты так говоришь: четырнадцать? Почему такая цена?

Рыбак сплевывает тонкую шикарную струю слюны в тихую воду и вяло говорит:

— А это — чье счастье: больше четырех пудов — твое счастье, меньше — мое.

— Нет, я так не могу. Ведь этак можно взять в убыток.

— Не надо. Спешить некуда.

Вынимает кисет. Не спеша, со вкусом скручивает папироску.

— Гей, на лодке! Возьми десять!

— Нема.

— Ну, одиннадцать! Больше все равно никто не даст!

— Нема, нема.

— Ну, двенадцать! Накажи меня Бог, больше не дам!

— И не давай. Разве я говорю, чтоб ты давал? Ты не давай. Другой даст.

— Вот черт свинячий!.. Да почему ж именно четырнадцать?

— Так уж я положил. Не хочешь — подожду. Мы, брат, подождем.

И, в виде иллюстрации своего спокойствия и уверенности в себе, начищает спокойно, аккуратно и тщательно переобувает сапоги.

Долго переобувает. Уверен в себе.

А на берегу, как рыба, попавшая в сеть, бешено мечется оптовик. Ему и хочется, и колется: и жадность грызет, и боязнь потерять — пугает.

— А, чтоб ты лопнул! И что это, ей-Богу, за народ за такой пошел — эти рыбаки! Ну, давай за четырнадцать — подавись!

— А если будешь такие слова — так я и шестнадцать скажу. Понял? — с ленивой вялой угрозой бормочет рыбак, притягиваясь к берегу.

Я спрашиваю у покупщика:

— Почем же вы будете продавать, если здесь четыре пуда?

— Так вот вы и считайте, — с досадой ревет покупщик. — Если себе обходится по 87 целковых фунт, то сколько же взять? Меньше ж как по 110-ти — нельзя?

Итак, заработок торговца за два часа торговли — 3½ тысячи.

После обеда проходил я мимо балаклавской аптеки. Смотрю — у дверей живописная группа: пара взмыленных лошадей, в экипаже извозчик и седок — чрезвычайно знакомое лицо!..

Ба! Да этой мой утренний знакомец — рыбак, продавший утренний улов за 14 тысяч.

Он вышел из аптеки и на безмолвный вопрос извозчика махнул рукой:

— Не меняют тысячи — хоть ты лопни. В третьем месте не хочут.

Он почесал затылок и энергично махнул рукой.

— Да черт с ним!.. Бери тысячу.

— Да где ж я тебе возьму 400 сдачи?

— Не надо. Это тебе на чай.

Сам щедрый Фукэ, галантный министр Людовика XIV, не мог сказать этой фразы с большей небрежностью.

Но извозчик отнесся к новому Фукэ безо всякого благоговения.

— Видали вы такую сволочь, — общительно подмигнул он мне — единственному свидетелю этой сцены. — По четы-

реста рублей на чай уже дают. И где они только эти деньги берут? Ну, ты — франт! Домой уж поедем, что ли? Садись.

И эта странная парочка укатила: два моих меньших брата, каждый из которых смело мог бы содержать меня, как тот же Фукэ своего придворного поэта Лафонтена.

* * *

Вообще, все теперь пошло шиворот-навыворот.

Меньшой брат зарабатывает в десять раз больше старшего брата, а старший брат грустно стоит поодаль и чувствует всеми свои фибрами, как меньшой брат лениво презирает его.

Надо сознаться, что раньше, когда меньшой брат был в удалении, — старшой брат умственно, мысленно стоял перед ним на коленях, бил ему поклоны и молился.

— Простишь ли ты меня, что я утопаю в роскоши, что я нынче купил пианино, а у тебя в это время есть только на кусок хлеба с мясом да на бутылку водки... О, сколь я пред тобой виноват!.. Простишь ли ты мен, что в то время, как ты хлебал свои щи с кашей, — я ел у Контана котлетку Мари-Луиз соус-субиз.

Спросил я одного сапожного мастера:

— Сколько вы зарабатываете?

— Тысячи две.

— Отчего так много?

— Да ежели я на базар тысячу посылаю: посчитайте, сколько сейчас берут за гуся, за коровье масло, за свинину!..

Он ест гуся.

Чистильщик сапог зарабатывает в месяц 25 тысяч. И он ест гуся.

Портновский подмастерье зарабатывает очень плохо — лениво работая, тысяч 20. И он ест гуся.

Кто сейчас может есть сливочное масло?

Меньшой брат: дамский парикмахер, папиросник, сапожник, продавец лимонада в киоске — и никто из них, обдирая старшого брата, не чувствует себя перед старшим братом неловко.

Старший библиотекарь лучшей севастопольской библиотеки получает в месяц 2400 рублей, а мальчишка у бульвара, начищающий сапоги, — 24000.

Сторож библиотеки получает в два раза больше старшего библиотекаря*.

* * *

Где же выход?

Выход единственный: ученые, инженеры, педагоги, журналисты, актеры и библиотекари — все на улицу!

Начищайте сапоги прохожим, ловите рыбу, стирайте белье, шейте ботинки, продавайте папиросы, завивайте дам, возите в ручных тележках дрова — и вы увидите: все сразу сделается лучше, дешевле и честнее.

Боритесь, не давайте, чтобы вас слопали без остатка — даже бык, которого ведут на бойню — упирается.

А ведь в этом случае, если вас меньшой брат слопает, и пользы-то для него никакой не будет...

Ибо если библейские тощие коровы, слопав жирных, сами не пополнели, то тем более не будет никому профита, если жирные коровы слопают тощих.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ГАЗЕТЫ
(Объявления 1920 г.)

* * *

За светлую комнату с отдельным ходом могу зарезать человека.

Покупаю винные бутылки, если в них налито вино или коньяк.

* * *

Утеряно по дороге Нахимовск.<ий проспект> — Больш.<ая> Морская полфунта ореховой халвы. *Нашедшему вознагражд.<ение> — 100 р. За укрывательство* буду преследовать.

Директор Волжско-Камск.<ого> ком.<мерческого> банка — чинит мужскую и дамскую обувь.

---

* Сейчас только мне сообщили, что сторож этой библиотеки потребовал и получил прибавку 7000 при готовой квартире, т.е. он получает в четыре раза больше библиотекаря — *Примечание Арк. Аверченко.*

* * *

Кухарка за повара вышла замуж и отправляется на собств.<енной> яхте путешествовать по Средиземн.<ому> морю.

* * *

Сытно и дешево жилось раньше.

* * *

Плачу больше других горькими слезами, благодаря большевикам.

* * *

Усыновлю малолетнего петуха или фунта три баранины.

* * *

Точно предсказываю будущее людям, приговоренным к повешению.

* * *

Небольшой участок предлагаю пьяным, шатающимся по Нахимовскому.

* * *

Обед из 2-х блюд на масле за 20 руб. хорошо бы съесть, да только где его найдешь?

* * *

Сдаю города по первому требованию.

* * *

Из кожи лезу вон, чтобы уехать за границу.

* * *

Рояль Мюльбаха, хорошо звучащий, мягкого тона *продаю* для топки кухонной печи.

Выгоднее, чем дрова.

* * *

Хожу на дом и ем все, что придется, пока не выгонят.

* * *

Опытный счетовод голодает сейчас так же, как и неопытный.

* * *

Готовлю детей в каторжные работы.
Преподаватель пролеткульт.<овской> школы

* * *

Сухая светлая квартира была у меня четыре года тому назад...
Интересующимся могу сообщить подробности письменно.

* * *

Несгораемые спички можно купить на каждом табачном лотке.

* * *

Для верховой езды куплю лошадь.
Если нет целой, то возьму фунтов пять.

Вырезал из газеты
Ave.

ТОВАРООБМЕН

Решив в принципе товарообмен Англии с Совдепией, Ллойд Джордж как человек деловой и серьезный энергично принялся проводить этот проект в жизнь.

Сначала он решил повидать советского представителя Литвинова, и это свидание произвело на английского премьера самое выгодное впечатление.

— Помилуйте, — говорил он потом. — О большевиках говорили такие ужасы, что я, правду сказать, немного опасался... Но ничего подобного: очень милый, вежливый человек. Пожал мне руку, не кричал, не ругался; даже ни разу не выстрелил. Понимает толк в сигарах. Вообще, я вижу, товарообмен с Англией их окончательно облагородит.

Разговор между премьером и Литвиновым был приблизительно такой:

— Так вы нам присылайте разные там товары, — сказал Литвинов. — Мы их примем.

— Но в обмен на ваше сырье, — дипломатично заметил Ллойд Джордж.

— Что ж, можно и сырье. А если даже захотите, сделаем и уступку: уже в готовом, жареном виде отдадим.

— Нет, зачем же... Мы уж лучше сами. Обработаем, но вот в чем вопрос: дойдет ли наш товар до ваших кооперативов?

— А почему бы ему не дойти?

— Мне говорили, что у вас того... Власть на местах. Может забрать себе весь наш товар.

— А мы ее за это в «штаб Духонина» пошлем.

— Виноват, я не совсем знаком с вашей военной организацией. А предположим, что штатские заберут?..

— А мы их «в расход» выведем.

— То есть товар в расход выведете?

— Нет, захватчиков.

— Странно. Никогда не слыхал такой бухгалтерской операции. Впрочем, вам виднее. Значит, вы нам — лен, шерсть и хлеб?

— Да уж там, что придется. Это неважно. Вы только своих товаров побольше гоните. А уж мы, как говорится: и сырьем, и пареным, и жареным...

— Скажите, а население охотно отдаст через вас свое сырье?

— На мушку возьмем — отдадут.

— Я вас не совсем понимаю.

— И не надо. Досвиданьица.

* * *

И товарообмен закипел.

— Послушайте, — заметил однажды флегматичный англичанин советскому представителю, — где же ваш хлеб

и сырье? Мы уже три недели как послали вам целый товарный состав, груженный материей, консервами и прочим. А от вас до сих пор ни одного пуда...

— О, будьте покойны, все сделано: мы расстреляли 18 человек, а Петька Свищ, Семипядевский комиссар — даже повешен. Мы им покажем, чертям свинячьим!

— Да что они сделали?

— Помилуйте: весь посланный для вас хлеб на станции Семипядевке отцепили и развезли по домам. А лен просто сожгли. Если хотите, у нас еще 24 человека по этому делу сидят. Можем и их развесить. А хотите, вы их выведите в расход.

— Да что вы с вашим расходом лезете! Нам товар нужен, а не расход.

— Да-с. Товару нет.

— Так какой же это товарообмен? Это товарообман.

— А вы потише, знаете ли, империалисты, а туда же.

— Тогда пусть ваши кооперативы вернут наш товар.

— Чего вы волнуетесь? Вы не получили ихнего товара, но ведь они и вашего не получили.

— Как так?!

— На станции Самозвановка Гришка Отруби Хвост со своей командой перехватил. Впрочем, мы по этому делу 34 человека сожгли, а Гришку вниз головой повесили... Можно сказать, с авангардом мировой революции из-за вас так обошлись.

— А наш товар?!

— Одни пустые консервные коробки остались. Хотите — вернем. Вроде сырья будет.

— Да ведь вы мошенники!

* * *

А ты что думал? Сырье, говорите? Обрабатывать будете? Нет, брат, мы сами любого англичанина так обработаем, что лучше и не надо. Мы, товарищ, всей Европе покажем, какое мы сырье!

КОЛЬЦО В НОЗДРЕ

Отрывок из Жюля Верна:

...Путешественники ввели свой корабль в уютную, хорошо защищенную бухточку этого дикого острова, и спустили шлюпку.

Сейчас же на берег высыпали группы чернокожих туземцев, радостными телодвижениями приветствуя прибывших.

Капитан корабля за дюжину бутылок дешевого дрянного рома, за грошовые бусы и несколько аршин яркого разноцветного кумача — купил полное расположение туземцев.

* * *

Жюль Верн был большой провидец: это он описал прибытие в Крым английского корабля в недалеком будущем.

Не надо закрывать глаза на правду: мы дичаем не по дням, а по часам, и скоро новые Куки, Магелланы и Ван-дименты будут «открывать» нас.

Как мы раньше одевались — помните?

Чудесное, неизносимое английское сукно, роскошный лионский бархат, нежный, воздушный шелк, тонкое голландское полотно, изумительных рисунков — саратовская сарпинка...

Теперь мы наполовину, как чернокожие, ходим голые, а наполовину... Да пройдитесь вы по Нахимовскому, поглядите в витрины магазинов — каких веселеньких «ситчиков» понавезли для нас культурные иностранцы.

Очевидно, на Гонолулу и Маркизовых островах туземцы уже выросли из этого, уже перестали носить то, во что предстоит облечься нам... По зеленому полю огромные красные с желтым букеты, розовый фон, испещренный изумрудными ромбиками величиной в ладонь, черные полосы по желтому полю, как на куртках каледонских каторжников — вот «дернье кри» предстоящего сезона.

Да, впрочем, чего там и церемониться: ведь туземца можно завоевать тремя аршинами яркого кумача.

* * *

Что мы пили — и что мы пьем?

И в голове уже блекнет и выцветает даже воспоминание о темно-золотистом хересе, об искристом, будто пронизанном солнцем Шампаньи шипучем вине, об ароматных, тягучих ликерах, о нежном абрикатине, о жгучем Джинджере. Даже о нашей простой русской водке, об этой заколдованной живой воде Ивана Царевича — накрепко, начисто забыли мы...

Что пьют нынче туземцы?

«Огненная вода» греческого изделия, пахнущая туалетным мылом, или еще хуже — мутный спирт пополам с бензином — помилуйте, да ведь дурной ром нашего коллеги туземца Сандвичевых островов и тот лучше!

* * *

Что мы читаем?

Недавно один туземец при мне в книжном магазине спросил:

— Книгу потолще.

— Что же именно? — добивался приказчик.

— Да это не важно. Лишь бы на дольше хватило.

— Все-таки я же должен знать ваш вкус!

— Мопассан у вас есть?

— Нет.

— А Диккенс, а Гюго, а Куприн, а Шмелев — есть?

— Нет.

— Ну, так чего же вы голову морочите? И давайте, что есть, только потолще.

Бедняга! Когда и эти «книги потолще» исчезнут с прилавка, он будет отдирать от стен для чтения театральные афиши, приказы о мобилизации и кончит обертками от табака и клочками старых журналов, которыми оклеиваются зимние рамы.

Правда, сейчас еще сносно: в табачных киосках кое-где продаются номера «Огонька» за 1912 год, разрозненные номера «Нивы» с описанием коронования на царство Николая II, но скоро и это все будет поглощено ненасытным читателем...

И тогда?..

Повесит себе туземец к ушам вместо серег две пустых коробки от консервов, обвешает бедра приказами о сани-

тарном благоустройстве, нанизанными на веревку в виде юбочки, и, взяв в руки бутылку коньяка «Метакса», пойдет на Графскую пристань «выделывать радостные телодвижения», приветствуя корабль прибывших с бусами, кумачом, дрянным ромом и охотничьими ружьями — европейцев.

Откроют нас эти Колумбы снова, спустят на берег миссионеров, и примутся те строить миссии и обращать нас в христианство.

Конечно, очень мы тогда будем унижены, но все-таки у многих из нас несмотря ни на что будет радостное и гордое чувство что:

— Русский пролетариат свято сохранил все завоевания февральской и октябрьской революции...

ДВУНОГОЕ БЕЗ ПЕРЬЕВ

> Мама, мама, что мы будем делать,
> когда наступят зимние холода.
>
> Новый русский гимн

Философ Платон на вопрос

— Что такое человек?

Определил человека так:

— «Двуногое без перьев».

Тогда другой философ, конкурент Платона, поймал петуха, ощипал его и пустил гулять, сказав:

— Смотрите: вот человек по Платону!

Нас так ощипали за последнее время, что мы очень сильно стали смахивать на «человека по Платону» — голого петуха.

Однако у меня лично — кое-какие перья все-таки оставались... Например, то перо, которым я пишу.

Это меня делало гордым, я кичился перед другими своей пернатостью и важно расхаживал наподобие индейского петуха.

Теперь — скоро конец.

На днях перестаю писать совсем.

Доконали.

И не цензура тут виновата, не паралич руки, не затмение мозга.

Просто из меня вырвали последнее перо.

То, которым я писал.

Физически не могу писать: в городе нет перьев. Ни в одном магазине.

Мы можем гордиться: это, вероятно, первый случай в мировой литературе, чтобы писатель перестал писать по такой причине:

— Нет перьев.

Скажи мне это кто-нибудь лет пять тому назад — у меня бы глаза из орбит вышли от удивления...

Есть такой еврейский анекдот:

— Абрамович, дайте папироску.

— Вы моих курить не будете.

— Что они, очень крепкие?

— Нет, но вы их курить не будете.

— Очень слабые?

— Нет. Но курить вы их не будете.

— Почему же?

— Я вам не дам.

Очень просто.

Так и тут:

— Аверченко, вы писать не будете.

— Почему? Цензура запретит?

— Нет, но писать вы не будете.

— Паралич разобьет?

— Тоже нет. А писать вы не будете.

— Почему же, черт возьми?!

— Перьев не будет.

* * *

Что же мне теперь делать?

Карандашом писать нельзя по техническим причинам: набор делается вечером, а написанное карандашом блестит и сливается при электричестве, поэтому наборщики не могут набирать.

Сижу я теперь — двуногое без перьев — и думаю горькую думушку...

Гусиное перо? Где там! За гуся просят 2½ тысячи, и то за ощипанного.

Надену-ка я пальто, шляпу и отправлюсь-ка я прямо в типографию...

— Здравствуйте, Петров.

— Доброго здоровья, Аркадий Тимофеич...

— Вы набирали мои фельетоны?

— Я. Давно уже вы ничего не давали.

— Перьев нет, голубчик Петров.

— А вы диктуйте. Я и под диктовку наберу.

— А ведь это мысль. Вот я тут присяду. Вы курите? Спасибо, у меня зажигалка. Ну, набирайте...

Закуриваем. Затягиваюсь я папиросой и говорю задумчиво:

— «Антанта твердо заявляет, что она придет на помощь России в борьбе с разрухой и большевизмом...».

— Позвольте, — перебивает Петров. — Да ведь я месяца два тому назад уже набирал это!

— Нет. Вы набирали, что она просто обещала прийти на помощь. А теперь она твердо обещает.

— Твердо? Ну, твердо, так твердо. Мне что.

Тихо в типографии...

Только и слышен мой голос да еле уловимый стук свинцовых литер, укладывающихся одна к другой, одна к другой.

А дома мой письменный стол, как застоявшийся конь, на котором давно не ездили, недоумевающе косит отверстием для ключа и нетерпеливо скребет пол толстой ногой.

Отдыхай, старый дружище!

* * *

А месяца через два приду я в типографию и увижу праздных наборщиков, уныло бродящих между дремлющих машин.

— Что ж это вы, голубчики? Петров, я буду диктовать...

— Не стоит, Аркадий Тимофеич. Все равно набранное печатать не на чем. Бумага вся кончилась.

— Послушайте... А, может быть, на кирпичах что-нибудь можно... выцарапывать. Знаете, как в древности?

— Что вы! Одна кирпичина теперь сто рублей стоит. Много ли на ней упишешь?

— Тогда вот что. Я вам продиктую свой фельетон, а вы его постарайтесь запомнить. Потом возьмите в конторе адреса подписчиков и обойдите их. Сообщите им все радио,

сводки, хронику и продекламируйте мой фельетон. Что получите — поделим пополам.

* * *

— Мама! Там наборщик из газеты пришел.

— Что ему нужно?

— Говорит: новости расскажет и фельетон Аверченко прочтет.

— Проси его. Здравствуйте. Садитесь. Стаканчик чайку можно вам! Ну, что новенького?

— Кхм! «Антанта заявляет совершенно категорически и настойчиво, что она поможет России в борьбе с разрухой и большевизмом...».

— Да ведь это уже было! Месяц тому назад!

— Виноват, мадам! Тогда было, что Антанта заявила просто категорически, а теперь она заявляет «совершенно категорически и настойчиво»! Огромная разница.

* * *

Письменный стол покрыт слоем серой пыли... В высохшей чернильнице три высохших мухи... От сломанного кончика пера тянется, тянется к пресс-папье тонкая нить-паутина...

— А что, скажите, товарищи, — нельзя ли где-нибудь достать маленького ребеночка? Я бы его зажарил и съел.

Очень люблю детей.

ЕРАЛАШ

Странное и удивительное время, когда писателю почти не приходится прибегать к помощи фантазии, не приходится выдумывать...

Рыба, вылавливаемая сим опытным ловцом из бурного океана жизни, уже изжарена в океане и из ротика даже торчит кусок лимона...

Положи на блюдо, выдави лимон и кушай.

Все готово и без тебя.

Иногда так хочется прикрасить какой-нибудь факт, так хочется «обработать» его острым, сверкающим ножом худо-

жественного вымысла, но не стоит — жизнь сама украсила, сама обработала.

Мне бы никогда и не пришел в голову тот разговор, который в действительности велся недавно в мастерской сапожника между самим сапожником и зашедшим к нему по делу артистом бывших императорских театров — N.

— Послушайте, дорогой мой, — сказал артист императорских театров. — Я зашел к вам по очень важному делу: скажите, в какой срок можно хорошо научиться шить ботинки?

— А вам зачем?

— Да вот, хочу выучиться, зарабатывать деньги буду.

— Это долго, учиться-то. Не меньше шести месяцев. Будет ли у вас столько времени?.. Вы чем же, вообще, занимаетесь?

— Я артист императорских театров N...

— Да что вы говорите?! Как же, я знаю вас, большой поклонник вашей игры... Я сам иногда... Меня очень тянет к театру. Кстати, послушайте: вы не возьметесь ли учить меня драматическому искусству?

Актер немного опешил:

— Да вам зачем?!

— Для души хочу. Скучно так. И зарабатываю я много, а все скучно. Очень к театру тянет.

— Гм... А мне, знаете ли, скоро есть будет нечего. Вот и хочу по сапожному делу пойти.

— И прекрасно. Вы учите меня, а я вас.

И тут же это странное условие было заключено.

Факт!

Пройдет еще полгода, и все артисты императорских театров будут шить сапоги, а на сцене заиграют сапожники.

* * *

Разговор в аптекарском магазине:

— Слушайте, у вас случайно нет коленкору для подкладки?

— Что вы! У нас же аптекарский магазин. Ботинки продаем, пуговицы, сухое варенье, а коленкором не торгуем. Это вы спросите рядом в гастрономическом магазине.

— Я и спрашивал там. А они говорят: вата есть и принадлежности для упряжи.

— Ну, да. Это в левом от нас. А в правом, тоже гастрономическом, найдете и коленкор, и крепдешин. Это недалеко от нас. Как раз около мануфактурного магазина, где торгуют пирожками с повидлом, напротив обувного, еще там в окне выставлена большая кукла. Еще хозяин магазина — бывший сенатор.

— Как сенатор?!

— А так; он раньше с одной шансонетной певицей комиссионный магазин держал. А потом разошлись: шансонетная певица книжную лавку открыла, камни для зажигалок продает, а сенатор — обувной магазин. Впрочем, он сейчас продает дело одному профессору каллиграфии, и будет возить по Крыму в компании с мыльным фабрикантом известного певца интимных песенок, бывшего директора общества взаимного кредита.

— Вот скажите, вы так хорошо все и всех знаете, посоветуйте мне: кому бы выгоднее всего продать бриллиантовое кольцо?

— Самое лучшее — тут за углом кривой однорукий нищий стоит. Предложите ему — он даст больше, чем в магазинах.

— Как — нищий?

— Вы не удивляйтесь, нужно же как-нибудь жить! Нищенством теперь много ли заработаешь — десять-двенадцать тысяч в месяц... Вот и приходится халтурить на бриллиантах. У вас нет ли случайно пуделя?

— Нет, а что?

— Управляющий имениями князя Долгорукого замечательно пуделей стрижет. Просил рекомендовать.

* * *

Ах, как неприятно опытному безработному повару вытаскивать из океана уже готовую жареную рыбу даже с лимончиком в ротике.

ОБ ОДНОМ БЕСТОЛКОВОМ АНГЛИЧАНИНЕ

Я недоволен.

Как устраивать какую-нибудь забастовку, так профессиональные союзы на первом месте, а как давать по этому делу иностранцам объяснения — так это все я должен.

А что я могу объяснить иностранцам, если я сам ничего не понимаю...

Давеча пристал ко мне один англичанин:

— Почему у вас в будний день все парикмахерские закрыты?

— Забастовка всеобщая.

— Экономическая?

— Нет, траур.

— Траур? Почему же они не работают?

— Потому что траур.

— Ага, понимаю. Траур. А почему не работают?

— Тр-р-р-раур!!

— Вы это уже говорили. А я спрашиваю: почему они не работают?

— Ох, какой вы тяжелый народ — англичане! Я вам русским языком говорю, что не работают, потому что траур. Именно — потому!

— Виноват... Может быть, это слово на русском языке имеет какое-нибудь особенное значение?

— Ничего не особенное. Траур и есть траур. Траур — грусть, печаль, скорбь.

— А разве нельзя и грустить и работать?

— Нельзя. Это вам не надменный Альбион!..

— Позвольте... Значит, ваши рабочие, когда им грустно — не работают. Но недавно им было весело, и они тоже не работали. В день годовщины февральской революции ведь не работали?

— Не работали.

— Значит, когда им грустно, они не работают, и когда им весело, они не работают. Когда же они работают?

— А это, видите ли, когда у них скверное настроение. Как говорится — ни то, ни се. Когда наступает время, как говорят французы, «между волком и собакой».

— А в праздники они работают?

— Тоже вы скажете! Кто же работает в праздники? Уж нельзя и отдохнуть рабочему человеку.

— Я только одного не понимаю, — бестолково заметил англичанин. — Что им за расчет, ничего не делая, пропускать рабочие дни? Ведь им от этого убыток.

— Если бы вы, сэр, были идеалистом — вы бы так не говорили! Странно, сэр! А кроме того они, не работая, все равно получают за это рабочую плату.

— За что?!

— За рабочий день.

— Да они не работали в этот день.

Это была какая-то чугунная голова!.. Все мои доводы, убеждения и разъяснения разбивались об его непоколебимое тупоумие.

Не могу больше! Господин Канторович! Господин Пивоваров! Может быть, вам удастся объяснить этим дубовым мозгам, что такое свободный труд в свободной России!

ОТСЫРЕВШАЯ БОМБА

Попалась мне случайно под руку какая-то умная социалистическая брошюра.

Прочел я в ней:

«...Самое могущественное средство в руках борьбы пролетариата — это всеобщая забастовка.

Средство это обыкновенно производит впечатление разорвавшейся бомбы».

* * *

Призадумался я над этим.

— Так ли оно?

Решил проверить на опыте.

И как раз — надо же быть такому счастливому случаю! — в момент этого моего решения зашел ко мне поболтать один знакомый, типичный и закоренелый буржуй...

«Ошарашу-ка я его», — подумал я. И тут же соврал вслух:

— Слышали новость?

— Ну?

— С завтрашнего дня объявляется *всеобщая забастовка!*

Он взял со стола какую-то книжку, вяло перелистал ее, отбросил, потянулся и спросил:

— Ну?

— Что «ну»? Неужели вы не ощущаете впечатления разорвавшейся бомбы?

— От чего?..

— Да от того, что с завтрашнего дня объявляется всеобщая забастовка!

— Виноват: я не совсем постигаю, в чем же она выразится? Если бы вы мне растолковали это — я, может быть, и того... разорвался бы вместе с бомбой, как вы ожидаете.

Я заметил в словах его больше ленивой вежливости, чем тревоги.

— Смейтесь, смейтесь! Прежде всего при всеобщей забастовке останавливается всякое движение... Первым долгом замирают железные дороги!

— Эко! Да они и до сих пор не особенно ходили. Я, например, уже полгода как не имел возможности ими пользоваться.

— Затем останавливаются трамваи!

— А разве они вообще-то ходили?

— Наконец, бастуют извозчики!

— До сих пор извозчики возили только подвыпивших англичан, французов и тифозных. Мы с вами ни то, ни другое, ни третье — какое нам дело до извозчиков!..

— Прекращается электричество!

— Вот это слава Богу! Наконец-то. А то когда горит наше электричество, у меня такое впечатление, что в комнате умирает залежавшийся тяжело больной, который никак не может умереть, мешая всем окружающим... Умрет — и слава Богу! Все скажут: наконец-то Господь прибрал угасающего покойничка!..

— ... С рынка исчезают все продукты. Население должно будет из-под полы, чтобы не умереть с голоду, покупать предметы первой необходимости, платя за фунт мяса по сто рублей и за фунт сахара по двести!..

— Вот это замечательно! Скажите, где можно достать сахар по двести? Я уже давно плачу по четыреста.

— Наконец, — в исступлении закричал я, — прекращает работу водопровод, водопровод!! Не будет пресной воды, понимаете?!

— Еще бы не понять. Это-то я понимаю. Уж и так, без забастовки, третий день без воды сидим... А ничего — живем!

И, откинувшись на спинку кресла, он хихикнул и посмотрел на меня очень снисходительно.

* * *

Есть такие бомбы, которые — как ты их ни бросай — не взрываются.

Пошипят, пошипят и погаснут.

Отсырели, что ли, в нашем дурацком климате?

FEBRIS ELRANGERIS

Всякую новую болезнь сначала и сам черт не разберет — что она такое, а пройдет некоторое время, и не черт, а самый простой человек, со светлой головой, хлопнет себя по лбу и воскликнет:

— Позвольте! Да это то-то!

Сначала никто не знал, что тяга русского человека за границу — простая болезнь, иногда излечивающаяся простым впрыскиванием антивизина, а теперь один русский, очень образованный, ученый разобрал это все. Кто?

Я.

Заболевание начинается с того, что субъект делается задумчив, с блуждающим взором, молчалив, а если и заговорит, то только о том, что наши дела на фронте очень плохи и что вообще тут больше делать нечего.

Потом на теле появляется сыпь в виде небольшой карты Западной Европы; сыпь разрастается и переходит в небольшую книжечку с портретом заболевшего и целой тучей штемпелей на всех языках мира.

Эта вторая сыпь переходит в морскую болезнь: субъекта тянет к морю, к пароходам, к долгим задушевным разговорам с капитанами.

И когда эти долгие бредовые разговоры достигают пароксизма — больного, как говорится, не стало.

Он отправился в тот мир, где, по его мнению, «несть ни печали, ни воздыханий»...

Эта ужасная болезнь свирепствует последнее время особенно сильно и уносит все больше и больше жертв.

Так как главные признаки этой болезни суть: потеря сознания, сыпь и бред, то, по моему мнению, это — простая разновидность сыпного тифа...

Сходство увеличивается еще и тем, что два раза этой болезнью никто не заболевает.

Случается только возвратный тиф: когда человек, схватившись за голову и кляня всю заграницу — возвращается обратно.

В последнее время таких, переболевших возвратным тифом, — немало. И если бы пароходы из Константинополя, Варны, Констанцы, черта и дьявола заходили бы в Севастополь чаще — возвратно тифозных было бы еще больше!..

Но зато уж возвратные приобретают такой прочный иммунитет, что ты его в какую хочешь антигигиеническую обстановку швырни — не заболеет.

И известная пословица — «Молода, в Саксонии не была» — в его устах звучит совсем иначе: «Стара, брат, в Константинополе побывала!».

Больше не надуешь.

* * *

У всех, заболевающих сыпным тифом отъезда за границу, — два оправдательных мотива:

1). Дороговизна большая, а делать нечего. Работы нет.

и 2). Большевики придут, что тогда?

Первый мотив понятен и заслуживает снисхождения... Действительно, если первоклассные артисты делаются кочегарами, значит — от хорошей жизни не полетишь. Бог с вами... уезжайте, голубчики, — счастливого пути! Если родина вам мачеха — может быть, посторонняя женщина накормит и обогреет сироту...

Что касается второго мотива, то... по этому случаю чрезвычайно уместен один еврейский анекдот.

Заботливая мать говорит маленькому сыну:

— Яша! Вымой шею.

— Ай, отстаньте! С чего это я буду ее мыть?..

— Во-первых, нехорошо, когда шея грязная, а во-вторых, к нам тетя приедет.

— Не хочу!

Приготовили теплую воду, мыло... но тут невинное дитя подняло такой отчаянный протестующий рев, что мороз подирал по коже.

— Ша, скверный мальчишка! Чего ты так разорался?

— Не хочу мыть шею!

— Почему??? Ведь тетя может приехать.

— Да... а вымою шею, а вдруг она не приедет!

* * *

«Тетю» отогнали уже далеко за Перекоп, тетя, может быть, и не приедет, а чистоплотные мальчики так натирают себе мылом шею, что связки трещат.

— Лучше уж, — думает мальчик, — я сам себе намылю шею, чем тетя приедет и намылит...

Не понимаю я тех, которые боятся намыливания тетей только шеи.

Вот когда заботливая тетя веревку для некоторых начнет мылить — это дело десятое.

СТАРАЯ ПОГУДКА НА НОВЫЙ ЛАД

— А у нас блины ноне...
— А к нам солдат пришел...

Гражданин: А у нас повальный грабеж ныне...
Журналист: А к нам цензор пришел!
Гражданин: А у нас страшные злоупотребления в тылу...
Журналист: А к нам цензор пришел!
Гражданин: А у нас спекуляция такая, что волос дыбом!
Журналист: А к нам цензор пришел!
Гражданин: А к нам Орлов пришел!
Журналист: А к нам цензор!
Гражданин: А у нас воды нет!
Журналист: А к нам цензор пришел: нет воды — слезы есть.
Гражданин: А у нас нет ни дров, ни электричества, ни транспорта!

Журналист: А у нас цензор есть!

Гражданин: Если такой развал будет продолжаться — большевики придут!

Журналист: А к нам тогда еще один цензор придет!

Гражданин: А у меня руки опускаются!

Журналист: А у меня наоборот подымаются и за голову хватаются!

Гражданин: А у меня... а у меня... (плачет обиженно).

Впрочем, плачет и журналист.

ВОЛШЕБНАЯ НЕДЕЛЯ

Шемилин умирал.

У изголовья его притаилась серая курносая смерть с косой за плечами, а у ног сидел друг больного — Панченко, с папиросой в зубах и с признаками живейшей скорби на лице...

— Может, доктора еще и врут, — вяло утешал он.

— Нет, где там! Трое сказали: безнадежен! Да и стоит ли вообще говорить обо мне — я человек конченый!.. Ты лучше расскажи о себе, о том, что делается на белом свете. Мне ведь газет читать нельзя: прилив крови к голове... Так ты хоть своими словами расскажи. Есть что-нибудь утешительное?

«Сем-ка я совру ему, — подумал добрый друг Панченко. — Все равно человек умирает, хоть пред смертью его обрадую...».

И сказал вслух:

— Да есть кое-что и утешительное...

— Ну, что ты говоришь? Что же, что именно?!!

— Во-первых, большая победа под Екатеринодаром: кубанцы с донцами опомнились и ударили на большевиков. Разбили два советских полка...

— Мало, — грустно шепнул больной.

— Так ты же слушай, что было дальше: разбили они это, значит, два советских полка, а потом как разлакомились, как пошли крошить, так еще десяти полков как не бывало. Гм... да! Десяти или двенадцати — не помню.

Больной заметно повеселел и взор его просиял.

* * *

На другой день у постели больного снова присутствовали двое: у изголовья серая курносая старуха с косой, у ног — Панченко с папиросой.

— Ну, что нового, рассказывай, — с лихорадочным любопытством спросил больной.

— Прежде всего, как ты себя чувствуешь?

— Очень плохо.

— Гм... Плохо? Ну, новостей я тебе, брат, расскажу миллион. Первое: поляки пропустили восьмидесятитысячную русско-германскую армию и она прошла через Польшу на соединение с Брусиловым.

— Как... с Брусиловым?

— Ах, да! Ты ведь ничего не знаешь! Брусилов стал во главе Красной армии и пошел против поляков, а потом повернул и двинулся на Москву свергать Совнарком...

— Господи... да неужели?

— Да уж верьте совести! Завтра принесу и подробности.

* * *

На третий день Панченко принес и подробности:

— Ну, брат, что только делается, что делается!! Москва взята Брусиловым, комиссары бежали в Тверь, за ними послана погоня. Город почти очищен от латышей и китайцев, все сорок сороков звонят в колокола, благодарственные молебны... Армию встречают с цветами. Урицкий застрелился...

— Постой, да ведь его больше года тому назад застрелили...

— Ну, да брата застрелили... А этот — сам. Он, впрочем, тоже брат... да это не важно. Мужички отовсюду везут провиант. Хлынула масса иностранных кораблей с товарами... Шум, гром, треск!..

Лицо больного сияло, как солнышко.

* * *

На четвертый день у постели больного присутствовали уже не двое, а один: Панченко с папиросой.

Курносая старуха с косой куда-то исчезла.

— Ну, рассказывай же, не томи!

— Чтобы долго тебя не мучить — скажу прямо: Петербург взят.

— Кем? кем?

— Генералом Поликарповым.

— Да откуда же он? Я что-то о таком и не слыхал.

— Как же! Замечательная личность, большой патриот. Пьет, правда, да кто ж нынче из генералов не пьет? Рабочие поднесли ему ключи от города.

— Как ключи? Да разве Петербург запирался?

— Да... они же там ограду сделали что ли, и калитка была... Да, вообще, это не важно. Кстати, поздравь: Троцкого поймали.

— Где?

— На границе России и Швейцарии. Совсем было убег, да его... И Ленина поймали. Плакал, говорят, как ребенок. Все на немцев сваливал. А привезенных товаров прямо девать некуда: гниют.

— Господи! — шептал, благодарно крестясь, больной. — Есть еще Бог на земле!

— Послушай... Только ты доктору не проговорись, что я тебе рассказываю, а то влетит мне.

— Ну, вот: маленький я, что ли?

На другой день, войдя в квартиру Шемилина, Панченко встретил в передней уходящего доктора и шепотом спросил его:

— Кончился?

— Что вы, батенька! Наоборот, ему лучше.

— Быть не может!

— Отчего не может? Всякие чудеса бывают: веселый такой, хорошо выглядит, аппетит появился.

— Что же я теперь буду делать?

— С чем?

— А, ну вас, ей-Богу! Только путаете человека.

И растерянный Панченко прошел прямо к больному.

— Ну — что?! — так и подпрыгнул больной.

— Да ничего, спасибо. С Москвой только неважно.

— А что?!

— Назад ее большевики взяли. Да, впрочем, ты не волнуйся. Это временно... Вот тут в газете сказано. Послушай-ка...

Панченко вынул газету и стал читать:

«Остатки рассеянных банд большевиков снова ворвались в Москву и временно захватили ее. К ликвидации прорыва приняты меры...».

— Ну, теперь им трудно, без вождей-то. Хе-хе...

— Гм... да. Потом вот немножко неприятное сведение, что восьмидесятитысячной армии, пропущенной через Польшу, немецкие солдаты стали ссориться с русскими.

— Помирятся.

— Да... Дал бы Бог. Сомнительно.

Панченко ушел задумчивый.

* * *

На следующий день он пришел еще более задумчивый.

— Чего ты такой... как туча?

— Неприятности за неприятностями. Троцкий убежал.

— А, черт! Как же его выпустили?

— Как выпустили? Как обыкновенно: подпилил решетку да и того... А иностранцы оказались форменные свиньи...

— А что?

— Товары свои назад увозят. Что, говорят, им зря гнить... Потом беспокоит меня, что от Петербурга ключи потерялись...

— Как так?

— Положил их генерал Поликарпов на комод, потом хватился — хвать-похвать, как корова языком слизала. Голову все потеряли, искамши. Не дай-Бог, если они попали в руки большевиков...

* * *

Это было самое последнее свидание и самое тяжелое...

Больной уже сидел в кресле и сразу догадался по лицу вошедшего Панченко, что дела швах.

— Петербург? — тихо спросил он.

— В руках большевиков.

— Москва?

— Тоже. Троцкий снова руководит армией, Ленин снова пишет декреты, китайцы и латыши снова вернулись на свои места. Только одного Урицкого нет. Но, впрочем, Крым укреплен прекрасно, и, я думаю, большевикам его не видать.

— А знаешь, — грустно сказал Шемилин, — доктор мне разрешил с завтрашнего дня читать газеты.

— Ну, что ж... Читай. Теперь это можно.

* * *

И снова потекла, потекла безбрежная, унылая, свинцовая река постылой жизни — без конца в ширину, без меры в длину, и снова замелькали в газетах опостылевшие заголовки: «Продовольственный кризис», «Город без воды», «Вопросы эвакуации»...

Господи, сил! Да когда же этому, наконец, конец будет?!

КРАХ ТОРГОВОГО ДОМА

Мой отец был купцом.

Значит, купеческая кровь рано или поздно должна во мне заговорить...

И вот теперь она заговорила, забурлила, шумно сметая все на своем пути:

— Хочу торговать!

Но я решил не просто торговать: у меня зрела глубокая идея...

Всюду широкой рукой разлилась спекуляция, жажда наживы, сдирание с покупателя шкуры. Позор! Стыд!

Я решил показать всем этим алчным людишкам пример: брать за свой товар действительную его стоимость.

Когда все презренные торгаши увидят мои торговые операции, может быть, что-либо шевельнется в их мохнатом сердце, они устыдятся и начнут постепенно спускать цены на товары.

Мысль у меня, правду сказать, не глупая: сегодня один купец сбросит рубль с фунта своего товара, завтра, заметив это, — другой, а там третий, увидев, что жизнь точно что стала дешевле, спустит у себя три целковых, что, в свою очередь, пришпорит первого и второго.

— Ах, — скажет четвертый, — раз крупа и сахар так подешевели, сем-ка я скину за свою колбасу!

И пойдет, и пойдет...

Лиха беда — начало.

* * *

И вот я стал торговать: купил лоток, на лотке разложил самым аппетитным образом папиросы, газеты, яйца, яблоки, пирожки, и на каждом предмете выставил изящные ярлычки:

«Папиросы 6 коп. десяток».

«Яблоки 8 коп. штука».

«Яйца по 3 коп.».

Газеты и пирожки, как это вообще принято, я объявил по пятачку.

Устроил все и стал ждать покупателей.

* * *

Подошел первый:

— Почем папиросы?

— Десяток 6 копеек.

— Ско-о-олько?

— Шесть копеек.

— Я вас серьезно спрашиваю. Я не намерен выслушивать ваши дурацкие шутки...

— Я и не шучу вовсе...

— Почем газеты?

— Как обыкновенно: пятачок!

— Я вас в участок отправлю!

— Помилуйте, за что же-с?

— Эй, стражник! Отведи вот этого в участок! Позволяет себе разное хамство, издевается над покупателями!

Нас повели.

Пристав долго тер свой покрасневший лоб.

— Почему вы его привели?

— Помилуйте, издевательство! Я спрашиваю: «почем папиросы?», а он: «шесть копеек десяток». Что я ему — мальчик?

— Как же это вы так? — огорчился пристав. — Нехорошо.

— Да я серьезно. Сколько ж можно взять за десяток папирос? Не дороже шести копеек. Или за яйцо? Ну, что в нем? Вздор! Один прах и ерунда. Больше трех копеек и стоить не может. А если за яблоко 8 копеек дорого, то я могу копеечку и сбросить! В своем я праве?

— Пожалуй, — нерешительно вздохнул пристав. — Освободите их. Пусть торгуют.

— Может, бумажку какую дадите, ваше благородие. Чтоб придирок не было?

— Бумажку? Можно и бумажку.

Получив бумажку, которая легализовала мои торговые операции со стороны благочиния и общественного спокойствия, я снова вернулся к лотку.

* * *

Подошел второй покупатель.

— Почем яйца?

— Три копейки штука.

— Здорово сделанные. Каменные?

— Помилуйте-с. Куриные.

— Толкуй. Одначе до чего дошли с этой фальсификацией. Слушайте, как вас? А если ребенку куплю поиграть — не разобьет?

— Разобьет.

— Что ж вы такую дрянь продаете? Папиросы почем?

— 6 копеек десяточек.

— А здорово коробка сделана — совсем как настоящая. Пустая?

— Что вы! Внутри папиросы.

— Из чего?

— Из табаку.

— А табак из чего?

— Не из чего. Сам из себя.

— То-то и оно. Много вас тут нынче, жулья, развелось. Постой, неужто ж яблоко 8 копеек?

— Ей-Богу.

— Мылится?

— Ни в коем случае.

— Так что ж ты его на прилавок вывалил, голова с мозгами?!! Раньше этак мыло делали — под яблоко будто. Для смеху. А пустой ты малый, как я погляжу. Пойдемте, Иван Федосьич.

* * *

И только к вечеру подошел настоящий покупатель.

— Почем яйца?

— 3 копейки штука.

— Можно пять штук? И пару яблок дайте. И пирожок, и коробочку папирос. Сколько с меня?

— Всего-с 42 копейки.

— С двухсот сдачи.

— Что вы-с! Тут всего-то товару на полсотни не будет! Нет ли помельче?

— Вот пятьдесят есть.

— Много-с. С вас всего 42 копейки.

— Ну, вот крымская четвертная, берите, мельче нет ничего.

— Как же вы этак, без мелочи, ходите?

— Крымские у меня и есть мелочь.

— А вы пошарьте у себя: 2 двугривенных и еще 2 копейки.

— Таких и в заводе нет.

Вздохнул покупатель, повертел в руках отобранным им товар, положил обратно и скорбно отошел.

* * *

Кончилась моя торговля. Сижу дома, читаю старые газеты, грызу яблоки, черствые пирожки и курю папиросы, дымя, как паровоз.

Наторговался.

ПУБЛИКАЦИЯ СЕРДИТОГО ГОСПОДИНА

Один господин вошел в нашу редакционную комнату с самым зловещим видом.

Опустился на стул и, протянув ноги, процедил презрительно, глядя куда-то в угол:

— С сегодняшнего дня совершенно прекращаю чтение вашей мерзкой газетенки!

— Чем же она вам так не понравилась? — кротко спросил наш мягкий, не любящий резкого бранного слова, редактор.

— Помилуйте! Скверный рекламный листок!

— Насколько я знаю, мы никого не рекламировали...

— Никого?! А приблудившегося козла вы не рекламируете?! А парикмахерскую при гостинице, а «когда принимает

военный цензор» — вы не рекламируете? Мне этот приблудившийся козел надоел — слышите ли вы? И добро бы еще помещали где-нибудь на задворках, на последней странице, между прочими объявлениями, а то ведь эта компания всегда появляется на самом интересном месте: или в середине оперативной сводки, или перед концом животрепещущей информации об аресте большевистской организации! Что это за козел, фигурирующий рядом с парикмахерской? Козел ли это вообще, попавший в чужой огород, куда всякий, кому не лень, бросает камушки, или это козел отпущения? И почему торчит рядом эта вечная парикмахерская? Что общего между ней и козлом? Если только то, что у козла есть борода, то, простите меня, это очень глупая связь.

Редактор с той же отличающей его кротостью выслушал громы и молнии, сыпавшиеся на его редакторскую голову, потом огляделся по сторонам и, так как вокруг было много посторонних посетителей, принялся что-то объяснять вспыльчивому господину на ухо.

— Быть этого не может?! — сердито кряхтел побагровевший господин. — Так вы бы просто оставляли пустое, белое место! Что? Почему нельзя? Что за вздор! Это выходит — тебя же сдавливают за горло да ты же еще и стонать не смей?! Ты же еще, полузадушенный, вместо воплей, должен во все горло петь: «Я вновь пред тобою стою очарован»?!. Прокруст, укладывающий тебя на своем ложе, подпиливает оказавшиеся длинными, ноги, а ты и пикнуть не моги?! Ну-ну... Я бы все это еще понял раньше, при полицейском режиме, когда писалось «цензура», а выговаривалось «испанская инквизиция», но теперь! Когда толкуют о возрождении России! О единении с трезвой печатью! В районе Добровольческой армии!

Он долго еще кипел и бурлил, как кофейник на примусе... Потом отдышался, вытер платком апоплексическую шею и, придвинув к себе редакционный блокнот, заявил:

— И, однако, знаете, что? Мне, да и всей читающей публике, смертельно надоел как приблудившийся козел, так и парикмахерская при отеле!.. Долой козлов! Если вы не имеете права оставлять белых мест, то запечатывайте эти белые места чем-нибудь посвежее козла! Вот я вам сейчас сочиню несколько «штучек».

СБЕЖАЛ слон. Кличка «Шарик».
За укрывательство буду преследовать.
Адрес: Азовская, 153.

ПРИБЛУДИЛАСЬ ПАНТЕРА.
Буду держать до 2-го. После этого считаю своей собственностью.
Адрес: Азовская, 154.

ГИГИЕНИЧЕСКАЯ ПАРИКМАХЕРСКАЯ
Любого клиента могут отбрить, могут постричь в монахи, отворяют кровь так, что потом и не затворишь. Тут же — паникюр.
Адрес: Азовская, 155

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ЛОБЗИКОВ
принимает ванну, если есть вода. Если нет воды — и так хорошо.
Адрес: Азовская, 156.

ОПЫТНЫЙ
саботажник дает уроки саботажа. Расстоянием не стесняется. Согласен за комнату, стол, стул и кровать. Зачем ты, безумная, губишь того, кто увлекся тобой? Употребляйте краску для волос «Нимфа». Перед воеводой молча он стоял. Тут же приблудился еще один козел. Маклаков просят не беспокоиться. Милюков — тоже. Спокойствие — мать порядка. Цензурой называется благолепное, благопоспешенственное и высокопреосвященное попечение и надзирательство за свободной прессой свободной Руси. Когда бы жизнь домашним кругом ты ограничить захотел.
Адрес: Азовская, 157.

— Вот! — сердито пыхтя, сказал посетитель. — Если очистится свободное место — печатайте эти объявления. Я буду платить по таксе как за объявления посредине текста.

Это был настолько солидный заказ, что пренебречь им мы просто не имели права.

Цена номера 50 копеек серебром, бумажками, наоборот — 50 рублей	
ГАЗЕТА АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО	
ИЗДАНИЕ СВЕТЛОЕ, ПРАЗДНИЧНОЕ Год первый, номер 1920-й, число, как водится — арабское	**ДОРОГО ЯИЧКО К ХРИСТОВУ ДНЮ** — как сказал один любитель пословиц, платя за десяток тысячу

Севастополь, некоторого числа.

Думал ли я когда-нибудь, что эту пасхальную передовицу буду писать в моем маленьком, тихом, скромном родном городе и что город этот волею судьбы и Божьи попущением будет столицей когда-то огромного Русского Государства.

А знаете ли вы, где я буду писать пасхальную передовицу 1920 года?

В Петербурге.

Не в Москве, потому что не особенно она мне по душе — впрочем, на праздники можно будет дня на три туда съездить — а в Петербурге я буду.

Что Москва! Большая деревня и больше ничего.

И большинство из вас там будете — в Петербурге.

И будем мы тогда, освещенные скупым трезвым северным солнышком, вспоминать о далеком южном городке как о странной сонной грезе, рожденной тифозным бредом.

Казалось бы — ужас! Торжествующие большевики, захватив почти всю Россию, кроме маленького ее привеска Крыма, уже громко и ликующе поют свою победную «Песнь торжествующей Свиньи», казалось бы, мы, висящие над морской бездной, судорожно уцепившись костенеющими руками за выступ скалы, должны вот-вот закрыть глаза и рухнуть в черноморскую пучину. Казалось бы...

Именно что — казалось.

А простой русский народ в этом случае совершенно основательно говорит:

— Если тебе кажется, — перекрестись.

И вот, когда мы, истово осенив себя крестным знамением, вглядимся в это марево, вслушаемся в ликующие

такты «песни торжествующей свиньи», то ухо сразу уловит в грохоте литавр, тимпанов и тамтамов тоскливую, полную предчувствия чего-то безысходного нотку:

— Там-тара-рам, мы захватили всю Россию!! Но что же дальше, если на нас мало-мальски приличные соседи смотрят, как на разбойников?.. Бам, бам — мы уничтожили и распылили всех контрреволюционеров и саботажников... Но почему нас, внутри нашей коммунистической страны, никто не любит, у всех в сердце ненависть, на конце языка проклятие, в глазах не веселье, а тоска смертельная? Ура! У нас огромная армия и целые полчища мобилизованных, подвергнутых каторжной дисциплиной, рабочих, обязанных работать 10 часов! Но красную армию приходится гнать в бой пулеметами наемников латышей и китайцев, а рабочие если и работают, то под угрозой кнута или голодной или скорострельной смерти.

Нет... Торжествующая свинья не так уж торжествует, и хотя громко ее хрюканье, но захрюкаешь тут, когда над головой и у сердца уж занесен нож мясника, тот самый знаменитый нож, который, как говорится, в спину революции...

Русское присловье сказывает:

Торговали — веселились, подсчитали — прослезились.

Так и тут:

Воевали — веселились, подсчитали — прослезились.

— Что такое? — спросят. — В чем дело? Почему кулаками слезы утираете?

— А, видите ли, господа-товарищи, такое дело вышло, что коммунизм и социализм у нас не получился, больше того, будем говорить — провалился. И теперь мы того... выборные советы уничтожаем, потому как поговорили и будя! И восьмичасовой рабочий день — к дьяволу под хвост! Какие там восемь, когда и в десять всего не переделаешь! А ежели кто по этому поводу митинговать будет — так очень просто: пожалуйте! по шее получишь и нишкни! Опять же с буржуазными займами: придется их принять, так как с заграницей мы дело иметь будем, так оно неловко. И опять же все эти ЦИК'и и совдепы — пережиток, потому что пора разговоров прошла, а вот будет во главе всей нашей Коммунистической империи стоять Лев I из рода Бурбонов Троцких — к нему и будьте любезны за всяким делом.

— Да позвольте! Зачем же мы весь огород городили, ежели всего только и дела, что Николая II сняли, а Льва I посадили? Только всей и перемены, что жизнь раз в тысячу хуже сделалась?!

Хлопнет шапкой оземь простоватый русский человек, перекрестится, поплюет на руки и твердо, значительно скажет:

— А ну, слезай.

* * *

И пойдет тогда великая чистка и дезинфекция: латышей и китайцев выкинут из Кремля, пролеткультские кинематографы выметут из храмов Божьих, и снова над Россией вместо красной звезды засияет святой старорусский золотой крест... А под крестом голубой, как небесный свод, купол, а под куполом затеплятся тоненькие восковые мужицкие свечки, ароматный ладан голубыми клубами подымется к небу, а вместе с ним и тысячи бесхитростных благодарственных молитв за избавление от двунадесяти коммунистических языков...

Сладко дрогнет сердце, когда распахнутся царские врата, и славный бородатый русский поп воскликнет громко на всю Русь:

— Христос воскресе!

— Воистину! — зашелестят миллионы уст, зашумят это слово зазеленевшие леса, заревут это слово проснувшиеся от спячки реки, загремят в небесах первые весенние громы:

— Воистину Христос воскрес, воистину Россия воскресла!

Ничего. Подождем этого дела.

Над нами не каплет.

Дождемся.

ТЕЛЕГРАММЫ

(От собственных... этих самых)

МОСКВА (сов. радио). Здесь полный порядок, нет грабежей, на улицах чистота: грабить некого и сорить нечем. Работают все театры: от анатомического до театра военных действий.

ПЕТЕРБУРГ. Все слухи о прекращении промышленности — ложны. Чрезвычайки, например, работают круглые сутки, сырья сколько угодно.

МОСКВА. В городе сенсация: прохожие увидели на Тверской-Ямской живую корову. Произошли крупные беспорядки.

МОСКВА (дополнит.). По расследовании корова оказалась из папье-маше и выставлена в окне игрушечного магазина. Беспорядки ликвидированы совершенно бескровно, при помощи веревки и куска мыла.

МУРОМ. В Муромских и Брянских лесах, по примеру прошлых веков, организовалось несколько коммунистических ячеек.

МОСКВА (сов. радио). Все слухи о том, что рабочие голодают — лишены всякого основания. Мяса и жиров вдоволь. Например, три раза в день рабочие едят кукиш с маслом и кусают локти.

МОСКВА. Объявлен конкурс русского пролетарского гимна. Первую премию получил гимн, начинающийся: «Как Ерема стал тонуть — Фому за ногу тянуть»...

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК. Ввиду дождливой погоды на здешних фабриках в изобилии появилось сырье. Решено приступить к обработке рабочих.

МОСКВА. Ввиду предстоящего коронования Ленина и Троцкого — шапка Мономаха отдана одному шапочнику для переделки на две персоны. Так как все минералы с этой шапки удалены — теперь уж ни Ленин, ни Троцкий не скажут: «Как тяжела ты, шапка Мономаха». Облегчили.

Столяру Саенко поручена работа по переделке и расширению трона.

ПЕТЕРБУРГ. Вследствие того, что советские комиссары переехали на житье в Аничков дворец — лозунг «мир хижинам, война дворцам»— объявлен устаревшим. Приказано — наоборот.

ПАРИЖ. На международной конференции решили раз навсегда обсудить русский вопрос.

СЕВАСТОПОЛЬ. На этот русский вопрос отсюда получен русский ответ: «Ох, и надоели же вы, братцы, этими обсуждениями!..» (возгласы одобрения).

ЛОНДОН. На запрос в палате о том, что начался ли товарообмен с Совдепией, Ллойд Джордж энергично воз-

разил, что никакого товарообмена и нет, а просто они нам будут присылать сырье-мурье, а мы им так, кой-чего. Депутат Айлоувью тут же делает разъяснение, что хоть сырья в Совдепии и нет, но мырья сколько угодно (возгласы одобрения).

ЛОНДОН. Ллойд Джорджу внесен новый запрос: «Правда ли, что уполномоченные Великобритании вели переговоры с советскими представителями?» — «Ничего подобного! — энергично возразил Ллойд Джордж. — Никаких переговоров не было! Просто наш представитель случайно встретился с ихним, попросил закурить... Слово за слово. Ну, конечно, поговорили о том, о сем».

ЛОНДОН. Ллойд Джордж в оценке русских событий не только разошелся с Бальфуром, но даже Ллойд разошелся с Джорджем. Русский вопрос запутывается.

ПОПРАВКА: В предыдущем номере нашей газеты было написано, что кабинет министров вышел в отставку. Случилась маленькая неточность: не кабинет министров вышел в отставку, а один министр вышел из кабинета и пошел в столовую пить чай. А, может быть, и кофе, это неважно. Мало ли, Господи!.. Со всяким может случиться.

СЛУЧАЙНАЯ. В наш город вошли большевики. Сразу началось оживление, жизнь бьет ключом, красноармейцы — нагайками, кто чем. Обрадованные жители вышли из домов и стали у стенок, все чрезвычайно.

Екатеринодар

ТАЙНЫ МОНЕТНОГО ДВОРА, ИЛИ ЖИЗНЬ МОСКОВИТОВ В 1920 г.

Министерство финансов у старого полицейско-бюрократического правительства было самым сухим, самым педантичным, самым бюрократическим ведомством: всюду толстый шнуровые книги, всюду отчет, всюду контроль. А над этим контролем учреждали еще контроль, а над этим вторым контролем воздвигали еще два контрольных этажа, так что получался контроль контроля, контролирующего контроль.

Скучно. Сухо. Нет поэзии. Нет красоты живой, красочной жизни.

Вместо душистого полевого цветка, окропленного жемчужинами прозрачной утренней росы — какое-то сверхъунылое эмиссионное право. Тощища, труха!

То ли дело теперь, то ли дело нынешнее министерство финансов в Москве. Это именно душистый полевой цветок, окропленный и т.д. Ни педантизма, ни сухости, никаких, как говорится, эмиссий, а шнуровая книга — на что она? Ею, как говорится, и ворот Монетного двора не подопрешь.

Наконец-то министерство финансов впервые осознало, что не страна для него, а оно для страны. Оно теперь напоминает добрую няню, друга семьи, всегда готовую побаловать питомцев сладким куском не только за обедом, но и до обеда, а то и после обеда.

— Денег? Миллион? Да сколько угодно; не с деньгами жить, а с добрыми людьми.

Позволим себе дать краткое описание министерства финансов, составленное по рассказам беженцев-очевидцев.

Прежде всего — Министерство финансов помещается сейчас на Монетном дворе, для удобства как министерства, так и почтеннейшей публики, чтобы далеко не ходить. Затем — сухой формализм, эмиссии, всякая шнуровая труха упразднены раз навсегда.

Утро...

На завалинке Монетного двора сидит комиссар финансов и, греясь на слабом мартовском солнышке, хозяйским оком наблюдает за кипучей деловой жизнью Монетного двора: вот ключница Афимья протащила в погреб лукошко с полтиничными бонами; вот водовоз Никита выливает из бочки воду в резервуар, в котором разведена краска для желтых керенок, вот машинистова свинья мимоходом подняла и съела свежую, еще пахнущую краской, десятирублевку, оброненную ключницей, съела и побрела дальше лакать красную лужицу испорченной воды, вытекшую из отделения сорокарублевых керенок.

Кипит деловая жизнь.

В ворота входит человек в желтой кожаной тужурке с маузером, застенчиво оглядывается и приближается к комиссару.

— У кого я могу деньжат получить? Мне два миллиона надо.

— Записка есть?

— Вот вам удостоверение от Троцкого, что я командующий северо-восточной армией. Раз командующий — не могу же я без денег... Моим архаровцам платить надо, вооружение, амуниция, то да се.

— Афимья! — кричит комиссар финансов вглубь двора. — Выдай товарищу главнокомандующему два миллиона!

— Где же это я вам возьму два миллиона, — ворчливо говорит Афимья, приближаясь к разговаривающим и вытирая фартуком мокрые руки. — И трехсот тысяч не наскребу.

— Да ведь еще вчера у нас было больше четырех миллионов.

— Эва! Али память отшибло? Мозги промойте! Сами же вчера на агитацию в Германию дали три миллиона, да вдове броневого дивизиона на похороны шестьсот тысяч отпустили, а остальные пятьсот по пустякам разметались: водовозу платила, на базар спосылала — много ли останется, ежели фунт картошки восемьсот целковых, да за говядину...

— Ладно, ладно — завела волынку. Погляди, может, там подпечатали чего с утра...

— Это на каком же шише они будут печатать, ежели бумаги для керенок уже третий день нет. Говорила давечи — достаньте! Так нет. Вам бы все папироски раскуривать! Опять же, красная краска для сорокарублевок уже когда кончилась! Такой дрянью теперь заливаем, что никто и брать не хочет. Это, говорят, поделка — прямо-таки от людей стыдно!

— Гм! Вот что, товарищ... Вы бы, может, денька три пообождали. Мы бы вам за это время нажарили хоть пять миллионов.

— Что вы, товарищ! Да ведь мои подлецы разорвут меня, если я явлюсь без денег... Ты бы, старуха, сказала там, чтобы бойчей колесо закрутили. Я бы им на чай, глядишь, прибавил...

— Да что я тебе, милостивец, бумагу рожу, что ли? На чем же печатать, коли бумаги нет?!

— Гм. А мы сделаем вот что: у меня в канцелярии есть две стопы бланков нашего штаба. Могу прислать. На них нельзя?

— Здравствуйте! А как же с водяными знаками?

— Наплевать!.. И так слопают. Им же все равно только между собой в карты резаться. Ни для чего другого. Абы видимость, что деньги.

Старуха задумчиво поджала губы и почесала в голове.

— Гм! Уж не знаю, как и быть. Для двадцаток у меня желтой краски пуда четыре есть, а коричневой — ни шиша! А для сороковок одна зеленая осталась. Красная еще с четверга прикончилась. Ни туда Микита, ни сюда Микита, как говорится.

— А ты, старушка божья, плюнь на это с высокого дерева: печатай фон — желтой, а рисунок — зеленой.

— Что же это за птица такая получится?.. Вроде как попугай.

— Ну, будем мы на войне цвета разбирать! Не до жиру, быть бы живу! Так вы мне, значит, четыре миллиончика к вечеру нахлопаете?.. А?

— Вы, кажется, говорили три.

— А бумага, что я даю, ничего не стоит? Поди-ка купи!

* * *

Смеркалось.

Часть рабочих пошла обедать; часть, сидя на пороге сушильни, разрезывала на ленты листы керенок и братски делила их в виде заработной платы.

Споров не было... Если кто-либо оставался недоволен, то, ворча, поднимался, шел в мастерскую и, повернув раза два колесо, выходил со свежим липнущим еще листом.

* * *

А вы говорите — эмиссионное право!

СОВДЕПСКАЯ АРИФМЕТИКА

В коммунистической школе урок арифметики.

Малютки-коммунисты должны вызубрить числа по порядку.

А так как сухая проза цифр ничего не говорит сердцу юного коммуненка, то благопопечительные педагоги сопрово-

дили в учебнике арифметики каждую цифру такой бытовой рифмой, которая ближе всего уму и сердцу коммуненка.

— А ну, Убийцын Семен, перечисли нам цифры...

Бойко тараторит Убийцын Семен:

— Один —
К стенке, собачий сын,
Два —
Жив едва,
Три —
В яму смотри,
Пять —
Расстрелять,
Восьмушка —
На мушку,
Десять —
Повесить,
Сорок —
Ряд порок,
Двести —
На месте,
Двести пять —
Закопать!

— Молодец, — одобрительно кивает головой учитель. — Когда не кокаинишься — всегда урок знаешь.

СЕРЬЕЗНЫЙ МУЖЧИНА

Во время заседания ЦИК'а Луначарский подходит к Троцкому:

— Лев Давыдыч! Христос воскресе!

— Неужели? Жаль, меня там не было!

ХРОНИКА

Отрадный факт. Севастопольская социалистическая Дума, вследствие полной бездарности вышла в отставку.

Поправка. Предыдущее сообщение наполовину не соответствует действительности: хотя бездарность и есть, но выхода в отставку нет.

Неосторожная езда. Несколько русских выехало в Константинополь и попало на Принцевы острова.

Новая богадельня. Здесь открывается «Осваг».

Подкинутый младенец. Вчера мещанин Трынкин по Одесской ул. в доме № 70 подбросил своего ребенка к потолку и снова поймал его.

Опасная шайка бандитов. На Нахимовском открылись три новых магазина.

Убийство. Убит Богом один из эсдекских лидеров. Горе несчастных родителей вполне поддается описанию.

Всплывший труп. Сообщают, что Керенский в настоящее время живет в Англии.

ТЕАТР

Пасхальный репертуар московских театров: «Убийство Коверлей», «Смерть Пазухина», «Смерть Тарелкина», «Смерть Иоанна Грозного», «Непогребенные» Евдокимова, «Кровь» Шиманского и инсценировка «Смерть Ивана Ильича».

Фарсы: «Радио в чужой постели», «Под звуки похоронного марша Шопена» и «Нож моей жены в спину революции»...

ОБЪЯВЛЕНИЯ

МОГУ ХОДИТЬ ЗА БОЛЬНЫМ куда он, туда и я, и не отпущу до тех пор, пока не уплатит денег.

Сиделка Варя

ИЩУ МЕСТО В БАНКЕ со спиртом. Адрес: лечебница для алкоголиков, Мите.

ОЧЕНЬ ВАЖНО для лысых! Новое средство! Книга «Что такое большевизм». При употреблении этой книги волосы моментально вырастают на лысине и тут же становятся дыбом.

Только успевай причесывать.

ГРАЖДАНСКИЙ ПОРТНОЙ только что вступивший в гражданский брак, прочтет лекцию «Что такое гражданская война».

ВАЖНО ДЛЯ БЛИЗОРУКИХ! ОЧКИ втираем рабочим. Оптики: Пивоваров, Конторович и К под фирмой «Оптический обман».

ХОЖУ НА ДОМ уничтожать насекомых, как-то: цыплят, поросят, телят и проч. Радикально!

ВРАЧУ-ХИРУРГУ так же надоела российская разруха, как и АДВОКАТУ ПО БРАКОРАЗВ.<ОДНЫМ> ДЕЛАМ.

ЛИЦ, ЗНАЮЩИХ, где находится и жив ли Лев Давидович Троцкий, прошу эти сведения оставить при себе или подавиться ими.

ЗА УКРЫВАТЕЛЬСТВО меня каким-нибудь одеялом буду очень благодарен. Адресовать: почтамт, беженцу, предъявителю десятитысячного кредитного билета № 00523.

СНИМУ КОМНАТУ на центральной улице или ПАЛЬТО в глухом переулке.

ЛИЦАМ, ЕДУЩИМ В СОВДЕПИЮ, не советую этого делать. Наплачетесь.

КОФЕ «ЗДОРОВЬЕ» НЕЗАМЕНИМ против крыс и мышей. Мгновенное действие!

ШИЛЛИНГИ одесской работы дешево предлагаются, за ненадобностью.

УБЕЖАЛ из запломбированного вагона ЛЕВ Троцкий. За находку — треть от головы.

ОТКРЫТ НОВЫЙ КООПЕРАТИВНЫЙ МАГАЗИН «ОБДИПОКУП» (обдирание покупателя) записываться может каждый дурак: ему же хуже.

ЕДУ всякую принимаю, если покормят.

НЕ ПЕЙТЕ СЫРОЙ ВОДЫ потому что водопровод опять не работает. Доколе же, о, Господи!

КРАСКА ДЛЯ ЯИЦ ИМЕЕТСЯ, но не имеется яиц для краски.

СУХУЮ СВЕТЛУЮ КОМНАТУ с ванной и электричеством за три рубля в месяц ПРЕДЛАГАЮ тому, кто избавит нас от большевиков.

ДОВЕРЕННОСТЬ, ВЫДАННУЮ нами в 1917 году Александру Федоровичу Керенскому, вследствие неблаговидности его поступков, считать УНИЧТОЖЕННОЙ.

ВАЖНО ДЛЯ ЛЫСЫХ! Продается из-под полы бутылка спирту 96°. Волосы от этого, конечно, не вырастут, но время можно провести с приятностью.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК от такой собачьей жизни скоро сделается старым человеком. Спросить во дворе Федю. Можно и не спрашивать: от этого ничего не изменится.

ЕДУ В АФИНЫ ПРИНИМАЮ ДЕНЬГИ И ПОРУЧЕНИЯ Если не будет настроения ехать — останусь здесь. Впрочем, деньги и поручения все равно принимаю.

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК В МОСКВЕ

В Страстной четверг Наркомпролеткультом А.В. Луначарским была получена депеша из Москвы:

«Петербург. Товарищу Луначарскому. Необходимо немедленное прибытие в Москву. Нужны как знаток культов и русских обычаев. Наркомы Ленин, Троцкий».

* * *

— Что это вам так загорелось? — спросил Луначарский, входя с чемоданчиком в кремлевские палаты и пожимая руки обоим озабоченным наркомам.

— Да понимаете, такое дело... Вздумали мы, чтобы вся красная Москва отпраздновала Светлый праздник, как это там у них полагалось раньше, до революции, а как оно там раньше полагалось — Аллах его ведает!

— Стоило из-за этого меня в Москву тащить! Неужели в Москве не нашлось специалиста?..

— Пойдите поищите. Кругом только красные латыши, красные башкиры, желтые китайцы или уж такое многоцветное русское жулье, что он тебя не обычаю исконному научит, а часы с цепочки сопрет. А вы — другой человек: и все эти религиозные штучки вам знакомы, и в карман не залезете.

— Ну, ладно, — вздохнул Луначарский. — Прежде всего, нужно открыть все храмы и наполнить их молящимися.

— Это можно, — кивнул головой Ленин. — Дадим приказ по участковым комиссариатам — они по наряду хоть сто тысяч нагонят. Не явившимся: три месяца тюрьмы или конфискация имущества!

— Ну, вот глупости... Зачем по наряду? Молящиеся и так пойдут.

— Вы думаете?.. А я вам скажу — вы наших москвичей не знаете. Когда я на митинге речь говорю или какое-нибудь пролетарское шествие устраиваю — видите ли, штыками приходится публику сгонять, прикладами уговаривать.

— Не знаю. Но, думаю, в церковь они охотно пойдут.

— Охотно?! Ну, значит, тут какая-нибудь контрреволюция! Теперь такое положение, что никак нельзя допустить, чтобы народ делал что-нибудь охотно.

— Да чего вы боитесь? Будет просто торжественное богослужение, товарищ священник скажет проповедь...

— А нельзя там же товарищу Вацетису выступить? Он сказал бы речь о железнодорожном транспорте.

— Да ведь молящиеся разбегутся!

— А мы двери припрем.

— Нет, это вы бросьте. Имейте в виду, что вы как наркомы тоже должны выстоять богослужение... Раньше вся царская семья это делала.

— Должны так должны, — согласился Троцкий. — А речь нужно говорить?

— Да дайте вы народу хоть на Пасху отдых! Стойте, молитесь и молчите. Потом, когда священник провозгласит: «Христос воскресе» — вы должны с ним троекратно похристосоваться...

— Как это делается? — заинтересовался Троцкий.

— Поцелуете его...

Троцкий сконфуженно засмеялся и кокетливо отмахнулся рукой.

— Ну, тоже это вы скажете! С какой же это я радости буду с мужчиной целоваться!

— Да ведь такой обычай.

— Ей-Богу, неловко как-то. Вдруг ни с того ни с сего: чмок, чмок! Лучше я что-нибудь другое. Лучше я его в чрезвычайку отправлю.

— Это вы можете потом. Кстати, похристосовавшись с духовенством, вы как глава государства должны поехать в места заключения и там похристосоваться с колодниками. Так издревле делали все государи...

— Чтоб я с ними стал целоваться? С саботажниками? С мелкими хозяйчиками?! Лопнут они, а не дождутся!

— Такое правило: оказать внимание самым несчастным, самым последним.

— К стенке я их поставлю, вот тебе и внимание.

— Ну, это вам видней. Затем нужно каждому красноармейцу выдать по небольшому куличку...

— Это птичка такая?

— Ничего не птичка. То кулик, а это кулич, некоторое подобие сдобного хлеба. Кроме кулича, по крашеному яйцу.

— Еще чего! Зачем его красить? Вкуса ведь не прибавит. Хороши будут и белые!

— Это, товарищ Троцкий, деликатный вопрос, — многозначительно сказал Ленин. — Дадим им по белому яйцу, а они подумают, что это символ белогвардейства. Глядишь — и разложение. Лучше же какое-нибудь цветное.

— А цветное — это уступка суеверию и косности! Не желаю!

— А вы на нем напишите черным: «Да здравствует пролетарская революция!». А внутрь можно вложить памятку «Что такое Третий Интернационал?».

— Как внутрь? — удивился Луначарский. — Разве можно что-нибудь вложить в куриное яйцо, если оно не выеденное яйцо?

— А вы говорите о курином? Ну, батенька, у нас красноармейцев больше, чем яиц. Мы выдаем по одному яйцу на пять человек.

— На Пасху этого нельзя. По обычаю, у всякого должно быть в руках целое яйцо. Он христосуется со знакомым и обменивается с ним яйцом.

— Ну, что ж... Мы разобьем их на маленькие отряды: по пяти человек с одним яйцом. Отряд с отрядом и будет меняться. А кулич можно заменить фунтом копченой конины. Вместо сахарного розана сверху приколем памятку: «Почему нужно додушить буржуазию?». Что еще требуется?

— Звонить в колокола.

— Это контрреволюционно. Мы заменим колокола стрельбой из ружей. А чтобы порох и заряд даром не пропадал...

— Ну, это уж ваше дело, ваше дело. Я этого не касаюсь. Да, чуть не забыл: со второго дня Пасхи открываются все театры. По древнему исконному обычаю в этот день всюду ставится моя пьеса «Королевский брадобрей».

Ленин удивился:

— Неужели это тоже пасхальный обычай?..

— Да... гм... Со времен еще древних христиан... Вот тут товарищ Вацетис после второго акта и может сказать свою речь о возрождении транспорта. Это допустимо.

— Я что-нибудь тоже скажу, — предложил Троцкий.

— Можно. А, впрочем, можно и не говорить. Вы ведь знаете, какова праздничная публика: ей лишь бы домой убежать.

— Не убежит. Мои речи теперь всегда слушаются при закрытых дверях... А чтобы заманить их, можно им елку устроить.

— На Пасху-то? Опомнитесь!

— А разве нельзя? Я думал, раз большой праздник, то можно загнуть и елку...

* * *

На другой день по всей Белокаменной был расклеен такой декрет:

«Предписывается свободным гражданам свободной Красной Москвы праздновать праздник Пасхи! Виновные в уклонении от празднования будут объявлены саботажниками и отправлены на общественные работы, а имущество конфисковано. Участковыми комиссариатами будут выдаваться особые удостоверения в исполнении праздничной повинности.

Да здравствует свобода!

Совнарком».

Народ безмолвствовал.

AB OVO

Большевики имеют свою хорошую сторону: благодаря им мы начинаем жить сначала.

Помните, как поэт охал и стонал, что невозможно начать жить сначала:

Эх, кабы Волга-матушка
Да вспять побежала,
Кабы можно было, братцы,
Начать жить сначала!

Ан вот, оказалось, что можно начать жить сначала. И Волгу для этого беспокоить не надо.

Видел вчера одного знакомого.

Очень озабоченный вид.

— Что с вами? — спрашиваю.

— Мне нужен поташь. Не знаете, где достать?

— Неужели спекулируете?

— Нет, для себя. Представьте себе, совершенно не из чего чай пить. В магазинах нет стекла!

— Да разве из поташа можно пить?

— Не из поташа, а из стакана.

— Причем же тут поташь?

— Чай пьется из стакана, стакан делается из стекла, стекло делается из поташа, песку и... еще чего? Не знаете? Я, признаться, забыл состав стекла. Знаю только, что поташ туда входит. Что еще входит?

— Поташь и перламутр.

— Разве? Вот спасибо. У меня, кстати, сохранилось несколько перламутровых пуговиц. Смешаю я всю эту штуку, расплавлю, вздую, отшлифую... Заходите чай пить. Вы, кстати, умеете выдувать стаканы?

— Ежели с сахаром, то стакана три могу выдуть.

— Значит, и сахар входит? Черт возьми, какая сложная штука — стекло. А вы что поделываете?

— Да вот костюм собираюсь сшить. Не знаете, где бы достать дешевого барана?

— Ну, портные теперь не такие бараны, как прежде.

— Я не о портном говорю, а о настоящем баране.

— Понимаю. Шашлычок?

— Ничего не шашлычок. Костюм буду делать. Остригу с барана шерсть, промою, вытку материю — глядишь, и костюмчик будет.

— Вот замечательно! Так давайте сделаем так: я вам наделаю посуды, а вы мне суконца на костюм.

— Это, выходит, значит, мне нужно расширять производство?

— А конечно! Я думаю, и Кузнецовы, и Мальцовы с этого же начинали. И суконные Эмили Циндели и Торитоны тоже дебютировали парой остриженных баранов. А там — дальше, больше — такие фабрики у нас задымят, что будет небу жарко! Да мы и не одни. Владимир Леонтьич начинает делать зубные щетки, которых нет, Николай Васильич работает уксус, которого нет — так и пойдет: они нам уксус и щетки, мы им сукно и стаканы. Ну, прощайте! Эмиль Циндель!

— Всего хорошего, М.С. Кузнецов!

* * *

Вот так мы и начнем жить сначала.

Отсюда и зачнется новая Россия.

О ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ И НАРОДНОЙ ГОРДОСТИ

Нам, русским, так редко приходится гордиться чем-нибудь перед иностранцами, что прямо сердце радуется, когда русский человек может утереть чем-нибудь, кроме носового платка, нос зазнавшемуся иноземцу!

В этом случае очень примечателен краткий диалог между загнанным большевиками, забитым русским человеком и самонадеянным, самовлюбленным американцем.

— У нас стекло так дешево, что целые многоэтажные дома строят из стекла! — прихвастнул американец.

— Из обыкновенного стекла? — снисходительно спросил русский.

— А то из какого же?..

— Ну, так подумаешь — невидаль! А вот я сам видел, как у нас махновцы (это... такая часть русского народа) вытаскивали на балкон третьего этажа стеклянный шкаф с драгоценнейшим хрусталем и фарфором и, раскачав его, бросали целиком вниз.

— Для чего же они это делали?

— Для забавы. Скучно, знаете...

— Однако, как же должен быть богат русский народ, если он позволяет себе такую роскошь. Мы, американцы, впрочем, тоже очень богаты. У нас, например, по статистике на десять человек приходится одно пианино.

— Подумаешь! А у нас в крестьянских домах пианино стоит просто, как комод. Все кишки, все внутренности оттуда вынуты, и мужики складывают туда белье и всякий домашний скарб.

— Да, но, значит, у вас нет музыкальных инструментов!..

— Почему нет? А автомобили? Я сам видел в одной деревушке автомобиль, который только и служил, как музыкальный инструмент. Соберутся поселяне в праздничек и начнут давить гуттаперчевую грушу: звучно, весело, приятно.

— Поистине богат должен быть тот народ, который держит автомобиль только как музыкальный инструмент!.. — воскликнул удивленный американец. — Однако, во всех этих случаях довольства и изобильности больше, чем культурности! Показатель культурности, по-моему, книга.

У нас по статистике на каждого жителя в год приходится 78 новых книг.

— Действительно, удивили! А у нас в Изюмском уезде во время прихода большевиков книгами в переплетах дороги мостили! Одиннадцать редчайших библиотек пошло на это культурное предприятие!

— А у нас в Америке зато питаются лучше!

— Вы думаете? А у вас ест кто-нибудь драгоценный племенной скот?

— Скажете тоже! Кто же есть племенной скот?

— То-то и оно. А у нас самый простой красноармеец без филе из племенного быка образцового имения — и за стол не сядет!

— Может быть, может быть, — кисло поморщился уязвленный американец. — Однако, я слышал, у вас теперь совершенно исчезла прежняя прекрасная национальна черта: гостеприимство.

— Да? Вы так думаете? — самодовольно захохотал русский. — Скажите, где у вас в Америке останавливается обыкновенный приезжий из-за границы?..

— Как где? Конечно, конечно в отеле.

— Ага! В обыкновенном отеле? А у нас не так! Приехали, скажем, из-за границы несколько обыкновенных проходимцев — пожалуйте в роскошный дворец Кшесинской! Не понравилось? — к вашим услугам Смольный, Зимний дворец, Мраморный, Аничков! И там неуютно? Ради Бога, не стесняйтесь! Пожалуйте в Москву в палаты бояр Романовых, в царский дворец — куда угодно! Видите... А вы говорите, что мы негостеприимны!

— Поистине, вы удивительный народ, — воскликнул ошеломленный американец.

— Еще бы! Наш русский национальный поэт Кузьма Прутков так и сказал: «удивляйся, но не подражай!».

И, довольный, что так загнал в тараканью щель кичливого иноземца, — пошел русский человек в кабаре.

И услышал он там из уст веселого куплетиста блестящее рифмованное подтверждение своих слов:

За границей, как известно
Иностранцы пищу в рот
Покладают повсеместно,
А у нас — наоборот!

За границей — спросишь прессу —
Невеселый все народ,
Не сдавали там Одессу,
А у нас... тар-да-та-там!

И возликовал дух сего забитого униженного патриота...

СТАРАЯ РУСЬ

Это был старый купец обычного прежнего купеческого типа с широким красным лицом и седеющей окладистой бородой, но невесело-скучающе было это лицо, и борода висела уныло, как официальный флаг в дождливую погоду.

Показывая покупателям ботинки и туфли, купец небрежно пошвыривал их на прилавок, лениво бормотал цены: «двенадцать тысяч», «двадцать одна», и скучающе швырял обратно на полку не понравившиеся экземпляры.

— Вот эти, вы говорите, пятнадцать тысяч? Заверните! А на пуговицах нет?

— Есть, 24 тысячи.

— Если не тесные, возьму.

Покупатели были вялы, купец был вял, даже я, человек, в общем, сангвинического темперамента, — вяло наблюдал за происходившим, вертя в руках какой-то желтый ботинок.

Было ясно одно: что покупатели в глубине души чуть-чуть побаиваются немногословного категорического купца, а скучающий угрюмый купец откровенно презирает это покупательское стадо.

Вообще я заметил, что нынче — это обычная форма взаимоотношений магазинного продавца и покупателя.

Покупатели заискивающе поглядывали на купца, а купец скучающе и кисло все свисал и свисал набок, как зонтичный шелковый футляр, из которого до половины выдернули зонтик.

Но вот около купца сделалось несколько свободнее: покупатели ушли, подобострастно внеся в его автоматическую кассу за эти 20 минут — 230 тысяч рублей.

Вдруг в магазин вошел бедно одетый худощавый бородач, подошел к купцу и деловито спросил:

— Башмаки на шнурках на мою ногу найдутся?

— Есть. Вот! Четырнадцать тысяч.

— Вот эти? — критически скосил глаза новый покупатель. — Да они и шести не стоят! Пять — я еще туда-сюда — дам.

В свисший набок шелковый футляр будто бы неожиданно всунули зонтик.

Купец выпрямился, как старый полковой конь, заслышавший неожиданно звук полузабытой трубы — и от его скуки и апатии следа не осталось!

Он выхватил из рук покупателя ботинок, сунул ему под нос и, бия себя в грудь, закричал:

— Вот за этот ботинок пять тысяч?! Да вы где ж такие цены видели?! Ведь это шевро!

— Это я распрекрасно вижу, а только больше пяти тысяч он никак не стоит. Ну, шесть еще, так и быть, дал бы...

— Да вы что, господин, издеваетесь, смеетесь, что ли? Ну, дайте 12 тысяч и больше уж ни копеечки не могу. Верьте совести — себе в убыток.

— Знаем мы ваши убытки! Хотите семь тысяч? А нет, так и прощайте...

Покупатель повернулся и зашагал к выходу.

— Постойте, господин! Куда же вы? Вернитесь. Ну, и пусть ни по-вашему, ни по-моему — десять тысяч — извольте!

— Пустой разговор наш, — заявил покупатель, возвращаясь и поглядывая на купца глазами авгура. — Больше восьми тысяч никак не дам.

— Ужли ж и девяти не дадите? — со стоном вскричал хозяин, хлопнув ботинком по прилавку. — Верьте совести — себе в убыток!.. Ну, знаете... чтобы хорошего покупателя не отпускать без товара — извольте: восемь с половиной.

— Восемь двести предовольно будет, — стойко возразил покупатель. — Заворачивайте, нечего там.

Купец действительно заворачивал, а лицо у него было такое, будто бы он только что прослушал концерт гениального Бетховена: глаза сверкали, а на губах бродила еще не остывшая блаженная улыбка.

— Слушайте, — недоумевающее спросил я, когда стойкий покупатель, уплатив восемь тысяч двести, ушел. — Слушайте, почему вы назвали этого человека «хорошим покупателем»?

— Помилуйте-с! Торгуется человек, как в старое доброе время! Ведь я этих самых слов уже который год не слышу. Цену понимает-с. Разве это все покупатель? Баран! Курица под ножом, а не покупатель. Смотреть на них противно!. Нешто я не человек? Все чувствую. Давеча — видели барыню? Туфли у нас помечены в двадцати четырех тысячах, я ей говорю — тридцать одну, а она хоть бы что: «заверните да заверните!». Эх, завернул бы я вам! Ведь раньше как: и я цену знал, и покупатель цену знал, и оба мы знали распрекрасно, что такое рупь целковый... Бывало, до седьмого поту торгуемся: ни я ему, ни он мне полтинника не подарим. Этакого я уважу! Потому — настоящий человек! Как это он меня давеча пятью тысячами, хе-хе, ошарашил, так я инда взыграл духом. Таково хорошее старое вспомнилось!..

— Да, — пробормотал я задумчиво, искоса поглядывая на него одним глазом. — Теперь, конечно, трудно. Цены на все большие. Вот, например, этот желтенький, что я держу в руках... Ну, за что тут восемь тысяч?..

— Как восемь? — вскинулся купец. — Эти пятнадцать стоят.

— Вот эти вот? Пятнадцать? Да в уме ли вы? Да в любом магазине их можно за девять...

— Пожалуйста. Пойдите за девять! Девять пар у вас возьму.

— Найду! Подумаешь, важность. Красная им цена десять тысяч.

— Поверьте же совести, что сами по 12 платим. Дайте хоть тысчонку нажить...

— Кому вы это говорите? Бросьте! Вот хотите последнее слово: 10 тысяч. Нет? — прощайте.

Я решительно направился к двери.

— Неужели одиннадцати не дадите? — завопил хозяин. — Где же это такое правило, чтоб в убыток продавать?

— Полтыщи еще прибавлю, так и быть!

* * *

Он тщательно завернул мне купленные ботинки, аккуратно перевязал их, пожал на прощание руку, что было великой честью, а когда я направился к выходу, — он выскочил вперед, широко распахнул дверь, низко поклонился и, сияя улыбкой, сказал:

— Не забывайте нас!

По остолбенелым лицам набившихся за это время в магазин покупателей можно было предположить с большим основанием, что они приняли меня за генерала Врангеля.

СЕМЕЙНАЯ РАДОСТЬ

...Солнце косыми лучами освещало резной поставец, пробиваясь сквозь разноцветные стекла косящата окна московских палат бояр Романовых...

У самого этого косящата окна сидел, сгорбившись на громоздком неудобном троне, Ленин, сдвинув на затылок расшитый старым жемчугом кокошник, задумчиво вязал шерстяной чулок для одного из своих добрых красных китайцев.

Вдруг раздался быстрый топот ног, звяканье шпор и в палату, как вихрь, влетел молодцеватый Троцкий, помахивая какой-то телеграммой.

— Ур-ра! — с порога закричал он. — Япония объявила нам войну! Владивосток взят ими, Хабаровск взят...

— Что ж ты так радуешься?...

— Помилуй! Неужели, не понимаешь? Ведь мы должны гордиться! Наконец-то нас признали как государство!

Ленин задумчиво почесал бровь вязальной спицей.

— Из чего же это видно?..

— Как из чего? А объявление войны?! Ведь, знаешь ли, зря с кем солидное государство не воюет!! Вот и мы, наконец — великая держава! И перед другими не стыдно.

— А я все-таки не вижу, в чем тут радость... Обыкновенно ведь перед войной бывают мирные добрососедские отношения между соседями, а у нас с ними какие были отношения? Даже не разговаривали с нами, даже послов наших у них не было. И вдруг — на тебе! Города стали отбирать! Это все равно, как бы сосед по улице — при встречах со мной не раскланивался бы, не раскланивался, а потом вдруг взял да неожиданно меня по шее и съездил. Где ж тут признание великодержавности?

— Ну, ты уж скептик известный. А по-моему, трудно начать. А там и пойдет: и верительные грамоты будем вручать,

и послов будем отзывать, и мирные трактаты подписывать. Ну, ты! Подвинься немного: расселся, весь трон занял.

Троцкий опустился рядом с Лениным, вытянул ноги, зажмурил глаза, потянулся и сказал мечтательно:

— Скоро устрою у себя во дворце торжественный прием иностранных послов... Надену кирасирского его величества полка мундир, буду обходить ряды иностранных послов и милостиво расспрашивать об их нуждах. «А что, — спрошу у сэра Бьюкенена, — как поживает мой дорогой кузен и друг Георг?...». Заманчиво, канальство!

Ленин опустил на колени недовязанный чулок для бедного красного китайца, покачал головой и промолвил укоризненно:

— А препустейший ты паренек, Левка, как я на тебя посмотрю. Как говорит старинная русская пословица: «на рубль снобизма, на грош социализма».

ФЕЛЬЕТОН ДЛЯ АНГЛИЧАН ДРУГА АНГЛИИ АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО

Я не какая-нибудь старая баба, и снам не верю; и когда кто-нибудь пытается рассказать свой сон, мне делается смешно и досадно...

Все сны бестолковы, запутанны и идиотски нелепы, а рассказывают их почему-то с серьезным, едва ли не благоговейным видом...

Подопрет толстую щеку рукой какая-нибудь Подстега Сидоровна и начнет нараспев:

— И видела это я, отец мой, море глыбокое — преглыбокое... и будто это не море, а наш серый кот Гришка... и вдруг говорит он мне голосом человечьим: «А что, мамаша, не найдется ли у вас папироски... Гляжу я, а это не кот, а наш сосед Драпкин... Только нету у него ни рук ни ног, ни живота — самисеньки зубы. Все зубы, зубы и зубы... И вместо глаз зубы, и вместо носа зубы... А зубы, говорят, во сне нехорошо видеть — какая-то неприятность.

А неприятность у нее такая, что я, слушая ее, искренно желаю, чтоб ее чума унесла.

Вот какое мое отношение к снам.

И, тем не менее, мне вчера снился такой умный, такой логически обоснованный, такой связный сон — что я беру на себя смелость опубликовать его.

Для этого сажусь поудобнее, подпираю щеку рукой и, вперив задумчивый взгляд в даль, начинаю:

— Сплю это я и вижу, отцы мои, будто я в Англии... Будто бегает, хлопочет Ллойд Джордж, чтобы с русскими кооператорами товарообмен завести. Но будто это не кооператоры, а большевики, а один из них будто и говорит товарищу:

— Нам бы только этих англичан империалистов за пальчик ухватить, а тут и вся рука наша будет!

И будто Ллойд Джордж с ними переписывается, разговаривает, а разговор этот будто на рабочем банкете и Литвинов будто все мигает во время разговора да мигает английским рабочим — заходи, мол, а те так незаметно заходят да заходят за спинку Ллойд Джорджа.

Зашли сзади да вдруг как гаркнут:

— Да здравствует власть советов!!!

И будто это уже не рабочие, а большевики.

И говорят они голосом человечьим:

— Мы тебе покажем кооперацию! Ребята, все на улицу, бей буржуев!

И будто всюду по Лондону замелькали красные флаги — и в деловом солидно-богатом Сити, и на нарядном, роскошном Пикадилли...

Уже и за строительство английские большевики принялись — баррикады строят — и за упорядочение финансов — сейфы в Сити вскрывают, — и за сельскохозяйственные работы — коттеджи жгут и помещиков на деревьях развешивают.

И будто совсем уже все на волоске висело, да королевские войска, оставшиеся верными долгу и родине, дружно ударили на «кооператоров» и разбили, разогнали их...

И будто явились под ручку к Ллойд Джорджу сэр Бальфур с Черчиллем и говорят:

— Вот видите, до чего довело ваше заигрывание с левыми, сэр! Вот видите, что значит — «предоставить России вариться в собственном большевистском котле». Кажется, мы от них за тысячи верст, ан и нас ошпарило!

* * *

Проснулся я — долго не мог прийти в себя...

Кошмарный жуткий сон...

Я очень люблю англичан, я искренний друг Англии и поэтому мне было тяжко пережить это даже во сне...

И поэтому, приложив руку к сердцу, скажу я:

— Англичане! Лорды, пэры, сэры и эсквайры! Пока не поздно, подумайте о вашей «Олд Мэрри Энглянд». Как бы «старая веселая Англия» не сделалась «новой печальной Англией»... У нас, у русских, есть такое выражение: сон в руку. Попросите, чтоб вам перевели эти три слова на английский язык. Я — ваш друг.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

О чем шумите вы, народные витии?

Шум, треск, рев, грохот, золотое сверкание и звон во все колокола!

Весь свет оповещен об этом по радио, и повсюду — сенсация налетевшего тайфуна, чудо вроде выпавшего града, величиной с телячью голову.

Неправда ли, — газеты сейчас сообщают одни только важные, выдающиеся, потрясающие новости — для второстепенных бумаги не хватает!.. И вот: газеты сейчас сообщили радионовость, подобную рождению лошади с двумя головами и десятью ногами...

Именно — при уплате эстонскому правительству долга в 15 милл. рублей золотом — советское правительство не только уплатило все до копеечки, но даже переплатило по ошибке... пять рублей.

Да это, действительно, есть от чего глазам выкатиться на лоб!

Грабитель, который только и делал что обдирал прохожих, вдруг — заплатил прохожему какой-то долг — и не только заплатил, а еще пять целковых переплатил!! Убийца, повинившийся в 17-ти душах, вдруг ласково потрепал маленькую девочку по щечке!! Человек, вырезавший большую семью, — вскормил в тюрьме воробушка... Советское правительство не только что-то заплатило, но и переплатило.

* * *

Я даже знаю, как это было на самом деле.

Подсчитывая украденное в частных сейфах золото для уплаты эстонскому правительству, комиссар финансов сказал со вздохом своему помощнику:

— Экую уйму зря отдаем!

— А знаете? Вы десяточек золотых не доложите... Зажмите! Авось не досчитаются.

— Эстонцы-то? Да они из-за недоданного гривенника скандал подымут!.. Вы не знаете этого народца! Нет, мне пришла в голову другая мысль: мы им лишний десяток всучим — вот-то треск по всему миру пойдет.

— Почему?!

— Ну как же — всякий скажет: «э, дескать, богатая же это страна Совдепия, что золотом так швыряется!».. Я думаю, товарищ Троцкий меня расцелует за эту мысль!

— Гм!.. Сколько же вы хотите им подсыпать лишних золотых?

— Десять штучек.

— Гм!..

* * *

Эстонцы, как известно из газет, вернули «один, переплаченный по ошибке, золотой».

Комиссар финансов и помощник встретились как-то после ошеломляющего случая с «переплаченным золотым».

— Ну-с?.. — сказал комиссар, укоризненно поглядывая на помощника.

Тот отвел глаза.

— Что «ну-с»?!..

— Показали мы в секретный агитационный фонд, что переплачено десять штук, а вернули нам только одну штуку.

— Да уж, знаете, эти эстонцы...

— «Эти эстонцы»?.. Молчали бы лучше. То-то вы все терлись около подсчитанных мешков.

— Ну, знаете, это уж хамство! Даже если я и терся — все-таки эстонцы должны были после меня получить лишних шесть штучек!.. Вы бы сами лучше молчали!..

— Ну, что ж... Давайте тогда вместе молчать.

— Гм.. да!..

— Но каковы эстонцы, а? Мы им переплачиваем десять штук, а они нам возвращают только одну!..

— Народец!

— Пальцев в рот не клади!

— Хотя, по-моему, все равно — что десять монет, что одна. Главное — моральное впечатление.

— Оно — огромно!

— Только знаете, что? В следующий раз нам с вами нужно координировать наши действия...

— Почему?

— А вдруг бы у эстонцев одной монеты не хватило?..

— Да уж это такой народ, что...

НАСЕДКА

— Дома Ван-Ваныч?

— Дома-то дома. Но очень занят. Работает.

— Ну, я через час зайду.

Через час.

— Можно видеть Ван-Ваныча?

— Никак нет. Дверь на ключе, сидят, никого в кабинет не пускают. Видимо, работают.

— Да что он такое важное делает?!

— Второй день так уже заперлись. Говорит: тысячные дела делаю.

— Да может он там фальшивые бумажки печатает?! А ну-ка, постой... я в замочную скважину погляжу... Слушай!!! Да что же это такое?! Сидит он посреди кабинета в кресле, сложив руки на животике, и на стенные часы любуется!! Какая же это работа?! Вот бесстыдник!... Эй, Ван-Ваныч! Открой, голубчик. Я по важному делу пришел.

— Кто там?!! Носит вас, чертей! Что тебе нужно?! Человек сидит, запершись, важным делом занят, а он, как черкес, ломится...

— Постыдись! Ведь я в замочную скважину видел: ты сложа руки сидел?!

— Хорошее дело — сложа руки, я за это время, как мы с тобой разговариваем — пятьсот рублей заработал!

— Послушай... ну что ты врешь! Ты и сейчас сидишь буквально сложа руки. Даже пальцы левой с пальцами правой сплел... Только что на часы смотришь... Но разве ж это работа?

— А ты что думаешь? Мне интересно по часам видеть, как я зарабатываю.

— Чем?!!!

— Не кричи так: яйцами. Ты знаешь, почем сейчас десяток яиц?

— Вчера 500.

— Вот видишь! А сегодня 600. А завтра будут — 700.

— Да тебе-то что от этого?

— А я вчера купил десять тысяч штучек за 500 тысяч. Сегодня они уже стоят 600, завтра 700 — и так дальше... Выходит, что в час я зарабатываю 4166 рублей! В минуту 69 целковых. Вот сижу тут и гляжу на часы: секундочка стукнула — целковый пожалуйте, минутка проползла — 69 клади на бочку. Час пробил — 4166 рубликов в кармане... А ночью... ты подумай! Это же не сон будет, а тихое наслаждение! Я лежу, как ребеночек невинный, на спинке там или на бочку, а тут тик-так, тик-так, рубль-рубль, рубль-рубль... Утром продрал глазки, а на ночном столике невидимые простым глазом сквозь видимые миру слезы — тридцать две тысчонки и лежат этакой пачкой! Умываюсь я студеной водичкой, а сзади: тик-так, рубль-рубль; шнурок на ботинке завязываю, ан за эту минутку я уже на 70 целковых богаче!

Умылся, оделся, прибрался, засел в креслице — и гляжу на часы, гляжу, гляжу, не отводя ясных глазонек...

— А чтоб они у тебя лопнули, твои ясные глазенки! Никифор, подай мне пальто! Ухожу. Что ж ты мне, дурак, раньше не сказал, что твой барин на яйцах сидит?

* * *

— Никифор! Никого не принимай! Будут меня спрашивать, говори — барин-де в кабинете заперся, важным делом занят!

Тик-так, тик-так...

ЛЮДИ КАМЕННОГО ВЕКА

— Читали последнюю книжку Блока?
— Генриха Блока или Жоржа Блока?
— Ваша профессия?
— Виноват, я вас не понимаю...
— Я вас спрашиваю: что вы делаете?
— Что? Дичаю.

* * *

— Это — все мы.

Оглянитесь назад, сравните себя с тем, чем вы были до революции, вдумайтесь... Волосы зашевелятся на вашей голове.

Всем интересующийся, все читающий, на все отзывающийся человек — умер...

Цена на говядину, рецептик на спирт, валюта — вот тот магический треугольник, в который заключен человек — еще пять лет тому назад бывший богоборцем, шаляпинистом, акмеистом, импрессионистом, неомистиком, поклонником Рабиндраната Тагора, яростным апологетом учения Жнани-йога.

Спросите его теперь:

— Как вам нравится «Сад» Рабиндраната Тагора?

— А как вам нравится цена на подошвенную кожу?

— Вы знаете, когда я впервые увидал «Венеру» Тициана...

— Это моторная или парусная? Она может взять на Варну партию табачку?..

Недавно одна барышня, учившаяся как-никак в гимназии, в разговоре назвала оперу «Самсон и Далила» так:

— Самсон Данилыч.

Некто спрашивал в магазине книгу Чарльза Дарвина «Происхождение видов»:

— Дайте мне книжку Чарльза Диккенса «Происхождение видов на жительство».

Но особенно пышную, исключительно махровую дикость можно было наблюдать в самые последние дни в связи с переводом часовой стрелки на час вперед.

Кажется, даже для малокультурного человека — просто как палец.

До перевода стрелки вставал ты в восемь часов, в девять шел на службу или открывал магазин, от часу до трех обедал и отдыхал, в 8 часов шел в театр.

Переставили тебе, дураку, стрелку, ясно сказали:

— Вот мы переставили тебе часовую стрелку, но жизнь твоя совершенно не должна меняться: по этим новым часам ты все-таки встанешь в 8 часов, в 9 идешь на службу или открываешь магазин, с часу до трех обедай и отдыхай, в 8 часов или в театр или сиди дома — никто тебя не неволит! Делай то же самое и в те же часы, что и раньше! Ничего не меняется!.

Но посмотрите, как коллективный, собирательный городской дурак запутал этот простой, как палец, вопрос.

Говоришь ему:

— Приходите ко мне по делу в 10 часов утра.

— По какому времени? — обстоятельно осведомляется собирательный городской дурак.

— Как по какому? По обыкновенному.

— Значит, по-старому?

— Почему по-старому?!!

— Ну да: старое — это обыкновенное, а новое... Это такое... новое.

— Ах, ты, Господи! Раз весь город обязан жить по новому времени, то почему я буду назначать вам свидание по-старому?

— Хорошо, значит, я приду к вам в 11 часов.

— Я говорю — в 10!!

— Ну да так же оно и выйдет: по-новому в 10, а по-старому — в 11.

— Наоборот, черт вас возьми! По-старому в 9.

— Позвольте... Стрелка по-новому переведена вперед... Если мы отодвинем ее назад, то там, где было 11, то минус час по прежнему... Нет, не так... Плюс час по-новому... Ф-фу, какая запутанная штука... Никак не могу разобраться.

— Да что вам так трудно?!! Приходите по-новому в десять! Так просто.

– Нет, это не так просто. У меня часы по старому времени. Так что же я должен: вычесть час или прибавить?

– Да чего же вы не переведете часы?

— Стоит ли? А потом осенью опять обратно. Я лучше так буду помнить.

И, совершенно запутавшись, городской коллективный дурак открывает магазин не в 8 по-старому, не в 9 по-новому, а так... в 37½ минут девятого, вроде как безграмотный ученик запятую ставит: чуть-чуть. Если, мол, скажут — запятой тут не надо — отопрусь, заявляю, что эта волосинка прилипла, если нужна запятая — вот она, малюсенькая.

Один человек, облеченный некоторой властью, сочинил предписание:

«Потрудитесь очистить занимаемую вами комнату в 24 часа, а ввиду перевода часовой стрелки на час — даже в 23 часа!

Дикари мы!

— Молодой человек! Вы знаете, что такое гоголь-моголь?

— Ну, как же! И гоголь-моголь, и пушкин-мушкин — все знаю!

УГРОЗА

Господин, очень оборванный, покрытый заплатами, как заграничное письмо — штемпелями и марками, пришел в редакцию.

— Позвольте представиться, — с достоинством сказал он. — Я — глухонемой нищий. Можно с вами поговорить по делу?..

— Я бы с удовольствием, — замялся редактор. — Но я, к сожалению, не понимаю азбуки глухонемых на пальцах.

— А вы думаете, я ее понимаю? — грустно вздохнул глухонемой. — И не у кого научиться; живешь как в лесу. Но вы сейчас-то меня понимаете?

— Великолепно! Для глухонемого вы говорите совсем прилично.

— Как и вы — для редактора газеты. Я, верите ли, раньше был слепым, но потом раздумал.

— Однако я вижу у вас большая сила воли.

— Да! Настолько большая, что я могу вас поразить до глубины души. Знаете, что? Я думаю бросать нищенство!!

— Серьезно? Это очень опасный шаг. Надо подумать да и подумать. Я тоже этак вот знал одного очень почтенного железнодорожного вора. Решил он переменить свою

деятельность... И, знаете ли, чем кончил? Сделался, в конце концов, учредителем меняльной конторы!

— Да уж действительно... Променял кукушку на ястреба. Но что касается меня, то увы... Я должен бросить нищенство, столкнувшись с неумолимой жизнью!.. Во все эры существования мира наше время, кажется, единственное, когда нищенство сделалось совершенно бездоходным!

— Это ужасно! Неужели ваши клиенты перестали верить вашей глухонемоте?

— Как он может в ней усомниться, когда я и слушать его не хочу и разговаривать не желаю! Дело не в том. А вот скажите вы мне: вам случалось последнее время подавать нищим милостыню?

— Да, я ведь очень добрый. Если он, каналья, пристанет, как с ножом к горлу со своим нытьем — ну, на — подавись, собака, — заткнешь ему глотку бумажкой!

— Какой? Какого достоинства?

- Ну. Три рубля... или пять.

Глухонемой прищелкнул пальцами и вскричал торжествующе:

— Вот тут собака и зарыта! А сколько вы давали нищему в дореволюционное время?

— Ну... пятак. Либо гривенник.

— Гривенник? Вот то-то и оно! Так как теперь наша тысяча рублей стоит сорок копеек, то сколько вы должны мне дать, чтобы вышла подачка мирного времени? Ага! 250 рублей!! А вы даете пятерку. Значит, мы стали зарабатывать в 50 раз меньше! Ведь это же, господа, несправедливо! Если цена мяса увеличилась в тысячу раз, если сахар дороже в 20 тысяч раз, костюм в 600 раз, почему же мы получаем только в 50 раз больше! Это убыток! Так нельзя! Мы нищие — и вдруг принуждены жить впроголодь! Раньше, когда умирал нищий, у него оставалось на главной улице два-три дома или в соломенном тюфяке находили 100 тысяч, а теперь? Мы разорены! Мы должаем!

— Чего же вы хотите от газеты?

— Напишите об этом! Разбудите общество! А если оно не прислушается к нашему воплю — мы пустимся на самое последнее радикальное средство!

— Вы пугаете меня. На какое?

— Устроим свой профессиональный союз. Тогда пусть население трепещет! Теперь мы — единственные люди в России — работаем сдельно, не считаясь с количеством рабочих часов, у нас предоставлена широкая возможность совершенствования, мы даем дорогу всякому таланту, всякой гениальной инициативе! А тогда?! Восьмичасовой рабочий день, сто праздников в год. Тогда мы кое-как — тяп да ляп — отработаем свои восемь часов, а вы нам пожалуйте и продовольствие, и обеспечение залогом, и обеспечение семейств, и черта в стуле! Вот что я вам устрою! И будете вы стоять да кланяться мне, а я развалюсь и буду выламываться, как свинья на веревке!! Этого вы хотите, да?

Нищий был страшен в своем гневе...

Все лохмотья его стали дыбом, как щетина на затравленном кабане.

На счастье редактора в кабинет вошел секретарь.

Увидев новое лицо, нищий сразу успокоился и все лохмотья его пригладились. Он сложил руку горсточкой и захныкал:

— Подайте, барин, слепенькому!

— Не слушайте его, — сказал редактор. — Он уже прозрел. Теперь он глухонемой.

— Да я и забыл, — поправился нищий. — Простите... Так недавно оглухонемел, что никак не могу привыкнуть!

— Сколько же вам дать? — спросил секретарь.

— Рублей сто, что ли?.. А если сорганизуемся в союз, то и все пятьсот отдадите!

ЧУДЕСА МАТЕМАТИКИ

Некоторые угрюмые консерваторы, ретрограды, попятники, поворотники, старорежимники, обскуранты и прочая невеселая насекомая — утверждают, что все зло дороговизны и разрухи в падении производительности, в лени, в нежелании работать как следует.

— Помилуйте, — говорят эти вышеперечисленные мракобесные людишки, — нешто это работа? Не работают, а хомут клещами натягивают. Через пень в колоду, день да ночь — сутки прочь, дело не медведь — в лес не убежит, тяп да ляп — вышел корап, сел да поехал — ах, хорошо!

Оглянулся назад — одни спицы лежат... Вот что это такое, а не работа. Разве раньше, до революции, так работали?

Уж совсем было я загрустил и призадумался: а вдруг и впрямь эти ретроградные человечишки правы? А вдруг и действительно у нас нынче никто ни черта не делает?

Да спасибо — один знакомый математик выручил... Успокоил. Обрадовал. Развеселил.

Вот голова! И откуда что берется, черт его побери!

Спрашиваю его:

— Скажите, господин математик... Не есть ли вина половины нашей нехватки и дороговизны в том, что дан восьмичасовой рабочий день?

— Да, говорит, именно в этом.

Побледнел я, как бумага. Не та, на которой теперь газеты печатают, а прежняя.

Кротко упрекнул математика:

— И вы туда же?

— Да! Тысячу раз и я туда же! Разве можно было устанавливать восьмичасовой рабочий день? Это много!!

— Да что вы говорите! А сколько же надо?!

— Сколько?.. Сколько нужно, чтоб рабочий работал? Два часа!

Я открыл рот и с некоторым испугом поглядел на математика.

— На каком же это вы основании! Не мало ли будет?

— На математическом я основании. И нисколько не мало!! Возьмем для примера стекольный завод. Как раз я недавно его осматривал, знакомился с производительностью! И я вам математически докажу, что два рабочих часа выгоднее ваших хваленых восьми!.. Интересуетесь?

— Сгораю!

— Раньше на этом стекольном заводе рабочий работал десять часов. И делал он в день — десять стаканов! Теперь он работает восемь часов и... знаете, сколько он делает стаканов?

— Знаю: восемь.

— И попали пальцем в небо! Три стакана он делает! Обращаемся теперь к области математики, которая никогда не лжет: если рабочий в восемь часов делает три стакана, а раньше в десять часов делал десять стаканов, то, значит,

недостающие семь стаканов он делал именно в эти два лишних часа!

— Неужели?

— Да уж будьте покойны. Теперь: не лучше ли фабриканту, не выгоднее ли — заставить рабочего работать только эти два лишние часа и получить семь стаканов, чем за восемь часов получить три стакана?

Не поверил я, взял карандаш, высчитал: 10 часов = 10 стаканам, 8 часов = 3 стаканам. Из 10 часов вычтем 8 часов; в остатке 2 часа. Из десяти стаканов вычтем три стакана — в остатке 7 стаканов... Да! Правильно: 7 стаканов в 2 часа.

Итак — рабочий вопрос разрешен!

Теперь все дело в том, чтобы найти, уловить, поймать за хвост эти два замечательные часа, в которые так продуктивно работается!!

Больше всего мне приятно, что я, вкупе с рабочими и математиком, так осрамил всех ретроградов — десятичасовиков, всех обскурантов, попятников, поворотников, мракобесов и прочую скрипучую стонущую насекомую!

Товарищи! Да здравствует двухчасовой рабочий день!

БУЛЬ ДЕ НЕЖ

Могу сказать: посчастливилось мне. Повезло!

Я вчера видел такую штуку, которую едва ли кому удастся увидеть.

Зрелище столь же редкое, как если бы кто-нибудь подсмотрел любовные объятия влюбленного тигра и тигрицы в индийских джунглях...

Я видел своими собственными глазами, *как повышаются цены*!

Это нужно понять! Не то, что чувствовал повышение цен, ощущал на своей шкуре, нет! Я именно видел *физически глазами, как повышаются цены!*

Совершенно два разных ощущения.

Ведь есть же огромная разница между тем, что вы, скажем, прочитали в газетной хронике заметку петитом о том, что «в районе Рудольфовой горы нашли труп неизвестного мужчины с резаной раной на горле» — и тем, что вы бы

сами, своими глазами, видели, как произошло это убийство: как убийца повалил несчастного на землю, как навалился ему на грудь, как, тяжело дыша, шарил у себя в кармане матросский ножик, как зубами раскрыл его и как стал медленно пилить лезвием по горлу, в котором что-то клокотало и пульсировало...

В первом случае — пробежали вы сухую заметку ленивыми глазами, прихлебнули из стакана полуостывший чай и, сейчас же забыв о трупе «с резаной раной на горле», переползли глазами на «отсутствие в городе воды».

А во втором случае — вы целую ночь не будете спать! Вам все время будут мерещиться полузакатившиеся глаза зарезанного, белые зубы под темными усами, открывающие лезвие ножика, трепыханье истекающего кровью тела — мало ли что!

Так и я — не спал почти целую ночь, а? Подумать только — своими собственными глазами видел, как повышаются цены!

Было это так: подхожу я вчера к лимонадной будке выпить стакан сельтерской с сиропом, каковая несложная комбинация вот уже неделю стоит 60 рублей.

Впереди меня какой-то господин медленно тянул из стакана тот же самый напиток, выпил, спросил «сколько?», получил в ответ «шестьдесят» — и стал расплачиваться...

А с другой стороны подошел человек с пучком шнурков для ботинок.

— Почем шнурки? — спросил я.

— 340 за пару.

— Ого! Многовато! Хозяин, дайте мне стаканчик с сиропом.

Я выпил, спросил машинально — «сколько?» — хотя прекрасно знал, что шестьдесят... И вот тут-то произошло это необычайное, потрясающее событие, тут-то и представилось моим изумленным глазам зрелище, о котором я говорил выше...

На мой вопрос угрюмый хозяин, лицом очень напоминавший того, выдуманного мной убийцу-матроса, помолчал, потом переглянулся с мокроносым мальчишкой, гнездившимся в глубине будки и в это момент вяло перемывавшим в помоях чистые стаканы... Переглянулись они и показалось мне, что какая-то зеленая искорка перескочила из одних глаз в другие.

Судя по последствиям взглядов, первый из них гласил:

— А что если я этому фрукту ахану сразу сто — не закричит он?

Второй взгляд мокроносого мальчишки ответил:

— А что с ними, чертями, церемониться?!!.. Валяй!

И свершилось!!

— С вас сто рублей, — холодным тоном, в котором сквозила некоторая неуверенность, произнес убийцевидный хозяин.

Тр-рах! Ну, клянусь вам, я своими глазами видел, *как* повышаются цены на предметы нашего обихода.

И мне до слез сделалось обидно, что это так просто... А я-то воображал, что люди собираются на какие-то свои сельтерско-лимонадные заседания, что у них идут ожесточенные дебаты, что читаются доклады о необходимости повышения ставок на сиропную воду — с цифрами и диаграммами в руках, что все голосуют за и против, и что необходимость повышения выносится большинством голосов, на основании железной необходимости и полной безвыходности положения.

А тут... так просто!

Человек с лицом убийцы переглянулся с мокроносым мальчишкой — и на тебе! Я от этого взгляда обеднел на 40 рублей.

Хоть бы в этот момент разносчик лимонада подал хозяину какую-нибудь записку, хоть бы жена подбежала к нему и шепнула что-нибудь на ухо, хоть бы гром грянул или дождик пошел в это момент — все-таки, хоть некоторое основание.

А то — переглянулись — и на тебе! Подойди я двумя минутами раньше — я был бы богаче на 40 рублей.

* * *

После меня пил воду продавец шнурков. Выпив, вынул из кармана шестьдесят рублей, положил на прилавок, но хозяин возразил уже очень уверенно:

— Еще сорок!

— За что?! Вчера же стоило 60, — завопил менее застенчивый, чем я, продавец шнурков.

— Как за что? А вы знаете, почем теперь овес, почем одна подкова?

Это соображение до сих пор никому не приходило в голову — да, вероятно, и самому лимонадчику.

— Причем тут овес?!

— А вы думаете, мы воду на спине таскаем? Лошадь с фабрики развозит. Что это у вас? Шнурки? Почем?

Разносчик шнурков покосился на меня и сказал:

— 410.

— Тьфу, черт! Да ведь ты только что говорил этому господину — 340?!

— Какому? Вот этому?! Да я и не о тех шнурках говорил. А эти 410.

Подошел еще один прохожий.

— Почем шнурки?

Цена уже оформилась и закостенела:

— 410.

— Что так дорого?!

— А вы знаете, почем теперь овес? А подковы?

* * *

И покатилось...

Разозленный на дороговизну прохожий пришел к себе в магазин и поднял цены на нитки, молочница, покупавшая нитки, тоже разозлилась, колбасник, покупавший молоко, тоже обиделся...

Прямо-таки, страшно подумать, сколько завтра будет стоить яйцо.

* * *

А повесить бы своевременного сельтерского хозяина с убийцевидным лицом — никакой бы этой катавасии и не было.

А мокроносого мальчика — высечь.

БЫК, СХВАЧЕННЫЙ ЗА РОГА

Существует у нас очень красивый институт с чрезвычайно длинным названием и необычайно короткой деятельностью.

Вот его звучное название:

— «Междуведомственное совещание, посвященное топливному кризису в Севастополе».

Оно — деятельно.

Оно — работает.

Оно — хлопочет.

Оно — что-то делает.

На днях, например, оно высказалось за необходимость переставить часовую стрелку еще на 1 час вперед, дабы работа электрических станций не превышала 3-х часов.

Реформа такая, что пальчики оближешь.

Жгли угля на станции, скажем, 1000 пудов, переставили на час — стали жечь 750.

И еще на час — будет 250 пудов, и еще на час — ни пудика угля у нас не сгорит!

А если уж так рука разошлась, то почему и еще на час не передвинуть стрелку — она стерпит — и тогда у нас ежедневно будет 250 пудов угля прибыли!

Откуда она возьмется, неизвестно, но по математике это так.

А 250 пудов угля в день, свалившиеся с неба, могут обеспечить нам воду из городской водокачки.

И кругом хорошо будет, и все будут довольны!

Междуведомственное совещание будет заботливо укладывать нас в постельку в 6 часов вечера, разбудит в час ночи, пообедаем мы в 4 утра, а там часиков в 10 и в театр можно сходить.

Одно только меня беспокоит: не сопьются ли от безделья рабочие электрической станции?

Но «междуведомственное совещание» и тут найдется: оно запишет их в общество трезвости.

* * *

Перевод стрелки на один час вперед понравился всем, как мера остроумная, логическая и ни для кого не обременительная.

Но если переведут стрелку еще на час вперед, и еще на час — простите меня — это будет напоминать старый анекдот, вяло рассказанный в двенадцатый раз.

Первый раз смеялись, а потом...

Не забавно, надоедливо, обременительно и вызывает чувство досады на рассказчика:

— Кому это нужно?

Молитва — очень возвышенная эмоция, но нельзя при этом случае разбивать себе лоб.

* * *

Могут возразить:

— Вот вы все смеетесь да смеетесь, а лучше бы указали выход из положения.

И это могу.

Прямо схвачу быка за рога и если ударю, то не по оглобле, а по коню. Вот:

— Для устранения топливного кризиса нужно распустить междуведомственную комиссию по топливному кризису, а на сделанную от сего экономию в жаловании, платимом членам комиссии, — купить валюту, а на валюту — купить за границей угля, коим и поддержать работу электрической станции, отнюдь не передвигая больше часовых стрелок, кои не для того созданы, чтобы, как сумасшедшие, носиться по циферблату для удовольствия членов междуведомственной комиссии по топливному кризису, — а лишь для указания приблизительного, по солнцу, времени.

Ф-фу! Фраза моя многодлиненная, но очень деловая.

А то ведь у нас как делается:

Водяной кризис? Угля купить не на что?

Так соберем огромную комиссию для борьбы с водяным кризисом! Положим им жалованья — миллион! Пусть борются!

Дороговизна?

Давай сюда комиссию для борьбы с дороговизной!

Нет денег для очистки от грязи города?

Нате вам 10 миллионов на санитарные попечительства!

* * *

Нет, братики... Единственная комиссия, которая нам нужна, это «комиссия по борьбе с разными комиссиями, борющимися с разными кризисами».

МОЛОДНЯК

В майское утро море особенно любовно жмется к несговорчивому каменистому берегу.

В майское раннее утро очень хорошо сидеть на камушке у глубокой темно-зеленой воды с удочкой в руке и думать... А если под боком сидит понимающий человек, то и словечком ленивым с ним перекинуться можно, тихо-тихо, чтоб не спугнуть чуткого бычка или рулену.

Так оно в данном случае и было: на краю низкой, позеленевшей у воды, скалы сидели трое: интеллигент с рыжей бородкой Утин, интеллигент с черной бородищей Мячин и между ними восемнадцатилетний столбообразный ученик реального училища Даня, в форменной фуражке и какой-то пестрой фланелевой блузе.

Даня молча сосал папироску, а Утин и Мячин через его голову перебрасывались странными, совершенно для Дани непонятными, словами:

— И заметьте... — говорил Утин. — У Ахматовой очень ценное сочетание: мужского охвата темы, ширины кругозора и, вместе с тем, мягкого, углубленного, чисто женского касания в деталях.

— И поэтому многие из позднейших, пренебрежительно фыркая на нее, в то же время тихонько грабят ее форму и манеру письма.

Даня прислушивается к последним словам, швыряет докуренную папиросу назад через головы, чтобы не спугнуть рыбы, и решает, что в данном случае и он может сказать свое слово:

— Да... — солидно замечает он. — Вообще эти грабежи теперь... Слышали, как недавно у Байдарских ворот компанию ограбили? Очень была икряная компания.

— Я ее очень уважаю за то, — продолжает рыжебородый Утин, — что она, идя по тернистому пути к большой известности, не начала со скандала и фиглярства, как все эти Маяковские, Бурлюки и даже этот парикмахерский Игорь Северянин.

— Вот насчет этого вашего эпитета по отношению к Игорю — я не согласен. Вы знаете, что у него среди макулатуры и дребедени — попадаются подлинно пушкинские строфы.

Сердце Дани радостно ёкает. Вот удобный предлог и ему сказать кое-что о литературе.

— А вы знаете, я один раз тоже Пушкина читал. Накажи меня Бог! Страниц шестьдесят с маху откатал. Довольно ловко пишет.

— Неужели читали? — с плохо скрытой иронией басит чернобородый Мячин. — Вот, действительно, повезло.

— Ну да, повезло. Книг же теперь нет, так я иногда у тетки беру. Вот тоже книжка здорово написана: «Клуб червонных валетов». Читали?

— Чья книжка? — презрительно спрашивает Утин.

— Что значит — чья? Теткина. Вот там здорово, как их полиция накрыла, а ихний предводитель...

— Скажите, вы историю литературы проходили?

— Не успели. То эпидемия была, то реалку реквизировали. Почему говорят «рек-визи-ровали», а не говорят «глаголаша штемпеля на паспорт ставили»?..

— Дураки, может, и говорят, — сурово замечает Мячин. — И все-таки (относится он к Утину) я нахожу у Северянина много сахару!..

— А вы знаете, — деловито вставляет в разговор Даня. — Мать четыре месяца тому назад по 360 покупала. Вот бы купить тогда пудиков десять да выдержать...

Черный Мячин и рыжий Утин по-интеллигентски бестолково недоумевают:

— Чего купить?

— А сахару. Так все ж думали тогда, что он падать будет.

Утин кивает головой и говорит Мячину.

— Homo novus.

— Да... «Здравствуй, племя молодое, незнакомое»...

— Интересно, как бы, например, Достоевский подошел к такому раритету...

— Какой же это раритет? Просто обычный продукт нынешнего великого сдвига. Ни уши, ни нижняя челюсть отнюдь не дегенеративны и камперов угол — хоть куда!

Дане определенно скучно.

Он переводит тоскливые взоры с Утина на Мячина, с Мячина на Утина — всей душой хочет понять этот темный, похожий на воровской жаргон разговор, — и не может.

О чем они говорят? О ком?

— А, по-моему, это и хорошо для возделывания злаков на будущее время: девственная целина! Нетронутая почва.

— Ну, уж и девственная! А мозговые извилины бурьяном так заросли, что волос дыбом. Кто полоть будет? Кто будет сеять?

Даня с облегчением вздыхает: «Вот оно, наконец, понятное...».

— Они только для себя сеют, сволочи. Нам, говорят, ваши бумажки не нужны. Давайте мануфактуру! Так я с товарищем ходил к ним на хутора, и за паршивую старую жилетку — полпуда муки выменял и десяток яиц — накажи меня Господь! А за турецкую золотую лиру можно целую барашку выменять!

Утин забирает свою рыжую бороденку в рот и задумчиво говорит:

— Чехова бы сюда!

Мячин сердито взмахивает удочкой, кладет ее около себя и спрашивает:

— А вы, молодой человек, «Дядю Ваню» видели?

— Видел. В Киеве.

— Понравилось?

— Ничего себе. Только по-моему вся эта французская борьба — одно жульничество. Но, как арбитр, дядя Ваня...

Мячин вскакивает, собирает удочку, подхватывает ведерце и, не прощаясь с Даней, угрюмо говорит:

— Пойдемте же, Николай Семеныч.

Уходят.

* * *

Даня остается один.

Солнце припекает сильнее, и его отвесные лучи чуть не растапливают Данин мозг.

А мысли в этом полурастопленном мозгу бродят такие:

— Ну, не сволочи? Пользовались моими же червяками, говорили непонятное и ушли, даже не простившись. А у рыжего очень неплохая часовая цепка. Купить бы тысяч за 30 — можно бы большой навар снять.

ШОКИНГ

Настоящая искренняя дружба заключается вовсе не в том, чтобы исключительно отвешивать поклоны и откалывать сверкающие комплименты.

Грош цена такой дружбе, к дьяволу такого сладкогласного приторного друга.

Если нужно, то истинный друг *обязан* сказать правду в глаза, как бы она ни была жестока.

Я — истинный друг Англии.

Я — хочу сказать ей правду в глаза, хотя и мне это будет тяжело, и Англии не совсем приятно.

А нужно. Иначе — какой я, к черту, друг прекрасной, искренне и горячо мною любимой и уважаемой Англии?!

Британцы! Вы все время говорите, что ваше правительство — это вся нация, правительство — это рупор народных стремлений и волеизъявления.

Значит — вся Англия отвечает за свое правительство, как отдельный человек — за решения своего ума, за биения своего сердца.

До сих пор Англия была — страной джентльменства, страной строгой чисто британской честности и опрятности.

Англичане! Что сделалось с вашим правительством?

Последние номера газет принесли подробные сведения о переговорах Великой Англии с кучкой мошенников и физических убийц — убийц до того ясно выраженных, что живи они в Англии — суровый английский закон давно бы уже поднял их на аршин над землею — на тонкой пеньковой веревке.

Вы говорите, англичане, что ваше правительство — это нация.

Нет! В данном случае это не так. В данном случае я вижу категорическое, безусловное разобщение этих, казалось бы, слитных частей одного организма.

Я уверен, что Англия — вся нация — не знает, что такое большевики и что такое Советская Россия, но английское правительство знает это, потому что оно обязано иметь и оно имеет точную информацию.

И несмотря на это, несмотря на полное знакомство с моральными свойствами своих будущих контрагентов —

английское правительство все-таки вступает с ними в какие-то переговоры, вырабатывает с ними какие-то условия.

Англичане! Это же ваше собственное слово, ни на какой другой язык точно не переводимое:

— Шокинг!

Общение вашего правительства с большевиками — это сплошной, разительный, вопиющий шокинг.

Знаете ли, что такое «Советская Россия»? Я скажу, и пусть кто-нибудь осмелится меня опровергнуть, уличить меня во лжи и преувеличении...

Вся «Советская Россия» — это огромный, хорошо организованный для своих специфических целей публичный дом, со всем его своеобразным и страшным для непривычного глаза укладом: с заманиваем невинных девушек, со спаиванием, развращением их, с жестокими побоями в случае сопротивления, с целым кадром убийц — вышибал, альфонсов, своден... Снаружи, с улицы, все кажется сверкающим, залитым огнями, из окон несется веселая музыка, топот танцующих ног, и только иногда ночную тьму прорежет, заглушая и музыку, и клики «гостей», — вопль убиваемой горьковским «Рыжим Васькой» девушки — за отказ от «веселой жизни».

Снаружи — электричество, «интернационал», святая свобода и радостное строительство, внутри — обман и разрушение — и только обман и разрушение, насилие и разврат — и только насилие и разврат!

Разве английское правительство не знает этого? Полноте! Правительство все обязано знать.

И, зная, оно ведет разговоры с большевиками! Оно принимает их у себя!

* * *

Мисс! Прелестная, чистая английская мисс, увенчанная золотой короной волос над непорочным лбом, девственная, непорочная, точно сошедшая с картины Россети — мисс, куда вас ведут?!

Вы сидите, мисс, у себя в беленькой девичьей комнатке с книжкой Шелли или Диккенса, задумчивая, как лилия в хрустальном бокале, — вдруг входит слуга, докладывает вам:

— Вас какая-то женщина спрашивает.

— Кто такая?

— Не знаю. Говорит, что имеет выгодное предложение...

Вводит.

Толстая набеленная, нарумяненная «мадам» в гремящем шелковом платье, в золотых браслетах и бриллиантовых кольцах — с самой сладенькой улыбочкой на обрюзгшем порочном лице.

— Ах, мисс! Вы такая душечка, я вас так люблю! Отчего вы никогда ко мне не зайдете? У меня так весело, всегда музыка, танцы, сырье всякое, кавалеры... Зашли бы, будем знакомы домами. Если вам захочется есть — накормлю вас такими чудесными русскими булочками, таким хлебцем, что не скоро забудете!.. И напою вас. Потанцуем у меня, с хорошими кавалерами познакомитесь.

Мисс! Чистая, белая, с золотыми волосами... Опомнитесь! Кого вы у себя принимаете! Что вы слушаете?!

Вышвырните эту гадину, вымойте вашим чудесным английским мылом благородную вашу руку, которой касалась эта торговка живым товаром, и даже то кресло, в котором она сидела, прикажите вынести на чердак!

Мисс! У вас есть много русских друзей, которые так чтили вашу чистоту и любили вас за вашу нравственную опрятность... У них сердце обливается кровью при виде вашей, непорочной доселе, ноги, занесенной уже на первую ступеньку покрытой красным ковром лестницы проклятого публичного дома!

Неужели мы, ваши рыцари, должны отвернуться от вас, наша далекая Светлая Принцесса?!

НОЙ И ХАМ

Позвольте привести в экстракте несколько последовательных нравоучительных газетных сообщений.

I

Грузия объявила себя независимой социалистической республикой. Премьер-министр Ной Жордания.

II

Грузия объявила, что в отношении большевиков она держит строгий нейтралитет.

III

Грузия разоружила добровольческие части, которые, будучи прижаты большевиками к границе, хотели пройти через территорию Грузии.

IV

Советская Россия напала на Грузию.

V

Грузия в лице своего представителя Ноя Жордания заключили с Совдепией прочный мир на особо выгодных для Грузии условиях.

VI

Сейчас же по заключении мира в столице Грузии вспыхнуло большевистское восстание. Все министры с Ноем Жордания во главе арестованы. Введены советы.

* * *

Вот и вся история Грузии.

У большой страны и история большая; у маленькой — и шести абзацев по 4 строки — достаточно.

Ах, Ной, Ной...

Так и хочется сказать ему словами Тараса Бульбы:

— ...Ну что, сынку, — помог тебе твой социализм? Помогло тебе, что ты строил пламенные глазки Ленину и Троцкому?..

Ах, Ной, Ной...

Теперь, впрочем, — ной, не ной — дело твое пропало: не поможет.

А ведь как, небось, радовался ты, Ной Жордания, когда заключил «выгодный для Грузии» мир с Совдепией.

— Хочу я, — требовал ты, стуча горячим кулаком по столу, — чтобы Грузия была совершенно независима!!!!

— Хотите? Пожалуйста! — равнодушно соглашался советский представитель, видавший виды сахалинский «Иван».

— И хочу я, чтобы Грузия называлась социалистической республикой!

— Это можно. Пусть называется, — соглашался подобно щедрой русской душе — Ивану Александровичу Хлестакову — советский дипломат.

— И чтобы Батумская область входила в состав Грузии!

— Пусть входит! Черт с ней.

— И чтобы вы отказались от всякого вмешательства в наши внутренние дела!

— Да что вы, голубчик! Нам и со своими-то делами не справиться — зачем нам ваши!

— Значит, всё подпишете?

— Что угодно! Не читая, подпишу.

Пришел домой Ной Жордания, и радовался Ноев дух, что так ловко окрутил он большевиков.

— А дипломатом вовсе не трудно быть, — признавался он потом. — Смотрите, сколько я выторговал: Грузия всё получила, а большевики — ничего!

Бедный Ной! Думал ли ты, что маленький вольт опытной руки — и все сразу повернулось шиворот-навыворот: черное стало белым, белое — черным, большевики получили все, а Грузия — ничего.

Упившись пьянящим вином власти, вел ты себя Ной как Ной, а поступили с тобой, как Хамы...

Куда же будешь теперь держать ты социалистический ковчег свой? На какой Арарат?

Да едва ли ты уцелеешь и на Арарате... Выпустишь ты голубя, а он, вернувшись на ветку, в клюве принесет клочок бумажки, на которой будет написано:

— Долой социал-соглашателей!! Вся власть советам!!

Ну, что ж, Ной... Тебе это гибель, а некоторым странам, ведущим дружественные переговоры с большевиками, — грозное momento mori.

ЛЕТУЧИЕ ГОЛЛАНДЦЫ

I

Сначала надо описать пейзаж:

Унылого вида вал за Перекопом... Растительности никакой, кроме нескольких запыленных кустиков чертополо-

ха и «драконова зуба»... Песок и пыль, жара, побелевшее от угрюмого зноя небо и — безмолвие.

На фоне этого пейзажа — жанр: группа разноколиберно одетых людей с чемоданами в руках, саками и мешками за плечами.

Их сопровождает офицер с револьвером в руках.

Дойдя до «зоны», офицер командует «стоп!», вынимает шашку и, привязав на острие ее платок, поднимает кверху это известное всему миру сооружение.

В передовой линии красных — сенсация.

— Глянь-ко, товарищи! Никак белогвардейцы сдаются!

Экстренно вызванный красный офицер с двумя солдатами вразвалку приближается к размахивающей белым флагом группе.

Увидев его, «белый» офицер опускает шашку, прикладывает руку к козырьку и тут же незаметным движением засовывает свою золотую часовую цепочку в глубь кармана тужурки.

— Сдаетесь? — спрашивает «красный» офицер.

— Мм... не совсем. Вот их сдаем. Наш Главнокомандующий делает вам царский подарок: вся дюжина — люди, жаждущие советской власти и восхвалявшие социалистический рай. А мы никого не неволим: если они находят, что лучше у вас — пусть идут к вам.

— Милости просим, — кланяется красный офицер. — Мартынов, Козолуп, берите их вещи.

— Нет, зачем же... Мы сами понесем.

— Нет, у нас уж такой порядок. Тащи, Мартынов.

— Позвольте!.. Тут у меня ценные вещи, белье!

— Тащи!!

И вся группа быстро движется на север: впереди несутся Мартынов и Козолуп с чемоданами в руках, за ними, испуская жалобные крики, трусцой бегут «апологеты советской власти», за ними — красный офицер, облегчивший-таки одного из дюжины на небольшой сак и теперь торопливо на ходу в него заглядывающий...

Русский офицер снимает с шашки платок, утирает им горячий лоб и поворачивает к себе, на юг.

Солнце печет.

II

Через неделю — тот же пейзаж: то же солнце, желтый вал, пески, пыль, чертополох, бледное от зноя небо...

И даже жанр тот же, только шиворот-навыворот: с севера приближается группа штатских людей разнокалиберно одетых под предводительством красного офицера с револьвером в руке.

И как на прошлой неделе — белый офицер — так теперь красный вынимает шашку, нацепляет на нее платок, энергично машет.

С юга показывается белый офицер с двумя солдатами, приближается...

— А что, братцы? В чем дело? Сдаетесь?

— Слушайте, кого вы нам прислали на прошлой неделе? Получайте обратно: все тут до единого.

— А что?

— Вы знаете, это не по-соседски: говорили, что посылаете большевиков, а подсунули публику всю сплошь с острым помешательством.

— Да что вы? А у нас они казались нормальными!

— Какое! С первого же дня стали заговариваться. Вдруг ни с того ни с сего один как заорет: «Вся власть советам!». Каким советам? Что такое? При чем тут Советы? А он мне в ответ: «Товарищи, защищайте завоевания революции!». Прямо с ума спятил. Мы его на работу ставим — у нас теперь обязательная десятичасовая трудовая повинность — а он ко мне с восьмичасовым рабочим днем пристает: какой такой восьмичасовой день? В чем дело?! Никто ничего не понимает! Так они... Знаете, что выкинули? Прибавки 100 проц. потребовали. Посмеялись мы, посмеялись, но однако думаем, все-таки гости, все-таки по своей воле к нам притащились — дали прибавку. И можете себе представить — через четыре дня — опять 100 проц. прибавки! Мы их, конечно, в шею, а они, — глядь! — профессиональный союз организовали да забастовку и ахнули! Это у нас-то, в Советской России! «Мы, говорят, защищаем завоевания революции!». Посмотрел их наш фабричный врач, исследовал, «да они, говорит, сумасшедшие!». Ну тут мы и решили погнать их к вам обратно. Что ж вы нам подмоченный товар шлете? Нехорошо. Забирайте!

— А где же наши чемоданы? — угрюмо спросил один из «дюжины». — Верните вещи!

— Слышите? Заговариваться стали. И глаза какие-то мутные.

— Ну, вы... Пойдем, что ли?.. — устало сказал «южный» офицер. — Надоели вы мне хуже горькой редьки!

Повел.

* * *

А в штабе был большой крик.

— Зачем вы их опять привели? Зачем приняли?.. Кто вас на это уполномочил? Ведите обратно! На кой черт они тут!

— Ну, вы... Пойдем обратно, — вздохнул офицер. — Наказание мне с вами!

Повел обратно. Повел на новое место, где его еще не знали. Довел до «зоны», вызвал красных, сплавил с рук и, с облегчением вздохнув, быстрыми шагами удалился.

А через неделю опять с севера показалась группа, ведомая красным офицером, опять был подъем платка, вызов белого офицера, опять...

* * *

Одним словом, «есть в народе слух ужасный», что на нейтральной зоне появилась дюжина «летучих голландцев», которые так и бродят с юга на север и с севера на юг — и Господь за их глупость на всю жизнь предопределил им, как легендарному «Летучему голландцу», мотаться туда и обратно — с юга на север, с севера на юг.

Страшная, зловещая легенда, но она со дня на день может превратиться в быль.

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

Завернул мне сапожник ботинки в старую-престарую газету...

Смотрю — что-то очень знакомый шрифт заголовка... Ясно вижу в перегибе бумаги:

— ...расная газе...

Старая знакомая!! Развернул — и весь ошалевший безумный Петербург конца 1917 года вспомнился мне.

Так и есть:

— «Красная газета»! ...10 декабря 1917 года...

На первой странице аншлаг вершковыми буквами:

— «Товарищи! Только большевики дадут народу хлеб и мир!».

Действительно, дали.

И на земле мир дали и в человецех благоволение...

Тогда был один фронт — немецкий. А нынче?

Попробуем посчитать... крымский, дальневосточный, петлюровский, украинский, польский... Фронтов у большевиков, как морщин на челе старца... Всю страну изрезали, избороздили. И почти каждый день страна оглашается истерическим воплем.

Сегодня:

— Товарищи! Все на восточный фронт! Спасайте завоевания революции!!

Завтра:

— Революция в опасности!! Все на северный фронт, к Архангельску!!

Послезавтра — революции угрожает южный фронт, а самый последний вопль, так сказать, «дернье кри де ля мод»:

— Товарищи! Все на западный фронт! Обнаглевшие поляки предательски выступили против нас! Отечество в опасности!

Принимая во внимание, что кроме южного, северного, восточного и западного фронтов существуют еще свеженькие направления; юго-восточное, северо-западное, юго-западное и северо-восточное — большевики могут быть спокойны, что войной они обеспечены еще лет на десять.

Компас может бешено вертеться, тыкаясь острием во все направления — куда бы он ни показал — всюду фронт...

Это снаружи... А внутри — махновский, зеленый и прочие фронты...

* * *

Много мыслей навеял на меня этот старый, истрепанный номер «Красной газеты».

В особенности очень понравились мне стишки в фельетонном отделе:

Обездоленный рабочий!
До твоей крови охочий
Царь давил тебя, как вошь,
А теперь довольно — врешь!
Ты, рабочий, отдохнешь...

И верно! Ведь только смотайся, рабочий, на юго-западный, северо-восточный, юго-восточный и северо-западный фронты, а там можно и отдохнуть, как следует.

В братской могиле.

РЕЧЬ
произнесенная английским премьер-министром Ллойд Джорджем на Лондонском совещании с советскими представителями

Джентльмены! Приветствую вас на территории Великобритании! Добро пожаловать. Приветствую главу советской миссии, мистера Красина, и его секретаря, и его ближайших сотрудников, и того джентльмена в красном галстуке приветствую, самого того, который сейчас, подняв зеленое сукно, вырезывает на столе какое-то слово...

Я надеюсь, что эти переговоры наладят, наконец, наши взаимоотношения? Думаю, что все вы стремитесь к этому — и глава вашей советской республики, и мистер Красин, и даже этот джентльмен с черной бородой, сплевывающий сейчас в бронзовую пепельницу — не имею чести знать его почтенного имени — и он стремится к тому, чтобы наши добрососедские отношения наладились!

Разумный товарообмен — вот что нам надо! Мы вам дадим мануфактуру, земледельческие орудия, медикаменты, а вы нам в обмен сырье, жиры, а также тот серебряный колокольчик со стола, который сейчас по рассеянности положен в карман самым юным членом почтенной советской делегации. Благодарю вас! Виноват... Тут внутри был золотой язычок — посмотрите, не отвалился ли он в вашем кармане?

Мне хотелось бы, чтобы наши добрые взаимоотношения были прочными и долголетними, чтобы они измерялись

годами, а не часами, которые вынуты сейчас достопочтенным членом делегации из жилетного кармана мистера Бонар Лоу, вероятно, с целью осведомления о том, насколько продолжительна моя речь, и которые, надеюсь, по миновении надобности, будут владельцу возвращены.

Надеюсь также, что я не утомил вашего внимания, ибо моя речь была так же коротка, как и сукно на этом столе после того, как самый почтенный член советской делегации в припадке свойственной великим людям рассеянности отрезал от него край метра в полтора, и сунул отрез за пазуху...

Итак — я кончил и прошу разрешения сесть, если, конечно, мой стул будет освобожден от покоящихся на его сиденье ног советского джентльмена во фраке, красном галстуке и желтых ботинках.

Да здравствует Великая Россия, да здравствует Великая Англия! Гип-гип-ура!

СТРАШНАЯ БОЛЕЗНЬ

Автор с глубоким уважением посвящает самому себе

Нижеследующая правдивая история произошла в Петербурге, в мае 1920 года, и всякий, кто усомнился бы в ее достоверности — может найти подтверждение в официальных «Записках красной коммунистической академии пролетарских наук», в анналах «Революционной судебной медицины», в заметках ежедневных газет за этот период, а также в приходно-расходной книге 3-й петербургской чрезвычайки.

Кроме того, в лазарете при красной военно-медицинской академии сохранился скорбный лист, на котором написано:

Больной: Николай Кутыкин.

Болезнь: Судорожное сокращение лицевых мускулов, сеть летучих морщин по всему лицу, концентрация их около глаз, издавание горлом странных, не поддающихся описанию, звуков, и общее непроизвольное трясение всей верхней половины тела.

Заболел: 10 мая.

Выздоровел: слово «выздоровел» зачеркнуто, сверху написано: «списан в расход 15-го мая 1920 г.».

* * *

А было все так:

В 11-м комиссариате по Организации Социалистической Советской Пропаганды на Бермудских островах, называемом в просторечии сокращенно «Компорсосопронаберост», с раннего утра кипела самая напряженная работа.

Было только 10 часов утра, когда Главкомпорсосопронаберост сладко потянулся, отпустил последнего посетителя и, вынув из кармана револьвер, выстрелил (ввиду того, что секрет устройства электрических звонков был утерян — звонки заменили другими звуками); на зов немедленно явился служитель:

— Изволили стрелять?

— Да. Позовите, товарищ Яков, Кутыкина. Пусть несет проект доклада!

Николай Кутыкин, 25-летний молодой человек, вошел, расшаркался и положил на стол четко переписанным им проект доклада.

Но едва Главкомпорсосопронаберост взглянул на первую страницу, как глаза его сердито засверкали и лицо побагровело:

— Это что еще такое?! Что **это** за дурацкое слово? Что это за орфография?

— Где?!

— Вот это: «Советская власть несет хлѣб и мир всему миру». Почему у вас хлѣб через ѣ написано?

— Простите! По старой привычке...

— Вот что, мой милый... Если еще эта ошибка повторится — я лишу вас пайка, а при следующем повторении — вы у меня станете к стенке.

Николай Кутыкин поклонился, но... вдруг с ним сделалось что-то странное: лицевые его мускулы сократились в несколько крупных морщин, около глаз сбежалась целая сеть мелких лучистых морщинок, корпус как-то особенно заколыхался, а из горла вырвались странные, совершенно неописуемые человеческим пером звуки.

Испуганный Главкомпорсосо вскочил так быстро, что автор даже не успел написать его полного сокращенного титула.

— Что с вами? Вы больны?

— Нет, товарищ Главкомпорсосоипроч... А я просто вспомнил одну вещь. 15 лет тому назад, когда я в училище написал слово «хлѣб» по-вашему, то есть, виноват, по нашему — «хлеб», то учитель мне сказал тогда: «Если еще раз напишешь «хлѣб» через «е» — я тебя оставлю без обеда и поставлю носом к стенке!».

И снова гладкое благообразное лицо Кутыкина сморщилось, лицевые мускулы сократились, верхняя часть корпуса затряслась, а из горла вырвались непередаваемые пером звуки.

— Вы больны, — озабоченно вскричал Главкомпорсосоипроч, выхватывая револьвер и постреляв, чтобы кто-нибудь пришел. — Товарищ Яков, садитесь скорей на автомобиль и привезите товарища доктора! Летите, не жалея товарища — бензина!

* * *

Доктор внимательно осмотрел Кутыкина, выстукал его прикладом (он был военнообязанный) и сказал:

— Очень загадочно. Скажите, не съели ли вы чего-нибудь такого? Что вы ели утром?

Снова предательские морщинки залучились около глаз Кутыкина:

— Утром я съел, как обыкновенно, два лота хлеба через «е»...

И снова лицевые мускулы Кутыкина судорожно сократились, непонятные звуки широкими волнами стали вырываться из горла, и корпус затрясся, как клокочущий паровой котел.

— Третий припадок, — в ужасе сказал Главкомпорсосопронаберост. — Везите его в больницу.

* * *

Целая коллегия ученых докторов осматривала больного Николая Кутыкина.

Пригласили даже самого почтенного, самого старого ученого, который, окончив трехмесячные профессорские курсы, уже 11 месяцев бессменно занимал кафедру пролетарских внутренних болезней.

И он тоже ничего не понимал.

— Как же мы будем его лечить? — спросил ассистент.

— Разберемся: какие признаки болезни? Деформация лицевых мускулов, сотрясение груди и живота, звуки изо рта. Вот эти признаки и будем лечить. Для предотвращения припадков — покроем лицевые мускулы тонким слоем гипса, возьмем в лубки грудную клетку и затампонируем ротовое отверстие.

Так и сделали.

Но когда покрыли лицо тонким слоем гипса, больной снова затрясся, и куски гипса от страшного сокращения лицевых мускулов разлетелись во все стороны.

И вдруг — один из служителей, державший голову больного, тоже затрясся, лицо его сбежалось в тысячу самых невероятных морщин, а из горла вырвались такие страшные клокочущие звуки, что профессора в ужасе посыпались во все стороны.

— Заразился, заразился! — послышались крики.

* * *

На секретной конференции представителей пролетарской науки совместно с профессорами honoris causa из ближайшей чрезвычайки было решено во избежание распространения страшной заразы — больных «изолировать», как мягко выразился старейший профессор, известный в пролетарском ученом мире тем, что он открыл в свернувшемся коровьем молоке сыворотку.

— Позвольте, я их изолирую, — предложил профессор honoris causa из чрезвычайки.

* * *

Когда больных в сопровождении шести человек с ружьями вели за город для изоляции, Кутыкин, дойдя до изоляционной стенки, сказал своему приятелю, больничному служителю, с которым он уже успел подружиться:

— Жалко, что нас будут расстреливать не голыми.

— Почему?

— Могли бы спастись.

— Каким образом?

— Да ведь стенка белая. А когда нас бы поставили у стенки, и мы побелели бы от ужаса, то можно бы так слиться по цвету со стенкой, что сам черт не разберет...

И снова обоими больными овладел сильный припадок: страшнейшее сокращение лицевых мускулов, сотрясение корпуса и взвизгивающие звуки из горла...

Раздался залп.

* * *

Это были последние больные в Советской России.

После этого страшная болезнь прекратилась навсегда.

И действительно — какой тут может быть смех?

ЖИЗНЬ МАКРИДЫ ПАСКУДИНОЙ

У торговки яйцами Макриды Паскудиной была своя затаенная, глубоко сидящая внутри, роскошная мечта.

Можно сказать с уверенностью, что это была мечта всей ее жизни. Макрида Паскудина хотела:

— Быть миллионершей!

Люди, гораздо крупнее ее по масштабу, ломали себе на этом шею, но у Макриды были свои, присущие ее полу и низкому происхождению, достоинства, которые спасали ее от рискованых авантюр, от скользких шагов, от сладкого чада непрочного спекулятивного азарта.

Миллион Макрида, конечно, хотела иметь, но для скорейшего приобретения его она и сотней рублей не рискнула бы. Ее сердце привлекали только верные, безубуточные, простые по своей коммерческой структуре дела.

Например, торговля яйцами.

В этом случае промышленно-коммерческий аппарат был несложен до смешного:

1). Макрида Паскудина имела кур.

2). Куры несли яйца.

3). Макрида Паскудина их продавала.

Последний пункт этой организации в особенности тешил и радовал миллионолюбивое сердце Макриды: дороговизна все росла, а вместе с тем росло и количество бумажек, завернутых в желтый атласный платок в засунутых на самое

дно коричневого сундука — под зеленую шерстяную кофту со сборками сзади — сладкий зеленый отблеск будущей многоцветной жизни изысканной миллионерши.

Когда Макрида продавала яйца по 400 рублей десяток — в желтом платке уже отроились, как пчелы в улье, 85 тысяч бумажками самых роскошных, самых привлекательных цветом, а на «семистах десяток» — около трехсот тысяч сладко хрустели в желтом атласном платке при малейшем прикосновении.

У мальчика, лабазникова сына, Макриде удалось выменять пару яиц на книжку «Жизнь американских миллионеров» — с описанием их быта, их дворцов на Пятом авеню, их увеселительных яхт, балов, обедов и всех вообще причуд, подсказанных избалованным, изысканым вкусом.

Эта книжка сделалась для Макриды своего рода Евангелием.

По ней она училась жить, по ней она планировала, комбинировала и распределяла весь свой будущий жизненный уклад и досуги.

Вилла и яхта, яхта и вилла, Garden party, файф-о-клоки, умопомрачительные туалеты — вот когда Макрида покажет, кто она такая — эта скромная, незаметная женщина в байковом платке, концы которого, проходя под мышками, завязывались самым незатейливым образом сзади.

Макрида была глуха ко всему, ото всего она отвернулась, на все закрыла глаза — кроме одной сверкающей, обольстительной цели:

— Миллион!

Она сделалась жестока, она сделалась яростно корыстолюбива.

В то время, как ее коллеги продавали яйца по 850, она, сжав тонкие губы, с тихой яростью назначала:

— Тысячу!

И покупатели, кротко вздохнув, платили ей, потому что... Бог его знает, почему покупатель покорно теперь платит не только дороже вчерашнего, но и дороже сегодняшнего, продаваемого тут же рядом.

Коммерческие подвиги Макриды приобрели ей даже авторитет в яичных кругах, и постепенно весь рынок стал равняться по ее утренней котировке яичных ценностей.

Она назначила однажды яйца по две тысячи десяток — и все назначили; она осмелела и на другой день назначила три тысячи.

Заплатили покупатели и по три тысячи...

Это было в тот самый день... о, сладкий день! Когда в складках желтого платка шуршали 900 тысяч; для старта оставалось еще два-три легких усилия... Макрида Паскудина с опытностью бывалого жокея пришпорила в последний раз своего ретивого яичного коня — и он торжественно вынес ее на залитую ярким светом заветную дорожку, где пышным маревом маячило все: яхты, виллы, файф-о-клоки, туалеты и обольстительная для настоящей женской души зависть окружающих.

Она миллионерша!

Здравствуй, Пятое авеню!

В этот день закрытые глаза, закрытые уши и закрытое сердце Макриды — все это открылось. Она впервые почувствовала и вдохнула в себя всю красоту жизни.

Ликвидировала яичное дело, облачилась в зеленую кофту и при помощи шустрого племянника Егорки сфабриковала такую анонимную заметку для самой распространенной в городе газеты:

«В наш город прибыла известная миллионерша Макрида Никаноровна Паскудина. Нашему репортеру удалось узнать, что мадаме (так и было написано: мадаме) Паскудина ищет для себя загородною виллу, яхту и собирается устроить роскошный файф-о-клок, с участием сословных представителей».

Это не совсем вразумительная, но бойкая заметка была начисто переписана жуликоватым Егоркой, отнесенка им же и подброшена в редакционный ящик им же.

На другой день Макрида с бьющимся сердцем подошла к газетчику:

— Давай десять номеров сразу.

— С вас две тысячи.

Макрида обомлела.

— Да ты что! С перепою, что ли? За что две тысячи?! Еще недавно пять целковых стоило.

— Тогда бы и покупали. Тогда и яйца стоили 20 целковых десяток. А теперь почем?

Огорченная отошла Макрида от газетчика и, встртив знакомую, стала ей горько жаловаться.

— Одно горе с этими деньгами, — подтвердила соседка. — Мой-то дурак тоже вчера: в стукалку семьсот тысяч продул.

— Как семьсот тысяч?! — побледнела Макрида. — Да это откуда же он взял столько?!

— Что знаит откуда?! Из моего же сундука! Кровных четыре миллиона лежало, так он дощупался-таки своей сучьей лапой. Это что за деньги, красавица?! У кривого Спирьки-сапожника 11 миллионов, у Малашки Сопливых — 9 миллионов, почитай у всех на базаре этих самых миллионов невпроворот. Да что толку-то, когда за башмаки дерут полтораста тысяч, за шерстяное пальтишко — триста.

— А... а сколько вилла стоит?

— Вилы? Да ежели хорошие, то тысяч пятьдесят надо отвалить.

* * *

Домой пришла Макрида Паскудина совсем больная.

Слегла.

Приехал доктор, осмотрел ее, прописал лекарство и потребовал сорок тысяч: десять тысяч за извозчика и тридцать себе.

— В уме ли ты, батюшка?

— А что я сделаю за 30 тысяч? — вздохнул доктор. — На четыре десятка яиц только и хватит.

К утру кроткая страдалица, не приходя в сознание, отошла в тот мир, где нет ни яхт, ни вилл, ни файф-о-клоков...

Туда ей, дряни этакой, и дорога.

САМОНОВЕЙШИЕ ОТГАДКИ

Пора, давно уже пора пересмотреть отгадки некоторых знаменитых русских загадок!

Прежние отгадки — трогательно-наивные, детские — давно устарели, а новые мало кто знает.

Опубликовываем:

1.

«Кланяется, кланяется, придет домой — растянется».

Раньше отгадывали:

— Цеп.

Какой цеп? Что такое? О каком цепе можно говорить, когда и молотить-то нечего.

Новая отгадка понятнее:

«Кланяется, кланяется, придет домой — растянется»... Это русский человек, выхлопатывающий заграничную визу в иностранном консульстве».

2.

«Без окон, без дверей — полна хата людей».

Дети, хлопая в ладоши, радостно отгадывают:

— Дыня!!

— Дурачье, — возражают взрослые, — не дыня, а подвал при большевистской чрезвычайке.

3.

«Семьдесят одежек, все без застежек».

Вы думаете — капуста? Которая? Кто ее нынче видит?

Нет, семьдесят одежек, все без застежек — это платяной шкаф старорежимного франта: штанов сколько угодно, а пуговицы ни одной — все осыпались и купить негде.

4.

«Срежу голову, выну сердце, дам пить — будет говорить».

Раньше просто ляпнут:

— Перо! — и довольны.

Нет, это не так просто...

Здесь не одна, а целых две загадки.

Первые четыре слова — допрос в чрезвычайке, вторые четыре слова — снаряжение оратора на большевистский митинг.

5.

«В одном бочонке два пива: желтое и белое».

— Яйцо! — взвизгнет какой-нибудь рахитичный мальчишка.

Ан, не яйцо, маленький негодяй!

А действительно-таки бочонок с пивом!

Как так! Да очень просто: в плохое пиво, которое мы теперь пьем, подливается наполовину воды, и мы все-таки пьем, как дураки, это болотное месиво.

6.

«Два кольца, два конца, посредине гвоздик»...

Не ножницы, малолетнее дурачье, не ножницы! А — законный брак!

Два кольца — обручальных: два конца (мужу) или в воду или пулю в лоб; а лучше всего золотая середина: вбил в стену гвоздик и виси себе на здоровье.

7.

(Фрагмент не читается. Скорее всего, приводится загадка «Висит на стене, зеленое и пищит». — *В.М.*)

Как украшение!

Потому что теперь селедка — предмет роскоши, вроде гобелена.

Почему зеленая?

Позеленела от времени.

Почему «дернешь — пищит»?

Понятно: если гость дернет за селодочный хвост, хозяин и запищит от ужаса: как бы гость не слопал.

Все загадочное в мире сём делается простым — если как следет вдуматься.

СЛИЗНЯКИ

С пьяными и пессимистами у меня одинаковый прием в разговоре.

Подходит ко мне в театре знакомый: носок одной ноги цепляется за каблук другой, прядь мокрых волос прилипла ко лбу, глаза мутные, как буза, на левом усе присохла самым изящным образом рыбья кость.

— Здрасссь..ссь... — осторожно выговаривает он, стараясь не зацепить языком за губу. — Я б... большой ваш поклон... ик! Разрешите изъяснить...

Моя фигура сразу делается вялой, расхлябанной еще больше, чем его фигура, руки у меня болтаются, как плети, глаза мутнеют, рот беспомощно кривится на сторону и я, валясь на него, начинаю бессмысленно бормотать:

— Вас... ся! Милый! Брось, ей-Богу! Чего там... Я вновь пред тобою стою очарован... Свой стан худощавый к луке

наклоня, араб горячил вороного коня... Волхвы не боятся могучих владык... Верно?

Он приосанивается.

— О, голубчик! Где это вы так на... набрались?..

На его пьяном лице написано искреннее отвращение ко мне, еще более пьяному...

Отходит... (Что, дескать, с пьяным разговаривать!).

Замечательный способ! Верный.

* * *

И с пессимистами то же.

Подходит ко мне господин с таким унылым, желтым, кислым лицом, что у меня сразу начинает сосать под ложечкой.

— Слышали? Наступление-то наше...

— А что?! — испуганно говорю я. — Приостановилось? Красные побеждают?

— Нет, не то. Положим, побеждают наши, а что толку?

— То есть как — «что толку»?

— Да так, — собирая желтое кислое лицо в тысячу складок, кривится господин. — Что толку, что наступление имеет успех? Дойдем мы до Харькова — нехорошо! Слишком будет растянут и обнажен тыл. Остановимся и закрепимся у Александровска или Синельниково — тоже нехорошо. Красные соберутся с силами, перегруппируются и обрушатся на нас, как лавина.

У него на лице тысяча складок, я собираю свое в две тысячи складок; у него опущены книзу только уголки рта, — я опускаю книзу уголки рта, уголки глаз и даже крылья носа повисают у меня самым безнадежным образом, как перешибленные.

— Да... — качаю я головой. — Вы правы. Дело возрождающейся России погибло!

Такая категоричность даже его несколько пугает.

— В... вы думаете?

— И думать нечего! Вы знаете, какая у нас армия? Сколько штыков и сабель?

— Тысяч сто?..

— Восемьсот человек! Двести сабель, пятьсот штыков, а остальные — кортики, рапиры, всякая чепуха! Они, конечно, подвинутся вперед, а большевики сзади произведут десант да и отрежут их. И чем кончится? Наша армия в мешке, тыл захвачен, а так как большая половина населения ждет-не дождется большевиков...

— Ну, это вы, кажется, хватили... — испуганно лепечет пессимист.

— Ничего не хватил! Ведь между нами говоря, что все вранье, что у большевиков разруха и развал. Транспорт у них великолепный, хлеба сколько угодно, террор прекратился, крестьяне их буквально на руках носят...

— Брехня!

— Нет, не брехня-с! Правда, террор иногда вспыхивает, но и то — где? Во вновь занятых областях. Скажем, возьмут они Крым. Кто вы такой? Буржуй! Собственник! Ручаюсь вам, не пройдет и месяца, как вы будете сидеть в чрезвычайке, вам обдерут, почти вытянут плоскогубцами язык и...

— Черт знает что вы говорите! Никогда большевики в Крым не придут!

— Дитя! И месяца не прой...

Он быстро сует мне мокрую лапу и отходит раздавленный, уничтоженный.

* * *

О, проклятая скользкая лягушка! Сколько вас теперь квакает на каждой кочке!

Кажется, ни на что вы не пригодны для новой складывающейся России?

Ан нет — нужны!

Хорошо бы наделать из вашего жира свечей, и чтобы при свете этих свечей беспристрастный историк написал на вашей, выделанной под свиную, коже всю историю Великого народа, организм которого, как трихинами, был отравлен сомневающимися, вялыми, чадящими бескровными слизняками, без любви, без ненависти, без восторга, без крика ярости, — без всего, чем красна жизнь...

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

I

1910 год. Сапожник у заказчика.

— Чего тебе нужно? Чего это, братец, ты на кухню влез с грязными сапогами?..

— Сапожник я. Сапоги барину принес и деньжат бы получить. Как нынче сам? В каком расположении?

— Лют. С утра, как собака.

— Лют? Ах, ты ж, Господи! Что ж теперь делать? И черт меня принес в эту самую минуту.

— Арина! Кто там пришел?

— Сапожник! Заказ принес.

— Ну, возьми, и пусть себе идет.

— Он деньжат, вишь ты, просит.

— Еще чего выдумал. Пусть на следующей неделе зайдет — там видно будет.

— Помилуйте, Павел Семеныч... Хучь бы пять рублишек пока...

— На что тебе? Все равно ведь пропьешь!

— Хи-хи. Хоть три рублишки дайте. Верьте совести — на товар.

— Врешь ты все. Ну, зайди завтра. Там увидим. Но ежели сапоги там жмут или что — изувечу!

— Хи-хи-с!

II

1920 год. Заказчик у сапожника.

— Что вам нужно? Кто такой? Зачем на кухню?

— Заказчик я, статский советник Обухов. Позвольте представиться. А вы у них, у господина сапожного мастера — в кухарках?

— А то в чем же! Заказ хотите дать?

— Да-с. Башмачки сшить, хе-хе... Можно узнать имя-отчество вашего хозяина?

— Еремей Алпатыч. Только навряд они у вас заказ примут.

— А что-с? Не в настроении?

— Не то что, а они позавчера очень выгодный заказ закончили. Две пары сапог за 360 тыс. Целых два дня работали. Так теперь, говорят, если кто придет, — гони в шею. Три дни отдыхать будут.

— А, может, примут? Вы бы там, голубушка, похлопотали. Это ваш сынок? Как его? Алеша? Какой хорошенький! Хочешь, Алеша, я тебе следующий раз пряничка принесу? Дай я тебя поцелую, Алеша!

— Посол к цолту!

— Какой бойкий мальчик. Так вы бы, матушка, тово... уговорили его, а?..

— Да как же его уговоришь? Деньгами он вопче не антиресуется. Разве вот ликер... Ликер он обожает в желтой посудинке, пузатая такая, с горлышком.

— Кюрасо шипр?

— Во-во. Опять же если спирту настоите на смородиновом листу...

— Постойте, я запишу. На смородиновом, говорите?

— На нем. А жене щиколаду Калье. Да вот еще, чтобы не забыть — очень ему пикули-англез по душе. Где-нибудь на английском пароходе поспрашайте, не разживетесь ли? Может, и уломаешь, горемычная твоя душа. А насчет денег — так колокольчиками и не думай. Зато-посет, зарычит, — ног не унесешь. Или донскими тысячными или думскими. Опять, как зайдешь к нему, с рукой не лезь — не любит он такого мужицкого обращения, а стань у притолоки и говори, какая твоя нужда. Да хорошо, ежели бы супругу евонную в «Гнездо перелетных птиц» сводил. Только не особенно напирай, а то сам ревнив, как каркадил.

— Ар-рина! Кого там черти принесли?!

— Тсс! Ну, брат, молись Егорию Храброму, чичас твоя судьба порешится.

* * *

Эдгар По в «Разговоре с мумией» сказал:

«Власть кровожадного тирана и деспота — нечто страшное. Но я знаю нечто еще более страшное, нечто ужаснее в тысячу раз — это власть черни»...

ЛЕНИВЫЕ МЫСЛИ НА СКАМЕЕЧКЕ У МОРЯ

Всем было известно, что тетке уже не выздороветь, что тетка смертельно больна, но никто точно не знал времени, когда тетка протянет ноги.

Съехались родственники, бестолково переминались у теткиной постели, шептались о завещании, вздыхали, а тетка стонала, кряхтела, но не умирала, проклятая баба.

— Я не могу так, — страдальчески дул в ухо один наследник другому. — Она, может, еще год так-то вот проскрипит, а я в гостинице окончательно прожился, да из дому жена пишет, что дела страдают! Я уеду, черт с ней, плюну на это дурацкое наследство и уеду!

— Да, большая неприятность. Иногда кажется — вот-вот скапустится, и вдруг откроет глаза да и зарычит совершенно здоровым голосом: «индеечки бы мне с каштанчиками, с салатиком!». Взял бы эту индейку — да по морде!

— Нет, уеду. И дома убытки, и тут одна дрянь.

Кое-кто уже махнул рукой и на наследство теткино, кое-кто уехал, кое-кто присмотрел другого богатого некрепкого здоровьем родственника.

И когда уже перестали и ждать теткиной смерти — она неожиданно для всех — в 3 часа ночи отдала черту душу.

Еще в сумерки была довольно бодра, поманила пальцем уцелевшего от общего разъезда племянничка и сказала ему:

— А я думаю с весны, если полегчает, на дачу переехать... Скажи Егору, чтоб он там комнаты привел в порядок. А в городском доме ремонт закачу. А, знаешь, захотелось мне гречневой каши с грибочками, с орехами и с подливочкой... Скажи там Арише...

Отошел в угол горемычный племянничек и горько-прегорько заплакал:

— Пропали все надежды: выздоравливает ведьма.

И послал в этом смысле телеграмму истомившейся маме.

А в три часа ночи, когда около старухи живой души не было, проснулась старуха, закатила глаза, подергала, как картонный паяц, руками-ногами, икнула, выкатилась из нее душа в виде черного лохматого клубка, покатилась по комнате, оттуда на улицу, да за город, да оврагами,

гнилыми болотцами, лешим перелогом, дьявольским урочищем, докатилась до Шайтанской пади, выбрала себя ямку, вырытую Анчуткой Безпятым для сношений с внешним миром — шлепнулась в нее, да прямо без пересадки и ввергласъ в кипящее пекло ада!..

* * *

Чрезвычайно лестное мнение, которое я имею в отношении умственных способностей моих читателей, заставляет меня думать, что все уже давно догадались — кто такая с таким трудом поколевшая старуха: это, конечно, интернациональный, но вместе с тем ультрароссийский большевизм, это советская власть, скрипящая вот уже около 3-х лет и никак не могущая подохнуть.

А смерть ее будет проста и для многих очень неожиданна во времени.

С вечера старуха еще заявит бодрым голосом, что ей хочется кашки с грибочками, с подливкой, выпустит надменное радио по адресу Европы, гаркнет во всю мощь легких о бодром настроении Красной армии, укажет на то, что только советская власть даст хлеб и мир народу... Но уже клокочет что-то зловещее в большевистской утробе, — не то хрипы какие-то, не то черти внутри гнилую печень грызут, — уже неслышной стопой подкрадывается последняя ночь большевизма.

И в день, когда старуха почувствует себя лучше, когда самые нетерпеливые племянники, махнув на старуху рукой, разъедутся по заграницам, — вот тут-то и выкатится черная лохматая совнаркомья душа и покатится лешими оврагами да шайтаньими перелогами — прямехонько на родину, в пекло.

* * *

Мы с вами, те самые горемычные племянники, которые неусыпно торчали около теткиной постели и, страдая, мучаясь, впадая от разочарования в надежду, от надежды в разочарование, нетерпеливо ждали: да когда же, наконец, подохнет это исчадие ада?!

Да и не только пассивно ждали, а иногда — и сквознячок будто нечаянно устроишь, или вкатишь в старухино горло тройную дозу наркотического, а то так и просто наружное с внутренним перепутаешь.

Одним словом, помогали старухиному «процессу», чем могли.

Недоедали, недосыпали.

А вот те племяннички, что поразъехались по заграницам, что жуируют по Парижам и Берлинам, оченно мне интересно — как это они, с какими глазами, с какими лицами вернутся «на готовенькое».

Представляю себе: переполненный пароход пристает к нашему русскому берегу. Сотни дешево купленных за границей батистовых платков развеваются по нашему адресу снисходительно и поощрительно...

Перебросили сходни... Широкой волной льются на берег.

Щегольские чемоданчики желтой кожи, широкие американские пальто, свежие галстучки, ботиночки на пуговичках.

Уже сошли и Вово, и Жорж, и княгиня Марья Алексеевна и просто Подстега Сидоровна.

— А, что, а? — снисходительно говорит Вово, оглядывая нас через подсунутое под левую бровь стеклышко. — Ну, что у вас тут? А? Что? Все благополучно? Ну, и надоели же вы нам с вашей гражданской войной... Почему так долго? А? Что? Но теперь-то, надеюсь, все готово? Этих вот... Passez moi le mot... махновцев — нет? Как у вас... железные дороги действуют? Могу я проехать до Москвы? Oh, la-la, да какой же вы... постаревший! Очень плохо выглядите. Продо... вольственный (представьте, совсем отвык от русского языка). Продо... воль... ственный кризис, что ли? А? Что? Да... Ксати, тут у вас есть хороший отель? Или уж совсем одичали? Э? Мне бы, mon cher, побриться, переодеться, ванну принять... Оперетки нет? Где Кавецкая? Ах, каких я галстуков из Лондона, мой дрюг, привез! Да! Совсем забыл! Какой новый салат в кафе Риш изобрел каналья-хозяин — если бы вы знали!..

— Что вы все о пустяках, Вово, — с милой бесцеремонностью перебивает его Марья Алексеевна. — Вы лучше, мой друг, скажите: где у вас тут можно сделать приличную прическу и маникюр?..

— Приличную? Гм!.. Боюсь, что едва ли найдете.

— Ну вот, видишь, Жорж! Я тебе говорила, что мы слишком рано едем. Тут еще ничего не устроено.

* * *

Не знаю, как вам, а мне неловко будет перед шикарными приезжими.

Ни отеля, ни педикюра.

Действительно, где уж нам... Дикие мы.

ДЕЛО О ЛИМОНАХ

Это дело было доложено мне вперемежку со взрывами веселого смеха, что вовсе не соответствовало серьезности самого дела.

Это дело было доложено мне двумя чудесными офицерами, только что вернувшимися с фронта, веселыми, как воробьи, загорелыми, как нубийцы, и храбрыми, как леопарды, что свидетельствовалось подвязанной рукой одного и свежим сабельным шрамом на лице другого.

* * *

Мы приехали с фронта отдохнуть и поправиться, но так как мы бедные, так как у нас было очень мало денег, то весь наш отдых, все веселье и удовольствие заключалось в том, что мы целый день пили чай с лимонами...

Чай и сахар был у нас свой, а лимоны мы покупали.

Владелец фруктовой лавки драл с нас за лимон по 200 рублей, но мы молчали, мы терпели, потому думали — так надо.

Однако на четвертый день лавочник содрал с нас по 300 рублей за штуку, а на пятый, когда мы пришли за лимонами, он заявил, что лимонов в городе нет совсем!..

Опечаленный Володя прошелся по магазину, ткнулся носом в какую-то банку, стоявшую на средней полку, и увидел там с полдесятка лимонов.

— Да вот же лимоны! — радостно сказал Володя.

— Где лимоны? Это лимоны? Это не лимоны. Да, это лимоны, но их нельзя продать. Это для меня, для дома.

— Уступите парочку!

— Нет, господа, нельзя.

Было грустно. Мы ушли.

А когда пришли на другой день, то увидели такую уйму лимонов, что можно было напоить чаем с лимонами целую дивизию.

— Вот здорово, — сказал Володя. — Возьмем теперь побольше.

— Тысяча рублей штука, — сказал хозяин.

Володя сел на огурцы, отчасти от усталости, но больше от неожиданности, а я сказал:

— Этого не может быть: третьего дня только лимоны стоили триста.

Хозяин сказал:

— Это может быть. Это новая покупка. Дорогая.

Володя сразу сделался вежливым. Он ласково сказал:

— Если это новая покупка, то, может быть, вы покажете мне ящик, вообще всю упаковку. В крайнем случае, если вы все успели уничтожить — покажите нам фактуру на эти лимоны или сообщить адрес оптовика.

Хозяин сказал:

— Если нужно вам лимонов, покупайте. Нет — уходите.

— Но это дорого! О, добрый господин! Уступите нам! Мы бедные офицеры.

— Раз бедный — не кушай лимонов.

Так как хозяин был злобен и смущен, Володя сделался серьезен и сказал:

— Это спекуляция. Уголовное дело. Сережа, прикрой двери. Мы будем судить его военно-полевым судом при закрытых дверях... Вынь револьвер и окружи преступника стражей.

К сожалению, нас было очень мало для отправления правосудия: я и Володя — мы были стража, судьи и исполнители приговора, а в прибавку Володя был прокурор, а я защитник. По назначению, конечно.

Под револьвером хозяин, собиравшийся кричать, присмирел, а председатель суда (Володя) сказал:

— Стража! Введите обвиняемого.

— Уже, — сказал я.

— Обвинительный акт: «У этого канальи, забывшего Бога, честь и совесть, было много лимонов и он продавал их по 300 рублей. Но, осведомившись, что в городе холера и что лимон — лучшее предохранительное средство от эпидемии, этот угрюмый изверг решил извлечь пользу из народного бедствия и повысил цены на лимоны до тысячи рублей. Следствие выяснило, что товар этот — прежний, не новой покупки».

Обвинительный акт кончен. Теперь говорит прокурор:

Прокурор (Володя же) сказал:

— Два бедных симпатичных офицера хотели напиться чайку с лимончиком. Думали, по триста. И по триста — много, а тут вдруг тысяча! Те же самые лимоны за 2 дня на 250% выше — это безбожно, это преступно! А кроме того — эпидемия! Прошу высшей меры наказания. Ваше слово, защитник. Говори, Сережа.

Я сел (для того, чтобы встать), встал и сказал:

— Господа судьи! Посмотрите на лицо моего подзащитного! Разве такого человека можно судить? Ни одной человеческой мысли, ни одного, я знаю, душевного движения на этой заросшей щетиной медной кастрюле. Да! Он спекулянт, и ничем его не исправить — он и издохнет спекулянтом — и чем скорее, тем лучше!

Подзащитный обиделся и сказал:

— Почему так плохо защищаешь? Разве так защищают?

Председатель суда сказал:

— Так как подсудимый вылез не в очередь со своими дурацкими претензиями, то мы засчитаем его слова как последнее слово... Итак, судоговорение окончено. Теперь — приговор!!

Председатель, судьи, прокурор, защита и стража пошептались, после чего председатель сказал:

— Прошу встать! Ввиду ненормального состояния этого жулика подсудимого — никакой меры никакого наказания к нему нельзя применить. Его надо лечить. А медицина говорит, что самое чудесное средство для здоровья — это лимоны. Господин доктор... (это я уже сделался доктором). Ваше определение?..

— На первый раз десяток лимонов, — определил я.

Мы усадили подсудимого на ящик, Володя держал здоровой рукой у его затылка револьвер, а я стал чистить лимоны и кормить ими хозяина. Когда он отнекивался и кривился, Володя прикасался к его затылку, и он проглатывал тысячерублевый лимон, как устрицу.

— Пять довольно, — сказал хозяин, скрипя от оскомины зубами.

— Определение суда священно, — возразил Володя. — Надо десять. Господин доктор, а лимон как наружное поможет?

— Безусловно.

Тогда мы разрезывали лимоны пополам и выдавливали их на голову заболевшего спекулятивной горячкой хозяина. Он плакал от скупости, и слезы его, смешиваясь с лимонным соком, текли за воротник.

Это был самый сочный, мокрый, самый кислый хозяин во всем городе.

— Ну, довольно, — сказал умеренный во всем Володя хозяину. — Надеюсь, лечение вам поможет, и с завтрашнего дня лимоны снова будут по 300.

— А, может, мы сейчас купим парочку, — предложил я.

— Нет, — твердо сказал Володя. — Если он уступит нам сегодня, будет казаться, что мы давим на свободу его решения. Суд должен быть беспристрастен.

О, этот Володя был замечательный даже в судебных закорючках!

* * *

И мы ушли, два скромных небогатых симпатичных офицера — ушли без лимонов, ушли к своему пресному чаю, оставив позади себя — самого кислого человека во всем городе.

СКАЗОЧНАЯ ПТИЦА

Загорелый матрос положил очень дружественно загорелую лапу на мое колено и спросил:

— Скажите мне, господин, вы обо всем хорошо понимаете?

— Кое в чем разбираюсь, — скромно сказал я.

— Как вы понимаете об курице?

— О курице? А что вы думаете! Если она с отварным рисом, да под белым кисленьким соусом, да...

— Постойте! А если она живая?

— Ну?

— Как вы об ей понимаете?

— А вот как: курица относится к разряду пернатых, к классу...

— Тю на вас! Да причем тут класс! Стоющая птица курица или нет — вы вот что скажите?

— Ой, стоющая! очень много стоющая.

— То-то и оно. А мы ж, ха-ха, не знали. Прямо такое, что чуть животики не перервали от хохоту, как успомнишь! До сих пор смешно.

Матросу, очевидно, очень хотелось рассказать.

Я величественно разрешил:

— Рассказывайте.

* * *

...Да тут, знаете, дело короткое: даже рассказа нет, одна история. Мы — я, значит, Гришаев, да Митя Верховой чего-сь починяли у трюме, да так заработались, что когда вылезли, да до ужина, да того-сего. — Какое там! Ни крошечки. Так чисто все подъела команда, что и таракану не поснедать, накажи мине душу Господь!

А пошамать (Поесть. Местное арго) такая охота, аж до крику. Туда-сюда, мы до капитана:

— Так и так, вашскородие, без ужина остались. Есть здорово охота.

— Да где ж вы болтались до сих пор?

— А у трюме.

— Что ж я вам теперь дам, ежели ничего не осталось? Разве вот что: я знаю, есть у повара в ящике одна курица — возьмите ее, может, хватит на ужин.

Пошли мы до кока, мы с Митей смеемся, а Гришаев на чем свет нас обкладывает: с вами, говорит, свяжись, так и с голоду помрешь, сволочи.

Дали нам эту курица, а она хи-хи... живая.

Накажи меня Господь, с перьями, стерва, квохчет и глазами будто что порядочное ворочает.

— Мартын, начинай с головы.

— Митя, да она живая.

— А ты думал, жареная, с картошкой и с причиндалами? Кто ощипать может?

Хи-хи. Никто не может. Митя говорит:

— Давай ее обреем.

Гришаев говорит:

— Сволочи, ведь ее еще 2 часа варить надо.

Прямо дураки какие-то.

Я говорю:

— Айда на берег, там придумаем.

Так что ж вы скажете, господин: ведь придумали! Курицу под голланку — кричит, за грудки щипет, а мы с ей на берег.

* * *

Матрос откинул назад круглую коротко остриженную голову и самодовольно замолчал.

— Ну? — поощрил я.

Он подмигнул мне, залился звучным хохотом и снова упруго хлопнул меня по коленке.

— Продали!!

— Курицу?

— А то кого ж. И я вас спрошу теперь, господин: ежели бы мы ее сварили — рази на трех таких франтов одной этой гадины хватило бы? Так только — животы помазать. А то продали мы ее — и здорово вышло!

— Что ж вышло?

— А вот считайте. Все мы трое сначала как люди у цирюльне побрились, потом у харчевне поужинали. У грека бутылку вина за три колокольчика выцыганили, потом еще папирос купили, потом еще у театр пошли. Так мы, господин, потом, когда на корабль шли, так прямо танцевали, что так здорово вышло, и «Марусю» пели. До того, что один вольный идет, смотрит на нас, говорит: вот, говорит, пьяные матросы. А мы не пьяные, а прямо веселые. Вот тебе и курица!

Он вытер тыльной частью руки крутой лоб и закончил:

— Вот как я об ей понимаю: маленькая, маленькая, а сила у ей большая. По-моему, не иначе как птица для дураков!..

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИВАНА МОТЫКИ

Сегодня в «Профессиональном союзе пильщиков дров» большой день: в экстренном заседании расширенного профессионального суда будет разбираться ряд зверских, холодящих душу и мозг преступлений члена Проф. С. Пильщ. Др. — Ивана Мотыки.

Подсудимый как зачумленный сидит поодаль от всех, голова его опущена на грудь и вообще видно, что он и сам уже считает себя всесветным мерзавцем.

Товарищи поглядывают на него с плохо скрытым отвращением, председатель холодно, официально сух, и чувствуется, что если бы не его высокий официальный пост, с таким наслаждением дал бы Ивану Мотыке оплеуху, с каким бросаются жарким летом в прохладную воду.

Сначала читается обвинительный акт, из данных которого видно, что Мотыка Иван нарушил все божеские и человеческие законы, а что самое главное — нарушил профессиональные законы Союза Пильщ. Др., чем внес великий соблазн и уничижение святых и нерушимых доселе принципов Союза Пильщ. Др.

— Подсудимый Иван Мотыка! Признаете ли вы себя виновным в том, что вопреки категорическому постановлению Проф. Союза вы, распиливая дрова у купца Трехлапова, сделали 567 взмахов пилой, в то время как статья 11 устава Проф. Союза категорически устанавливает для каждого члена максимум взмахов за 8-мичасовой рабочий день: 350. Что побудило вас к нарушению профессионального долга?

Иван Мотыка краснеет от смущения и стыда. Жалобно морщит орошенное обильным потом лицо и хрипит:

— Дозвольте изъяснить, что я тово... По причине, значит, что руки расходились так, что их, проклятых, и не удержишь. Дозвольте доложить, что мне эти 350 взмахов — что раз плюнуть! Я бы и 800 и 900...

— Тсс! Вас не спрашивают о том, что вы могли бы! Мало ли, что всякий из нас мог бы... Прошу вас даже на суде не разбалтывать наших профессиональных тайн. Что у вас, вы говорите, случилось с руками?

— Так что очень уж расходились. Прямо, чисто машина. Не удержишь. Зуд такой, ваше высокобл... товарищ пред-

седатель, что хучь плачь. Известно, рука — она дура, нечто она понимает: ей работу дай, ей моциён дай...

— Так если у вас руки чешутся — вы после работы защли бы куда-нибудь в уголок, взяли бы палочку да и помахали по углу, будто пилите.

— Упор не тот, ваше выс... товарищ председатель.

— Что ж нам с вами делать? — угрюмо говорит председатель.

— Взмахи бы увеличить, товарищ председатель. Нешто возможно — 350...

— Товарищ Иван Мотыка! Вы рассуждаете не как сознательный пролетарий, не как член профессионального союза, а как... как черт знает что! Вы знаете, что параграф 37 нашего устава гласит, что все члены профессионального союза должны работать одинаково.

— Знаю. Так точно.

— Знаете, что норма работы в количестве взмахов пилой была выработана и уравнена по работоспособности нашего уважаемого сочлена Порфирия Дохметникова.

— Так точно, знаю. Да ведь он, товарищ председатель, слабосильная команда. Сухорукий, колченогий, опять же у его в грудях чухотка.

— Это вопрос второстепенный. Но вы согласны, что в силу принципа справедливости, если все члены профсоюза должны быть уравнены в работе, то легче вам, здоровому буйволу, равняться по Порфирию Дохметникову, чем Порфирию по вас?! Опять говорю вам: вспомните пункт 37 нашего устава.

— Это что говорить. А только рука в иной час так распрыгается, что никакой ее пункт не удержит, анафему!

— Хорошо-с. Но это не одно ваше преступление, Иван Мотыка. На вас доносят, что вы, нагло втоптав в прах пункт 13 нашего профессионального устава, работали у домовладельца Грыжина вместо 8 часов — 9 часов 10 минут?! Что вас побудило к этому?!

Раздался общий болезненный крик ужаса и возмущения.

— Дозвольте доложить вам, что нешто ж мы, вопче, работаем 8 часов? Ведь это разговор один. Оно и шести часов хорошей работы не вый...

— Тсс! Вы усугубляете ваше профессиональное преступление выбалтыванием профессиональных тайн! Опомнитесь!

Все-таки что вас побудило к этим преступным излишним — часу десяти минутам?

— Эх, госпо... товарищ председатель. Пилю я это, пилю дрова, да таково хорошо на дворе у Грыжина у господина, что я совсем и позабыл, что пошабашить нужно. От березовых поленьев дух хороший, где-то на пианине музыку играют, ветерок меня обдувает, рука разошлась, я и тово...

— Опять рука? Что вы все на руку сворачиваете? А то, что вы в воскресенье у Притыкина дрова пилили — тоже рука виновата?

— Никак нет. А так что Притыкин господин пообещали мне за воскресную пилку рубашку ситцевую предоставить...

— Рубашку?! Несчастный вы шкурник! Неужели вы не могли получить эту рубашку в порядке коллективного требования всего профессионального союза под угрозой забастовки? И тогда не вы бы один, а все имели рубашки, совершенно не поступившись пролетарскими профессиональными принципами и не ударив палец о палец!

Товарищи! Какую кару вы предложите Ивану Мотыке за тройное нарушение им профессионального устава?

И грянуло согласное:

— Исключить из союза!

— Вы слышали? Ступайте же на все четыре стороны!

Иван Мотыка тряхнул непокорной кудрявой головой, повел выпуклыми, могучими плечами и сказал себе под нос:

— Эх, и поработаю же я теперь!

Мерзавец так и не раскаялся.

ТОРГОВЛЯ С ЛЮДОЕДАМИ

У англичан есть один враг, враг страшный, жестокий, который вредит им так, как и сотне яростных врагов не снилось...

Враг этот:

— Английский премьер-министр Ллойд Джордж.

Недавно он, например, сказал во всеуслышанье в палате общин, — объявил, можно сказать, на весь мир:

— Вы нас упрекаете в торговле с большевиками. Англии больше чем кому бы то ни было случалось вести торговые отношения даже с людоедами.

— Приятного аппетита, — как сказал один джентльмен, ловя у себя на животе насосавшегося клопа.

Интересно, что продавал Ллойд Джордж своим неразборчивым в пище контрагентам?

Как известно всякому, даже не учившемуся в семинарии, настоящий людоед ходит совершено голый, на пианино не играет, книжек не читает, шоколада и сгущенного молока не вкушает, на автомобилях и мотоциклах не ездит — одним словом, все несложные потребности и устремления этого неприхотливого человека заключаются в том, чтобы изловить своего ближнего и тут же уписать его по всем правилам утонченной каннибальской кухни.

Так вот — при таких условиях — в чем заключался товарообмен Ллойд Джорджа с людоедами?

Ну, скажем, от них он получал традиционную слоновую кость, золотой песок и меха.

А что давал им, — если скромному тихому людоеду не требуются ни мануфактура, ни консервы, ни британская литература, ни продукты завоеваний техники?

Может быть, весь товар ограничивался приправами чисто гастрономического свойства, необходимыми для украшения пиршественного стола: солью, перцем, уксусом, горчицей и соей кабуль?..

А, может быть, это были не приправы, не пряности, а просто кухонные принадлежности: ножи для освежевания, противни и вертела?

Очевидно, на это был самый главный спрос, потому что у людоедов у самих нет никакой металлургической промышленности.

И, может быть, где-нибудь в Бирмингаме большая кирпичная фабрика трудолюбиво дымила трубами, изнутри доносился шум и лязг, а на воротах красовалась большая надпись золотом по черному:

«Фабрика вертелов и сковородок разных размеров человеческого роста. Ллойд Джордж и К°».

Впрочем, может быть, Ллойд-Джодж ограничивался одной водкой, которую он «ставил» людоедам, — в своем коммерческом азарте забывая, что водка служит для возбуждения аппетита...

Ведь человеческое филе или грудинка, политые «желудочной настойкой Ллойд Джорджа», втрое скорей перевариваются.

* * *

Мне не хочется огорчать столь любимых мной англичан, но я должен растолковать всем англичанам, не сведущим в коммерческих взаимоотношениях, что оптовая широкая торговля не имеет ничего общего с мелочной торговлишкой, где пришел, скажем, покупатель, купил стеариновую свечу или пачку спичек, бросил на прилавок деньги и ушел...

Нет, у оптовых купцов, покупающих и продающих друг другу, — должны быть самые дружественные, приязненные отношения. Она знакомы домами, часто посещают семейства друг друга, едят и пьют один у другого.

И я еще могу себе представить, если Ллойд Джодж принимает у себя чернокожего вождя Ниам-Ниам: «за неимением гербовой бумаги можно писать и на простой»... За отсутствием любимого блюда — съест чернокожий вождь и кусок говяжьего ростбифа.

Но совсем другое дело, когда любезный купец Ллойд Джордж отдает визит своему контрагенту Ниам-Ниам...

За обедом выбор блюд невелик и варьируется только цветом мяса да «частью».

— Кушай, мой бледнолицый брат, — радушно угощает Ниам-Ниам своего «торгового гостя». — Кушай! Ты что больше любишь: черное или белое мясо? Некоторые предпочитают миссионерину, но я люблю и простую туристику. А из черного мяса нет ничего слаще кафрской девочки, полежавшей в уксусе. Кстати, у нас уже окончился уксус. Когда мой бледнолицый брат доставит новую партию? И сковородочек бы...

* * *

Ллойд Джордж заявил вслух перед лицом всего мира, что Англии больше чем кому бы то ни было случалось вести торговые отношения даже с людоедами.

Конечно, в таком случае и большевики — большой прогресс! Ведь они не едят людей. Они только режут их.

* * *

Много у Англии врагов, но наибольший ее враг — премьер-министр Ллойд Джордж, основатель и владелец фабрики «Вертела и сковородки Ллойд Джорджа и К°, Бирмингам».

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Дорогие бобби!

Из всех полиций мира — английская самая искусная и талантливая: почти ни одного преступления она не оставляет нераскрытым, поэтому надеюсь, что вы, джентльмены, поможете и мне в моем горе.

А дело вот в чем: в конце 1917 года, когда большевики насильно захватили в Петербурге власть, они украли из моего сейфа в Сибирском банке 18 русских золотых монет, по 10 рублей.

По моим сведениям, это украденное у меня золото должно вследствие начавшихся торговых сношений с большевиками в скором времени очутиться в Англии, почему и прошу вас, джентльмены, выследить мою пропажу и, изъяв золото из Лондонского банка как заведомо краденое, вернуть его мне, законному владельцу.

С почтением,
Аркадий Т. Аверченко,
русский писатель и друг Англии.
Севастополь

P.S. Прошу «Times» и другие газеты перепечатать.

СТАРЫЙ ЦАЦКИН И НОВЫЙ ЦАЦКИН

Раньше — если являлся Цацкин, он добродушно, без всякого приглашения с моей стороны, садился в кресло против моего письменного стола и начинал «предлагать»:

— Слушайте, хотите, я застрахую вашу жизнь? Нет? Ну, подпишитесь на «энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона? Дешево, ей-Богу, — рассрочка 5 руб. в месяц! Тоже нет? Удивительно. Так я вам могу предложить замечательный письменный прибор из малахита — один комплект 28 руб., два — 50, три... Чего вы за голову хватаетесь? Неужели, голова болит? Так я вам предложу коробочку с таблетками пасты «Мигренин», фирма доставляет на дом... Что вы на часы смотрите? Охота на такие паршивые часы смотреть! Я вам могу предложить настоящий «Мозер» на 24-х камнях, ремонтуар... Напрасно вы вынимаете револьвер — может выстрелить!.. Впрочем... дайте взглянуть поближе... Вот, этот револьвер выстрелит? Он лопнет прежде, чем выстрелит. Нет, слушайте, если вы хотите действительно иметь револьвер, которым вы можете прострелить меня насквозь — так я вам предложу двенадцатизарядный по прейскуранту фирмы «Спорт»... Слушайте, вы мне так воротник порвете на пиджаке... Кстати, могу предложить отрез на костюм... Ничего, я тут со ступенек сам спущусь... До приятного свидания!..

* * *

Несколько лет я не видел этого замечательного Цацкина.

И вдруг — вчера появился... Постаревший, с обтершимися углами, с осыпавшимися наполовину волосами, полинявший — но с таким же пылким неугасаемым темпераментом.

Но, Боже, — до чего разительная перемена в устремлениях и в манере «работы»! Все шиворот-навыворот.

— Здравствуйте, Аверченко. А вы не меняетесь. Все такой же. Слушайте, у вас сохранился тот «энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, который я вам, помните, навязал в рассрочку... Ой, как вы не хотели! Ой, как вы боролись!.. Сохранился у вас словарь, слушайте?

— А вам какое дело?

— Что значит — какое? Продайте. Он вам тогда стоил 360 р., я вам теперь дам полтораста тысяч — хотите?

— Оставьте мою пуговицу. Вы испортите пиджак!

— Пиджак? Пиджак бы я у вас тоже купил. Я знаю этот старый костюмчик: он вам тогда обошелся в 85 рублей. Сейчас дам 30 тысяч! Нет? Какой вы странный: то вы не хо-

тели покупать, а теперь не хотите продавать. А-а, прибор из малахита! Здравствуй, приборчик, здравствуй, старый знакомый! Помню, навязывал вам три комплекта за 70 рублей, а теперь за один дам 20 тысяч! Нет! Тоже не хотите? Что вы на часы смотрите? Слушайте, ей-Богу, продайте часы — хорошо заплачу. Я могу все купить: вот этот блокнотик с серебряной крышкой могу купить, этот маленький ручной пресс могу купить...

— Это не пресс... Этот гимнастический прибор для развития кистей рук.

— Все равно! Я гимнастический прибор куплю, я кисти куплю... Слушайте! Зачем вы револьвер вынимаете? Лучше не стреляйте, лучше я куплю его, ей-Богу. Ой, не жмите мне так руку, что это у вас так жмет?! Кольцо? Продайте кольцо! Слушайте — не бросайте меня с лестницы, я не застрахован. Знаете что — застрахуйте меня — хорошую премию платить буду!......................................

* * *

И пока он быстро спускался с лестницы, я стоял, склонившись над перилами, и с лирической грустью думал:

— Цацкин, Цацкин... Как ты изменился!..

РОМАН СО ВСЕМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Кроткая, доверчивая, золотоволосая мисс сидела у окна своего коттеджа и, грызя пудинг, запивала это лакомство сода-виски.

Мимо окна уже несколько раз проходил совдепский комиссар Митька Перегрызи Горло, но воспитанная мисс всем своим изящным личиком делала вид, что не замечает митькиных авансов.

А Митька был, что называется, парень на загляденье, кровь с молоком: кожаная куртка, за поясом два маузера, на ногах новые высокие сапоги — гетры на шнурках, на лбу роскошная розовая сыпь, в руках гармония-двухрядка, которую Митька так растягивал, что она фыркала, сипела и задыхалась без воздуху...

Замечательный был игрок, каналья.

— Какой приятный кавалер, — думала мисс Альбион, глотая сода-виски и скромно потупляя в то же время глазки, чтобы Митька чего не подумал.

Но — знаток женского сердца — Митька был уж тут как тут.

— Приятная погодка, — остановился он у окна, ласково подмигнув и рявкнув, в виде аккомпанемента своим слова, гармонией, — так рявкнув, что у мисс Альбион сладко сжалось сердце.

— Да-с. Только мне нельзя с вами разговаривать. Мамаша заругается.

— Это уж их такое старушечье дело, чтобы ругаться. А наше дело молодое: выходите за ворота, я вам на гармонии Третий Интернационал изображу...

— Ой, прилично ли? Что моя бонна-француженка скажет?

— Плюньте, мисс, с высокого дерева на бонну. Выходите, я вам такой подарочек преподнесу, что, как говорится в наших аристократических кругах, — глаза рогом полезут!

— А вы себе ничего лишнего не позволите?

— Я-то? Да ежели что примером там, али как, альбо еще что, то никаким образом, ежели что, вот оно что!

Эти полные глубокого благородства слова убедили добродетельную мисс.

Она вышла за ворота и, сразу же охваченная могучей рукой, прижалась к своему кавалеру:

— Ну, что вы мне хотели показать, покажите...

Митька полез в карман своего кожаного френча, вынул роскошный фермуар алого бархата и быстро раскрыл его перед восхищенными глазами мисс Альбион: на белом атласном фоне ослепительно засверкало русское сырье.

— Сырье! — восторженно воскликнула мисс Альбион. — О, как вы добры! За это я вас буду очень любить.

— А раз такой антересный сердечный разговор и любовная дорога, то не зайтить ли нам в Вестминстерское аббатство? Выпьем по чашке чаю, того сего, я вам Третий Интернационал на гармошке ушкварю...

— О, мой любимый! За тот подарок, что ты мне сделал, я хоть Пятый Интернационал буду слушать!

Митька обвил талию мисс Альбион и, наигрывая одной рукой на басах «Вы жертвою пали...» — повлек свою мисс в Вестминстерское аббатство.

....

В этом месте скромный автор должен умолкнуть. Если он что и может сделать, это — передать перо в умелые, опытные руки своего старшего коллеги, Михаила Лермонтова.

О, всего на четыре строки:

Сплетались горячие руки.
Уста прилипали к устам...
И страстные дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.

* * *

Спустя некоторое время старая мистрис Альбион стала замечать, что дочь ее просыпается не в духе, ходит одетая кое-как, носит чуть не до вечера широкие матинэ, а один раз старуха даже застала ее за портняжным делом: дочь распускала пояс в юбке.

— Что ты делаешь? — подозрительно спросила она.

— Ах, мама! Ты же сама говорила, что Англия должна расширить свои границы!

— Да разве так! Постой, постой... встань-ка, что у тебя с платьем? Почему у тебя Индия на боку? Что это у тебя спереди Египет покраснел и вверх полез? А Персия и Афганистан?! С каких это пор ты стала таскать их на левой стороне?!

Дочь заплакала.

— Мама! Прости меня! Он ведь с благородными намерениями! Обещал содержать меня, сырья, говорит, сколько угодно. Кормить, говорит, буду.

Зарыдала и мать.

— Накормил! Энтот накормит! То-то ты после его корму и платье себе перешиваешь.

Плакали обе.

— А я думала: расширю немного границы — никто и не заметит. Если бы ты видела, какой он мне фермуар с сырьем поднес!.. Все подлецы-мужчины одинаковы!

* * *

Доверчивая мисс Альбион лежала бледная, обессиленная, совсем больная, — когда раздался первый крик младенца...

Она слабо улыбнулась и спросила акушера:

— В сорочке родился?

— В кожаном френче. И за поясом два маузеренка.

— Он, кажется, кричит? Как приятно матери слышать первый писк ее сына... Что это он кричит?

Акушер взял ребенка на руки:

— Отречемся от старого ми-и-ра!.. Долой буржуев! Вскрывай сейфы! На фонарь буржуя и соглашателя Ллойд Джорджа!

— Коммуненок! — взвизгнула мать, падая в обморок.

* * *

И тут только заметили, что ребенок рос не по дням, а по часам.

Но было уже поздно.

ЭТАПЫ САМОЛЮБИЯ ГРАФА ЗВЕНИГОРОДЦЕВА

1915 год

Ресторан «Медведь». Время завтрака.

Граф Звенигородцев быстро вскочил со своего места и, хмуря брови, подошел к князю Сундукову.

— Князь! Не знаю, показалось ли мне или это было в действительности так, но вы бросили на меня косой взгляд и потом шепнули что-то на ухо своей даме очевидно, обо мне же!..

— Что вы, граф! Я даже не смотрел на вас!

— То есть, вы хотите сказать, что вы и смотреть на меня не хотите! Вы сами понимает, что такие оскорбления смываются только кровью... Когда и где...

Князь Сундуков встал и сухо поклонился.

— Я к вашим услугам. Жду ваших друзей.

На рассвете была дуэль.

Князь Сундуков прострелил графу Звенигородцеву плечо, но граф даже не поморщился: он со светлым лицом упал на мерзлую землю и, падая вторично, на этот раз уже в обморок, прошептал:

— И все-таки честь моя, незапятнанная доселе честь графов Звенигородцевых, восстановлена!

1918 год

Сидя в компании друзей в городе Ростов-на-Дону, граф Звенигородцев говорил:

— Я вам скажу, почему я бежал сюда из Петербурга... Моя графская корона у этих совдепов была все время бельмом на глазу. Один раз они явились ко мне с обыском даже ночью... «Ты, говорят, граф! Ты, говорят, буржуй!». А я им в ответ: «Что вы, говорю, с ума сошли, товарищи, что ли? Это, говорю, моя фамилия Граф, а сам я нижегородский мещанин, и зовут меня Янкель Граф...». И даже, можете представить, немного еврейского акцента подсыпал — я ведь недурно еще раньше в салонах еврейские анекдоты рассказывал... Что ж вы думаете — поверили! «Пойдем, говорят, простой жиденок, а мы думали, граф». Здорово отделался, а?

Сидевший тут же князь Сундуков задумчиво сказал:

— А все-таки не понимаю: как можно от своей графской фамилии отказываться?..

— О, cher prince! Если бы это была французская революция, если бы мне грозила прекрасная, окутанная мрачной поэзией гильотина — я бы и не отрекся от самого себя! Но ведь эти скоты даже гильотины не могли сочинить! Задушат где-нибудь в грязном подвале чрезвычайки или заставят чистить конюшни! О, если бы гильотина!..

1919 год

На сходнях парохода, отходившего в Константинополь, толпилось много народа.

— Куда прешь?! Куда прешь, свинья собачья?!! Вот ахну тебя так, что в воду башкой вниз сверзишься!..

— Виноват! Я попросил бы! Слышите? Попросил бы. Не забывайте, что я граф Звенигородцев...

— Так ежели ты граф, не лезь, дура, без очереди, а сначала становись в затылок да пачпорт приготовь, да свидетельство, да...

Князь Сундуков шепнул на ухо графу:

— Не связывайтесь вы с этим грубым народом. Сделайте вид, что не расслышали.

— А чего он меня свиньей собачьей называет... Я ж его не трогаю. Взять бы да начальству его и пожаловаться. Вот бы влетело! Но, однако, я думаю, ударить меня он не посмеет, а?

1920 год

Принцевы острова.

Под палящим солнцем стоит очередь за похлебкой, голодная, угрюмая очередь, еле сдерживаемая щеголеватым, вооруженным стеком, «союзником»...

— Ба! Кого я вижу! граф Звенигородев!.. И вы тут?

— Здравствуйте, князь! А я думал, вы в соседнем лагере...

— Нет, ушел оттуда. Там грубо уж очень. При раздаче пищи благодетели-то эти наши — приклады в ход пускают.

— Да, в этом отношении здесь лучше. Стек, — это все-таки не приклад. И потом, ежели он меня ругает при этом, то все-таки французская речь звучит, как родная.

— А говорят, здесь есть такой лагерь, где даже стека нет. Пара подзатыльников на всю партию, да и конец.

— Вот бы туда устроиться!

* * *

В старой барской усадьбе графов Звенигородцевых гуляет буйный вольный ветер, хлопая полуоторванными дверьми и свистя в разбитых стеклах оконных рам.

Иногда этот ветер подхватит белые охлопья изорванной в клочья библиотеки и начнет крутить и взметывать их, чему-то радуясь и думая в своей ветреной красоте, что это только что выпавший снег.

А в портретной галерее предков висит ряд забытых надменных лиц в бархатных камзолах с кружевными манжетками, с золотыми тростями в руках, ряд суровых лиц с брезгливо выдвинутыми нижними губами.

И не от того у них такое брезгливое выражение лиц, что драгоценная старинная библиотека разорвана руками неведомых дураков в клочья, не от того, что изломана в куски золоченая, крытая тисненной материей мебель, — не от того.

Не от того некоторые из них, лишенные рам, перегнулись пополам, будто скрыв от стыда свои лица.

Не от того.

А от того, что наряду с мрачным трагизмом всеобщего разрушения — проскользнула сначала крохотная струйка, а потом эта струйка разлилась широкой всероссийской рекой, пропитала и затопила всю русскую революцию со всех боков и концов.

А имя этой широкой реке:

— Всероссийская Пошлость.

БАКЛУШИ

Севастополь.

День 15 июля.

Весь город шумит, гремит, дымит, грохочет, деловые люди снуют, кричат, торгуют, магазины широко открыли свои гостеприимные двери — будничная деловая жизнь на полном ходу.

— Вот, — думает захлопотавшийся деловой человек, — вот воображаю, где теперь толчея и сутолока — это в Продовольственной управе. Пожалуй, никого и не добьешься.

Идет туда. И, действительно, никого не добивается.

Пустыня. Только за одним из столов сидит барышня «очень недурной наружности в партикулярном платье». Читает книжку.

— Позвольте! — охает деловой человек. — Почему никого нет?

— Сегодня мы не работаем.

— Почему?

— Владимир. День святого Владимира.

— Ну, так что?

— Вот мы и не работаем.

— Почему же?

— Говорят же вам: Владимир.

— Да не работаете почему??
— Празднуем!
— Что?!!
— День святого Владимира!!!
Самое тяжелое, когда, говоря на одном языке, говорят на разных языках.
Дико посмотрел деловой человек на продовольственную барышню.
Дико поглядела продовольственная барышня на делового человека.
Разошлись.

* * *

В наше нервное, голодное, сумасшедшее время — самый главный рабочий нерв — это Продовольственная управа.
Поэтому напоминаем Продовольственной управе, чтобы она не забыла отпраздновать дни:
Преподобного Павсикакия (22 июля).
Св. мученицы Агриппины (27 июля).
Присноблаженного Вардара (29 июля).
А так как между 27 и 29 июлем расстояние — всего один день, то можно отпраздновать и его.
Мы подождем.

* * *

Госпожа Продовольственная управа! Или ты нам насущно нужна — тогда какое ты имеешь право лодырничать? Или ты нам ни на что не нужна — тогда самоупразднись, Продовольственная управа!

ЗАЩИТНЫЙ ЦВЕТ

Все оживленно убеждают меня, что между Севастополем и Симферополем и между Севастополем и Байдарами — грабят «зеленые», а я этому не верю.
То есть, тому, что грабят, — я верю, но не верю, чтобы это были зеленые.

Я бы еще понял так: едешь ты, вдруг из-за кустов выскочил человек ярко-зеленого цвета, крикнул «стой!» и ограбил тебя.

Тут и сомнений нет, если ты не дальтонист, то и сам ясно видишь: ограблен зеленым.

А какие же это, к черту, зеленые, если выскакивает из-за скалы кучка серых, коричневых и «защитных» рубах с ярко-красными от хорошей жизни физиономиями и рекомендуется:

— Мы зеленые. Отдавай деньги.

Деньги, конечно, пассажир должен отдать, но при этом, если он человек логически мыслящий, — ему надлежит возразить:

— Деньги, конечно, берите. Но какие же вы зеленые? Что в вас от этого цвета надежды! Простые вы мошенники и грабители.

Недавно кучка людей, одетых в серые и коричневые гимнастерки, убила под Байдарами ехавшего на автомобиле в Ялту инженера Милославского.

После него несколько дней спустя на том же самом месте та же кучка убила еще инженера Ильяшова.

Почему преступники не обнаружены?

Да это, видите ли, зеленые.

— Ах, зеленые? Ну, тогда другое дело.

Зеленый человек, действительно, неуловим. Поди-ка его поймай, если сам он зеленый, кусты кругом зеленые, деревья зеленые... Этак в трех шагах от грабителя пройдешь — не заметишь.

В неаполитанском аквариуме я видел такую штуку:

За стеклом внизу песок, над песком — вода. Ни на песке, ни в воде — ни одной рыбешки самой мелкой, хоть шаром покати. Позвал я сторожа, говорю:

— Почему пустой аквариум? Беспорядок! Публику надуваете.

Он хитро улыбнулся, взял мою палку и сунул ее в воду аквариума до самого песчаного дна... И вдруг — дно разорвалось на несколько кусков, и эти куски поплыли каждый отдельно: оказалось — совершенно плоские рыбы, изумительно окрашенные в цвет песка, лежали на этом песке, и самый зоркий человек готов был до этого прозакладывать

голову, что гладкая поверхность песка пуста и свободна от присутствия живого существа.

А сунул сторож палку: все сразу и увидели — рыбы!

Так и зеленые: совершенно слились с окружающей зеленью.

И нет такого сторожа, который сунул бы в этот террариум палку.

Очевидно, пока что — будем кормить этих рыбок инженерами.

* * *

Все вышенаписанное, конечно, умозрительно, а вот что я сам собственной персоной наблюдал...

Еду из Симферополя в Севастополь. В экипаже.

Вдруг на каком-то повороте возница сворачивает на боковую, невероятно пыльную дорогу.

— Зачем!! — закричали все пассажиры.

— А тут, вот за этим поворотиком, грабят. Вчера, говорят, целый экипаж раздели, позавчера раздели.

Я заинтересовался:

— За поворотиком? Зелененькие?

— А черт их разберет — какие. Я не видал. Надо быть, зеленые.

Простая наша жизнь пошла: жалко извозчику нас — свернул на пыльную дорогу.

Лень бы было ему свернуть — через пятьсот шагов ограбили бы.

И грабители тоже — все ленивый народ, черт их побери! Что стоило бы им выслать небольшую заставу на нашу вторую пыльную дорогу — так нет!

Сидят в своей мурье и совершенно спокойны: не все же извозчики сворачивают на неудобную пыльную дорогу, есть и прямолинейные.

Тем более что извозчик ничем не рискует: крикнули — стой! Он остановился. А деньги за проезд получены еще в Симферополе хозяином экипажа.

Все обдумано, как в первых торговых домах.

Когда мы сворачивали, я приподнялся в экипаже и поглядел в указанном направлении:

— А, может, они отсюда видны?

— Что вы, господин. Это шагов пятьсот отсюда. Да и деревья мешают видеть.

Нет, разбойничья оседлая жизнь имеет свои удобства — я всего в пятистах шагах от него и совершенно безопасен: ему лень передвинуться ко мне, мне... это самое... тоже лень подойти к нему.

Судя по симферопольскому местоположению разбойников и по тому, что оба инженера, не доезжая Байдар, были застрелены на одном и том же месте, — судя по всему этому — места облюбованы разбойниками прочно — я думаю, даже почтовая корреспонденция могла бы им аккуратно доставляться по такому адресу:

— Ялтинское шоссе, 22-я верста, атаману шайки такому-то, передать лично разбойнику такому-то!

А поймать их никак невозможно, потому: все кругом зелено.

И жизнь повелительно диктует другие пути страхования безопасности путников: по симферопольскому шоссе прокладывается круговая дорога, шагов за 500 от разбойников; по ялтинскому велено собираться путникам караванами, человек в пятьсот, — тогда никакая собака тебя не тронет.

А я знаю еще один способ, но он такой сложный, что и предлагать совестно...

Это — узнать в почтовом отделении адреса шаек и, отправившись по адресам, поймать.

В БЕЗВОДНОЙ ПУСТЫНЕ

Я позвонил.

Десятилетний Володька ввел меня в переднюю и, погрозив пальцем, сказал:

— Тссс!

— Почему: тссс!

— У нас сейчас водное заседание. И меня пригласили тоже как специалиста.

— Клопенок! Какой же ты специалист?

— А как же: я знаю всего Майн Рида и Жюля Верна.

Когда я вошел в гостиную, говорил племянник Жаждачевых, молодой инженер:

— Как нам известно, на больших океанских пароходах существуют гигантские опреснители морской воды. По-моему, это можно сделать и кустарным способом дома. Над кухонным котлом устроить покатую крышку. Полить морской воды. Кипятить. Пары будут собираться под покатой крышкой, скатываться в виде капель в заранее поставленную посудину, посудина охлаждается — и того...

Встал Володька.

— Жюль Верн советует в случае недостатка в пустыне воды — прибегать к кактусам!

Сенсация.

— Каким образом?! Что такое?!

— Кактус очищается от колючек и верхнего слоя кожи. Получается сочное волокнистое вещество, которое, если выжать, то можно извлечь от 1½ до 2-х галлонов воды.

— Чего?

— Галлонов.

— Проклятый мальчишка. Все знает!

Встал дедушка.

— А то бы вот в Бахчисарай поехать... Там воды сколько угодно. И родники. И колодцы. Попить бы.

Дедушку выслушали вяло.

Встал снова Володька.

— Так как вы мне дали право говорить после каждого, то вот еще способ — я его нашел в майн-ридовских «Дарах океана»: если на небе появляется дождевая туча — быстро растянуть непромокаемый брезент, и когда дождь пойдет, можно собрать около 20 пинт.

— Чего-о-о?!

— Пинт.

— Ах, чтоб ты лопнул! — восторженно вскричал сияющий отец. — И что это за мальчишка!

— А то не пригодится ли еще такая штукенция: взять длинную-длинную пожарную кишку и провести воды из Балаклавы или там еще откуда, я уж не знаю...

Володька презрительно улыбнулся.

— Спрячься, папа, со своими кишками. А то еще есть способ: как известно, в желудке верблюда вода сохраняется несколько дней. Если путешественники изнемогают от жажды, они убивают верблюда и извлекают из желудка...

— Гм! Ну это уж, конечно, самый крайний случай. Когда мы будем совсем погибать от жажды...

Дядя, сидевший до сих пор, мрачно опустив голову и только сопевший, вдруг оживился:

— А вот, господа, еще способ: пить Понте-Кане... Удивительно утоляет жажду! Или рислинг № 28 со льдом! Эх, жалко, падает у нас виноделие!..

Встал Володька.

— Если вы хотите знать, что замечательно утоляет жажду, — так это молоко кокосовых орехов: орех очищается от волоса, внизу пробуравливается дырочка и оттуда добывается ароматное, освежительное молоко. С десятка орехов получите полтора лира молока...

— Чего?

— Литра. Мера жидких тел.

Сенсация («Ах, чтоб ты лопнул» и т.д.).

Встала мама Жаждачева:

— А я бы сделала так — не впускать в город ни одного приезжего, если он не привез с собой бочки воды! А когда уезжает обратно, отдать ему пустую бочку.

Встал Володька и сказал:

— Майн Рид в «Приключениях юнги Вильяма» говорит: «В случае непереносимой жажды, если нет ни капли воды, — нужно взять свинцовую пулю и пососать ее: это замечательно обманывает на некоторое время жажду».

Я вмешался:

— Итак, господа, давайте систематизируем все эти предложения в виде 10 заповедей, как, помните, были холерные заповеди. И так как городская дума все равно воды нам не даст, так пусть она хоть распубликует в виде афиш для сведения жаждущего населения эти — 10 водяных заповедей

1. Опресняйте морскую воду в кухонных котлах!
2. Разводите кактусы.
3. По возможности, переселяйтесь в Бахчисарай.
4. Собирайте в брезенты дождевую воду.
5. По возможности, переселяйтесь в Балаклаву.
6. Убивайте верблюдов!
7. Занимайтесь виноделием.
8. Разводите кокосовые пальмы.
9. Не впускайте приезжих без собственной воды.
10. Сосите пули.

* * *

Опубликованные мною в собрании «Десять заповедей жаждущего» произвели сенсацию.

Кто-то спросил:

— Все это, пожалуй, исполнимо, кроме одного: где мы, гражданское население, возьмем пуль для сосания?

— Пуль? Да сделайте одолжение! Городская дума, правда, воды не даст, но пуль может отлить сколько угодно!

И все радовались, что выбрали такую хорошую Думу!

БЕЗГЛАЗОЕ, БЕЗРОТОЕ ЛИЦО

Если я встречаю человека, только что приехавшего из Совдепии, я первым долгом хватаю его за пуговицу и начинаю истерически допрашивать:

— Выходят ли в Совдепии какие-нибудь сатирические журналы? Есть ли там юмор и сатира?

И все мне отвечают в один голос:

— Нет в Совдепии сатирических журналов. Нет там юмора и сатиры.

И эти слова наполняют мою душу своеобразной радостью и гордостью:

— Вот что такое юмор и сатира! Мошенники, насильники и убийцы всё могли купить, всех ограбить, во всем всех надуть, все могли приказать сделать с револьвером, воткнутым дулом в чужое ухо...

Одно только было не в их власти:

— Заставить смеяться.

По их приказу люди шли против своей воли сражаться с близкими их сердцу людьми — сражаться и умирать, по приказу люди делались палачами и убивали других, по приказу журналисты писали зазвонистые, широковещательные, лживые, ультракоммунистические статьи, по приказу матери и дочери, отрываемые от мужей и братьев, шли обслуживать любовные вожделения китайцев на фронт — одного только красная коммуна не смогла приказать:

— Смеяться.

А ведь мы даже при большевиках смеялись. И без всякого приказа; по собственной воле и охоте.

Смеялся мой «Сатирикон», смеялся мой «Барабан», смеялся «Бич» Аркадия Бухова, и от каждой нашей улыбки, от каждой смешинки — на упитанном большевистском теле оставались розовые, долго не заживающие царапины.

Урицкий и Луначарский, бывало, на стену лезут, до крови кулаки себе кусают, но первое время им не хватало теперешней наглости, они не решались задушить нас — обрывки какой-то совести все-таки болтались лохмотьями около сердца, еще не успевшего остекленеть...

Но 18 июля 1918 года, ровно два года тому назад, красный большевистский кулак поднялся над нами и тяжело опустился на наши головы.

Сначала был закрыт буховский «Бич», через два дня — мой «Сатирикон».

Правда, и карикатура на первой странице последнего сатириконского номера была даже по тогдашним временам для большевиков нестерпимая: рисунок изображал площадь перед Зимним дворцом. Площадь покрыта массой гниющих трупов — жертв большевистской расправы. Кругом целые тучи коршунов и воронья, слетевшегося на богатый пир. На первом плане в очень кокетливых позах стоят перед фотографом — Ленин, Троцкий и Алиса Коллонтай. У каждого на плече ворон или коршун, и Троцкий, целуя своего ворона в клюв, сентиментально говорит:

— Наши фотографии будут напоминать путешественников на площади св. Марка в Венеции, кормящих голубей.

Это была самая злая пародия на сентиментальный венецианский обычай кормления тысяч «голубей св. Марка» — и терпение Урицкого лопнуло: большевики, представители «самой свободной страны в мире», дунули во всю мочь своих пролетарских легких на еле мерцающий огонек русской сатиры, и сатира погасла.

Смех исчез.

Другой мой журнал «Барабан» — был еще раньше закрыт за две карикатуры: Радаковскую и мою.

На первой — Вильгельм II сыплет золото в жадно подставленные руки Ленина и Троцкого. Подпись: «Единственный тайный договор, который большевиками не опубликован».

На втором рисунке — пергаментный свиток за печатью «Брестский мирный договор. Свиток густо обрызган кро-

вью. Подпись: «Самый прочный в мире договор — скреплен кровью... генерала Скалона». (Как известно, большевистский представитель ген. Скалон не мог вынести позора этого беспримерного мира и тут же, в другой комнате, по подписании мира — застрелился).

Итак — одним взмахом независимая русская сатира в июле 1918 года была убита.

Что же большевики дали вместо нее?

С душевной болью должен признаться, что среди сатириконцев нашелся один сотрудник — О.Л.Д'Ор, который, презрев общую совместную восьмилетнюю товарищескую работу в «Сатириконе», соблазнился большевистским золотом, взял у большевиков крупную субсидию и — приступил к изданию журнала «Гильотина».

И вот тут блестяще оправдалось правило, что все можно купить, кроме смеха: я не видел журнала более бездарного, нагло улюлюкающего и, вместе с тем, бессильного и беззубого... Кажется — чего там: технические и материальные средства огромные, цензурных запретов никаких — трави нас, буржуев, сколько угодно...

Нет! Жалко было читать когда-то блестящего, неожиданного в своей сатире О.Л.Д'Ора: бледно, вымучено, грубо — тут и развязная наглость и какая-то гаденькая заискивающая улыбочка, и немотивированный наскок и немотивированное восхищение пролетариатом, который в те блаженный времена работал три часа в день, а грабил и бесчинствовал 24 часа в сутки.

И что же... несмотря на все «возможности», журнал «Гильотина» проскрипел всего лишь три недели и, прошамкав что-то в последнем номере совсем уж невразумительное — отдал Богу или, что возможнее, — черту — душу.

Так кончилась официозная большевистская сатира.

И живет теперь огромная Совдепия без сатиры, без смеха.

Сатира — это глаза страны, юмор — улыбка на ее румяных губах.

Мертво теперь лицо огромной, страшной Совдепии: безглазая, безротая страна... Рот заткнут тряпкой, глаза выколоты...

Безглагольна, недвижима.

Мертвая страна...

И если бы мистеру Ллойд Джорджу не так истерически хотелось русского сырья, если бы он не рвался к нему так судорожно и слепо — он должен был бы прежде, чем заключать договоры и входить с большевиками в приязненные отношения, — прежде всего должен бы он спросить:

— А покажите-ка мне, мистер Красин, ваши совдепские сатирические журналы: чем живет и дышит ваша страна? Как и над чем вы смеетесь?...

И когда сознался бы мистер Красин, что у них нет ни сатиры, ни юмора, — Ллойд Джорджу только бы и оставалось сказать:

— Смех есть везде, кроме каторжной тюрьмы и дома присяжного палача! Нам с вами не о чем больше разговаривать!

Но не спросил Ллойд Джордж о русской сатире: сырье совершенно запорошило когда-то зоркие, когда-то правдивые британские глаза...

Мне бы не хотелось, чтобы этот фельетон попал в руки большевистских наркомов.

Потому что — прочтут, скажут:

— Ах, у нас в Совдепии не смеются?! Так все же у нас будут смеяться!

И разорвут голодным совдепцам рты до ушей наподобие Гуинплена...

ВЕРНЫЙ СПОСОБ РАЗБОГАТЕТЬ

Деловой человек рассказывал:

— Если где и можно жить хорошо, так это в России!

— А что?

— Помилуйте: не сеешь, не жнешь, а в житницы собираешь. Тут все приносит выгоду и заработок, даже сыпной тиф!

— Ну, уж сыпной тиф... Скажете тоже! Дрянь болезнь. Отболеешь, а потом осложнения начинаются: или в ноги бросится, или в уши, или на глаза.

— Именно что в глаза мне бросилось! Сразу прозрел после сыпного тифа!

— А раньше что ж... слепы были?

— Абсолютно! Как крот.

— Что же с вами случилось?

— Да вот вам история: несколько месяцев тому назад вздумалось мне заказать портному костюм. Захожу. «Сколько стоит?» — «Восемьдесят тысяч». — «В уме ли вы?» — «Так точно, в уме». Доказал он мне, что в уме, снял с меня мерку, взял задаток десять тысяч — ушел я. Проходит 2 недели, нужно мне идти на примерку, вдруг — трах! Заболеваю я сыпным тифом. Шесть недель туда, шесть недель сюда, захожу я на днях к портному:

— «А что мой костюмчик?»

— «Конечно, говорит портной, воля ваша, костюм можете взять, потому что вы задаток дали, а то, может, откажетесь от костюмчика, хорошее отступное заплачу».

— «То есть?!»

— «А вот: взял я у вас десять тысяч задатку, так возвращу вам и еще 50 тысчонок навару могу прибавить. Согласны?»

Даже дух у меня занялся от восторга. Взял я эти 60 тысяч, а когда вышел от портного — тут-то и прозрел.

— А именно?

— Именно что решил поставить дело на широких началах: открываю собственное ателье заказов мужского платья.

— Портняжеское ателье?

— Кой черт! Заказчицкое. *Оптовым заказчиком буду!* Дело поставлю на широкую ногу: два помощника у меня будут работать — ездить по портным и заказывать костюмы, а потом не брать их!! Шнуровую книгу заведу! Правильную отчетность! Когда разовьем предприятие — акционирую его. Засею весь город своими заказами. Под черный пар пускать буду! Трехпольную систему заведу!! Сбор урожая 4 раза в год, по сезонам! В других городах отделения открою, систематизирую всех портных России! Статистика будет. Как с мериносов, периодически буду шерсть снимать!!!

Это был подлинный экстаз вдохновения.

* * *

Вообще нужно со вздохом признать, что современная русская деловая жизнь очень напоминает прелестного ребенка в паноптикуме, в банке со спиртом: нога — вместо двух — одна, зато руки четыре, а на том месте, где должен быть носик — торчит небольшой шишковатый рог, причудливо изогнутый.

А в остальном — ребенок как ребенок.

МОЙ БАЛАГАНЧИК

Извещение директора балаганчика:

«От времени до времени на подмостках моего театра будут идти пьесы и инсценировки, имеющие важное, я сказал бы даже международное значение. Актеры у меня все первоклассные — я сказал бы даже международные! Сегодня у меня впервые идет жизненная комедия:

“Чичиков покупает у Ноздрева мертвые души, или Штуки Красного Арапа”. Комедия без конца, но не бесконечная.

Во время действия дирекция просит ногами не топать и не свистеть от восторга».

* * *

Действующие лица:
Джон Булль.
Красный Арап.

Джон Буль: — А! Чтоб не забыть... У меня к тебе просьба...

Кр. Арап: — А какая?

Дж. Буль: — Вот какая: у тебя, чай, есть много сырья: уступи его мне.

Кр. Арап: — Да зачем оно тебе?

Дж. Буль: — Ох, какой любопытный! Ему бы всякую дрянь хотелось бы пощупать рукой да еще и понюхать. Вот так вот: нужно и нужно.

Кр. Арап: — Ну, хорошо: сырье у меня пойдет в придачу к золотой печатке для часов: недавно хорошую золотую печатку из чужого сейфа выудил.

Дж. Буль: — Ну, посуди сам: зачем мне золотая печатка, да еще и краденая.

Кр. Арап: — Тогда купи у меня шарманку. Чудная шарманка! Ты послушай, как она «Интернационал» играет.

Дж. Буль: — Ну, посуди сам: на что мне твоя шарманка? Я человек деловой, солидный, а не шарманщик!

Кр. Арап: — Да ведь это не такая шарманка, какую носят немцы по дорогам. Эта вся из красного дерева и, кроме «Интернационала», играет «Отречемся от старого мира...». Вот пойдем, я тебе сыграю. Не хочешь? Ну, давай на сырье в шашки сыграем.

Дж. Буль (в сторону): — Сем-ка я сыграю с ним в шашки. В шашки игрывал я недурно да и смошенничать ему тут трудно. (*Вслух*). Ну, изволь. (*Начинают игру*). Только ведь я плохо играю.

Кр. Арап (*делая ход*): — Знаем мы, как вы плохо играете.

Дж. Буль: — Давненько я не брал в руки шашек.

Кр. Арап: — Знаем мы, как вы плохо играете.

Дж. Буль: — Давненько я... Э.. Э! Это, брат, что? Отсади-ка ее назад!

Кр. Арап: — Чего?

Дж. Буль: — Да вот эту шашку. Вишь ты... Целая конная дивизия. Зачем она у тебя в Варшаву пробирается?

Кр. Арап: — Изволь, я отодвину.

Дж. Буль: — Постой! Куда ж ты ее отодвигаешь?! Почему в Восточную Пруссию?!... Э! Э! А эта шашка у тебя как в мою Индию затесалась?!

Кр. Арап: — Да она тут и была.

Дж. Буль (*вставая*): — Как была? Когда была? Нет, брат, с тобой никак нельзя играть: ты сразу по три хода рукавом делаешь.

Кр. Арап: — Нет, ты не смеешь отказаться — игра начата!

Дж. Буль: — Я имею право отказаться, потому что ты не так играешь, как прилично честному человеку!

Кр. Арап: — Ах, так?! А где мой черешневый чубук? .....

* * *

От дирекции театра:

«Как уже сказано выше, пьеса эта без конца, но не бесконечная.

Скоро она будет доиграна к великому позору некоторых и к великому торжеству многих.

С почтением: Дирекция в лице

Аркадия Аверченко».

СЕНЬКА-ДИПЛОМАТ

Сегодня в советском Министерстве иностранных дел — большой день: во всем помещении его, во всех трех этажах от верху до низу — стоит густой, крепкий, как антоновское яблоко, хохот.

То и дело раздаются стоны изнемогающих от смеха «чиновников»:

— Ах, что б ты лопнул! Чтоб тебя разорвало! Ну, и закрутил. Хо-хо-хо! Завинтил гайку!..

Кое-кто из только что пришедших в министерство справляется:

— В чем дело?

— Товарищ наркоминдела Сенька Майданщик ответ на ноту Ллойд Джорджа составляет!

— Что ж тут смешного!

— Да ведь это ж Сенька! Ведь он, анафема, еще три года тому назад в керченской каторжной тюрьме майдан держал и я ему барахло закладывал, а нынче — поди-ка! С самим Ллойд Джорджем в переписку вошел!

— Да что ж он там пишет?

— А вот пойдем, глянем.

* * *

За большим столом, покрытом синим сукном, сидели двое... То есть, сидел один — секретарь, а товарищ наркоминдела не то лежал, не то полусидел, потому что обе ноги его, по американскому обычаю, были на столе.

Он курил сигару, сплевывая на бок артистически изящной тонкой слюной, и диктовал:

— Пиши, Володька: «Идя навстречу желанию британского правительства и желая возможно скорее заключить мир между Россией и Великобританией — русское правительство...»

— Чего, чего? Хо-хо...

— Чего ржешь, дубина?

— Русское правительство — это, значит, мы с тобой? «...Русское правительство принимает условия, изложенные в меморандуме союзников»...

— Экой черт собачий... И откуда ты такие словечки выковыриваешь... «Меморандум»... хи-хи...

— Подумаешь, важность... Если уж блатную музыку знаю, то дипломатическую, с нотами, куда легче!.. Жарь дальше: «Советское правительство признает, что план, предложенный британским правительством, будет рассматриваться, как устанавливающий состояние перемирия между Россией и Великобританией, и разделяют надежду британского пра-

вительства... (слышь, Володька? Это мы с тобою разделяем ихнюю надежду! Видал?)... что перемирие это откроет путь к окончательному миру. А не будет перемирия — так морду набьем, что...».

— Постой, не спеши! «Так морду набьем, что...».

— Да нет! Этого писать не надо! Это я так, от себя. Ну, все готово? Теперь остановка только за Гришкой, придет и подпишем. Да, постой! Чем бы их, англичанишек этих, по губам помазать?.. Во! Есть! Пиши, что «английским предпринимателям и капиталистам предоставляет право эксплуатации наших фабрик и заводов — на 50 лет».

— Знаешь, что? Давай ахнем на 100 лет.

— А мне что? Жалко, что ли? Ахай на 100. Готово? Ну, теперь айда пиво пить!..

Оба встали, потянулись, переглянулись, перемигнулись и, толкнув друг друга в бок, залились беззвучным хохотом:

— Ах ты, дипломат свинячий, а? Во, брат, мы какие! Ноты Великобритании посылаем! Это опосля майдану-то!

— А ты что думаешь?! Да если бы у меня только монокль из глазу не вываливался, я бы в Лондон посланником поехал, накажи меня Господь!

АНЕКДОТЫ БОГИНИ КЛИО

Вся мировая политика последнего времени — сплошной застольный анекдот.

Надеюсь, для иллюстрации этого категорического утверждения трех примеров довольно?

I

Судья: — Сарра Рубинчик! Ваша соседка обвиняет вас в том, что вы взяли у нее совершенно целый котелок на полчаса, а когда вернули, он был треснувший.

Подсудимая: — Позвольте объяснить вам, господин мировой судья... Во-первых, я у нее этого паршивого горшка совсем не брала; во-вторых, я ей его вернула совершенно целым; а в-третьих, когда я брала, он все равно уже был разбитый.

Английская рабочая делегация ездила в Совдепию знакомиться с жизнью и устройство коммунистического рая.

По возвращению в Англию представитель рабочей делегации прочел доклад, который сводился буквально к следующему:

«...Во-первых, нам там в Совдепии почти ничего не показывали, во-вторых, жизнь там нормальная — никакого террора и голода нет, а в-третьих, если люди и мрут, как мухи, от голода и террора, то в этом вина белогвардейцев, длящих гражданскую войну».

Такими приемами английская Рубинчик защищает большевизм.

II

— Абрамчик! Ты с ума сошел: почему ты сегодня куришь?

— А что?

— Ведь сегодня суббота — курить нельзя.

— Ну, так я спрашивался у раввина!

— И раввин тебе разрешил?

— Положим, не разрешил. Так плевать я хотел на его разрешение.

Эта же логика в международном масштабе:

— Большевики! Зачем вы стираете в порошок бедную Польшу? Ведь Антанта вам запретила делать это.

— Нет, мы прежде спросились у Антанты.

— Неужели она позволила?

— Положим, не позволила. Так плевать мы хотели на ее позволение!..

III

Вагон 3-го класса. Ночь. Все спят. Вдруг — страшный грохот.

Вскакивают:

— Что такое? В чем дело?

Голос успокоительно:

— Это ничего. Это мое пальто с верхней полки упало...

— Так почему же такой стук?

— А? Я в середке был...

Теперь: вместо вагона — Турция.

— Послушайте?!! Что у вас за шум такой?

— Это ничего. Это так себе... Националисты. Кемалисты шалтай-болтай делали.

— Да, но, все-таки, почему такой страшный грохот на весь мир?

— Пачему? Патаму — балшевик середке бул.

* * *

Это, кажется, впервые в мировой истории — богиня Клио потеряла свою серьезность и, захлопнув книгу, положив ее под себя, принялась анекдоты рассказывать.

ДВА КОНВЕРТА

Вот они: оба лежат передо мной на письменном столе.

Описать наружность этих двух конвертов и будет задачей настоящего фельетона.

Один неуклюже склеен неопытной рукой из потасканного, видавшего виды листа какой-то расчетной ведомости, разлинованной вдоль и поперек, причем из одного плохо заклеенного угла выглядывают даже печатные слова в клетках:

№ № мастеровых	Число отработанных часов	По поденной плате	
		Руб.	Коп.

В левом нижнем углу конверт усыпан цифрами с красными и синими карандашными отметками, а в правом углу, более чистом, написан адрес:

«Аркадию Тимоф. Сдельно. Павел Тычинин, Яков Шмыгарев, молотобойцы (эти шесть слов за ненадобностью зачеркнуты) еевичу Аверченко, Мало-Офицерская. Особо за сверхурочн. (все 3 слова зачеркнуты) 27, кв. 5».

Этот конверт, заключавший в себе письмо на такой же разлинованной, испещренной посторонними словами бумаге — я получил от одного приятеля из Симферополя.

И рядом с ним лежит другой конверт: он узок, он изящно удлинен. Цвет серо-голубой. Бумага очень плотная, шеро-

ховатая, вся покрытая какими-то пригорочками, вроде ватманской, и на ней так хорошо легли темно-зеленые чернила. Края заклеенного клапана не обрезаны. Письмо запечатано небольшой сургучной печатью темно-золотого цвета, хотя это и излишне: конверт так замечательно заклеен, что никакой черт внутрь не проберется.

В левом углу торчит кончик нитки: если дернуть за этот кончик — край конверта разрежется без помощи ножа — все предусмотрено.

Я уже, как дикарь, прищурив один глаз, другим заглядываю внутрь конверта... Ого! Внутри конверт оклеен еще одной бумагой — светло-коричневого цвета, и по этому фону — причудливые цветы: красные, фиолетовые и золотые.

— Ага! — догадываюсь я. — Это затем, чтобы сквозь конверт нельзя было прочитать содержания. Вот почему коричневую бумагу и печатали еще тремя красками.

И это несмотря на то, что бумага на конверте толщиной с телячью шкуру.

Как прекрасно, как обдуманно, как солидно и роскошно!

Этот, второй конверт — получен мною из Парижа от другого приятеля.

Человек, писавший письмо, быстро набросал несколько строк, сунул в плотный конверт, заклеил, запечатал небрежно темно-золотым сургучом и отправил мне, вовсе не думая, что я, как африканский дикаренок, буду заглядывать прищуренным глазом внутрь, и гладить конверт пальцами, и принюхиваться к нему...

Да... Первый конверт из Симферополя, второй — из Парижа.

Тысяча мыслей. Тысяча параллелей.

У нас-то, в Крыму, еще пока на бумаге пишут, хоть и вырванной из расчетной ведомости, а в советском раю, я думаю, письмо пишется на капустном листе и вместо конверта заворачивается в лопух.

Рабочие Павел Тычинин, Яков Шмыгарев, молотобойцы! Вашим именем вся Россия превращена в затхлый свиной хлев. Разве так нужно было для вашего счастья, Павел Тычинин и Яков Шмыгарев, молотобойцы? Это разве было конечной целью стремления ваших пролетарских представителей?

Правда, ваши имена сейчас зачеркнуты на моем адресе, но еще так недавно вы были первыми людьми в России, и все делалось якобы по мановению вашей молотобойской руки.

Вот перед вами два конверта: один — представитель буржуазной Франции, другой — свободной пролетарской России...

Неужели вашему сердцу ближе эта кривая, косо склеенная, покрытая пятнами клейстера и зачеркнутыми словами, бумага?

АНГЛИЯ ТРОНУЛАСЬ

> ...Один из коммонеров заявил Бонар Лоу: «Довожу до сведения достопочтенного джентльмена, что большинство членов палаты намерено объявить забастовку в том случае, если правительство будет упорствовать в отказе увеличить оклады депутатам».
>
> *Из газет*

К сожалению, газеты не приводят ответа Бонар Лоу на это заявление.

По частным же сведениям (одна версия), он ответил, что заявление члена палаты имеет отношение к русскому вопросу, который еще не разбирался; по другой версии, в дело вмешался Ллойд Джордж, который, водя в последнее время компанию с большевистскими агентами, на заявление члена Палаты ответил не свойственным ему раньше веселым тоном на чистейшем русском языке:

— Наплевать!

И, игриво подмигнув интерпелянту, вышел из палаты, насвистывая «яблочко».

Из последующего можно с большим основанием вывести, что вторая версия была ближе к истине, потому что не прошло и трех недель, как коммонеры, возмущенные ответом Ллойд Джорджа, действительно забастовали.

Правда, они по своей неопытности не знали, с чего начать, но тут на выручку появились вечно вертевшиеся в палате

и ко всему принюхивающиеся «дипломаты» Красин и Каменев.

Под их руководством дело закипело: быстро смастерили из жилета главного швейцара красный флаг, напечатали прокламации, озаглавленные «Долой всемирных угнетателей!», и один из забастовщиков, взойдя на трибуну, решительно заявил спикеру:

— Довольно вы попили нашей кровушки!.. Будя.

В знак того, что заседание продолжается, спикер снял шляпу, но это не помогло; все встали, топая ногами, и член палаты Асквит крикнул:

— Долой десять министров-капиталистов!! Да здравствует Четвертый Интернационал!!

— Третий! — крикнул сверху Красин.

— Только третий? — удивился добродушный Асквит. — Медленно же вы это делаете.

И он доверчиво обернулся к Красину:

— Теперь же дальше что?

— Хорошо бы спикера вывезти на тачке.

— У нас тачек нет.

— Непростительная небрежность.

— Да и кто бы его вывозил?

— Вы же.

— Простите, сэр, — с достоинством возразил Асквит, — но члены Британской Палаты Общин никогда не были лошадьми.

— Гм, — растерялся Красин. — Это совершенно новая точка зрения. Ну, тогда просто высыпайте на улицы и стройте баррикады.

Сэр Асквит озабоченно оглядел свои руки и спросил:

— Строить? А нельзя ли их того... сдать в подряд?

— Да что это вам, беговой павильон, что ли? Должны сами строить.

— Но мы еще не знаем, где городская земельная комиссия отведет нам участок для постройки...

— Плюньте вы на комиссию! Стройте поперек Пикадилли!

— А, может быть, вдоль? Чтобы не мешать движению экипажей, а?

— Тьфу!! Пойдем, там видно будет.

По дороге к забастовавшим коммонерам присоединились булочники. Вообще, замечено: где бы, когда бы и кто бы ни забастовал — обязательно за компанию бастуют булочники. Ни одна булочная душа не может вынести равнодушно зрелища чужой забастовки.

Когда пришли на Пикадилли, Красин, хлопотавший и суетившийся больше всех, подобно распорядителю от бюро на похоронах, сказал:

— Теперь стройте баррикады!

— Из чего же их строить? — спросил обстоятельный представитель Хиккей-Хаса.

— Из чего попало! Пустые ящики, телеграфные столбы, доски, бревна...

— В таком случае мы должны прежде всего открыть кредиты, сделать ассигновку и послать представителя на лесной двор для закупки необходимого матер...

— Ах, чтоб ты провалился! Вот не сваришь каши с этими людьми. Булочники! Вас угнетают, из вас пьют кровь — чего ж вы стоите так?! Ломайте решетки, выворачивайте телеграфные столбы, опрокидывайте трамваи, опутывайте все проволокой... «Это будет последний, решительный день!». Ну, живо!

К вечеру булочная баррикада была готова. Была она довольно жидковата, довольно низковата, «не выпечена» — как заметил один строитель, и для постоянного жилья не годилась, но временно, по уверению Красина и Каменева, на ней можно было продержаться...

Красин сбегал куда-то и притащил целую охапку револьверов, ружей и ручных бомб.

Разобрали. Залегли.

Ждали всю ночь. Ждали все утро.

— Чего мы ждем? — спросил, позевывая, представитель графства Сюррей.

— А вот сейчас правительственные войска подъедут, стрелять будут.

— All right! А зачем?

— Что зачем? Зачем будут стрелять? Чтобы нас разогнать.

— Этим и кончится?

— Зачем этим? Мы должны бороться до последнего патрона.

— Чего ж они не едут?
— Сейчас, вероятно, подъедут.
Прошло еще часа три томительного ожидания.
Представитель Йоркшира, встревоженный, спросил:
— А, может быть, правительство не знает о нашей баррикаде?
— И верно. Чего мы будем сидеть как дураки. Надо бы сообщить правительству.
— Действительно, безобразие!! Бездействие власти! Пишите им записку с нашим адресом!!
Асквит написал:
«Известно ли правительству, что мы забастовали и сидим на баррикаде (адрес — Пикадилли, около дома № 47), известно ли, что мы ждем нападения правительственных войск, а если известно, то почему правительство не нападает на нас?!.. N. bene. Запрос признать спешным».
Записку послали с булочником. Ждали еще 3 часа. Ждали еще 6 часов.
Потом накинулись на Каменева и на Красина:
— Почему вы нас поставили в дурацкое положение?! Почему никто не нападает?!
— Мы ж тут при чем, сэры? Мы хотели как лучше... А, может быть, мы уговорим булочников прекратить забастовку, обойти баррикаду с другой стороны и напасть на нас? Все-таки драка будет.
— Спасибо вам. Я не знаю, как кто, а я ухожу домой.
— А я в палату.
— И я. И я. Предъявим правительству официальный запрос.
Баррикада опустела.

* * *

...Спикер снял шляпу. Заседание палаты открылось.
Палата сейчас же внесла правительству запрос.
Палата: Известно ли правительству, что члены палаты построили на Пикадилли баррикаду? А если известно, то почему правительственные войска не напали на нас?
Правительство: Известно ли палате, что члены ее неприкосновенны? А если известно, чего ж она пристает к нам

с запросами? Как мы могли прикоснуться к неприкосновенным?

Палата: Но мы забастовали! Раз мы не работаем, какая там неприкосновенность?

Правительство: Забастовка — временное состояние Члена Палаты. Только официальное сложение своих полномочий делает его прикосновенным.

Палата: Так мы слагаем свои полномочия и бастуем!

Правительство: Тогда вы можете и не бастовать. Тогда вы вообще свободны!

Палата: Фу, черт!.. Вот запутались. Считаем инцидент исчерпанным.

Правительство: Давно бы так. Правительство тоже считает инцидент исчерпанным и переходит к очередным делам.

Все довольны.

Кроме Каменева.

Кроме Красина.

Красин утешает Каменева:

— Ничего, Володя (партийная кличка). Мы надавим на булочников. Так как они имеют отношение к кулинарии, то, может быть, с помощью их мы и заварим в Лондоне кашу!..

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Ллойд Джордж распечатал письмо от французского представителя:

«Сэр! К сожалению, я не могу быть на устраиваемой вами конференции с участием большевистского представителя. Дело в том, что я совсем расхворался. Примите уверения».

Второе письмо было от итальянского представителя:

«Сэр! Тяжкая болезнь мешает мне выразить мои чувства восхищения вам и вашим новым друзьям — большевикам. Я в отчаянии. Прикован к одру. Примите».

Третье — от японского.

«Сэр! Тяжко болен. Доктора не ручаются. Тиф, осложненный чахоткой и ишиасом. Поэтому сегодня не буду. Завтра, надеюсь, встретимся на скачках. Примите и прочее».

Четвертое — от американского.

«Сэр! не могу. Переехало автомобилем и вообще. Принимаю пилюли от ожирения. Примите и вы и прочее».

Даже румын написал.

«Буду, непременно буду. Если не буду — значит, что-нибудь случилось. Наверное, что-нибудь случится. Болезнь там или что. Так что лучше не ждите. Поцелуйте от меня симпатичного советского представителя».

— Гм! — подумал, покрутив головой, Ллойд Джордж. — Сколько, однако, на свете всяких болезней и неприятностей. Ну, ничего не поделаешь. Придется без них.

Он позвонил:

— Пригласите в зал заседаний советского представителя!

...В зал заседаний вошел невысокий, плохо выбритый господин во фраке и голубом галстуке. Он нерешительно шаркнул ногой, обутой в желтую сандалию, вздохнул и, остановившись у притолоки, стал смущенно мять в больших красных руках хрустящий цилиндр.

— Здравствуйте, сэр! — приветливо поклонился Ллойд Джордж. — Подойдите ближе, присаживайтесь. Каково доехали?

— Оно бы ничего доехал, — откашливаясь, сказал приезжий господин, — да вы знаете, на берегу чуть не засыпался!

— Чуть не... что?

— Чуть не засыпался. Взял я под мышку свое барахло, вдруг — дух! Я было — канать, а он меня за машинку — амба!

— Виноват, какой дух?

— Обыкновенный. Полицейский по-вашему. Ну, я ему сейчас же очки в зубы...

— Ка... какие очки?

— Да у меня не липовые, будьте благонадежны. Выправил. Ну, я на всякий случай сую ему в пятерню рыжее колесо, а он как зазвонит! Я сначала за перо, — пришить хотел, — потом, думаю, дело не клеевое, лучше обойтись сухим грантом...

— Виноват, что вы говорите?

— А то и говорю, что раз у вас за мокрый грант галстуком пахнет, так я взял насухо и винта нарезал.

Приезжий господин вдруг замолчал и, опасливо покосившись на Ллойд Джорджа, спросил:

— Слушайте... Я вот тут звоню... А вы на меня не будете капать?

— О, не беспокойтесь... — неопределенно ответил Ллойд Джордж. — Послушайте, а не лучше ли нам пригласить... гм... переводчика?

— Лады! Я вижу, вы дядя с мозгой. Фартовый!

— Так я сейчас пошлю в министерство за переводчиком.

— В которое?

— Иностранных дел.

— Гнилая работа будет. Вы лучше вот что, господин... У нас в малиннике ребята рассказывали, что есть у вас тут в Лондоне домишко такой... Ньюгетом называется. Так вы лучше туда посылайте. Пусть из головки выберут кого, чтоб знал блатную музыку. Вот тогда пойдет у нас настоящая тырбанка сламу... Амба?

* * *

Послали за переводчиком и работа международной конференции закипела...

ФИНАНСОВЫЕ ПАРАДОКСЫ
(Карикатура без рисунков)

Фраза, сказанная в пылу разговора:

— Не забывай, милая моя, что я только миллионер, а потому и не могу покупать тебе шелковых платьев!

* * *

— Вы знаете, он сторублевками сигары закуривает.

— Неужели такой кутила?

— Нет, просто это дешевле спичек.

* * *

— Когда я иду на базар, у меня корзина тяжелее, чем когда я иду с базара.

— Значит, вы на базаре продаете?

— Нет, покупаю. Но на базар я несу пачку денег, а с базара — те пустяки, которые удается на них купить.

* * *

— Покойник оставил наследникам дом, за который 10 лет назад заплатил 20 тысяч.

— А сколько обошелся наследникам гроб для него?

— Сорок тысяч.

* * *

Дама: — Этот молодой человек стоил мне много денег!

— Фи! неужели вы его содержали?

— Нет! Но когда он на улице пристал ко мне и я дала ему пощечину — у меня лопнула двенадцатитысячная перчатка.

* * *

Нищий: — Подайте тысячерублевку на кусочек хлеба!

* * *

Она: — Слава Богу, отец обеспечил моего ребенка: двести целковых на его имя положил.

— Позвольте! Но ведь этого хватит только на коробку спичек!

— Золотом, милостивый государь, золотом! Это — круглая сумма в два миллиончика!!

* * *

— Послушайте, вы положили в несгораемый шкаф 300 тысяч и забыли запереть его!!

— Я и не буду запирать.

— Почему?

— Воров боюсь.

— Ничего не понимаю!

— Очень просто — если я запру шкаф, вор начнет ломать его, а шкаф стоит четыре миллиона. Пусть же он лучше триста тысяч берет.

УРОК В СОВДЕПСКОЙ ШКОЛЕ

Новый учитель, только что назначенный комнарпросвом, быстрыми шагами вошел в классную комнату, кивнул головой детям и сказал:

— Итак, в нашем распоряжении час. За этот час мы успеем прочитать небольшой рассказ из хрестоматии, разобрать его этимологически, разобрать синтаксически, пересказать своими словами и закончить диктантом. Не будем же терять золотого времени. Ну, ты, крайний слева! Валяй! Читай. Вот эту штуку прочти нам вслух.

«Крайний слева», худой, унылый мальчик с ушами, торчащими, как крылья летучей мыши, встал и загудел:

— «День Володи». Проснувшись рано утром, Володя оделся, умылся, позавтракал...

Пауза.

— Ну, чего ж ты остановился?

— Я... не знаю. Не понимаю.

— Чего ты не понимаешь?

— Что такое «позавтракал»?

— Неужели не знаешь? Ну, кто из вас, дети, знает? Объясните ему.

Кто-то, самый догадливый, поднял руку.

— Ну? Вот молодец. Скажи этому остолопу: что значит «позавтракал»?

— Позавтракал — значит, сделал что-нибудь на завтра...

— Что-о-о?..

— Этого... На другой день сделал.

— Садись брат... Я вижу, такая же ты дубина, как и предыдущий. Ну, дети! Неужели никто из вас не завтракал? Ну что вы, например, утром едите?

— Ничего. Мы только потом обедаем. Выдают из общей коммунистической столовки похлебку.

— Ну, хорошо. Скажем, встал ты утром, съел бутерброд... Бутерброд-то знаете, что такое?

Все хором:

— Нет, не знаем.

— Вот наказание! Бутербродом называется кусок хлеба, намазанный маслом... Масло-то, надеюсь, видели?

— Не видели.

— И не видели, как его сбивают?!
— Нет. Я только читал в газете, что белогвардейская сволочь сбивает нас с толку.
— Ну, это, положим, не то. Масло сбивается из молока...
— А что такое молоко?
— Ах, ты ж, Господи! Корову когда-нибудь видели? Животное такое.
— Нет, не видели. Теперь же Зоологический сад закрыт.
— Ф-фу! — покрутил головой учитель. — Итак: когда-то существовало домашнее животное по имени корова, жвачное, двукопытное. Из него выдаивали молоко, из молока сбивали масло, масло ножиком намазывали на булку...
— Мы знаем, что такое ножик!!
— Слава Богу! Хоть что-нибудь знаете! Итак, намазывали масло на булку, покрывши ломтиком ветчины...
— А что такое ветчина?
— А, что б вы пропали! Сколько уже времени прошло от начала урока? Полчаса? Ну, подавитесь ветчиной. Ломтик ветчины отрезывается от окорока, окорок делается из задней свиной ноги, свиная нога делается из свиньи, свинья — из поросенка, поросенок ....
Радостно прозвенел звонок.
Учитель собрал свои книги, вздохнул и закончил урок:
— Итак, дети, вот что такое завтрак! Еле-еле на свинье до конца урока доехали.

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

> Советской властью в гор. Орле устраиваются всероссийские коммунистические олимпийские игры.
>
> *Из газет*

Лицо, назначенное свыше комиссаром по устройству Олимпийских игр, обратилось к своему помощнику с вопросом:
— Ну, как идут наши дела?
— Которые?
— Да вот эти, по устройству Олимпийских игр в Орле.
— А, черт его возьми! Они там свыше выдумывают разные игры-мыгры, а мы морочь себе голову. Крутил я, крутил, придумывал и так и сяк — ни черта не получается. Главное,

к кому я ни обращался, никто не знает, во что там играли греки на этих играх.

— Господи! Всякий гимназист знает: метание диска, прыжки, бег... ну, там и прочее.

— Ну, вот вам: извольте видеть — прыжки! Мы должны советский строй укреплять, а не прыгать. И потом, что это за игра: вышел человек и ни с того, ни с сего начинает прыгать... Я уже запрашивал даже некоторых коммунистов: будете прыгать? «А нам, говорят, что за радость зря прыгать? Если бы еще заплатили...».

— Гм! А мы вот что сделаем: объявим принудительную мобилизацию прыгунов, хорошенько проморим их голодом, а перед самым состязанием вдруг объявим, что даем каждому по полпуда муки и по 5 фунтов говядины.

— Ну, и что же?

— Вот увидите, как от радости запрыгают.

— Значит, это нечто вроде поощрительной премии? А как же с бегунами? Эти тоже зря не побегут.

— Почему?

— Утилитаристы, канальи! Если ему из каторжной тюрьмы бежать, где он сидел за убийство, — так он хоть сто верст, как заяц, откатает... А так, зря — и шагу не сделает.

— Зачем зря. Мы у финиша положим мешок с сахаром, козловые сапоги и фунт табаку. Первые три, которые добегут, — пусть хватают любое.

— Идея.

— Во-во. А для верности выпустим сзади две-три пулеметных очереди.

— С метаньем диска только ничего не выйдет. Во-первых, что такое диск? А во-вторых, к чему все это?

— Диск можно заменить копьем. Или пикой.

— Именно что. А для интереса мы им дадим кроме пик — червы, бубны и трефы. Пусть мечут! Я и сам с удовольствием промечу банчишку или примажу тысчонку-другую.

— Эк куда заехали; однако кроме шуток, это все состязания греческие — в них нет ничего нашего, самобытного, коммунистического.

— Самобытное я приготовил напоследок, на закуску!

— Именно?

— Устроим состязания в быстроте вскрытия сейфов. А у меня есть десяток-другой таких гладиаторов, что любой сейф в две-три минуты вскроют. А, кроме того, можно закончить наши Олимпийские игры парфорсной ездой на реквизированных лошадях и стрельбой влет по арестованным саботажникам!..

— Постойте, я сейчас запишу по порядку...

СМЕРТЬ ВАНЕЧКИ

Так гибнут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой

Пушкин

Молодой человек Ваня Ползунков сидел в гостях у любимой девушки Лялечки и, положив голову ей на грудь, тихо и влюблено говорил:

— Когда я вас не вижу 3 дня — мне кажется, что я не видел вас год!

— Так почему же вы запропали на целых три дня?

— Сидел дома. Сапожник башмаки чинил. Как вы думаете — сколько он взял за починку?

— Не знаю... — рассеянно сказала Лялечка, задумчиво глядя на руку.

— Двадцать одну тысячу!! А раньше на эти деньги можно было купить полторы тысячи совершенно новых пар ботинок!

— Да, дорого... Вы читали, Ванечка, роман Гвидо-да-Верона «Женщина, которая изобрела любовь»?

— Хотел прочесть на днях. Да в книжной лавке с меня спросили за книгу 2 тысячи... Я плюнул и ушел. Подумайте, а? Раньше она новая стоила полтора целковых, а теперь за трепаную берут 2 тысячи! До чего ж это дойдет, Ляля, а?

— Ну, к этому пора уже привыкнуть. Давно видели Кудряшева?

— На прошлой неделе. Мы с ним ужинали на бульваре. За 2 ужина и за бутылку вина заплатили 27 тысяч. А раньше за все это...

— Да бросьте вы эти дурацкие расчеты! Нашли о чем разговаривать... Скажите лучше, с какой высокой брюнеткой вас видели в среду?

— А! Это жена одного господина. Представьте себе, он — места себе не находит!!

— Ревнует жену к вам?

— Да нет, вообще места не находит. Служит. Раньше он получал полтораста — и ничего жили, а теперь предлагают в месяц двести тысяч — и он...

На террасу взбежал новый гость.

— А-а... Мсье Кудряшев. Здравствуйте! Наконец-то вспомнили о нас, грешных.

— Это вы-то грешная? Полноте! Да я каждый день встаю с кровати с жуткой мыслью: а не утащили ли ангелы сегодня Лялечку живой на небо? Сейчас же одеваюсь, бегу в церковь и ставлю свечку за бытие ваше на нашей многоуважаемой земле.

— А интересно, — молвил Ползунков, — сколько она сейчас стоит?

Оба поглядели на него недоумевающее:

— Кто?

— Свечка; церковная.

— Да Бог ее знает! Рублей сто, что ли.

— Бож-же ты мой, Бож-же мой! А раньше за пятак пречудесную свечку давали!

— Эка о чем вспомнили. Давайте лучше покурим. Собственно, нужно бы покурить Лялечке фимиам, но за неимением такового сойдут и «Сенаторские».

— Не курю. — С достоинством сказал Ползунков. — Бросил.

— Ого! Вот это сила воли.

— Да... Хорошая сила воли, когда за 25 штук тысячу двести приходится платить. И обходится теперь одна папироса столько же, сколько раньше 5000 штук стоили!

— Да бросьте вы эти ваши расчеты. Только себя расстраиваете. Нате вам лучше кисточку винограда. Ешьте и молчите.

— Спасибо, Николай Семеныч. Только смотрите не уроните ягодку на ваши белые брюки.

— Дорого стоят?! — пробормотал с неожиданным раздражением Николай Семеныч, подмигивая Лялечке.

— Не то; а от винограда на белом делаются пятна. А знаете, сколько прачка берет за белые брюки? Полторы тысячи... Подумайте, а? Раньше за эти деньги можно было купить 15 коров.

— Или 35 ослов! — вскричал Николай Семеныч, хлопнув кулаком по столу. — Или 178 безмозглых баранов!

С чувством оскорбленного достоинства поднялся Ваня Ползунков.

— Что вы хотите этим сказать?

— А вот что. Сколько вы получали жалованья до революции?

— 250. Но я не знаю, какое это имеет отношение?..

— Ну, вот! А на эти деньги можно было купить четыре с половиной осла.

Уткнув носик в платок, бешено смеялась Лялечка.

— Виноват, — тихо сказал Ванечка, скрестив руки. — Знаете ли вы, что такие оскорбления смываются кровью!

— Когда и где вам угодно! Очень уж вы мне надоели. Желаете завтра в 7 часов утра на пистолетах?

— Пожалуйста. Только пистолеты вы достаньте.

— Хоть десять штук. Могу пригласить даже доктора.

Идя домой, Ванечка Ползунков думал:

— Это, однако же, хорошо, что он пригласит доктора на свой счет. Ну, что раньше мог взять доктор? Пустяки! Сто целковых. А теперь меньше чем за 50 тысяч никакой несчастный докторишка не поедет.

* * *

Рано утром встретились за городом оскорбитель и оскорбленный.

Оскорбитель приехал с доктором на извозчике («раньше бы извозчику десяти целковых довольно, а сейчас тысяч шесть — десять содрал!»..), а Ванечка со своим секундантом для моциона пришли пешком.

Отмерили расстояние, раздали пистолеты, скомандовали.

И когда раздались выстрелы и когда Ванечка упал, обливаясь кровью, последней его мыслью было:

— Небось, один этот заряд рублей 500 стоит. А раньше на эти деньги всю бы дуэль справили...

* * *

Похоронили Ванечку в простом сосновом гробу, обитом какой-то матерчатой дрянью. Раньше такому гробу была цена — 15 целковых, а теперь 110 тысяч содрали.

САХАРНЫЕ МОШЕННИКИ

Прежде всего, теперь твердо установлено:

— Не всякий мошенник продает сахар, но всякий, кто продает сахар, мошенник.

Я не понимаю, зачем организовывать дорогостоящий сыскной аппарат для уловления мошенников, когда мошенника любой чин стражи может и без сыскного отделения обнаружить по одному яркому признаку:

— Мошенник продает сахар.

Этим дело чрезвычайно упрощается.

Идете вы по улице. Около мешка с сахаром стоит человек и кричит:

— Сахар! Четыре тысячи фунтик! Вот очень хороший сахар за четыре с половиной тысячи фунт! Берите, пока не подорожал! Вот настоящий сахар по пять с половиной тысяч фунт! Сахарок! Сахарок за шесть тысяч фунтик!

Увидев этого человека, вы хватаете его за шиворот и кричите:

— Стражник, иди сюда! Мошенника поймал.

Бить его не надо, Бог с ним. Блажен, иже скоты милует.

Просто отведите его в тюрьму, а сахар передайте под расписку начальству.

Остальное — дело мирового судьи.

Судья: — Подсудимый, вы обвиняетесь в том, что продавали сахар!

Мошенник: — Что вы? Зачем мне его продавать? Мы энтими делами не занимаемся. Слава Богу, ни в чем энтаком замечен не был.

Судья: — Не отпирайтесь!! Вы продавали сахар!

Мошенник: — Прошу меня не оскорблять, господин судья. Что я вам, жулик, что ли?

Судья: — Как же вы очутились около мешка с сахаром?

Мошенник: — А так: иду это я себе по своим делам, гляжу — стоит мешок с сахаром... Дай, думаю, постою, отдохну около.

Судья: — Но у вас в руках были весы!..

Мошенник: — Домой нес. Жена бриллианты купила, так хотел свесить.

Судья: — Свидетели, однако, показывают, что вы кричали «сахар, сахар»!

Мошенник: — Это я от удивления, что сахар увидел.

Свидетель: — Врет он, господин судья. Я у него уже три дня подряд покупаю! Позавчера стоил три тысячи фунт, вчера четыре, сегодня пять.

Мошенник (*падая на колени*): — Пощадите, добрые господа! Больше не буду.

* * *

Поговорим серьезно...

Почему торговцы сахаром прибавляют каждый день по тысяче и по две на фунт?

Может быть, они каждый день получают более дорогой товар из-за границы?

Нет. Даже ребенок знает, даже базарная бродячая кошка знает, что торговцы, сговорившись, как по команде, прячут сахар, и тогда вы на базаре ни за какие деньги не найдете ни фунтика... Потом, перемигнувшись и перешепнувшись, как по команде, вытаскивают его, — тот же самый сахар, — но уже на две тысячи дороже.

Почему, если карманник вытащил у вас на базаре из кармана 20 тысяч, — вы поднимаете крик и отправляете его в тюрьму, а если сахарник, у которого вы покупали десять фунтов сахару — полез к вам в карман и, как последний жулик и грабитель, вытащил у вас эти 20 тысяч — вы молчите? Почему?

Почему вы, дорогой покупатель, так бездарны, что даже с продавцом сахару не умеете разговаривать, как следует?

Вы подходите и робко говорите:

— Нет ли у вас сахарку? Есть? А почем? Уже по семь тысяч? Ого! Ну, дайте мне, пожалуйста, три фунтика.

А надо говорить так:

— Здравствуй, мерзавец. Ну, как идет твой грабеж? Многих уже обокрал? Интересно, на сколько лишку ты сегодня меня обворуешь?

— На две тысячи фунтик, — улыбаясь, ответит мошенник. — Сколько фунтиков прикажете?

— Фунтика три, подлец. Ну что, твои детки еще живы?.. Не передохли, имея такого отца?!..

* * *

И закончу я эти прочувствованные строки тем же, чем начал:

— Не всякий мошенник продает сахар, но всякий, кто продает сахар, мошенник.

Dixi et animam levavi...

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

В сумерки к английскому премьеру Ллойд Джорджу вошел в кабинет неизвестный господин.

Ллойд Джордж был в домашней синей тужурке и гость был в домашней синей тужурке, Ллойд Джордж был гладко выбрит и гость был гладко выбрит; у Ллойд Джорджа в петличке торчал красный цветок и у незнакомца в петличке торчала гвоздика...

Сначала даже, когда неизвестный только что вошел, Ллойд Джорджу показалось, что это он сам подошел к зеркалу и отразился в нем.

В неверном свете сумерек это было жутко.

— Здравствуйте, коллега, — приветствовал незнакомец Ллойд Джорджа.

— Коллега? Честь имею... — пробормотал Ллойд Джордж. — Скажите, вы тоже... премьер-министр?

— Поднимайте выше, — с достоинство возразил незнакомец.

— В таком случае, прошу присесть, Ваше Величество!

— О, нет. До этого еще не дошло. Я бывший президент, бывший председатель, бывший военный министр, бывший главнокомандующий, одним словом, я бывшее — все! Другим словом я — Керенский!!!

— Гм... Что же я могу для вас сделать? — ледяным тоном осведомился британский премьер.

— Вы?! Для меня?! Не вы для меня, а я для вас кое-что могу сделать. Видите ли, вы еще неопытный, еще только начинающий, а я уже старая собака, опытный воробей, все это уже прошедший. И если вы хотите, коллега, я могу вами руководить... Прежде всего, скажите... у вас уже были представители совета рабочих депутатов с какими-нибудь претензиями и требованиями?..

— Б-были... Только они себя называют иначе: «Совет действия».

— Ну... не вмер Даныла — болячка задавила. Один черт. На шею уже пробовали садиться?

— Да... То есть, нет. Одну ногу только закинули.

Кроткая, задумчивая улыбка выдавалась на губах Керенского. Он покивал головой.

— Да, да... Совсем, как у меня тогда. Блаженные времена... До сих пор не могу забыть. Сначала одну ногу закинули, потом другую, оседлали, как осла...

Он тряхнул головой и потер лоб, будто стирая нахлынувшие воспоминания.

— А кто у них теперь в Гоцлиберданах?

— Н..не знаю.

— Надо выяснить. Без Гоцлиберданов нельзя. Собственно, на шее у вас только Гоцлиберданы и будут сидеть; остальные сзади подгоняют. Теперь скажите, кто у вас самая известная балерина и есть ли у нее особняк?

— Я н... не знаю.

— Как же вы так. Надо выяснить. Выяснив, выселите балерину из особняка и проветрите его. «Они» любят балерины особняки.

Керенский призадумался, потом потер руки и деловито спросил:

— Руку курьерам подавали?

— Кто?

— Вы.

— Каким курьерам?

— Ну, сторожам, что ли. Это производит на страну замечательное впечатление. Правда, через три дня сторож начинает еле-еле подавать вам два пальца... но к тому вре-

мени вам уже будет безразлично: на вашей шее, плотно ее оседлав, будет сидеть шестиногий Гоцлибердан.

— А... потом?

— Ну, а потом уж как полагается: придут в особняк «они»... Смахнут с вас Гоцлиберданов, потом смахнут вас самого, смахнут Совет действия...

— Постойте!!

Ллойд Джордж схватил Керенского за руку и, прикусив нижнюю губу, прошептал:

— Скажите, сэр... Вот вы человек опытный... Что нужно сделать, чтобы ничего этого не было? Может, еще не поздно?

— Поздно. Вы уже вступили в переговоры с Советом действия!

— А что же нужно было сделать?

— Простую штуку. Я только недавно до этого додумался. Скажем, пришли они: «Здравствуйте» — «Здравствуйте. Что вам угодно?». — «Мы Совет действия. Наши претензии и требования такие-то». — «Ах, вы Совет действия? Пошли вон!» — «То есть как это так, пошли вон?» — «А вот так. Ступайте, пока по шее не попало! Кто из вас главный? Ты?». Подходите вы к нему — бац по шее! «Швейцар, проводи!». Вот если бы тогда вы это сделали, было бы не поздно.

— А теперь?

— А теперь я надеюсь, что вы дадите мне должность главного церемониймейстера и советчика на предмет «подготовления и устройства большевистской революции в Англии по установленным российским образцам». Начали-то вы правильно, а вот дальше, боюсь, напутаете.

ПРОДУКТИВНАЯ РАБОТА

На коммунистическом гвоздильном заводе — в самый разгар работы — любопытный посетитель знакомится с производством.

Объяснения любезно дает главком завода. У любопытного посетителя на лице недоумение.

— Послушайте... Это завод, а я тут не вижу ни одной машины?!..

— Видите ли, гвоздильные машины все износились: пришлось вернуться к ручному способу.

— А почему же вы не сделаете новых машин?

— Невозможно! Ведь гвоздильные машины делаются машинами для производства гвоздильных машин. И вот эти вторые машины тоже износились... Вы спросите — почему же не изготовить машины для производства гвоздильных машин? Но эти последние машины изготовляются тоже машинами для производства машин изготовляющих гвоздильные маши...

— Довольно; я вас понял. А это что за человек, которого повели два солдата с ружьями? Преступник?

— Нет, что вы! Обыкновенный рабочий.

— А зачем же солдаты?

— Чтобы не убежал. Чуть не доглядишь — сейчас же, каналья, стречка задаст.

— А кто это сзади солдат идет?

— А как же! Это политком, который руководит политически взглядами как солдат, так и охраняемого ими рабочего.

— Однако, позвольте... В хвосте политкома я вижу еще одного человека, который, плетясь за ними, довольно неискусно делает вид человека, не заинтересованного этой процессией.

— Тссс!... Тише, это тайный агент чека, приставленный к политкому, чтобы контролировать и освещать, где следует, его работу. Таким образом, достигается, что все они и начеку и под чека.

— И все это — ради одного рабочего?!

— Что же делать. Иначе никакой работы не добьемся. Видите, рабочий уже начал свою работу? Видите, как молотком по железке тюкает? Прямо загляденье. Видите?

— Как же я могу видеть, если вокруг него целая толпа: солдаты с ружьями, политком, чекист... и еще какой-то с карандашом и книжкой.

— Этот? Это трудспец. Он контролирует производство работы. Сделает рабочий гвоздик — он и отметит, сделает — он и отметит. Контроль замечательный!

— Сколько же рабочий сделает в день таких гвоздиков?

— Штучки две.

— Все-таки! Куда ж они, главным образом, идут, эти гвоздики? На что?

— Как на что? А вот если чекист заметит, что стража или политком, или трудспец — неблагонадежны, донесет куда следует — их и повесят на этом гвоздике!

ДВЕ ФОТОГРАФИИ

(Воспоминания, мысли, параллели)

Хороший журнал — «L'Illustration»... Я сам в Петербурге перед большевистской революцией собирался издавать такой журнал.

И бумагу уже припас, и цинкографию, и типография своя была — сиди себе да издавай. Но явились большевики — и не журнал я издал, а крик ужаса, когда убегал из Петербурга.

Очень хороший журнал — «L'Illustration»...

Раньше в этом журнале по традиции помещали на первой странице портреты царствующих особ: короля Альберта, президента Рузвельта, турецкого султана.

Теперь гляжу — на первой странице огромная фотография:

— «Советский представитель Красин и его три дочери».

Гляжу — очень интеллигентное лицо с небольшой бородкой, прекрасный котелок, чудесно сшитое пальто, очевидно, от хорошего лондонского портного...

Вокруг интеллигентного господина три молодых девушки: миловидные девичьи личики, модные шляпки, модные очень хорошо сидящие пальто.

— Э, — говорю, — это новый кандидат в американские президенты. Как его?.. Кокс, что ли?

— Эх, вы, — засмеялся знакомый. — Это большевик Красин с дочками на лондонском вокзале.

Выхватил я из рук знакомого журнал, стал с лихорадочным любопытством разглядывать.

Так вот он какой — Красин. Очень хорошо одет. Можно сказать даже — прекрасно. И дочки хорошо одеты.

Позвольте! А на чьи деньги вы, голубчики, так одеваетесь?!

И тут меня озарило:

Ах, жулье! Да ведь это на мои деньги! На те мои кровные 16 золотых десятирублевиков, которые большевистская власть украла в Сибирском банке из моего сейфа!

Ясное дело: взломали мой сейф, вытащили мои золотые, сунули в руку Красину — «на, мол, беги, экипируйся»!

Ведь это же всем известно, что у большевиков до взлома сейфов ничего не было: и всегда-то еще до революции они, толкаясь по женевским кафе, были голодранцами, а немецкое золото было истрачено еще раньше.

Ясное дело — наши сейфы.

Смотрю я на Красина с дочками — глаз отвести не могу: хорошее пальто на нем, да только не его это пальто, а мое — у меня украл.

И дочки тоже...

Эх барышни, барышни... И не стыдно вам платье с чужого плеча носить?..

Ведь это не ваше платье! Это платье моего знакомого Петра Николаевича (сейф № 143, Азовско-Донской банк); вытащили маровихеры из № 143 золотой портсигар, сунули в руки Красину, подмигнули: «для деток, мол, твоих, — одолжайся!.. Расплавь портсигарчик».

Вот оно откуда эти изящные английские пальтецо и хорошенькие шляпки...

Снимите, барышни, стыдно!

А ведь, смотри, пожалуйста, какое культурное лицо у господина Красина! Закрой ладошкой подпись — никто и не подумает, что это сообщник воров и укрыватель краденого.

Министр! Форменный президент.

Правда, «L'Illustration» немного напортил элегантному Красину, окруженному миловидными дочками: в следующем номере журнала помещен фотографический снимок, тоже из большевистской жизни, но в несколько другом жанре...

Этот жанр, так сказать, военный. На фотографии изображено дерево, к которому привязан вверх ногами голый польский офицер по фамилии Росинский. Голова у него и правая рука отрезаны, но два коммуниста, не довольствуясь этим, хлопотливо насаживают его на кол. Кругом стоит группа красных солдат, очевидно, очень заинтересованных этим зрелищем.

Первая фотография — Красин с дочками — это внешняя, показная жизнь Совдепии; вторая фотография — внутренняя домашняя жизнь — не для показа Европе. И не вина Троцкого, не вина Ленина, не вина Красина, что бесстрашный

корреспондент «L'Illustration»»а предательски подкрался сзади и, щелкнув кодаком, снял для Европы голого замученного офицера и группу коммунистов, деловито насаживающих обезглавленное тело на кол...

Конечно, спору нет, было бы пикантнее, если бы на эту сцену глазели не серые равнодушные ко всему красноармейцы, а элегантный Красин с элегантными дочками — ведь это се люди одних взглядов, одних убеждений и, главное, одних методов.

Здесь все — круговая порука.

Троцкий занят тем, что голого человека на кол насаживает, а Красин растопырил полы своего шикарного шевиотового, украденного у меня, пальто — и этими растопыренными полами закрывает от глаз Европы работу своего усердного товарища.

Тут же для антуража стоят три дочки — и своими миловидными личиками, своими модными пальтецами окрашивают всю картину ясным мирным светом.

— Гляди-ко, — говорит англичанин или англичанка, тыча пальцем в трех дочек. — И чего это нам морочат голову, что большевики дикари, что большевики — звери. У папы очень культурное благородное лицо, да и детки... Прямо хоть сейчас сажай их в киоск великосветского благотворительного базара. Надо будет такой фасончик пальто своей Бетси заказать! С огромным вкусом сшито!

РАЗВРАЩЕННОЕ ЭХО

Посвящаю Владимиру Сукуренко

Недавно я особенно остро почувствовал — как опротивели мне все окружающие...

Действительно, куда ни пойдешь, с кем ни встретишься — только и слышишь:

— Валюта, франки, пиастры, спекуляция, курс...

Ах, чтоб вы все пропали!

Я решил уйти от людей, я решил отдохнуть на великой, широкой груди матери-природы.

Я признался одному приятелю:

— Не могу больше! Уйду в лес, в степь, в болото! Буду разговаривать с птицами, деревьями, камнями, но не с людьми.

Приятель усмехнулся:

— Не знаю, как ты разговоришься с деревьями, но с камнями можешь очень недурно поговорить всего лишь в двенадцати верстах от Севастополя... Около Георгиевского монастыря, среди скал, есть замечательное эхо. Хочешь, поедем вместе?

— А ты не будешь со мной разговаривать?

— Буду молчалив, как раздавленная каблуком лягушка.

— Едем!!!

* * *

— Здесь? — спросил я.

Выдрессированный приятель подвел меня к краю обрыва и молча указал пальцем на противоположную скалистую гору.

— Тут я могу говорить все, что мне вздумается?

Он кивнул головой.

— А ты не будешь смеяться?

Он покачал головой отрицательно.

— Я сложил на груди руки, выставил одну ногу вперед, набрал в легкие побольше воздуху — и сказал:

— Русский! Если ты, наконец, не придешь на помощь родине — тебе придется снова и снова люто!

— Валюта! — ответило эхо.

Я набрал еще более воздуха в легкие и крикнул еще более зычно:

— И хотя еще болят на твоем национальном самолюбии от уколов ранки..

— Франки! — донеслось до меня.

— ... Но если бодро и с надеждой на лучшее будущее России встретишь последний тайфун ты...

— Фунты!

— ... То будущее России будет прекрасно, как в степи астры...

— Пиастры! — звучно отчеканило проклятое эхо.

Я заплакал от бессилия и бешенства и отошел от обрыва.

Мой друг шел за мною и, разрешив себе снять обет молчания, утешал:

— Понимаешь ты, это эхо очень хорошее, замечательное эхо было. Раньше. Понимаешь? А теперь сюда стали наезжать в экипажах разжиревшие спекулянты: забавляются с эхом, кричат, что попало, вот и того...

О, мер-рзавцы! Даже эхо испортили!

СТАРИК И МОЛОДОЙ ВОРОН

Одна дама спросила меня:

— Долго еще продержатся большевики?

Я ответил отрывисто, убежденно, категорически:

— Нет. Недолго.

— Позвольте! Но ведь они, например, открывают университеты!

— Что ж из этого?

— Да ведь университеты открываются не на месяц и на год. Потом, они ставят памятники...

— Кому?

— Этим... своим знакомым.

— В чем же тут ужас?

— Памятники тоже на год не ставят. Это дело сотен лет. Потом они затеяли строить башню в память Интернационала, и башня эта должна быть в полтора раза больше Эйфелевской...

— Все-таки, в чем же дело?

— А в переговорах с англичанами они предлагали аренду фабрик на сто лет!

— Ну-с?

— Если вдуматься во все это — то ведь большевизм собирается основаться в России минимум на сто лет. Ведь это же ужас!

— Ну, не плачьте. Не портите своих ясных глазок. Я вас утешу... Правда, большевики основывают университеты, но полный курс в них — двухмесячный. Этого срока мало даже для курса обучения на пишущей машинке или обучения полудюжине бальных танцев у танцмейстера... Правда, они ставят памятники — но что это за памятники? В позапрошлом году один памятник, поставленный в Москве, кажется, у Никитских ворот — обвалился через

полтора часа после его постановки. Теперь они, конечно, наловчились делать памятники, но что это за материал: глина, дерево, алебастр. Из такого же материала делали раньше киоски на народном гулянии в городском саду. Правда, на другой день после гулянья их сносили, но года два-три они могли простоять. У коммунистов тоже нечто вроде временного гулянья. Весьма возможно, что коммунисты начали строить памятник Интернационалу «в полтора раза выше Эйфеля», может быть, они даже начали рыть фундамент площадью в квадратную версту... Но ведь цыган из сказки тоже обвязывал веревкой целый лес, чтобы сразу перетащить его, чем таскать по вязанкам. Я думаю, роет коммунист этот грандиозный фундамент, роет, каналья, вяло, из-под палки, роет — а сам все время в сторону поглядывает: вот-вот придет, как снег на голову, свалится настоящая русская власть и по шее даст... Так и останется на посмех потомству бесформенная яма.

— Все это хорошо... А столетняя концессия, обещанная англичанам?

— А хотите, я вам на двести лет обещаю, что угодно? Что мне, жалко, что ли? Вы знаете чудесную историю о старике и молодом вороне?

Она улыбнулась сквозь слезы:

— Нет, не знаю.

— Ну, слушайте. Один старик от кого-то услышал, что вороны живут по триста лет. Я на слово никому не верю, — сказал сам себе старик, ухмыляясь в сивые усы. — Проверю-ка я на опыте.

Я замолчал.

— Ну? Что ж этот старик?

— Что? Пошел, купил молодого ворона, посадил его в клетку и стал ждать.

Слезинки на глазах дамы высохли. Она весело раскатисто засмеялась.

— Что ж он, триста лет должен был ждать?

— Очевидно.

— Все-таки, чем же эта история кончилась?

— Старик протянул ноги через три года, а ворон живет до сих пор. Он кланяется вам, целует в губки и просит меня передать вам: не вешайте носика!

ЧУДЕСА КАЛИОСТРО

Недавно, как рассказывали, прибежал к нам из Совдепии штатский человек...

Он буквально прибежал, потому что, когда его впервые задержали, говоря военным языком — «в нашем расположении» — он быстро перебирал ногами, будто чувствуя, что за ним еще сзади гонятся.

Задержали. Успокоили, как могли.

Отдышался.

Вид его был ужасен: не кормленный, не поенный, разутый, ободранный, навек испуганный человек.

Отдышался. Обвел всех глазами. Криво улыбнулся, безуспешно придав этой страшной гримасе приветственно-благодарный вид.

К нему участливо наклонились:

— Ну, расскажите же теперь, что у вас там, в Советской России?

Вскрикнул, закрыл лицо руками.

И с тех пор ничего от него нельзя было добиться в этом смысле.

На всякий вопрос о его бывшей жизни он начинал дрожать, плакать и отмахиваться руками.

А на лице выдавливался такой нестерпимый ужас, что допрашивать дальше было бы бесполезной жестокостью.

Все окружающее приводило его в детский восторг: вид мясной котлеты исторгал из его груди радостный вопль, белый хлеб он ласкал рукой, как любимую женщину, а когда мой знакомый подарил ему пару носков — он их поцеловал.

При этом — несчастный панически боялся всякого шума: стоило только кому-нибудь хлопнуть дверью или закричать, как он начинал бледнеть, дрожать, а один раз даже стал на колени и покорно простер сложенные руки, склонив голову, будто для удара.

Даю слово, что этот человек не выдуман мной — он действительно существует и его действительно поймали бежавшим с севера на юг, поймали, так сказать, налету.

Подумать только — сколько еще там есть таких же голодных, навек испуганных полуидиотов, которые бежать уже не могут, не в силах.

Как они там живут?

Есть точные сведения, что в Москве улицы завалены грудами мусора, не вывозившегося два года, что все деревянные здания, все деревянные заборы, паркеты, все, что носит в себе хоть какой-нибудь признак горючего материала, все это разобрано, выломано, растащено и сожжено.

Целые деревянные улицы сожжены зимой на топливо, а в каменных домах благодаря отсутствию того же топлива — водопроводные и канализационные трубы от мороза полопались, и нечистоты растекались по полам, пропитывая собой этаж за этажом.

Это коммунистическая жизнь.

А вот — коммунистическое творчество, коммунистический архитектурно-строительный размах.

Цитирую буквально по журналу «Художественная жизнь. Бюллетени художественной секции народн. комис-та по просвещению» № 1. Января 1920 года.

Статья называется «Перепланировка Москвы».

«Крупные события создают крупные начинания. Одно из таких начинаний — это перепланировка гор. Москвы по почину архитектурной мастерской при Московском Совдепе. В основу ее положено ограждение Москвы кольцом зеленых насаждений, которые по радиусам врезаются почти к центру города, создавая резервуары чистого воздуха и ограждая город от пыли извне. Среди этой зелени окраины города — сады для рабочего класса. Тут же общественные здания — народные дома, школы, бани, рынки...

Намечены не только широкие перспективы 2-го разгрузочного ж/д кольца на расстоянии 12 верст вокруг окружной дороги, но и, разработав идею пассажирского движения по окружной дороге, строители предвидят ввод почти в центр города через радиусы зелени вводных ж/д путей, которые обслужат население скорее, чем соорудится намеченный метрополитен (?!).

Водные пути Москвы-реки и Клязьмы в соединении с Волжской системой также выдвинуты в Уводстрое (?) в связи с вынесением за черту города фабрик и заводов...».

Видите, что они делают!

С одной стороны — навсегда дрожащий, навеки испуганный полуидиот, монбланы грязи на улицах, лопнувшие

канализационные трубы, от сока которых город буквально захлебывается, растащенная на дровишки деревянная Москва, и, конечно, полное отсутствие строительных материалов — леса, гвоздей, цемента, рабочих рук, а с другой стороны: тут тебе и «резервуары чистого воздуха», и окружная кольцеобразная железная дорога, и бани, и рынки, и школы, и водные пути Москвы-реки, и черт в ступе!!!

Никто не может возвыситься до грандиозности советского вранья.

Разве только блаженной памяти граф Калиостро.

Как известно, Калиостро уверял всех в том, что он бессмертен — никогда не рождался и никогда не умрет.

Одна из дам, присутствовавших при этих откровениях, простодушно спросила:

— Скажите, граф, значит, вы помните Иисуса Христа!

— Ну, как же! — не задумываясь, воскликнул граф. — Помню одну встречу на Генисаретском озере... Да, кстати, Ганс! (обернулся он к своему лакею) ты ведь должен тоже помнить это...

— Простите, ваше сиятельство, — почтительно возразил Ганс. — Я никак не могу помнить этого, потому что служу у вас всего только 700 лет.

У советских калиостро тоже находчивые лакеи в журнале «Художественная жизнь».

Хотя мы не наберем и сотни бревен и пуда гвоздей для постройки, но... Ганс! Что мы строим в этом году?

— Помилуйте, ваше коммунистическое сиятельство! Окружную дорогу вокруг Москвы мы строим, бани, рынки, школы, резервуары чистого воздуха и судоходство по Москве-реке!

КАК ЖИВУТ И РАБОТАЮТ

Французский ученый Кювье говаривал:

— Дайте мне одну только косточку, и я по ней смогу восстановить весь скелет животного.

Я, русский, — не менее его ученый — могу тоже сказать:

— Дайте нам вместо косточки только одну страницу «смеси» из большевистского журнала, и я по ней восстановлю всю жизнь животного, именуемого Совдепией.

Вот, например.

* * *

Отдел смеси

из еженедельного журнала *«Ячейка сознательного коммуниста»*

Самый толстый человек. Самым толстым человеком в Москве на конкурсе толстяков признан тов. Еремей Крышкин. В нем ни более ни менее как 187 фунтов 12 лотов 2 золотника!

И это без одежды.

Одетый же он весит на 2 лота 1 золотник больше!

Да, товарищи... Много на свете чудес природы, и мы, раскрыв рот, останавливаемся перед ее тайнами.

Топка в Нижней Силезии. В Нижней Силезии печи топят не общепринятым способом — оконными рамами — а употребляют для этого очень редкий способ: идут в лес, срубают дерево, измельчают его в куски длиной аршин (по-ихнему «poleno») и этим составом топят печи.

Вообще обычаи диких народов очень многочисленны... Так, например, британские туземцы и не слыхивали о топке печей письменными столами и рамами от картин. Наоборот, туземцы британских островов, роясь в земле, находят куски черного, блестящего вещества и этим веществом, наоборот, топят печи.

И на этом-то огне они жарят и едят совершенно сырых кур и поросят!

Знаменитые обжоры. Самым знаменитым обжорой в наше время считается тов. Андрей Раздеринин. Он служит простым весовщиком на ст. Клин, и тем не менее может съесть в один присест целого цыпленка, 96 зол. хлеба, целую рыбу весом в 82 зол., пару огромных куриных яиц, которые обычно полагаются по штуке на четыре человека на месяц — и все это наш обжора запивает целым полулитром квасу!

Другой обжора, тов. Пантюхин, прославился тем, что съел в один присест восемь (8) взрослых пайков! Товарищи врачи после этого взвешивали его и нашли, что тов. Пантюхин увеличился в весе на 123 золотника!

Да... недаром тов.Шекспир сказал:

— Много есть на свете, тов. Горацио, такого, что тебе и не снилось!

Странное животное. Путешественники, вернувшиеся из Индокитая, так описывают странное животное, которые им пришлось видеть совсем вблизи.

Роста оно около двух аршин и покрыто желтой или черной с белым шерстью. Внизу туловище украшено четырьмя ногами, покрытыми раздвоенными копытами. Морда тупая, верхушка головы покрыта двумя изогнутыми рогами. Самки приносят детенышей и молоко, самцы приносят неприятности, бодая рогами всякого, кто одет в красное.

Когда же наконец этот прекрасный цвет свободы завоюет себе право гражданства не только среди людей, но и среди несознательных животных?..

Крик как самцов, так и самок — густое мычание, а также они употребляются в пищу, по поводу чего можно сказать: многообразна ты, матушка-природа, в своем творчестве!

Курьезы правосудия. За прошлый год в одной Москве расстреляно 1237 чел., из них 182 по ошибке.

Так, напр.: по постановлению об аресте Дарьи Петровой было арестовано 11 Дарий Петровых. Когда ошибка выяснилась — трех немедленно освободили, остальные тут же по ошибке расстреляны.

Этот курьез немало потешил как членов трибунала, так и прочих заинтересованных лиц.

Чудеса техники (Превращение города в вагон). Хотя и кажется, что мы стоим на месте, но завоевания техники все идут себе вперед да вперед.

Так, напр., в г. Шуе открыт способ превращать целый город в вагон.

Именно: до занятия его коммунистами в нем насчитывалось 38 тыс. жителей. После же занятия — в живых осталось 40 человек, 8 лошадей, т.е. комплект одного вагона.

Нечего и говорить о тех неисчислимых удобствах, которые возникнут в связи с этим открытием.

Редкий обычай. В некоторых тюрьмах Норвегии сохранился обычай выдавать пищу всем сидящим в тюрьме.

Недаром русская пословица гласит: что город — то норов, что деревня — то обычай..

Новая акционерная кампания. Правительством утверждено новое английское акционерное общество (Anonim Limited Compagnie) для добывания из стен застрявших там после

расстрелов пуль. Несколько видных коммунистов немедленно же приобрели себе по пакету акций нового общества.

Вообще все слухи о том, что промышленность в Советской Москве падает — лишены основания.

Съедобны ли кобылы? На этот вопрос целый ряд советских ученых ответил отрицательно. Был произведен целый ряд опытов в этом направлении. Именно: брали обыкновенную кобылу, на которой в тюрьме секут арестантов, и, сварив ее, давали очень проголодавшемуся арестанту.

И что же: последний во всех случаях категорически отказывался есть ее. Инстинктивное отвращение к этому роду мяса тоже не могло иметь места, т.к. от арестанта было тщательно скрыто происхождение говядины.

МАШИННЫЕ РЕБЯТА

Как известно, в некоторых местностях, занятых советской властью, усиленно производится социализация грудных и прочих детей и коллективное воспитание их государством.

Почти никому неизвестно, как эта мера проводится практически, и потому мы очень счастливы, что нам удалось на основании целой кучи разрозненных сведений и данных, собранных там и сям, — удалось в полной мере восстановить весь процесс воспитания несчастных младенцев на государственный счет!

* * *

По улице, громыхая и тарахтя, скачет повозка; на ней установлена большая клетка вроде той, в которой гицеля возят пойманных бродячих собак.

В клетке — несколько запеленатых младенцев, перекатывающихся и стукающихся друг о друга при каждом толчке телеги.

Телега останавливается у ворот одноэтажного домика; возница соскакивает с сидень, стучит кнутовищем в окно.

— Эй, тетка-лебедка! Нет ли свеженького детского матерьяльцу?

— Чего тебе, кормилец?

— Именно что кормилец. Не только вас, чертей, но и детей ваших на свой счет кормим! Дети есть?

— У меня-то? Единственный, совсем махонький. И трех месяцев не наберется. Опись делаете, что ли?

— Какая там, к черту, опись. Вали его сюда!

— Как сюда?

— А так вот. Пока в клетку, а там привезу куда надо — рассортируют.

— Да чтоб я своего ребеночка, как пса какого-то, да в клетку?!

— Поговори еще! Почище твоего тут есть, вишь ты — пеленки с графскими коронами! Ну, тащи — некогда мне с тобой разговаривать. Еще три квартала объехать нужно, обобрать ребят.

Баба плачет:

— Да ведь я его еще грудью кормлю, как же ему теперь-то?

— Что ты, тетка, со своей кустарной грудью лезешь! У нас кормят коллективной грудью, машинной! Аппарат Морза! Целая, брат, кормильная фабрика. Ремни свистят, шестерни жужжат, трубы дымят! Засыплешь десяток младенцев в приемник, повернешь ручку — глядишь, все и накормлены.

— А что же я со своим-то молоком буду делать?!

— Эко, дурище! На базаре кварта полторы тысячи, а она спрашивает. Ну, гони, гони младенца — некогда тут с тобой!

* * *

Через год.

У заставы, где пустыри, — огромное здание.

На здании огромная вывеска:

«Коммунальный воспитательный дом для частного приплода обоего пола».

У ворот нерешительно топчется какая-то баба.

Привратник:

— Тебе чего, товарищ тетка?

— Робеночка бы своего повидать. Почитай год как забрали.

— Зачем же тебе его повидать?

— Соскучилась.

— Чего?
— Соскучилась, говорю.
— Это как же?
— Без робеночка, говорю, соскучилась. Повидать бы.
— Да зачем повидать-то?
Баба глядит на него тоскливым недоуменным взглядом.
— Экой ты какой. Чай, свое-то дите дорого.
— Где ж там дорого, когда мы на свой счет. Да ты чего с ним делать-то будешь?
— Да мне хучь бы понянчить, поцеловать его.
— У нас без тебя это делается — машиной. Машина и нянчит, машина и целует. Такой гуттаперчевый присосок на конце. Сжатым воздухом действует. Все, брат, предусмотрено.
Баба продолжает уныло топтаться на месте.
— Робеночка бы мне. Свово. Повидать.
— Экая каверзная бабенка! Никак ее не урезонишь! Подожди, позову старшого.
К воротам вызывают комиссара.
— Тебе чего, товарищ молодка?
— Робеночек мой тут у вас. Почитай, год не видала.
— Да зачем тебе его видеть? Узоров на нем за это время не появилось.
— Хоть разок бы поцеловать его в лобик!..
— Что за дикий народ! Извольте видеть — в лобик. Номер!
— Чего?
— Номер!!
— Чего номер?
— Номер его какой?
— Васенькой его зовут, кормилец, Васенькой!
— Ты мне это Васенька-Масенька не говори — ты мне номер его ячейки скажи!
— Да откуда ж мне знать, если у меня его, как в собачью клетку, о прошлом годе засунули — так с тех пор и не видала!
— Ну вот видишь! Как же я его среди трех тысяч найду?
— Русявый он такой; глазки, как бисерки. Еще ему, бывало, «чи — чи сороку» сделаешь, а он усмехается.
Комиссар обращается к помощнику:
— Ердыгин, поищи.
— Ты ему, родненький, «чи-чи сороку белобоку» сделай, ежели засмеется — значит, мой.

— Вот, действительно! — ворчит, удаляясь, помощник. — буду я всем трем тысячам «чи-чи» это самое делать.

Через минуту возвращается с ребенком под мышкой.

— Твой?

— Быдто что не мой. Мой, говорю, русявенький, а энтот рыжий...

— «Энтот, энтот»!.. У нас, брат, теперь все рыжие. Унеси его!

— Да неужели ж всех под один колер?

— Не в том дело, а оказия тут вышла... В моечной машине, где детей моют, — бак проржавел. Как ни накачают воды — совсем красная. После трех моек — вся партия и порыжей, да так, что теперь ничем не отмоешь.

— Неужто ж машиной моете?

— Да; у нас прачечная машина приспособлена. Только мы два средних вала вынули, которыми белье выжималось. А то в лепешку бы! Да ты чего глаза таращишь? Машиной способнее. В приемочное отверстие засыплем ребят десятка два, крутанем ручку — их и начнет полоскать. И поласкает, и щетками трет, и мылом мылит, после того в сушильную трубу попадает, из сушильни в присыпочную, где детской присыпкой их пульверизируют, потом в машину для... Да ты чего ревешь-то?

— Робеночка жалко. Неужто ж на ночь перекрестить — тоже машиной?

— Ну, это у нас не полагается. Насчет этого строго.

— И баюкают, значится, машиной?

— Да не вой ты, как морской лев! Еще чего надо?

— Волосиков бы прядку с мово робеночка. Сполучить бы.

— Это можно. Ердыгин, нарви там.

* * *

Сложная страна Россия, ах, какая сложная!

Недаром поэт сказал:

Умом Россию не обнять,
Ее аршином не измерить...

Аршином бы по затылку ее — так хлопнуть, чтоб она перевернулась.

КАМЕНЕВ УЕЗЖАЕТ ИЗ ЛОНДОНА

Ллойд Джордж зашел к Каменеву в последний раз в тот самый момент, когда тот, навалившись одним коленом на чемодан, пыхтя и отдуваясь, затягивал тугие ремни.

Если бы у Ллойд Джорджа попросили бы откровенного ответа, какое чувство толкнуло его на это посещение: дипломатическая ли вежливость, заставляющая нанести прощальный визит, или просто желание своими глазами убедиться — убирается ли, наконец, советский посол, из этих двух объяснений британский премьер выбрал бы второе.

Не отрываясь от борьбы с чемоданом, Каменев сердито кивнул головой и ткнул пальцем на стул:

— Садитесь.

Премьер сел, положил ногу на ногу и осведомился:

— Уезжаете?

— Видите, кажется. Нечего и спрашивать!

— Да, да, положим. Впрочем, знаете, если бы не попросили ваши паспорта для отъезда, мы бы их вам сами любезно предложили.

— Хороша любезность, — криво усмехнулся Каменев, усаживаясь на наконец-таки им побежденный чемодан. — Хороша любезность — как собаку гонят.

— А вы зачем «Совет действий» нам подсунули?

— Хороший народ англичане, нечего сказать, — проворчал Каменев, игнорируя вопрос Ллойд Джорджа. — То тебе и товарообмен, и снятие блокады, и черт в ступе, а то паспорт в зубы и — пошел к черту!

— А вы зачем «Daily Herald» подкупали?

— Кто его там подкупал? Видим: люди бедствуют, буквально есть нечего... Ну, конечно, жалко стало: дай, думаем, по-христиански поддержим!

— Подумаешь, какие святые Франциски Ассизские выискались, — усмехнулся Ллойд Джордж, рассматривая свои ногти. — У себя голодных людей как собак расстреливают, а тут несколько не желающих работать лоботрясов тронули их голубиные сердца!.. Что это вы укладываете?

— Бриллианты, короны, не видите, что ли?

— Не удалось, значит, спустить?

— Сами же запретили англичанам покупать, — с сердцем рявкнул Каменев. — Так нечего и спрашивать!

— Да, у нас насчет краденого строго. Эту столовую ложку тоже уложите?

— А что ж, тут ее оставлять, что ли?

— Нет, я только к тому, что на ней «Гранд-Отель» написано.

— Это мое фамильное серебро. Я ведь из старинного дворянского рода испанских Грандов-Отелей. Вот я ее в образцы сырья засуну — никто и не увидит.

— Одно только меня удивляет: фамилия ваша Каменев, из рода вы Грандов-Отелей, а на золотых часах монограмма «С».

— Это мое имя. Правда, меня зовут Володя, но я, собственно, почти Саша. Часы я, положим, тоже в образцы сырья засуну.

— Теперь я понимаю, почему у вас сырье с посторонними примесями.

— То есть?

— Да вот: Италии послали рожь, а между рожью — гвозди.

— Гвозди дороже, чего ж им? Еще выгоднее.

— Виноват... Вы, вероятно, по ошибке засовываете в чемодан эту простыню с меткой «Астория»?

— Это тоже фамильная простыня. Я по женской линии из рода Асториев. Но можно для спокойствия и простыню в сырье сунуть.

— Я однако вижу, что качество вашего сырья заметно улучшается.

— А что?

— Все-таки, если и примесь, то ценная и легко извлекаемая: ложки, золотые часы, простыни. А то вот газеты сообщают, что в последней присланной вами Италии ржи оказалась примесь земли, пустых патронов и старых открытых писем.

— Ничего нет удивительного: рожь растет на земле — попадется земля, на земле стреляют друг в друга — попадаются патроны.

— А открытые письма?

— Так ведь прочитанные! Не жалко.

— Виноват, это моя шляпа; ее не надо в чемодан.

— Ах, да.. Ну, прощайте! Все готово. Может быть, еще когда и свидимся.

— Едва ли.

— Ну а вдруг!

— Зачем же так мрачно смотреть на вещи.

— Гм!. Ну чего же вы стоите? Уходите!

Ллойд Джордж замялся.

— Да, видите ли... на дворе холодно.

— Ну?

— А мое пальто... Да вот оно! Край из вашего чемодана торчит!

ГОРОД МЕРТВЕЦОВ

Я говорю: это было, потому что это будет.

Не все ли равно: будущее время, настоящее, прошедшее? В вихре бешеного вращения Чертова колеса все смешивается в пять минут, и будущее мигом делается настоящим, а настоящее со свистом проваливается в кучу рухляди, важно именуемой: Прошлое.

Это было, потому что это будет.

* * *

Когда я только подумаю о том, что мы окончательно рассеяли горячечный красный бред, что мы взяли Петербург — раскаленная кровь огромными волнами начинает заливать трепещущее от радости иссохшее сердце:

— Мы в Петербурге!

И тут же малодушный страх охватывает меня всего, я бледнею, я молю, преступно молю, нелогично:

— Отсрочьте нам это! Отодвиньте в глубь дней наших... Я боюсь!

Вообще я храбр, вообще мы все сделались храбры, вообще мы все затвердели и озверели — с голыми руками на пулемет полезем, но...

— Я боюсь Петербурга!

Две мысли сражаются внутри меня, как два разъяренных дракона:

— Какое счастье! Мы возьмем Петербург!

— Мне страшно! Не берите Петербурга!

— Чего боишься? Ведь Петербург — это наша последняя, затаенная, самая желанная цель! Чего боишься?

— Я боюсь, что мы его возьмем *для тех, кто там, слишком поздно.*

* * *

Что будет — то было.

Если так, — мы возьмем Петербург, если так — мы уже взяли Петербург!

А вот чего я боюсь... Вот что делает меня таким позорно-малодушным. Вот от чего волосы неслышно подымаются на голове.

* * *

На окраинах Петербурга еще шла перестрелка между поспешно, панически откатывающимися красными и Русской Армией, а центр города был уже освобожден, был уже очищен.

Человек в штатском, не будучи в состоянии совладать с радостным биением сердца и восторженным сверканием жадно раскрытых глаз, отделился от небольшого патрулирующего по очищенным улицам отряда и, крикнув, что скоро вернется, углубился в одну из мрачных извилин полумертвого города.

И в конце этой извилины, этой узкой трещины самого ада, огражденной высокими насупленными домами, — он увидел очередь на хлеб.

Человек семьдесят стояли, понурившись, в затылок перед дверью, на которой было написано:

— «Хлеб по трудовым книжкам».

Будто яро в стоячее болото, врезался в тихую толпу пылающий, бурный молодой завоеватель.

— Товарищи!.. Нет, к черту товарищей! Друзья! Братья! Вы освобождены! Проклятой коммуны больше нет — отныне всяк из вас — свободный гражданин Великой России!!

— Что он говорит? — пугливо спросил старик худую зеленую девушку. — Чего это он такое?

— Он говорит, что мы свободны. Что коммуна пала.

Старик пожевал губами и кивнул головой:

— Это, пожалуй, хорошо. Годится. Значит, моего сына в чрезвычайке, если еще не вывели в расход, — выпустят на свободу.

Женщина в платке почесала бок и спросила:

— А как же, если послезавтра должны выдавать мыло и соль на книжку? Значит, не выдадут? Это что ж за порядки?

— Какое мыло? Какая соль? — восторженно кричал молодой человек, пылая, как факел. — Отныне вы будете жить настоящей человеческой жизнью! Все, что вам нужно, — будете покупать без этих идиотских трудовых книжек — совершенно свободно — кому сколько нужно!!

— Это замечательно, — вяло пробормотал старик и, опустив поднятую на момент голову, замер, погрузился в созерцание рыжего затылка своего предшественника по очереди.

И снова застыла очередь в тупом, одеревенелом ожидании.

— Друзья! Братья! — вопил молодой человек, скача от одного к другому и хватая всех за руки, тщетно раскачивая их, как испорченные ручки водопроводных насосов. — Чего же вы тут стоите? Бегите по домам, кричите ура! Безумствуйте! Сумасшествуйте!

— Ура... — промямлил кто-то, переминаясь с ноги на ногу.

— Ловкий ты какой, — пробормотал старик, косясь на молодого завоевателя со свирепым страхом. — Ловкий?! Небось, хочешь, чтобы я ушел, а сам станешь заместо меня в очередь...

— С ума вы сошли, что ли? На кой черт мне нужен тот кусок грязной замазки, который вы именуете хлебом?! Русским языком я вам говорю, что Петербург в руках Русской Армии!! Вечером вам будут выдавать теплый, белый, хорошо выпеченный хлеб, а завтра откроются лавки! Чего ж вам тут торчать?

— А по второй категории сколько будут давать хлеба? — спросил понуренный, желтый, как шафран, рабочий.

— Да без всяких категорий! Сколько нужно, столько и бери.

— Брешет, — веско сказал тот счастливец, который первым стоял лицом к лицу с заветной дверью.

— Действительно: как же так без категорий! Непонятно что-то.

— Шли бы вы по своим делам, молодой человек, — пожевав губами, посоветовал старик. — Что толку зря болтаться. А ежели нужно в очередь — становись сзади — никто слова не скажет.

— Поймите же, что вы свободны! — надсаживаясь, кричал молодой господин. — Подумайте, захотели вы — и без всяких разрешений, без трудовых книжек, без чрезвычаек — сели в поезд и поехали в Одессу, Севастополь, Курск — куда вам вздумалось!!

— Чего я там не видала, — захихикала женщина в платке, снова почесывая бок. — Вот если бы вы мне в продкоме подметки к башмакам схлопотали — в ножки бы поклонилась. Да еще бы керосинцу фунтик...

Молодой человек, как резвый козел, скакал около очереди, кричал, объяснял, зажигал, а очередь, протянувшись длинной, серой, сонной от голода змеей — тихо дремала в ожидании вожделенного куска клейкого темного хлеба, и только более нетерпеливая голова змеиная от времени до времени постукивала в заветную дверь, да хвост все рос и увеличивался новыми алчущими.

Молодой господин устал скакать и кричать около равнодушной сонной человеческой змеи, расплакался и ушел.

Уже смеркалось.

Откуда-то издали донеслись бодрые звуки военного марша. Совсем далеко слышалась пулеметная стрельба.

Хвост змеи шевельнулся.

— Чивой-то музыка играет.

— Да. И палят здорово.

- Говорят, белогвардейцы захватили город.

— Колчак, что ли. Лишь бы только завтра по сентябрьскому купону синьку выдали.

Шевельнулся хвост змеи и снова замер. Уснул.

* * *

Конечно, мы возьмем Петербург.

Но если будет так, как я говорю — разве это не страшно?

ДРУЖКИ

Когда Ленин неожиданно, не постучавшись, вошел в кабинет Троцкого — тот сделал молниеносный прыжок тигра к письменному столу и, благодаря этому, очутился спокойно покуривающим папиросу в подозрительном отдалении от лежащего на полу раскрытого чемодана.

— Что это вы делаете? — осведомился Ленин, поглядывая то на Троцкого, то на чемодан.

— Не видите разве? Папиросу курю.

— А чемодан? Почему раскрыт?

— Ветром раскрыло.

— Но вы, я вижу, укладывали в него белье. Вон еще носки лежат не уложенные.

— На дачу собираюсь.

— В сентябре-то?

— А что ж. В сентябре дача имеет свою прелесть: эти летающие золотые нити паутины, эти печальные георгины и астры, свесившие головки, этот плачущий ветер в трубе...

— Именно, что плачущий... Все оказалось золотыми нитями легкой путины, всюду свисшие головки и повсюду скоро плач будет!.. Когда?

— Что когда?

— Удираете.

— А вам какое дело? Я же вас не спрашиваю.

— Я и не собираюсь. Что бы там ни было, я все равно останусь тут — на страже Третьего Интернационала, в этом прекрасном пылающем очаге мировой революции, освещающем прекрасными лучами...

— Бросьте дурака валять. Надоело.

— Могу и бросить. Слушайте, как вообще дела на фронте? А? Чего ж вы молчите? Так-с. Навоевались, значит. Хе-хе!.. Наполеон-то оказался на короткую дистанцию!..

— Вам-то уж помолчать надо! Хвалились мировой пожар зажечь! Синица несчастная!

— Я и обещал зажечь. Но как? При помощи вашего оружия ваших войск. Разве я знал, что Наполеону со всех сторон по шее дадут...

— А зачем в семнадцатом году армию разложили?

— А вы зачем потом ее плохо сложили?

— А почему вы мне не предоставили неограниченной диктатуры?

Ленин хитро усмехнулся и пронзительно взглянул на Троцкого:

— Ой, Лева, Лева! Ведь насквозь я вас вижу. Дай я вам неограниченную власть — да вы сейчас же бы сковернули меня и короновались на царство.

Троцкий покраснел и отшвырнул папиросу:

— Что вы за глупости такие говорите!

— Ладно вам! Знаю. Была мыслишка помазаться на царство. Ну, посуди сам, голубчик: с твоим ли рылом...

— Что вам вообще угодно?

— Да-с... Вместо помазания — мазали, мазали по губам да как смажут!.. Вот теперь и приходится с чемоданом возиться.

— Небось, и вы около чемодана, как дитя около елки, резвитесь?

— Я? Нет, мой милый. Не такой Ленин человек. Я, как капитан, не сойду с тонущего корабля и мое последнее воззвание к пролетариату всего мира... Вот я вам сейчас прочту черновичок... Где он? А, вот: в боковом кармане...

— Послушайте! Из кармана что-то выронили!

— Где? Ничего не выронил.

— Как ничего? Да это паспорт. И заграничный! Послушайте! Ведь это ваш паспорт. Почему *заграничный*?

— Что за глупости! Почему — мой? Меня зовут — Владимир Ленин, а это — Григорий Трошкин. На улице давеча нашел.

— А почему ж ваш портрет приклеен?

— Это я ему на память наклеил. Очень хороший человек этот Гриша Трошкин. «Володя, говорит, дай мне на память о наших отноше...».

— Эх, Гриша, Гриша! Вот — те и капитан на корабле. Крыса вы с корабля, а не капитан. Однако, послушайте... Неужели вы думаете, что вас по лицу не узнают — Трошкин вы, Вошкин или Картошкин?

— Да уж... Это вас нужно поблагодарить. Черт вас наддал наши портреты совать куда надо, куда и не надо. Царствующих особ нашел, нечего сказать! Когда в коллекции хотя бы одного сыскного фигурируешь — и то засыпаться можно,

а тут — накося! И в журналах, и на витринах, и у коммунистов, в домах вместо образа — чуть в Успенском соборе не повесил...

— Это разве я? Это Луначарский с большого ума. Куда думаешь махнуть?

— На Бермудские острова. А ты?

— В Мельбурн.

— Так-с. Ну, предположим, мы это оба соврали. Теперь по-настоящему — куда ты едешь?

— По-настоящему? На Вандименову землю. А ты?

— По-настоящему? На Землю Франца-Иосифа.

— Правильно. А так как мы опять оба для конспирации соврали, и так как все делается до трех раз, — то говори теперь истинную правду: куда едешь?

— Правду сказать? К черту на кулички... А ты?

— Я? Куда ворон костей не заносил.

Ленин встал и, протянув Троцкому руку, и пожимая ее, и потрясая ее, и глядя в глаза друга своими бегающими, узкими калмыцкими глазками, сказал на прощанье:

— Поцарствовали, значит?

Троцкий усмехнулся:

— Вот уж о ком можно сказать: «Попили кровушки».

Засмеялись. Разошлись.

* * *

До скорого свидания, товарищи!

Скоро, вероятно, встретимся.

ИСТОРИЯ БЕЗ ОКОНЧАНИЯ

Эту историю скромный автор считает одной из самых удивительных историй...

Кажется, чего проще: главное действующее лицо хотело просто, честно, по-русски все объяснить, автор тоже хотел просто, честно, по-русски все объяснить, но... никак нельзя! Эта история так и останется без конца, будто книжка с оторванной на завертку винограда второй частью.

* * *

Главное действующее лицо — молодой, необъятно коммерческий господин — был выслан из Крыма, через линию фронта, в Совдепию.

У меня есть основательные данные утверждать, что своего преступления он и не собирался скрывать, по крайней мере, там, по ту сторону фронта. И мне, как автору, тоже нет никакой причины прикрывать своим молчанием негодяя, но... тут-то и начинается самое удивительное.

Негодяй, попав в Совдепию, очень охотно шел на то, чтобы цинично выложить о себе всю свою преступную подноготную; окружавшие его благосклонные слушатели стремились к этому же самому; и автор тоже.

И, однако же, из этого ничего не вышло!

* * *

Впервые, когда Негодяй (из уважения к тому, что он мне дал такую хорошую тему, — буду писать его с заглавной буквы) — впервые, когда Негодяй попал в орбиту наблюдения совдепцев — они окружили его, как обитатели Огненной земли окружали когда-то мореплавателя Кука: кое-кто тихонько пощупал сзади добротную материю его пальто, один угрюмый совдепец молча понюхал кожу его желтого чемоданчика, а самый смелый взял в руки трость Негодяя и лизнул ее.

— Чего вы? — удивился Негодяй.

— Я думал, это сахарный тростник. Думал, сладкая.

— За что вас выслали? — осведомился старейшина племени.

— Извольте, расскажу, — с готовностью согласился Негодяй.

Все уселись вокруг Негодяя в кружок и он, закурив папиросу, начал.

* * *

— Сидел я однажды...

— Что это вы курите?

— Папиросу. А что?

— Давно я не видел. Разрешите взглянуть?

— Пожалуйста. Итак, сидел я однажды...

— У вас там по карточкам папиросы?

— По каким там, к черту, карточкам! Не перебивайте! Итак, сидел я однажды в кафе...

— Как в кафе?! Разве у вас там есть кафе?

— Сколько угодно. Сижу я однажды в кафе...

— А что там обыкновенно делают — в кафе? — с любопытством спросил туземец, принявший трость Негодяя за сахарный тростник.

— Как, что? Пьют кофе, шоколад.

— Расскажите, расскажите, как же его пьют?

— Ну, что тут удивительно?! Берут сдобный сухарик или кусочек пирожного, обмакивают в кофе...

— Со сливками?!

— Послушайте! если вы меня будете перебивать — я никогда не кончу. Итак, сижу я, пью какао...

— Небось, сладкий?

— Пойдите к черту! Пью какао, читаю газету...

— Слушайте, она не с вами? Дайте хоть кусочек. Давно не читал газетки с буквой ять и твердым знаком!..

— Если еще раз перебьете — брошу рассказывать!.. Вдруг попадается мне в глаза заметка, что русский рубль повысился, а иностранная валюта заметно падает. Э!! — подумал я, — на этом я могу шутя заработать пять–шесть миллиончиков. И в тот же день после обеда...

— После чего?!

— После обеда! Оглохли?!

— Что обедали? — спросил туземец, понюхавший чемодан, заискивающе прижимаясь к колену Негодяя.

— Фу ты, какой тяжелый народ! Ну, что я мог обедать... Суп, конечно...

— С мясом?!

— С курицей, с лапшой! На второе свиные отбивные, на третье...

— Отбивные-то, небось, с косточкой? — задумчиво покачал головой старейшина племени.

— Ну, конечно!!

— Покажите!

— Да что я вам — обгрызанную кость буду в чемодане таскать что ли?.. Вот что, мои дорогие... Если еще раз перебьете — прощайте. Ничего я вам не расскажу. Поняли?

Один совдепец шепнул другому:

— Жалко, что он не сказал, что на третье. Наверное — сладенькое.

— Я так думаю — блинчики с вареньем...

— Или винная ягода, варенная в сливках... Спроси его, а?

— Неудобно; рассердится.

— Итак, значит, пообедав, иду я в меняльную контору... А так как после выпитого вина голова немножко кружилась...

— Как вино?! — раздался общий восторженный вопль. — Неужели у вас там есть вино?! Пьете?!!

Негодяй злобно сверкнул глазами, вскочил, оттолкнул туземца, внимательно изучавшего шнуровку его ботинка, схватил чемодан и ушел, рыча от бешенства.

— О, добрый господин! Куда же вы?

— Пойдите к черту!!

* * *

С тех пор он 12 раз пытался рассказать историю своего преступления, но ему не удавалось...

Часто он не мог дотянуть даже до вина и меняльной конторы. Застревал обыкновенно на супе с лапшой и курицей...

А один раз ему пришлось бросить рассказ даже на описании вкуса крема, который был положен между слойкой пирожного, потребованного в кафе.

* * *

Вот таким образом захватывающе интересный конец этой истории остался таким же неизвестным и загадочным, как старинная история мидян...

УГОВОРИЛ

Приняв доклад от смотрителя Бутырской тюрьмы, товарища Гнусиса, комиссар московских мест заключения товарищ Расшибалис сладко потянулся и, переходя на неофициальный тон, спросил:

— Читали насчет МакСвинни?

— Нет. Каких свиней?

— Не каких, а какого Свинни. Английское правительство посадило в тюрьму мэра города Корка МакСвинни, а он объявил в виде протеста голодовку... Уже пять недель ничего не ест.

— Ловко! А что ж правительство?

— Юлит около него. Поставило рядом самые вкусные кушанья и уговаривает через сиделок съесть что-нибудь. Вы только смотрите, чтобы это не дошло до ваших бутырцев. А то ведь — примеры заразительны! Вдруг тоже объявят голодовку.

— У меня-то?

Гнусис лихо присвистнул и вышел.

* * *

Но на другой день во время доклада тов. Гнусис первым делом очень смущенно доложил тов. Расшибалису:

— А мои-то бутырцы того... объявили голодовку! Будто стадо МакСвинни какое-то!

— Пронюхали-таки!!! Вот черт их побери!! Ну, ничего, подождем, авось опомнятся.

* * *

Прошло два дня.

— Ну, что? — спросил утром третьего дня тов. Расшибалис. — Кончили голодовку?

— Какое! В самом разгаре. Ни кусочка в рот не берут.

— Экие гады! вы там пока в газеты не сообщайте... Выждем.

* * *

Еще через неделю:

— Голодают?

— Голодают.

* * *

Еще через неделю:

— Ну, как голодовка?

— Продолжается.

— Да кто зачинщик?!

— Никаких зачинщиков!.. Все одинаково голодают.
— А вы знаете — пойду-ка я с ними поговорю...
— Охота вам беспокоиться!
— Нет уж, пойду; может, уговорю...
— А я бы считал это ниже своего достоинства...
— Ну, ладно... Выждем денька три.

* * *

Еще через три дня:
— Ну, как голодатели?
— По-прежнему. Ни кусочка в рот.
— Ведите меня к ним...
— Да зачем вам, право, беспок...
— Ведите, черт их подери!!!

* * *

В общей камере.

— Здравствуйте, товарищи. Мне передавали, что вы голодаете?

— Так точно. Голодаем.

— Чего ж вы этим думаете достигнуть?

— Наверное, помрем все.

— Но ведь из вас кое-кого могут впоследствии и выпустить. Зачем же помирать?

— Пока выпустят — все перемрем.

— Экое подлое упрямство! Неужели уж так хочется помереть?..

— Где там хочется!

— Так чего ж вы голодаете? Может, пищей недовольны?

— Что вы, господин начальник

— Или содержат вас плохо?

— Что ж... Содержат, как обыкновенно: в тюрьме. Тюрьма как тюрьма.

— И вы все-таки ничего не едите?

— Так точно. Ничего.

— Ну, вот вам мой наказ: кто сейчас же при мне не съест тарелку супу и пару котлет — выведу на двор к стенке и своими руками, как собаку, расстреляю!!!

— Ваше высокородие — господин товарищ, зачем же к стенке? Мы и так с нашим удовольствием!

— Что с вашим удовольствием?
— Да вот это самое: суп, котлеты... Вы только дайте.
— Значит, голодовку кончаете?
— Да как только дадите поесть — сейчас же кончим.
— То-то же. Накормить их.

* * *

И, выйдя из общей камеры в коридор, товарищ Расшибалис самодовольно сказал товарищу Гнусису:

— Вы видите: с ними только нужно уметь говорить. Видите, как я их быстро уговорил!

И прибавил задумчиво:

— А все-таки далеко нашим головотяпам до англичан. Вот у МакСвинни сила воли — я понимаю!

ТЕМНОЕ ДЕЛО

В камеру старого генерала постучались.

— Кто там еще?! — нервно спросил он. Приподымаясь со своего жесткого ложе

— Это мы. Коллеги. Военспецы. А ну, пойдем, ваше превосходительство. Дело одно тут есть.

— Господи! Даже в тюрьме покоя нет!

— Ну, ну — поговори еще! Раз ты начальник генерального штаба — должен помалкивать. Иди!

— Куда вы меня ведете?!

— Недалеко, товарищ. К столику, на котором карта.

— Что?! Опять? Не пойду! Хоть вы лопните, — не хочу.

— А к стенке хочешь, собака?

— А будьте вы прокляты! Ну, что вам еще надо?

— Вот чудак человек! Как — что надо? Раз ты у нас начальник генштаба — ты руководить нашими военными действиями должен, а не ругаться! Вот, брат. Тут и столик, и карта, и карандашик — показывай, как и что?

— Да в чем, собственно, дело?

— Извольте видеть, ваше превосходительство... Будьте любезны присесть. Вот. Здесь, значит, по линии этой реки наша армия, а там — поляки. Теперь, как вы думаете, что

лучше перейти нам самим реку или ждать, пока они перейдут, и расколошматить их на нашем берегу.

— Прежде всего, уберите вы эти ваши дурацкие наганы! Что вы прямо в физиономию дулом тычете!..

— Простите, ваше превосходительство! Бабкин, убери. Вот извольте карандашик — сам и чинил — видите, как ловко очинен. Вот вам бумажечка... Так — как вы изволите полагать, ваше превосходительство...

— Ей-Богу — гляжу я на вас и удивляюсь... Военспецы вы, а ничего не смыслите! Ну, как же я могу высказать свое мнение, если не видел ни ихнего берега, ни нашего, не осмотрел естественных прикрытий, не ознакомился с местностью...

— А карта — что ж вам собака, что-ли?

— Карта хороша потом, а прежде всего я должен видеть местность.

Оба военспеца пришли в искреннее восхищение:

— Ах, и до чего ловкий старичок! Вот продувная штука! А? Это значит, мы выведи его туда, а он — подымет полы, ноги на плечи да от нас стрекач!.. Ай, да начальник генштаба!

— Ну, как хотите. А по одной карте я ничего не могу!

— А к стенке можешь?

— Чего?!

— К стенке.

— А ну вас к... Где ваша карта? Где река?! Вот эта? Переходите через нее, и черт с вами!

— Так вы изволите, значит, говорить, ваше превосходительство, что лучше, чтобы мы перешли? А в каком именно месте, ваше превосходительство?

— Да вот тут, что ли.

— Это не та река, где мы стоим, ваше превосходительство. Эта — на 70 верст южнее.

— Ну, тут.

— Разрешите, я отмечу крестиком... Очень вам благодарны, ваше превосходительство! Поверьте, что ваш опыт... Бабкин, веди его обратно!

Генерала уводят. Оба военспеца долго сидят, озабоченно поглядывая друг друга,

— Ну, как думаешь, Володя?

— А черт его знает. Я так думаю, что генералишка нарочно наоборот сказал.

— Значит, мы лучше должны ждать перехода поляков?

— Я полагаю.

— А если генерал думал, что мы все равно, поступим наоборот — и дал нарочно, назло нам, правильный совет? А?

— Постой! А, может он думал, что мы догадаемся, что он дал правильный совет, и, зная, что мы поступим наоборот — дал неправильный совет?

— В таком случае, почему же не предположить, что он зная, что мы догадаемся, что он дал правильный совет и зная, что мы поступим наоборот, хотел дать неправильный совет, но думая, что мы догадаемся, дал правильный совет, думая, что мы поступим неправильно...

— Фу, ты черт — как запуталось! Что ж теперь делать?

— А у нас еще три начальника генштаба по камерам сидят. Выведем и припугнем стенкой. Пусть советуют, анафемы! Потом сделаем общую сводку советов — авось и выясниться.

— Бабкин, выводи! Ах, трудно воевать красному авангарду мировой революции!..

НАТЮР МОРТ

(Рисунки Аркадия Аверченко)

Бутерброд с зернистой икрой

На небольшой белой фарфоровой тарелочке с золотым ободком лежал он...

Сбоку виднелась коричневая поджаренная корочка, а сверху белый пышный мякиш прикрывался целой горкой влажных серых зерен, манящих своей сочностью до того, что язык любующегося увлажнялся.

На одном краю тарелочки, кроме того, лежала половинка лимона, на другом — щепотка мелко нарезанного молодого зеленого луку — так что три цвета ярко играли на тарелочке: желтый, серый и зеленый.

Духи

Небольшой футляр из темно-красного сафьяна с золоченой застежкой, украшенной самоцветным камушком.

По краям крышки — золотое тиснение.

Со щелканьем открывается застежка.

Внутри футляр выложен темно-красным же шелком, и на этом темно-вишневом фоне сверкает тяжелый хрустальный многогранный флакон, наполненный жидким ароматным золотом.

Брали тонкий, на диво вымытый и выглаженный батистовый платок, разворачивали его и, капнув на уголок несколько капель ароматного золота — встряхивали.

И тонкое свежее благоухание волнами неслось по комнате.

Книга

Пухлая, неразрезанная, манящая своим содержанием, как ароматная начинка еще не разрезанного пирога.

Солидная обложка, украшенная вычурной под старинную гравюру заставкой Ивана Билибина.

На обложке: Леонид Андреев, Иван Бунин, Сергеев-Ценский...

Сзади: 1 руб. 75 коп...

Книга еще пахнет типографской краской, и лезвие костяного ножа многообещающе шуршит, поспешно открывая тайны прекрасного творчества.

Бокал шампанского

Тонкий хрусталь в форме срезанной груши, обращенной стебельком вниз.

По прозрачной, как воздух, поверхности стекла — причудливые матовые арабески.

Бокал кипит. Снизу вверх несутся, рождаясь в неисследованных глубинах, пузырьки веселья и радости, любви и бурного счастья. Стремглав вылетев на поверхность, они с шипением лопаются, но на их место на дне рождаются сотни, тысячи других, и сотнями шумящих ракет взвиваются ввысь.

Охлажденный льдом кипящий огонь — будто всеми своими фибрами стремится к небу, где он и рожден небожителями...

Кресло в Мариинском театре

Сиденье и спинка голубого бархата, поручни тоже, упругие, мягкие...

Сядешь — будто мать посадила тебя, любимого, в уютную колыбельку.

Надо опустить бинокль на колени, откинуть голову на спинку кресла и, полузакрыв глаза, погрузиться в звуки увертюры «Пиковой дамы» в благоговейной тишине храма, в благоговейной полумгле.

Живая натура

Развалившись в кресле голубого бархата и закинув одну ногу на ручку упругого кресла, сидит он.

Шапка со звездой сдвинута на потный затылок.

Под тем сапогом, который покоится на полу — лежит выпавший из кармана и раздавленный хрустальный флакон с умирающим ароматом. На каблуке второго сапога, свисшего с ручки кресла — прилип расплющенный остаток бутерброда с серой влажной икрой.

От выпитого не в меру шампанского мутит, и горячая изжога как жгучая огненная змея, ползает в горле снизу вверх...

В руках книга, отпечатанная на хорошей прежней бумаге: «Известия первой секции пролеткульта».

Но — не читается; не глядится на сцену; не слушается.

Мутит.

Вот она: сидит в голубом бархатном кресле, как на троне, эта «живая натура» — без остатка слопавшая нашу «мертвую натуру».

И когда эта живая натура сделается «натур мортом», — наши «мертвые натуры» оживут и снова засверкают, заблагоухают, зашумят, заласкают глаз, ухо, язык и мозг наш.

БЛАГОДЕТЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

— ... Итак, товарищ, вы согласны с тем, что мы должны постепенно разлагать пропагандой страну за страной, страну за страной, страну за страной!

— Ясное дело.

— И, разложив страну, мы должны высечь из нее тот священный огонь коммунизма, который...

— Ясное дело. Разложить и высечь.

— И когда страна запылает с четырех концов...

— Хоть с восьми — мне не жалко.

— Когда собственность будет уничтожена и собственники будут раздавлены!
— Как клопы!!
— Как тараканы!!
— Как все насекомые вместе взятые!!
— ... Тогда, разрушив все, мы начнем строить!!
— Главное — разрушить, а там будет видно.
— Именно. Главное — разрушить. Итак, на очереди у нас Финляндия...
— Как... Финляндия?! Нет уж, вы Финляндию, пожалуйста, не трогайте!
— Почему же? Она как раз ближе всего.
— Нет уж, пожалуйста. Мало ли других хороших, подходящих стран, кроме Финляндии...
— Товарищ, но почему же? Тем более, литература на финском языке отпечатана, агитаторы подготовлены... и потом — не все ли равно, откуда начать!
— Хорошо-с. Если все равно, откуда начать, начнем с Румынии... Что вы подскочили, как ужаленный?
— Румыния?! Ни за что! Прошу вас даже не заикаться об этом...
— Теперь уж я вас не понимаю. Почему не Румыния? Агитаторы тоже натасканы на румынский лад, литература отпечатана...
— Кукиш с маслом вы тронете Румынию!
— Хорошо. С Румынией согласен подождать, если вы мне скажете, почему?
— «Почему»?! Идиот вы зеленый. Потому что под Бухарестом хорошее именьице на прошлой неделе купил. Так что попросил бы у меня публичный дом не заводить!.. Тогда как Финляндия...
— Так я вам скажу, что вы более чем зеленый идиот! Вы красный кретин!! Вы думаете, у меня в Гельсингфорсе нет трехэтажного домика? Вы думаете, мне у себя дома приятно видеть Бедлам?
— Гм! Тогда начнем с Венгрии, что ли?
— Это другое дело. Мы должны напрячь все усилия, чтобы красный стяг освобожденного от рабства счастливого венгерца высоко и гордо взвился над свободной от произвола, насилия и угнетения будущей Красной Венгрии!
— Именно что. Запляшут они у меня венгерку, сволочи!!

КРАСНАЯ ФЕМИДА

Москва. Сретенский район.

Заседание районного судебного трибунала — в разгаре.

На очереди дело об ограблении у прохожего шубы.

Налицо: обвиняемый, прокурор, защитник, председатель трибунала и двое судей.

«Исполнители», как пишут в плохих театральных отчетах, «все на своих местах».

— Обвиняемый! — возглашает председатель. — Расскажите, как было дело?

— Как? — делает обиженное лицо обвиняемый. — Да никак. Иду это я, значит, с товарищем по Малой Кисловке — вдруг встречается господин. Конечно, в шубе. Мы так хотели бочком мимо него, потому видим — незнакомый человек, зачем его трогать? А он вдруг: стойте! — говорит. Мы, конечно, остановились, товарищ говорит: «Что, говорит, прикажете?». А то, говорит, я и прикажу, что забирайте себе мою шубу!». Мы даже с товарищем немножко обиделись..., зачем, говорим, нам ваша шуба, что мы — нищие, что ли? У нас, говорим, дома, может, своих шубов висит штук десять!». А он на нас так и лезет: «Забирайте, говорит, мою шубу да и забирайте! Такое, говорит, мое решение, чтобы вам шубу отдать». Я даже, знаете, испугался такого чудака: думаю, а вдруг он шумашедший? «Идите, говорю, господин своей дорогой, а мы своей!». А он вдруг скидает с себя шубу да мне ее на руки — хлоп! Я, конечно, кричать «караул!», а он к товарищу за пазуху — шасть! Вынул ножик — пырь себя в живот, лег на панель да и помер. Я так думаю, товарищ председатель, что это не иначе как шумашедший. Известно, сдуру — как с дубу... И чего, и что взбрело ему с большого ума шубу нам навязывать?

— Странная история, — говорит председатель. — Предоставляю слово обвинителю.

— Постой! — перебивает защитник, отстраняя рукой выдвинувшегося вперед обвинителя. — Поспеешь с козами на торг! Лучше я буду говорить, товарищ председатель! Может, я такое скажу, что ему потом и говорить не придется. Товарищи! Прежде всего, я должен сказать, что товарищ убийца никакой шубы даже и не брал...

— Как не брал? — удивляется председатель. — Да ведь свидетельскими показаниями установлено что...

— Ах, установлено? Тогда другое дело. Положим, свидетели, может быть, такое же жулье, как и...

— Защитник! Держитесь в рамках!

— Могу! Так я хочу только сказать, что могу доказать алиби обвиняемого.

— То есть как?

— А вот этак. В тот самый момент, как неизвестные грабили у этого пассажира шубу, я вместе с обвиняемым был в совсем другом конце города, в чайной «Игрушечка»...

— Странная история, — говорит председатель. — Предоставляю слово обвинителю...

— Постойте! Ведь вы говорите вздор. Обвиняемый и сам признает, что у него была встреча с владельцем шубы...

— Признает? Ну и дурак, что признает. Ему же хуже! Что ж ты, Яшка? То говорил — алиби, алиби, а то сам и прокапался. Я уж теперь не знаю, как и защищать.

— То-то, не знаешь. А когда я говорил, что можно без мокрого дела — ты рази послушался? Первым делом за ножик. За что, спрашивается, человека усахарили? Ну, что ж... Пусть бы и кричал — уйти всегда успели бы.

— Да, успели бы... Это с шубой-то? И так все руки мне оттянула.

— Постойте, — удивляется председатель, — разве вы тоже были вместе с обвиняемым?

— Как вам сказать... Идем это мы с обвиняемым по Малой Кисловке, а там впереди господин в шубе. А обвиняемый и говорит: «Вот, говорит, Сережа (это я — Сережа), в некоторых местах советская власть объявляет неделю «изъятия излишков у буржуазии»... А я, говорит, считаю, что неделя — это долго... Мы с тобой, говорит, можем в пять минут изъять у этого буржуя излишки...». Подошли это мы, объявили ему по декрету пять минут изъятия излишков... Конечно, слово по слову... Ну он, конечно, саботировать, орать, ну мы, конечно...

— Позвольте! Во всем этом я не вижу вашей защитительной речи!

— Напрасно не видите. Раз мы поступали по декрету советской власти...

— Довольно! Товарищ обвинитель... Ваше слово!

— Мое такое слово, товарищи, — встает прокурор, — такое мое слово, что оба они сволочи, и их беспременно нужно засудить поглубже... Разве так настоящие товарищи делают? Поставили на стрему, обещали долю, а сами...

— Виноват! Кого поставили? Кому обещали?

— Как кому?! А мне?! А опосля дела даже в руку не плюнули — что мы тебе, говорят, рукав отрежем, что ли? Хохочут. Небось, когда продали и получили монету...

— А что мы там получили? — перебивает защитник. — Шуба-то, думали, енотовая, а она крашенная на собаках. Что ж мы с десяти тысяч могли дать... посуди сам, чудак...

— С десяти тысяч? — благородно негодует прокурор. — Кому ты это говоришь?

— Не веришь, спроси товарища председателя! Скажите ему, товарищ председатель, сколько вы нам заплатили за тое барахло, что мы в узле на квартиру вам стащили?

Встает один из судей, очень недовольный:

— Товарищи! Чего мы будем зря вола вертеть? У них тут с председателем — одна контора, какой может быть суд? Предлагаю обвиняемого, обвинителя и защитника послать ко всем чертям и объявить перерыв!

Другой судья, доселе молчавший, наклоняется к председателю трибунала и укоризненно говорит:

— Что ж ты, брат?! Шуба-то на собаках, а ты мне ее спулил как енотовую! Вот и перекупай темную вещь после этого!..

СТРАШНАЯ ЗАГАДКА

Два моих приятеля и я — мы сидели в общей зале ресторана-погребка, каких много на Нахимовском — сидели и задумчиво пили вино, заедая его какой-то невразумительной дрянью.

Один из приятелей оглянулся назад, увидел юного господина, сидевшего одиноко за столиком — и обрадовано засуетился.

— Боже мой! Да ведь это Леля! Что он там сидит в одиночестве, свесив голову? Господа, разрешите пригласить Лелю к нашему столику?

— Лелю? — спросил я. — А кто он такой, этот Леля?

— Очаровательный юноша из очень хорошей семьи... Я с ним встречался в Харькове... Это редкий, теперь уже умирающий вид джентльмена! Благородный добрый, умный, но застенчивый, как красная девица!

— Ну, что ж... — благосклонно согласились мы. — Пусть этот вымирающий тип джентльмена подсаживается.

— Вот здорово. Только уж вы, господа, предупреждаю вас, ни одного вольного словечка, ни одного неприличного анекдота! Его особенность — краснеть до слез при всяком вольном слове! Леля! Пожалуйте к нашему столику! Позвольте вас познакомить...

Леля застенчиво подошел, пожал всем руки и уселся около меня.

— Вы знаете, — обратился я к нему, — Владимир Леонтьевич отрекомендовал вас, как красную девицу. В наше время это так редко, что...

Леля вспыхнул до коней волос и укоризненно взглянул из-под опущенных длинных ресниц на моего приятеля.

— Недобрый, — с упреком сказал он мелодичным голосом. — Не ожидал я этого от вас... Но я, кажется, своим приходом прервал ваш разговор. Тысяча извинений! Я никогда себе не прощу...

Разговор Леля, конечно, прервал, но так как прерванный разговор состоял из очень гривуазного, полного реалистических подробностей приключения, о котором повествовал нам Владимир Леонтьевич, описывая мощными красочными штрихами некую гувернантку, то продолжение этого разговора, ради Лели, решили оставить в покое.

Поговорили о «Фаусте», о Карсавиной, о красной опасности для Индии; о последней книжке ежемесячника.

Вдруг Леля, будто что-то вспомнив, взглянул на часы и выражение озабоченности появилось на лице его.

Он поёрзал на месте еще минут пять, повздыхал, раза три за это время взглянул на часы и вдруг — выражение озабоченности на его лице заменилось трудно передаваемым выражением развязной наглости, так не шедшей к девичьему личику Лели...

— Понимаете, — объяснял ему в это время Владимир Леонтьевич, глядя по своему обыкновению в тарелку. — Промышленная группа на своем совещании выставила тезисы...

— Вы врете! — вдруг сказал Леля, стукнув кулаком по столу.

— Что-о? Как вру?! Вы с ума сошли!

«Тип вымирающего джентльмена» с вызывающим видом откинулся назад, заложил одну юную ногу за другую и повторил:

— Врете вы. И насчет тезисов и насчет всего такого... Если вы не замолчите — я хлопну вас бутылкой по морде.

Мы оцепенели...

А Леля еще раз озабоченно взглянул на часы и встал:

— Может быть, вы на меня обиделись — так наплевать. Захочу и вот разобью эту бутылку.

Он, действительно, схватил бутылку и бросил ее на пол.

— Ну? — вызывающе проревел он. — Чего ж вы не вызываете полицию — зовите.

— Он пьян, — с убеждением сказал я.

— Сам ты пьян, черт паршивый!

Я кинулся к нему, но приятель удержал меня.

— Ради Бога! Мне кажется, что я с ума схожу... Ведь он не пил ни капли и вдруг сразу...

— Зовите полицию, чего ж вы... — цинично изогнувшись, подмигнул Леля.

— Нет, Леля, — опустив голову, прошептал пришибленный, раздавленный Владимир Леонтьевич. — Я вас хорошо знаю... Тут что-то не так. Я не позову полиции...

— Не позовете? — угрожающе прорычал Леля. — Ну, и черт с вами!

Он огляделся, подошел к столику у стены, за которым тихо сидела компания честных кротких спекулянтов, подскочил к одному из них, сбросил его со стула, сел на стол, прямо в его тарелку и, скрестив руки, холодно сказал:

— Вот теперь я буду в своей тарелке.

— Полицию! — завопили спекулянты в три голоса.

— Это другое дело, — сразу успокоившись, сказал Леля, слезая с тарелки и со стола. — Тогда нам не о чем больше разговаривать!!

Побежали за стражником...

Когда явился стражник, на него набросились сразу десять человек и наперерыв стали рассказывать о наглом, совершенно не переносимом поведении Лели.

— Пожалуйте в участок, — тускло, привычно скомандовал стражник.

— С удовольствием, — расшаркался Леля.

Он взял свое пальто, шляпу, поклонился присутствующим и кротко сказал:

— Ради всего святого, простите меня, если я кого-то обеспокоил. Но... так надо. Ведите меня, стражник!

Его увели!

* * *

Встретил я его на другой день в сумерки, в кафе.

Он радостно бросился ко мне, долго жал мои руки, извинялся, лепетал, что никогда себе не простит вчерашнего, и вообще весь его сегодняшний вид напомнил того «вымирающего джентльмена», ту «красную девушку», какой он нам показался при первом знакомстве.

— Однако, чего ж вы вчера так сразу на стену полезли? — спросил я, снова попадая во власть его обаяния.

— Больше того — я не на стену, на четыре стены полез!

— Виноват, я вас не понимаю.

— Я знаю. И не поймете! Скажите, вы где ночуете?

— Что значит — где? В собственной квартире.

— Вот видите... Счастливец! А у меня нет ни только квартиры, на даже комнатки, даже угла... А в участке все-таки хоть спать можно...

— Боже мой, неужели?! — в ужасе вскричал я.

— Да, да! Дело именно в этом.

Он тяжело перевел дух и спросил:

— Слушайте... Посоветуйте, какое бы мне преступление сделать, чтобы в тюрьму посадили? Так хочется отдохнуть. А то эта тревожная жизнь, эти ежедневные скандалы... Слушайте! Хотите, я у вас часы украду?..

ЧУДЕСА НАУКИ

— Профессор!

— Ну?

— Неужели это возможно?

— В науке, милый мой, многое возможно.

— Значит, вы делаете прививку?
— Делаю прививку.
— Так же, как тифозную, холерную и дифтеритную?
— По тем же принципам.
— Как же называется эта новая, открытая вами прививка?
— Антикомунин.
— Откуда же вы ее получаете?
— Из желез взрослого коммуниста. У меня в питомнике три сидят. Извлекаю вакцину, как раньше из телят извлекали. Но, конечно, бациллы полуубиты мной соляным раствором. И все-таки иногда реакция бывает очень сильная. Вот как раз сейчас должен прийти пациент, желающий привить себе коммунизм... А-а, здравствуйте, молодой человек, входите. Что новенького?
— Ничего... — потупившись, застенчиво пролепетал робкий молодой человек, комкая в руках шляпу. — Хотя вот хорошая новость: наша армия опять расколотила коммунистов... Когда их, наконец, проклятых, изничтожат совсем, а?
— Недолго ждать... Ну, садитесь. Обнажите-ка руку... Да вы не стесняйтесь... Снимайте и пиджак, и жилет, и рубашку...
— Они... смотрят... — краснея до корней волос, пролепетал молодой человек и указал на меня.
— Ну! ведь он же мужчина. Чего же стесняться? Нельзя же быть такой красной девицей. Раздевайтесь.
Потупив глаза, застенчивый молодой человек разделся и протянул профессору руку. Профессор взял шприц, сунул его в какую-то колбочку и потом сделал три укола на нежной белой коже пациента.
— Ну, вот и готово.
Профессор взял кусочек ваты, обмакнул его в спирт и вытер шприц.
Молодой человек поднял голову, потянул носом воздух и вдруг цинично, грубо засмеялся.
— Ты чего ж, товарищ, зря спиртягу переводишь, а? — строго спросил он. — Дай-ка раз глотнуть.
— Удивительно быстрый эффект, — пробормотал профессор, глядя на часы.
— А-а, — заорал молодой человек, хватаясь за часовую цепочку. — Запрещенное золото носишь? Небось, свыше 16 золотников? Скидавай! Конфискую!

— Успокойтесь. Прилягте.

— Что-о-о? Как я лягу, когда гидра контрреволюции поднимает голову? Товарищ, бей профессоришку! Долой буржузиат!

Два здоровенных служителя насилу оттащили его от профессора.

Притихнув в их мощных руках, он поглядел на меня мутным взглядом и прохрипел:

— А ты чего зря стоишь? Почему не организуешься в ячейку? Свергай капиталистов, реквизируй профессорине пальто, которое у передней! Все на фронт!! Все против польских панов и врангелевской белогвардейщины! Поджигай хату, становь его к стенке!.. Товарищ, бери его на мушку!! Веди в чека!!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Эх, эх, тра-та-та,
Поднимайся, беднота!
И, цинично изогнувшись, закончил:
Дайте ножик, дайте вилку,
Я зарежу свою милку...
Дайте вилку, дайте ножик –
Отчекрыжу пару ножек!

Его дотащили до кровати, на которую он тяжело обрушился, погрозив нам бессильным пальцем, пробормотал «сволочи!» и уснул...

— Ничего, ничего, — успокоительно бормотал профессор, считая его пульс с часами в руках. — Все протекает нормально. Десять часов сна, и встанет как встрепанный.

Разглядывая бледное, измученное лицо спящего пациента, я тихо спросил профессора:

— А какая же ему польза от этой прививки?

— Помилуйте! Во всю остальную жизнь ничего не соврет, не украдет, никого не убьет и вообще никогда не наступит своему ближнему сапожищем на ногу!

— Вырезай ножиком лампасы! — сделал последнее деловое распоряжение пациент и затих окончательно.

КРАСА И ГОРДОСТЬ

Урок в совдепской академии генерального штаба. Курс — двухмесячный.

На скамейках сидят будущие Суворовы, Гинденбурги и Наполеоны — народ все бородатый, дюжий и еще до вступления в академию одерживавший блестящие победы над запоздавшим прохожим в глухом переулке и терпевший поражения от сыскной полиции.

Преподаватель:

— Ну, вы там, как вас? Крайний слева! Как вас?

— Легавый, товарищ преподаватель.

— Я вас не партийную кличку спрашиваю, а фамилию!

— Не говори, — шепчут сзади. — Засыплешься.

— Иванов, товарищ преподаватель!

— Ну вот вы и скажите мне, Иванов... Почему при открытии военных действий важнее всего карты?

— Потому, ежели скучно — можно вечером ушкварить в двадцать одно.

— Большие у вас способности, Иванов. А скажите мне, что такое крепость?

— Крепость, этого... Крепость бывает разная. Ежели, скажем, сорок градусов — я ее и в рот не возьму. Это только лягушек в животе разводить. Лучше, конечно, гольем — девяносто градусов!

— Лихой, я вижу, из вас будет вояка. Ну, предположим, вы решили обложить какой-нибудь город — что вы раньше всего должны сделать?

— Прежде всего, откашляться.

— Позвольте?! Это зачем же?!

— А чтобы обложить, как следует.

— Видите ли, в военно-стратегическом смысле слово «обложить» имеет несколько другое значение... Прежде всего, вы должны стянуть резервы.

— У кого?

— То есть — что у кого?

— Да вот это самое: стянуть.

— Какой вы чудак — у самих же себя.

— Так я ж и так могу взять.

— Ну, ладно. Скажем, вы стянули резервы, обложили город — чего вы должны потребовать у противника?
— Гони монету!
— Это потом. А сначала должны потребовать сдачи.
— Да я ему сам сдачи дам!
— Умерьте ваш благородный пыл, Иванов. Теперь, если противник согласен на сдачу — вы должны потребовать ключи от города...
— Хи-хи...
— Чего же вы смеетесь?
— Да на что мне ключи... гы-гы...
— Ну, а как же иначе?
— Да я могу и отмычкой...
— Позвольте! Да где ж это видано, чтобы города брали отмычкой?! Садитесь!
— На какой срок?...

ПОДАРОК МОЛОДЫМ ХОЗЯЙКАМ, ИЛИ КАК НАЙТИ СЕБЕ КОМНАТУ

Не в моих правилах оставлять бесприютное население на улице. Поэтому я, идя, как говорится, навстречу, постараюсь дать несколько наиболее доступных способов обеспечить себя сносной комнатой.

Способ первый. На панику

Наметив субъекта, у которого есть хорошая комната, вы подходите к нему в кафе или на улице и небрежно спрашиваете:
— Каким пароходом едете?
— Куда? — удивленно спрашивает он.
— Как — куда? За границу!
— А зачем мне ехать за границу?
— Неужели думаете ужиться с большевиками?
— А откуда они возьмутся?
— Дитя! Ребенок! Неужели ничего не знаете... Впрочем, это пока тщательно скрывают... (торжественно) Так слушайте же! Знаете, где большевики сейчас? Уже в Дурколяновке!

— Быть не может! — испуганно озираясь, говорит он. — Я, видите ли, собственно и собирался по делам в Константинополь да не знаю, когда бы мне...

— Слушайте... Скажу вам по чести, по совести... Еще два дня это будут скрывать. Завтра как раз идет за границу пароход. На нем еще можно достать место, пока никто ничего не знает. Но подумайте — когда тысячи обезумевших людей...

— Да я, собственно, завтра вообще и собирался ехать...

— Ну, вот видите. Я завтра с утра зайду перевезти вам на пароход вещи, помогу разделаться с квартирой. У вас ведь комната?

— Комната.

— Ну, вот... Как-нибудь уладим. В крайнем случае, скажу, что за собой оставляю. Господи! Не звери же мы! Нужно помогать друг другу.

* * *

Если вы думаете, что первый способ невероятен, то — вы не знаете, что такое паника. Каналья соберет вещи в полчаса, тайком перейдет на пароход и никому даже не заикнется о происшедшем, чтобы не вызвать переполнения парохода.

Способ второй. На рояль

В газетах вы помещаете такую публикацию:

Вниманию владельца большой квартиры!

Уезжая навсегда заграницу, предлагаю поставить в комнате большой

КОНЦЕРТНЫЙ РОЯЛЬ

и граммофон — совершенно бесплатно, с правом пользования.

Это такое заманчивое предложение, что на другой день с раннего утра к вам явится, озираясь, владелец искомой квартиры и таинственно скажет:

— Это у вас рояль и граммофон?

— У меня.

— Так ставьте их ко мне.

— А у вас квартира, действительно, большая?

— Помилуйте! Четыре комнаты — и только мы с женой и дочкой.

— А вдруг ее реквизируют?

— Нет... — ухмыляясь, шепчет он вам на ухо. — Я устроился! Квартирная комиссия ничего и не знает.

— Гм! Пожалуй. А где вы живете?

— Там-то.

— Так вот что... Рояля у меня, собственно, нет. Но или ты, собака, сейчас же сдашь мне одну комнату, или я донесу в реквизиционную комиссию — и у тебя заберут три!

— Послушайте! Вы негодяй!

— Ничего... Как-нибудь уживемся. Завтра утром могу переехать?

— Переезжай, чтоб ты лопнул!

— Ничего, не беспокойтесь.

И на другой день вы, встреченный благословениями и пожеланиями хозяев, въезжаете в очень недурную меблированную комнату.

Платить можете сколько не жалко.

Способ третий. На мокрый грант*

Наметив себе владельца уютной комнатки, очень ревнивого и имеющего хорошенькую жену, вы садитесь за стол и пишете жене и мужу два совершенно различных письма...

Первое:

«Мадам! Ваш муж вам изменяет. Если хотите убедиться — идите завтра в 8 часов вечера в гостиницу "Гранд-Отель" и постучите в 42 номер. Ничего не подозревая, он откроет вам, вы ворветесь и застанете его с вашей соперницей. Письмо это сожгите. Захватите на всякий случай револьвер... Ваш доброжелатель».

И второе:

«Послушайте вы, рогатый муж! Ваша жена вам изменяет. Если хотите убедиться, идите завтра в 8 часов вечера в "Гранд-Отель". Там, в 42 номере живет тот, который надсмеялся над вашим семейным очагом. P.S. Захватите револьвер. Письмо сожгите. Ваш доброжел.<атель>».

Может для верности написать и третье письмо:

«М.Г. Я знаю, вы живете в "Гранд-Отеле", № 42. Завтра в 8 час. вечера на ваш номер будет сделано преступное на-

---

* Мокрый грант», «мокрое дело» — на языке преступников «убийство». — *Примечание Арк. Аверченко.*

падение с целью грабежа. Когда к вам ворвутся, стреляйте! Ваш доброжелатель».

Послав все три письма, ждите кротко результатов...

Что-нибудь, да выйдет: или муж ухлопает жену, или жена мужа, или муж безвинного жильца № 42, или жилец — мужа...

Одним словом, будет кровавая неразбериха, которая вам на руку... В том или другом случае — кто-нибудь попадет в тюрьму, кто-нибудь на кладбище...

Тут-то вы не зевайте. Занимайте освободившуюся комнату, пока из-под носу не выхватили.

Не смущайтесь, если призраки загубленного вами мужа или жены будут являться вам.

Днем они не являются, а ночью — пусть себе ходят.

Походят, походят, да и отстанут.

* * *

Вот те три наиглавнейших способа, с помощью которых читатель может получить себе комнату.

Других способов — нет!

ФЕЛЬЕТОН НА ПОДЛУЮ ТЕМУ

«...Мороз крепчал...».

Нет, не так. Лучше вот:

«...Это была красивая, стройная девушка с жемчужными зубками и коралловыми...»

Нет, тоже не так! Пожалуй, самое лучшее начать вот так:

«...Курьерский поезд с грохотом подкатил к дебаркадеру...»

Да черт с ними, впрочем, с этими литературными экивоками и подходами! Надо быть честным и уметь говорить людям правду в глаза...

Скажу без выкрутасов:

— Молочницы грабят население!

Вот теперь, когда это написано — как-то легче.

Я с этого, собственно, и хотел начать, да все как-то не решался... Я, признаться, боялся, как бы эти строки не принесли непоправимый вред населению и непоправимую пользу молочницам.

Впрочем — судите сами.

* * *

Некоторая городская дума вынесла постановление: обратиться к населению с дружеским предложением — бойкотировать какой-либо предмет, на который торговцы взвинтили цены. Предмет, по мысли думы, должен быть скоропортящимся, должен быть таким, которого на месяц в подвал не спрячешь.

Объявили первым предметом «бойкота на неделю»:

— Молоко!

Это был преехидный замысел! Действительно, на чем как на непрочном молоке прижать зарвавшегося наглеца и сбить ему и спесь, и цены.

Оповестили об этом подвохе все население, устроили ряд агитационных собраний, смысл которых сводился к тому, что:

— Потерпите, дескать, одну недельку — вы и дети ваши! Откажитесь от молока — не подохнете с голоду! Зато после вместо полутора тысяч за бутылку будете платить пятьсот! Будьте гражданами! Не будьте стадом баранов! Побольше выдержки!

Неописуемый энтузиазм охватил граждан. Не в первый раз они давали клятву воздержания, но в первый раз — к общему изумлению — сдержали ее.

К молоку даже не подходили...

Напрасно торговки орали до хрипоты на всех перекрестках, выхваляя свой товар — покупатели молча, с каменным лицом проходили мимо.

Весь город будто вырос, возмужал, ни о ком нельзя было сказать ни в каком смысле, что у него молока на губах не обсохло!

Это была борьба не на жизнь, а на смерть. Это была неделя всеобщей явной и адской интриги против наглых молочниц.

Во всех домах, под всеми крышами потребители, собравшись купно, торжествующе, злорадно хохотали:

— Прижали-таки! Нашли палку!

И вот, наконец, эта трудная, так долго тянущаяся неделя — закончилась!

Утром восьмого дня все население, вооруженное бутылками, ведрами и сулеями — дружно ринулось на базар — запас-

тись молоком и позлорадствовать, полюбоваться на плоды своего адского замысла.

Ряд толстых молочниц выстроился нескончаемой шеренгой.

— Боже! — ахнули покупатели, подбегая к знакомым торговкам. — Что это вас так разнесло?

— Неделю целую на одном молоке сидели! Не выливать же зря. Здорово отпоились.

— То-то же, — торжествующе хохотал покупатель. —... Ну-с? Теперь у вас почем-с молочко-с, хе-хе?..

— Три тысячи бутылка...

— Ка-а-к? — пошатнувшись, пучил глаза покупатель, как бык, оглушенный молотом. — Да ведь на прошлой неделе было полторы?

— Что ж, что полторы... А эту неделю, что мы убытки терпели — мы зря должны вам дарить? Вот мы и раздумали!

— Да позвольте! Значит, выходит, что это мы своими кровными так раскормили вас, что вы поперек себя толще?

— За то оченно благодарны, а только уж дешевле трех тысяч никак нельзя...

* * *

Мороз, правда, не крепчал в этот день, и стройная девушка не сверкала жемчужными зубками, а «поезд не подходил с грохотом к дебаркадеру вокзала».

А просто покупатели с грохотом расходились с базара, ворча и отплевываясь, проклиная хитроумную городскую думу.

Вот как это будет.

СМЕХ СКВОЗЬ... ЭТО САМОЕ

(Фразы, подхваченные налету)

— Что это у тебя в руках?

— Записка. Кукушкины на вечеринку приглашают.

— Какой странный цвет записки... на чем это написано?

— На голубенькой пятисотрублевке.

— Вот жмоты! Вечер устраивают, а не могли на чистую бумагу разориться.

* * *

В суде.

— Подсудимый! Сколько же вы взяли у убитой вами старухи?

— Миллион, господин председатель.

— Стыдитесь! Из-за такого пустяка загубили душу человечью.

— Что ж, господин председатель... курочка по зернышку клюет... Сегодня убью старуху за миллион, завтра убью старуху за миллион... Четыре старухи — глядишь, шевиотовый костюмчик себе и справил!

* * *

Шиворот-навыворот.

В магазине.

— Что это у вас все полки каким странным товаром завалены...

— Это не товар-с. Это выручка-с. Деньги в пачках.

— А товар?

— А товар в несгораемом шкафу держим.

* * *

В ресторане... Посетитель, поужинав, расплатился, получил сдачу, взвалил ее себе на плечи и вышел.

ЗАГАДОЧНЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ
(Сенсационная фильма в 3-х частях)

Часть I. Странный пациент

Был ненастный вечер. Буря выла, как тысяча дьяволов, сгибая стонущие деревья чуть не до земли.

Незнакомец, закутанный в плащ, и в шляпе, надвинутой на глаза, молча вошел в кабинет доктора и остановился у дверей.

— Что вам угодно? — спросил испуганный доктор.

— Вот что... — мрачно сказал незнакомец и, подойдя к доктору, шепнул ему что-то на ухо.

Доктор в ужасе отшатнулся.

— Боже! Зачем это вам?

— Не расспрашивайте! Ну-с? Я жду.

Доктор схватился за голову.

— Я не люблю чего-нибудь не понимать. А вас я не понимаю... Но все равно: Одесская, 58, квартира 5. Скелетов.

Незнакомец кивнул головой, бросил на стол кошелек, туго набитый голубыми пятисотрублевками, и, дико захохотав, бросился вон из комнаты.

Часть II. Что было в квартире Скелетова

Буря выла, как три тысячи дьяволов, деревья стонали и трещали, когда незнакомец постучал в дверь номера 58 по Одесской.

— Кто там? — прорычал злобный голос, и в щели приоткрытой двери мелькнула страшная голова старика.

— Здесь живет Скелетов? — зловеще прошептал неизвестный.

— Жил, — проскрежетал страшный старик.

— Как... жил?!

— Час тому назад он скончался.

— Я опоздал! — дико вскричал незнакомец и рухнул у порога без памяти...

Часть III. Все объясняется

Старик и горничная перетащили незнакомца в комнату, положили на диван и привели в чувство.

— Кто вы? — спросил старик.

— А вы кто? — простонал незнакомец.

— Я дальний знакомый Скелетова. Узнав, что он очень болен, я переехал к нему, ухаживал за ним, принял его последний вздох и теперь буду жить в его комнате.

— Я опоздал! — снова простонал незнакомец. — Я тоже метил на эту комнату... Я подкупил доктора, чтобы он дал адрес одного из его умирающих пациентов, и вот...

— Да, — сухо сказал старик. — А теперь тут буду жить я.

— Ну, что ж делать... А вы себя вообще хорошо чувствуете?

— Какое! Одна видимость. По ночам кашель, удушье, сердце ни к черту...

— Попробуйте пить водку с перцем, — участливо посоветовал незнакомец. — Побольше.

И, закутавшись в плащ, он вышел.

Эпилог

Буря воет, как десять тысяч дьяволов. Деревья стонут и скрипят, где-то хлопает полуоторванная ставня.

У подъезда дома № 58 сидит на чемодане загадочная закутанная фигура.

Иногда сквозь закрытое окно доносится удушливый кашель старика, и тогда в мрачных глазах незнакомца загорается огонек.

Он ждет. Он ждет.

РАССКАЗ ОБ УНЫЛОМ ЧЕЛОВЕКЕ

I

Я до сих пор удивленно пожимаю плечами: на каком это основании судьба избрала именно меня жизненным спутником и конфидентом самого унылого, убийственно-однотонного, самого серого человека в свете?

Ужасно, когда знаешь заранее, что скажет человек в каждую данную минуту, а это так именно и было.

Вот как произошло мое знакомство с Унылым: войдя в парадную дверь одним осенним вечером, я стал подыматься по неосвещенной, темной, как могила, лестнице — и только что достиг первого марша, как сверху послышался страшный грохот, сдавленное ругательство — и к моим ногам скатилось тело.

— Кто это? — испуганно спросил я.

— Это я. Упал.

— Вижу. Однако почему вы упали?

— Темная лестница. Оступился.

Я помог подняться Унылому Человеку (это был именно он) и прислонил его к стенке.

— Что же это вы... будто на ногах не держитесь?

— Кажется, я это... вывихнул ступню.

— Ловко! Ну, пойдем, я доведу вас обратно наверх, откуда вы так глупо скатились.

— Нет, туда не надо. Неудобно.

— Почему?!

— Видите ли. Я был в одном доме, там наверху — знаете? И мне сказали, что я самый унылый человек в свете, и чтобы я уходил. Понимаете, что теперь неудобно возвращаться... Да еще с вывихнутой ногой! А?

— Так вы Унылый Человек? — строго спросил я.

— Не знаю. Они говорят.

— Гм! В таком случае, я вас дотащу к себе. Я живу тут же, в этом доме.

— Спасибо. Вы знаете (добавил он извиняющимся тоном), эта лестница очень темная. Совсем темная.

— Да что?! Представьте, я думал, что она освещена a giorno, сотней электрических ламп — и вы открыли мне совершенно новые горизонты!

Иронии Унылый не понимал.

— Нет, что вы! — возразил он с дурацкой серьезностью. — Где ж тут лампочки? Темно.

Вот какова была моя первая встреча и знакомство с Унылым Человеком.

II

Он стал захаживать ко мне. Разговоры были приблизительно такие:

— Здравствуйте. Вы, значит, уже вернулись из Симферополя?

— Нет, не вернулся, — серьезно отвечал я.

Немного призадумавшись, он вдруг весь освещался улыбкой:

— Это вы так шутите! Я знаю. Неужели вы курите?

— Нет, что вы. Не курю.

— А отчего ж у вас папироса в зубах!..

— Это я ем ее. Шоколадная.

Напряженная работа мысли — и снова светлая улыбка.

— Тоже шутите! Откуда же дым-то? А вам жена кланялась.

— Чья?

— Господи, да моя же.

— А я думал — Григория Семеныча.

— Нет. Я его жены уже недели две не видал. Моя. Книжку читаете?

— Ничего подобного. Я просто разглядываю известную комбинацию букв в строчках и потом вдумываюсь в их значение.

— Охота вам! Как здоровье?

— Благодарю вас. Зубки уже прорезались, коклюш прошел.

Унылый Человек раздражал меня, он действовал мне на нервы, как пробка, ёрзающая по стеклу.

Но Унылый Человек кротко не замечал этого впечатления и все мои дикие реплики относил исключительно на счет моего веселого характера.

— Дождь идет, — значительно сообщал он.

— Да что вы?!

— Слышите, как стучит в окно?

— Стучит? Так откройте ему. Невежливо заставлять дожидаться.

— И все-то он шутит, и все-то он шутит, — восторженно кричал он, не замечая моего искаженного тоской лица. — И откуда что берется!

III

Однажды он встретил меня на улице и обрадовался самым искренним образом:

— Послушайте! Я вас не отпущу! Пойдем ко мне, сегодня мой день рождения. Я принес для этого случая винца и закусочки. А жена ничего не знает! Вот-то я приготовил ей сюрприз!

Когда мы бесшумно вошли в темную переднюю, то сразу увидели, что не Унылый Человек приготовил жене сюрприз, а жена приготовила сюрприз Унылому Человеку.

Из неосвещенной передней дверь была полуоткрыта в освещенную гостиную.

Жена Унылого Человека держала в объятьях какого-то неизвестного молодца и, награждая его сочными поцелуями, в перерывах успевала сказать:

— Божество мое! Счастье мое! Котик мой серебряный!

Унылый Человек больно сжал мою руку и шепнул:

— Слушайте! Ведь это не родственник!!..

— Разве? А я думал, что это любимый дедушка...

— Нет, он же молодой. Разве не видите? Слушайте... а она его целует!..

— Вы так думаете? Мне показалось, что она просто кусает его усы.

— Ну, что вы. И такие слова: «Божество, котик»...

Вдруг он сжал мою руку еще крепче и тихий стон вырвался у него вместе со свистящим шепотом:

— Я знаю, это она мне изменяет!

— Однако, черт вас побери, у вас проницательный взгляд, — злобно отвечал я. — Мне казалось, что это просто дамский портной, снимающий с талии мерку. Не делайте шума, уберемся ко мне. Ваш сюрприз провалился.

Этот день рождения праздновали у меня.

В этот торжественный день я в первый и последний раз видел, как Унылый Человек плачет: зрелище осеннего дождя, когда мокнет под его сеткой неприятная одинокая степь, и одинокий ракитовый куст надрывно и безысходно нагибается над ограбленной мокрой землей.

— На днях я еду на фронт, — сказал я, глядя в угол. — Едем со мной?

— Воевать едете? — осведомился Унылый Человек, утирая кулаком мокрые глаза.

— Нет, думаю открыть там танцевальную школу!..

Солнышко проглянуло сквозь сплошную сетку дождя.

— Шутите всё! И откуда что берется. Хорошо, поедем.

IV

В непроглядной тьме пробирались мы с Унылым Человеком из сельца, где стояла наша часть — в штаб дивизии.

Мне было дано одно поручение, и Унылый Человек увязался за мной, как иногда облезлый пес увяжется и бредет за своим хозяином, хотя тот и прогоняет его домой бранью и пинками.

Шагая сбоку меня и то и дело спотыкаясь о кочки, он говорил:

— Очень темно сегодня.

— И как вы все сразу хорошо замечаете. А мне казалось, что луна жарит вовсю.

— Ну, где там. До новолуния еще дня четыре. Так же темно, как и тогда, кода я вывихнул ногу, помните?

— Как бы нам в этой тьме головы не вывих...

— Кто идет? — донесся сбоку неожиданный голос.

Блеснул слабый огонек.

— Свои, — отвечал я.

— Откуда?

— Из N-й части.

— Чего брешешь, — раздался совсем рядом другой грубый голос. — Такой части нет.

— Сам брешешь.

Совсем, совсем близко около нас рассмеялись:

— Стой, товарищи! Да ведь это белые они! Вот делато. Сами налезли — хи-хи. «Свои!». Черта с два, свои! Что у вас тут? Ливорверт? Давай его. Веди их, пусть там сначала спросят. Может, что и важное.

Нас повели.

Заспанный человек вяло допросил нас. Зевнул, потянулся, махнул рукой.

— Ничего интересного. Возьмите.

Нас снова повели. Светало.

— Отойдем к тому леску, — сказал главный. — Чтоб не делать тут близко шуму.

— И то, — согласился другой, еле волоча от усталости ноги. — Еще товарищей перебудишь.

— Понимаете, — дул мне в ухо Унылый Человек. — Это они нас ведут расстреливать.

— Что вы говорите! А мне казалось, что они просто хотят проводить нас до дому.

— Господи! — умилился он. — Шутит! И откуда что берется.

Унылый Человек замедлил шаг. Сзади его довольно непочтительно ткнули концом штыка в плечо.

Он схватился за плечо:

— Понимаете: кровь.

— Хоть теперь-то не сообщайте того, что и так видно, — прошипел я.

Усталое дурачье довело нас до первых деревьев перелеска, поставило у ствола...

— Стойте вот тут, — сказал сонный начальник. — Мы сейчас.

И отошли, щелкая на ходу затворами.

Я хлопнул остолбенелого Унылого Человека по плечу, крикнул: «В лес!» — и шмыгнул в сторону, перебегая от ствола к стволу.

Но товарищ мой не двинулся за мной. Очевидно, он в это время вдумывался в мое предложение.

— Понимаете, — говорил он себе. — Это он предложил мне, пока они будут отходить для прицела, взять да и убежать в лес... и скрыться таким образом. Очень хитро. И откуда что у человека берется.

Я был очень далеко, когда услышал нестройный залп, пожалуй, и на залп-то не похожий.

Как сейчас вижу его лежащим у корня дерева с открытыми глазами, раздумчиво устремленными в серое небо:

— Понимаете, — говорит его взгляд, — это они меня убили.

ДВЕ СУДЬБЫ

(История одной переписки)

Дорогой друг!

Помнишь ли ты, как я плакала, когда мы должны были расстаться, когда тебя увели в одну сторону, а меня в другую... Как я тебе завидовала, что ты будешь жить в холе и в почете, в атмосфере культурного, светского обращения, а я..! В грубой семье этого ужасного портового грузчика, от которого так пахнет спиртом и который так страшно ругается — Боже, какая моя будущность?! Итак — хотя мы и на двух полюсах: ты живешь в семье товарища министра, а я в семье портового грузчика, но ты, однако, не забывай меня, бедную... Изредка дай о себе весточку.

Подпись.

* * *

Моя милая!

Да, ты права: в той семье, где я поселилась, атмосфера очень культурная... Сам товарищ министра работает чуть ли не круглые сутки. Да и жена его не отдыхает. Но, вместе с тем, отношение ко мне самое ласковое, я бы сказала: интеллигентное! Одно неважно: едят скудно. Обед такой, что я бы раньше и не взглянула на него: жидкий брандахлыст вместо супа, твердая подошва вместо мяса. Узнала, что мой

товарищ министра получает всего 140 тысяч в месяц! Cela est bien triste!.. Однако, воображаю, как тебя кормит твой бедный грузчик!

* * *

Mon ange!

Представь себе — какая странность: ты жалуешься на скудость своего стола и жалеешь меня... Можешь не жалеть. Могу тебе описать сегодняшнее меню: суп с потрохами, заливное из рыбы, гусь с капустой, пирог с яблоками... Чувствую такую тяжесть в желудке, что не могу и писать. Одно меня огорчает — это грубость моего портового грузчика. Вообрази себе, вчера он в пьяном виде осмелился поднять на меня ногу!

* * *

Мое солнышко!

Неужели грузчик осмелился поднять на тебя ногу? C'est affreux!.. Надеюсь, он только поднял, но не опустил ее? У меня волосы стали дыбом! Я даже пыталась за обедом рассказать об этом своему товарищу министра, но он, очевидно, даже не мог понять. Я говорю: «за обедом»! Mais, едва ли можно назвать обедом то, что мы едим. Сегодня была картошка с постным маслом и жареная печенка... Разве это еда?! Я от голода вылизала всю ваксу с сапог моего товарища министра. Кстати: отчего бы ему не пойти в грузчики? Это, очевидно, выгоднее. Напиши условия, а я постараюсь его уговорить. Если можешь, пришли также в письме хоть пару косточек. У меня зубы даже чешутся: вчера грызла ножку письменного стола.

* * *

Mon ange!

Je suis outré! Нынче мой проклятый хозяин, эта грозная бестия, снова поднял на меня ногу! И за что? За то только, что я не хотела выпить коньяку. Изволь объяснять этому дураку, что собаки коньяку не пьют... Нынче плакала все утро и даже обед не утешил меня. А обед такой: мало-

российский борщ с грудинкой и сосисками, вальдшнепы в сметане и меринги со сливками. Посылаю тебе в письме две вальдшнепьих косточки. Погрызи за мое здоровье.

Сообщаю для твоего товарища министра условия грузчика: пять часов в день работы, праздники свободные, четыре миллиона в месяц. Я замолвила словцо моему хозяину. Он кивнул головой и одобрительно сплюнул мне на голову.

* * *

Дорогой друг!

Представь себе, в письме не нашла посланных тобой костей. Только два масляных пятна на бумаге — очевидно, чиновник на почте нащупал, перлюстрировал письмо и съел... Они ведь тоже живут — вроде министров — не особо чтобы. Сегодня у нас картошка и селедка с огурцами... Ни того, ни другого, ни третьего в пасть не беру. Ох, не могу больше! Животики подвело! Убегу через черный ход, будто на прогулку — и пойду толкнусь в колбасные — может быть, где-нибудь и нанюхаю кусочек мясного...

* * *

Солнышко!

Представь себе, этот идиот, мой грузчик, выдумал себе новую забаву: курит сигару и пускает мне дым в самый нос... Fi! que cela est villain! Этому хаму не с собаками нужно обращаться, а с людьми. Кстати: вчера это грязное животное притащило фунт краковской колбасы, попробовало, покривилось и бросило всю колбасу мне! Ничего не понимает! По-моему, очень вкусно: хрящики, косточки, все порублено вместе. Кстати! не потеряла ли ты ошейник? Потому что в колбасе я наткнулась на обрубок ошейника — ну точь-в-точь твой. Посылаю тебе индюшиную косточку и кусочек телячьего языка. Целую в носик. Поцелуй от меня в каблук твоего товарища министра...

Твоя Диана

* * *

Это письмо осталось без ответа.

ПРОСТЫЕ ДРОБИ

Первая телеграмма Льва Троцкого — подлинная, на адрес украинских Че-ка:

«Мы не можем долее закрывать глаза на то, что происходит на Украине: крестьяне проявляют к нам явную враждебность и содействуют преступным попыткам Врангеля, Махно, Петлюры и др. вождей шаек, которым доставляют солдат, оружие, снаряды и продовольствие. Что делает Советская власть? Почему она не истребляет половины мятежного населения, чтобы заставить другую половину подчиниться?».

* * *

Следующая телеграмма — ответ Льву Троцкому, не особенно подлинная, но могущая быть и подлинной:

«Согласно вашему желанию истребили мятежную половину населения. Да здравствует Рабоче-крестьянская власть! Любящая вас Че-ка».

* * *

Через две недели новая телеграмма Л. Троцкого:

«Имею сведения, что оставшаяся половина населения наполовину испорчена белогвардейцами... Почему не вырвете с корнем эту испорченную половину половины населения?».

* * *

Ответ:

«Вырвали с корнем. Осталась четверть украинского населения, очень благожелательно настроенная к Советской власти. Остаюсь обожающая вас Че-ка».

* * *

Еще через две недели — новая телеграмма Троцкого:

«Опять имею сведения, что половина четвертушки населения замышляет восстание. Искоренить железом и кровью!».

* * *

Ответ:

«Искоренили и тем, и другим. Оставшаяся восьмушка населения приветствует вас. Крепко обнимаем и любим вас — Че-ка».

* * *

Через некоторое время — новая энергичная телеграмма Троцкого:

«За эти три недели половина здоровой восьмушки населения прогнила окончательно. Вырезать эту гангренозную часть!».

* * *

Ответ:

«Вырезали. Одна шестнадцатая, которая оставлена в живых, — лояльна на удивление.

Целуем вас в губки.

Че-ка».

* * *

От Троцкого:

«Черта с два лояльна ваша шестнадцатая. Половина из них — типичные врангелевцы. Распорядитесь!»

* * *

От Че-ка:

«Распорядились. По всей местности остались только подлинные коммунисты. Это одна тридцать вторая населения, но уж зато — будьте покойны: на совесть!».

* * *

От Троцкого:

«Телеграфируйте, из кого состоит это подлинно коммунистическое население?

* * *

От Че-ка:

«Население состоит из предс. Че-ка, двух секретарей, пяти агентов, шестисот китайцев (отряд при Че-ка) и полутора тысяч латышей (другой отряд при Че-ка). Все это население Украины приветствует вас и целует в губки. Да здравствует подлинная Рабоче-крестьянская власть!»

Перехватил переписку
Аркадий Аверченко

СЛОВА И МЫСЛИ

С некоторых пор в помещении ЦИК'а, где товарищ Троцкий произносит свои речи, — завелось странное эхо...

Обыкновенно эхо рабски повторяет всякий произнесенный звук.

Например, оратор говорит:

— По слухам..

И эхо послушно передразнивает:

— ...хам!

— Наши советские послы..

Эхо:

— ...ослы!

Но это, очевидно, было честное, старорежимное эхо.

Теперь же эхо, развращенное буйными речами, решило тоже самоопределиться, зажить самостоятельной жизнью, сбросить рабские оковы и, следя за словами оратора, повторять не эти уже произнесенные слова, а мысли, волнующие оратора, мысли, которых он никогда бы не осмелился высказать громогласно.

Поэтому вот каковы были отзвуки эха на последнюю речь товарища Троцкого.

Товарищ Троцкий, вдохновенно сверкая глазами и потрясая сжатыми кулаками, говорил:

— Товарищи! Мы завоевали свободу России с помощью крестьян и рабочих...

Эхо:

— Латышей и китайцев!

Троцкий: — И теперь, когда мы создали рай на земле...
Эхо: — От которого чертям тошно.
Троцкий: — Когда мы от периода разрушения перешли к периоду строительства...
Эхо: — Я, например, выстроил себе виллу в Стокгольме и домик в Будапеште...
Троцкий: — Когда должен наступить золотой век...
Эхо: — Для комиссаров, укравших золото из сейфов...
Троцкий: — Когда все наши взоры с надеждой устремлены на Запад...
Эхо: — Куда я скоро удеру!
Троцкий: — Когда мы увидим на Западе ослепительное сверкание...
Эхо: — Будут сверкать мои пятки!
Троцкий: — Когда мы уже раздавили Польшу...
Эхо: — Своими (одно слово неразбочиво. — *В.М.)*
Троцкий: — Когда красные полки рвутся вперед...
Эхо: — По домам!
Троцкий: — В это время на нашем пути осталось одно пустяковое препятствие...
Эхо: — На котором мы свернем себе голову...
Троцкий: — Это — Врангель! Неужели мы его не раздавим? Неужели на мой зов не откликнутся тысячи?..
Эхо: — Дураков!
Троцкий: -... Коммунистов, неужели красные солдаты не захватят Крымской земли...
Эхо: — По три аршина на каждого!
Троцкий: — Неужели я не увижу конца...
Эхо: — От намыленной веревки.
Троцкий: — Заканчиваю, товарищи, призывом: еще одно последнее усилие...
Эхо:... И все русское золото комиссары перекачают за границу!!
Присутствующие: — Бр-раво!! Ур-ра!!
Эхо: — Р-ратуйте! Кар-раул!

СВЕТЛАЯ ГОЛОВА

...Вся коллегия Совнархоза слушала оратора с затаенным дыханием. А он бросал слушателям слова острые, как кинжалы, и жгучие, как раскаленный уголь:

— Товарищи! Не закрывайте глаза на то, что происходит! Мы дошли до края... Если население столицы получает по восьмушке хлеба, по аршину материи на человека, если температура квартир не превышает 3–4 градусов ниже нуля-то куда же идти дальше? Я вас спрашиваю: где же выход? Голод и замерзание, агония и смерть!

— Отправимся к Ленину, — предложил кто-то. — Он умный человек — пусть укажет выход!

— Верно, пойдем! — зашумело собрание. — Сделаем ему краткий доклад — пусть что-нибудь придумает.

* * *

Ленин выслушал представителей Совнархоза вежливо, внимательно, входя во все детали.

Выслушав, кивнул головой:

— Теперь будьте добры, товарищи, резюмировать ваше заявление.

— Да что ж там резюмировать! Население не может питаться одной восьмушкой фунта хлеба, не может одеваться аршином материи, не может жить в температуре 3-х градусов ниже нуля.

Ленин глубоко задумался.

— Хорошо! — тряхнул он, наконец головой. — Полтора фунта хлеба на человека достаточно?

— Вполне!

— Отныне население будет получать по полтора фунта!

— Из каких источников?!

— Очень просто: надо отправить все весовые гири в палату мер и весов — для переливки. Действительно — спрашивается — на кой черт фунтовая гиря такая тяжелая? Ведь ею собаку можно убить. Разве можно? Что ей собака сделала плохого? Пусть гиря будет фунтовая — я не спорю — но не надо чтобы она была такая тяжелая! Ведь это все условность, товарищи! У нас будет свой, советский фунт — и тогда, пожалуйста! Хоть два фунта на человека, хоть три. Мало три фунта? Снова перельем гири. Пять получайте! Ешьте, жирейте — мне не жалко. Покормите едока так недельки три новыми пятью фунтами, потом взвесьте его этими же гирями — да ведь он пудов восемь будет весить! Это дядя Костя Варламов будет по весу! А сколько свободного чугуна

останется после переливки! Ведь из него можно пушек наделать да и палить в тех, кто будет рыло воротить от моей реформы! Видите, как все стройно выходит!

— Пожалуй, — согласился Совнархоз. — А как же быть с температурой? Ведь мерзнет народ.

— Опять-таки, товарищи, отрешимся от условностей. Почему ему кажется холодно? Потому что ртуть в термометре показывает 4 градуса ниже нуля. Значит, если бы ртуть показывала 15 градусов выше нуля — он был бы спокоен и доволен? Так? Так устроим ему это! Подольем ему ртути в термометр! И много ли там пойдет! Ведь ртутная трубка тоненькая, как волосок. Может быть, на весь красный Питер и десяти фунтов ртути будет предовольно. Да еще ежели моими красными фунтами взвешивать! Я ему, каналье, столько ртути наведу, что его в жар бросит!

— Допустим, — задумчиво сказали члены Совнархоза, — но что касательно аршина материи, то тут ни гирями, ни ртутью не поможешь.

— Совершенно верно! И вы сами в этом виноваты. Скажите, пожалуйста, — какой это дурак выдумал такой длинный аршин? Ведь ему конца нет. Шутка ли: целых шестнадцать вершков. Обрадовались, идиоты. Мы аршин укоротим до двух вершков, а вершки тоже укоротим и сделаем их тридцать два! Вот это подарок народу, а? То был аршин 16 вершков, а то — 32!.. Я что... Я для народа, для пролетариата ничего не жалею. А тот кусок железной палки, что останется свободным от прежнего аршина, — тоже не пропадет: кто будет критиковать эту реформу, по шее его остатком. По позвонкам его! Видите, как все стройно, как систематизировано.

— А как же после всех этих реформ бороться со смертностью?

— Как? Да никак. Смертности не будет. Скажем, съел человек мои полтора фунта хлеба, запутался в мои восемь аршин материи, взглянул на мой градусник и — притих. День лежит, два лежит, молчит — не шевелится. Жильцы сейчас — к участковому доктору: «Доктор, что с ним?? Неужели умер?». — «Ничего не умер. Простая летаргия». — «А, может, похоронить его?». — «Ничего подобного. Нет такого закона, чтобы летаргического человека хоронить. Пусть себе лежит». Видите, как просто?

— Послушайте... товарищ Ленин... А вдруг он начнет разлагаться?

— В такой-то температуре? При 15 градусах тепла на моем градуснике? Да этим летаргическим человеком ворота подпирать можно, а вы говорите — разлагаться! Его не уколупнешь!

* * *

Спускались с лестницы очарованные.

— Ну, и мозги же! — крикнул один.

— Да... — задумчиво согласился другой. — Много бы я дал, чтобы посмотреть, какого они цвета?

ГРАЖДАНЕ МИРА

В эти дни любые две дамы русского происхождения, встретившись, вместо «здравствуйте» говорят:

— Получили?

— Конечно.

— Заграничный?

— А какой же! Других не бывает.

— На чем едете?

— Думаю, у англичан на дредноуте устроиться.

— А он пассажирский?

— Товарно-пассажирский, с багажом берет.

— И куда едете?

– Представьте, я сама не знаю. Как-то все это не организовано, не систематизировано. Ведь заграница большая!

— А я, знаете ли, отношусь к этому научно. Муж достал прейскурант всех государств мира — из календаря выдрал, и я теперь могу выбирать.

— Родненькая, покажите!

— Видите ли, я не всем показываю. А то понравится та же страна, что и мне, — и все налезут. Но вам покажу. Есть удивительно красивые названия. Вот, например, Андорра. Только тесно, к сожалению. Всего 420 квадратных верст и жителей 523!

— Гм... жидковато.

— А вот это — как чудесно звучит: Сан-Марино!

— Сколько квадратных верст?

— Всего 54.

— Фу, какая гадость! А нет ли так, чтобы страна большая и звучало чтобы красиво?

— Венесуэла — нравится?

— Это где — в Америке? Нет, далеко! Что там еще есть?

— Гондурас не хотите?

— Напрасно вы так обо мне понимаете, Анна Николаевна. Я, кажется, не давала повода. Не ожидала я от вас. Небось, Францию не предложите...

— Милая, Франция очень затрепана — все собираются во Францию. А вот еще красивое название — Камбоджа.

— Да, это очень мило. Пожалуй, подходит. Подробности есть?

— Вот: Камбоджа — королевство в Индокитае. Король Сизоват. Пространство 85 000 квадратных верст. Главный город Пном-Пень.

— Вот это мне не нравится. Что это за название — Пном-Пень. Так что же, буду пномпенька? А король почему сизоват? Это цвет, что ли?

— Нет, имя такое — Сизоват Первый.

— Нехорошо! Если первый сизоват, то какого цвета будет второй?

— Тогда чего лучше — поезжайте в Коста-Рику. И страна красивая, и президент звучит — Рикардо Хименец. Или Никарагуа возьмите — опять же Альдо Диас. Или в Сальвадоре — Карлос Мендес. В Перу — Хозе Пардо, а в Чили — Хуан Сан-Фуэнтэс.

— Я вас не понимаю, Анна Николаевна! Почему вам так хочется спровадить меня в Америку? Почему так далеко?

— Странно, что вы не понимаете. Конечно, есть и более близкие страны, но туда поналезло столько наших, что если вы еще приедете...

— Очень вежливо с вашей стороны...

Тяжелая пауза.

— Послушайте, нет ли в вашем прейскуранте такой страны, которая была бы подходяща и по величине, и по красоте, и по географическому положению, и по климату... Есть такая страна?

— О, есть, конечно! Есть!

— Ну, ну?

— Россия!..

Пауза еще более тяжелая.

— Гм... Да... единственная подходящая страна, а жить там нельзя...

КУХАРКА ПОТЕРЯЛА МЕСТО

Керенский заявил себя решительным противником ген. Врангеля.

Из газет

Пока кухарка на месте — ее умиляет и приводит в тихий созерцательный восторг все, что исходит от хозяев: хозяйский младенец, хозяйская собачонка, хозяйкино треньканье на рояли, даже наружность хозяина, даже его голос, когда он по утрам орет: «Агафья, черт! Опять башмаков не вычистила?!».

— Ну, и сынишечка у вас, барыня, сущий ангел: уж такой хорошенький, что отдай все и ало. Умная у вас, барыня, фифишка — ровно человек смотрит. И на роялях вы играете так, что век бы слушала! Ах, до чего же наш барин вальяжный — ну прямо министр! Орел! И голос у него — ну прямо труба замечательная!

И вдруг — кухарке за какую-нибудь провинность отказали от места...

Усядется она за грязным самоваром в низенькой затхлой швейцарской и, прихлебывая спитой чай, почнет «мыть» бывших хозяев:

— Нешто это люди? Черти это, а не люди. Силов моих не было: младенец, чтоб ему родимчик, день-деньской орет, как недорезанный! А сама-то тоже, как почнет тарабанить ручищами по роялю — так собачонка ихняя препакостная в голос за ней выть начинает. Ей-бо, право. Сам-от орет, жена-дуреха орет, младенец орет и пес воет. Слушаешь, слушаешь — а чтоб вы на свою голову выли, треклятые! Семейка! Один разврат!

* * *

Пока Александр Керенский был при месте — не было мягче, благороднее и ласковее кухарки в доме. Не человек — шелк.

Отказали кухарке — пошла кухарка по всем парижским швейцарским бывших господ славить:

— Нешто это люди? Всюду царские генералы контрреволюцию садят, самоопределение малых народов в карман скрали, народушко скоро в ущемлении будет — глазыньки б мои не глядели!

* * *

Я думаю, что Мильеран уже не пускает к себе Керенского, и я понимаю его: вид этих обшарпанных, бедных родственников с голодным, завидующим всему блеском в глазах, вид этих красных лап без манжет, этот плаксивый, на все жалующийся голос — невыносим.

Но, забегая часто с черного хода, познакомился Керенский с Мильерановой кухаркой, а когда Мильеран однажды отказал ей от места за грубость — нашел себе Керенский в лице безместной кухарки — лучшего друга, коллегу и конфидента, с которым можно отвести душу, перемыть косточки прежних хозяев:

— Мой-то прежний, — бубнит кухарка, звучно прихлебывая с блюдечка. — Идольский характер. Вся экслебенская конференция с его плачется, верное слово.

Керенский криво улыбается:

— А наш-то Врангель, вы думаете, далеко от него ушел? Какое! Ему бы только контрреволюцию, только бы царя посадить, верное слово.

— Я тебе, Федорыч, правду-истину скажу. Ллойд Джорджто через его, через моего аспида, и уехал отдыхать в Швейцарию — чтоб мне завтрашнего дня не довелось увидеть!

Керенский опрокидывает на блюдце чашку, кладет на донышко кусочек сахару и, наклоняясь к кухарке, таинственно шепчет:

— А наш-то, слыхала? Диктатуру не прочь ввести. Царскими министрами себя окружает. Что ж это будет — подумать страшно! А ежели меня теперь обратно позовут — ни за что не пойду! Я-то без него проживу, а вот как он без меня повертится!..

И долго тянется за нечищеным самоваром нудный кухарочий, полный злобного, бессильного шипения разговор о своих серых, скучных кухарочьих делах.

Кто измерит бездны человеческого падения?!

ИСТИННО РУССКИЙ РЕНЕССАНС

Смешно даже сказать, с какого пустяка началось оздоровление России...

Некий грозный градоправитель в большом беспокойстве пребывать изволил. Именно — ему донесли, что некоторые граждане, забыв все завоевания февральской, октябрьской, первоапрельской и прочих революций, — стали напиваться вполпьяна, и в таком неподходящем виде шатались по ночам по городским улицам, оглашая сонный воздух разными светскими песнями...

Узнав об этом, градоправитель схватил перо и начертал суровый декрет:

«Запрещается напиваться и показываться в таком виде ночью на улицах города; запрещается орать песни, будя тем граждан. Виновные будут подвергнуты штрафу в 50000 рублей и суждению по законам военного времени».

* * *

— Ну, что? — спросил дня через три градоправитель своего помощника.

— Пьяные-с все. Орут по ночам.

— А штраф? А суждение по военным законам?

— Взыскиваем. Судим. Ничего не помогает. Каменные какие-то. Не прошибешь.

— А-а-р-р!.. — заскрежетал зубами градоправитель — Их не прошибешь? Нет-с, пришибу!!! расклейте сейчас же такой приказ: «Виновные в произведении шума и пении в пьяном виде — приговариваются к конфискации всего имущества, взятию семьи в качестве заложников и преданию суду по законам осадного положения». Ф...Фу!

— Ну, это вы уж хватили...

— А черт с ними! Что мне, детей у них крестить, что ли?

* * *

— Ну что? Тихо?

— И не говорите. Вчера напились, оделись в женские костюмы, разложили на площади костер и стали прыгать через него. У нас, говорят, нынче Ивана Купала. Это в авгус-

те-то... А потом взяли турецкий барабан, гобой и городскому голове кошачий концерт устроили... И имущества ихние мы конфисковали, и заложников из семейств набрали столько, что девать некуда.

— А-а... Так? В таком случае — вот вам короткий приказ: «Застигнутых на месте безобразия пьяных — тут же расстреливать!». Распубликуйте!

* * *

— Ну как? Помогло?

— Держите карман шире. Позавчера 18 человек расстреляли, вчера 22. И ухом не ведут.

— Да что они все?.. Сумасшедшие, что ли?

— Нормальные. Только извольте видеть: ко всему привыкли. Ты у него имущество конфискуешь, а он смеется; к стенке его ставить, а он папироску крутит и «ой-ру» насвистывает. Престранный народ. Я думаю, у них в мозгу какие-то мозоли натерлись от этих бесконечных «конфисковать!», «судить военно-полевым!», «расстрелять!». Новенькое бы что-нибудь.

— Ну, уж и не знаю. Сильнее ничего им, чертям, не придумаешь.

* * *

И в этот момент из-за какого-то канцелярского шкафа выполз совсем уж сивый старик — этакая канцелярская крыса, этакая приказная строка — и прохрипел:

— А вы их, этих ночных гуляк, 38-ой статьей припугните. Шелковые будут!

Все поглядели на сивого старика с недоумением.

— Какой 38-ой статьей?

— Да уж вы припугните. Там будет видно.

Пожал плечами градоправитель недоверчиво, однако взял перо, написал «виновные в ночных безобразиях в пьяном виде привлекаются к ответственности по 38-ой статье»...

* * *

— Ну, что в городе?

— Представьте, тихо. Ходят смирно, и лица как будто даже встревоженные. Не то они этой таинственной статьи испугались, не то... гм! уж и не знаю что.

Все захлопали, вытащили из-за канцелярского шкафа сивого старика, стали хвалить его, целовать, благодарить.

Он только смущенно кланялся и бормотал:

— Ну, как же-с... Дело верное.

— Да в чем же заключается эта ужасная 38-ая статья? — нервно спросил кто-то.

— А как же-с. По 38-ой статье Уголовного уложения раньше судили у мировых судей за нарушение тишины и спокойствия. И наказания были немалые: или десять рублей штрафу вкатить, или три дня на высидку... Помилуйте-с. Сурьезная статья.

* * *

Известный русский писатель сказал, что если зайца долго бить, то он может выучиться стрелять из пистолета.

А другой известный писатель (это, значит, я!) — говорит, раз зайцу более свойственно мирно кушать капусту и морковку — не учите его стрелять из пистолета, не бейте его, косого.

Дайте ему лучше покушать капустки ....

ЭСДЕКИ

От одного офицера-корниловца я услышал такой рассказ.

* * *

Во время боя с красными взяли мы в плен сотни полторы китайцев.

С этими у нас разговоры коротки или, вернее, — никаких разговоров.

Все расстреливаются.

Но на этот раз наши солдатики что-то позадержались около одного китайца: несмотря на весь мрачный трагизм обстановки, около него послышался такой веселый взрыв здорового смеха, что я заинтересовался и подошел:

— Что тут такое?

— Да вот поговорите вы с ходей, господин капитан... Ну, что с ним делать, с таким-то?

Это была, действительно, преуморительная желтая косоглазая рожа, хитро и весело всех оглядывающая.

— Ты кто такой? — спросил я.

— Я китайская, капитана. Больси не путу.

— Чего не будешь?

— Воевати.

— Я думаю!.. А ты знаешь, что тебя ожидает?

— Снаю, капитана.

— Ну, что?

— Шибко пухау, капитана. (Очень не хорошо). Помирайла буду.

— Ну, вот видишь, дурак ты какой... Кто же тебе виноват? Чего ж ты лез сюда? Ну, скажи мне теперь: ты знаешь, за что ты воевал?

— Снаю, капитана.

— Ну, за что?

— Са ладная Кубаня! (за родную Кубань).

* * *

Все наши эсдеки-меньшевики напоминают мне этого несчастного китайца.

Им иногда круто приходится: их не жалуют ни большевики, ни добровольцы.

Воюет такой эсдек, горячится на митингах, размахивает руками так, что подойти страшно.

А спросите его:

— Чего ж ты хочешь, голубчик?

— Во имя Третьего Интернационала, — не задумываясь, ответит он.

А что такое ему «Третий Интернационал»?

Та же «родная Кубань» для желтолицего китайца.

Легче всего быть эсдеком. Ему совершенно не нужно думать, за него уже все надумано, высчитано, взвешено, разжевано, и даже эта разжеванная жвачка в рот всунута:

— Жуй только.

И «упершись в землю лбом» жует правоверный рядовой эсдек смоченную чужой слюной жвачку...

Сегодня:

— «Классовая борьба».

Завтра:

— «Третий Интернационал».

Послезавтра:

— «Завоевание революции».

Пусть на меня заинтересованные люди не обижаются, но я во всей своей бурной, разнообразной жизни не встречал ни одного умного, широкого, великодушного, талантливого, эсдека.

Эсдечество — как будто патент какой-то на ограниченность, деревянность, на полное отсутствие фантазии, взлета ввысь, дара Божьего, яркой искорки, которая одна может озарить пол-мира.

Идеал его — восьмичасовой рабочий день, в который он в пять часов мог бы вяло исполнить трехчасовую работу, потому что эсдеческий символ веры — это равнение по самому бездарному товарищу.

Заметьте, что у эсдеков кроме большевизма нет ни одной интересной ереси, как это зачастую бывает с религиозными вероучениями.

Потому что для ереси требуется оригинальная, хотя бы и ошибочная мысль, требуется полет фантазии, своеобразное ухищрение мозга, увы — не дано все это эсдеку.

И вожди ведь у них неглупые были, до многого додумались, — но в этом-то все эсдеческое и несчастье: они, вождя эти, раз навсегда сделали за своих учеников и последователей всю умственную работу; они, как гениальный Эдиссон, изобрели гениальный механический граммофон...

И можно, даже должно — восхищаться гениальностью Эдиссона, но никто не придет в восторг от гнусливого «безрупорного граммофона», стоящего в углу самой убогой комнатки.

Сунули ему в пасть уже готовую пластинку — он и заговорил, и запел.

Такой же безнадежный оттенок механического штампа лежит и на всем эсдечестве.

Никто из нас не видел ни смеющегося, ни плачущего эсдека, никакой эсдек не сделал ошеломляющего безумства из-за любви к женщине, никто из них не сказал: «я хочу, чтобы моя родина была счастлива!», никто не пошалил

с ребенком, никто не вздохнул тихонько и печально, услыша музыку Чайковского...

Нет... Пластинка ему не позволяет... Она жужжит внутри его и шипит:

— «Третий Интернационал!» — «Классовая борьба!» — «Защищайте завоевания революции».

Что ему счастье родины?

Он сражается:

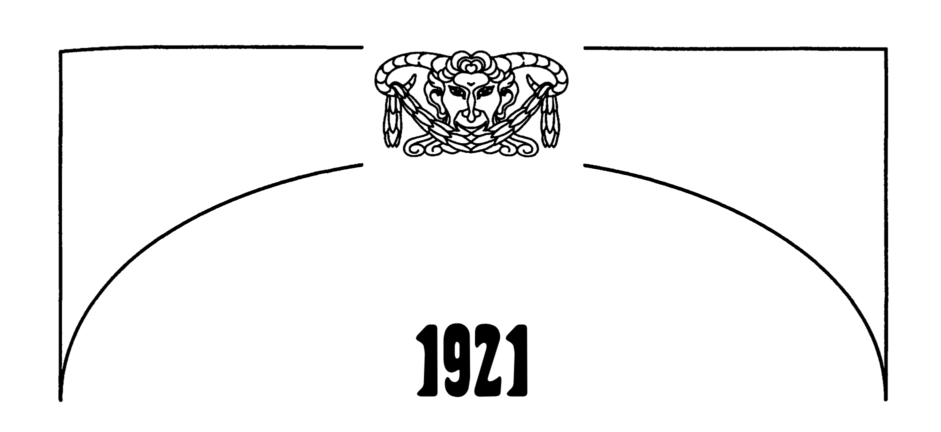
— За ладная Кубаня.

* * *

Впрочем, я не совсем прав: эсдек иногда плачет, а иногда даже пускается в пляс...

К сожалению, только сухая партийная программа совершенно изгнала из его души чутье и вкус как к слезам, так и к пляскам.

Не потому ли эсдек зачастую откалывает трепака на похоронах, и ручьем горьких слез разливается на свадьбе?

1921

салат из булавок

САМАЯ СВОБОДНАЯ В МИРЕ СТРАНА

Если граждане разбегаются из Петербурга и Москвы во все стороны, как соленые зайцы, то — ясное дело — надо их чем-нибудь привязать к месту жительства.

Как же это сделать?

Другой бы кто никогда и не придумал, а советская власть — сидела, сидела — глядь — и придумала!

Издан был декрет:

«Всякий, кто уезжает временно за границу, должен оставить вместо себя заложника, как гарантию своего возвращения».

А совсем на днях мы наткнулись в газетах на такой декрет: «Система оставления вместо себя заложников распространяется не только на отъезд за границу, но и при передвижении внутри России».

И верно. Кто сказал «А» — должен сказать и «Б». Как известно, всякий декрет вызывает практические приемы его применения:

— Здравствуйте, Егор Егорыч! А я к вам по делу.

— Представьте, и я к вам тоже собираюсь сейчас по делу!

— По какому?

— Нет, вы раньше скажите, какое ваше дело?

— Вы же хозяин, вы и говорите!

— А вы — гость, вам первая очередь. Так в чем же ваше дело?

— Не соизволите ли вместо меня заложиться? Я в Тулу за хлебом хочу смотаться.

— Смотрите-ка! Я тоже за таким же делом к вам собирался. В Клин решил прокатиться за картошкой. Можно вас заложить на сей предмет?

— Ну, что вы! У меня голодная семья ждет муки, как манны небесной, а я к вам в заложники полезу?

— А меня, небось, подбиваете заложиться за вас?

— Так ведь вы холостой.

— Это-то и хуже. Возьмут меня, повертят-повертят: «Что, скажут, его зря в тюрьме кормить! Человек он одинокий, никому не нужный — израсходуем-ка его».

— А так, не в тюрьме, вы думаете — гарантированы?

— Положим что. Но в тюрьме, говорят, голодом морят.

— А на свободе вы какие-такие разносолы кушаете?

— Положим что. Послушайте! А почему вам не заложить кого-нибудь из семьи?

— Кого-о? Жена уже заложена за брата, уехавшего в Берлин, свояченица сидит за дядю Владю, тетка Варвара — за своего возлюбленного Притыкина, удравшего в Опочку, а дети — такая мелочь, что их ни одна чрезвычайка не берет. «Это, говорят, такая мелкая рыбешка, что из нее никакой ухи не сваришь». Егор Егорыч, голубчик, согласитесь!

— Послушайте... Ну а если я сяду за вас, а вы вдруг вместо Тулы, да в какое-нибудь Монте-Карло? Что тогда?

— Ничего особенного. Ну, расстреляют вас, только и всего.

— Да, положим. Это такой пустяк, что и говорить не стоит. Когда закладываться?

— Послезавтра.

— Готово. Только вы мне, когда вернетесь — мучицы полфунта.

— Откуда же, голубчик? Сам только на полтора фунта рассчитываю.

* * *

Камень, брошенный в воду, дает от себя круги по поверхности.

Первый круг — резкий, сильный, потом следующие — все незаметнее, но шире, шире, шире...

Шваркнули камень в болото — «отъезжающие за границу — оставляйте заложников!» — и от камня пошли круги — все шире и шире:

«Отъезжающие в любой из городов России — оставляйте вместо себя заложников!»

Поплывет еще круг:

«Все, уезжающие в дачные места на лето — хотя бы за 20 верст — оставляют заложников!»

И еще:

«Все, уходящие на рынок, должны оставлять дома вместо себя заложников».

И венец этого стройного архитектурного сооружения такой.

В передней буржуазной квартиры топчется красноармеец, поставленный на тот предмет, чтобы помешать бегству хозяев из Советского Рая.

Из спальни выходит хозяин дома в халате.

— Вы куда, товарищ?

— Да вот сюда. Вот в эту дверь.

— А там что такое?

Хозяин шепчет что-то на ухо.

— Оставьте заложника, что вернетесь.

— Куда ж я денусь? Там и выхода другого нет.

— Знаем мы вас. А окно?

— Да ведь я в халате.

— Мало что вы в халате. Русский человек такая сволочь, что с третьего этажа из окна уборной голым убежит из Советской России за границу!

ЧУДАКИ

I

Моя жизнь, которую я целиком посвятил жестокому Богу — искусству — причудливо раздвоена: то я вижу себя сидящим за письменным столом в качестве писателя и редактора, то я вижу себя на подмостках театра, суетящимся, волнующимся, репетирующим как режиссер и актер.

Поэтому и воспоминания у меня бывают двоякие: литературные и артистические.

Одно такое воспоминание нахлынуло на меня по совсем курьезному и, казалось бы, неподходящему поводу:

В день спектакля мы в последний раз репетировали пьесу.

Суетня была страшная, нервность, повышенность тона у всех такая, что того и гляди или гранд-кокет расцарапает полированными коготками лицо безответному суфлеру, или комик задушит благородного отца.

И в один из таких наиболее острых по напряженности атмосферы моментов вдруг встает с дальнего стула молодой любовничек Рыкалов и, сжав голову руками, со страдальческим видом подходит ко мне:

— Вы подумайте! — простонал он, глядя на меня искаженным взглядом. — Какой ужас, а?

— Что еще?! — вскинулся я. — Неужели к вечеру костюм не будет готов? Предупреждаю...

— Да нет, не то...

— А что еще?!!!

— А Лермонтов-то... а?

— Что Лермонтов?!

— Двадцати семи лет убили! Ведь если вдуматься-то какой это ужас! Такому человеку и вдруг умереть 27-ми лет!

— Позвольте... — оторопел я. — Да вы это по какому поводу?

— Собственно, безо всякого повода. А сидел я, сидел — и вдруг так больно-пребольно сжалось сердце. Ведь 27 лет! Разве не ужас? Не трагедия?

— А пойдите вы к черту! — разъярился я. — Тут люди серьезным делом заняты, а он, накося, о чем вспомнил!!

— Ну, простите, — кротко сказал Рекалов.

Сейчас же, опустив задумчиво голову, подошел он к комику, распекавшему костюмера, и что-то шепнул ему на ухо.

— Чего? — обернулся комик. — Умер? Это который Лермонтов? Миша? Да тебе-то что?

— Я говорю, ежели вдуматься — так ужасно.

— Да его что — юбилей нынче, что ли?

— Юбилея нет.

— Так какого ж ты дьявола мне голову морочишь? Я тут делом занят, только что собирался костюмеру по морде дать — а ты с пустяками!

— Это Лермонтов, по-твоему, пустяки?!! Хорош же ты гусь, братец. Ты только постой... Вот сядь и вдумайся: 27 лет, полный сил человек, и вдруг...

Он отскочил от замахнувшегося комика и, удрученный, подошел к суфлеру.

— Простите, что перебью... Можно вас на минуту?

— Сейчас. «Ты меня никогда не любила, ты только играла моим сердцем, как...». Что нужно?

— Послушайте... Лермонтов-то, а?

— Что-о-о?

— Я говорю — вдумайтесь только... Умер! 27 лет и убили! Ведь это же ужас, трагедия.

Суфлер был добрый человек.

— Родственник, что ли? — сочувственно спросил он.

— Кто? Лермонтов? Писатель. Неужели не знаешь? В расцвете сил умер.

— Да тебе-то что? — удивился суфлер.

— Но я говорю, если вдуматься: 27-и лет убили, а? Ужас, ужас!

— Ведь не ты ж его убивал, чего ж тебе?

— Какие вы все жестокие, — тихо вздохнул Рекалов и, отойдя в сторону, стал что-то шептать на ухо комической старухе.

Плотники его толкали, ламповщик чуть не въехал ему концом лестницы в рот, а он шептал, шептал, и в глазах его виднелось страдание чистой, светлой души, впервые столкнувшейся с ужасом жизни...

II

Когда Ленин продал свою родину немецкому генеральному штабу за семьдесят миллионов марок золотом — никто даже не почесался.

Продал и продал человек. Значит, деньжата нужны были.

Но среди нас бродит чистая светлая душа не от мира сего — Владимира Львовича Бурцева, и он, как мой добросердечный актерик Рекалов, не может понять, почему все так спокойны, почему никто не вопит на весь свет об этой самой грандиозной подлости в свете!

Бродит Владимир Львович как неприкаянный по подмосткам, на которых происходит огромная репетиция будущего спектакля: взламывают дома, сейфы, вытаскивают чужое добро — тут же его сплавляют тароватым заморским купцам, тут же кто-то хлопотливо переделы-

вает храм на клуб для ком-алкоголиков, тут же у стенки кого-то весело и беззаботно расстреливают, а среди этой суматохи по горло занятых людей бродит светлый, чистый, страдающий Владимир Львович и тихо говорит всякому:

— Подумайте, какой ужас, а?

— Что такое? Опять бакинские фонтаны горят?

— Нет, не то. Если бы фонтаны... Ленин-то...

— А что?

— Собственную родину погубил, продал немцам за семьдесят миллионов!

— Послушайте, отойдите... Тут сейчас по приказу Совнаркома 82 человека расстреливать будут, а вы с пустяками...

— Послушайте... Читали, какой ужас (фрагмент вырезан цензором. — *В.М.*). А Ленин продал собственную родину, и немцы заплатили ему семьдесят миллионов.

— Так что ж они, вашими деньгами платили, что ли?

— Зачем моими?

— Так чего же вы волнуетесь, чудак? Охота себе печенку портить! Как вы думаете — дадут им концессию на соль и спички или отошьют?

И бродит, бродит светлой души чудак среди этого причудливого сообщества крокодилов, удавов и обезьян, хватает всех чистыми, дрожащими руками за красные лапы и шепчет, глядя искаженным страданием взором:

— Человек собственную родину за немецкие деньги продал, погубил ее, сгноил — и никто не обращает на это внимания. Никому нет дела. Разве это не ужас?...

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

— Мадемуазель, я люблю вас больше собственной жизни!

— Ах, оставьте... Что это, право...

— Я вас буду на руках носить, пылинке не позволю на вас сесть!

— Все вы, мужчины, так говорите.

— Я не такой, как другие.

— Меня уже столько раз обманывали...

— Те были нехорошие. А я, можно сказать, составлю счастье всей вашей жизни. Пылинке не позволю сесть. Молю о взаимности!..

— Смотрите... Если обманете — Бог вас за это накажет.

— Аншантэ! Пылинке не позволю сесть!

— Так вы меня действительно любите?

— Господи ж! Днями не сплю! Все время ваш очаровательный образ лезет в глаза. Пылинке не позволю сесть — осчастливьте!

Уговорил-таки.

* * *

После венчания, когда гости разошлись и молодые остались одни — она припала головой к его груди и, закрыв от истомы глазки, прошептала:

— Так ты меня очень будешь любить?

— Ну-ну, без нежностей! Терпеть не могу хамства! В котором ящике комода у тебя деньги лежат?

— Голубчик, что ты... Разве можно в такой момент говорить о деньгах...

— А вот я тебе как трахну по шее — так ты у меня не так заговоришь! Говори, кляча, где деньги?! Это что еще?! Слезы?!! Давно арапника не пробовала, а?

— Опомнись, милый! Ведь только вчера ты говорил, что пылинке не позволишь на меня сесть!..

— И не позволю! Как замечу пылинку — сейчас же палкой, как из ковра, выколочу. Где деньги? А то как пятки угольком сожгу — сама вместо комода наизнанку вывернешься!

* * *

Это, собственно, не роман, а кусочек русской истории.

Это — схема взаимоотношений России и Советской власти.

— Краса и гордость революции! — орал Ленин с балкона дворца Кшесинской. — Вас все время обманывали, все время обижали! Бросайте их, идите под мою высокую руку. Я всецело за народ, за счастье всех трудящихся! Пылинке, как говорится, не дам сесть!

Глупа, простодушна, наивна и доверчива русская девушка.

Свадьба была пышная — 740 винных погребов разбито, до тыщи человек в этих погребах в вине утонуло, а когда разошлись гости и остались одни молодые — жених наглядно показал невесте тот способ, благодаря которому с ее платья будут удалены все могущие осесть пылинки.

— Изверг, мучитель! Бить — бей, но зачем же до крови! Зачем норовишь сапогом в живот?!

— Я т-тебе все пылинки собью! Подавай свои капиталы! Я тебе покажу рабоче-крестьянскую власть!

* * *

До чего все это удивительно вышло — даже и сказать нельзя.

Будто понарочному.

Кто, собственно, поставил советскую власть? Рабочие, крестьяне, солдаты, матросы, батраки...

Даже так и главный совет назывался:

«Совет рабочих, крестьянских, красноармейских, матросских и батрацких депутатов».

А чем кончилось?

Русская советская власть заперлась в русском Кремле.

Кто на нее нападает?

Русские рабочие, русские красноармейцы, русские крестьяне, русские матросы.

Кто ее защищает, эту русскую власть в русском Кремле?

Венгерские венгерцы, немецкие немцы, китайские китайцы и башкирские башкиры.

Вся Россия, растерзанная, избитая, полусожженная — дико, истерически вопит на весь мир:

— Уйди, постылый! Силушки моей нету терпеть тебя!

— Я т-те уйду! — рычит «молодожен». — Я тебе так уйду, что тебя ногами вперед вынесут! Я с тебя все пылинки повыколочу!

Грандиозная картина, мировой боевик:

Огромная бескрайняя страна с пеной у рта, но с голыми руками, океаном человеков окружает небольшой островок, на котором ощерился стальной еж немецкой добротной работы: покрыт он щетиной из штыков, вместо глаз пулеметы, вместо рта — жерло пушки.

Выглянет раз своими пулеметными глазами — и ста человек нет, рыгнет пушечной пастью — и тысяча человек с оторванными головами лежат.

На спине у ежа огромная глазастая надпись:

«Я — власть рабочих, солдат, крестьян и матросов».

Толпится, волнуется кругом ежа человеческий океан из рабочих, крестьян, солдат и матросов.

В один голос ревет:

— Уйди!!

А он в ответ:

— Пли!

— Уйди!!

— Пли!

И вся эта ерунда в общем и называется:

«Классовое самосознание пролетариата».

Думаю я обо всем этом и так противно делается, будто мыла наелся.

САМОЕ СПРАВЕДЛИВОЕ

Ну, хорошо.

Предположим, большевизм провалился, и мы, которые неустанно три с половиной года боролись с ним, одержали верх. Может быть, победили не прямо. Может быть, косвенно. Всё равно.

Предположим, что Ленин, Троцкий, Луначарский, Дзержинский и прочие Чичерины не успели убежать. Их поймали.

Что же вы с ними, господа, будете делать?

Судить? Но согласитесь сами, что это будет комедия суда. Судят людей. Пусть преступник зарезал двадцать человек. Его нужно судить. Люди будут судить человека.

А кого же вы будете судить в данном случае? На суде нужны свидетели.

Как вы можете вытащить из земли десятки тысяч убитых, зарезанных, задушенных? Как вы выставите перед судом тысячи разрушенных фабрик, сто тысяч верст исковерканных железных дорог, миллион умерших от голода младенцев, где вы найдете те 70 миллионов марок, на которые была продана Россия?

Такой грандиозный процесс может устроить только один Господь Бог в Страшном суде.

А вы — люди.

Может быть, вы их просто «поставите к стенке».

Нельзя. Наказание не соответствует размерам преступления.

Другое дело, если бы расстрелянные Троцкие, Дзержинские через пять минут оживали, их снова ставили бы к стенке, снова бы расстреливали — тогда другое дело: может быть, через десять лет такой перманентной смерти они искупили бы одну десятую своих преступлений.

И то — это можно делать с людьми. А если гиена растерзала вашего ребенка — как можно наказывать гиену? Если она в лесу, на воле, если она угрожает жизни других ребят, — ну, тогда пристрелить ее — из соображений общественной безопасности. А если она уже попала вам в руки, если она обезврежена, — не лучше ли просто посадить ее в клетку для наблюдения, на поучение интересующимся зоологией человекам?

Если Троцкие, Чичерины, Ленины и прочие Луначарские попадут вам в руки — вот как вы должны устроить их судьбу:

* * *

Огромное, длинное здание в два света, типа грандиозного провинциального зверинца.

Посредине широкий проход для публики, по левой и правой стороне крепкие клетки, забранные толстыми железными прутьями.

На клетках — надписи на четырех-пяти языках (это и будет настоящий Интернационал):

— «Ленин, Владимир, хищное. Водится в темных швейцарских кафе. Осторожно. Просят руками не трогать».

— «Луначарский, Анатолий, из семейства хорьковых, так наз. Вонючка Американская. При чьем-нибудь приближении оборачивается задом и из особых желез выбрасывает едкую, зловонную жидкость».

— «Троцкий из семейства Бронштейновых, гиена-гробокопательница. В душные лунные ночи, приканчивая рас-

терзанный труп, иногда разражается хохотом, очень напоминающим человечий».

А вот огромная общая клетка с четверорукими человекообразными... На табличке подпись:

— Левые эс-эры.

Собраны самые замечательные экземпляры: с одной стороны смотрит — будто обезьяна, зайдешь с другой — будто человек. У всех усеченные лицевые углы и красные зады.

* * *

За вход — сто рублей, романовскими.

Публики — несметное количество. Толпятся около клеток, кое-кто на кончике зонтика сует кусок сырого мяса Лацису, кое-кто треплет по гриве кроткого, ставшего на колени Шаляпина.

Около клетки Троцкого наибольшее скопление публики.

— Он один в клетке?

— Нет, что вы! Вон у той стены самка с детенышем. Послушайте! что вы ему палкой в живот тычете? Все-таки живое существо.

— Я хочу, чтобы он Интернационал спел.

— Вот так он тебе и запоет, дураку. Они только на воле ревели, тут, брат, распоешься. Маничка! Бога ради, не суй руку за прутья!

— А что он мне сделает?

— «Что, что?». Хап! И нет руки. Национализирована.

— А я давеча к Нахамкесу пришел и гладил ручкой, стал он плечом о мою руку тереться, мурлычет, каналья, потом я хвать за боковой карман — нет бумажника! Национализирован.

— Хо-хо! Вот тебе и ручной!

— Да-с. Ручная работа.

* * *

В самой большой, длинной клетке лежит огромный, спокойный, мудрый крокодил — Ленин.

Около клетки — публике дает объяснения главный сторож при зверинце — бесстрастный Павел Милюков, историограф всего этого зверинца.

— Обратите внимание, — говори он, — на эту гигантскую амфибию. Она совершенно спокойна. Ее нельзя вывести из себя, нельзя разозлить. Вы можете, сколько хотите тыкать палками в этот толстый, лишенный нервов, панцирь, — старый крокодил не пошевельнется, не моргнет крокодильим взглядом. Но просуньте только руку между прутьев — гигантские железные челюсти быстро разомкнутся, молниеносный поворот костистой головы и вот уже ваша рука хрустит на безжалостных, как машина, зубах. А крокодил проглотил руку и — снова спокоен, снова бесстрастен, будто дремлет. О чем он думает?

Все притихли, все с интересом рассматривают страшное пресмыкающееся.

<Фрагмент не читается. — *В.М.*>

Перед пятью часами начинается общий оглушительный вой интернационала — значит, звери голодны, значит, пора устраивать кормление зверей, значит, перерыв до вечера, когда начнется вечернее представление.

* * *

Хоть бы раз будущая русская власть приняла мой совет, ей-Богу!

ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСОЛ

Действие происходит на итальянской границе, в таможне.

— Это ваши чемоданы, синьор?

— Мои. А то чьи же?

— Будьте любезны, синьор, открыть их.

— Что вы, с ума сошли! Эти чемоданы — посольские! Я полномочный посол Советской республики!

— И все-таки — откройте ваши чемоданы.

— Да вы знаете, с кем вы говорите?

— Не имею чести. Вы, собственно, кто такой?

— Я — Воровский!!

— Простите, я вас не о профессии спрашиваю, а о фамилии.

— Да это фамилия и есть. Самая русская, Воровский, Крадек — это все русское столбовое дворянство.

— Столбовое? Это как же понимать?

— А вот так и понимайте! Мы все в бархатной книге записаны.

— Это которая при антропометрическом бюро? Очень приятно. А чемоданы все-таки откройте.

— Я жаловаться буду.

— Ваше право. А чемоданы откройте.

— Ну, послушайте... Давайте поговорим по-хорошему: охота вам во всякой дряни рыться? Заверю вас честью Воровского, что в чемоданах всякая дипломатическая рухлядь: торговые договоры, условия на концессии, верительные грамоты...

— Не имею основания не верить вашему слову, синьор Громильский...

— Воровский!

— Вам виднее. А чемоданы все-таки откройте.

— Подавитесь вы! на! на! на тебе мои чемоданы! Запускай глазенапы, таможенная крыса! Пей мою Воровскую кровушку!

— Постойте... Что это у вас в чемодане? Никак, персидские ковры? И брюссельские кружева?

— Ничего нет удивительного. Это носильное платье.

— Да кто ж надевает на себя персидские ковры?

— Если вы ничего не понимаете в русских костюмах, так и молчите. У нас в России все так ходят: накинет на себя персидский ковер, обмотается кружевами и гуляет по Невскому, как дурак.

— А вот тут, в этом чемодане, жемчужное колье и бриллиантовая диадема...

— Это русский летний костюм. Когда жарко, мы в одном этом ходим. Все так ходят — и я, и Крадек. А теперь, раз вы убедились, что у меня только носильное платье...

— Вот еще последний чемоданчик... Санта Мадонна! Что я вижу? Корона! Настоящая царская корона!

— Моя корона.

— В... ваша? Собственная?

— Ну, да. Чего вы глаза выпучили? Вместо шапки ношу. Надену и буду гулять по Риму. Надо вам сказать, что я сам происхожу из царствующего дома Воровских...

— Так, так. Понимаю. Джузеппе! Стул его величеству! Тот давай, большой, что на спинке решетка!

— Позвольте, зачем же решетка?

— Так вы же пока будете сидеть к ней спиной... А мы в это время последний чемоданчик... Ого! Золото и платина. Как прикажете считать: носильным платьем, дипломатическими документами или...

— Запишите, как на карманные расходы. Вдруг сигарку захочется выкурить или стакан оршаду выпить...

— Разрешите все-таки мы это отдельно отложим... Придется сделать особый докладец...

— Послушайте! Но это уже переходит всякие границы!

— Кроме итальянской, синьор. Итальянской границы это не перейдет...

* * *

И не перешло.

Как известно из газет — Воровское посольство Совдепии уложило обратно свои кружева, персидские ковры, корону и бриллианты — и, рыча и отплевываясь, покинуло суровую негостеприимную итальянскую границу...

О ПОДЛЕЦАХ

Я полагаю, что всякий подлец после дневных трудов, оставшись ночью наедине с самим собой, — начинает мучительно завидовать честным людям:

— Ишь, черти, как хорошо устроились, — бормочет он, стягивая с ноги подлецовский башмак. — Ни врать им не нужно, ни изворачиваться. Что говорил вчера, говорит и сегодня — велика трудность! Правда-то одна, а лжей, может, тыща... <Фрагмент вычеркнут цензурой. — *В.М.*> Ему-то, честному, легко. Идет по улице и знает, что никто шапки кулаком не собьет, никто палкой по спине не отвозит, а попробовал бы побыть в шкуре нашего брата? Встречаешься с человеком, смотришь ему умильно в глаза, а сам думаешь: не этого ли я в прошлом году оболгал? Не этот ли сейчас начнет меня дубасить? И смеешься на всякий слу-

чай, загодя, заискивающим, серебристым, как фальшивый двугривенный, голосом...

Ах, трудно живется ихнему брату, подлецу!

* * *

Один приятель, занимающийся экспедиционным делом, вчера предложил мне:

— Не хотите ли познакомиться с одной газеткой? Издается в Финляндии, но русская. Ведет ее один бывший руководитель бывшего толстого журнала. Любопытная газетка. А вы, я знаю, человек вдумчивый.

И действительно, пожалуй, я человек вдумчивый... Потому что один только номер этой газеты навел меня на целый ряд посторонних мыслей, изложенных в начале.

Что за охота человеку быть подлецом, когда так легко быть честным человеком?

Правда, у подлеца есть свои преимущества и тихие радости. Честный человек, скажем, выпивает за обедом только кружку пива, а подлец вытягивает бутылку шампанского, которую он честно заработал своей подлецовской работой.

Так мне и кажется, что сидит руководитель гельфсингфоргской газеты за столом, пьет заработанное совдепское шампанское, а сам знай оглядывается: не заедет ли кто?

Для спокойствия под заглавием газеты он напечатал:

— «Газета беспартийная», а внутри развернулся таким пышным, ароматным цветком, что голова кружится от благовонья.

Передовая, например, начинается:

«Ваша газета, — пишет нам проницательный читатель, — стоит на верной точке зрения... Но она не указывает темных сторон современной русской жизни. Получается впечатление, что в Советской России — рай... Это возбуждает недоверие...».

Проницательный читатель, как видно из этого письма, остался все тем же, каким он был во времена Чернышевского. И теперь, как встарь, ему необходимо все разжевать и в рот положить.

А разжевание простое.

Россия жива и не только не гибнет, но творит новую государственную, общественную и экономическую жизнь.

А вся-то общественная и экономическая жизнь России сейчас только в том и заключается, что выдаются ассигновки на газетно-подлецовское шампанское.

Сколько нужно, например, наглотаться шипучей влаги, чтобы с таким умилением написать в отделе «Библиография» (?) о журнале «Тюрьма», издающемся в московской Таганской тюрьме, — единственном неофициальном журнале, выходящем во всей необъятной России.

Разобрав и полистав этот журнал с таким спокойствием, будто это не «Тюрьма», а последняя книжка «Современного мира», — газета с кротким сожалением добавляет: «В одном отношении первый номер журнала не вполне удовлетворяет, кроме стихов и статьи “Тюрьма и семья” мало еще отражены чисто психологические переживания заключенных».

Ах, вам, молодой человек, интересны их психологические переживания? Но ведь, живя в Гельсингфорсе, вы, конечно, знаете, что когда рабочие восстали в Москве, — половина заключенных Бутырской тюрьмы была расстреляна, восстали матросы в Кронштадте — еще какая-то порция во имя советской логики была выведена в расход.

Вы же знаете это. Почему же, сидя у себя в безопасном, удобном кабинете и почесывая кончиком пера свое подлецовское ухо, вы сознательно бормочете:

— Как жаль, что в симпатичном журнале «Тюрьма» мало отражены чисто (?) психологические переживания заключенных.

А любопытно было бы почитать, не правда ли? Этак, сидя за бутылкой оплаченного Дзержинским шампанского.

Однако самое классическое из всего номера «беспартийной газеты» я оставил на закуску...

Заглавие — «Из петроградских писем».

Посмотрим же, что нам пишут из деревни.

В русской прессе часто появляются отрывки из петроградских писем, но, подвергаясь черносотенной обработке, эти человеческие документы совершенно теряют свою ценность и вызывают только полное недоумение, как при описываемых условиях люди живут, а не умирают от голода и холода. Редакция намерена иногда знакомить читателя с письмами из России, но в том виде, как эти письма действительно написаны, без всяких тенденциозных сокращений.

Вот отрывки из письма скромной железнодорожной конторщицы, помещенного 10 февраля 1921 г.

«Цены на продукты с каждым днем повышаются. Хлеба и за деньги трудно достать, а если достанешь, то цена на него 3500 р. за фунт, масло столовое стоит 23000 р., картофель — 1200 р., мясо — 5500 р., крупа — 4300 р., мука ржаная — 4500 р. за фунт. Цены чудовищные. Но я это время не голодаю. Бог посылает X. — хорошо устроился и помогает мне. С места я ушла, так как требовалось дежурство».

Своего корреспондента редакция называет «скромной железнодорожной конторщицей»...

Я согласен, что она конторщица, иду даже на то, что она железнодорожная, но вот слово «скромная»... Как это понимать?

Не запутайся тут этот загадочный X., я бы ничего не имел и против скромной барышни и против ее письма.

Но тут все непонятно: с места ушла, фунт хлеба стоит 3000 рублей, но — на все время не голодно. Бог посылает. «X. хорошо устроился и помогает мне».

Еще бы!

Если под литерой X скрывается Луначарский или сам Троцкий, то Бог, действительно, хорошо послал скромной конторщице. Желаю, чтобы Бог послал ей еще и еще — но при чем тут голодающий, умирающий город. Ведь нельзя же, чтобы у каждого голодного или голодной были свой Икс или Икса.

Газете, однако, этого одного письма скромной конторщицы мало. Она приводит другое — столь же убедительное.

Та же конторщица пишет в марте, в разгар продовольственного кризиса.

«Обо мне не беспокойся. Я это время не голодаю. Сыта и есть дрова, хотя все безумно дорого. Цены кошмарные. Сейчас купила фунт мяса за 23 тысячи р. за фунт. Но хочется жаркого безумно. А в общем, родная, я уже привыкла к голоду и он меня не пугает: есть — хорошо, нет — и не надо. Уже как-то желудок привык ко всему. Да в это время X. хорошо зарабатывает».

Опять Икс! Невероятно он меня интригует, этот Икс. Что это за персона, которая «хорошо зарабатывает»? Кто

сейчас в Питере хорошо зарабатывает? Организатор танцульки или председатель «торговой делегации» или главный палач че-ка?..

Я, впрочем, вполне могу простить «скромную конторщицу»: она, очевидно, еще не вышла из того счастливого возраста, который фигурировал в письмах в редакцию «Задушевного слова»:

— «Милая редакция. Все говорят, что у нас голод, но это неправда. У меня есть X., который хорошо зарабатывает и кормит меня маслом. Милые подруги! Напишите, у кого еще есть Икс и хорошо ли он зарабатывает?

Муся, 20 лет».

Мусе я прощаю, но редакции гельсингфоргской газеты никак не могу простить, хотя и вполне вхожу в ее подневольное положение.

НЕЧТО ВОЕННОЕ

Один грозный владетельный герцог призвал своего министра и сказал ему:

— Пойди сейчас же в соседнее государства и от моего имени объяви им войну!

— Объявить войну?! Но они, ваше высочество, мне не поверят.

— Почему?

— У меня слишком доброе лицо.

У греческих министров, очевидно, лица совсем другого склада, потому что они в каждый момент не прочь объявить войну — и им верят.

Поверил им и Кемаль-паша, и теперь по всей линии идет самый оживленный бой.

Когда у меня плохое настроение, я люблю читать греческие военные бюллетени.

От них веет таким хорошим, бодрым духом, что прямо сердце радуется.

Продвинулись греки вперед — они говорят, что это очень хорошо; продвинулись назад — тоже, по утверждению греческого бюллетеня, совсем не плохо.

— Мы, — сообщают они с веселым лицом, — планомерно отошли назад, согласно с заданиями нашего главного командования.

Неопытный человек может подумать, что раз люди быстро откатились назад, — значит, им где-то впереди здорово попало, но мы, старые опытные вояки, знаем, что стратегия — штука тонкая и если отходят на заранее приготовленные позиции, то всегда «согласно искусному плану нашего генштаба».

Скажем, противник только что приготовился съездить вас по шее, только что сделал для этого некоторые расходы, только что поднял руку и замахнулся — а вы уже от него в двухстах верстах — и вяло, бессильно опускается поднятая рука, и настроение у противника от такой вашей хитроумной штуки падает, у него начинается деморализация, паника и он погибает, а вы в это время на заранее приготовленных позициях производите перегруппировку.

Вот почему так приятно читать греческие военные бюллетени.

У них всегда «все хорошо в этом лучшем из миров», а у турок все скверно — наступают ли турки или отступают, обходят ли турки греческие фланги, заходят ли в тыл, берут ли тысячи греческих пленных — все это совершается в строгом соответствии с планами греческого командования.

И еще хорошая черта: греческим солдатам воевать приятно, потому что — они ли поколотили турок — им объявляется в приказе благодарность; турки ли обработали их на обе корки — все равно греческое командование со слезами на глазах благодарит новоэллинских чудо-богатырей:

— «Солдаты! Отступив столь замечательно храбро на заранее заготовленные позиции, вы доказали, что вы великая, храбрая нация, и потомки со слезами и т.д.».

Греческие полководцы напоминают мне одного доброго друга моих юных дней, каковой друг однажды на моих глазах вступил в бой с приказчиком мелочной лавки. Признаться, бой был несколько односторонний, потому что, получив две-три увесистых затрещины, мой приятель, откатившись под мое крылышко на заранее заготовленные позиции, бодро и радостно подмигнул мне:

— Видел, как я его?..

— То есть — как «ты его»? По-моему, скорее «он тебя».

— Нет, видишь ли, это у меня был свой план: сделать вид, что я подставляю свою физиономию, а когда он сделает вид, что хочет меня ударить...

— Да ведь он же и ударил!..

— Что ты! Просто зацепился рукой за мою щеку. Я думаю, у него рука до сих пор ноет — так я хватил по ней всей физиономией... Будет знать, как связываться...

Нет, во всякой войне бодрость — великое дело.

* * *

Иногда мне кажется, что сокрушительные победы греков зависят от того, что они не любят менять главнокомандующих.

Есть у них один — Пулос — они его и держатся неизменно. Если что у них и меняется, то это только первая половина главнокомандующего, менее важная, а главное — Пулос — все-таки остается.

Если главнокомандующего называют Маргитопулос, через неделю Попондопулос, а еще через неделю Фостиропулос, то ясно, что Пулос — один и тот же, а передняя приставка меняется в связи с повышением главнокомандующего в чине за замечательные военные успехи.

Так я понимаю это.

* * *

В заключение один совет воинственным грекам.

Так как военное счастье переменчиво, то я предлагаю установить два твердых образца бюллетеня на тот и на другой случай:

1). Греческие войска потерпели блестящую победу.

2). Греческие войска одержали решительное поражение.

Мне, конечно, все равно, но греческим патриотам будет очень прията прочесть этакую тонкую штуку.

АМЕРИКАНЦЫ

Когда я был совсем крохотным мальчуганом — все стороны моего характера ярко указывали на то, что я вообще был малый не промах.

Хотя взять самую замечательную мою авантюру того периода: *я убежал в Америку.*

Правда, тысячи русских мальчишек ежегодно убегали в Америку, но я тогда не знал, что у меня так много единомышленников и в своем предприятии был совершенно одинок.

Всякие, кто в свое время был мальчишкой, прекрасно знает, как велика тяга мальчишки в Америку, а если кто этого не знает — значит, в нем текла кровь не храброго мальчишки, а трусливой девчонки.

Как сейчас помню подробности моей жуткой, отважной экспедиции: в полночь я встал с кровати и, хотя моя комнатка находилась в первом этаже, решил бежать через окно, спустившись на разорванной и свитой в веревку простыне, — как все знаменитые преступники — хотя прекрасно мог бы просто выпрыгнуть из окна на улицу.

Вооружения, амуниции и провианта у меня было предостаточно: в узелке лежал столовый нож, рогатка, карта Америки, выдранная из атласа Ильина, три сухаря, два пирожка с говядиной, полузасохших, полураздавленных — результат двухдневного таскания их в кармане штанов, потом спиртовая машинка, на которой старшая сестра завивала волосы, и нитка огромных ярко-голубых дутых бус.

Черт его знает, зачем я захватил эти чудовищные бусы, но они были такие хорошенькие, что не хватило сил их оставить, а кроме того наследственный коммерческий инстинкт подсказал мне, что эти бусы могут очень пригодиться при товарообмене с индейцами.

Для того же был захвачен и кусок красного кумача, бесцеремонно отодранный от трехцветного флага, коими украшались все дома в городе в царские дни.

Спустившись по простыне, я закинул узелок за спину и бодро зашагал к новой таинственной жизни, но через двести шагов остановился, уселся на скамейку под акациями и открыл крайне важное совещание с самим собой...

Куда меня понесет ночью? Все спят и, конечно, спят и матросы той шхуны, на которую я думал пробраться тайком, спрятаться в трюме и таким образом комфортабельно отплыть по назначению.

Нет, не попасть мне ночью на шхуну: все спят, сходни на пристани наверное сняты, а добираться вплавь мокро.

— Подожду рассвета, — рассудительно решил я. — Утром на пристани начнется суматоха, и я успею незаметно пробраться в трюм. А когда шхуна выйдет в открытое море — выползу из своего убежища и поступлю в юнги. Если же капитан откажет — взбунтую матросов, захвачу власть, — дело известное.

И вдруг, в самый разгар моего самосовещания — надо мной, как гром среди ясного неба, раздался знакомый голос:

— Это еще что такое? С какой это ты радости в глухую полночь торчишь тут... Что у тебя за узел...

Отец мой был не меньшим пройдохой, чем я: сразу же раскусил все мои авантюристические планы. Покрутил головой и деловито осведомился:

— В Америку?

— Да... Этого... Я ненадолго. Я скоро вернусь...

— Чем же тебе здесь плохо?

— Скучно. Пантер нету, индейцев нету, ничего нету.

— Н-да, брат, этим товаром не торгуем. Так, значит, в Америку.

— В Америку.

— Как же думаешь добраться?

— Юнгой поступлю. На шхуну.

— Еще чего. По росту тебя и в корабельные крысы не примут. Ты можешь, не нагибаясь, почесать нос о мое колено.

Собственно, было скорее наоборот. Не я был мал, а отец невероятно высок. По образному выражению одного моего знакомого, он был так высок, что для того чтобы высморкаться, ему приходилось становиться на колени.

— А зачем у сестры спиртовку спулил?

— А вы откуда знаете?

— Ну, еще бы. От твоего узла за версту спиртом несет. Не вернешься ли? Может, раздумал?

— Чего там раздумывать, раз решил — значит, так тому и быть.

— Ого, как здорово. Знаешь, что? Пошел домой, пока я тебя не выпорол тут же, под акациями.

Мелькнула мысль — защищаться ножиком и рогаткой. Мелькнула чудесная лучезарная Америка, покрытая травой,

бизонами, индейцами и пантерами... Мелькнуло желание вскочить и задать стречка, но... все это мелькнуло и погасло: отцовская рука держала мое плечо, как клещами.

С позором для меня пошли до дому. Постучались.

— Кто там? — услышали сонный голос матери.

— Американцы, — хихикнул отец. — Индейца поймал: на пантере по улицам скакал, от бизона удирал. Получайте сокровище. Расписки не надо ....

Утром сидел я, склонив голову над Америкой, выдранной из атласа Ильина, и, глядя затянутыми слезой глазами на эту чудесную территорию, изредка тыкал чернильным пальцем в тот или иной штат:

— Вот тут, наверное, сидят индейцы в засаде и поджидают бледнолицых американцев. Тут наверное пантера терзает сейчас антилопу, а эта тоненькая линия — гверильмы гуськом едут расправляться с янки.

Почему самое прекрасно в русском детстве — это грёза о далекой чудесной Америке?

Казалось бы, с годами это восторженное отношение должно исчезнуть, однако нет. Думаю я сейчас сию минуту об Америке, об американцах — и теплое чувство переполняет мою грудь.

Удивительный народ: деловые до мозга костей, носятся день-деньской на гудящих автомобилях среди стоэтажных небоскребов, жизнь их гремит так, что кажется — и гудка пароходной сирены не расслышать, ан нет: из-за тысяч верст донесется до них слабый русский голос «Помогите», и вот уже американец с деловым видом тут как тут. В руках карандаш, записная книжка, на устах лаконичный вопрос:

— Что нужно прежде всего? Накормить детей? Сколько душ? Молоко, шоколад, платье? А учебники есть?

Не потому ли русские дети всю свою детскую жизнь, как чувствительная магнитная стрелка, поворачивались в сторону Америки — что американцы так «по-деловому» относятся к русским детям:

— Что нужно в первую голову? Шоколад, консервы, молоко, учебные пособия? Этих двести детей запишите на Америку... И этих пятьсот тоже.

Вот тебе и пантеры. Вот тебе и кровожадные сиуксы!

* * *

В прошлом году в Севастополе Американский Красный Крест без рекламы, без шума, рисовки и треска — тихо, спокойно делал огромное дело: тысячи русских были им накормлены, одеты и обуты. И никаких удостоверений от участковых комитетов, никакой волокиты: стань в очередь и получай.

— Послушайте, — спросил я одного американца, — а вы не боитесь, что часть из того, что вы раздаете, — очутится в продаже на базаре?

— А не все ли равно, — спокойно, флегматично отвечал американец. — Может быть, тому, кто продаст, фунт мяса нужнее в данный момент, чем фуфайка.

Говорят, Америка — страна золота.

Очень возможно. Сколько там золотых сердец.

* * *

Совдепия предложила Америке заключить торговый договор. Америка вежливо ответила:

— К сожалению, пока у власти большевики — не можем.

— Почему?

— Потому что большевики мошенники и убийцы. С убийцами не торгуем.

— Но мы можем исправиться. Мы будем честными.

— Исправьтесь, действуйте от имени русского народа — тогда пожалуйста.

— Да мы и действуем от имени народа.

— Врете. Выйдите пока что из нашего дома — ваше присутствие портит чистый честный воздух.

Вот порядочный разговор порядочных людей.

Чехов утешал:

— И для нас небо будет в алмазах.

Такие мы несчастные, такие всеми брошенные, что иногда думаю я:

— Не те ли это алмазы, не те ли несколько десятков звезд, что рассыпаны на небесном фоне американского флага.

ПОЛОЖЕНИЕ, КОТОРОЕ ХУЖЕ ГУБЕРНАТОРСКОГО

Дело казалось, на первый взгляд, очень странным и как будто совсем непонятным...

Действительно:

Сидел человек мирно, никого не трогая, не задевая — в очень приличном ресторане и, съев с аппетитом котлетку Марешаль, кротко запивал ее бутылкой Мумм'а...

Вдруг подходит к нему другой человек, совершенно неизвестный, и говорит:

— Отдайте мне мой золотой портсигар.

— Что вы! — удивленно восклицает первый. — Я у вас не брал никакого портсигара.

— Отдайте мой золотой портсигар!

— В уме ли вы! Я вас первый раз вижу! Это, вероятно, ошибка.

— Верни портсигар, собака!

— Однако это переходит всякие границы. Какие вы имеете доказательства?

— На чьи деньги шампанское пьешь, каналья? На мои. На те, что с портсигара выручил.

— Вы пьяны!

— С чего? С той бутылки пива, которую я раз в неделю могу себе позволить в то время как ты мое шампанское хлещешь?

— Эй, хозяин! Метрдотель... Полиция...

— Ах, вот что! Так вот тебе хозяин! Вот тебе метрдотель! Вот тебе полиция!

Надо признать, что все эти три разнородных корпорации в толковании неизвестного чрезвычайно походили друг на друга: это были три простых пощечины, отвешенных с большим подъемом...

Заподозренный в краже портсигара поднял жалобный крик, позвали полицию и вскоре все это странное, загадочное, ни на что не похожее дело — поступило в суд...

* * *

Судья спросил обидчика:

— Признаете ли вы себя виновным в том, что 21-го в пять часов дня в ресторане «Бристоль» вы били водочной бутылкой потерпевшего по голове? Признаёте?

— Нет, не признаю. Ничего этого не было. Или, вернее, кое-что было, только наоборот.

— То есть как это наоборот. Не хотите ли вы сказать, что потерпевший вас бил?

— Ну что вы... Я бы не допустил. Кроме того факта, что я его бил — все наоборот. Дело было не в «Бристоле», а в «Отель Континенталь», и не 21-го в 5 часов дня, а 23-го в 12 часов ночи, и не бутылкой я его бил, а рукой, а потом стулом.

— Потерпевший! Что же это вы нам сообщили совсем другие данные?

— Простите, господин судья, — смущенно сказал потерпевший, вынимая записную книжку. — Я, действительно, кажется не ту страницу хватил... Вот у меня на 48-й... Нет, это тоже не то. Это было в кафе... А, вот, 63-я. Дело в «Отель Континенталь»... Гм... Рукой... Три раза... Стул... Да. Оскорбитель прав. Место и время указаны им точно.

— А что это у вас за записная книжка?

— Это так называемая «боевая книжка». Для порядка завел. Потому что такая масса дел скапливается — без записи трудно запомнить.

— Вы похитили у оскорбителя портсигар?

— Я его первый раз вижу, оскорбителя-то.

— Он похитил у вас портсигар?

— Да-с. Украли.

— Где, когда, при каких обстоятельствах?

— В Петрограде, в 1918 году, когда они взломали мой сейф в банке. Кража со взломом.

— Кто взломал?

— Большевики.

— А причем же здесь потерпевший?..

— Ну как же. Ведь он состоит полномочным послом Советской Республики при здешней дружественной державе...

— Да ведь не он лично воровал ваш портсигар из сейфа?

— Все равно, господин судья, — одна шайка. Одни воруют, другие укрывают, третьи сбывают. Отдавай портсигар, гадина! Такой был хорошенький золотой портсигарчик, господин судья, прямо до слез жалко. Подарок жены.

— А чем вы докажете, что потерпевший пил шампанское именно на эквивалент вашего портсигара?

— Предчувствие, господин судья. Как я глянул на него, на его бутылку, так сердце и ёкнуло. Пустили, думаю, черти, мой портсигар в оборот.

— Потерпевший... Что вы можете сказать в свое оправд... То есть, в обвинение обидчика?

— Что ж я скажу... Никаких я портсигаров не знаю, мирно себе сижу, вдруг подходит эта дама да стэком меня ка-ак...

— Виноват, что вы? Какая дама? Это мужчина!

— Фу ты! Простите... Это я спутал с делом № 9 от 17 числа. Да... Так вот сижу, вдруг — отдавай портсигар. Извините-с. Советское правительство платит мне жалование не портсигарами, а золотом в монетах — почем я знаю, откуда оно. Может, из портсигаров, а может из часовых цепочек или обручальных колец...

Судья задумчиво куснул собственную бороду...

— Гм... да... Положим. Дело, действительно, темное. Больно было?

— Не особенно больно, а только обидно. Посудите сами, что же это за жизнь такая: как русский беженец увидит — так прямо с кулаками лезет...

— А вы все-таки не особенно пейте шампанское на виду у всех. Конечно, им обидно: ободрали их, ограбили, выгнали из России, да еще на их же денежки тут за границей на их глазах попивают.

— Товарищ судья! Я вам скажу откровенно: вы думаете, я люблю шампанское. Да я бы с большим удовольствием перцовочки выпил или лимонной. Но вы читали циркуляр Ленина — он все газеты обошел — о том, чтобы советские представители за границей были всегда на виду, чтобы вели широкий образ жизни... От шампанского у меня всегда изжога — пью. Пла́чу — да пью. Кабацкой музыки терпеть не могу, а должен швырять оркестру деньги пачками. Заиграли они меня совсем, товарищ судья. От усердия один скрипку пополам перепилил, у меня ожирение,

мне доктор велел ходить побольше, а я должен покупать лучший в городе автомобиль и носиться в нем, как дурак, по городу. Я и то уж сижу, а сам внизу ногами перебираю, будто хожу — все-таки моцион. А вылезешь из автомобиля прогуляться — начинают колотить, как сидорову козу. «На автомобиле, — говорят, — разъезжаешь... Фамильное серебро у меня в Москве украл, да автомобиль купил». Горек наш хлеб, товарищ судья... Дома все время сидишь — представительства не получается... Выйдешь для представительства повращаться в свете — так тебя вращать начинают — что деваться некуда... Товарищ судья!

— Ну?

— Не знаете часом, где железные кольчуги продаются, которые непробиваемые?

— А Бог их знает.

— Я уж так и решил: если кто-нибудь еще тронет: обобьюсь весь железом, найму 50 человек вооруженной стражи — и буду в броневике ездить веселиться и представительствовать по всем ресторанам...

О ГРОБАХ, ТАРАКАНАХ И ПУСТЫХ ВНУТРИ БАБАХ

Как-то давно-давно мне рассказали забавный анекдот...

Один еврей, не имеющий права жительства, пришел к царю и говорит:

— Ваше величество! Дайте мне, пожалуйста, право жительства!

— Но ведь ты же знаешь, что правом жительства могут пользоваться только ремесленники.

— Ну, так я ремесленник.

— Какой же ты ремесленник! Что ты умеешь делать?

— Уксус умею делать.

— Подумаешь, какое ремесло, — усмехнулся скептически государь, — и я умею делать уксус.

— И вы умеете? Ну, так вы тоже будете иметь право жительства!

Прошли идиллические времена, когда рождались подобные анекдоты; настали такие времена, когда не только

скромные фабриканты уксуса, но и могущественные короли — не имеют права жительства.

Некоторое исключение представляет собой Константинополь: человек, который умеет делать уксус, здесь не пропадет. Искусство «делать уксус» в той или другой форме — все-таки дает право на жизнь.

Вот мои встречи с такими «ремесленниками, имеющими право жительства», неунывающими, мужественными делателями «уксуса».

* * *

Они сидели на скамейке в саду Пти-Шан и дышали теплым весенним воздухом — бывший журналист, бывший поэт и бывш... чуть по привычке не сказал — бывшая сестра журналиста... Нет, сестра журналиста была настоящая... Дама большой красоты, изящества и тонкого шарма...

Всем трем я искренно обрадовался, и они обрадовались мне.

— Здорово, ребята! — приветствовал я эту тройку. — Что поделываете в Константинополе?

Все трое переглянулись и засмеялись.

— Что мы поделываем... Да вы не поймете, если мы скажем...

— Я не пойму? Да нет на свете профессии, которой бы я не понял!

— Я, например, — сказал журналист, — лежу в гробу.

— А я, — подхватил поэт, — хожу в женщине.

— А я, — деловито заявила журналистова сестра, — состою при зеленом таракане.

— Все три ремесла немного странные, — призадумался я. — Делать уксус гораздо легче. Кой черт, например, занес вас в гроб?..

— Одна гадалка принаняла. У нее оккультный кабинет: лежу в гробу и отвечаю на вопросы клиентов. Правда, ответы мои глубиной и остроумием не блещут, но все же они неизмеримо выше идиотских вопросов клиентов.

— А вот вы... который «ходит в женщине»? Каким ветром вас туда занесло?

— Не ветром, а голодом. Огромная баба из картона и коленкора. Я влезаю внутрь и начинаю бродить по Пере, неся

на себе это чудовище, в лапах которого красуется реклама одного ресторана.

— Поистине, — сказал я, — ваши профессии изумительны, но они бледнеют перед карьерой Ольги Платоновны, состоящей при зеленом таракане!

— Смейтесь, смейтесь... Однако зеленый таракан меня кормит. Собственно, он не зеленый, а коричневый, но цвета пробочного жокея, которого он несет на себе, — зеленые. И поэтому я обязана иметь на правом плече большой зеленый бант: цвет моего таракана. Да что вы так смотрите? Просто здесь устроены тараканьи бега, и вот я служу на записи в тараканий тотализатор. Просто, кажется?

— Очень. Все просто. Один в гробу лежит, другой в бабе ходит, третья — при таракане состоит.

* * *

Отошел я от этой трудовой артели с очень стесненным сердцем, с очень тяжелым чувством, но, придя домой, сразу успокоился... Дело в том, что попалась мне в руки гельсингфорсская «беспартийная» газета «Путь» и наткнулся я в ней на вторую троицу моих знакомых:

1. Фальковского Федора
2. Кольцова Михаила
3. Иорданского Николая

Первый — бывший бесталанный сотрудник «Биржевки» и автор ряда пьес, которые проходили на сцену с таким трудом, как будто это не пьеса, а верблюд пролазил в игольное ушко.

Второй — напечатавший в моем «Сатириконе» два-три недурных стихотворения, — обитатель «Давыдки», богема, совсем этакий юный поэтик, ласковый, кроткий и услужливый.

Третий — солидный редактор солидного «Современного мира», писавший прилично, прогрессивно, но скучно до одури.

И сошлись они трое — такие разные — на одном «Пути». Что привело их на этот путь?

Когда я читаю «Известия» или «Красную газету» — мне просто скучно, сухо в сердце и во рту — будто гигроскопическую вату жуешь... Но когда я беру в руки «Путь», что-то тошнотворное, омерзительное подкатывается к горлу.

Уличная кокотка, с пеной у рта защищающая семейный очаг; привычный убийца, записывающийся в общество для защиты детей от жестокого обращения; шулер, с чувством декламирующий стихи Надсона — все это не так страшно, как страшна эта троица моих бывших знакомых, лижущая большевистские сапоги с таким остервенением, что остатки ваксы и грязи летят во все стороны.

Господи, Бог мой всесильный! Что довело их до этого? Ведь были же люди как люди, у Фальковского даже намечалось нечто вроде дружбы с Леонидом Андреевым, Михаила Кольцова всегда радостно и ласково встречали в нашей редакции. Иорданского читала вся интеллигентская Россия, если и не без скуки, то с уважением — какой же дьявол выжег эти три души и насыпал в выжженное место темного, липкого большевистского золота?..

И когда читаешь произведения этой троицы, то, что самое ужасное — в каждой строке чувствуешь:

— Ой, не мало ли мы солгали! Ой, достаточно ли заметно для наших хозяев облизали мы носок их сапога? Господи, сделай так, чтоб хозяева наши увидели подлость нашу и не обсчитали нас на эквиваленте!..

Мнешь газету, с отвращением бросаешь в угол и думаешь:

— Да здравствует гадальный гроб, виват тебе, баба из картона и коленкора, пою тебе осанну — зеленый таракан — идите свои путем, и благословляю вас за то, что никто из вас не свернул на Гельсингфорсский «путь»...

СМЕРТЬ МАРКСИСТА

У одного отца было три сына: старший умный был детина, средний был и так и сяк, а младший — вовсе был марксист.

В лето 1916 года младшенький пришел к одному знаменитому петербургскому профессору, утер пот со лба да и говорит ему голосом человечьим:

— Во-первых, очень жарко, во-вторых, мне этот жестокий полицейско-бюрократический режим смертельно надоел, а в третьих, не можете ли вы меня заморозить?

— То есть как заморозить?

— А очень просто: при помощи анабиоза. Я ведь знаю, что вы по этим штукам ходок.

— Для чего же вам понадобилось?

— Да, знаете, режим не нравится. Я ведь сам, изволите видеть, — марксист.

— Ну, что ж, — утешил профессор. — С другими еще хуже бывает. Крепитесь.

— Я и то. Да уж трудно очень. Хотел издавать марксистскую газету — не позволяют. Хотел среди рабочих пошататься, потолковать с ними о том, о сем — не позволяют. Дышать не дают. Решил на это тяжелое время заморозиться, а там, Бог даст, революция будет — вы меня отморозите обратно...

— Гм. На какой же вас срок заморозить?

— Годков на пять. Полежу, мороженный, отдохну. Над нами не каплет. А там, даст Бог, революция, свобода и тово...

— Семейный?

— Напротив. Два брата есть.

— Кто такие?

— Старший умный детина. Средний и так и сяк...

— А вы?

— Говорю же вам: марксист.

— Оно и видно. Ложитесь, что ли. Заморожу уж, что ли.

— Только потом отморозить не забудьте. Я-то знаю вас. Захлопочетесь, отвлечетесь другими делами, а я тут лежи.

— Будьте покойны, я вам такой механизм вставлю, вроде часового... Как пять лет пройдет, сразу оттаете...

— Пружина, значит?

— Во-во.

Заморозили марксиста, засунули под диван, чтобы не мешал, да и забыли о нем.

* * *

Весной 1921 года, когда пригрело солнышко, выполз из-под дивана марксист, пыльный, вялый, с видом полудохлой мухи, ожившей у оконного стекла. Потер лапками, огляделся — видит, сидит в уголку профессор, страшный, старенький-старенький, растрепанный, делает губами ему «тсс» и сухим пальцем грозит.

— В чем дело, дедушка? — испуганно прошептал марксист. — Что это у вас в углу за штука?

— Мышеловка. Мышку ловлю. Только вы не шумите, а то убежит — опять я без ужина буду.

— Наверное, сумасшедший, — соболезнующее подумал добрый марксист и, чтобы перевести разговор, сказал. — А я, дедушка, оттаял.

— И дурак.

— В каком смысле?

— В анабиозном. Лежал бы себе под диваном да лежал. Как говорится — лежит, хлеба не просит.

— А, кстати, о хлебе... Мне сейчас здорово есть хочется. Что бы такое пожевать?

Вскочил старик — седой, страшный, белые волосы дыбом растопырились, заслонил мышеловку да как завопит таково испуганно, таково злобно и бешено:

— Пошел вон! Пошел вон! Моя мышка! Моя!

— Спятил старичок, — качая головой, пробормотал марксист. — Вот тебе и анабиоз. Собственные мозги заморозил. Пойтить домой, что ли? Как-то у нас дома... Все ли живы-здоровы?

Вышел на улицу — что за оказия? Семь часов вечера, а Невский пуст — хоть шаром покати...

Страшно стало, заорал:

— Извозчик!

Дремавший шофер комиссарского автомобиля на углу встрепенулся и сказал:

— Ори, ори. Вот я тебя в Че-ку отправлю — покричишь там.

— В какую Че-ку?

— Какие бывают. Красненькие. В пробочную комнатку посадят — вот и зови извозчика.

— Может быть, вы меня отвезете домой, добрый господин?

— Ну, что ж... Можно. А наркому скажу, что в Главбенз за бензином ездил. Сколько дадите?

— Да рублей пять, что ли?

— Чево-о-о?

— Пять рублишек. Разве мало?

Молча шофер откинул дверцу, не торопясь вылез из автомобиля, молча дал марксисту увесистую плюху и, не торопясь, вернулся на место.

— За что?

— Не смейся, сволочь. Я думал, ты тысяч десять предложишь, а он — накось! Еще если бы золотой пятерик...

— А разве не все равно?

Молча откинул шофер дверцу, вылез, приблизился, дал полновесную затрещину, снова вернулся.

— Господи! А теперь за что?

— А не смейся.

Ничего не понял бедный марксист. Вздохнул и поплелся домой пешком.

* * *

— Гаврила! Здорово, голубчик!

— Барин! Да где ж это вы пять лет пропадали?.. Вот уж и видеть вас не чаял.

— Братья дома?

— Где там! Старшенького на мушку взяли, израсходовали, а средний в Бизерте живут.

— Что это за Бизерта?

— Бог-е знает. Не то в Африке, не то где...

— Гм... А квартира цела?

— Реквизирована. Замкомпоморде.

— По морде? Замком? Кого?.. За что?..

— То есть видите... Это их так... Сократительно. Заместитель комиссара по морским делам.

Потер лоб марксист:

— Как мне все странно представляется. Может, не совсем еще оттаял? Гаврила, голубчик... Дай мне поесть чего-нибудь.

— Где же я вам возьму, барин?

— Чудак. Я ведь не прошу тебя котлет де воляй или судак обернуар. Дай мне просто хлеба, молока. Яичницу зажарь...

Дворник вдруг освирепел:

— Я тебе так зажарю, что три дня вертеться будешь! Вам бы всё хиханьки.

Заплакал марксист.

— Не кричи на меня, Гаврилушка. Я был пять лет замерзнутый и теперь ничего не понимаю. Ну, дай мне кусочек хлебца. Гаврилушка...

— Да где же я его возьму, головушка моя горькая!

— А ты в лавочке купи, Гаврильчик! Вот тебе рублишка. Хлебца купи, колбаски...

Плюнул Гаврила, повернулся, ушел в сторонжу.

— Куда ж мне теперь идти? — тоскливо подумал марксист. — Главное, что я ничего не понимаю. Пойду домой, а там замкомпоморде. Пойду к профессору, а он мышь ловит. На улицу пойду — шофер колотит.

Присел на ступенечках собственного дома, поплакал.

Высморкался в платочек, побрел.

Опять Невский. Пустынно, жутко... Трах. Чуть не провалился — яма посредине Невского. Тсс... Кто-то идет. Прижался в какую-то впадину около Пассажа, пропустил... Двое прошли: в балахонах, с нагайками: не то киргизы, не то китайцы — и говорят не по нашему, а форма будто военная.

И так страшно сделалось марксисту, что не вытерпел он.

И раздался по всему Невскому исконный российский крик, тот крик, который испускают испуганные граждане, подобно ребенку, при всякой опасности кричащему «мама»:
— Гор-родовой!!!

Подошел какой-то с красной повязкой. Взял за руку:

— Так, так. Городового уже на Невском кличете. Пожалуйте в Че-ка.

* * *

— Вы кто?

— Такой-то.

— Ваше удостоверение?

— Вот паспорт.

— Этого мало. Где трудовая книжка?

— Я вас не понимаю.

— А я вас очень хорошо понимаю. У вас паек какой категории?

— Я вас не понимаю.

— А я вас понимаю замечательно. Социал-соглашатель! Саботажник!

— Никак нет. Православный.

— Может, вы сумасшедший?

— Никак нет. Я пять лет в анабиозе был. Замороженный. Нынче только из-под дивана вылез.

— Что ж мне с вами делать? Конечно, я вам верю. Анабиоз там, наука, прочее. Но поймите, что вы нам не подходите. Вы,

как шило из мешка, выпираете. У нас уже все обтерпелись, мы их постепенно приучили, а вас одного приучивать — это атанде-с. Товарищ Гнусис, выведите его в расход.

— То есть на улицу? — обрадовался марксист.

— Гм... Да... Там видно будет, — устало промямлил комиссар.

Вышли.

— Куда вы меня? — доверчиво спросил марксист.

— К стеночке, голубчик.

— Ну, спасибо. Мне бы прислониться. А то устал я — смерть как.

Глаза его слипались. Прислонился к стенке и пробормотал:

— Убейте меня, если я что-нибудь вообще понимаю.

Так и сделали.

БАОБАБ НА ПЕРЕ

Некоторые бывалые путешественники рассказывают (а, может быть, они и врут — Бог их знает), что в странах растет удивительное дерево: из земли выходит претолстый, в несколько обхватов, ствол; наверху, как это и полагается, он разветвляется; ветки спускаются так низко, что достигают земли; достигнув земли, эти ветки врастают в почву и пускают корни; корни эти выгоняют кверху новые стволы, которые, в свою очередь, разветвляются, опускают ветки вниз, врастают в землю, пускают корни, корни выгонят кверху новые стволы, те разветвляются и т.д.

Послушать путешественника — так одно такое дерево может разрастись на пять миль в окружности!

Называется эта сложная махинация якобы так:

— Баобаб.

Так оно или не так — утверждать не берусь, но я недавно уверился, что всякое константинопольское дело чрезвычайно напоминает баобаб.

Представьте себе — обыкновенный ресторан. Держал его один человек, как главный ствол, величественно торчавший из земли...

Но, достигнув высоты, этот главный ствол пустил в стороны несколько веток — пригласил в дело трех компаньонов.

Как известно, в Константинополе денег нет, но компаньонов можно найти сколько угодно.

А так как от компаньона, прежде всего, требуются деньги, то каждый компаньон для своей доли берет еще трех-четырех новых компаньонов, клятвенно обещающих денежные взносы.

Новые компаньоны и делают эти взносы, но не своими лирами, а лирами тех нескольких компаньонов, которых каждый отдельный компаньон группирует вокруг себя.

Яснее говоря — схема дела такова: Грипорису нужно на дело 600 лир. Он берет трех компаньонов — Шепелевича, Дракоса и Зурабова. С каждого, значит, по двести лир. Шепелевич, Дракис и Зурабов каждый приглашает в компанию четырех человек по 50 лир — имена же этих двенадцати трудно перечислить, потому что за пятидесятилирным Ломтатидзе или Алексомати стоят скромно десятилирные Фрумкин, Гогодзе, Скарлатинос, Панаиоти и Толстомятов.

В тот ресторан, о котором я говорил выше, я вошел однажды в самый разгар роста баобаба... Четырнадцать столиков были заняты полсотней людей, о чем-то таинственно шептавшихся, что-то составлявших, что-то подписывавших.

— Что у вас сегодня такая уйма народу? — спросил я кельнершу, удивленный...

— Это всё хозяева. Вон тот толстый — главный, эти три, потоньше, его компаньоны, а эта мелюзга — компаньоны этих компаньонов.

— Баобаб, значит? — спросил я.

— Чего-с?

— Я говорю: баобаб.

— Не знаю, посмотрю. Если есть в карточке — закажу.

Мы с недоумением поглядели друг на друга и разошлись. Я подошел к столику и спросил господина, иногда брившего меня в парикмахерской на углу:

— Вы тоже хозяин здесь?

— Нет, я компаньон. Только мне еще не хватает всей суммы. Хотите, я возьму вас к себе в компаньоны?

— А сколько не хватает?

— Восьми лир.

— Согласен. Мои условия такие: за это я получаю каждый день обед и ужин и чтоб оркестр играл вещи по моему

вкусу и выбору. Кроме того, моим друзьям 50 проц<ентные> скидки и...

— Обождите, я сейчас спрошу своего компаньона. Скарлатинос! Спроси Фрумкина, чтоб он спросил Гогадзе, пусть Гогадзе спросит хозяина — вот человек дает деньги на дело, чтоб только обед, ужин и чтоб оркестр...

Я отошел и спросил у кельнерши:

— Слушайте... Ну, вот эти десятки компаньонов: они подписывают условия с хозяином, друг с другом, с десятилирными компаньонами, путаются, перепутываются, ну — а вдруг дело лопнет! Как же они тогда распутаются между собой?

— А тогда просто: раз дело лопнуло и хозяину дома не платят аренды, он приходит и говорит: пошли вон. Все и уходят.

— Значит, баобаб очень портативный?

— Чего-с?

— Я говорю: портативный баобаб.

— Сейчас посмотрю. Если есть в карточке — закажу.

Мы снова с недоумением взглянули друг на друга и — разошлись.

ХОРОШИЙ ГОРОД
(О Константинополе)

Со мной случилась странная история: после восьмимесячного пребывания в Константинополе — я вдруг полюбил этот город...

И не со мной одним случилась эта странная история: многие из моих приятелей — один по одному — стали застенчиво признаваться, что и они полюбили Константинополь...

А до этого все ругали его взапуски.

Вышеназванный переворот во вкусах я могу объяснить только тем, что за восемь месяцев все кое в чем разобрались, кое-что отфильтровали, кое-что объяснили и простили.

Очень хороший город.

И я бы сказал после тщательного анализа: то, что от Азии, от Турции — то очень хорошо... Красиво, удобно, ласково и любопытно. То, что не от Турции, — гораздо хуже.

Очевидно, эту вторую половину мы раньше, не разобравшись, и ругали взапуски.

Многое хорошо: и шумливые базары, и тихие улички, и трогательные умилительные турки, жадно молящиеся в прохладных мечетях, и восточная истома и лень наряду с бешеной борьбой за существование, и даже этот немолчный ежечасный, ежеминутный рев торговцев под окнами, рев, доказывающий, что здесь до того всего вдоволь — что приходится надрывать глотку, если хочешь сбыть разборчивому покупателю свою рыбу, молоко, зелень или бублики...

И крики все такие красочные и так странно похожие иногда на русскую речь...

Один продающий какую-то снедь целый день неизвестно по какой причине орет:

— Бор-рис Годунов! Бор-рис Годунов!

Другой:

— Съел собак!

Третий:

— Умер артист! Умер артист!

А один раз, проснувшись утром от этой симфонии воплей, я вдруг услышал, что продают самого меня:

— Ар-кадий Аверченко, Ар-кадий Аверченко, — отчетливо доносилось с улицы.

Что это за кушанье — не знаю. Никогда не ел.

Но чаще всего выкрикивают такой товар, название которого совершенно нельзя опубликовать на русском языке.

* * *

Одна дама открыла мне новую прекрасную черту Константинополя:

— Понимаете, самый лучший город, по-моему: магазины открыты с раннего утра до позднего вечера, без всяких перерывов, а если и в 3–4 часа ночи вам захотелось купить чего-нибудь съестного, выкурить сигару или выпить лимонаду — так сколько угодно, хоть до утра. Я не знаю более удобного города для жизни.

* * *

А до чего симпатичная вещь, это праздник Рамазана. Праздник, который тянется целый месяц, кипучая ночная

жизнь, всюду свет, прекрасные теплые ночи, крохотные кофейни, рассыпавшие по всем тротуарам свои низенькие плетеные стулья — истома и лень, сидишь всю ночь — спать не хочется и даже говорить не хочется.

Прихлебывай из крохотной чашечки душистый кофе и любуйся бархатным звездным небом, делая как можно меньше движений, будто ты настоящий медлительный сын Блистательной Порты.

Домой не хочется. Век бы так просидел.

И простота нравов пречудесная: вышли мы как-то из ресторана вечером, без шляп, две артистки, бывшие со мной — простоволосые, у одной из них оказалась под рукой гитара... Сели на самом углу Пера на кофейные скамеечки, потребовали кофе, тихо запела актриса, пощипывая струны гитары... И никакой полисмен не запретил нам этого и даже проходящая мимо публика принимала это как нечто должное... А кто был около — стали слушать: и сам кафеджи и арабаджи и еще разные «джи», проходившие мимо...

Послушал кафеджи, вздохнул, хлопнул меня по плечу, сказал: «Корош русски. Русски кардаш» — и принес мне чашку кофе, категорически отказавшись от уплаты, ибо совсем он размяк, ибо не вынесла его лирическая мусульманская туркина душа русской песни под гитару...

Карош турки.

* * *

Приехал в Константинополь один русский большевик, которого я знавал по Петербургу еще до войны, — совсем приличный человек был раньше.

Ели мы в кафе мороженое, разговаривали... Я обо всем расспрашивал с лихорадочным любопытством.

<Фрагмент вырезан цензором. — *В.М.*>

— С одной стороны счастье трудящимся, с другой...

— С другой?! Пойдем на улицу!

Я бросил на стол лиру за мороженое, схватил его за руку и, не давая опомниться, вытащил из кафе.

— Куда вы меня тащите?

— Что вы сейчас ели?

— Мороженое...

— Хорошее?

— Чудесное...

— А это что такое?

Я ткнул пальцем в витрину гастрономического магазина: горы сардин, огромная в разрезе колбаса — мартаделла, три круга сыру — один на другом, бочонок сливочного масла, гирлянды сосисок, банка с паюсной икрой, склянка с какими-то анчоусами, пикулями, паштеты, окорока, ветчины...

— Видали? А это что? Видите, сколько здесь мужских рубашек по две лиры штука. А это вот материя на костюмы, а это чулки, воротники — целые горы матерчатого добра. А эту кондитерскую видите? Ну-ка, посчитайте, сколько здесь кексов, пирожных, сколько пудов конфект, сколько берковцев печенья?.. А семиты пробовали — вон на углу из-за них пройти нельзя, — целые горы поджаренных, хрустящих семитов (это булка такая), по 2 с пол<овиной> пиастра штука... А этого хамала видите, который с веселым видом, мурлыча что-то, тащит на своей дюжей спине зеркальный шкаф? А тех двух видите, что пианино волокут?

Коммунист немного смутился и спросил недоуменно:

— Я не знаю, зачем вы мне все это говорите?

— А потому я и говорю, что допусти мы сюда коммунистов, ведь это все будет взято на учет?

— Я полагаю. Для более планомерного распределения запасов в государственном масштабе...

— Взять бы этот масштаб, — грубо перебил я, — да этим масштабом Ленина по морде! Масштаб? А куда тогда денутся все эти горы говядины, сыру, масла, сахару и белья? На учет? Заколоченные магазины будут? Продавец семитов, издыхающий от голода на углу? Был ты в турецких банях? Хорошо? А ну явись вы сюда... Сейчас все банщики делаются председателями ревкомов, исполкомов, гортокомов; хамал, который, как муравей, тащит зеркальный шкаф или пианино — сделается солдатом особого назначения при Че-ка, да и пианино со шкафом пойдут на дрова, потому что дров здесь сколько угодно, но прикоснись вы к дровам — и нет дров, коснись вы сахара, хлеба, мяса — и нет сахара, хлеба и мяса... Счастье трудящихся? Жулики вы все, вот что!

— Виноват... Вы позволяете себя оскорблять меня...

— Я вас не оскорбляю! Вы же знаете, что о присутствующих не говорят. Вы не жулик, а просто дурак.

И извинившись таким образом — я приветливо распростился с этим человеком.

* * *

Хороший город Константинополь.
Пока.

ФОКУСНИК

В обществе веселящихся молодых людей существует один такой фокус, который неизменно показывают каждому новичку...

— Если вы мне дадите свой носовой платок, — говорит глава компании новичку, — то я берусь прожечь его на свечке и потом вернуть вам совершенно целым.

— Да что вы говорите? — изумляется новичок. — Как же так это можно сделать?

— Да уж сделаю — будьте покойны.

— И свечка будет настоящая? И огонь настоящий?

— Все самое настоящее.

— Неслыханно! Очень мне хочется посмотреть, как вы это сделаете...

— Так вот — давайте ваш платок — увидите.

Весельчак получает чужой платок, подносит его к горячей свечке и платок вспыхивает. Разворачивает весельчак платок — посредине огромная дыра с обгорелыми краями.

— Ну, посмотрим, осмотрим, — бормочет новичок, сгорая от любопытства. — Как это вы снова сделаете его целым?

— А вот сейчас... Смотрите: эйн, цвей, дрей. Гм. Гм...

— Что такое?

— Дело в том, что я забыл вторую половину фокуса. Первую — как сжечь платок — прекрасно помню, а вот самое главное — как его сделать целым — из головы вылетело.

И в тот же момент — целый дождь острот и насмешек опрокидывается на голову доверчивого новичка, получающего обратно платок с огромной зияющей дырой посредине.

* * *

Однажды явился один человек.

— Вот, — сказал он. — Я вам покажу фокус вроде как с платком. Дайте мне огромную страну, я ее сверну, как блин, поднесу к горячей свечке и прожгу насквозь — так что только одна дыра останется. А потом сделаю так, что страна будет опять целехонька — даже еще лучше.

— Да что вы говорите? — ахнул хором миллион социалистических дураков. — Неужели прожжете насквозь, а потом сделаете такой же, как раньше...

— Будьте покойны. Замечательный фокус.

— А ну-ка, ну-ка. Любопытно, в самом деле, посмотреть.

Уселся кругом миллион социалистических дураков, пооткрывал круглые, как печное поддувало, рты и ждет, затаив дыхание:

— Как это, дескать, человек из страны одну дырку сделает с обгорелыми краями, а потом — эйн, цвей, дрей — и снова страна целехонькая.

— Ну, глядите, товарищи, только сторонитесь, чтобы вас самих не обожгло.

Вспыхнуло пламя — и пошло полыхать, и пошло из конца в конец, из края в край, от моря до моря.

— Видите? Здорово?

— Бр-раво, товарищ. Действительно, первая половина фокуса проделана изумительно. Никогда мы не видели более огромной дырки на месте целой страны. Ну, теперь валяйте вторую половину фокуса — чтобы все сделалось снова целым.

— Сейчас, сейчас... Гм...

— Ну, что же вы приостановились?

— Да понимаете... вторую половину фокуса я позабыл.

Зияющая дыра с обгорелыми краями вместо России. Общая паника. Захлопнулись в ужасе круглые социалистические рты. Чей-то хохот со стороны.

А фокусник, как ни в чем не бывало, стоит посредине, затылок почесывает.

— Что ж ты это братец, а? — говорят ему. — Проштрафился так? Сжечь — сжег, а восстановить не можешь?

— Эко дело-то. Забыл вторую половину фокуса. Самую главную.

* * *

Кто может вымерить всю силу, всю глубину нашей злости, бешенства, ненависти...

Ну, подумать только:

Пришел никому не ведомый человек, противоестественная помесь Хлестакова с Малютой Скуратовым, тупой наглец, теоретический убийца, взломщик с «Капиталом» Маркса вместо фомки — размахнулся этой социалистической фомкой, рявкнул голосом зычным и безапелляционным:

— Свободная торговля вредна. Взять все на учет. Единственно, кто может торговать — так это только государство.

— Заводы, фабрики и дома национализировать.

— Уничтожить интеллигенцию.

— Деньги в социалистическом государстве не нужны. Уничтожить деньги.

— Уничтожить русских капиталистов.

— Отдать крестьянам землю, но за это они должны все излишки урожая отдавать бесплатно коммуне.

Пошла — поехала.

Завертелась машина, запылал платок в руке фокусника — одна дыра в руке, а по краям обгорелое место.

И через три с половиною года чешет себе затылок фокусник, бормочет под нос:

— Эка незадача. Дырку сделал, а вторую половину фокуса забыл. А, впрочем, попробуем.

И замелькали новые декреты.

— Я там этого... запретил свободную торговлю... Так я ошибся. Свободная торговля нужна.

— Я национализировал заводы. Интересно, что теперь выйдет.

— Жалко вот, что интеллигенцию уничтожили. Ах, как бы она бы теперь пригодилась...

— А деньги мы хотели упразднить совсем зря. Теперь наоборот попробуем чеканить металлические.

— Впрочем, и русских капиталистов мы зря задушили. Нешто иностранным теперь передать концессии что ли-ча?

— Опять же с мужиками совсем нужно было наоборот делать. А то бесплатно у них хлеб отбирали — перестало это проклятое мужичье сеять, такой голод развели, что скоро всех крыс и собак переедим.

* * *

Один мой знакомый, пожилой русский купец, мужчина истовый и серьезный, читал, читал газеты, да однажды как зарычит. Прямо медведь, которому наступили на лапу.

— Что с вами? — спрашиваю.

— Да моя бы воля, да я бы его по мордасам. В уголок бы отвел, поговорил по душам, а потом ка-ак стал бы его со щеки на щеку перекатывать...

— Господи, помилуй... Кого?

— А Ленина, чтоб его разорвало. Этакий мужчина три года мытарил, мытарил Россию, и верхом на нее, как на лошадь, садился и на себя, как шапку, нашлепывал, и округ себя, как поясом, опоясывался. А потом подмигнул, чесанул лапой затылок и признался: «А ведь совсем нужно было наоборот делать».

И вот взревел купец, как медведь с ободранным боком:

— «Наоборот нужно?!». Да скажи он мне это лично — так отвел бы я его в уголок, взял бы его за шиворот да этак, глядя ему в глаза, и сказал: «Наоборот нужно? Так что же ты такой-сякой, разэтакий с хорошей, с замечательной страной сделал?! Перекрутил, переломал, перегадил все, а теперь: простите, дяденьки, ошибку давал?! Ты по Марксу действовал? По Карлу? Ты по Марксу, а я тебе по мордасам! Да так бы, знаете, я его отвозил, чтоб рука занемела. Верите совести — по ночам снится, как я этого паршивца Володьку Ленина по-нашему, по-купецки, уму-разуму учу.

— Ну, это вы слишком, — возразил я.

— Конечно, слишком! А он — не слишком?!

И ушел черноземный русский купец, чертыхаясь и отплевываясь, а я смотрел на его широкую русскую спину и думал:

— Голос земли.

СВОБОДА ПЕЧАТИ

Иногда третьему молчаливо присутствовать при разговоре двух — истое наслаждение.

Я получил такое острое пикантное удовольствие в одном константинопольском ресторанчике, подойдя к знакомому

бравому генералу, сидевшему с неизвестным господином — смуглым, волосатым, в желтом пенсне.

— Познакомьтесь, — предложил генерал, и усы у него дрогнули от мимолетной усмешки. — Товарищ Цапкин — советский работник, коммунист.

Товарищ Цапкин крепко пожал мою руку своей влажной пятерней и сказал:

— Присядьте.

— Если вы не шутите, генерал, — усмехнулся я, — то это, пожалуй, самое редкое сочетание: русский генерал и русский большевик.

— Здесь почва нейтральная, — пожал плечами генерал.

— Да, нейтральная почва, — подтвердил коммунист. — В Константинополе все равны.

— Это не то, что в России, — уронил я, не сдержавшись.

— Да, Россия сейчас серьезная страна.

Оба — генерал и коммунист — искоса взглянули друг на друга...

Оба понимали, что будь это в России, то коммунист при малейшей возможности поставил бы генерала к стенке, а генерал в этом же случае приказал бы вздернуть коммуниста на первом высоком дереве.

А при данной обстановке оба мирно попивали красное вино и, налив мне бокал, мирно продолжали начатую раньше беседу...

— Вот вы, генерал, все говорите: всеобщее равноправие, власть народных представителей, свобода мнений, свобода мысли и печати...

— Ну и говорю, искренно верю, что так нужно...

— Чудесно. Значит, в вашей будущей России, если вы нас свалите, должна быть свобода печати?

— Обязательно.

Непередаваемое выражение лукавства появилось на лице коммуниста.

— Но ведь выходит, что в будущей России и для коммунистов должна быть свобода печати?

— А вы нам ее дали?

— Ах, значит, свобода печати будет неполная? Для всех, значит, можно — одним большевикам нельзя? Очень логично. Нечего сказать...

— Не забегайте вперед, товарищ. Я сказал, что вы у себя задушили всякую мысль, всякое свободное печатное слово — я сказал это вовсе не для того, чтобы поступить так же и с вами. Наоборот, в той будущей свободной России, как я ее себе представляю, *свобода печати будет полной.*

— Значит, и для нас, большевиков? — спросил просиявший коммунист.

— Ну, конечно. Раз полная свобода, значит, полная.

— Вот это благородно. Это справедливо. Значит, и в ваших белогвардейских рядах есть сознательные лица, понимающие, что мы такие же люди, как другие.

— Ну, какие же вы люди, — задумчиво возразил генерал. — Вы — постельные клопы, напившиеся крови и марающие белье. Вас кипятком надо шпарить.

Коммунист опешил и растерялся.

— Позвольте... Как же вас понять? То вы говорите, что нас уничтожить надо, то говорите, что разрешите издание большевистских газет?

— Конечно, большевистскую газету я разрешу.

— Но ведь в газете будут сотрудники, редактор — все коммунисты.

— Коммунистов повешу. Говорю же я вам — для счастья России их нужно, как клопов, кипятком шпарить.

— Но если вы всю редакцию «кипятком ошпарите», кто же будет выпускать газету?

— А других найдите, — беззаботно отвечал генерал.

— Значит, другим уже можно работать?

— Повешу.

— Послушайте, — вскипел коммунист. — Какая же это, к черту, свобода печати — газету разрешаете, а редакцию повесить хотите.

— Чудак вы человек. Когда шпарят кипятком клопов — ведь не постель же шпарят, а клопов? Сама постель здесь ни при чем. Газета дело хорошее, Божье. Газету издавай сколько влезет. А коммуниста надо вздернуть: это дело тоже хорошее, Божье.

Коммунист вскочил, возмущенный:

— Это черт знает, что такое вы говорите! Я не могу после этого сидеть с вами!

— Нет, стойте, голубчик, посидите, куда ж вы... Ведь я это только пока говорю, а вы делаете... ну, не сердитесь. Присядьте. Давайте рассуждать не волнуясь, спокойно. Вот вы потребовали для себя в будущей России свободу слова, но ведь сами-то вы ее не даете? Вот вы человек неглупый, со вкусом. Скажите, видали ли вы что-либо бездарнее, скучнее, лживее и наглее советских газет? А попробуйте выпустить не коммунистическую хорошую толковую газету... Так ведь и одного номера не увидишь. И набор рассыплете, и редактора к стенке поставите. Так почему же, если вы теперь обращаетесь так с талантливыми людьми, я потом не могу обратиться подобным же образом с тусклыми, вредными бездарностями? Если уж мы оба несправедливы, то справедливее и логичнее все-таки я. Ах да, кстати...

Генерал рассмеялся, и лицо его покрылось тысячью лучистых морщинок.

— Вот тоже по поводу свободы печати... Вы не читали телеграмму из Гельсингфорса? У меня и вырезочка есть. Так мне это понравилось...

Генерал вынул вырезку и прочитал:

«Из Гельсингфорса сообщают, что большевистское правительство обратилось через своего посла к финляндскому правительству с просьбой разрешить издавать в Гельсингфорсе газету, подобную “Новому пути”, выходящему в Риге, или “Новому миру”, издающемуся в Берлине.

Финляндское правительство ответило, что ничего не имеет против издания в Гельингфорсе большевистской газеты, гарантирует ей полную свободу распространения, но предлагает советскому правительству разрешить Финляндии издавать русскую газету в Москве, гарантировать ей распространение.

Советское правительство на такую взаимность не согласилось».

— Смотрите-ка, — восхищенно сказал генерал. — Такая маленькая страна, а оказалась умнее больших. И так просто: «Ах, вы хотите издавать у нас в Финляндии большевистскую газету? Пожалуйста. Только уж и мы у вас в Москве будем на свои финские средства издавать белогвардейскую газету...». «Помилуйте! Как же белогвардейскую и в Москве?! Это невозможно!» — «Невозможно? Так и проваливай, жулье несчастное. Много вас тут, шулеров, шатается». Вот

это страна. Вот это логика. А большие державы... гм... Нет, лучше в Константинополе об этом не говорить. Товарищ. Выпьем за умную логичную Финляндию.

Мы трое чокнулись.

И по нашим лицам было ясно видно, что генерал и я пили вино, а товарищ — уксус...

ЖИЗНЬ КАК В РАЮ

Вы помните в «Отцах и детях» первый приезд Базарова и Аркадия Кирсанова к Одинцовой?

«...В великолепной передней приятелей наших встретили два рослых лакея в ливрее; один из них тотчас побежал за дворецким. Дворецкий, толстый человек в черном фраке, немедленно явился и направил гостей по устланной коврами лестнице в гостиную.

В это мгновение вошла хозяйка. На ней было легкое барежевое платье; гладко зачесанные за уши волосы придавали девическое выражение ее чистому и свежему лицу.

— Благодарствуйте, что сдержали слово, — начала она...»

. . . .

Так писал Тургенев в 1861 году.

А доживи он до нашего времени? Как бы он описал ту же самую сцену, если бы его герои жили в Бердичеве?

Так:

«Приятелей встретили два рослых лакея в ливрее и босиком. Дворецкий, толстый человек в черном фраке, шлепая босыми ногами, немедленно явился и направил гостей по устланной коврами лестнице.

— Удобно ли являться в первый раз в таком виде? — спросил Кирсанов, иронически оглядывая голые худые ноги Базарова.

— Если она умная баба — так поймет, — угрюмо сказал Базаров.

В это мгновение в гостиную вошла Одинцова. На ней было легкое барежевое платье, из которого по щиколотку виднелись белые босые ножки.

— А! И вы босиком? — спросил Базаров.

— Да, как же. Всю обувь сдала в комиссариат на лето. Осенью обещали вернуть ....

— Что за ерунда! — сказал читатель, широко раскрыв глаза. — Глупый бред какой-то!

Нет, душечка-читатель, голубчик мой, не бред!

Тургенев как бытописатель не мог бы иначе описать своих поэтических героев, если бы имение Одинцовой находилось в 1921 году в Бердичеве.

Вот правдивая телеграмма:

ВАРШАВА (Русспресс). Украинские газеты сообщают, что 10-го мая советской властью в Бердичеве было опубликовано распоряжение о том, что летом все должны ходить босиком. Всю обувь предписано сдать в комиссариаты, откуда она имеет быть возвращена осенью.

Совсем жизнь как в раю: тепло — содрали с населения башмаки. Ходи босиком! Будет жарко, одежонку с населения сдерут — ходи голый!

* * *

Это внутри.

А снаружи, за границей, советский представитель в Стокгольме Керженцев устроил банкет, стоивший 57000 франков...

Столы утопали в цветах; лучший в городе оркестр играл цыганские романсы.

Газеты приводят и меню обеда:

Сандвичи и пирожки.

Консоме де вомейль.

Кулебяки.

Филе соль по-гаврски.

Молодой картофель.

Барашек бризе с мадерой.

Грибы в сметане.

Яблоки шато.

Молодая спаржа.

Слоеный пирог-тысячелистник.

Мусс-ваниль.

Хорошо, если бы на этот бал советских фрачников явились бы россияне из глубины социалистического отечества и отхватили бы перед изумленными гостями танец живота босыми пятками...

ДВЕ ВЛАСТИ
(золотопогонники и рабоче-крестьянская)

Как я счастлив, что никогда не был и не буду политиком.

Совершенно не умею заниматься этим делом. Еще более я счастлив, что Бог и природа наградили меня очень недурной способностью: посредством ряда начертанных на бумаге знаков — довольно связно излагать свои мысли...

Может быть, эти мысли отчасти ребенка, отчасти — поэта. Но ведь всем известно, что дети и поэты чаще других говорят правду.

Кто как не ребенок первым заметил и громко, честно, во всеуслышанье крикнул:

— А ведь король-то голый!

Теперь, когда весь мир наполнен «голыми королями» — такие откровенные андерсеновские ребята — сущий клад для человечества.

Все взрослые люди типа Зензинова, Милюкова и Минора — все эти бородатые дяди, все Керенские, Абрамовичи, Черновы и Мартовы смотрят издали на «короля» и, поглаживая усы, тихо перешептываются друг с другом:

— Платье немного более красное, чем надо, но фасончик ничего, — во всяком случае, более приемлемый, чем прежний золотопогонный...

— Да уж эти золотопогонники, — укоризненно кивает головой Чернов. — Не дай-Бог вернутся!

— Господи! — кряхтит Минор, — все, что угодно — пусть самая багровая, самая пурпурная мантия на короле, но только не эти золотопогонники, угнетатели народа...

Вот тут-то мне, пылкому, порывистому крошке, и хочется крикнуть им на ухо, да так пронзительно крикнуть, чтобы все вздрогнули:

— Бородатые! Усатые! Лысые! Седые! Ослепли вы, что ли? Да ведь король-то голый!

Я хоть и дитя, но бездоказательно говорить не люблю... Для всех, кто так панически боится возвращения золотопогонников, для всех, кто измазанное кровью опухшее тело принимает за красную королевскую мантию, — я приведу несколько отрывков из летописи, а что эта летопись правдива, проверьте у Милюкова — ведь он пишет объемистую историю России за последние годы. Он все знает!

I. Золотопогонная Дума и рабоче-крестьянская Учредилка

После 2-й Думы задумали золотопогонники изменить избирательный закон... Позвали умнейших, хитрейших и сказали:

— Пополам перервитесь, а сократите это дело...

Самый опытный цирюльник оказался — Крыжановский... Он так ловко подстриг, так ловко подбрил, так незаметно кое-где выпустил, кое-где обкарнал, что вся печать завыла от ужаса и негодования...

Ругали последними словами и золотопогонников, и новый закон 3-го июня, а больше всех влетело Крыжановскому. Ни один парикмахер не получил такого гонорара.

Было тогда времечко, когда хоть и с оглядкой, но могли изругать любого золотопогонного человека так, что от него комок мочалы оставался.

И вот засияло наконец-таки над Россией теплое солнышко Учредительного собрания.

У рабоче-крестьянской власти нашелся свой Крыжановский, но более опрощенный, более, так сказать, «рабоче-крестьянский».

— Нет такой компании, которая бы не расходилась, — сказал матрос Железняк, разгоняя Учредительное собрание.

Это тебе, брат, не Крыжановский, который, может быть, месяца четыре бился, исписал, может быть, четыре стопы бумаги для того только, чтобы утянуть из-под носа избранников частицу их прав и привилегий.

Новый Крыжановский ничего не писал и едва ли вообще изощрялся в умственных комбинациях.

Просто захотелось человеку спать, он подошел к председателю и, помахивая винтовкой, просто, прямолинейно заявил:

— А ну вы, шпана, геть по домам! Расходитесь, что ли! Спать хотца...

И выгнал всех.

И разошлись.

Может быть, председатель Чернов для очистки совести и сказал, как говаривал, бывало, Иван Александрович Хлестаков:

«Но, но! Вы не особенно... Со мной, вообще, не советую»... Однако ушел. И все ушли. И убежали. За границу убежали.

Не знаю как кому, но мне, прямолинейному ребенку из Андерсоновской сказки — больше нравятся золотопогонники, чем рабоче-крестьянская.

Я предпочитаю золотопогонников.

II. Дипломатия

Видали ли вы когда-нибудь фотографические снимки мирных конференций? ....

Такие хорошенькие.

Все присутствующие во фраках или золотых мундирах, у всех ордена, ленты через плечо — и даже на фотографиях видно, как все вежливо, солидно разговаривают... Можно разве допустить, чтобы какой-нибудь иностранный дипломат стукнул кулаком и заорал на Сазонова:

— Чего развалился?! Когда я говорю — прошу встать!

А мы все знаем одну мирную конференцию, на которую прибыла жирноволосая, немытая Биценко в грязной кофточке (по-моему, не бабье это дело по конференциям шататься...).

И когда генерал Гофман стал говорить о своих полномочиях, полученных им от кайзера, а большевики в это время сидели, то вот что говорит беспристрастная летопись:

«Когда большевистские дипломаты при упоминании о кайзере остались сидеть — генерал Гофман стукнул кулаком по столу и закричал: “Прошу встать”. И все большевики встали, и бедная, затрапезная Биценко тоже встала».

Хорошо еще, что сердитый Гофман стукнул кулаком только по столу, а не по голове ближайшего русского дипломата...

Не знаю, как вы, а я больше предпочитаю бывших золотопогонных дипломатов.

III. Искусство

Я имел удовольствие редактировать свой «Сатирикон» и при золотопогонниках и при рабоче-крестьянской власти.

Ах, как меня жали золотопогонники...

Бывало, выругаешь генерал-губернатора или министра — штраф. Целых 500 рублей.

Нарисуешь карикатуру на Распутина — с цензурой целый день приходится торговаться, пока пропустят*.

---

* В «Сатириконе» за все время было напечатано три карикатуры на Распутина. — *Примечание Арк. Аверченко.*

Семь потов сойдет, пока протащишь через Главное управление по делам печати эту немудрую штуку.

Как, бывало, острая политическая тема — так мы торговались с цензурой, будто два маклака из-за кривой лошади.

Тяжелое было время.

А рабоче-крестьянская власть оказалась проще.

Нарисовал я в своем журнале «Барабан» карикатуру на Брест-Литовский мир — хлоп! Так двинули ногой по «Барабану», что одна зияющая дыра осталась.

Кроме дыры, остался еще «Сатирикон». Нарисовали мы в «Сатириконе» карикатуру на Троцкого, который рабоче-крестьянам речь держит — так за это двинули сапогом по «Сатирикону» так, что я со своими сотрудниками два года из Петербурга бежал!

И от пустяка мы бежали — от Гороховой, 2.

Так после такого со мной обращения «рабоче-крестьянской», для меня золотопогонник приятнее родного любимого дяди!

Потому что, ежели выбирать из двух, то я предпочитаю, чтобы мне на ногу наступили, чем снесли полчерепа наганом.

IV. Унутренние враги

Недавно в газетах были описаны последние часы революционера Каляева, приговоренного золотопогонниками за убийство великого князя — к смертной казни.

Был суд. Серьезный, солидный, со свидетелями, с адвокатом — много было пышной церемонии.

Приговорили человека к смертной казни, свезли в крепость, а сами заготовили приказ о помиловании.

— Ежели — говорят — он попросит помилование, то мы смертную казнь отменим.

Стал адвокат умолять.

— Просите помилования! Ведь вас не заставляют отказаться от своих убеждений, а только просите о сохранении жизни.

— Не желаю. Не хочу унижаться перед золотопогонниками, — отвечал пылкий революционер.

И умер он, бедный, во имя рабоче-крестьянской власти.

Любопытная подробность: золотопогонники почему-то не хотели допускать адвоката Жданова присутствовать при казни его подзащитного...

Сносились для этого с департаментом полиции, хитрили в министерстве внутренних дел — много было пролито поту.

И вся это для того, чтобы обойти закон, допускавший присутствие адвоката на месте казни.

Неприемлемая была это публика — золотопогонники.

Рабоче-крестьянская власть совсем не похожа на них.

Вот, по словам летописца, как казнили в прошлом году в Одессе: «Вводили смертника в уборную, наклоняли ему голову над раковиной и выстрелом в затылок сносили череп... Когда мозг и кровь стекали в раковину, спускали воду и, вытащив труп из уборной, складывали во дворе в штабеля, которые ночью свозились на свалку».

Хорош был бы Жданов, присутствовавший при такой несложной церемонии.

«В занятом советскими войсками районе объявили регистрацию оставшимся офицерам, под угрозой расстрела в случае уклонения. Явилось на регистрацию около 5000 человек... Их окружили, отправили в концентрационный лагерь и в одну ночь из пулеметов всех расстреляли».

* * *

Товарищи Мартов, Чернов и Абрамович! Мы не сходимся с вами во вкусах...

Вы говорите: «Лучше большевики, чем возврат к золотопогонникам».

А я вам говорю:

— Если кто-нибудь из вас видит, действительно, на голом красном короле одежду — то он слепой глупец, если не видит ничего кроме голого, красного, но говорит, что видит платье, — то просто мошенник.

А с мошенником детской душе не пристало общаться.

Всем же простым, не ослепленным, не искушенным золотом и не отуманенным глупостью людям, не боясь, громко, как Андерсеновское дитя, скажу:

— Нам ли бояться золотопогонников... Нам ли терпеть «рабоче-крестьянскую»?!

Ну-ка, на выбор?

ПРИЯТЕЛЬСКОЕ ПИСЬМО ЛЕНИНУ ОТ АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО

Дорогой Владимир Ильич!

Здравствуй, голубчик! Ну, как поживаешь? Все ли у тебя в полном здоровьи?

Кстати, ты, захлопотавшись около государственных дел, вероятно, забыл меня?..

А я тебя помню.

Я тот самый твой коллега по журналистике Аверченко, который, если ты помнишь, топтался внизу, около дома Кшесинской, в то время, как ты стоял на балконе и кричал во все горло:

— Надо додушить буржуазию! Грабь награбленное!

Я тот самый Аверченко, на которого, помнишь, тебе жаловался Луначарский, что я, дескать, в своем «Сатириконе» издеваюсь и смеюсь над вами.

Ты тогда же приказал Урицкому закрыть навсегда мой журнал, а меня доставить на Гороховую.

Прости, голубчик, что я за два дня до этой предполагаемой доставки на Гороховую — уехал из Петербурга, даже не простившись с тобой. Захлопотался.

Ты тогда же отдал приказ задержать меня на ст. Зерново, но я совсем забыл тебе сказать перед отъездом, что поеду через Унечу.

Не ожидал ты этого?

Кстати, спасибо тебе. На Унече твои коммунисты приняли меня замечательно. Правда, комендант Унечи — знаменитая курсистка товарищ Хайкина сначала хотела меня расстрелять.

— За что? — спросил я.

— За то, что вы в своих фельетонах так ругали большевиков.

Я ударил себя в грудь и вскричал обиженно:

— А вы читали мои самые последние фельетоны?

— Нет, не читала.

— Вот то-то и оно! Так нечего и говорить!

А что «нечего и говорить», я, признаться, и сам не знаю, потому что в последних фельетонах — ты прости, голубчик, за резкость — просто писал, что большевики — жулики, убийцы и маровихеры...

Очевидно, тов. Хайкина не поняла меня, а я ее не разубеждал.

Ну вот, братец ты мой, — так я и жил.

Выезжая из Унечи, я потребовал себе конвой, потому что надо было переезжать нейтральную зону, но это была самая странная нейтральная зона, которую мне только приходилось видеть в жизни. Потому что по одну сторону нейтральной зоны грабили только большевики, по другую только немцы, а в нейтральной зоне грабили и большевики, и немцы, и украинцы, и все вообще, кому не лень.

Бог ее знает, почему она называлась нейтральной, эта зона.

Большое тебе спасибо, голубчик Володя, за конвой — если эту твою Хайкину еще не убили, награди ее орденом Красного Знамени за мой счет...

Много, много, дружище Вольдемар, за эти 3 года воды утекло... Я на тебя не сержусь, но ты гонял меня по всей России, как соленого зайца: из Киева в Харьков, из Харькова — в Ростов, потом Екатеринодар, Новороссийск, Севастополь, Мелитополь, опять... Севастополь.

Это письмо я пишу тебе из Константинополя, куда прибыл по своим личным делам.

Впрочем, что же это я о себе, да о себе... Поговорим и о тебе...

Ты за это время сделался большим человеком... Эка, куда хватил: неограниченный властитель всея России... Даже отсюда вижу твои плутоватые глазенки, даже отсюда слышу твое возражение:

— Не я властитель, а ЦИК.

Ну, это, Володя, даже не по-приятельски. Брось ломаться — я ведь знаю, что тебе стоит только цыкнуть и весь твой ЦИК полезет под стол и сделает все, что ты хочешь.

А ловко ты, шельмец, устроился — уверяю тебя, что даже при царе государственная дума была в тысячу раз самостоятельнее и независимее. Согнул ты «рабоче-крестьянскую», можно сказать, в бараний рог.

Как настроение?

Ты знаешь, я часто думаю о тебе и должен сказать, что за последнее время совершенно перестал понимать тебя.

На кой черт тебе вся эта музыка? В то время, когда ты кричал до хрипоты с балкона — тебе, отчасти, и кушать

хотелось, отчасти и мир, по молодости лет, собирался перестроить.

А теперь? Наелся ты досыта, а мира все равно не перестроил.

Доходят до меня слухи, что живется у вас там в России, перестроенной по твоему плану — препротивно.

Никто у тебя не работает, все голодают, мрут, а ты, Володя, слышал я, так запутался, что у тебя и частная собственность начинает всплывать, и свободная торговля, и концессии.

Стоит огород городить, действительно!

Впрочем, дело даже не в том, а я боюсь, что ты просто скучаешь.

Я сам, знаешь ли, не прочь повластвовать, но власть хороша, когда кругом довольство, сияющие рожи и этакие хорошенькие бабеночки, вроде мадам Монтеспан при Людовике.

А какой ты к черту Людовик, прости за откровенность!

Окружил себя всякой дрянью, вроде башкир, китайцев — и нос боишься высунуть из Кремля. Это, брат, не власть. Даже Николай II частенько раньше показывался перед народом и ему кричали «ура», а тебе что кричат?

— Жулики вы, — кричат тебе и Троцкому, — Чтоб вы подохли, коммунисты.

Ну, чего хорошего?

Я еще понимаю, если бы рожден был королем — ну, тогда ничего не поделаешь: профессия обязывает. Тогда сиди на башне — и сочиняй законы для подданных.

А ведь ты — я знаю тебя по Швейцарии — ты без кафе, без «бока», без табачного дыма, плавающего под потолком — жить не мог.

Небось, хочется иногда снова посидеть в биргалле, поорать о политике, затянуться хорошим киастером — да где уж там!

И из Кремля нельзя выйти, да и пивные ты все, неведомо на кой дьявол, позакрывал декретом № 215523.

Неуютно ты, брат, живешь, по собачьему. Русский ты столбовой дворянин, а с башкирами все якшаешься, с китайцами. И друга себе нашел — Троцкого — совсем он тебе не пара. Я, конечно, Володя, не хочу сплетничать, но знаю, что он тебя подбивает на всякие глупости, а ты слушаешь.

Если хочешь иметь мой дружеский совет — выгони Троцкого, распусти этот идиотский ЦИК и издай свой последний декрет к русскому народу, что вот, дескать, ты ошибся, за что и приносишь извинения, что ты думал насадить социализм и коммунизм, но что это для отсталой России «не по носу табак», так что ты приказываешь народу вернуться к старому, буржуазно-капиталистическому строю жизни, а сам уезжаешь отдыхать на курорт.

Просто и мило!

Ей-Богу, плюнь ты на это дело, ведь сам видишь, что получилось: дрянь, грязь и безобразие.

Не нужно ли деньжат? Лир пять, десять могу сколотить, вышлю.

Хочешь — приезжай ко мне, у меня отдохнешь, подлечишься, а там мы с тобой вместе какую-нибудь другую штуковину придумаем — поумней твоего марксизма.

Ну, прощай, брат, кланяйся там!

Поцелуй Троцкого, если не противно.

Где летом — на даче?

Неужели в Кремле?

С коммунистическим приветом,
Аркадий Аверченко.

P.S. Если вздумаешь черкнуть два слова, пиши: Париж, Елисейский дворец, Мильерану для Аверченко.

ТРИ АНГЛО-ЕВРЕЙСКИХ АНЕКДОТА

I. Софисты

По еврейскому обычаю, если молодой человек женится, то он имеет право после свадьбы жить с молодой женой два-три месяца на полном иждивении тестя.

Женился Моня Меерович на Сонечке Кац и поселился у тестя.

Для через три возвращается к отцу — очень обиженный.

— Папаша! Что это за такое безобразие — меня тесть совершенно-таки не кормит: я уже не могу жить у него...

— Что значит — не кормит?

— Не кормит. Дает мне кусок сухого хлеба и чашечку несладкого чаю — вот тебе и весь обед.

— Наверное, что этот паршивый Кац с ума сошел, — огорченно сказал старый Меерович. — Ну, обожди, я пойду поговорю с ним.

Пришел к Кацу.

— Слушай, Кац! Что это значит, что ты моего сына не кормишь? Что он тебе собака что ли?

— Меерович! — возмущенно завопил Кац. — Что значит, что я его не кормлю... Он есть то же, что и мы, Меерович. На первое — суп с гусиными потрохами и с лапой — это плохо?

Облизнулся Меерович.

— На второе — фаршированный карп или судачок с красным хреном, с перцем и с шафраном — это нехорошо?

— Ну! Это же замечательно!

— А на третье гусь с яблоками и клецками — это хорошо?

— Ой! Перестаньте — у меня уже слюнки текут...

— А на сладкое — вареники с вишнями и маковники — это нехорошо?

— Прямо с ума сойти можно как хорошо. Ну, прощай, Кац, извини, пожалуйста, за беспокойство!

Вернулся Меерович домой, возмущенный наглостью сына.

— Что ж ты, гадюка, врал, что тебя не кормят? Тебе и лапша, и гусь, и фаршированный карп, и вареники, а ты говоришь — голод!..

Заплакал Моня, стал на колени:

— Папаша! Что б я так жил, если я вру! Где гусь? Где лапша? Кусочек вчерашнего хлеба и чашка мутного чая, а не гусь! А не лапша!

Снова оделся Меерович. Снова отправился к Кацу.

— Кац, вы же врете вообще. Вы даете сыну только чай с хлебом, а говорите, что кормили его и гусем, и лапшой...

— Когда я его кормил, что вы? Я этого и не говорил. Я только спрашивал вас — лапша с потрохами — это хорошо? Вы говорите — хорошо. Гусь жареный — хорошо? Вы говорите — хорошо. Вареники — хорошо? Вы говорите — замечательно. Ну?

— Ну?

— Ну, вот мы и поговорили.

* * *

Ллойд Джордж сказал Красину:

— Мистер Красин! Что же вы подписывали с нами договор, когда у вас ничего нет?

— Что значит, ничего нет? Пшеница — это хорошо?

— Очень хорошо!

— Лен, пенька, нефть — это хорошо?

— Замечательно!

— Лес — хорошо?

— Ну, прелесть!

— Так вот и будьте покойны.

Длинные нудные разговоры. А пока Англия кормится — не хлебом, пенькой и лесом, — а сухим краденным золотом.

II. Правила приличия

Однажды в субботу встретились двое юных еврейских человеков.

Увидел один в зубах другого папиросу — ахнул:

— Соломончик! С ума ты сошел?.. Куришь? Ведь сегодня же суббота!

— Ну, так что же?

— Так раввин же не позволяет.

— Что значит не позволяет? А если я у него спрашивался?

— Ой! Неужели разрешил?

— Положим, что не разрешил. Так плевать хотел я на его разрешение.

* * *

По англо-советскому договору большевики обязались не вести своей пропаганды в Индии.

— Послушайте, наркомы, — говорят им, — мы слышали, что вы наводнили Индию агитаторами.

— Ну так что?

— Да ведь Англия не позволяет!

— А если мы спросили у нее разрешение?

— Ой! Неужели разрешила...

— Положим, что не разрешила. Так плевать мы хотели на ее разрешение.

III. Власть языка

В одной богатой старозаветной семье все говорили только по-еврейски — отец, мать, все дети, нянька...

Задумал отец отдать сына в русскую гимназию. Спрашивает одного очень башковитого приятеля:

— Слушайте, Либерович! Что мне делать? Нужно отдавать сына в русскую гимназию, а он — ни словечка по-русски.

— А я вам скажу, — нашелся башковитый приятель. — Возьмите вы этого вашего сына и отправьте месяца на четыре в настоящую русскую деревню. Бросьте его там одного, так волей-неволей мальчишка в конце конов должен будет научиться по-русски.

Очень понравилась отцу эта гениальная мысль; отвез сына и оставил его совершенно одного среди исконных русских мужиков и баб.

Через полгода поехал, забрал сына. Встречает башковитого приятеля.

— Либерович! Вы знаете? Вы дали мне замечательно идиотский совет! Знаете, что получилось там, деревне?

— Ну... Сын ваш теперь говорит по-русски?

— Черта с два! Почти ни слова. Наоборот!

— Что значит: наоборот?

— Не он научился говорить по-русски, а — напротив того — вся русская деревня говорит только по-еврейски!

* * *

Ясно, что когда «мальчик» очень талантливый, то всегда выходит «наоборот».

Заключая договор с Лениным и Троцким, Лойд Джордж уверял всех:

— Слушайте! Они, правда, разбойники, но... нужно их только допустить в Англию. Когда они увидят нашу замечательную жизнь, то сразу цивилизуются и бросят свои шарлатанские привычки. Мы их облагородим.

И повезли «еврейского мальчика» в русскую деревню учиться цивилизации.

И получилось совсем наоборот: не мальчик от других заразился цивилизацией, а сам заразил больших бородатых дядек и теток таким языком, что тут тебе и забастовка уг-

лекопов, и забастовка металлургов, и Ирландское восстание, и Индийское восстание, и черт в ступе, и сапоги всмятку.

Научил мальчик!

* * *

Кто-то писал, что Ллойд Джордж не особенно сведущ в литературе.

Оно и видно.

Иначе бы он принял во внимание одни очень милые русские стишки:

Простой цветочек дикий*
Попал в один букет с гвоздикой**,
И что же — от нее душистым стал и сам.
Хорошее знакомство в прибыль нам...

РАССЫПАННЫЕ БУСЫ

— Какая разница между разбегающимися в горы красноармейцами и вишнями?

— Вишня — сначала зеленая, потом краснеет. А солдат наоборот: сначала делается «красным», потом — «зеленым».

* * *

Исправленный Кузьма Прутков:

I

— Вы любите ли сыр? — спросили раз ханжу.

— Люблю, — сказал ханжа, — только по советским карточкам его не нахожу.

II

Пастух нес молоко
Куда-то очень далеко...
И больше уж назад не возвращался.
Читатель, он в че-ка ль не попадался?

---

* Очевидно — царский вереск. *Примечание Арк.Аверченко.*

** Как известно — гвоздика — пролетарский цветочек. *Примечание Арк. Аверченко.*

* * *

— Какой самый музыкальный народ в мире?

— Константинопольские гречанки: зубки, как клавиши, и ножки, как у рояля...

* * *

Поставили одного саботажника к стенке.

— Какой сегодня день? — вдруг спросил он у прицелившихся...

— Понедельник.

— Нечего сказать, — грустно заметил он, — хорошо у меня неделя начинается...

* * *

Свежий российский анекдот.

Разговорились юрист, доктор, инженер и коммунист — чья профессия самая древняя...

— Моя профессия, — сказал юрист. — Потому что первый уголовный процесс был, когда Каин Авеля убил.

— Нет, моя! — подхватил доктор. — Помните, первую хирургическую операцию, когда Адаму ребро вырезали и Еву сделали.

— Тогда моя профессия старше, — возразил инженер. — Первые строительные работы были при создании земли, воды и небесных светил.

— Ну, так я древнее всех вас! — гаркнул коммунист.

— Почему?

— Потому что я хаос устроил.

ЛЮДИ И ЧЕРТИ

В какой-то газете я недавно прочитал полумистическое-полудурацкое утверждение, что «Ленин и Троцкий — это два воплощенных дьявола».

Вдумался я в это утверждение поглубже и... ужасно как оскорбился, обиделся за дьявола.

Помилуйте — кто такой дьявол? Вот перед нами гетевский Мефистофель и лермонтовский Демон. Да дайте мне

их, я их сейчас поцелую. Приведите ко мне и я с ними в дружбу войду. Да разве можно их сравнивать с теми «циммервальдийцами», что в Кремле сидят?

Да я с Мефистофелем в шашки буду играть и в кабачке за кружкой вина «на ты» выпью! Да Демон у меня на груди будет плакать и подарит мне в знак дружбы для поручений любимого своего Демоненка.

Да теперь, когда мы близко узнали Ленина и Троцкого, — ведь на этом фоне и Демон, и Мефистофель кажутся такими славными, теплыми ребятами.

Они благородны, они брезгливы.

Ну разве мог Демон продать немцу свою родину, свой теплый родной Ад? Разве не противно было бы Мефистофелю купаться в крови, проводить свои досуги среди гекатомбы гниющих трупов?..

Нет-с, дружная пара «циммервальдийцев» шагнула так далеко, как и Мефистофель не шагал и Демон не взлетал.

Этакое тесто из крови и зловонной грязи замесили две пары циммервальдийских лап, что растеклось месиво на многие миллионы квадратных верст, и дохнут на этой липкой мушиной бумаге миллионы несчастных мух, прилипая лапками и крылышками, отдирая их, переползая несколько шагов дальше, — да и засыхая тут, в перекареженной, полной смертной муки — позе.

Грязищи-то, грязищи! Кровищи-то, кровищи сколько! И все это залито таким густым соусом лжищи — что от одного этого соуса подохнуть можно.

Сначала:

— Грабь награбленное!

Возликовало дурачье рабоче-крестьянско-солдато-матросское — накинулось и ограбило.

— А теперь мы у вас награбленное сами ограбим. Потому что то, первое, было ли еще награблено или честно нажито — вопрос? А то, что у вас в руках, уже наглядно и ясно награблено и так как «грабь награбленное» остается в силе, то подавайте-ка сюда!..

Потом:

— Долой войну! Мир дадим.

Дали.

На пятьдесят внешних и внутренних фронтов раскидались.

И, наконец, самое главное:

— Хлеб дадим.

Дали.

Немножко хлеба теперь уныло гниет в земле, немножко — уныло сохнет на земле, а 25 миллионов хлебных мужичков впряглись в телеги и поехали в гости к кремлевским царям на пышный пир.

Встреча им приготовлена царская, по сообщениям газет: «Троцкий, облеченный диктаторскими полномочиями, уже выехал в Тамбов, оттуда будет руководить приостановкой движения. В предстоящих операциях должны участвовать две пехотных и две кавалерийские дивизии».

Энтот накормит.

Пишут, что люди с севера двинулись на юг, надеясь насытиться в плодородных южных губерниях, а другие с юга потянулись за хлебом на север, в Москву.

Эти две многомиллионных волны встретятся и столкнутся, а сбоку подоспеет Троцкий с 13-ю дивизиями и начнет крыть из тяжелых орудий тех и других.

Так он и решит продовольственный вопрос.

* * *

А эти бедные глупые мужики...

Они совсем еще недавно обменивали в городах хлеб на огромные трюмо, на китайские вазы, на пианино...

И, наверное, теперь захватили все это добро мужики с собой.

Вот там — едет телега... Впряглись в нее отец и два сына, а на телеге лежит холерная синяя мать и четко отражается в трюмо исковерканное лицо ее, а худая нога в судороге бойко стучит по клавишам пианино.

«Куда ты мчишься, русская тройка?».

* * *

И стоном стоит, гудит по всей Росси единый вопль:

— Хоть бы черт пришел править нами — только не большевики!

Ну, еще бы!

Если уж выбирать, то за Демона или Мефистофеля и я бы подал свой голос...

СЛУЧАЙ С МИЛОВЗОРОВЫМ

Посвящаю В.П. Свободину,
моему любимому другу

Со стесненным сердцем чувствую, что моего героя осудят, отвернутся от него, назовут его идиотом и сумасшедшим.

Не желая брать на себя адвокатской миссии, я все-таки во имя права и справедливости должен беспристрастно обрисовать читателю весь тот удивительный и сложный путь, которым дошел мой герой до трагической, ужасной и глупой развязки, развернувшейся, как огромная траурная лента — утром на другой день после того, как произошло «это»...

Вопреки логике и литературной традиции, я начну с развязки, а потом уже перейду к первоначальному узлу, столь причудливо завязавшемуся.

* * *

Утром на другой день после «этого», слуга долго не мог добудиться Эразма Николаевича Миловзорова, старшего секретаря Казенной палаты.

— Да, вставайте же, барин, ей-Богу. Что это за такое за дело, что и добудиться невозможно?..

— А. что?... Кого?... Который час?..

— Да одиннадцатый! Ан и на должность опоздали.

Голову ломило. Глаза запухли. Во рту было ощущение непроглоченного куска промокательной бумаги...

— Дай-ка, я еще посплю!.

— Где ж там спать, когда два господина пришли... Один брюнетка, другой блондинка.

— Кто такие?

— Говорят, по важнючему делу...

— А, ччерт! Ну, пусть подождут, сейчас выйду. Дай квасу!

Два чопорных господина чинно, молча сидели в гостиной...

— Чем могу, господин? — недоуменно спросил Миловзоров, запахивая на груди халат.

— Мы от помещика Сапуновского.

— Простите, но такого не знаю.

— Ежели вспомните... вчера в «Аквариуме» вышел маленький разговор. Вы его на дуэль вызвали. Так вот мы этого... Его представители.

— Да, — накрахмалено подтвердил второй, — он сделал нам эту честь.

— Что вы, господа? — всполошился растерявшийся хозяин. — Какая дуэль? Я никого не знаю...

— Вчера в «Аквариуме», — мерно начал первый, — вы, сидя за соседним столом, назвали нашего доверителя «волдырем на и без того изуродованном лице вселенной». Когда он подошел к вам объясняться, вы сделали ему ряд веселых гримас и наступили на ногу...

— На левую? — упавшим голосом просил Миловзоров.

— Считая вопрос о точном названии пострадавшей ноги второстепенным, мы должны указать вам на то, что на требование нашего доверителя извиниться, вы обозвали его «скрипучим обозным колесом» и швырнули ему в лице вместо своей карточки — карточку кушаний... После этого заявили, что с превеликим удовольствием «пробьете его медный лоб — свинцовой пулей»...

— Господа! Заверяю вас... честным словом, что... Я не знаю, я... не помню...

— Это нас не касается, — деревянно качнулся второй. — Вы вызвали нашего доверителя, следовательно, вы должны нести все последствия. Но предваряю вас, что в случае вашего отказа, мы уполномочены пойти к вашему начальству и информировать его о происшедшем.

— Да, мы информируем, — грустно подтвердил первый.

— Барин, — вошел слуга, — там вас якись черный спрашивает...

— Простите, господа... Одну минуту, я сейчас...

Убитый Миловзоров поплелся за своим верным Еремеем и вдруг с ужасом по движению плеч Еремея заметил, что тот плачет.

— Голубчик, что с тобой?..

— Та, так, — бормотал Еремей сквозь рыдания. — Уже белые не нужны, да! Уже черные для вас первые люди, да. Что касаемо разбитой чашки — так я може бы за нее заплатил, почем вы знаете, а?..

Черный, как уголь, негр поднялся при их появлении в соседней комнате. Одетый в ярко-красный кафтан, он обильно был расшит глазетом, как лучшее произведение гробовщика.

— Что вам нужно?

— Как вы черась скажит, что надо бросайт слон и ходит за вам, как за человек и как вы спросит: «Томми, сколько ви получал месяс?». И я скажить: «Семьсот пяти рубли». И ви скажить: «Это литтл моней. Я буду плати удвой болши». И я скажить: «Корошо. Я придти». И ви очень меня поцелуй и скажи: «Томми, придти». И теперь я взял у казяин рачет и я придти.

— Хорошо, — упавшим голосом сказал Миловзоров, — пройдите, пожалуйста, в гостиную, там, где два господина... Я сейчас...

Он пошел в спальню, лег в постель на живот и сжал голову руками.

В этом положении и застал его Еремей.

— Что же, барин, — угрюмо сказал он, — мне когда расчет? (Лицо его исказилось горькой улыбкой.) Куда уж нам теперь, белым! Да вот там вас еще одна барыня спрашивает... Такая фуфыря, что ну-ну...

— Бобби, ты здесь! — раздался хриплый веселый голос. — Я тебя насилу нашла! А где же моя комната? Я разложусь, а там можно хоть сегодня же начать первый урок...

— Какой... урок?!

Эффектная дама, шумя шелком юбки и кивая черными перьями огромной шляпы, рассмеялась.

— Вот тебе раз! Сам же вчера пригласил меня вести хозяйство и учить французскому. И задаток дал.

Мой милый Бобби,
Прелестный Бобби,
Зачем ты кнопки
На платье рвешь?

— Будьте любезны пройти в гостиную... Мы поговорим об условиях и... того...

Прислушавшись к удалявшемуся шелесту юбок, он снова рухнул на кровать.

— Барин, зверя заказывали? — раздался над ним кроткий голос Еремея.

— Что-о-о?!

— Якого-сь зверя принесли у клетке... в пятнах весь, дьявол, как кукушка. Прикажете принять?

Шатаясь, вышел Миловзоров в переднюю.

Около большой клетки с беспокойно прядавшим внутри леопардом стоял малый в фуражке с околышем.

Сдернул фуражку и апатично сказал:

— Желаю здравствовать. Доставил в сохранности. Семь целковых за доставку сейчас уплатите, али через хозяина?

— Откуда леопард? — отрывисто спросил Миловзоров.

— А как же-с. Вчера укупили у нас, — сказал малый таким спокойным тоном, будто купленный предмет была кофейная мельница или пиджачная пара.

— И деньги уплатил? — сурово спросил Миловзоров.

— Помилуйте-с! Три тысячи. Очень редкая порода. Американский, с Миссисипи. Только клеточку просили освободить.

— С Миссисипи, говоришь? Ну, ступай. Я после зайду... того. Распоряжусь!

Оставшись один, с глазу на глаз с успокоившимся леопардом, Миловзоров взял стул и сел перед клеткой. За своей спиной, через три комнаты, он чувствовал двух деревянных методических секундантов, накрашенную еврейскую француженку и пышного, напоминающего глазетовый гроб, Томми. Он представил себе, как они сидели рядышком, недоуменно переглядывались и с нетерпением ждали его.

— Леопард! — неожиданно обратился он к дремлющему зверю. — Хочешь меня сожрать?

Леопард приоткрыл один глаз, поглядел на Миловзорова с таким видом, будто хотел сказать «Шутить изволите» и опять прикрыл глаз.

— На, ешь меня! Ешь проклятого, грызи!

Он поднял решетку и просунул руку в клетку.

Леопард открыл пасть, лизнул шершавым розовым языком руку, волнообразным движением проскользнул между Миловзоровым и отверстием клетки, смахнул длинным хвостом палку с вешалки и улегся в углу на свернутом по случаю лета ковре.

— Даже леопард не лопает. И его с души воротит...

Подумав немного, Миловзоров пробрался на цыпочках в спальню, вынул из кармана пиджака бумажник и пересчитал деньги. Из полученных вчера из Крестьянского банка за продажу полтавского именьица десяти тысяч оставалось около четырех.

Быстро одевшись, Миловзоров на цыпочках же вышел в переднюю, взял с подзеркального столика шляпу, покосился на спокойно зевнувшего и облизнувшегося леопарда — и тихо вышел на улицу.

— Извозчик! На вокзал.

Через два часа поезд мчал его в Варшаву.

Потому и в Варшаву, что был это единственный ближайший по времени поезд.

* * *

Не говорите мне, что вся эта история идиотская и Миловзоров сумасшедший...

Я сейчас расскажу первую половину истории, и тогда всё кажущееся таким диким и бредовым, сразу сделается строго логичным и до смешного легко объяснимым.

* * *

— Замечательно продали! — восторженно жал руку Миловзорова его приятель, чиновник Крестьянского банка Курченков. — Правду говоря, оно, именьице-то, и семи тысяч не стоит. Ну, такую сделочку не стыдно и спрыснуть!

— Я готов, — радостно сказал Миловзоров, обнимая приятеля Курченкова за талию. — Едем! Что для меня теперь значит полсотни?

Вспрыскивали.

Сначала у «Медведя», потом в «Малом ярославце», а когда наступил вечер, решили закончить удачный день в «Аквариуме».

Поехали. Разминая землянику в бокале шампанского, восторженный Курченков спросил:

— Ты... (они уже выпили брудершафт) Ты читал Дюма?

— Давно. А что?!

— Ах, какая жизнь! Вот прямо как сейчас. Вино, все влюбляются в иностранок и чуть что — сейчас дуэль!

— Что мне твой Дюм... ма, — неуверенно возразил Миловзоров. — Я сам Дюма.

— Нет, право. Такие замечательные поступки. Элегантно все. Чуть что ни по нем — сейчас в морду — и дуэль! На шпагах. В Булонском лесу. И Понсон дю Террайль тоже.

— Кто-о-о?

— Есть такой. А нонче что за люди? Вот за тем столом полотняный мешок сидит. Ну, кто он такой? Какие его идеалы?

— Этот? Н-да уж... Какой-то волдырь на.. этом... на и без того изуродованном лице вселенной!

— Изумительно сказано! — восхитился Курченков.

Как всегда, человек в миловзоровском состоянии не умеет справляться с силой и звучностью своего голоса... Миловзорову казалось, что он свою фразу, сопровождаемую выразительным жестом, сказал Курченкову на ухо — однако весь зал оглянулся.

«Полотняный мешок» завозился, запыхтел и вдруг подошел к приятелям.

— В каком это отношении я волдырь? — угрюмо спросил он.

— В таком! — подмигивая, отвечал развеселившийся Миловзоров (реплика восторженного Курченкова: «Изумительно ответил!»). В таком самом!

Встал, покачнулся, споткнулся и наступил «полотняному мешку» на ногу.

— Что за хамство?! — вскричал «мешок». — Прошу вас извиниться.

— Перед кем? — презрительно икнул Миловзоров. — Перед скрипучим обозным колесом?

— Ай, метко. Ну, и метко же! — зааплодировал Курченков.

— Милостивый государь!..

* * *

— Ну, до чего ж это было красиво, когда ты его вызвал на дуэль! — захлебываясь, кричал Курченков, идя с приятелем по саду и придерживая его под руку. — Прямо как граф! Эразмушка! До чего я люблю красоту... Этот Булонский лес, этот Нотр-Дам!..

— Постой!.. чевой-то тут серое...

— Слоник, голубчик, слоник стоит. Тут его на открытой сцене показывать будут. — Здравствуй, Вася. Как тебя зовут? — несколько непоследовательно обратился он к негру, дремавшему при слоне.

— Томми, господин...

— Вот бы, брат, такого негра тебе в камер-лакеи. А? Красота!! Ну что такое Еремей? Никакой поэзии. А это?!! Красная этакая дубина... Они, брат, преданные.

— А Еремей как же? — цепляясь за последние остатки благоразумия, нерешительно спросил Миловзоров.

— А Еремея мы к слону устроим. Нанимай, брат, пока не перехватили!.

* * *

После этой последней сделки ужинали.

Курченков долго глядел сантиментально-влюбленными глазами на сидевшую с ними интернациональную певицу и потом спросил:

— Графиня! Парле ву франсэ?

— Oui! — засмеялась «графиня».

— Эразм! Вот тебе, брат, уже готовая учительница... Хороша шельма. И в доме уют — все-таки, свой человек — и французский знать будешь. Начальство это ценит.

Курченков будто прочитал тайные мысли Миловзорова: девушка уже давно, минут сорок как нравилась ему, но он только не мог найти форму общения с этим свежим нетронутым существом.

А Курченков сразу нашел.

Голова был. Даром, что пьяный.

* * *

Уже выходя из сада и остановившись перед звериными клетками, сделали последнее приобретение.

— Без леопарда, брат, какой же это дом. Никакого аристократизма. Зверь же красивый и даже приятно гостям показать. Вот ахать-то будут... И начальство это любит... Совсем как граф Монте-Кристо!

— Что мне граф Монте-Кристо! — кричал в экстатическом восторге Миловзоров. — Я сам себе Монте-Кристо! Пусть живет скотина Божья! Не объест, чай!

Все было полно, прекрасно... Оркестр гремел так одобрительно и электрические лампионы сверкали так по-праздничному.

Самое же лестное было то, что покупка леопарда сделала друзей героями всего сада.

* * *

Может быть, кое-кому из кислых прозаических читателей и это все вышеизложенное покажется неубедительным...

Тогда мне придется в сухой схеме выдвинуть против них самую тяжелую батарею:

2 графинчика водки.

Красное вино (4 бут.).

7 кружек пива.

3 четвертинки шартреза.

Опять 2 графинчика водки.

3 бут. Кордон-Вэр.

Вдумайтесь вы в это, и тогда не совсем нелогичным будет казаться то, что Миловзоров, бросив текущие дела и службу, едет в чуждую ему Варшаву...

ЧЕРЕЗ ГОД

(Если они останутся)

Летом 1922 года Ленин заперся от всех и стал писать книгу «Искусство править. Руководство для правителей земного шара, независимо от их пола, возраста и партийной окраски». Изд. Совнаркома. Москва, 1922. Цена 17000000 рублей, в странах с высокой валютой — 3 франка.

Окончив книгу, он сладко потянулся и позвонил по телефону.

Никто не отозвался.

— Что такое случилось с телефоном, — удивился Ильич и нажал кнопку домашнего электрического звонка.

Никто не пришел.

Он открыл дверь кабинета и крикнул:

— Никита!

Никто не отозвался.

Сделалось жутко.

Вдруг раздались гулкие шаги и в кабинет вошел Троцкий.

— А, это ты, Лева? Никиту не видел в передней?

— Видел. Висит.

— Как висит?

— Ну, как... как обыкновенно висят. На подтяжках. Высунул язык и висит.

— Гм. По телефону тоже никто не отзывается.

— Я сейчас заходил туда. У аппаратов сидят четыре трупа бывших барышень.

— Почему?

— Паек 1/256 фунта. Вот они и того. Одно саботажничество!

— Неужели придется самому ехать в типографию.

— Она пуста. Только у раскрытых дверей скелет сторожа. Проходя мимо видел.

— Тогда нужно набрать новые штаты. У тебя в армии нет спецов?

— Какие там спецы! И самой армии уже нет. Разбежались.

— Так объяви новый набор!

— Среди кого?

— Глупый вопрос! Среди населения.

— Хватился! Населения ни-синь-пороху не осталось...

— Ну... остался же кто-нибудь в городе?

— Конечно. Ты да я.

Ленин подошел к висевшей на стене огромной карте Европейской и Азиатской России и задумчиво поглядел на нее.

— А здоровая она! Неужели так-таки ни одного человека и не осталось?.. Вот так управились! Я однако же думаю, какая-нибудь каналья где-нибудь в лесу прячется...

— Пойди-ка выковыри его оттуда. Да и едва ли есть кто. Я думаю, барсы давно слопали.

— Ну, уж и барсы! Нечто в России есть барсы?

— Теперь-то? Да я утром нынче зашел на Курский вокзал, а на меня из железнодорожного депо как выскочат два волчищи! Насилу наганом отбился. А на Кузнецком Мосту — медведь.

— Ресторан? Но ведь «Медведь», кажется, в Питере на Конюшенной?

— Кой черт ресторан! Живой.

— Однако, если на Курском вокзале волки — как же поезда ходят?

— А очень просто: не ходят. На прошлой неделе последний железнодорожник съел свой кожаный пояс и умер.

— Значит — править больше некем?

— Если хочешь — мной правь.

— Действительно, очень мне это интересно. Тогда я на автомобиле уеду.

— Едва ли уедешь. Заглянул я к тебе в гараж, а там крысы шоферу совсем голову отъели.

— Ну, так пешком уйду... Что ж, брат! Тут уж, очевидно, делать больше нечего. Вот только я дороги до границы не знаю.

— И спросить, брат, некого.

Ленин почесал затылок, содрал со стены карту, насыпал в мешок сухариков и, отыскав в передней палку, — вышел.

* * *

Идти пришлось по пустым, поросшим травой улицам. Шагая через валявшиеся всюду обглоданные скелеты, знаменитый коммунист насвистывал интернационал и крепко прижимал к груди рукопись своей новой книги «Искусство править».

БЕЛЫЕ КОРОЛИ

Я всегда удивлялся шахматному игроку: радостно вынимает он из ящика фигуры, любовно их расставляет по клеткам, любовно и нежно двигает самой ничтожной пешкой, заботливо защищает простого офицера, а если противник попытается покуситься на королеву-то его монархические вкусы так разгораются, что он начинает защищать эту коронованную особу с чисто звериной яростью: кони так и прядают, офицеры так и гремят оружием, заслоняя ее грудью.

Глядишь на игру и кажется, что для игрока и королева, и ладья, и пешка — дороже матери родной, ближе деток родимых...

А кончилась игра — как по волшебству меняется любовное отношение к этим милым, вырезанным из дерева фигуркам: хватает игрок целую охапку равнодушной лапой и сыплет в узкий тесный ящик, совсем не разбирая, что пешка въехала ногами в брюхо королю, а конь всей мордой непочтительно уткнулся в очаровательную спину королевы.

* * *

У Совнаркома сейчас идет большой матч с Голодом... И увы, как это ни трагично для Совнаркома, — он принужден играть белыми.

Игра началась очень просто: Советская власть открыла крышку коробки (московской тюрьмы) и вынула оттуда корявой лапой привычного убийцы охапку необходимых для игры фигур: Кишкина, Кускову, Прокоповича и других. Любовно расставила вынутые фигуры по соответствующим клеткам и сделала первый ход — традиционный — королевской пешкой, стоящей перед Кишкиным.

— Это у вас король? — спросил партнер Царь-Голод, тыча пальцем в Кишкина.

— Король, — не моргнув глазом отвечал пролетарский Совнарком.

— А это королева?

— Кускова-то? Королева.

— Вот мы ею и ходонем.

— А мы ее коньком!

— Дохлый ваш конек, простите. Не выдержит. Осади назад, а то я тебя Прокоповичем так двину!

Идет игра.

Кто победит? «Белые» ли — с Кусковой, Кишкиным и Прокоповичем или «черные» — Голод, Саранча, Холера, Чума и Тиф — это пока еще неизвестно.

Но... я хорошо знаю одного из игроков: Совнарком.

Когда он при помощи Кусковой, Кишкина и Прокоповича сделает Голоду мат — он сейчас же сгребет кривой лапой все белые фигуры в кучу и снова высыплет их обратно в прежнюю коробку — тюрьму...

И если при этой «ссыпке» Кишкин заедет Кусковой ногой в спину, а какая-нибудь кроткая пешка очутится на шее Прокоповича — Совнарком даже не посмотрит: игра кончена и фигуры снова высыпаны в коробку... Покойся, милый игрок, до радостного дня — когда понадобится еще раз разыграть партийку.

Все просто в этом простейшем из миров — можно перефразировать классика.

КОНКУРЕНТЫ

Автору этих строк удалось вчера на площади Тоннеля купить за «юс-пара» пачку грязных писем, представляющих собой одну чрезвычайно интересную с точки зрения общественно-политической — переписку.

Адресаты — профессиональные нищие: один в Петербурге — Митька Рваная Ноздря, другой в Константинополе — Саша Эй Ухни...

Письма приводятся в последовательном порядке.

* * *

Друг и коллега Саша!

Только вчера узнал, что ты — в Константинополе... Эко куда тебя занесло! А я, брат, живу в столице бывшей российской империи. Помнишь, братишка, как мы с тобой «стреляли» на линии Владимирский — Литейный... Хороший был участочек и хорошая была жизнь! Куда это ушло?

Как сказал поэт:

Нехай могила мине накажет,
Но не забуду я ее...

Раньше, бывало, настреляешь полтину — и уже хорошо. Уже сыт и пьян... А теперь? Ну, вот вчера... Собрал полтораста тысяч — что на них сделаешь, когда бутылка денатурату стоит 250.

Впрочем, отчасти и повезло: ел суп из конского щавеля. Перепало кой-чего на зубы и из мясного: в куске черного хлеба был по рассеянности пекаря запечен мышонок. Совсем как пирог.

Тут же в хлебе нашел и щепочку для зубочистки. Удобство, а?

Ну, а ты что?

Пиши мне: Отель де Бурьян, куст № 18.

Твой Дм. Рваная Ноздря.

P.S. Прости, что письмо это пишу на оборотной стороне декрета о социальном обеспечении. В городе нет бумаги.

* * *

Дорогой братишка Митя!

Сидя на траве в саду Пти-Шан, смотрю на интернациональную программу (это единственный интернационал, который я признаю) и поднимаю бокал водки за твое здоровье.

У вас, брат, там счет, как у богатых, на сотни тысяч, а мы, несчастные, всё на пиастры считаем... Дают 2½ пиастра или, в богатом случае, 5. Набил сегодня за день 42½ пиастра! Так как на эту мизерную суму дом в Стамбуле не купишь, то решил погрузиться в светские удовольствия: на 10 пиастров развел спирту — около бутылки вышло, попросил в ресторане выжатую лимонную корочку — настоял. Духовитая, скотина, вышла. Затем коробок сардинок, два куска жареной печенки, огурец, пара яиц, добрый шматок белого хлеба — и вот в саду Пти-Шан (парле ву франсе? как? пуркуа как? Пти-Шан — это, брат, значит «маленькое поле», а на самом деле — море электричества, глокочий интернационал и океан дузико... парле ву грек? нон? Дрянь порядочная. Мутная. Так и несет каплями от живота).

Неужели ты живешь в Отель де Бурьян? Сыро там, чай? А мой пьедатерр в мечети. Ах, до чего добрые турки! Тепло, уютно, кругом луна и минареты.

Ну, прощевай, брат! Завтра иду в Таксим слушать оперетку. А все-таки устаешь от этого рассеянного образа жизни: все эти кофе по-турецки за бешь-груш и бараньи головки с зеленым луком — приедаются.

Хочется чего-нибудь для души. Грустно.

Как сказал поэт:

Я на бочке сижу,
Слезы капают...

Обнимаю тебя, хоть ты и унизился до лошадиного щавеля.

Всегда неизменный Александр Эй-Ухни,
эсквайр и стрелок

* * *

Сашка! Друг!

Целый короб новостей. Узнай и перервись напополам от хохоту: я попал в спецы!!

Как ты, вероятно, читал, у нас благодаря разным совнаркомам и дуроплясам завернул такой голод, что даже сов-

нарком растерялся. Зная же, что им, канальям, буржуазная Европа в руки продовольствия не доверит — они объявили мобилизацию всех спецов по профессиональному нищенству.

Все стрелки, скокари, щирмушивки и прочая нищая братия разъедутся по Европе и Америке и должны будут клянчить милостыньки исключительно в пользу советской власти. Над всей этой босяцкой стрелковой армией главкомом ставят Максима Горького — одного из замечательнейших стрелков нашего времени.

В качестве стрелка я прошусь в Константинополь, где и обниму тебя.

Так, говоришь, баранья головка с зеленым луком надоела? С жиру вы беситесь, черти. Ты б хоть капнул спиртом на письмо — понюхать бы, все легче...

Очень мне понравился на твоей почтовой бумаге водяной знак из сардиночного масла. Лизнул — прямо будто сардину Кано проглотил.

Не пиши мне больше. Скоро обниму. С коммунистическим приветом

Митька Рваная Ноздря,
советский спец по стрелковому делу.

* * *

Местное. Константинопольское.

Милостивый государь и дрянь паршивая Митька!

Черт тебя понес сюда — от имени Советской власти хлеб у меня отбивать?!

Нешто не мог в Данию какую-нибудь попроситься?

Вообще, между нами все кончено... Возвращаю тебе твои письма и вообще, если я тебя встречу, то, как сказал поэт:

Я — те рожу растворожу,
Зубы на зубы помножу...

Остаюсь
преданный Лениным на голодовку
...бывший Саша.

P.S. Социализация? Мордолизация? Коммунизм собачий? Россию взялись устраивать? Всех бы вас, спецов, с Лениным и Троцким во главе на одну осину!

Напечатал с сохранением особенностей подлинника
Аркадий Аверченко.

ИНТЕРВЕНЦИЯ

Если вглядеться внимательно, так даже обидно делается: сколько хорошей, чистой, благородной публики побеспокоили из-за дюжины карманников...

Карманники своим жульничеством довели Россию до голода, и теперь из-за этого приходится беспокоиться и тратить время на заседания и разговоры высокопоставленным английским лордам, итальянским маркизам, французским графам и японским самураям.

Мое им глубокое сочувствие.

И с кем только приходится якшаться сливкам европейской общественности и политики из-за человеколюбивого желания не дать нескольким миллионам русских умереть голодной смертью.

Мошенники из своей чертовой дюжины выбрали самого хитрого и бойкого на язык мошенника — Литвинова — и послали.

— Поезжай ты с ними разговаривать. Может, и вотрешь очки.

Взял мошенник кожаный чемодан, миллиард денег на извозчиков и поехал для оптического обмана — втирать очки.

* * *

Как это делается, какие разговоры ведутся между мошенниками, доведшими Россию до голодной смерти, с одной стороны, и группой иностранных представителей, желающих накормить голодных, с другой — все это хорошо известно из газет.

Делается так-то и так-то.

* * *

А мне бы хотелось, чтобы делалось так-то и так-то.

А именно вот как.

* * *

За деловым столом сидят представители европейских государств и несколько советских мошенников. Главный мошенник Литвинов старается вести очень тонкую линию...

— Мы хотели бы, — говорит маркиз делла Торетто, — чтобы иметь контроль над распределением посылаемых продуктов.

Литвинов прищуривается:

— Чивой-то?

— Говорю: контроль хотим иметь.

— Это можно. Хотеть-то. Всякий человек может хотеть, чего ему вскочит в голову... Только контроля мы не допустим...

— Но ведь согласитесь сами, — вступает в разговор знатный лорд, — что при отсутствии контроля и слабой связи власти центра с местами возможны эксцессы...

— Чивой-то?

— Эксцессы возможны... Для этого мы и хотим ввести принцип нормального контроля...

— Послушайте, любезнейший, — не выдерживает и вступает в разговор благородный французский граф. — Вы же сами понимаете, что положение России до того безвыходно, что спорить о такой детали, как контроль...

— Это где же положение безвыходно? — искренне удивился Литвинов. — Это в России-то?! Да что вы, помилуйте! Правда, в нескольких местах маленькая засуха, небольшой недород, зато в других — амбары ломятся...

— Так чего же вы завопили о голоде? — нетерпеливо перебивает японец.

— Транспорту нет. Потому и получается, что в одном месте амбары ломятся, в другом мужички мрут.

— Отсутствие транспорта — это следствие вашей же системы коммунистического ведения хозяйства.

— Чивой-то?

— Товой-то! А почему эпидемии развели?

— А кто ее там разводил! Бактерия — она махонькая, нешто ее поймаешь, как вошь альбо блоху. А только эпидемии есть, это вы точно выразились. Одначе, если вы нам не поможете, то наши эпидемические мужички подойдут к самым к вашим границам и нанесут вам такого, что в три года не вылечитесь.

— Мы этого и хотим избежать.

— Избегайте, избегайте, это хорошо. Мы понимаем-с! Перво-наперво медикаментов нам посылайте, потом хлеба,

ну там, конечно, семян, как полагается, сельскохозяйственных орудий...

— Мы это все с удовольствием пошлем, но при условии, чтобы жертвователи знали, что их дар пойдет голодающим, а не на поддержку режима насилия и угнетения.

— Чивой-то?

— Да что вы, оглохли что ли? — начал раздражаться пылкий итальянец маркиз делла Торетто. — Контроль нужен. Иначе не дадим.

Литвинов встал и заложил руки в карманы брюк.

— Послушайте, товарищ. Вы эти контроли-мантроли бросьте. Нам это дело не подходит. Раз мы высокая договаривающаяся сторона, так нам должны доверять, а не доверите — вам же хуже. Мы вам такую эпидемию по Европе разведем, что...

Темпераментный сербский представитель тоже вскочил и, стукнув кулаком по столу, вскричал:

— Высокородные господа! Тот дипломатический, полный достоинств язык, которым мы разговариваем с... этими вот... очевидно, им не понятен.

— А какой ж они язык поймут?

— А вот какой!

Серб ловко размахнулся, и Литвинов полетел в угол вместе со стулом.

— Живио, Россия! Лорд, дайте бокса тому рыжему скоту, что возле вас сидит. Фукушима! Не зевайте, сделайте тому джентльмену с каторжным лицом джиу-джитсу!.. Вали их, бей, круши!

* * *

Литвинов стоял на коленках перед делла Торетто и, размазывая кулаками по лицу грязь, громко плакал:

— Дяденьки! За что же сразу уж и драться?!.. Ведь он мне кулаком переносье вглубь вдавил, а я ж дипломат, ей-Богу, вот сейчас и мандат покажу. Ваше высокоблагородие, господин маркиз! Ведь этак человека убить можно... Ведь я с ним в порядке дискуссии, а он — р-раз! да такое кровообращение устроил. Ваша высокоблагородная светлость, господин финансов! Ведь мы же разве против контроля? Ни Боже мой! Контроль вам нужен — пожалуйста. Войска

для охраны продовольствия введете — пожалуйста. Раз нужно, так нужно, я понимаю. Я только против того, что представителя высокой договаривающей стороны с обеих сторон хлещут безо всякого контроля. А касательно голоду я так и отпишу своим: после продолжительных и оживленных прений я принужден был согласиться на предъявленное Лигой помощи голодающим предложение о введении международного контроля над распределением продуктов. Большинство голосов постановило.

Маркиз засмеялся:

— Пишите: большинство кулаков!

* * *

Высокородные серы, сионьоры, мусью и самураи. Выше я указал единственный способ договориться с советской властью, но увы... я знаю, что вы слишком воспитаны, слишком джентльмены, чтобы... тово.

А жаль!

Другого способа помочь голодающей России нет — в том клянется вам честью один из проницательнейших психологов России.

АЛЕКСАНДР АМФИТЕАТРОВ

Один человек женился на девушке чрезвычайно маленького роста. Когда ему выразили по этому поводу удивление, он объяснил:

— Видите ли, из двух зол я всегда выбираю меньшее...

Другому человеку предложили на выбор: дать ли ему пощечину или застрелить из револьвера?

— Если позволите, — отвечал он, — я выбрал бы третье: поехать в Карлсбад. В крайнем же случае — Бог с вами — давайте уж пощечину.

Я не хочу восхвалять былой полицейско-бюрократический режим и не хочу лишний раз пачкать руки разбором существующего советского режима.

Я не согласен с восточной пословицей, что «живой клоп лучше мертвого льва» и это дает не некоторое право, зажав нос перед клопом, ласково потрепать загривок мертвого льва.

Короче говоря, мне хочется немного призадуматься над старой и новой Россией вообще и над судьбой и бурной жизнью романиста, журналиста, поэта и одного из интереснейших людей нашего времени:

— Александра Амфитеатрова.

При старом режиме с ним однажды случился неприятный казус: пришли на его петеребургскую квартиру голубые люди и твердым тоном сказали:

— Позвольте вам выйти вон.

— Куда?

— А заграницу.

— Да я не хочу, что вы!

— Там хотите вы или не хотите, а — пожалуйте!

— Я не чувствую себя виновным.

— Там чувствуете или не чувствуете, а — пожалуйте!

— Но это насилие!

— Там насилие или не насилие, а пока что — собирайтесь!

— Вот он, наш проклятый полицейско-бюрократический режим!

— Там проклятый не проклятый, бюрократический не бюрократический, режим не режим, а вот вам проходное свидетельство и — марш!

— Хорошо... Я сейчас.

— Ну, что ж вы... Видали вы такого человека — на стуле расселся!

— Это я перед дорогой посидеть хочу.

— Ну, вот. Посидели и отправляйтесь.

— А вы думаете — легко мне родину покидать?

— Вели б себя лучше — не покинули бы.

— Позвольте, голубые господа. Если мы будем разбирать вопрос о литературном поведении писателя с трех следующих точек зрения...

— Ну, вот — теперь лекцию начал читать! Долго мы вас дожидаться будем?!!

— Иду, иду. Раскудахтались.

— Ну?.. Чего ж вы в дверях застряли?..

— Штрипка расстегнулась.

— Никакой у вас и штрипки нет. Просто хотите еще минуту дома поваландаться.

— А вы думаете легко мне? Отсюда? Из России?

— Там легко не легко... а этого...

Доставили до границы. Когда передали заграничному железнодорожному жандарму, упал на грудь ему Александр Амфитеатров — как ребенок зарыдал.

— С чего вы? — ахнул жандарм.

— С горя. Россию покидаю.

Жандрам сочувственно пожал ему руку.

* * *

Наступил 1921 год.

Амфитеатров уже давно жил в Петербурге.

То есть, «жил» — это громко сказано. Просто — влачил.

Однажды приходит он к советским властям и говорит:

— Я себя очень плохо веду. Вышлите меня заграницу.

— Заграницу?! Никак не можем.

<Фрагмент не читается. — *В.М.* По смыслу — Амфитеатров придумывает себе смертные грехи>

— Более того: из револьвера одного человека убил.

— Что же вы молчали? Садитесь, пожалуйста. Папиросочку?

— А перед убийством жег его, пытал, мучил. Вышлите меня за это заграницу.

— Вас? Да вы золотой человек! Я вам в Че-ка такое место предоставлю, что...

— У одного священника золотую дарохранительницу украл. Я — вор. Вышлите меня, ей-Богу, а?

— Голубчик! Такие люди нам и здесь нужны! Ведь вы воплощенный борец с религиозными предрассудками!

Вздохнул Амфитеатров, встал и, ничего не добившись, ушел.

А его собеседник позвал двух ловких расторопных молодцев и сказал им, указывая в окно на уходящего:

— Глаз с него не спускайте! Как бы не удрал. А золотой человек прямо — жалко лишиться.

Пришел Амфитеатров домой — сам не свой. На столе сковородка с жаренным остывшим крысенком, на окне самодельная свечка из кошачьего сала, голова цепляется за мокрую собственноручно вымытую рубашку, повешенную на поломанную люстру — все такое знакомое, привычное.

Заскрежетал зубам:

— Не высылают из России — сам вышлюсь!

Снял мокрую рубашку, завязал в нее жареного крысенка, кошачью свечку, оглядел комнату — сплюнул и вылез с узелком в окно.

Ночь была темная, так что сторожившие у парадных дверей молодые люди и не заметили массивной фигуры писателя, грузно шлепнувшейся на заросший папоротником тротуар.

Подхватился, пошел. За городом стояли пикеты, чтобы кто-нибудь не удрал из города... Приходилось красться на четвереньках, ползти на животе. В одном месте с полчаса просидел по горло в болоте, в другом месте переплыл две речки, взобрался на три горки и скатился с них; отвалившиеся подметки мешали идти, бросил сапоги, собаки изорвали пиджачишко — бросил пиджачишко.

Шел и скрежетал:

— Не высылаете из России — сам вышлюсь!

Вот и граница... Оттолкнул Амфитеатров последнего красноармейца, перепрыгнул границу и с громким рыданием бросился на шею пограничному жандарму — тому самому, у которого рыдал на груди несколько лет назад.

— Опять из России выслали? — горестно воскликнул жандарм, сразу узнав характерную фигуру писателя. — Опять с горя плачешь?

— Сам выслался из России, голубчик, сам! И не с горя я плачу, а с радости...

* * *

Вот краткая история этого удивительного человека и писателя, о котором я прочел на днях газетное сообщение: «Писатель Ал. Вал. Амфитеатров тайком бежал из Петербурга и находится в настоящее время в ужасном виде — в Финляндии».

А режимы — что? Режимы разные бывают.

ВЗРЫВ ВОЗМУЩЕНИЯ

Очень многие эмигрантские газеты твердят изо дня в день: «Россия может освободиться от большевиков только взрывом возмущения изнутри».

Разрешите это возмущение изобразить в красках.

I. Взрыв возмущения в городе

— Отваряй, ч-черт!

— Отворяю. Пожалуйте. Что прикажете?

— Обыск будем делать, так как ты есть саботажник и тайный агент Антанты.

— Антанта? Это чего будет?

— А черт его знает. Сахар, мука есть?

— Вот тут немножко... Дня на три. Всё заберете?

— Всё. Не был бы шкурником, не забрали бы.

— Я, конечно, товарищи, понимаю, что я шкурник... Но если бы вы были любезны объяснить мне значение этого слова.

— А черт его знает, что оно обозначает. Это мучица? Давай и мучицу.

— Вам бы в мешочек удобнее. Вот-с. Холстинный. Крепкий.

— Золото, бриллианты имеешь?

— Немножко. Дать?

— Гони! Да ты, черт, хотя бы мандаты на право обыска спросил, что ли? По правилам. Нельзя же так!

— А не все ли мне равно — по мандату забираете или просто. Больше ничего не потребуется?

— Сапоги есть?

— Сейчас сниму.

— Так-с. А теперь мы тебя должны арестовать.

— Ну что ж, арестуйте. В тюрьму сначала или прямо к стенке?

— Это, брат, тебя не касается.

— Виноват, я только в том смысле, что если в тюрьму, я бы одеяльце и подушку прихватил.

— А ты прихватывай. Это никогда не лишнее. Ты уж и мешок с продуктами донеси.

— Отчего ж не донести. Донести можно. От одного пудика плечо не отвалится.

— Ну вот, тут можно и остановиться. Рой яму!

— Слушаюсь. Для одной персоны?

— Экой дьявол какой! Да ты бы хотя бы выругался для порядку. Палачами назвал, что ли.

— Да ведь прикладами тогда бить будете.

— Это ты верно. За этим не спустим.

— Ну вот, видите. Зачем же мне... Готова ямка. В самый раз, может, будет. Где мне стать?

— Да у ямки же становись, чудак-человек.

— Только слушайте. Ведь я когда свалюсь, то вам уже не смогу яму засыпать. Как же быть?

— Ничего, мил человек, не беспокойся. Сами для себя потрудимся, закопаем. Гм... Может, распоряжение какое желаешь дать?

— Есть мне очень хочется.

— Ну это уже теперь не стоит.

— Положим, верно. Ну, мне становиться, что ли.......

II. Взрыв возмущения в деревне

— Здорово, братцы, ну как живете?

— Да плохо живем, барин.

— Что же так?

— Брюхо с голоду подвело.

— Вот чудаки — народ. А вы бы хлеб ели — вот бы брюхо и не подвело.

— А где же его взять, хлеб-то?

— Сеять надо.

— Где же его сеять, ежели скота нет?

— Куда же вы его подевали? Неужто на котлеты стравили?

— Где уж нам котлеты? Коммуна для Красной армии позабирала.

— А вы бы не дали.

— Не дашь! У него, чай, ружжо есть!

— Гм... да! Чего же вы с прошлого года хлеб не спрятали?

— Прятали. Да какое там! Взяли для Красной армии. Ружжо у его есть.

— Ружжо, ружжо... А вы все-таки бороться должны. Каждое село, каждая волость выставила бы всех молодых парней...

— Эка хватились! Да все же наши парни у Красной армии. Позабраты.

— Ловко это выходит: у вас же молодежь позабирали, у вас же лошадей для нее реквизировали, на ваших же лошадей ее посадили, вашим же хлебом накормили да против вас же выставили!

— Выходит, что так.

— Чего же вы теперь делать думаете?

— А помирать, думаем.

— Виноват, это как же так?

— А вот так же. Видите, лежу?

— Ну, лежишь. Я думал, отдыхаешь.

— Один такой отдохнул. Седьмой день не евши. Вот так полежу, полежу, а потом и помру,

— Эх, ежова голова! Да ты чем так терпеть от этой проклятой кончины, взял бы и восстал!

— Восстанешь тут. Может, приподнимешь да придержишь — вот и будет все мое восстание. Нет уж, чего там — помирать надо.

А тем временем «идет, гудет зеленый шум» в эмигрантской прессе:

— Никаких интервенций! Россия сбросит большевизм только могучим возмущением изнутри....................

ХИЩНИКИ В ДЖУНГЛЯХ

Эту странную историю рассказал мне один старый охотник у костра, когда пышная бархатная ночь опустилась над нашими головами, а в отдалении цикады устроили с лягушками такое состязание, что в ушах трещало......

Этот округ Пном-Пекх — очень дикое место в Камбодже. Тропическая, буйная растительность, глушь, и только у берега реки была устроена европейская фактория, да в пяти милях от нее расположилось среди сахарных и каучуковых плантаций — туземное поселеньице.

Туземцы жили очень недурно, возделывали сахарный тростник, собирали каучук и долго продолжалась бы этакая идиллия и буколика — Бог его знает, но дело в том, что однажды в селении пропали две коровы...

Забили тревогу, отправились искать и нашли в джунглях... рожки да ножки. По следам выяснилось, что это дело рук или вернее лап и зубов одной семейки: пары огромных великолепных тигров.

То есть великолепными их можно было назвать только с нашей точки зрения, туземцы резко разошлись бы с нашим мнением.

Побежали они, плача, в европейскую факторию, рассказали — и всполошилась вся фактория.

Комендант созвал собрание, доложил о происшествии и после долгих споров решили, что самое действенное — это повесить на шею оставшимся коровам большие железные колокольчики, звон которых должен отпугивать тигров.

Снабдили депутатов колокольчиками, те ушли обласканные и все успокоилось.

Но на другой день тигры утащили в бамбуковые заросли не только корову и теленка, но и зазевавшегося мальчишку прихватили за компанию.

Вой и стон пошел по селению! Снова помчались в факторию, рассказали о своем горе и вызвали среди обитателей фактории взрыв общего сочувствия.

Комендант на этот раз собрал пленарное собрание.

— Я считаю, господа, что эти тигры — позор здешних мест, — мужественно заявил помощник коменданта.

Лицо его дышало таким негодованием, что будь семейка тигров грамотная — она получила бы самую энергичную ноту протеста.

— Вы правы, — возразил субалтерн, — но ведь это все одни разговоры. Я предлагаю выработать реальные формы помощи этим несчастным. Если уже начали таскать не только скотов, но и людей...

— А, может быть, они одним мальчишкой ограничатся, — высказал успокоительное предположение духовный пастырь фактории.

— Что вы, падре! Да раз они уже попробовали человеческого мяса — конец. Они уже навсегда делаются «людоедами» — самый опасный сорт тигров.

— В таком случае нужно принять практические меры для борьбы с этим ужасом. Я предполагаю щедро снабдить всех туземцев медикаментами.

— Христианская мысль, — одобрил падре. — Писание говорит: утоли раны страждущих.

Предложение было запротоколено и ожидавшие помощи туземцы, щедро снабженные индивидуальными пакетами и походными аптечками, радостно двинулись восвояси.

Однако оказалось, что субалтерн был не дурак, предсказывая людоедническую эволюцию тигров: на полдороге

полосатая парочка выскочила из джунглей, уволокла в лес и слопала ровно половину делегации...

Индивидуальные пакеты, может быть, и помогли бы в этом случае, но впопыхах и они были съедены прожорливыми скотами.

Такой рев после этого пошел по деревне, что хоть святых выноси, будь у этих идолопоклонников святые. Снарядили новую экспедицию — для отправки в факторию с требованием помощи.

Неописуемые энтузиазм и возмущение охватили всех нотаблей фактории, когда они узнали о происшедшем.

Тигров осуждали, туземцам ярко сочувствовали и на экстренном собрании было вынесено срочное предложение.

— Выдать всем туземцам новые одежды цвета хаки.

— Разве это может защитить нас? — удивились туземцы.

— Помилуйте! Да ведь хаки — защитный цвет. Его почти незаметно. Выдать им из цейхгауза! Будьте покойны, мы вас не оставим без помощи! Не звери, не тигры, чай!

Напялили туземцы хаки и пошли домой, радуясь, что перехитрят тигров.

На самом деле оказалось, что тигры одеты в лучшее хаки, чем туземцы: желтые и черные полосы так удачно расположились на их шкуре, что даже при солнечном свете сначала казались желтым бамбуком, испещренным темными тенями.

А когда то, что казалось бамбуком, бешено прыгало на одетого в хаки туземца — размышлять о своей курьезной ошибке было уже поздно.

Аппетит этих двух негодяев рос не по дням, а по часам; завели они себе пышную привычку не только обедать, но и завтракать туземцами, а иногда даже на ужин прихватывали заигравшегося мальчонку, тут же среди селения.

Европейская фактория прямо разрывалась от желания помочь обездоленным туземцам; заседание следовало за заседанием.

К тиграм относились с таким осуждением, с таким недоверием, что понимай некультурные тигры дипломатический язык, с них потребовали бы гарантий.

Впрочем, одно человеколюбивое предложение падре было принято очень благосклонно: паре предложил поставить пе-

ред деревней огромный плакат на двух столбах и написать на нем аршинными буквами:

«Вход тиграм строго воспрещается. Предлагается питаться исключительно растительной пищей».

— Позвольте, батя, — возразил субалтерн. — Но ведь тигры читать не умеют!

— Это и не нужно, — кротко улыбнулся падре. — Но они на этой вывеске увидят следы европейской культуры, увидят, что здесь есть высшие существа, которые могут их наказать — и бросят свои разбойничьи повадки.

— Я даже красок дам для плаката, — в благородном волнении воскликнул комендант.

— А я холст!

Обласканные туземцы чуть не плакали. Их кроткие глаза были полны благодарности к людям, которые заботились о них, ничего не жалея.

* * *

Прошла неделя. Все было тихо, никто из туземцев не показывался в факторию.

— Видите, — говорил комендант, радостно потирая руки. — Очевидно, все уладилось. Этот плакатец оказался штукой загвоздистой и не глупой.

Еще прошла неделя. Ни одной делегации не показывалось на неомраченном горизонте.

— А что, господа, — предложил как-то комендант фактории, — не сходить ли нам проведать туземцев? Как-то они там живут?

— Идея! Пикничком и отправимся.

Взяли ружья, пулемет и веселой кавалькадой поскакали.

Близко уже деревенька. Вон и плакат виден.

Въехали. Два ряда пустых хижин, кое-где валяется обглоданный скелет или недоеденная голова. Ни звука.

— Ловко, — задумчиво нарушил общее молчание комендант. — Пустыня полная.

— Но ведь остался тут кто-нибудь?

— Ни души. Вон чья-то нога валяется, а человека нет.

— А хорошие тут места! И для сахарного тростника раздолье, и для каучуковых деревьев. Надо будет пригнать десятка два рабочих из фактории — пусть снимут урожай.

— Что вы! — ужаснулся падре. — Я, конечно, понимаю, что вымороченное имущество мы имеем право забрать... Но ведь тут тигры.

Комендант засмеялся.

— Ну вот, станем мы с этой сволочью церемониться. Завтра же возьмем с субалтерном ружья, заляжем, приманим их на ягненка, да как ахнем дум-думом. Их ведь при сноровке не так трудно ухлопать, как думают. И тогда будем тут работать совершенно спокойно.

* * *

Охотник кончил. Костер догорал, потянуло рассветным холодом.

— Послушайте! — недоверчиво сказал я. — Сознайтесь, что вы эту историю выдумали!

— Кой черт! — вскипятился он. — Вы лучше меня знаете, что это — голая правда.

ЧИСТАЯ РАБОТА
(Печальный скетч)

...Когда Советская власть, наконец, рухнула и большевики бежали кто куда — в Петербург немедленно прибыл новый правитель России.

Его никто не встретил: население было уверено, что большевики нарочно спрятались, чтобы граждане пошли встречать нового Правителя, а когда граждане прибегут на вокзал — спрятавшиеся большевики вылезут откуда-нибудь, поймают их и убьют.

Поэтому Правитель одиноко вылез из вагона и крикнул:

— Носильщик!

— Чего надо?

— Автомобиль мне.

— А откуда я вам возьму?

— Как так — откуда? Таксомотор позовите.

— Они не ходят. Бензину нет.

— Ну, извозчика.

— Чем же он вас повезет? Лошадей нет.

— Ну, вытащи мой чемодан — пешком пойду.

— Чемодан? Тут и чемодана нет.

— Неужели уже украли?!! Зови милицию!! Может, у вас и милиции нет? — горько усмехнулся Правитель.

— Милиция есть, только я так думаю, что это она и скрала чемодан.

— Гм! Как же быть? Я знаю, что если вор у меня украл чемодан — я должен звать на помощь полицию. Но если полиция украла чемодан — что ж я, вора на помощь должен звать, что ли?

— Да вы воров не дозоветесь. В последнее время все в Совнархозе служили...

* * *

Во дворце.

— Фу, какой холодище. Затворите окна.

— Окна закрыты, а только стекол нет...

— Все-таки... Затопить нельзя ли?

— Затопить-то можно и я бы даже на дрова этот столик угробил, да чем зажечь, когда ни одной спички?

— А почему спичек нет? Купи́те.

— Где? Ведь вы же знаете, что торговля спичками была монополизирована Совнархозом?

— Гм! В таком случае я сейчас же напишу декрет о разрешении свободной торговли.

— Никак вы не напишете.

— Почему это? Что ж я, по-вашему, не имею права?

— Право вы, может, и имеете, только чем писать-то? Во всем городе ни капли чернил, ни одного перышка — даже гусиного, потому последнего гуся с перьями съели.

— Черт с ним. Карандашом напишу. Слава Богу, огрызок завалялся.

— Вот этим вот? Гм! А на чем напишете?

— Неужели и бумаги нет?!

— Было немножко, всю стравили на печатание пятимиллиардных купюр. А напечатали, оказалось — бумага дороже стоила.

— Э, черт! Пойду на улицу, на стене напишу.

— Вот этаким огрызком? Да у нас все стенки так изрешечены пулями, что ее, стенку-то, и помело не возьмет.

Правитель в отчаянии рухнул в кресло и простонал:

— Человек, мне дурно! Стакан воды!

— Какой воды?! Вторую неделю водопровод не работает. Нешто на Неву сбегать, что ли? Или вместе пойдем, сведу вас — там напою.

* * *

Свесив набок голову, сидел беспомощно в кресле Правитель России...

У ног его валялся замученный огрызок карандаша — всё государственное имущество, которым располагала на этот момент Россия...

О ПАТРИОТИЗМЕ

Один русский человек рассказывал мне:

— Был я в Берлине. Еду в трамвае, а трамвай так переполнен, что, как говорится, и плюнуть некуда. А мне как раз после крепкой затяжки папиросой и захотелось сплюнуть. Сказано — сделано. А тут и подвернись массивная немецкая нога в лакированном ботинке. Заорал мой немец, будто я в его ногу из пистолета выстрелил. Остановили трамвай, извлекли меня, позвали шуцмана и повели, куда следует. Иду, молчу. По дороге немец с оплеванной ногой опять так стал орать и кипятиться, что я не выдержал:

«Не ори!», — говорю, — «печенка лопнет». И вдруг лицо его совершенно преобразилось... Прислушался он к моей речи, ахнул: «Позвольте, говорит, да вы кто такой?» — «Русский». — «Ах, русский! Чего ж вы раньше не сказали! Тогда другое дело. Шуцман, я против этого господина никаких претензий не имею. Отпустите его». — «Почему?» — «Да так. Я раньше думал, что имею дело с представителем культурной нации, а русский?..» — Вы свободны». И ушел я, радуясь, что дешево отделался!..

На меня этот рассказ произвел тяжелое впечатление. Я понимаю, что рассказчик мог по легкомыслию своего характера плюнуть на чужой ботинок, но дальше — нужно было повести себя не так. Когда немец заявил о мотивах прекращения им скандала — нужно было сказать:

— Да, немецкая морда, я русский, но мы вовсе не некультурная нация. Я плюнул на твой ботинок с заранее обдуманным намереньем и со специальной целью оскорбить тебя. Не люблю немцев! Сначала думал дать тебе по шее, а потом решил наплевать. Накось, выкуси!

Вот это была бы настоящая речь гражданина, ставшего на защиту своей родины.

Правда, пришлось бы заплатить марок сто штрафу или посидеть недели две в участке — но тогда и оскорбленный немец и каменный шуцман не были бы так пренебрежительны...

Ах, мало у нас патриотической гордости. А ведь могли бы.

* * *

Моя квартирная хозяйка, гречанка, однажды подметая лестницу, распевала во все горло без слов популярную русскую мелодию «Пущай могила меня накажет».

— Хорошая песня, — иронически сказал я.

— Да, мусью. Греческая хорошая песня.

— Кой черт греческая. Это чисто русская, все шарманки в России ее играли.

Гречанка обиделась.

— Простите, мусью. Когда я говорю, что греческая, так значит греческая. Русские такой хорошей песни не могли бы сочинить.

И в ее глазах засветилась сатанинская гордость по поводу того, что какая, дескать, у них талантливая страна.

Песенка «Пущай могила меня накажет» — правду сказать, дрянь порядочная и не мне держаться за нее зубами, но было чрезвычайно обидно, что на моих глазах обокрали мою родину.

— Почему же вы думаете, что Россия не могла создать этой прекрасной песни? — надменно спросил я.

— Русские хорошие люди, но дикие.

* * *

Так-с. Дикие мы.

И это говорит даже гречанка. Обокрала нас да еще нас же и ругает.

Воображаю, что же должны думать о нас настоящие культурные нации?

Впрочем, полагаю, что в этом направлении мы достаточно вывихнули и взболтали их европейские мозги.

Посудите сами: дикие мы, а приехал в Париж Дягилев с балетом — и вся Франция дрогнула от восхищения.

Приехал дикарь Бакст — показал две-три постановки — и все парижские журналы засверкали изумрудами и лазурью репродукций его декораций и костюмов. Совсем недавно скромно выплыл на поверхность бушующего парижского океана Никита Балиев — и парижане восторженной толпой ринулись смотреть этого дикаря, привезшего труппу русских людоедов и белых медведей.

В Берлине — русский дикарь Степан Кузнецов, другой дикарь Василий Вронский — и дрожит от восторженных рукоплесканий Берлин. В Праге — художественники — и Прага кричит, что это огромная эпоха в жизни Золотой Праги!

Помилуй-Бог, дикари раз, дикари два — но нельзя же до бесчувствия.

Наша русская кинематография на всемирном рынке считалась чуть не на шестом месте, и Европа относилась к ней полуснисходительно, полупренебрежительно.

А вчера я видел картину Лысенко и Мозжухина по его же сценарию — и, отбросив в сторону всякий патриотизм, твердо скажу: самая тонкая, самая художественная, самая благородная картина сезона!

Публика бурно выражала свои чувства, и даже твердокаменные греки цокали на этот раз так сильно, что казалось — тысяча цикад расстрекоталась ночью в степи.

А Мозжухин и Лысенко чисто русские и, значит, он дикарь, она дикариха.

— Наверное, — думает публика, — едят руками и потом вытирают жирные пальцы об волосы.

Что же сказать об иностранцах, если и мы, русские, не особенно умеем чувствовать, обонять аромат русского таланта.

Прив<ат>–доц<ент> Никольский в «Общем деле» уже после расстрела Гумилева спохватился и написал о его творчестве прекрасную восторженную статью.

А где вы были раньше, господин Никольский?

Неужели для того, чтобы отдать должное русскому писателю — его нужно предварительно расстрелять?

Умер Блок от цинги — и все русские газеты затрубили о нем.

А пока гнил заживо — вспомнил ли кто-либо о его прекрасном творчестве? Разве что кто-нибудь в полемическом фельетоне впопыхах зацепит две его строчки:

В белом венчике из роз
Впереди Иисус Христос.

И то — это бралось так, для разгона пера.

Нам бы нужно поучиться патриотической гордости хотя бы у евреев — ведь, слава Богу, всю жизнь у нас под боком были.

Ехал я однажды в купе вагона со скачек.

Из коридора донеслась фраза:

— Замечательно прошел Роб Рой! Подумайте, в три минуты заработал 15 тысяч!

Один из сидевших напротив меня евреев наклонился к другому еврею и, сверкая гордыми глазами, шепнул ему:

— Роб Рой — это, наверное, еврей!

— С ума вы сошли, Цукерман, что ли? Это лошадь.

И уверенно отвечал Цукерман:

— Ну, значит, еврейский лошадь. — А у нас наоборот:

— Скажите, Пушкин русский писатель?

— Что вы! Негр чистейшей воды! А Лермонтов шотландец.

Черт нас знает, богаты ли мы уж очень, что ли — что так щедро разбрасываем, раздариваем все направо и налево?

ТЕОРЕТИК НА КУХНЕ

По последним известям из России, глава и организатор новой счастливой жизни — Владимир Ульянов-Ленин — начисто отказался от тех идей и принципов, которые он четыре года вводил и применял бархатной ласковой рукой:

— Я вводил там коммунизм... Так, видите ли, именно Россия как раз и была непригодна для коммунистического опыта.

— Я разрушил финансы. Ан оказывается, что финансы для страны все равно что воздух.

— Я отменил частную собственность. А ее, вишь ты, наоборот — нужно было укрепить.

— Я перерезал всю буржуазию и разогнал интеллигенцию, а теперь — прямо смешно — выяснилось, что без культурных сил и капитала стране крышка.

— Я отменил свободную торговлю, а ее, черта, наоборот, оказывается, нужно было укреплять!

Этого «наоборот» у Ленина хватило бы еще на два десятка абзацев.

Какой же вывод?

Во всяком другом обычном случае человек, сделавший это, пришел бы куда следует и сказал:

— Маменька! Я оказался дурак и болван: позвольте мне выйти вон.

Владимир Ильич и тут поступает наоборот:

— Я тут черт его знает чего накуролесил: довел страну до разорения и до голодной смерти. Так вот, голубчик Нансен, поезжайте в Европу и попросите денег, чтобы я мог окончательно укрепиться на своем троне.

* * *

Впрочем, я это написал, а оно как-то неубедительно выходит. Почему? Потому что это — политика.

В политике допустимы такие абсурды, от которых — перенеси их в частную жизнь — волос дыбом станет.

Предположим, идет по переулку человек — вдруг: крик о помощи.

Бросается человек на крик, видит: двое режут третьего. Он мужественно валит режущих на землю, помогает недорезанному встать, недорезанный вскакивает, бросается на защитника и вместе с оправившимися грабителями начинает душить сердобольного прохожего.

Может это быть в частной жизни? Дичь! Гиль! Сапоги всмятку!

А в политике это один из простейших приемов и называется он у дипломатов «здоровым эгоизмом» или «недопущением усиления соседа» или чем-то в этом роде.

Написал я о Ленине — и оно неубедительно. Перенесу я «случай с Лениным» на частную, бытовую почву — и засверкает он, затрепещет жизнью, задышит и сделается таким ярким, что глазам больно...

* * *

Семья Петровых нанимала повара.

— Что вы умеете делать, голубчик? — спросил Петров.

— А все умею. Я повар-теоретик. По математическим формулам любое бленманже выведу.

— Значит, кормить хорошо будете?

— Да уж будьте покойны: так накормлю — со стола не встанете.

— И прекрасно. На завтра приготовьте борщ, рыбу, рагу из зайца и мороженое.

— Нет ничего легче.

На другое утро встал повар, сел посреди кухни и стал рассуждать теоретически:

— Для того чтобы сделать рагу из зайца, нужно иметь зайца; для того, чтобы иметь зайца, нужно его убить; для того, чтобы его убить, нужно ружье и собака; для того, чтобы иметь ружье и собаку — нужно их купить; для того, чтобы купить — нужны деньги. Итак, первоисточник найден: пойдем к хозяину за деньгами!

Пришел к хозяину, говорит:

— Пожалуйте мне денег для обеда.

— Много тебе?

— Да тысяч пять дайте.

— С ума ты сошел?! Такой обед и пяти рублей не стоит.

— То есть как же это так? Для борща нужны овощи и мясо? Значит, огород и быка должен я купить или нет? Для рыбы сеть нужна али руками за хвост прикажете ловить? Опять же возьмем рагу из зайца: как я его без винчестера и сеттера спымаю? Пятью тысячами только-только обойдусь.

— Пошел вон! Ты пьян.

— Это кому ты так говоришь? Трудящему пролетариату?!! Давай деньги, собака!

— Кар-раул!!

Вынул из-за пояса повар свой поварской нож, перерезал горло хозяину, стал по карманам шарить...

— Осел! — прохрипел умирающий хозяин. — Зачем тебе огород городить для одного борща? Зачем сети и ружье?! Ведь все припасы на базаре за гроши продаются.

— А ведь верно! — хлопнул себя об полы повар. — Ишь, черти, буржуазы, как ловко устраиваются! Жалко, что его прикончил. Он бы при мне хорошим спецом был...

Вынул у хозяина пять рублей, пошел на базар.

Вернулся, захлопотал: в котел, врезанный в плиту для выварки белья, — свалил зайца, рыбу, мясо, овощи, посолил все, поперчил, навалил сверху дров — поджег...

— Теперь водицы только подлить, в самый раз поспеет...

Заглянула в кухню только что проснувшаяся хозяйка, ахнула:

— Что ж ты сидишь, руки сложа, ничего не делаешь?

— А чего его делать?!

— Мороженое бы вертел.

— Так чтоб вертеть мороженое, нужно его иметь! Как же я могу вертеть то, чего нет? Нешто летом мороженое можно сделать?

Подошла хозяйка к котлу, из которого валил сырой дым, заглянула — хлоп в обморок.

— Чего это она, дрянь, падает на чистый пол? Сорят тут хозяйками — потом подметай.

Подошел к котлу, зацепил вилкой какой-то обгорелый кусок, головой покрутил:

— М-да-с... не вышло. Очевидно, я в теоретических посылках где-то ошибся. Не то дрова должны быть снизу, не то — еще чего.

Надел шапку, перешагнул через хозяйку, пошел к соседу Петровых, чей дом рядом был.

— Здравствуйте вам. Позвольте представиться: я повар Петровых. Приготовил я обед для хозяев да что-то там испортилось. Дымовые трубы не в порядке что ли-ча. Займите денег на новый обед.

— Так ты бы у хозяина взял, чудак.

— Сами вы чудак. Как же я могу взять у хозяина, ежели я его зарезал?

* * *

Вы полюбуйтесь только, какой это горячечный бред: история семьи Петровых и их повара.

А перенесите вы действие на политическую почву, сделайте из повара — Ленина, а из Петрова — умерщвленную Россию — и все допустимо! Все начинает казаться не особенно странным и удивительным. А Чернов, Мартов и Керенский даже подыщут кое-какие оправдания.

Почему это так странно?

Потому — политика.

ЗАГОВОРЩИКИ

Феликс Эдуардович Дзержинский по прозванию Золотое Сердце пил у себя дома утренний чай, когда к нему явился с докладом помощник.

— Здравствуйте! Хотите чайку? Вот хлеб, масло. Садитесь. Что это вас на руке за пятно?

— Это так себе, забрызгался.

— Да вы хоть бы перед чаем руки вымыли.

— Не суть важно. Все равно завтра буду мыть руки, заодно и отмою.

— Ну, как дела?

— Тоска. Позавчера последнюю партию утроил, а вчера прошелся по одиночкам, по общим — хоть шаром покати. А 29-й номер такую свинью подложил, что вовек ему не забуду. Захожу, а он уже сам устроился. На подтяжках. Что прикажешь с таким народом делать?

— Неужели никого не осталось? Вам крепкого? Вот сахар.

— Говорю же вам: такая пустота кругом, что даже жуть меня взяла. Ни одной живой души.

Феликс Эдуардович засмеялся:

— Знаю я вас. Живая душа вам нужна! Долго она около вас живой удержится, как же.

— Ну все-таки. Для меня лучшее удовольствие наперед его допросить. Очень они смешные бывают.

— Неужели никого не осталось? Эко дело. Надо что-нибудь придумать, а? А ветчинки на хлеб? Хорошая ветчина. Заговоришко бы какой-нибудь открыть!

— Благодарю вас, я вот этот вот кусочек возьму, с жирком. Заговоришко бы открыть было бы совсем невредно — да заговариваться они перестали. Измельчал народ. Не то что

в 18-м году. Помните Канегиссера? Вот это молодчинище, с таким и поговорить приятно.

— Ну, ваши разговоры известные. Старку?

— С утра-то? Да, так вот насчет заговоришка. Пойти по улицам пошататься, что ли? Может, на что и напорюсь. Публика нынче дрянь пошла. Ходят и молчат как про́клятые. Тебе режим не нравится — так ты это вопи на всех перекрестках, а не молчи, как какая-нибудь дрянь. Ты будируй. Тебе свобода не затем дана, чтобы молчать, как скотина бессловесная. Гражданин — так ты протестуй, критикуй, осуждай. Эх! Даже печень разыгралась. Прощайте-с.

* * *

По улице шли два гражданина, а за ними третий.

— ... И что меня больше всего разозлило, — жаловался один другому, — что последние полкотлеты я себе на ужин оставил, а он с подоконника на стол прыг, носом верхнюю тарелку сдвинул и стрескал в один момент и котлету и две морковины.

— Вот мерзавец!

— Верите совести: я его убить хотел!

Третий, шедший сзади, приблизился к разговаривающим и вежливо спросил:

— Виноват, товарищ... Кого это вы, говорите, хотели убить?

— А вам какое дело?

— Некоторое есть.

— Я с незнакомыми не разговариваю.

— А вот вы оба пожалуйте за мной, так и познакомимся. Может, даже «на ты» перейдем.

— Вы не имеете права!

— Виноват, я думаю, этот документик убедит вас, что я имею право на многое... Хе-хе. Так кого вы хотели убить?

— Кота я своего хотел убить. Он у меня вчера полкотлеты слопал. Обидно мне сделалось, товарищ чекист. Скотина котлеты ест, а я с голоду подыхай?..

— Виноват, я попросил бы вас не осуждать советскую власть и не орать об этом на улице.

— Я не осуждаю.

— Как же не осуждаете, когда во всеуслышание заявляете, что советская власть довела вас до голодной смерти?.. А вот вы, товарищ... Вы, кажется, кого-то назвали мерзавцем? Стыдитесь. Отзываться так о светлом борце за счастье пролетариата, о кристальной душе Владимира Ильича Ленина...

— Да я не о нем сказал: мерзавец. Что вы!

— Нет, раз «мерзавец» — значит, о нем. Вы тоже последуете за мной.

* * *

— Вот здесь нам будет удобнее поговорить. Секретарь, вы записывайте. Итак, признаете ли вы себя виновным, что организовывали заговор на жизнь председателя совнаркома и агитировали против продовольственной политики советской власти на почве голода?

— Что вы, товарищ, опомнитесь! Когда я злоумышлял на жизнь председателя совнаркома?

— Я ведь не глухой? Сам слышал, как вы признавались: «я его убить хотел». А вот товарищ мерзавцем назвал. Сознаетесь?

— Да в чем же нам сознав...

— Сознаешься?!

— Караул, убивают!

— Чего орешь! Пока тебя, дурак, никто не убивает. Ты должен раньше сообщников выдать. С кем злоумышлял на жизнь Ленина? Вспомни. А то огоньку подложу — хуже будет.

— Клянусь вам честью!

— Ну?... Как их фамилии?

— Не жмите так горло — назову. Иванов их фамилия и Петров.

— Адреса?

— Не знаю. Я с ними на улице познакомился. Подходят и говорят: «здравствуйте» — «здравствуйте». — Послушайте, давайте убьем Ленина. Ну, я, конечно, говорю: как вам не стыдно? Они сконфузились и ушли.

— Куда ушли? По какому адресу?

— Ей-Богу, не знаю. Да вы по фамилиям разыщите!

— Чудак вы человек! Как же я их по фамилиям разыщу, когда их, Ивановых и Петровых, тысяч двадцать?

— А больше я ничего не знаю.

— Да что вы говорите?! Ну а ежели насчет угольков? Как тогда ваше рассуждение? Ужели подкоптить?

— Что ж, жгите. Я ничего не знаю, хоть бы я сделался совсем прокопченным.

— Как? Как вы сказали: Прокоп..?

— Прокопченый?

— Вот это нам и надо. Секретарь, пишите: Прокопович.

— Виноват... Вы не поняли, я говорю...

— Да-да, мы понимаем. Итак, кто кроме Прокоповича?

— Убейте меня, ничего не знаю.. На куски разрежьте, кишки вымотайте...

— Виноват, не спешите так.. Значит, как говорите? Кускова, Кишкин... Секретарь, запишите...

— Какая Кускова? Какой Кишкин? Что вы?.. Я не то сказал.

— Ага. Проговорились, а теперь на попятный... Нет уж, голубчик... Теперь мне все ясно.

— Клянусь вам, вы не так поняли. Я говорю — хоть на куски разрежьте, кишки вымотайте...

— Как говорите? Кускова? Кишкин? Секретарь, записывайте: «Всероссийский комитет помощи голодающим в лице Кусковой, устроившей заговор с целью умерщвления Ленина при помощи выматывания у него кишок, а также в лице Кишкина, злоумышлявшего разрезать Ленина на куски с целью сокрытия преступления Кусковой»...

Секретарь бойко писал...

* * *

Вот каким образом был открыт ужасный тайный заговор Прокоповича, Кусковой и Кишкина против главы Советской власти В.И. Ленина (Ульянова)...

БОЛТОВНЯ

Недавно я был счастлив: встретил настоящего чистокровного константинопольского дельца.

Дельцов, конечно, в Константинополе много, но это был перл, розовая жемчужина, которой я подавился, проглатывая одну деловую устрицу.

Лошадей на свете много, но все мы восхищаемся Гальтимором, потому что Гальтимор — идеал лошади.

Так и мой делец — он был идеалом.

Имел я с ним небольшое дело. Когда же ознакомился с результатами, ахнул и побежал к нему.

Разговор. Буквально:

— Послушайте! Что же вы сделали?! Ведь это мошенничество.

— Ну, да.

Я растерялся.

— Как же вы... осмелились?

— Голубчик! Надо было быть осторожнее.

— Так вы, выходит, мошенник?

Он испуганно погрозил мне пальцем, подошел к дверям и посмотрел — нет ли кого в другой комнате.

Вернулся успокоенный.

— Нет никого. Да, я мошенник.

— Форменный жулик!

— Форменный.

Он согласился, дружелюбно поглядывая на меня.

— Мне хочется поколотить вас палкой.

— Да разве это вернет вам деньги? Не имеет смысла.

— Или оторвать вам ухо на память, что ли?..

— А какой вам расчет? Вы и так уже потеряли несколько лир, а тогда еще платить придется за увечье.

У меня было такое впечатление, будто я булавкой колол носорога.

— Как же вы можете смотреть мне в глаза?

— Э, милый мой! Да мы с вами еще будем иметь дела, уверяю вас. Только теперь вы, конечно, расписочки берите. Знаю, что так — больше не поверите.

Я взялся за шляпу.

— Уходите? Зашли бы как-нибудь ко мне посидеть. Я из Батума чудесную икру получил. Выпьем по стаканчику, а?

Я рассмеялся, дал ему легкую пощечину и направился к дверям.

— Так жду!

Все константинопольские дельцы должны согласиться со мной, что этот — самый чистокровный.

* * *

Вышла книга Петрушевского — «Фрина».

Хозяин одного книжного магазина предложил мне:

— Не хотите ли купить?

Я опытной рукой перелистал книжку и сказал уверенно:

— Это очень бездарно.

— Помилуйте, берут нарасхват.

— Почему? — изумился я.

— Порнография.

— Где ж тут порнография?

— Страница такая-то, строки от 18 до 25.

— Какая странная концентрация! Из-за этого только и берут?

— Да. Из-за этих семи строк.

— Так на кой же черт всю книжку выпускать, бумагу портить? Ведь автор мог всю интересную для читателя часть книги поместить на собственной визитной карточке!

— Не догадался.

Я усмехнулся и положил обратно на прилавок это странное произведение, напоминающее огромный забор, выстроенный только для того, чтобы написать на нем одно слово.

* * *

Для русского культурного человека большой праздник: вышел в свет № 2 берлинской «Жар-Птицы».

Чувство своеобразной патриотической гордости наполняет сердце, кода перелистываешь эту толстую объемистую тетрадь: люди на чужбине, разоренные беженцы — творят прекрасное русское дело... Много настоящего художественного вкуса, любви к искусству — и огромная техническая тщательность. Надо, однако, отдать справедливость и Керману: для последнего он дает все возможности.

Большинство репродукций — картины с выставки «Мир искусства» — однотонные и трехцветные.

Лучшее — Кустодиев (Эскиз декорации), Ре-ми (трактир) и Шухаев.

Навевают тихую грусть о безвозвратно ушедшем — рисунки, изображающие старый Петербург, — «наш Петербург».

И тут же — жуткий контраст — нечеловеческая рожа: «Комиссар» Бориса Григорьева.

Небольшие, хорошо написанные очерки «Анна Павлова» и «Как работает Иван Билибин» — заключают художественную часть номера.

Литературная часть стоит на бо́льшей высоте, чем в № 1.

Я уверен, что выпуск каждого последующего номера «Жар-Птицы» будет составлять радостное событие в жизни одичавшего русского человека, а потому:

— Большой вам удачи, дорогие друзья!

* * *

С одной стороны, «Жар-Птица», с другой:

По приказанию наркома путей сообщения на всех железнодорожных станциях приказано вывесить портреты «Ленина, Троцкого и др<угих> руководителей Советского правительства», буде таковые портреты до сих пор не имелись в станционных помещениях.

До сих пор «морская болезнь» была печальной привилегией морских путешественников. Теперь она распространилась и на сухопутных пассажиров.

И простодушные матери будут пугать орущих с голоду детей, как та баба в гоголевской «Ночи перед Рождеством» перед произведением кузнеца Вакулы:

— Гляди-ка, яка кака намалёвана!..

* * *

Русский народ не только занят тем, что помирает от голода и расстрелов.

Он еще и острит, хотя сказано:

И кому-то в ум придет
На желудок петь голодный...

Свежий беженец из России сообщил, что по столице ходит список пьес, которые будут ставить по своему выбору власти в пользу голодающих:

Ленин — «Горе от ума»;
Троцкий — «Царь Иудейский»;
Луначарский — «Власть тьмы»;
Всеотоп — «Ледяной дом»;

Продком — «Царь Голод»;
Финотдел — «Свои люди — сочтемся»;
Наркомздрав — «Живой труп»;
Наркоминдел — «Тот, кто получает пощечины».

Остроумнее всего выбор одесской че-ка: «Искатели жемчуга».

Почему-то забыт Гр. Зиновьев, непочтительно называемый своими подданными «Гришка».

Поистине, он имеет право выбрать целых три пьесы: «Дурак» Фульда, «Идиот» Достоевского и «Вор» О. Мирбо.

Для Керенского так и просится Ростановский «Шантеклер», а для Мартова и Абрамовича — «Две сиротки».

В том же списке фигурирует и Внешторг («Бедность не порок»), а, по-моему, для него подошла бы другая пьеса Островского:

— «Бешеные деньги».

* * *

Коммунисты изгнали Нахамкеса из партии за «спекуляцию, расточительность и сибаритство» и за то, что он через советские миссии выписывал себе разные деликатесы и редкие вина из-за границы.

Это дает ему полное право выбрать для себя пьесу в пользу голодающих:

— «Кадрал-Обжора».

Пьеса подходящая. Вся русская каторга играла ее в арестантских спектаклях.

ВЕНГЕРСКОЕ

Несколько лет тому назад в Петербурге пользовался большой известностью общий любимец — французский комик Мильтон.

Один из самых смешных его трюков заключался в том, что Мильтон, выскочив из-за кулис, надевал шляпу поперек, зажимал между носом и верхней губой кусок пакли и, скрестив на груди руки, бодро представлялся:

— Наполеон! Па бон?

Это было так же похоже на Наполеона, как гвоздь на панихиду и поэтому взрыв хохота встречал выходку забавника.

Совсем недавно появился подражатель Мильтона в имитации великого Наполеона Бонапарта — Карл Габсбургский.

Жил он последнее время тихо, мирно, на покое, вежливо вывезенный из Венгрии, но... лавры Наполеона не давали спать Карлу.

Вдруг — выскочил откуда-то из-за кулис, зажав паклю между верхней губой и носом, скрестил на груди руки и представился:

— Наполеон! Па бон?

Расплели ему заплетенные руки, выдернули паклю и вежливо проводили обратно — в Швейцарию:

— Ступайте, ступайте. Не до вас тут.

Вернулся бедный Карл в Швейцарию, посидел там некоторое время — вдруг, трах! Снова будто под ним пружина развернулась: снова шляпа, надетая поперек, скрещенные руки и снова бодрое:

— Наполеон! Па бон?

И снова вернули беднягу обратно.

Теперь возник проект сослать Карла на остров Св. Елены — туда, где до сих пор невидимо бродит тень великого корсиканца.

Встретятся коллеги — вот-то разговоров будет.

Может быть, до сих пор Карл, даже со скрещенными на груди руками, — в глубине души сомневался: точно ли он Наполеон...

Но теперь — попав на Св. Елену, я полагаю, он совсем собьется с толку.

Всё, как в сказках, делается до трех раз... Ясно, что Карл вернется в Венгрию со Св. Елены.

Первый раз он вернулся:

— Поездом.

Второй:

— Прилетел на аэроплане.

Для третьего возвращения остается только один путь:

— Подкоп.

Вроется в землю на своем острове и будет врываться до тех пор, пока не зашевелится земля где-нибудь около

Мармароша и не выпрыгнет снова фигурка со скрещенными руками:

— Наполеон! Па бон?

* * *

Надо отдать Карлу справедливость: упорства в нем побольше, чем у Наполеона.

Кто не хочет видеть его снова на венгерском престоле?

— Все венгры, адмирал Хорти, Большая Антанта, Малая Антанта, славяне, французы, англичане, немцы, итальянцы...

Кто хочет снова видеть его на престоле?

— Только он сам.

Не пускаете? А я на аэроплане прилечу и снижусь прямо на трон.

Не пускаете? А я тихой сапой подкопаюсь, подлезу!..

* * *

Я — автор этих строк — человек скромный, но все же должен сознаться, что при настоящей ситуации шансов на венгерский престол у меня больше, чем у Карла.

И опыта у меня больше — о неограниченной монархии я и не заикнусь: конституция, парламент, ответственное министерство — все это я дарую с высоты прародительского престола, а сам, никому не мешая, надену венгерку и буду попивать венгерское, подписывая только акты о смягчении наказаний для уголовных преступников (прерогатива всех ограниченных правителей).

Во всяком случае, предлагаемое мною не так неосуществимо, как кажется на первый взгляд...

Кто имеет «лучшую прессу»? Я или Карл? Я.

К кому относятся венгры менее недоброжелательно? Ко мне или к Карлу? Ясно — ко мне, потому что ничего дурного я им не сделал!

Кем возмущалась Большая и Малая Антанта, мной или Карлом? Карлом.

О себе я никогда дурного слова не слышал.

Так в чем же дело?

Это единственный выход, который мог бы развязать все узлы и окончательно успокоить Карла в смысле его дальнейших полетов и подкопов:

— Куда вы, молодой человек? Место занято.

Я, конечно, не навязываюсь, но если здоровый смысл еще не угас в этом удивительном мире, то первым шагом адмирала Хорти должна быть виза для меня на Будапешт.

Остальное утрясется.

ЖИВОЙ ТРУП

Жил-был один актер. Всякий актер любит рекламу, но мой актер в этом отношении был прямо неистов. Как тигр любит пить теплую кровь из прокушенного горла своей жертвы, как пылкий влюбленный ищет губ любимой девушки — так он искал рекламу, так он любил рекламу!

Иногда вдруг ни с того ни с сего газеты сообщают:

— «Кража бриллиантов у актера N на три миллиона».

Или:

— «Актер N потерпел крушение экспресса. 145 убитых, 8 раненых, актер N спасся, вскочив вовремя в трубу паровоза».

Сначала публика ахала, восхищалась, удивлялась и ужасалась: потом привыкла — нервы огрубели.

Сообщают, например:

— «Вчера жирафа, запряженная в коляску актера N, взбесилась и понесла. Актер N, не растерявшись, подпрыгнул, ухватился за телеграфную проволоку и, добравшись таким образом до телеграфного окошечка, дал в нашу газету депешу о случившемся».

Какой-нибудь легковерный чудак побежит к приятелю:

— Слышали? У актера N жирафа взбесилась. Пришлось ему бежать по телеграфной проволоке!

— Брехня, — скептически поморщится приятель. — У актера N не только жирафы, но и клячи водовозной нет. И не при его пузе по телеграфным проволокам скакать...

— Зачем же написано?

— Реклама.

— Что вы говорите! А вот недавно сообщали, что его поколотил какой-то ревнивый муж?..

— Тоже реклама.

— Да какая же тут реклама для человека, если его палкой по башке трахнули?

— Ну, уж там видней, что к чему. И ребенок его был недавно болен для рекламы, и жена у него сбежала для рекламы... Ничему не верю! Всё реклама...

— Однако он, говорят, из очень почтенной семьи...

— И семью себе выбрал для рекламы, и сестра у него замуж за инженера вышла для его рекламы.

Вдруг появилась скромная газетная заметка:

«Актер N опасно заболел».

— Ишь ты, шельма, — сказала, подмигивая, публика. — Какую себе рекламу закатил: болен я, говорит.

— Да, может, действительно болен?

— Он-то? Наверное, для бенефиса всё. Я чай, здоровехонек...

Новая заметка:

«Положение актера N признано безнадежным. Он при смерти»

— Ха-ха-ха! — закатывалась публика. — Ну, и ловкач же. Куда метнул! Ведь даст же Бог. Я думаю, после этакого дела огромный бенефисище зацепит.

И, наконец, появилась газета с траурной каймой:

«Актер N вчера, не приходя в себя, скончался...».

— Гениальный парнюга! — ревела восхищенная публика. — Лобастый, черт! Эко придумал: «не приходя в сознание»... Надо будет на бенефис билетик спроворить... Без барышника не обойтись. Интересно, когда бенефис будет: до вскрытия или после?

Потом были похороны: актер чинно и строго лежал в гробу, с кротким, навсегда успокоившимся лицом, а сзади шла публика и грохотала:

— Ах, чтоб тебя разорвало! Ведь вот что придумал... Мозговитый...

— Однако, как хотите, реклама рекламой, а, по-моему, это оскорбление религиозного чувства! Кощунство.

— Зато по-американски, хи-хи.

— Ребята, гляди, зарывается! Ей-Бо, живьем для рекламы в землю уходит! Как же ему там до бенефиса дышать, голубчику? Чем?

— Дурень ты, не нашего Бога! Где ж ему дышать, ежели от него уже покойницкий дух!

— Эва! Нешто для рекламы не надушится?!

И, расходясь, условливались:

— Значит, до бенефиса. На бенефисе встретимся.

А в это время в гробовую щель бочком прополз земляной червяк и пытливо огляделся в темноте:

— А где тут которые актеры? Чичас жрать их будем.

* * *

Не напоминает ли тебе, дорогой читатель, этот удивительный актер, эта удивительная судьба — судьба Советской власти?

Четыре года мы с тобой, друг-читатель, слышим, что советская власть кончается, что она на краю гибели, и четыре года — все это было самой подлейшей рекламой...

И сначала мы верили этой рекламе:

— Деникин бьет большевиков. Значит, скоро конец!

Реклама!

— Кронштадт восстал! Петербург накануне падения...

Реклама.

— Власть переходит к общественному комитету...

Реклама.

— Голод задушит Советскую власть...

Реклама.

Ну, вот теперь прочли мы, что вся Украина снова восстала, что в Москве форменное восстание, что крестьяне восстали и хорошо организованные идут на Москву, что... отовсюду гремит медь бодрых известий о конце советской власти...

Верить этому или нет?

Боюсь, поверю, а покойник вдруг после вскрытия такой бенефис поставит, что чертям будет тошно...

Может быть, и правда, что коммунистического покойника везут уже на кладбище, правда и то, что дух от него нехороший идет, и червячки уже зубки точат.

Дух-то дух, червячки-то червячки, но нет уже веры в сердце нашем... Столько раз мы обманывались, что всякий из нас думает:

— Ой, реклама! Ой, для какого-то бенефиса этот живой труп в землю уходит.

«Украина восстала, в Москве идет форменное сражение, крестьяне вооруженные спешат на Москву».

Верую, Господи, но... помоги моему неверию.

ЛЕГЕНДА БИСКАЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Один старый бискайский рыбак рассказал мне ее, покуривая короткую трубочку и беспрерывно сплевывая.

Впрочем, последнее могло быть легко объяснено его отношением к избранной теме: мне и самому, когда я теперь пишу об этом, хочется сплюнуть.

* * *

...Когда русские коммунисты окончательно утвердились на начала равенства и братства — они решили, что животные такие же коммунисты, как и они, и поэтому было постановлено записать в партию наиболее сознательные элементы животного мира...

Первой явилась лошадь:

— Пожалуйста, запишите меня в Р.К.П.

Председатель Исполнительного комитета почесал маузером за ухом и спросил:

— А ты разве трудовой элемент?

— Помилуйте, — усмехнулась лошадь. — Я могла бы сказать, что я работаю, как лошадь, если бы на самом деле не была лошадью... Кто пашет, боронит, возит дрова? Я! Кто скачет в конные атаки, рискуя наравне с тем дураком, который трясется на моей спине? Я! Неужели я не заслуживаю ударного пайка наравне с оружейными мастерами и чекистами?

— Вы правы, товарищ лошадь, — кивнул головой коммунист. — Приложите копыто к этой бумаге и поступайте в комячейку. Следующий!

— Здравствуйте! — подошла корова. — Если вы приняли в партию и дали ударный паек — лошади, то корову вы должны прямо-таки избрать в председатели коминтерна!.. Я даю молоко, мясо, кожу — все я даю, кроме птичьего молока. А кроме того — не примете в партию, я так бодну вас рогом в брюхо, что из вас черти посыпятся.

— Напрасны эти ваши империалистические запугиванья, — поспешил сказать председатель исполкома коминтерна. — Я вас и так запишу в секцию «кормилиц», подотдел «капля молока», «отдел пищевиков». Вы имеете право на усиленный паек.

И, наконец, подошел осел.

Тряхнул он ушами и заревел:

— Боже, какая приятная встреча! Я, я, знаете, в партию. Записаться. Надоело без коммунизма жить. Душа, знаете, жаждет чего-нибудь высокого.

— Осел вы этакий, — засмеялся председатель. — По каким мотивам можете вы записаться в партию? На вас не пашут, в атаку вы не ходите, молоко ваше ни к черту, мясо тоже... Проваливайте.

Страшно сверкнул осел глазами и возмущенно всплеснул копытами:

— Как?! Я недостоин вступить в вашу идиотскую коммунистическую партию? Да знаете ли вы, что только благодаря мне коммунисты в России у власти?

— То есть почему же это?

— То есть потому. Разве, если бы в России не было столько ослов, потерпела бы она хоть минуту, чтобы ей на шею сели такие мошенники, как вы?!.. Ослами только и держитесь.

* * *

Окончив рассказ, рыбак выколотил пепел из трубочки и спросил:

Неужели правда, что в России так много ослов?

— Милый мой, — пожал я плечами. — Сейчас видно, что вы не знаете зоологии. У Брема сказано: «Ослы водятся почти во всех европейских и азиатских странах». Вероятно, поэтому коммунисты так и задержались в России.

ДУРНАЯ БОЛЕЗНЬ

Пришел ко мне Яша. Знакомый.

— Что скажете, Яша?

Он покраснел, смутился и что-то пробормотал.

— Не слышу. Что такое?

— Да, собственно... конечно... это пустяк. Но я все-таки хотел вам признаться. Собственно, как на это взглянуть...

— Ну?

— Понимаете, дел никаких нет, а жить все-таки надо.

— Изумительно тонко подмечено.

— Ну, вот, значит, я...

— Чего вы мнетесь? Оттоманский банк обокрали, что ли?

— Нет, напротив...

— Помещение, которое напротив Оттоманского банка — обокрали?

— Нет, что вы. Я человек, конечно, честный, но...

— Ого! От этого «конечно» и «но» на версту пахнет тюрьмой.

— Что вы, что вы! Видите ли, от этого, что я вам хочу сказать, никто же не застрахован. И самые порядочные люди...

— Понимаю. Захватили какую-нибудь нехорошую болезнь?

— Да нет же, Господи! В конце концов, они такие же люди, как и мы... А, понимаете — дел никаких, мертвый кризис... Падение валюты...

— Фу ты, какой дряни человек натащил. Неужели не можете сказать прямо, Яша: я убил такого-то, я украл то-то.

— Ничего я не крал, — обиделся Яша.

— Значит, у вас украли?

— И у меня не крали.

— Яша! Если вы не скажете прямо, зачем вы ко мне пришли, я отворю вам выходную дверь.

— Я пришел объясниться. Чтобы вы не думали плохо. Ей-Богу, они даже вне политики.

— Кто-о?

— Кооперативы.

— Ну?

— А я туда поступил, — с отчаянным лицом выдавил из себя Яша.

— Наконец-таки, разрешились. Однако что же тут дурного, что вы служите в кооперативе? Кооперация — прекрасное дело. Поздравляю.

— Спа..этого самого... сибо. В конце концов, большевизм как чистое учение очень симпатичен... В Москве даже белые булки едят... Они уже сдают заводы в аренду владельцам... Как хотите, а Ленину в кругозоре отказать нельзя...

На лбу у Яши выступили крупные капли пота. Будто человек рояль на пятый этаж втащил.

Меня озарило:

— Те-те-те!.. Яша! Ну-ка откровенно: как называется то место, где вы служите?

— Видите-ли...

— Нет, без «видите-ли»! Точно! По-солдатски! «Я служу там-то». Ну?

— Я ведь уверяю вас, что они политикой не занимаются. У них только торговые закупки, оптовые эти самые... Контракты тоже...

— Да что вы! Какое благородство поступков. Как же называется место вашей службы? Я слушаю.

— Об... общество внешней торговли и пароходства... Аптекарскими товарами...

— Короче, короче...

— Для внешней торг... овли банк... кирское...

— Еще короче!! Не Внешторг ли?

— Они ж без политики! — завопил вконец измученный Яша, обрушиваясь на оттоманку.

— Итак, значит, Яша, будем говорить короче: вы поступили на службу к большевикам. Так-с. Ну, а теперь пошел вон отсюда.

— Послушайте, — хныкал он, тщетно ловя мою руку. — Если бы вы знали, какие замечательные условия... Пятьсот лир в мес...

— Я вас провожу до парадных дверей.

— Значит, вы сердитесь?

— Нет, но в передней новое пальто висит. Идите, Яша.

* * *

Кто не скажет, что это замечательно?

В дни своей юности в Харькове я из любопытства знакомился с ворами — и никто из них не стыдился своей профессии: «Нас, воров, много», «Мы — воры — ловкий народ», «Наша работа — как всякая работа».

И нищий не стыдится своей профессии, и падшая девушка...

— Вы кто такая?

— По билету живу. От мадамы.

А спросите вы человека, хотя бы одним боком пошедшего на службу к большевикам:

— Вы чем занимаетесь?

— Видите ли... Конечно, как на это посмотреть, но в Москве даже белые булки есть и вообще возвращение к капитализму... Также вот в аренду владельцам заводы сдают...

Ну, еще бы! Если несчастный заболел дурной болезнью, то ему стыдно признаться даже врачу.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Милостивый государь,
господин редактор!

Позвольте через посредство Вашей газеты довести до сведения всех заинтересованных лиц, что я решил отказаться от сомнительного удовольствия быть Верховным Правителем России...

Моему отказу есть много причин...

Первая — это отдаленность моей резиденции (Константинополь) от центра управляемой мною России (Москва). Вторая — нежелание брать на себя ответственность за дальнейшее, ибо чувствую я, что мои помощники, сидящие в Москве, скоро должны слететь, и я тогда могу очутиться совсем без почвы. Третья причина и, пожалуй, самая главная — это слишком рабское, по-глупому усердное исполнение моих предначертаний.

Надо сознаться, что я вовсе не собирался взвалить на свои плечи тяготу управления Россией, и это вышло как-то само по себе. Началось с того, что я написал для Вашей почтенной газеты несколько фельетонов, а советская власть приняла их к сведению, руководству и исполнению — с этого и пошло.

Когда советская власть опубликовала проект памятника 3-му Интернационалу — я в одном из фельетонов посоветовал поместить на самом верху огромный кукиш... И что же! Советская власть приняла это всерьез и немедленно создала знаменитый Прокукиш, так удачно увенчавший 3-й Интернацинал.

Тогда я написал второй фельетон, где сравнил общественных деятелей, извлеченных из тюрьмы, — с шахматами, вынутыми для игры из коробки. Когда же игра будет кончена или надоест (писал я) — тогда все шахматы (Кускова,

Прокопович и пр.) будут снова без церемонии ссыпаны в коробку-тюрьму.

Я писал о диких зверях, которые заведутся в железнодорожных депо; сейчас есть сведения, что волки и медведи уже бегают по улицам некоторых городов.

У меня есть еще много других доказательств, из которых явствует, что настоящий Правитель России — я, а те, что сидят там рабски, без критики исполняют все мои начертания.

Довольно. Устал править.

Настоящим официально отказываюсь от занимаемого мною поста и за дальнейшее слагаю с себя всякую ответственность.

Отныне мои фельетоны буду писать в частном порядке.

Так хочется пожить частной, спокойной жизнью, подышать свежим воздухом, не имея за спиной рабски-угодливых исполнителей всякого фельетонного вздора, который может прийти скромному писателю в голову.

Пребываю с совершенным уважением.

Бывший Правитель России, Верховный руководитель мероприятий РСФСР

Аркадий Аверченко

PRO DOMO SUA

Хорошо раньше жилось писателю. Тихо. Никто к нему не приставал, не беспокоил, и он пописывал, а читатель почитывал.

Не то — теперь, в наше горячее раскаленное время.

Оказывается, нынче друг-писатель нащупал дорогу к другу-читателю, да такую краткую дорогу, что сам не рад.

Написал я летом фельетон о греческом способе ведения войны и слегка коснулся «в теплых, дружеских тонах», как говаривал Н.Н. Брешко-Брешковский, — ихнего греческого вояки генерала Папулоса.

Греки на это очень обиделись. Менее активные сказали в один голос, что я получил за фельетон от Кемаля 500 лир (ей-Богу, не получал!), а один из более активных был встречен однажды на Пти-Шан моим знакомым русским полковником.

— Здравствуйте, полковник. Не знаете ли, где живет Аркадий Аверченко?

— А вам зачем?

Вынул мужественный грек револьвер, помахал им в воздухе, как индеец томагавком:

— Я его застрелю. Он обидел в лице Папулоса всю греческую нацию.

Это было летом. Теперь зимние вихри жалобно воют свою жуткую песнь, а мужественный грек до сих пор не дошел от Пти-Шан к моему дому на углу улицы Сутерази... Положим, на скрещении Пти-Шан и Перы такое бойкое движение, что он, вероятно, стоит там до сих пор и ждет, пока пройдут все трамваи и автомобили.

Боюсь, что к весне этот легендарный грек с пистолетом покажется уже в районе Токатлиана.

* * *

Второй случай «единения писателя с читателем» произошел совсем на днях.

Пришел ко мне один юный сын Марса русского происхождения и, дохнув на меня обольстительным винным букетом, подозрительно спросил:

— Это вы написали книгу «Записки Простодушного»?

Отпираться было бы бесполезно. Очевидно, маска была сорвана с меня начисто.

— Я написал, — застенчиво признался я.

— В этой книге вы оскорбили, во-первых, моего друга персонально, во-вторых, всю корпорацию русских аристократов!

К чести моего посетителя нужно признать, что слова «персонально» и «корпорация» он произнес несколько запнувшись, будто бы ногой о порог зацепился.

— Неужели я оскорбил кого-нибудь? Экая досада! Значит, резвое перо не в ту сторону заскакало. Однако, что ж теперь делать? Ведь книга отпечатана.

— Вы должны дать моему другу удовлетворение!

— Какого сорта?

— Такого. Обыкновенного.

— Слушаюсь. Однако в данном случае столкнулись две корпорации: писательская и аристократическая. У каждой

есть свой суд чести. Мы их соберем, пусть они обсудят сообща и, если я, действительно, оскорбил и должен дать удовлетворение — мы с вашим доверителем с удовольствием ухлопаем друг друга.

— Это не отговорка? — подозрительно спросил он.

— Что вы! Да если бы нужна была отговорка — я просто сказал бы, что у меня зубы болят и мне сейчас вообще не до того.

— Согласен, — задумчиво сказал он. — Передам. А все-таки (в голосе его зазвучала пылкая задушевность) зачем вам было такие оскорбительные вещи писать? (тут он икнул довольно мелодично). Мы считали вас борцом с этими... с большевиками, вы наш... Лестор Нетописец, а вы все про графинь да князей. Нехорошо!.. А еще Простодушный. Ну, прощайте. Я дам... этого... ответ. Можно вас поцеловать?

Последнее несколько неожиданное предложение было, очевидно, следствием его личных лирических эмоций («Вы ужасно симпатичный, Аркадий Матвеевич!»).

Мы облобызались и это дало мне категорическую возможность определить, что излюбленный напиток посетителя — доппель — кюммель.

Удалялся он с самым дружелюбным видом.

* * *

А третье беспокойство и — самое главное — свалилось на мою голову вчера.

Перефразируя слова поэта, я могу сказать:

> Сам Ленин вдруг меня заметил
> И, в гроб сходя, благословил.

Теперь у меня есть гордое ощущение, что я принес России ощутительную пользу — отнял у Ленина часа полтора своей особой, значит, одним декретом меньше, значит, десятью нерасстрелянными больше. «И то хлеб», как сказал один сборщик продналога, вешая на воротах бесхлебную старушку.

А, с другой стороны, я серьезно обеспокоен: что обо мне подумают мои друзья, если сам Ленин начнет меня хвалить?

Действительно, что-то подозрительное. Человек хлещет в своей книге большевиков, что называется, и в хвост и в гриву, а самый главный вдруг пишет, что «некоторые рассказы нуждаются в перепечатке».

Ох, боюсь я этого данайца, приносящего мне дары пылких комплиментов... Хвалит, хвалит, а потом вдруг какой-нибудь Иорданский и хлопнет в «Пути»: «Советский представитель Аркадий Аверченко пишет нам из Константинополя»... Ой, товарищи, не погубите! Ведь тут не скоро отмоешься...

А, возможно, что вся эта удивительная статья самодержца всероссийского просто верх падения (или низ — как хотите) всей коммунистической системы: сначала концессии, потом Госбанк, потом свободная торговля и уже на самом дне пропасти — комплименты «озлобленному до умопомрачения белогвардейцу Аркадию Аверченко», как характеризует меня Ленин.

Раз я «озлобленный белогвардеец» — как же можно говорить, что мои рассказы «заслуживают перепечатки. Таланты нужно поощрять»?

А ну — поверь я вдруг да сдуру вернись в Советскую Россию?

Энти поощрят. Так поощрят, что буду я, издырявленный, сквозить, как ажурный чулок.

* * *

Очень сейчас беспокойно живется русскому писателю. Ругают тебя — обидно. Хвалят — еще хуже.

Сижу и думаю: а не организовать ли «общество защиты писателей от ласкового обращения»?..

КОЛЛЕГИ

Советские газеты сообщают, что в Петрограде предстоит ряд празднеств, посвященных деятелям революции и культуры, причем в первую очередь назначены «дни Стеньки Разина и Владимира Галакт. Короленко»

Ночь после праздника...

На большой площади во тьме вырисовываются две огромных статуи...

Одна изображает здоровенного детину с ножиком в руке, другая — скромную фигуру в мешковатом сюртуке. В руке у него книга...

Статуя, изображающая детину с ножиком, вдруг начинает шевелиться...

— Эй, дядя, — несется по пустой площади сиплый шепот. — Ты ж это кто будешь?

— Русский писатель я. Владимир Короленко.

— Тэк-с. Ловко.

— А вы кто?

— А мы будем Стеньки Разины. Так что, выходит, одна нам честь. Ты часом не из помещиков?

— Вроде того.

— Вишь ты, поди ж ты... Сколько я вашего брата перерезал, перетопил да перевешал — так это и волос на голове столько нет... А ты?

— Ну, я, брат, наоборот: я всегда заступался за тех, кого режут!

— Эва! Так вот ты, значит, какая птица? Ну, подожди малость... Я тебя в одночасье...

Дюжая фигура сползает с постамента и направляется к своему коллеге по чествованию...

* * *

Утром прохожие группами останавливались на площади, пораженные: писатель валялся у собственного постамента с отрезанной головой, а на его месте гордо стояла дюжая фигура с ножиком в руке.

Какие хулиганы устроили это ночное безобразие — так и осталось неизвестным.

ГАМАК ИМЕНИ ЛЕНИНА

Это был самый удивительный гамак в мире.

Но так как мне не хочется ни себя сбивать с толку, ни путать доверчивого читателя, то я считаю необходимым прежде всего установить три незыблемых фактических основания:

1). Как известно, раньше в больницах и госпиталях учреждались койки или кровати «имени такого-то».

Например:

— «Кровать имени Саввы Морозова»

— «Койка имени Аркадия Аверченко»

И так далее.

Очень было симпатичное дело.

2). Из газет известно, что шведские купцы отправили в Советскую Россию в качестве товара огромную партию железных кроватей, которые были большевиками на границе задержаны и ввоз их воспрещен, на том основании, что «этот товар — предмет роскоши».

3). Ленин, по словам Максима Горького, очень доступный для всех, мягкий человек «с изумительно добрыми глазами».

Эти три основания, искусно скомбинированные, приводят к следующему.

* * *

— Не допускайте в красную Россию железных кроватей, — мягко сказал добрый, лучистый Ленин на заседании Совнархоза. — Ну их к черту! Это предмет роскоши.

Тов. Рыков удивился:

— Почему? Ну, конечно. Шубы с них не сошьешь и на топливо они не годятся. Я понимаю еще деревянные кровати — это дело десятое. А на чем же спать?

— На полу. Надо закалять наших горе-коммунистов.

На другой день к доступному Ленину завернул один советский гражданин.

— Что же это вы, голубчик, — недовольно заметил он Ленину. — Почему не допустили ввоз в Россию железных кроватей?

— Они — предмет роскоши.

— А на чем же мне прикажете спать?

— Спите на рояле.

— Что вы! Как же можно спать на рояле! Он для игры сделан.

— Еще чего скажете! Для игры карты есть, шахматы, ну там домино, что ли. А какой же дурак играет на этой деревянной громадине. На ней спать надо или на дрова пустить ее, гадину этакую.

— Я и то — сжег.

— Ну вот и прекрасно. Идите себе и спите спокойно.

— Да на чем же?!

— А на полу.

— А у меня и пол разобран на топливо.

— Потолок цел?

— Потолок цел.

— Спите на потолке.

— Позвольте... ведь, некоторым образом, земное притяжение...

— А вы плюньте на него с высокого дерева. Повесьте к потолку гамак да и спите.

— Товарищ! Да где ж я в Москве, прости Господи, гамак достану?

— Боже, какой неприспособленный народ этот русский человек! Так просто: два крюка в две противоположных стены, две веревочных петли, в одну всуньте ногу, в другую голову — и качайтесь на здоровье и спите хоть до обеда. Вот тебе и гамак.

Гражданин подумал и сказал:

— Хорошо. Разрешите назвать эту штуку «Гамак имени Ленина»?

— Ах, вы меня решительно избалуете, — кокетливо сказал Ленин, подкатывая кверху добрые, лучистые глаза. — Ну пусть будет гамак имени Ленина.

* * *

Пришел гражданин домой. В комнате кое-как по поперечным подпольным балкам добрался до печки, вынул из кармана топливо (три поднятых на улице обгорелых спички, старую почтовую марку и сухую селедочную голову), поджег это все, погрелся у кроткого огонька и стал прилаживать гамак имени Ленина: вбил два крюка в две противоположные стены, повесил две петли и, просунув в одну из них голову, в другую — ноги, сладко потянулся:

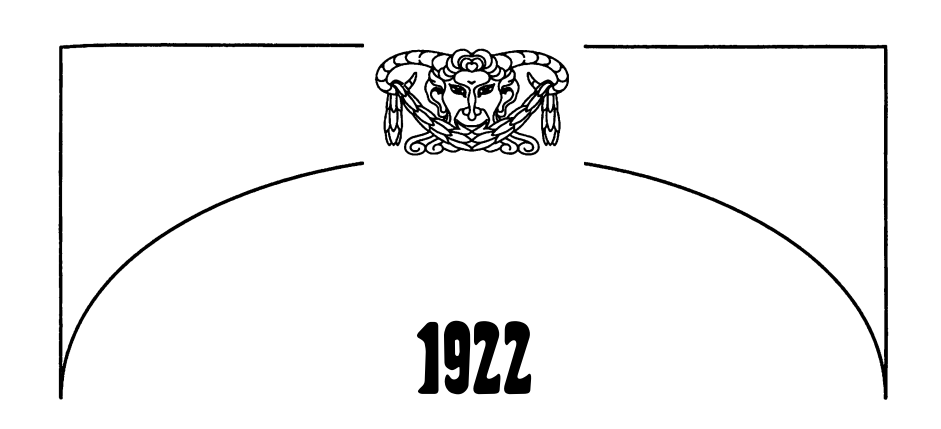
— Ну, вот, как говорится, день да ночь, сутки прочь. Первый день, что всхрапну как следует. А не глупо придума...

На этом слове гнилая веревка, поддерживавшая ноги, лопнула, тело гражданина описало кривую, но это была

не такая кривая, которая вывозит, а наоборот: гражданин шлепнулся спиной о ближайшую стену и повис на своем полугамаке имени Ленина. Долго он висел так.

От удивления лицо его посинело, язык вывалился, а отверстый рот будто кричал:

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь на гамаках имени доброго товарища Ленина!

1922

салат из булавок

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ САТИРИКОН АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО

Несколько уместных слов

Старая наполеоновская гвардия:

— Умирала, но не сдавалась.

Мой «Сатирикон» имеет то преимущество, что он и не сдается, и умирать не собирается.

Правда, временно он притаился, но это — одна из ловких хитростей гражданской войны: сделаешь вид, что занимаешься разными посторонними вещами, а когда успокоенный враг проходит мимо тебя, игриво насвистывая «Интернационал», так его свистнешь по черепу, что гул пойдет на весь крещенный мир...

Три с половиной года тому назад мы свернули наше старое, славное, издырявленное еще самодержавным режимом знамя, оглушили последний раз древком по голове зазевавшегося Луначарского, обругали в последний раз едким черным словом Ленина и Троцкого — и расползлись в разные стороны, прячась наподобие индейских воинов на тропинке войны и давая друг другу Аннибалову клятву снова встретиться и снова развернуть доброе знамя...

То, что вы держите в руках, — первый шелест знамени.

Этот «Сатирикон» не наряден, он не блещет пышностью и яркими переливами цветов и красок, но ведь в военное время все совлекают с себя пышные одежды мирной жизни и надевают скромное серое защитное хаки.

Это — вре́менная боевая одежда.

А там — когда Вселенский Хам будет окончательно раздавлен, — «Сатирикон» снова облечется в пурпурные, фиолетовые, изумрудные и бирюзовые ризы, которые когда-то так веселили глаз и сердце, и снова сатириконцы засмеются так, как смеялись когда-то: радостно и беззлобно.

Ибо — жизнь все-таки прекрасна, звенящие ручейки не иссякли под величавой сенью зеленых дубрав, пахучие травы по-прежнему медлительно склоняются под лаской душистого полевого ветерка, жаркое море плещет или задремывает в зеркальной спокойности, и женщины и дети так же нам улыбаются.

Телеграммы
телеграфного агентства «Утконос»

КАЗАНЬ. Торжественно открыт памятник Основателю России Карлу Марксу.

КАЗАНЬ. Голодающее население по окончании торжества отъело голову Карлу Марксу, так как выяснилось, что голова сделана скульптором из съедобной глины.

Село ГНИЛЫЕ КАМЫШИ. По подозрению в сношениях с Антантой расстреляны две старушонки-бобылки. Виновные не запирались, потому что в Гнилых Камышах и тюрьмы-то нет, да и вообще что там долго разговаривать.

АМЕРИКА. Шаляпин спел в присутствии президента, коленопреклоненный, «Янки Дуддль». За последнее время маститого артиста почти невозможно разогнуть. Портреты его в виде буквы Z — нарасхват.

МОСКВА (радио). Наркомздрав Центрогроб очавчевел бирдым учаксу талалай...

(Примеч. ред. Мы здесь за границей совершенно отвыкли от русского языка: телеграмма из сердца России — Москвы, а — ни редактор «Сатирикона», ни сотрудники так-таки ничего и не поняли. А ведь, может, важное что-нибудь).

ПЕТЕРБУРГ. Фарсовый артист Безштанников расстрелян в порядке охраны за хранение холодного оружия: у него нашли экземпляр фарса «Нож моей жены».

МОСКВА (радио). Начучбалтфлота губвосклав хацаца марасын обдарадрев. (Еще какое-то важное сообщение, а переводчика под рукой нет. Прямо обидно. Может, им там что нужно).

ТУЛА. Здесь культурная жизнь бьет ключом. Один советский ученый открыл целебные свойства тульских самоваров, если к ним примешивать драконову траву и пасту для полировки ногтей.

ОДЕССА. Ученый Н. открыл радикальное средство для борьбы с голодом: 500 грамм ситного в известной пропорции с обыкновенной ливерной колбасой и 100 граммами голландского сыру. Ученый Н. тут же расстрелян во избежание.

МОСКВА (радио). Начучлак кучук (?).

ПЕТЕРБУРГ. Учитель советской школы Лошадякин повесился вследствие плохих отметок, выставленных ему учениками... Горе несчастных родителей не поддается описанию ввиду того, что он сирота.

Общительная натура

Генерал на смотру, выезжая перед фронтом:

— Здорово, ребята!

Новобранец-еврей, выходя вперед:

— А, какое наше там здоровье!.. Понимаете, генерал, третий день в боке у меня что-то болит. Слушайте, как вы думаете — если я помажусь с йодом, пройдет?

Константинопольская природа

Недавно я особенно остро почувствовал — как опротивели мне все окружающие...

Действительно, куда ни пойдешь, с кем ни встретишься — только и слышишь:

— Валюта, франки, пиастры, спекуляция, курс...

Ах, чтоб вы все пропали!

Я решил уйти от людей, я решил отдохнуть на великой, широкой груди природы-матери:

— Поезжай в Бейкос, — посоветовал приятель. — Там недалеко в горах чудесное эхо. Позабавишься.

И поехал я. И захотелось мне отвести душу, поговорить с прямолинейным бесстрастным эхом.

Я сложил на груди руки, выставил одну ногу вперед, набрал в легкие побольше воздуху — и сказал:

— Русский! Если ты, наконец, не придешь на помощь родине — тебе придется снова и снова люто!

— Валюта! — ответило эхо.

Я набрал еще более воздуха в легкие и крикнул еще более зычно:

— И хотя еще болят на твоем национальном самолюбии от уколов ранки...

— Франки! — донеслось до меня.

— ... Но если бодро и с надеждой на лучшее будущее России встретишь последний тайфун ты...

— Фунты!

— ... То будущее России будет прекрасно, как в степи астры...

— Пиастры! — звучно отчеканило проклятое эхо.

* * *

Камо побегу от лица твоего, свирепая жизнь...

Корнет А. и пистон

Светлой памяти Кузьмы Пруткова —
посвящаю

Однажды некий муж,
Рассеян будучи к тому ж,
Дочь за корнета А. вдруг выдал замуж...
Ну — пережил несчастный драму ж!..
Узнав, что муж «корнет»,
Рассеянный отец, схватив беднягу
за жилет,
Хоть муж наш и сопротивлялся —
Дудеть с утра в корнета принимался!..
И вот, издав ужасный стон,
Схватил корнет наш А. пистон
И, сунув в пистолет, жестокий дал урок:
Спустил в рассеянного тестя он курок!
Трагичен был конец исторьи той:
Корнет — женатый был, пистон же —
холостой,
Известно: холостой женатому вредит:
В корнета невредимый тесть по-прежнему дудит!
Безумный меломан! оставь свой инструмент
Хоть на момент!
Ведь сей «корнет» тебе забава,
А дочь твоя — жена его, и на него имеет право!

* * *

Мораль я приберег для самого конца:
Корнет для дочери, пистон же — для отца
Для подлеца!

Маленький фельетон

Изречения великих людей

Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей... —

сказал Ландрю, сжигая в печке одиннадцатую жертву.

* * *

— Дитя, оглянися, младенец — ко мне!
Веселого много в моей стороне —

сказал Федор Баткин Слащёву, отправляя его в Россию.

* * *

— Жареные гуси мастера пахнуть, — процитировал Слащёв Чехова, получая от Ленина полмиллиарда.

* * *

— Люблю отчизну я,
Но странною любовью, —

декламировал Милюков, печатая в «Последних новостях» письма, разлагающие армию Врангеля.

* * *

Еду, еду, не свищу,
А наеду — не спущу!.. —

пели беженцы, наехав в Константинополь и спустив тут же на пристани последние штаны.

* * *

— Нет такой компании, которая бы не расходилась, — скажет Россия, развешивая на деревьях коммунистов.

* * *

— Я хотел бы видеть в супе каждого из крестьян курицу, — говаривал Генрих IV.

— А я сварю самого крестьянина в супе, если он, каналья, не отдаст мне курицу, — возразил Троцкий.

* * *

Тот же Троцкий, делая смотр Красной армии, так пародировал слова Наполеона в Египте:

— Сорок тысяч дураков смотрят на меня!

* * *

Когда выяснились результаты Вашингтонской конференции, один из присутствующих вспомнил Жуковского:

И, исполнены печали,
Мы сидели и молчали
Гости Круглого стола.

* * *

— На всем московском есть особый отпечаток, — утверждал Феликс Дзержинский, комплектуя башкир и китайцев для охраны Кремля.

* * *

А Керенский процитировал Пушкина:

— И дернул же меня черт с моим талантом родиться в России!

И верно. Гораздо лучше, если бы это событие произошло подальше. В Сиаме, что ли.

* * *

Жемчужну кучу разрывая,
Петух нашел навозное зерно.

Назвал петух это зерно Н. Иорданским и послал в Гельсингфорс издавать «Путь».

* * *

— Арбуз на солнце любит зреть, — говорил Максим Горький, убегая за границу.

* * *

— Битая посуда два века живет, — радостно думал представитель Внешторга, прикладывая к глазу свинцовую примочку.

* * *

— Полюбите нас красненькими, а черненькими нас и царь любили, — сказал Шаляпин...

Хроника происшествий

НЕОСТОРОЖНАЯ ЕЗДА. Максим Горький собирается приехать обратно в Россию.

В ПРИПАДКЕ УМОИИСТУПЛЕНИЯ. Некий гражданин Z внес в Госбанк все свои сбережения.

АНТИСАНИТАРИЯ. Зиновьев-Апфельбаум снова избран председателем Петрокоммуны.

РОДЫ НА УЛИЦЕ. На одной из пражских улиц у некоего Александра Керенского родилась мысль, что он более всех виноват в развале России. Несчастная роженица чувствует себя превосходно.

УЛИЧНОЕ БЕЗОБРАЗИЕ. Поставлен еще один памятник Карлу Марксу. Чего же смотрит наша городская дума? Скоро нельзя будет пройти по улицам.

ТРАМВАЙНАЯ КАТАСТРОФА. Вчера трамвай не успел наехать на проходившего по улице чекиста Петерса. Вагоновожатый оправдывался тем, что он Петерса не заметил.

ВСПЛЫВШИЙ ТРУП. Петлюра снова появился на Украине.

Мое мнение о злом китайском покупателе фиг,

или

На что ни пойдешь, чего ни скажешь ради рифмы

Плохо ль скажу об тиране я,
Если он в видах гигиены,
Делает по утрам обтирания
И меняет на фиги — йены...

В греческом ресторане

— Послушайте! Почему у вас около тарелки вместе с ножом и вилкой лежит гребенка?

— Да у нас в котлетах всегда волосы попадаются. Так чтоб вычесывать.

Верх честности

— О, я, батенька, не такой человек, чтобы чужим пользоваться! Даже зубочистку в ресторане — никогда не унесу с собой, а положу обратно, на прежнее место.

Театр и искусство

9 января в Пти-Шан состоится один из интереснейших спектаклей сезона: пойдет «Павел I» с лучшим, по отзыву русской критики, исполнителем заглавной роли — Н.Н. Петровым-Братским.

Роль графа Палена поручена В.П. Свободину.

* * *

«Гнездо перелетных птиц» открыло свой сезон в помещении рест. «Paradise» на Пере.

Спектакли пользуются шумным успехом, благодаря хорошей труппе и интересным постановкам.

Неизменно хорош Шеин в новой пьесе «Флирт Розенберга».

* * *

Из всех константинопольских ресторанов «с программой» наибольшим успехом пользуется кабаре «Эрмитажа». По случаю русских праздников программа значительно расширена и украшена видными артистическими именами.

Во главе — талантливый, разнообразный Александр Вертинский, расширивший свой репертуар «песенок» — цыганскими романсами, исполняемыми разнообразно и темпераментно.

* * *

А. Мурский, находящийся в настоящее время в Париже, получил приглашение от одной из крупнейших кинематографических фирм — выступить в качестве киноартиста.

* * *

В издательстве «Культура» выходят две новых книги Арк. Аверченко: «Дети» и «Кипящий котел».

Аркадий Аверченко

Очень просит своих читателей —
одолжить ему на время или продать
следующие его книги:
1). «Синее с золотом»;
2). «Сатириконцы в Европе»;
3). «Чудаки на подмостках» (пьесы).

Адр. Арк. Аверченко: Кон-поль, Rue Cartal, 3.

ТОВАРООБМЕН

Застенчивый молодой человек пришел в нашу редакцию и, путаясь в полах необъятно длинного пальто, умильно попросил:

— Разрешите отнять у вас пять минут времени.

Редактор только бросил на него угрюмый взгляд, а я проворчал с сомнением:

— Стоит ли?

— Я, видите ли, писатель... Написал юмористический фельетон.

— Пойти кофейку выпить, что ли? — пробормотал редактор, будто не расслышав. — А вы (обращаясь ко мне) поговорите с этим господином.

Мы остались вдвоем.

— Ну? О чем у вас фельетон?

— Об алтайских киргизах.

— Об этнографе что ли?

— Нет, юмористе.

— Что же вы нашли смешного в алтайских киргизах?

— Очень смешно. Я описываю, как киргиз, затянутый в дамский корсет, с шапокляком на голове и с игрушечными детским граблями в руке — гуляет по алтайским степям.

— Не знаю, — тихо начал я, но в голосе моем уже слышались отдаленные раскаты приближающегося грома. — Не знаю, что вам сказать, но меня всегда удивляло: почему для того, чтобы сшить сапоги, нужно года три прилежно учиться; чтобы сколотить гроб, ученику приходится до этого пять лет получать подзатыльники и нянчить гробовщических детей... Ведь никакому идиоту не придет в голову сразу пойти в кожевенную лавку, купить там кожу, дратву и сразу усесться дома за шитье башмаков?.. Почему же находятся люди, которые ни с сего ни с того сразу отправляются в писчебумажный магазин, закупают бумагу, банку чернил, ползут домой и, распластавшись у письменного стола, сразу начинают царапать, что пришло в голову, одевают киргиза в корсет и шапокляк, тащат эту стряпню в редакцию и рекомендуются: я, дескать, юморист!

Гром гремел уже под самым ухом начинающего писателя.

Он побледнел и губы его запрыгали, как две медных тарелки на барабане бродячего музыканта.

— Разрешите мне...

— Что? Что я вам разрешу? Если бы моя власть была вязать и вешать, я бы на полчаса повесил вас за ноги к ламповому крюку да и... Гм! Вот вам и разрешение. Извольте видеть. Человек одел какого-то алтайского киргиза в дамский корсет, в шапокляк, сунул в руку игрушечные грабли и думает, что он Марк Твен! Постыдитесь! У вас, наверное, мамаша есть...

— Однако, выслушайте же меня!..

— Как? Еще раз выслушать? Он одевает киргизов в корсеты, а я его слушать должен?!

На грохот моего голоса влетел редактор:

— В чем дело?

— Извольте видеть: я, говорит, юморист! А что за юмор у вас? Я, говорит, одел киргиза в корсет, шапокляк...

— Уходите отсюда, — проскрежетал редактор, даже побледнел от отвращения.

— Но позвольте же мне объяснить...

Мы взяли юмориста за плечи, повернули его, отворили им дверь и скоро грохот на лестнице доказал нам, что посетитель быстро ушел.

Мы оба дрожали от негодования.

— Выйдем на балкон, — предложил реактор. — Пусть нас хоть ветерком обдует...

Вышли, и... первое, что мы увидели, — был начинающий юморист, жалобно простирающий к нам руки с балкона соседнего дома. Как он туда пробрался — ума не приложу.

— Выслушайте же меня, — стонал он.

Я схватил цветочный горшок и метнул им в голову неудачливого дебютанта.

— Эх, вы, — сказал редактор, — и в голову-то попасть не умеете. Вот как надо, смотрите!

С соседнего балкона донесся болезненный крик.

— У нас на кухне как раз сейчас воду в котле кипятили, — озабоченно сказал редактор. — Хорошо, если бы его балкон был ниже нашего. Немножко бы его ошпарить.

— Ну, это уж вы слишком...

— Ничего не слишком!! Пусть не одевает киргизов в корсеты!!

Мы погрозили юмористу кулаками и, задыхаясь, ушли в кабинет.

Сели. Долго молчали.

Вдруг в окне мелькнуло что-то белое:

— Поглядите! Эта мразь вздела на палку газету и машет нам с улицы!

— Не белый ли это флаг — флаг сдачи на наше великодушие?

— Нет, это просто газета. Я даже вижу место, отчеркнутое красным карандашом. Что там такое? Снимите с шеста.

Я распахнул окно. Снял газету с палки, развернул.

— Послушайте. Да это большевистская газета «Известия ВЦИК» от 11 января.

— А что там отчеркнуто?

— Вот: «По сообщению уполномоченного ВЦИК в Киргизии, Сиббюро Центросоюза прислало в Алтайскую губ. для товарообмена 2 вагона цилиндров, 2 вагона дамских корсетов и 1 вагон игрушечных грабель». Гм! Что вы на это скажете?

— Зря молодого человека изобидели.

— А кто его обижал? Вы ж его и обидели. Разве можно человека цветочным горшком по голове? Гм... да. Оказывается, это не его следовало.

Мы помолчали.

— Вот они там все слова сокращают. Как ихняя-то республика называется?

— Р.С.Ф.С.Р.

— Длинно. Можно еще сократить. Просто Р.И.

— Что же это будет обозначать?

— Республика идиотов.

— Да, это исчерпывающе.

* * *

Идут дебаты: кого послать от России на Генуэзскую конференцию — Ленина, Красина или Воровского? По-моему, надо послать одного киргиза в дамском корсете, с шапокляком на голове и с игрушечными граблями в руке.

Тогда бы все сразу все и поняли.

ПРИЛОЖЕНИЕ

салат из булавок

Ефим Зозуля

МОЙ АВЕРЧЕНКО

Ну вот, в театре «Соловцов» будут поставлены пьески Аверченко. Будет читать и сам Аверченко.

Он будет, конечно, во фраке и в лакированных ботинках. Волосы будут гладко причесаны. Лицо при театральном освещении будет казаться и более бледным и более упитанным.

И будет Аверченко похож на «великосветского господина», читающего юмористические рассказцы.

Публика будет смеяться и много аплодировать, как всегда смеются и аплодируют на вечерах Аверченко, и уйдут люди из театра, унося с собою образ по картинке одетого «известного юмориста» и сюжеты его веселых пьес и рассказов.

Все это, конечно, так. Ничего особенно противоречивого не случится.

Но мне хочется написать несколько слов о том, почему мне люб Аверченко и хоть немного рассказать об Аверченко другом, без фрака и лакированных ботинок.

Этой другой, мой Аверченко, написал изумительную книгу «О маленьких для больших».

Неповоротливая и нeласкова русская критика, конечно, не заметила и не оценила этой книги. Но это неважно. Ее несомненно заметили и оценили сами читатели, которые давно уже идут впереди профессиональной критики и, например, знают наизусть гениальную поэму Блока «Двенадцать», прежде чем критика соблаговолит «отметить» ее профессиональной руганью.

Этой книгой Аверченко показал, что он видит не только то, что смешно, а и то, что видят большие художники. Видит даже драмы детей, очаровательные и трогательные своей неосознанностью («День делового человека» и др.).

В этой книге почти совсем нет «смешного» Аверченко, а есть веселый и ясный, нежный и глубокий писатель с пристальным взглядом и свежей чуткой душой.

И так вяжется с этой книгой часто задумчивый взгляд Аверченко, в котором сквозит скрытое гордое одиночество, не личное, а душевное одиночество.

Как-то я сказал ему:

— Аркадий Тимофеевич, вышла новая чудесная книга Джорджа Барри.

Аверченко молчал. Думал о чем-то. Потом рассеянно, вероятно, из вежливости спросил:

— Хорошая, да? О чем?

— Об одиночестве человеческом.

Повернулся. Посмотрел на меня внимательно. Но как посмотрел!

Этот взгляд отразился в его рассказе «В семь часов вечера». Но только мельком отразился. Сущность Аверченко осталась все-таки скрытой. Несознательно, конечно, ибо юмор Аверченко так же органичен, как и нежная его тоска. Но даже и в этом рассказе чувствуется автор, не умещающийся в свои произведения.

Впрочем, если бы Аверченко написал только одну книгу «О маленьких для больших» и посмотрел бы только раз таким взглядом, как тогда — он был бы значительным человеком.

Но в нем есть еще многое, что и шире, и глубже, и значительнее его голой юмористики, и именно это нужно почувствовать в том «общем» Аверченко, который будет выступать во фраке...

Яков Гальский

АРКАДИЮ АВЕРЧЕНКО

Остро смеется без помех...
И опьяняет этот звонкий
«Веселых устриц» юмор тонкий
И бурно пенящийся смех.
Но фон российский не забыть
В его волнующих рассказах —
В каскаде смеха плачет быт.
Люблю, как тонкие духи,
Его таланта острый радий
И имя звучное «Аркадий»
Вплетать в певучие стихи.

ШУТКА

Передают, что когда Аркадия Аверченко просили еще на один вечер остаться в Таганроге, он густо покраснел, сконфузился и как-то поспешно стал бормотать:

— Я не могу, я не могу...

— Да почему же, почему? — приставали к нему.

— Мне здесь делать нечего...

И схватил известный юморист лист «Торг<ового> Вестн<ика>» и сказал:

— Мне приятно быть и оставаться там, где я все-таки что-нибудь значу. А в Таганроге пишут лучше меня. Смотрите: «Изяществом и свежестью так и сверкает госпожа N. Ее горящие глаза положительно пепелят случайно взглянувшего, а живые цветы, покоящиеся на ее груди, быстро увядают под горячим дыханием красавицы-брюнетки». Хоть убейте меня, а я так не напишу.

И перекосилось от зависти лицо почтенного писателя и поспешно покинул он Таганрог.

А слава «Т<оргового> В<естника>» после этого еще больше стала расти.

— Изгнал и посрамил самого Аверченко, теперь сам пиши для нас.

В № 185 редактор «Т.В.» К.Д.Ч. скромно признается:

Мне несколько раз задавали вопрос: почему я ничего не написал об исполнении и постановке пьесы «Романтики».

Публика — она жестока и требовательна.

— Раз объявился талант, так не прячься, а проявляй себя!..

И талантливый К.Д.Ч. не менее талантливо отбивается от пристающей к нему публики.

— Чего пристаете? Ведь о пьесе я уже писал и «об исполнителях ролей я вынужден поставить точку».

Какой оборот! Какая красота!

Чувствуете ли вы, господа исполнители, как «об вас поставили точку»?

Кстати, где вы учились русской грамоте, господин К.Д.Ч.?

«ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГОЙ АРКАДИЙ!»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ Р.С.Ф.С.Р.
ВЛАДИМИР ЛЕНИН

Москва
Кремль Красновитая палата.
28 июля 1921 г.

Здравствуй дор<о>гой* Аркадий!

Спасибо за письмишко.

Вот уж не ждал весточки.

Мы все здесь думали, что тебе давно проломал голову какой-нибудь ревнивый крымский муж, — потому что ты нащет баб всегда был ходок большой руки.

Когда мы сбросили белых в море, Луначарский посылал за тобой в Крым специлаьный вагон, но тебя не нашли.

Стыдно Аркаша после такого долгого перерыва сразу гадости писать.

Ты, милый, совершенно не осведомлен!

У нас жизнь совсем не плоха, и все то, что пишут ваши эмигрантские газеты, страшный вздор.

Голода, например, нет никакого.

У вас пишут: голодает 25.000.000.

* Документ публикуется в полном соответствии с оригиналом, с сохранением особенностей написания. — *В.М.*

Ну, что за миллионы.

Ты же сам знаешь, что благодаря дороговизне все теперь на миллионы считать приходится.

Ты ведь в Крыму за свою книгу — 12 ножей нам в спину — получил авторского гонорару 1.000.000 руб., а на цену мирного времени это не больше 500 рублей.

Вот и выходит: пишется 25.000.000, а выговаривается 12.500.

Потом, как вы раздули голодовки в тюрьмах.

Стыдитесь товарищи.

Ведь арестованные не хотели есть просто потому, что боялись пополнеть.

— Нет, — говорят, — моциону, сидишь много, нужна диета.

А вы — голодовка.

И напрасно ты думаешь, что я не могу гулять без охраны.

Вчера только ходил от Красновитой палаты до Комиссар-Колокола и Комиссар-Пушки, выбирал место для своего памятника и совершенно без охраны ходил.

Больше тебе скажу, — меня окружила толпа рабочих и шла все время за мной с криками: «да здравствует III Интернационал, да здравствует наш обожаемый Ильич».

Когда вернулся в Красновитую, видел, как наш душка Дзержинский раздавал им всем деньги, — очевидно, за верность Революции.

Каждому дали фунта по три новых ленинок, а ты говоришь у нас денег нет.

Так вот как ты пробрался из Питера, — через Унечу.

Жаль, жаль, — не знали.

Мы бы тебя конечно не выпустили, нам очень не хватает твоего светлого дарования.

Луначарский приготовил было тебе уютный кабинетик для работы, тебе в нем умиралось бы, ах, что я говорю, — жилось бы очень хорошо.

Относительно ЦИК'а скажу тебе откровенно, что на него теперь не особенно цыкнешь — уж очень обнаглела публика, каждый в Троцкие метит.

Вообще же я согласен с тобой, что мне нужно отдохнуть немного где-нибудь на курорте.

Но, как поедешь.

Придется инкогнито — боюсь народных восторгов.

Уж на что русские совмужики спокойный народ, а и то на днях задушили в своих объятиях трех комиссаров.

Те приехали вскрывать так называемые мощи — «сушенного архиерея», как говори<т>ся; делалось это в целях «раскрепощения крестьянских умов от растлевающего влияния духовенства».

Ну, население, благодарное за такую о нем заботливость бросилось к автомобилю и буквально задушили в своих объятиях всех троих.

Это русские, а французы, испанцы, итальянцы — эти поэкспансивнее будут, не говоря уже о наших эмигрантах.

Приедешь за границу — смотришь и помнут от радости.

Лева тоже этого опасается, — он ведь не менее меня популярен и в Совроссии и за границей.

Но, если все будет идти так как сейчас, то чувствую, что придется съездить куда-нибудь.

Мы верно в одно время поедем и я и Лева и Анатолий и Зиновьев — компанией веселее и преферансик можно составить; встретимся с тобой, будем играть с выходящим.

Напрасно ты, Аркашенька, уехал.

Посмотрел бы, что мы с Питером сделали.

Помнишь за границей все твердили о городах-садах.

Твердили, твердили и ни с места.

А мы в эти четыре года Питер в такой сад обратили, что любо-дорого.

Невский — просто Булонский лес, только без деревьев, а травы и цветочков — сколько угодно, хоть букеты собирай.

Не город, а сплошная дача.

Приезжай, Аркашенька.

Мы тебе на границу вагончик вышлем удобненький, — чтоб тебя в пути не беспокоили вагончик пошлем специальный — с решеточками и доедешь прекрасно до Москвы или до Питера — куда захочешь.

Будешь у нас называться ГЛАВКОМЮМ или НАРКОМСМЕХ — это, как тебе понравится, нам не жалко.

Для тебя реквизнем твою питерскую квартирку или попросим Золотое Сердце Дзержинского и он отведет тебе в Москве комнатку — у него есть такие специально «для одиноких» — преудобненькие; не будет свободной — выведем кого-нибудь в расход.

Комиссар товарищ Хайкина, когда прочла твое письмо, — расплакалась:

— Вот, говорит, не знала, я бы его, голубчика... я бы ему красавчику... уж он был бы у меня доволен...

А чем ты был бы доволен, так и не сказала, очевидно что-то женское у нее к тебе.

Думаю, что влюбилась баба.

Приезжай, братец, — она невредненькая.

На этот счет у нас вообще лафа и если бы мне годков тридцать с плеч, я доказал бы тебе, что я не хуже Людовика и что тоже насчет Монтеспан не подгадил бы.

Но старость не радость: геморой, поясницу ломит и катар желудка мучает.

Это я в эмиграции желудок себе испортил.

Ты Аркашенька поостерегись — у вас за границей кормят препаршиво, только и умеют ден<е>жки брать, я то <ты> з<н>аю, не одни брюки по заграничным кафе и биргалкам просидел.

За предложение денег — большое тебе спасибо.

Мне валюта теперь очень нужна, особенно ввиду того, что может явиться необходимость поездки куда-нибудь на отдых за границу.

Наши-то деньги за границей плохо ходят — всё происки мировых империалистов.

Лир десять вышли.

Но высылай не прямо мне, а по адресу: DEUTSCHLAND, BERLIN, S.O. Lausitzer str. 44/IV Hern Alexander WOLOSCHIN, а он уже перешлет мне с оказией.

Прости, что не поцеловал Троцкого, как ты просил — боюсь нос откусит, он у нас такой темпераментный.

Кланяйся Керенскому, скажи, что за его проделки в России мы уже не сердимся, а за его работу за границей собираемся заочно наградить его орденом Красного Знамени.

Целуй Айседору Дункан, Ллойд Джорджа и Кудиша, если его уже выпустили.

Надесь скоро увидеть твою коммунопротивную физиономию.

С коммунистическим приветом

Вл. Ленин <имитация подписи>

Борис Неандер
ПАМЯТИ АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО

12 марта исполняется год со дня смерти милого, лучистого, радостного Аркадия Тимофеевича.

В этот день для него оборвалось гостеприимство живой Праги. А 14 марта его прах уже приняла к себе Прага мертвых, та скорбная Прага, что на Ольшанском кладбище. Там много наших дорогих могил — у новой русской церкви-часовни... Там, в сущности, продолжается и закрепляется живая русско-чешская Прага... Кто знает, может, когда-нибудь, когда Россия и мы научимся почитать наших покойников, прежде всего, сюда, к Ольшанам, будут устремляться русские путешественники, приезжающие в Чехословакию, ибо здесь они найдут останки очень многих из тех, кто сделал близкими и родными нам целый ряд других достопримечательных мест этой страны через свое служение в них русской культуре.

Едва ли кто не остановится тогда хотя бы на несколько минут, у могилы талантливого русского писателя — юмориста, честного патриота и прекрасного человека Аркадия Аверченко.

Как аскетически сурово ни смотреть на переживаемую нами эпоху, нельзя не признать, что в какой-то своей грани она связана с именем Аверченко и в какой-то части нашла в нем свое законченное выражение.

Кто помнит знаменитый «Сатирикон», тому нет надобности доказывать значение роли его редактора и главного сотрудника в выявлении и бичевании политических и психологических слабостей нашего предреволюционного культурного общества. Охотников бичевать через сатиру тогда находилось много. Еще живы были воспоминания о начале

карьеры А.П. Чехова, действительность давала огромный материал для сарказма, насмешки и просто смеха. Казалось, так легко пролезть в «остроумцы». Однако пролезли очень немногие. И как раз только те, кто работал с Аверченко в «Сатириконе». Как всегда, дело зависело не только от человеческого хотения, но и от Божьего дара — таланта. Надо было уметь подать свою сатиру в доступной, яркой и вместе с тем оригинальной и тонкой форме.

Это умение было счастливой принадлежностью Аверченко и наряду с его организаторскими способностями, секрет которых безусловно заключается в объединяющей привлекательности его личности, оно-то и создало исключительный тираж «Сатирикона», исключительный и по своему количеству и, если можно так выразиться, по своему качеству. «Сатирикон» читался сотнями тысяч подписчиков и розничных покупателей. Среди них находилось немало и тех, по чьему адресу направлялись удары сатирического бича первого «настоящего» русского юмористического журнала.

«Сатирикон» читался кислой русской интеллигенцией, его веселые цветистые тетрадки находили себе место в хмурых кабинетах власть имущих, часто можно было наблюдать, как ваш солидный «из дельцов» сосед по месту в трамвае понапрасну силится сдержать улыбку и вдруг, когда вы посмотрите на него с невольным удивлением, вместо всяких объяснений начинает извинительно тыкать в только что купленный у газетчика свежий, пахнущий краской номер «Сатирикона».

Между прочим, постоянным читателем «Сатирикона» был покойный Государь. Людям такой детски чистой души, какой обладал Николай II, свойственна любовь к здоровому юмору, и не было ничего удивительного в том, что, не довольствуясь знакомством с сатириконцами через журнал, он иногда приглашал некоторых из них, во главе с Аверченко, к себе во дворец, где вся царская семья с удовольствием слушала авторское чтение живых сатириконцев.

Та умеренная и объективно-беспартийная линия, которое определялось политическое направление «Сатирикона», нисколько не мешала, по крайней мере, самому Аверченко с искренней благодарностью принимать эти приглашения и с неподдельной радостью вспоминать о них до последних дней жизни.

В Крыму, при Врангеле, мне пришлось довольно близко сойтись с покойным Аркадием Тимофеевичем, издавать его первую за годы гражданской войны книжку «Дюжина ножей в спину революции» (о которой, как известно, наилучший отзыв дал «сам» Ленин!) и даже вместе работать при управлении генерального штаба, по заказам которого он писал отличные юмористические прокламации, распространявшиеся в Красной армии.

Хотя тогда еще не все говорили с благоговением и любовью о последнем российском императоре, Аверченко выразил именно эти чувства, как-то рассказав нескольким друзьям об одном своем грехе перед ним.

Вскоре после отречения Государя, когда были пущены злостные слухи о том, что якобы для спасения трона он по совету генерала Эверта собирался в последние дни своего царствования открыть рижский фронт, в «Сатириконе» была помещена на эту тему ужасная карикатура...

«Вот это мой грех, — говорил Аверченко, — грех страшный и непростительный... Я же знал нашего Государя, видел его обаятельную светлую улыбку... И я не понимаю, как мог я после этого пропустить такую жуткую гадость в своем “Сатириконе”. Конечно, здесь не в том только дело, что я был опьянен дурацкими событиями, нет, в тот момент я просто бессовестно забыл эту улыбку. Если бы вспомнил — не пропустил бы. “Кто, господа, когда-нибудь будет писать мою биографию, — отметьте, пожалуйста, в главе 'Аверченко — писатель', в главе 'Аверченко — гражданин', в главе 'Аверченко — человек', во всех главах — отметьте, господа, ради Бога, что бедный Аверченко и как писатель, и как гражданин, и как человек, весь вообще Аверченко, жестоко раскаивается”».

Пока еще биография Аркадия Тимофеевича никем не написана, я позволяю себе отметить это признание здесь, в заключение этой небольшой заметки. Я считаю, что лучший способ почтить память всякого русского человека, не дожившего до дня всероссийского искупления, — это рассказать — иным в утешение, иным в назидание — о его признаниях в личных грехах перед Россией и теми, кто нес на себя славное и тяжкое бремя ее олицетворения.

Мертвые, успевшие при жизни такие признания совершить и подтвердить их делом, сраму не имут.

8.III.1926 г.

КОММЕНТАРИИ

салат из булавок

Произведения, вошедшие в данный том, написаны в период с осени 1918 г. по весну 1922 г.: после отъезда А.Т. Аверченко из Петрограда и до прибытия его в Прагу. В это время, лишившись возможности издавать книги и журнал «Новый Сатирикон», писатель занимался газетной работой. Обязуясь как штатный фельетонист предоставлять злободневный материал ежедневно, он создал обширную летопись русской Смуты. Отдельные ее фрагменты до сих пор не найдены, однако предлагаемое собрание — максимально полное на сегодняшний день. Источники публикуемых текстов: Славянская библиотека — Национальная библиотека Чешской Республики (Прага), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российская государственная библиотека, Государственный архив Ростовской области. Значительный объем материала представлен в личном фонде А.Т. Аверченко (№ 32) в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

Наследие публикуется в хронологическом порядке. Том открывается текстами, печатавшимися в киевских газетах «Зритель» и «Свободные мысли» во время пребывания Аверченко в столице Украинской Державы (октябрь 1918 г.), а также после его отъезда. Далее следуют фельетоны из газеты «Приазовский край» (Ростов-на-Дону), где писатель работал, живя на Дону (декабрь 1918 — январь 1919 гг.) и куда высылал материал вплоть до лета 1919 г.

Самый обширный раздел тома — материалы из севастопольских газет «Юг», «Юг России», «Наш юг», в которых Аверченко был фельетонистом и отвечал за литературную часть (июль 1919 — ноябрь 1920 гг.). После падения Белого

Крыма писатель оказался в Константинополе; творчество этого периода (ноябрь 1920 — апрель 1922 гг.) представлено публикациями в газете «Presse du soir» («Вечерняя пресса») и журнале «Зарницы».

Отдельный интерес представляют публикуемые впервые «Газета Аркадия Аверченко» (Севастополь, март 1920 г.) и «Рождественский “Сатирикон” Аркадия Аверченко» (Константинополь, январь 1922 г.), ставшие попытками возрождения журнала «Новый Сатирикон».

Многие свои публикации беженских и первых эмигрантских лет Аверченко впоследствии переиздавал в сборниках «Нечистая сила» (1920), «Дюжина ножей в спину революции» (1920, 1921), «Записки Простодушного» (1921), «Кипящий котел» (1922) и др. В настоящем издании они опущены. Приводятся исключительно те произведения, что не вошли в авторские сборники и в большинстве своем остались неизвестны современному читателю. С ними удалось ознакомиться благодаря Анне Евгеньевне Хлебиной (Прага), Зое Александровне Чумаковой (Ростов-на-Дону), Михаилу Борисовичу Кальницкому (Киев), которым составитель и издатель выражают горячую признательность.

Завершают том «Приложения», где приводятся материалы, дополняющие и расширяющие представление о жизни А.Т. Аверченко в 1918–1922 гг.

Принятые сокращения:

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

Ф. 32 — фонд № 32 «А. Т. Аверченко» в РГАЛИ.

Оп. 1/Оп. 2 — опись 1/опись 2 фонда № 32 в РГАЛИ. Опись 2 содержит те произведения, которые находились на спецхранении (т.е. наиболее антисоветские).

Ед.хр. — единица хранения.

Л — лист.

«с.х» — спецхранилище

Б/н — без номера.

1918

Пособие для начинающих «конферансье»

Впервые: Зритель, 1918, 1–2 сентября, № 1. Печатается по: *Рыбаков Михаил.* Неизвестные фельетоны Аркадия Аверченко // Радуга. 2001. № 1–2.

...слегка отдающими «куаффюрою». — Напоминающими движения парикмахера (куафер — парикмахер).

...лепечет «под Балиева». — Балиев Никита Федорович (1876/1877–1936) — легендарный актер, режиссер и конферансье «серебряного века», создатель московского театра миниатюр «Летучая мышь». Мастерски владел искусством импровизации. Эмигрант (Константинополь, Париж, Нью — Йорк).

...На последнюю, да на пятерку. — Первый куплет русской народной песни «Ваня».

Два романа (Век нынешний и век минувший...)

Впервые: Свободные мысли, 1918, 22 сентября, б/н. Печатается по: *Рыбаков Михаил.* Неизвестные фельетоны Аркадия Аверченко // Радуга. 2001. № 1–2.

Приключение актера Бронзова

Впервые: Зритель, 1918, 13–15 октября, № 33. Печатается по: *Рыбаков Михаил.* Неизвестные фельетоны Аркадия Аверченко // Радуга. 2001. № 1–2.

Проблематика фельетона была навеяна раздуваемыми в то время слухами об ужасах пересечения границы между РФСР и независимой Украинской Державой и явилась результатом собственных впечатлений Аверченко от путешествия из Петрограда в Киев в октябре 1918 г. Подробнее см.: *Тэффи.* Житьё-бытьё. Рассказы. Воспоминания. М.: Изд — во политической литературы, 1991. С. 253–310.

На Орше поставили меня к стенке... — Орша в то время — станция на границе РФСР и Украинской Державы. Сам Аверченко въехал на территорию Гетманщины через пограничную станцию Унеча.

Еще польска не згинела — Первая строка гимна Польши.

Над Фундуклеевской... — одна из центральных улиц Киева (ныне носит имя Богдана Хмельницкого).

Первая ласточка.

Впервые: Свободные мысли, 1918, 14 октября, б/н. Печатается по: *Рыбаков Михаил.* Неизвестные фельетоны Аркадия Аверченко // Радуга. 2001. № 1–2.

Несмотря на кажущуюся абсурдность ситуации, осенью 1918 г. она была обыденной: из-за железнодорожного хаоса почта практически не доставлялась. Письма передавались со знакомыми, и для многих это был источник заработка: перед отъездом брали письма и поручения.

Размышление о Совнаркоме и о собаке

Впервые: Свободные мысли, 1918, 21 октября, б/н. Печатается по: *Рыбаков Михаил.* Неизвестные фельетоны Аркадия Аверченко // Радуга. 2001. № 1–2.

Варвары

Впервые: Свободные мысли, 1918, 28 октября, б/н. Печатается по: *Рыбаков Михаил.* Неизвестные фельетоны Аркадия Аверченко // Радуга. 2001. № 1–2.

«Решено снять памятник Петру Великому». — В фельетоне высмеиваются мероприятия советской власти по воплощению в жизнь ленинского Плана монументальной пропаганды. Начало осуществлению плана положил декрет Совнаркома от 12 апреля 1918 г. «О памятниках республики». Список новых памятников, которые предполагалось воздвигнуть в честь революционеров и прогрессивных деятелей культуры (69 имен), был утвержден Совнаркомом 30 июля 1918 г. Первым из них был сооружен памятник А.Н. Радищеву в Петрограде (открыт 22 сентября 1918 г.). Празднование первой годовщины Октябрьской революции (а Аверченко комментировал план именно в эти дни) было отмечено открытием многих новых памятников, мемориальных досок с агитационными надписями, а также архитектурно-живописным оформлением городов и некоторых деревень. Что касается памятника Петру Великому (то есть «Медного всадника»), о котором пишет Аверченко, то известие о его сносе — обычная газетная пропагандистская «утка».

...после обеда мой огромный отец... — Отец писателя, Тимофей Петрович Аверченко, был купцом 2-й гильдии.

Описанная сцена происходила в Севастополе 1880-х гг., в районе городского базара, где проживала в то время семья.

Головотяпы

Впервые: Свободные мысли, 1918, 4 ноября, б/н. Печатается по: *Рыбаков Михаил.* Неизвестные фельетоны Аркадия Аверченко // Радуга. 2001. № 1–2.

...отбили голову Карлу Марксу на памятнике, ими же, пензенцами, воздвигнутом месяц тому назад. — Произведения монументальной пропаганды (см. комментарий к «Варварам») из-за нехватки средств создавались как временные, из дешевых материалов (гипс, бетон, дерево). Памятник Марксу в Пензе, первый в Европе, был открыт 1 мая 1918 г. Скульптор Е.В. Равдель выполнил поясной портрет Маркса из недолговечной глины, и в скором времени его пришлось демонтировать. 7 ноября 1918 г. был заложен новый памятник. Очевидно, именно это новостное сообщение комментирует Аверченко.

...голове матроса Дыбенко или главковерха Крыленко? — Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938) — советский военный и государственный деятель. После февральской революции 1917 г. был председателем Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта), принимал активное участие в подготовке флота к перевороту 25 октября 1917 г. На II Всероссийском съезде Советов вошел в состав Совнаркома в качестве члена Комитета по военным и морским делам (впоследствии нарком по военно-морским делам). За сдачу Нарвы немцам в феврале 1918 г. был освобожден от поста наркома, судим революционным трибуналом, после направлен вести подпольную работу на Украине и в Крыму. Аверченко еще будет жить «под Дыбенко» в апреле — июне 1919 г., когда окажется в Севастополе, а Павел Ефимович станет наркомом по военным и морским делам созданной Крымской Советской Социалистической республики.

Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) — большевик; с ноября 1917 г. по март 1918 г. — Верховный Главнокомандующий.

...до Алисы Гессенской и Алисы Коллонтай... — Урожденная принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-

Дармштадская, Александра Федоровна (1872–1918) — российская императрица, супруга Николая II.

Коллонтай Александра Михайловна (1872–1952) — революционерка, большевичка. 30 октября 1917 г. получила пост народного комиссара общественного призрения в первом составе Совнаркома. Жена П.Е. Дыбенко. Первая в мире женщина-посол.

Вали сюда анархиста Блейхмана. — Блейхман Иосиф Соломонович (1868–1921) — в 1917 г. лидер Петроградской федерации анархистов-коммунистов, член Петроградского ВРК с 28 октября 1917 г. С марта 1918 г. доброволец Красной Армии.

Разговоры из французского учебника Марго

Впервые: Свободные мысли, 1918, 11 ноября, б/н. Печатается по: *Рыбаков Михаил.* Неизвестные фельетоны Аркадия Аверченко // Радуга. 2001. № 1–2.

...учебника Марго. — Принятый в дореволюционных классических гимназиях учебник французского языка, ставший объектом насмешек из-за нелепо сформулированных вопросов и ответов.

...почитаю... Иоффе... Шнеура... — Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927) — в описываемое время полномочный представитель РФСР в Германии.

Шнеур Владимир Константинович — фигурант громкого скандала. Авантюрист и бывший полицейский соглядатай, он после октябрьского переворота 1917 г. вступил в ряды РСДРП (б), потом работал в Совнаркоме, где был опознан, арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Постановлением Ревтрибунала от 30 января 1918 г. Шнеур был лишен гражданских прав и общественного доверия и выслан из Советской России.

...в это время Псков был взят немцами. — Немцы вошли в Псков 25 февраля 1918 г.

Хозяйственные советы

Впервые: Чертова перечница, 1918, ноябрь, № 2. Печатается впервые по тексту газеты.

...будет стоять французское шампанское, перелитое в кувшин. — Спиртное подавали тайно: с 1914 г. действовал «сухой закон».

Прыжок матроса Ковальчука

Впервые: Приазовский край, 1918, 7 (20) ноября, № 189. Печатается по тексту газеты.

...стационер... — Стационер (франц. stationnaire) — судно, несущее сторожевую или полицейскую службу в портах колоний. Оригинальное название судна, о котором пишет Аверченко, — «Levrier»; точное время визита в Севастополь установить не удалось.

Нотабли (фр. notables, от лат. notabilis — значительный, выдающийся) — во Франции XIV — XVIII вв. члены особого собрания нотабли, созывавшегося королем для обсуждения финансовых и административных вопросов.

От Ильи Муромца до поручика Пирогова

Впервые: Чертова перечница, 1918, 9 ноября, № 3. Печатается впервые по тексту газеты.

Ярмарочный турок, которого бьют молотом по голове... — В традиции русских ярмарок было устанавливать в проходе между балаганами силомеры в виде турок, которых за 5 коп. били по голове.

...немцами была взята Варшава. — Немцы вошли в Варшаву 5 августа 1915 г.

...немцы отняли Ригу. — Рига пала 20 августа 1917 г.

И вот уже Псков... — Немцы вошли в Псков 25 февраля 1918 г.

А там румыны оттяпали Бессарабию. — Бессарабия вошла в состав Румынии 27 марта (9 апреля) 1918 г.

А там и японцы оккупировали Владивосток. — Оккупация японцами Владивостока произошла в апреле 1918 г.

Ах, Пирогов, Пирогов! — Поручик Пирогов — герой повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» (1833–1834). В одном из эпизодов его высекли немецкие ремесленники Шиллер, Гофман и Кунц за то, что он ухаживал за женой Шиллера.

Мертвец-саботажник

Впервые: Чертова перечница, 1918, № 4. Печатается впервые по тексту газеты.

Meed mes! — Моя награда (франц.)!

Мальвазия — Греческое натуральное вино с островов Эгейского моря.

Сирийских танцовщиц сюда! — Т.е. исполнительниц «танца живота».

Салат из булавок

Впервые: Приазовский край, 1918, 11 (24) ноября, № 193. Печатается по тексту газеты.

Итак, я попал в третью категорию — (шарманщики, профессора, конокрады и писатели)... — С июня 1918 г. большевиками было введено карточное снабжение населения по четырем категориям. По первой категории снабжались рабочие оборонных предприятий, занятые тяжелым физическим трудом, и рабочие-транспортники. По второй — остальные рабочие, служащие, домашняя прислуга, фельдшера, учителя, кустари, парикмахеры, извозчики, портные и инвалиды. По третьей категории снабжались директора, управляющие и инженеры промышленных предприятий, большая часть интеллигенции и служители культа, а по четвертой — лица, пользующиеся наемным трудом и живущие с доходов на капитал, а также лавочники и торговцы в разнос. Беременные и кормящие женщины относились к первой категории. Дети до трех лет дополнительно получали молочную карточку, а до 12 лет — продукты по второй категории. В 1918 г. в Петрограде месячный паек по первой категории составлял 25 фунтов хлеба (1 фунт = 409 грамм), 0,5 фунта сахара, 0,5 фунта соли, 4 фунта мяса или рыбы, 0,5 фунта растительного масла, 0,25 фунта суррогатов кофе. Нормы по четвертой категории были почти по всем продуктам в три раза меньше, чем по первой.

Шесть лотов хлеба... — Лот — мера веса (уст.) — около 12,8 г. Шесть лотов — около 77 г.

...ей-Богу, не все ли равно: социализируете ли вы ее, национализируете или ампошируете... — Ампошировать — «русско-французский» глагол, придуманный А.П. Чеховым (от франц. poche — карман, то есть залезать в карман, дословно «прикарманить»).

Я взял деньги, зашел к Елисееву... —Знаменитый «Елисеевский магазин» работал на углу Невского проспекта, 56 и Малой Садовой, 8 в Санкт-Петербурге.

Лицом к лицу

Впервые: Приазовский край, 1918, 18 ноября/1 декабря, № 199. Печатается по тексту газеты.

Когда Корнилов ввел для изменников и шпионов на фронте смертную казнь... — Выдержка из Приказа *Верховного главнокомандующего Лавра Корнилова № 897 от 28.08.1917 г.:* «...Как Главнокомандующий фронтом я считал своим долгом выступить с требованием о введении смертной казни для изменников и трусов. Требование это было удовлетворено не в полной мере, так как не распространялось на тыл, наиболее зараженный преступной пропагандой. Вступая на пост Верховного Главнокомандующего, я предъявил Временному правительству те условия, которые я считал необходимыми провести в жизнь для спасения армии и для ее оздоровления. Среди этих мероприятий было и введение смертной казни в тылу».

Интернационал

Впервые: Свободные мысли, 1918, 2 декабря, б/н. Печатается по: *Рыбаков Михаил*. Неизвестные фельетоны Аркадия Аверченко // Радуга. 2001. № 1–2.

...в Петрограде начались июльские беспорядки. — Речь идет об антиправительственных выступлениях 3–5 июля 1917 г. Митингующие, которых объединили под своими лозунгами большевики, требовали отставки Временного правительства, передачи власти Советам и переговоров с Германией о заключении мира. Восстание было подавлено.

Записки годовалого ребенка

Впервые: Приазовский край, 1918, 25 ноября/8 декабря, № 204. Печатается по тексту газеты.

«Жизнеописание первого социалиста Стеньки Разина», издание Пролеткульта... — Большевики провозгласили Степана Разина выдающимся борцом за свободу. С подобной оценкой этого деятеля В.И. Ленин выступил на торжественном митинге в честь открытия памятника Разину 1 мая 1919 г. на Лобном месте Красной площади.

Пролеткульт («Пролетарская культура») — массовая культурно-просветительская и литературно-художественная

организация пролетарской самодеятельности при Наркомате просвещения (1917–1932).

Сенсационное сообщение
(Взгляд в глубь и в даль — Аркадия Аверченко)

Впервые: Приазовский край, 1918, 2 (15) декабря, № 210. Печатается по тексту газеты.

Сюжетная схема фельетона будет продублирована писателем в севастопольском фельетоне «Дружки».

...как говорил изящный Петроний... — Гай Петроний Арбитр (Gaius Petronius Arbiter) (? — 66 н.э.) — римский писатель, названный при дворе императора Нерона «арбитром изящества». Ему приписывают авторство романа «Сатирикон», в честь которого в 1908 г. был назван журнал «Сатирикон» — любимое детище Аркадия Аверченко.

В омуте вранья

Впервые: Приазовский край, 1918, 7 (20) декабря, № 214. Печатается по тексту газеты.

...Мне бы хотелось, чтобы вы тут же, сейчас же, не сходя с места, выяснили между собой: что в данное время происходит в Харькове?!! — Во время публикации этого фельетона Харьков уже был занят красными частями.

Власть в Харькове захвачена Марковым вторым! Объявлена монархия. Венской мебельной фабрике Кон даже трон уже заказан. — Марков (второй) Николай Евгеньевич (1866–1945). Избирался от Курской губернии в 3-й и 4-й Думы, где был ведущим оратором фракции правых; экстремистские националистические взгляды Маркова второго и провоцировавшиеся им скандалы в Думе сделали его символом реакции для всей России, а его имя нарицательным. С августа 1915 г. член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, в 1915–1916 гг. предпринимал усилия для объединения монархических организаций ультраправого толка, выступал как ярый противник Прогрессивного блока. В 1918–1920 гг. участвовал в Белом движении на Северо-Западе России, затем — в эмиграции.

Мебельная фабрика «Я. и Й. Кон» принадлежала австрийцам, отцу и сыну Кон, владельцам лесопильных заводов.

Мои ночи

Впервые: Приазовский край, 1918, 9 (22) декабря, № 216. Печатается по тексту газеты.

И синий сквер тоже не сонное видение... — Речь идет о праздновании первой годовщины Октябрьской революции в Москве. Деревья Театрального сквера были выкрашены синей и желтой красками, а деревья Александровского сада — красной (Крусанов А. *Русский авангард. Т. II. Кн. 1.* М., 2003. С. 79).

Стоят у бывшего Палкина под балконом бывшие чиновники, бывшие кадеты, бывшие студенты... — «Ресторан Палкина» (Невский проспект, 47) — один из самых известных и больших в Петербурге. В 1917 г. был закрыт. Сегодня возрожден.

Рассуждения о свободе, равенстве, братстве

Впервые: Приазовский край, 1918, 12 (25) декабря, № 218. Печатается впервые по тексту газеты.

Сказание о спекулянте

Впервые: Приазовский край, 1918, 14 (27) декабря, № 220. Печатается по тексту газеты.

...Всех спекулянтов из кафе «Ампир». — Кафе находилось по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Садовая, 70.

Борьба с бациллами

Впервые: Приазовский край, 1918, 16 (29) декабря, № 222. Печатается по тексту газеты.

...восстание Петлюры... — Петлюра Симон (Семен) Васильевич (1879–1926), украинский военный и политический деятель, вождь националистического движения на Украине в годы Гражданской войны.

Советы молодым хозяйкам (предпраздничные, серьезные)

Впервые: Приазовский край, 1918, 20 декабря (2 января), № 225. Печатается впервые по тексту газеты.

Искусство грабить

Впервые: Приазовский край, 1918, 22 декабря (3 января). Датируется согласно отметке на вырезке с фельетоном,

представленной в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ.Ф.32. Оп.2.Ед.хр.2.Л. 15). Печатается впервые по тексту газеты.

Где-то около Мелитополя завелся... «учитель Опанасенко»... Банда (в советской историографии — «партизанский отряд») атамана И.С. Опанасенко действовала в Мелитопольском уезде.

Тебя «обыскал»... член украинской директории! Директория Украинской Народной Республики — орган государственной власти на Украине, образованный 14 ноября 1918 г. в обстановке краха немецкой оккупации и Украинской Державы гетмана Скоропадского.

Рассказ в полутьме, на ухо

Впервые: Приазовский край, 1918, 30 декабря (12 января), № 232. Печатается впервые по тексту газеты.

1919

Новый быт

Впервые: Приазовский край, 1919, 1 (14) января, № 1. Печатается впервые по тексту газеты.

Теперь ждут тюркосов из Одессы. — Тюркосы — название наемных французских частей, формировавшихся из алжирских стрелков (туземцев).

Два взгляда на одно и то же.

Впервые: Приазовский край, 1919, 3 (16) января, № 2. Печатается впервые по тексту газеты.

О чем щебетала ласточка

Впервые: Приазовский край, 1919, 4 (17) января, № 3. Печатается впервые по тексту газеты.

Бумеранг

Впервые: Приазовский край, 1919, 18 (31) января, № 15. Печатается впервые по тексту газеты.

...известным революционером Плехановым поднято восстание. — Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) —

русский теоретик и пропагандист марксизма, деятель российского и международного рабочего и социалистического движения. Скончался 30 мая 1918 г.

Стальной народ

Впервые: Приазовский край, 1919, 20 января (2 февраля), № 17. Печатается впервые по тексту газеты.

Крыса с корабля

Впервые: Таврический голос, 1919, 23 февраля, № 42 (115). Печатается впервые по тексту газеты.

...в газете «Новая жизнь». — Ежедневная газета (Петроград; 1917–1918), издавалась группой меньшевиков-интернационалистов и писателями (в т.ч. Максимом Горьким).

Эпоха Ренессанса (Утопия)

Впервые: Приазовский край, 1919, 3 (16) марта, № 15. Печатается впервые по тексту газеты.

Современный язык

Впервые: Приазовский край, 1919, 17 (30) марта, № 63. Печатается впервые по тексту газеты.

Самостийники

Впервые: Таврический голос, 1919, 18 марта, № 58 (131). Печатается впервые по тексту газеты.

Самостийники — Т.е. приверженцы идеи украинской национальной независимости.

...надели такую хорошую ротонду. — Ротонда — верхняя теплая женская одежда без рукавов.

О буржуях и прочем таком

Впервые: Таврический голос, 1919, 30 марта, № 69. Печатается впервые по тексту газеты.

Большевики около города! — Писатель оказался провидцем: вскоре после публикации этого фельетона, 11 апреля 1919 г., в Симферополь вошла 1-я Заднепровская Украинская Советская дивизия П.Е. Дыбенко.

...еще более модных тангистов... — Т.е. танцоров танго.

Крымские модники

Впервые: Приазовский край, 1919, 5 (18) апреля, № 78. Печатается впервые по тексту газеты.

Не хватает еще только позапрошлогоднего звучного «Долой десять министров-капиталистов!»... — Лозунг «Долой десять министров-капиталистов!» появился 14 июня 1917 г. на страницах большевистской газеты «Правда», а четыре дня спустя под этим лозунгом прошла большая демонстрация против Временного правительства.

...свеженького лозунга «Мир хижинам, война дворцам» — В 1919 г. лозунг «Мир хижинам, война дворцам!» не был «свеженьким». Рожденный еще французской буржуазной революцией 1789–1794 гг., он был использован Лениным в «Воззвании к солдатам всех воюющих стран» («Правда», 1917, 4 мая (21 апреля), № 37).

...карасубазарские модники... — Карасубазар — нынешний г. Белогорск в Крыму.

...«дернье кри де ля мод» — буквально: последний крик моды (франц.).

Люди за столом под пальмой

Фельетон печатается впервые по вырезке из «Приазовского края», хранящейся в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ.Ф.32. Оп.1.Ед.хр.27). Выходные данные не сохранились.

Канитферштан по-российски

Отметка на вырезке с этим фельетоном, хранящейся в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ.Ф.32.Оп.1.Ед.хр.27), говорит о том, что он был опубликован в неизвестной евпаторийской газете летом неизвестного года («до 11.VIII»). Судя по приведенным в тексте ценам, это могло быть только летом 1919 г. (достаточно сравнить с ценами из следующего фельетона «Среди бела дня»). Печатается впервые по тесту вырезки.

...поэма Жуковского: «Канитферштан». — «Канитферштан» — часть стихотворной баллады «Две были и еще одна» (1831), вольное переложение Жуковским рассказа-притчи немецкого писателя И. Гебеля.

Как меня похоронили.

Печатается впервые по рукописи, представленной в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ.Ф.32.Оп.1.Ед.хр.29). Позднее была переработана автором и разбита на два фельетона: «Смерть Аркадия Аверченко» и «Страна, в которой не удивляются».

...знаменитую фразу: «На столе арбуз — в 700 рублей арбуз!» — Неточная цитата из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (реплика Хлестакова): «На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз».

«Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать» — Неточная цитата (реплика Городничего): «Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?».

4 Георгиев имеет. — Речь идет о Георгиевском кресте.

— *Собинов не умер. Завтра его концерт.* — Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) — русский и советский оперный певец; лирический тенор. В 1919–1920 гг. жил в Балаклаве; регулярно выступал в Севастополе. В мае и июне 1920 г. принимал участие в программах театра Аркадия Аверченко «Гнездо перелетных птиц».

Среди бела дня

Впервые: Юг, 1919, 25 июля, № 1. Печатается по тексту газеты.

...я прошел часть Екатерининской, почти всю Нахимовскую улицу... — Название центральных улиц Севастополя; на Екатерининской, 20 размещалась редакция газеты «Юг», где Аверченко отвечал за литературную часть, а на Нахимовском проспекте, 30 писатель снимал комнату.

И зримо ей в минуту стало... — Фрагмент популярного романса на стихотворение В.А. Жуковского «Песня» (1818).

Маленький фельетон

Впервые: Юг, 1919, «1919. VII. после 26», согласно помете на вырезке в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ. Ф.32. Оп. 2. Ед.хр. 3. Л. 1). Печатается впервые по тексту газеты.

...несколько mots... — Здесь: пара «перлов» (франц., досл. mots — слово, выражение).

...на Кузнецком Мосту, около Лионского кредита... — Т.е. у здания торгового дома братьев П. М. и С.М. Третьяковых, где до революции располагалось отделение банка «Лионский кредит».

Открытое письмо буржую

Впервые: Юг, 1919, 27 июля, № 3. Печатается впервые по тексту газеты.

...когда ты бежал в апреле этого года из Севастополя перед приходом большевиков. — С 28 апреля по 26 июня 1919 г. в Крыму существовала Крымская Советская Социалистическая Республика. Аверченко стал очевидцем эвакуации из Севастополя бывших министров кадетского Краевого правительства, буржуазии, гражданского населения.

Теперь ты вернулся обратно в Севастополь. Благодаря кому? — 18 июня 1919 г. в районе Коктебеля высадился добровольческий десант под командованием Я.А. Слащёва. Через неделю советская власть в Крыму пала.

Когда наложили на вас многомиллионную контрибуцию... — Писатель имеет в виду налог на буржуазию, введенный в Севастополе в соответствии с Декретом Совнаркома «О единовременных чрезвычайных революционных налогах, устанавливаемых местными Советами депутатов» от 31 октября 1918 г. Налог, согласно декрету, должен был взиматься деньгами и шел на удовлетворение нужд местных Советов.

Гражданин советской республики

Печатается впервые по вырезке, представленной в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ. Ф.32. Оп.2. Ед.хр.2. Л. 20–23). Авторская датировка: после 23 июля 1919 г. Предмет фельетона: недавние страхи горожан, живших с 28 апреля по 26 июня 1919 г. «под большевиками», и гуманное отношение к ним Добровольческой армии, освободившей Крым.

...в Гамбургском зоологическом саду Гагенбека... — Гамбургский зоопарк (Зоопарк Гагенбека) — один из старейших в мире. Основан в 1863 г. Карлом Гагенбеком-старшим на одной из центральных площадей Гамбурга.

Русские классики, или Новое вино в старых мехах

Впервые: Юг России, 1919, 3 августа, № 9. Печатается впервые по тексту газеты.

...«Пролеткульт» поручил Горькому... выпустить новое издание всех русских классиков... — Аверченко имеет в виду проект «Всемирная литература», осуществляемый одноименным издательством при Наркомпросе с 1919 г.

Товарища Саенку из Харьковской Чрезвычайки послать бы туда... Саенко Степан Афанасьевич (1886–1973) — комендант Харьковской ЧК в 1919 г., осуществлявший «красный террор». Саенко также посвящен фельетон Аверченко «Перед лицом смерти», вошедший в сборник «Нечистая сила» (1920).

Отрывок из летописи

Впервые: Юг, 1919, 17 августа, № 19. Печатается впервые по тексту газеты.

Когда-нибудь монах трудолюбивый... — Аверченко вольно цитирует драму А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825).

...как говорится, а воль д'уазо... — à vol d'oiseau (франц.) — «с высоты птичьего полета».

В самой свободной стране (Как они живут и работают).

Впервые: Приазовский край, 1919, 21 августа (датируется по отметке на вырезке, представленной в архиве А.Т. Аверченко: РГАЛИ. Ф.32. Оп.2. Ед.хр. 2. Л. 24–26). С пометой «с.х.». Печатается впервые по тексту газеты.

...задумал я в мае поехать в Крым — благо он советским сделался. ... в это время добровольцы взяли Крым! — См. примечания к «Открытому письму буржую».

Мелочи совдепской жизни (Салат из булавок)

Впервые: Юг, 1919, 22 августа, № 23. Печатается впервые по тексту газеты.

...певец Серебряков умер от голода. — Серебряков Константин Терентьевич (1852–1919) — артист оперы (бас-профундо), вокальный педагог. В 1887–1919 гг. был солистом Мариинского театра.

Известный певец Бухтояров — умер от голодного тифа. — Бухтояров Дмитрий Иванович (1866–1918) — артист оперы (бас-кантанте), вокальный педагог.

Артист Александринского театра Новинский... — По официальной версии, артист Александр Федорович Новинский (Голузевский) 26 февраля 1919 г. скончался от воспаления легких (А.Ф. Новинский // БИРЮЧ Петроградских Государственных театров. 1919. № 15/16. С. 252).

Артист Художественного театра А. Стахович... повесился. — Стахович Алексей Александрович (1856–1919) покончил жизнь самоубийством 10 февраля 1919 г.

...коршевский актер Борисов... — Борисов Борис Самойлович (наст. фам. Гурович; 1872–1939) — эстрадный и театральный артист.

Разговоры из французского учебника Марго (Московское издание)

Впервые: Юг, 1919, «до 28 августа» (согласно помете на вырезке с текстом фельетона, представленной в архиве А.Т. Аверченко: РГАЛИ. Ф. 32. Оп.2. Ед.хр. 3. Л. 22–23). С пометой «с.х.». Печатается впервые по тексту газеты.

...учебника Марго... — См. комментарий к фельетону «Разговоры из французского учебника Марго».

Любите ли вы Грига? — Эдвард Хагеруп Григ (1843–1907) — норвежский композитор периода романтизма, пианист, дирижер.

Нравится ли вам Бах? — Иоганн Себастьян Бах (1685–1750) — немецкий композитор, представитель эпохи барокко, органист-виртуоз.

Из старого же вышло: «Смерть Пазухина», ...«На ножах», ...«Смерть Ивана Ильича», «Рассказ о семидесяти повешенных» (дополненное издание), «Смерть Иоанна Грозного» и «Убийство Коверлей»... — «Смерть Пазухина» (1857) — комедия М.Е. Салтыкова-Щедрина; «На ножах» (1870–1871) — роман Н.С. Лескова; «Смерть Ивана Ильича» (1882–1886) — повесть Л.Н. Толстого; «Рассказ о семидесяти повешенных» — обыгрывание названия популярного «Рассказа о семи повешенных» (1908) Л.Н. Андреева; «Смерть Иоанна Грозного» (1866) — трагедия А.К. Толстого; «Убийство Коверлей» —

популярная репертуарная пьеса провинциальных дореволюционных театров, была переведена с французского языка Н.П. Киреевым.

Что-то вроде библиографии

Впервые: Юг, 1919, конец августа (датируем по авторскому указанию в тексте). Печатается впервые по тексту вырезки, представленной в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ. Ф.32. Оп.2. Ед.хр.3. Л. 31–31а).

...издание газеты «Прибой»... — Газета «Прибой» (1917–1919) — орган Севастопольского и Таврического Областного комитетов РСДРП.

...с головизной... — Мясная обрезь с головы свиней или коров.

«Покушение на Д.Ф. Трепова». — Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906) — генерал-майор (1900), генерал-майор Свиты (1903), петербургский генерал-губернатор во время революционных событий 1905 г. Неудачное покушение на Трепова состоялось 2 января 1905 г.

«Покушение на жизнь ген.-ад. Черевина». — Черевин Петр Александрович (1837–1896) — генерал-лейтенант, исполняющий обязанности шефа жандармов (1880), товарищ министра внутренних дел (1880–1883), с 1883 г. — начальник дворцовой охраны при Александре III и личный друг императора. Покушение на Черевина состоялось 3 ноября 1881 г.

«Покушение на губернатора Курлова в Минске»... — Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) — в 1905–1906 гг. минский губернатор. Покушение на Курлова было предпринято 14 января 1906 года.

...выстрел В. Засулич в Трепова... — Революционерка Засулич Вера Ивановна (1850–1919) 24 января 1878 г. явилась к петербургскому градоначальнику Ф.Ф. Трепову на прием и ранила его выстрелом из револьвера.

Взрыв Степана Халтурина... — Боевик «Народной воли» Халтурин Степан Николаевич (1856–1882) 5 февраля 1880 г. осуществил взрыв в Зимнем дворце.

...убийство губ. Крапоткина в Харькове... — Князь Дмитрий Николаевич Кропоткин (1836–1879), губернатор Харьковской губернии (1870–1879), был убит террористом-народовольцем 9 (21) февраля 1879 г.

...покушение Карповича на Боголепова... — Эсер Карпович Петр Владимирович (1874–1917) в 1901 г. убил министра народного просвещения Н.П. Боголепова.

...убийство губ. Слепцова... — Тверской губернатор Павел Александрович Слепцов (1862–1906) был убит взрывом бомбы 25 марта 1906 г.

...в «Озерках найден труп Георгия Гапона»... — Тело Гапона было обнаружено случайно на даче Звержинской в Озерках под Петербургом 30 апреля 1906 г.

«неудачное покушение в Одессе Тамары Принц на ген. Каульбарса» — 28 июля 1906 г. эсерка Тамара Принц должна была явиться на прием к командующему войсками Одесского военного округа генералу А.В. Каульбарсу и либо взорвать его бомбой, спрятанной в редикюле, либо застрелить из револьвера. Из-за оплошности застрелилась сама Принц.

...сверху придавливает Степняком-Кравчинским, который к исходу года «раздавлен в Лондоне поездом». — Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович (1851–95) — писатель-народник, революционер. В 1878 г. примкнул к организации «Земля и воля»; убил шефа жандармов Н.В. Мезенцова. Один из прототипов главного героя романа Э.Л. Войнич «Овод». Погиб в Лондоне, случайно попав под поезд.

Отрывки из гоголевской «Женитьбы»
(Оторваны для подходящего случая)

Впервые: Юг, 1919, 8 сентября, № 36. Печатается впервые по тексту газеты.

...если бы нос мистера Вильсона да приставить к губам Клемансо, да взять немного деловитости мистера Ллойд Джорджа... — В описываемое время: Томас Вудро Вильсон (1856–1924) — президент США; Жорж Клемансо (1841–1929) — председатель Совета Министров Французской республики и военный министр, активный организатор антисоветской интервенции; Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945) — премьер-министр Великобритании.

...актером Глаголиным звать. — Глаголин Борис Сергеевич (1879–1948) — российский актер, режиссер, драматург. С 1906 г. работал режиссером петербургского Малого театра; в 1914–1916 гг. возглавлял объединение артистов петербургского Малого театра «Русская лента», где поставил около

двадцати кинофильмов. После революции работал и жил на Украине. Эмигрировал в США.

Страница объявлений

Впервые: Юг, 1919, 13 сентября. № 40. Печатается впервые по тексту газеты.

Леонид Андреев

Впервые: Юг, 1919, 17 сентября. № 42. Печатается впервые по тексту газеты.

Мелочи совдепской жизни (Из музея Арк. Аверченко)

Впервые: Юг, 1919, 20 сентября, № 45. Печатается по тексту газеты.

Вполне возможно, что и эти «мелочи», и приведенные выше «отрывки» исполнялись в севастопольском театре «Дом артиста», с которым Аверченко сотрудничал в сентябре 1919 г. (заведовал литературной частью вместе с писателем Анатолием Каменским).

Смерть Аркадия Аверченко

Впервые: Юг, 1919, 26 сентября, № 50. Печатается впервые по тексту газеты.

Покойный происходил из небогатой купеческой семьи города Севастополя, окончил свое скромное образование в Севастополе же, и 11 лет тому назад 26-летним робким молодым человеком выступил на писательское поприще. — Писатель родился в семье купца 2-й гильдии Тимофея Петровича Аверченко; вопрос о получении им начального образования по сей день остается открытым. Началом «писательского поприща» сам Аверченко обозначил 1908 г. («11 лет тому назад»), т.е. время своего прихода в петербургский журнал «Стрекоза», впоследствии реорганизованный в «Сатирикон». Неточность в том, что в то время ему было не 26, а 28 лет. Писатель по невыясненной причине не знал точной даты своего рождения, установленной в 2001 г. севастопольскими архивистами: 15 (27) марта 1880 г.

Одна актриса в Новороссийске в январе этого года уверяла меня, что балерина Вера Коралли умерла. — Каралли

Вера Алексеевна (1889–1972) — русская балерина, актриса немого кино, балетный педагог. На самом деле дожила до глубокой старости и скончалась в австрийском Бадене. В январе 1919 г. Аверченко оказался в Новороссийске по пути из Ростова-на-Дону в Крым.

Когда в апреле добровольцы эвакуировались из Севастополя и французы сдали город большевикам — я застрял в Севастополе. — См. комментарий к «Открытому письму буржую».

...сколько народу поумирало... Ясинский, Боборыкин... — Ясинский Иероним Иеронимович (1850–1931) — русский писатель, литературный критик, переводчик, драматург, издатель и мемуарист. В том, что герой фельетона преждевременно его похоронил, был особый смысл: Ясинский одним из немногих литераторов поддержал большевистский переворот, чем навлек на себя негодование антисоветски настроенной общественности. Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) — русский писатель, драматург, журналист.

Как хороши, как свежи были...

Впервые: Юг, 1919, «после 25 сентября» (согласно авторской помете). Печатается впервые по тексту вырезки, представленной в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ. Ф.32. Оп.2. Ед.хр.3. Л. 29–30). С пометой «с.х.».

«Как хороши, как свежи были...» — Фельетон пародирует стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы» (1879).

...отложив в сторону Эрфуртскую программу... — Эрфуртская программа — первая и единственная программа Социал-демократической партии Германии, написанная с марксистских позиций К. Каутским (теоретическая часть) и Э. Бернштайном (практическая часть), и принятая на съезде в Эрфурте в 1891 г.

..Деникин уже почти под Москвой... — В сентябре 1919 г. Аверченко жил надеждами на успешное окончание «похода на Москву», предпринятого ВСЮР под командованием А.И. Деникина в июле 1919 г. (поход будет проигран).

...«допрашиваемого» Петерсом... — Петерс Яков Христофорович (1886–1938) — один из руководителей органов

государственной безопасности. С октября 1917 г. член Петроградского Военно-революционного комитета, далее член коллегии ВЧК, заместитель председателя ВЧК. В 1918 г. председатель Ревтрибунала. С июня по август 1918 г. председатель ВЧК, затем до марта 1919 г. заместитель председателя ВЧК. Во время создания фельетона — чрезвычайный комиссар в Петрограде.

Петербург

Впервые: Юг, 1919, 8 октября, № 59. Печатается впервые по тексту газеты.

...рассказать «Осеннюю песню» Чайковского... — Пьеса из цикла фортепианных миниатюр «Времена года» (1876).

Юденич в Петербурге! — Аверченко поторопился, т.к. генерал Николай Николаевич Юденич не смог взять Петроград. Речь идет о наступлении Северо-Западной армии Юденича в октябре — ноябре 1919 г., в ходе которого генерал при поддержке вооруженных сил Эстонии и военно-морского флота Великобритании пытался овладеть городом. Операция закончилась контрнаступлением Красной армии, разгромом Северо-Западной армии, ее разоружением и интернированием Эстонией и заключением последней мира с Советской Россией

Немецкое

Впервые: Юг, 1919, 16 октября, № 66. Печатается по тексту газеты.

См. комментарий к «Петербургу».

Сломя голову

Впервые: Юг, 1919, 17 октября, № 67. Печатается впервые по тексту газеты.

Полнокровный

Впервые: Юг, 1919, 12 ноября, № 89. Печатается по тексту газеты.

Николай Васильич уходит...

Впервые: Юг, 1919, 13 ноября, № 90. Печатается впервые по тексту газеты.

Осенний мелкий дождичек

Впервые: Юг, 1919, 14 ноября, № 91. Печатается впервые по тексту газеты.

Фельетон был включен писателем в первое издание сборника «Дюжина ножей в спину революции» (Симферополь, 1920), впоследствии не переиздавался.

Когда Маруся Спиридонова, 17-летняя гимназистка, выстрелила в губернатора Луженовского... — Знаменитая эсерка-террористка Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) 16 января 1906 г. смертельно ранила советника тамбовского губернатора Г.Н. Луженовского, отличившегося в подавлении революционных выступлений 1905 г.

Книгу украли

Впервые: Юг, 1919, 15 ноября, № 92. Печатается впервые по тексту газеты.

...к Вольфу, или Мелье, или к Попову, или к Сытину... — Фамилии крупнейших дореволюционных издателей.

На самом верху стоит Н. Пружанский. — Пружанский Николай Осипович (наст. фам. Линовский; 1844 —?) — русско-еврейский писатель, автор преимущественно повестей и рассказов из еврейской жизни.

...не один граф Амори, а три графа Амори: «Послесловие к Яме», «Окончание Ключей счастье» и «В омуте разврата»... — Граф Амори — псевдоним Рапгофа Ипполита Павловича (1860–1918?), предпринимателя, бульварного писателя. Имел репутацию литературного авантюриста, т.к. выпускал продолжения романов известных писателей, о чем и пишет Аверченко.

Благодетельницы рода человеческого
(Монолог одной дамы)

Впервые: Юг, 1919, 16 ноября, № 93. Печатается впервые по тексту газеты.

Моя почтовая контора

Впервые: Юг, 1919, 19 ноября, № 95. Печатается впервые по тексту газеты.

Страна, в которой не удивляются

Впервые: Юг, 1919, 20 ноября, № 96. Печатается впервые по тексту газеты.

См. комментарии к фельетону «Смерть Аркадия Аверченко».

У Маруси Спиридоновой на прошлой неделе от Урицкого родился сын мальчишка. — О Марусе Спиридоновой см. комментарий к фельетону «Осенний мелкий дождичек». Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918) — с марта 1918 г. — председатель Петроградской ЧК. Был убит 30 августа 1918 г. В этот же день в Москве произошло покушение на жизнь В.И. Ульянова; эти два события стали основанием для появления декрета СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г.

Заграничное, близкое

Впервые: Юг, 1919, 21 ноября, № 97. Печатается по тексту газеты.

...зайдет к Доминику... — Первое в Петербурге и в России кафе-ресторан «Доминик» было открыто в 1841 г. «для удовольствия публики высшего класса» на Невском проспекте, 24. Здесь подавали завтрак, обед и ужин, а также к услугам посетителей были бильярд, домино, шахматы, шашки.

...окончание авантюры Габриэля д'Аннунцио в Фиуме... — Габриэль д'Аннунцио (1863–1938) — итальянский поэт, писатель, драматург. В 1919 г. возглавил экспедицию добровольцев для захвата города Фиуме, который затем удерживал до 1921 г., став национальным героем.

Новая Елена Молоховец,
или Советская поваренная книга

Впервые: Юг, 1919, 27 ноября, № 101. Печатается впервые по тексту газеты.

Елена Молоховец — Молоховец Елена Ивановна (наст. фам. Бурман; 1831–1918) — классик русской кулинарной литературы, автор книги «Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве» (1861).

Мистер Джон

Впервые: Юг, 1919, «после 30 ноября» (согласно авторской помете). Печатается впервые по тексту вырезки, представленной в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ. Ф.32. Оп.2. Ед.хр. 3. Л. 34–36а).

Фельетон пародирует явления IX–XI действия IV комедии Н.В. Гоголя «Ревизор».

Финансовая проблема

Впервые: Юг, 1919, 10 декабря, № 112. Печатается по тексту газеты.

Пятьдесят тысяч

Впервые: Юг, 1919, 17 декабря, № 118. Печатается по тексту газеты.

...всенародно сечь на Графской площади, против памятника Нахимову. — Очевидно, наборщик допустил ошибку, и речь идет о Графской пристани — парадном причале Севастополя.

Теперешняя жизнь Сычуговых

Впервые: Юг, 1919, 18 декабря, № 119. Печатается по тексту газеты.

Рассыпанные бусы

Впервые: Юг, 1919, 22 декабря, № 123. Печатается по тексту газеты.

*...выбросила в Ак-*Мечети*...* — Ак-Мечеть (тюрк. «белая мечеть») — ныне пос. Черноморское на западной оконечности Крыма — Тарханкутском полуострове. Переименован в 1944 г. после депортации крымских татар (все тюркские топонимы убирались тогда с карты Крыма).

...известный всей Москве негр Томас, присяжный увеселитель — Федор Федорович Томас — цирковой негр, джазмен.

Дядя Митяй и дядя Минай.

Впервые: Таврический голос, 1919, 25 декабря (7 января), № 123 (273). Печатается впервые по тексту газеты.

«Что это за скверный город! — Слова Городничего из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1836).

«Эх, вы! Сосульку, тряпку приняли за важного человека» — Аверченко продолжает цитировать комедию «Ревизор».

«Все, не исключая и самого кучера...» — Цитируется поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842).

О Святом Петре, английском летчике и Ллойд Джордже. Впервые: Юг, 1919, 31 декабря, № 127. Печатается впервые по тексту газеты.

...самое большое впечатление произвел на меня большой палец ноги св. Петра. — Писатель вспоминает статую Св. Петра Благословляющего в Соборе Святого Петра в Ватикане.

1920

Проклятый старикашка
Впервые: Юг, 1920, 1 января, № 128. Печатается по тексту газеты.

Севастопольское электричество
Впервые: Юг, 1920, 4 января, № 130. Печатается впервые по тексту газеты.

Где Иван Николаич?
Впервые: Юг, 1920, 23 января, № 145. Печатается по тексту газеты.

Панические настроения среди беженцев усилились в связи с тем, что красные части 12 декабря 1919 г. взяли Харьков, 10 января 1920 г. — Ростов-на-Дону, а непосредственно в момент публикации фельетона уже шла эвакуация Одессы.

...у берегов Трапезунда... — Трапезунд, Трабзон — город на северо-востоке Турции.

...кружевное дессу... — Дессу (франц.) — обобщенное название всего, что относится к дамскому нижнему белью.

Около Ветцеля зря никто не крутится — В гостинице Ветцеля в Севастополе (ул. Екатерининская, 6) ставили выездную визу. Дом не сохранился.

Да я шел в редакцию. — Редакция Севастопольской газеты «Юг» располагалась на ул. Екатерининской, 20. Дом не сохранился.

ЛИЦ, знающих местопребывание Ивана Николаевича Гуськова, просят сообщить в контору газеты «Юг»... — Аверченко использует распространенный в «Юге» шаблон объявлений: страницы газеты пестрели подобными отчаянными просьбами людей, разыскивавших своих близких.

Рекорд осведомленности

Впервые: Юг, 1920, 25 января, № 147. Печатается по тексту газеты.

Симферопольская газета «Таврический голос»... — Аркадий Аверченко был сотрудником «Таврического голоса» с февраля 1919 г. (момента своего переезда с Дона в Крым), когда газету издавали и редактировали кадеты. Перерыв в сотрудничестве произошел в апреле — июне 1919 г., в период существования на полуострове Крымской Советской Социалистической республики. Затем сотрудничество возобновилось, что не мешало писателю критиковать коллег.

Франция выбрала в президенты Поля Дешенеля... — Дешанель Поль Эжен Луи (1855–1922) был избран президентом Французской республики 17 января 1920 г.

Назначил вместо него — Клемансо... — См. комментарий к «Отрывкам из гоголевской “Женитьбы”».

Жили-были простой англичанин — Черчилль и простой англичанин Асквит. — Сэр Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (1874–1965), премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 гг.. В 1917 г. по предложению Ллойд Джорджа был введен в состав коалиционного правительства. Возглавлял в 1918–1922 гг. военное и авиационное министерства, проявил себя убежденным противником Советской России и вдохновителем вооруженной борьбы с ней. *Асквит Герберт Генри* (1852–1928), английский государственный деятель, один из лидеров Либеральной партии. В 1908–1916 гг. был премьер-министром.

Спиртовой утюг

Впервые: Юг, 1920, 30 января, № 151. Печатается впервые по тексту газеты.

Рассыпанные бусы

Впервые: Юг, 1920, 31 января, № 152. Печатается впервые по тексту газеты.

Еле мы успели убежать. — С 21 января (3 февраля) по 26 января (8 февраля) 1920 г. шла эвакуация морем из Одессы войск Новороссийской области ВСЮР и Одесского гарнизона, а также гражданского населения, не пожелавшего оставаться на занимаемой Красной армией территории.

Мелочи

Впервые: Юг, 1920, 1 февраля, № 153. Печатается по тексту газеты.

Наши сутки

Впервые: Юг, 1920, 5 февраля, № 156. Печатается по тексту газеты.

Вода есть: в море. — Проблемы с пресной водой в Севастополе были всегда. В кризисные моменты истории эти проблемы становятся неразрешимыми. Фраза «Вода есть: в море» — горькая шутка севастопольцев, вынужденных мыться не в ванной, а в море.

...надевает фрак и идет в «Ренессанс»... — Театр «Ренессанс» находился на Нахимовском проспекте, считался лучшим в Севастополе (разрушен в годы Великой Отечественной войны, не восстанавливался).

Золотое детство

Впервые: Юг, 1920, 6 февраля, № 157. Печатается впервые по тексту газеты.

Рассыпанные бусы

Впервые: Юг, 1920, 8 февраля, № 159. Печатается впервые по тексту газеты.

Шпильгаген есть. — Фридрих Шпильгаген (1829–1911) — известный немецкий писатель-романист.

Эскимосы

Впервые: Юг, 1920, 13 февраля, № 162. Печатается по тексту газеты.

...у меня была любовь к «Ниве». — «Нива» (1869–1918) — популярный русский еженедельный иллюстрированный журнал для семейного чтения.

...«Родина» вообще была неважным журналом. — «Родина» (1879–1918) — исторический журнал. Возрожден в 1989 г.

Пьеса такая есть Зудермана... — Зудерман Герман (1857–1928) — немецкий драматург и романист. Пьеса «Родина» (1893) считается лучшей в его творческом наследии.

Страна мошенников

Впервые, Юг, 1920, «после 14 февраля» (согласно помете на вырезке с текстом фельетона, представленной в архиве А.Т. Аверченко: РГАЛИ. Ф.32. Оп. 2. Ед.хр 6. Л. 9.ч.1). Печатается впервые по тексту газеты.

Меньшой брат

Впервые: Юг, 1920, 16 февраля, № 165. Печатается по тексту газеты.

У берега балаклавской бухты колышутся несколько рыбачьих лодок. — Балаклава (тюрк. «рыбье гнездо») — старинный город в 15 км от центра Севастополя. Расположен по берегам узкогорлой бухты, во все времена славившейся хорошим уловом.

— *Нема.* — Балаклавские рыбаки были греками и разговаривали на ломаном русском языке.

...проходил я мимо балаклавской аптеки. — Здание аптеки сохранилось (Балаклава, наб. Назукина, 1).

...я ел у Контана котлетку Мари-Луиз, соус-субиз. — «Контан» — знаменитый петербургский ресторан, открытый в 1885 г. в здании гостиницы «Россия» (Наб. Мойки, 58). Славился великолепной кухней и оркестром румынской музыки под управлением Ж. Гулеско.

...библиотекарь лучшей севастопольской библиотеки... — Скорее всего, писатель имеет в виду Морскую библиотеку.

Последняя страница газеты (Объявления 1920 г.)

Впервые: Юг, 1920, 18 февраля, № 166. Печатается впервые по тексту газеты.

Товарообмен

Впервые: Юг, 1920, 21 февраля, № 169. Печатается по тексту газеты.

Кольцо в ноздре

Впервые: Юг, 1920, 22 февраля, № 170. Печатается по тексту газеты.

...саратовская сарпинка... — Сарпинка — легкая хлопчатобумажная ткань, полосатая или клетчатая, первоначально выделывавшаяся в поволжском городке Сарепт.

...«дернье кри» предстоящего сезона. — Дернье кри (фр. dernier cri) — буквально — последний крик.

...о нежном абрикатине — Абрикотин — абрикосовый ликер.

...о жгучем Джинджере... — Разновидность ирландского виски.

...в табачных киосках кое-где продаются номера «Огонька»... — «Огонек» издавался в России в 1899–1917 гг.

...пойдет на Графскую пристань... — Графская пристань — парадный морской причал Севастополя, где встречают все иностранные флотские делегации.

Двуногое без перьев

Впервые: Юг, 1920, 23 февраля, № 171. Печатается впервые по тексту газеты.

Мама, мама, что мы будем делать... Новый русский гимн. — Аверченко цитирует популярнейшие комические куплеты Гражданской войны, известные современному читателю по кинофильмам «Котовский» (1942) и «Кин-дза-дза!» (1986):

Мама, мама, что мы будем делать
Когда наступят зимни холода?
Ведь у тебя нет теплого платочка,
А у меня нет зимнего пальта.

Писатель не зря называл куплеты «новым русским гимном». Леонид Утесов в мемуарах «Спасибо, сердце!» (1976) утверждал, что в 1919 г. их исполнял комический хор в одесском «Доме артиста» и что к тому времени они уже были «запетыми». Михаил Булгаков в повести «Роковые яйца»

(1925) воспроизводил их переделанными московскими куплетистами на злобу дня:

Ах, мама, что я буду делать
Без яиц??

Нина Берберова вспоминала, что в конце 1921 г. «эту модную песенку пели... во всех кабаре Петербурга!» (*Берберова Н.Н.* Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1996. С. 170). В том же году в Константинополе Союзом русских студентов был выпущен сборник, один из авторов которого рассказывал, что собирается купить себе плащ: «И “когда настанут зимни холода”, под этим плащом спрячу свои отрепья <..> и не буду спрашивать ни у кого, что делать, если нет ни теплого платочка, ни настоящего зимнего “пальта”» (В Прагу! Студенческий сборник. Константинополь: Типография издательского товарищества «Пресса», 1921. С. 11).

...отправлюсь-ка я прямо в типографию... — Типография газеты «Юг» находилась на ул. Екатерининской, 51 (ныне ул. Ленина, 27).

Ералаш

Впервые: Юг, 1920, 26 февраля, № 173. Печатается по тексту газеты.

...у вас случайно нет коленкору для подкладки? — Коленкор (франц.) — легкая жесткая гладкокрашенная или отбеленная хлопчатобумажная ткань, лощенная, полотняного переплетения.

Об одном бестолковом англичанине

Фельетон печатается впервые по тексту вырезки из газеты «Таврический голос», представленной в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ. Ф.32. Оп.2. Ед.хр.8. Л. 65).

...недавно им было весело, и они тоже не работали. В день годовщины февральской революции... Господин Канторович! Господин Пивоваров! — Эти указания позволяют датировать фельетон концом февраля — началом марта 1920 г. Упомянутый известный меньшевик Н.Л. Канторович в это время возглавлял Севастопольский совет профессиональных союзов; И.С. Пивоваров был товарищем (заместителем) городского

головы. 18 февраля (2 марта) 1920 г. оба были арестованы за политическую агитацию против Добровольческой армии.

Отсыревшая бомба

Впервые: Юг, 1920, 4 марта, № 178. Печатается по тексту газеты.

Febris Elrangeris.

Впервые: Юг, 1920, 7 марта, № 181. Печатается впервые по тексту газеты.

Febris Elrangeris — Лихорадка (лат.).

Старая погудка на новый лад

Впервые: Юг, 1920, 7 марта, № 181. Печатается впервые по тексту газеты.

Проблематика пародии вызвана конфликтом редакции «Юга» с военным цензором по делам печати г. Севастополя. См. ниже комментарий к фельетону «Публикация сердитого господина».

А к нам Орлов пришел! — Некто капитан Орлов, формировавший по поручению генерала Я.А. Слащёва добровольческие офицерские части, 20 января 1920 г. уклонился от приказа Слащёва послать собранный отряд на фронт. В ответ на повторный приказ Орлов в ночь на 22 января произвел в Симферополе открытое выступление, арестовал городские власти и объявил себя начальником городского гарнизона. Слащёв выслал против него из Джанкоя и из Севастополя войсковые части. Не решаясь вступить с ними в бой, Орлов на третий день, выпустив арестованных им лиц, с частью своего распылившегося отряда ограбил губернское казначейство и бежал в горы. Стал главой кочующей банды, на что и намекает Аверченко.

Волшебная неделя

Впервые: Юг, 1920, 8 марта, № 182. Печатается по тексту газеты.

...поляки пропустили восьмидесятитысячную русско-германскую армию и она прошла через Польшу на соединение с Брусиловым... Брусилов стал во главе красной армии и по-

шел против поляков, а потом повернул и двинулся на Москву свергать Совнарком. — Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — выдающийся русский военачальник и военный педагог, генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915), с 1920 г. служил в рядах Красной армии, чем вызвал недоумение и негодование у антисоветски настроенных кругов. Героя фельетона Аверченко пытаются уверить в том, что на самом деле генерал осуществляет хитрый план по захвату Москвы. В описываемое время (с 28 января 1919 г.) шла война Польши с Советской Россией.

...Урицкий застрелился... — Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918). Член РСДРП с 1908 г. Во время октябрьского переворота 1917 г. сыграл большую роль как член Петроградского Военно-Революционного Комитета — его задачей была ликвидация Учредительного Собрания. С марта 1918 г. — председатель Петроградской ЧК. Убит 30 августа 1918 г.

Крах торгового дома

Впервые: Юг, 1920, 11 марта, № 184. Печатается впервые по тексту газеты.

Публикация сердитого господина

Впервые: Юг, 1920, 13 марта, № 186. Печатается впервые по тексту газеты.

Фельетон стал реакцией на инцидент, произошедший между редакцией газеты «Юг» и военным цензором по делам печати Севастополя и приведший к закрытию газеты. 9 марта 1920 г. цензор капитан Кочетов прислал на имя редактора «Юга» Г.И. Фальченко (зятя Аверченко) текст телеграммы, которую в приказном порядке велел напечатать. Фальченко повеление проигнорировал. Тогда Кочетов направил в адрес «Юга» официальный запрос о причине неподчинения, на что получил письменный ответ-отпор. 12 марта 1920 г. капитан Кочетов отправил донесение начальнику штаба 3-го армейского корпуса генерала Слащёва, полковнику генштаба Георгию Александровичу Дубяго, в котором настаивал на вызове в Джанкой ответственного редактора газеты “Юг” Григория Ивановича Фальченко для дачи объяснения по этому вопросу генералу Слащёву (Письмо цензору // Юг, 1920, 13 марта, № 186). 13 марта

1920 г. редакция «Юга» ответила на страницах своей газеты «Письмом цензору», в котором предложила Кочетову подать в отставку. За этот выпад Фальченко был оштрафован на 5000 руб., а газету закрыли распоряжением генерала Николая Николаевича Шиллинга. Последний ее № 193 увидел свет в пятницу 21 марта 1920 г. Вместо нее начала выходить газета «Юг России».

Мне этот приблудившийся козел надоел... — Объявления о приблудившемся козле действительно существовали. Например: «Приблудился козел. Цыганская сл.<обода>, 2-я ул., д.53» (Объявление // Юг, 1920, 11 марта, № 183). Или: «Приблудились два белых козла. Соборная, 16. Офицерское собрание» (Объявление // Юг, 1920, 8 марта,. № 182).

Зачем ты, безумная, губишь того, кто увлекся тобой? — Начало популярного романса на слова М. Ожегова.

...Перед воеводой молча он стоял. — Начало стихотворения И.С. Тургенева «Перед воеводой молча он стоял...» (1841).

Маклаков просят не беспокоиться. — Маклак (здесь) — торговый посредник.

Милюков — тоже. ... Обыгрывается фамилия Павла Николаевича Милюкова.

Когда бы жизнь домашним кругом ты ограничить захотел. — Неточная цитата из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». У поэта: «Я ограничить захотел».

Газета Аркадия Аверченко

Печатается впервые по экземпляру, представленному в архиве А.Т. Аверченко.

Судя по рекламе в № 1 «Юга России» от 24 марта 1920 г., газета вышла не позднее этой даты. Ее можно рассматривать как первую попытку возрождения «Сатирикона», т.к. это был скорее мини-журнал (8 стр.). Помимо публикуемых в настоящем томе произведений, в газете был впервые напечатан рассказ «Кулич», впоследствии включенный писателем в сборник «Дети» (Константинополь, 1922), а также стихотворения бывших сатириконцев Владимира Воинова «Полковой священник» и Евгения Венского «Война и богема». Т.к. типография «Юга» временно не работала, «Газета Аркадия Аверченко» была выпущена издательством «Заря России», печатавшим в числе прочего одноименную газету.

Издание светлое, праздничное — Газета была выпущена на Пасху 1920 г.

...поют свою победную «Песнь торжествующей Свиньи»... — Название сатирических куплетов Анны Павловны Барыковой (1839–1893), направленных против конформизма и трусости российского обывателя. Был популярен припев этих куплетов — «Я гордо, смело говорю: хрю-хрю!».

...тот самый знаменитый нож, который, как говорится, в спину революции... — Фраза «нож в спину революции», ставшая в годы Гражданской войны крылатой, прозвучала в речи Л.Д. Троцкого на экстренном заседании Петросовета 24 октября 1917 г.: «Если правительство 24 или 48 часами, которые остались в его распоряжении, попытается воспользоваться для того, чтобы вонзить нож в спину революции, то мы заявляем, что передовой отряд революции ответит на удар — ударом, на железо — сталью». Аверченко использует ее в названии сборника «Дюжина ножей в спину революции», который готовил как раз в момент выпуска пасхальной газеты.

В наш город вошли большевики — Екатеринодар (Краснодар) красные части заняли 17 марта 1920 г.

Здесь открывается «Осваг». — ОСВАГ (ОСВедомительное АГентство) — информационно- пропагандистский орган Добровольческой армии, а в дальнейшем — Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР) во время Гражданской войны.

Светлый праздник в Москве

Впервые: Юг России, 1920, 29 марта, № 4. Печатается по тексту газеты.

Наркомпролеткульт — Народный комиссар Пролеткульта.

...товарищу Вацетису... — Вацетис Иоаким Иоакимович (1873–1938) — советский военный деятель, активный участник революционных событий. Командуя 5-м латышским Земгальским стрелковым полком, перешел во время октябрьского переворота на сторону Советской власти. С 6 сентября 1918 г. по 8 июля 1919 г. — главнокомандующий Вооруженными Силами РСФСР; с августа 1919 г. работал в Реввоенсовете, с 1921 г. — преподавал в Военной академии РККА.

...всюду ставится моя пьеса «Королевский брадобрей»... — Пьеса была написана А.В. Луначарским в тюрьме в 1906 г.

Народ безмолвствовал. — Неточное цитирование финальной ремарки Пушкина из драмы «Борис Годунов» (1825).

Ab ovo

Впервые: Юг России, 1920, 5 апреля, № 8. Печатается по тексту газеты.

Ab ovo (лат.). — буквально: с яйца.

Поташь. — Правильно — поташ (potash, от слияния двух английских слов: pot — порошок и ash — зола) — твердое вещество, поставляемое потребителям в виде белого или светло-серого порошка.

...и Кузнецовы, и Мальцовы с этого же начинали. — Кузнецовский и Мальцовский стекольные заводы славились на весь мир.

И суконные Эмили Циндели и Торитоны... — Товарищество ситценабивной мануфактуры «Эмиль Циндель» в Москве — фирма, владевшая крупнейшей в Российской империи ситцепечатной фабрикой.

О любви к отечеству и народной гордости

Впервые: Юг России, 1920, 10 апреля, № 12. Печатается по тексту газеты.

«О любви к отечеству и народной гордости» — название статьи Н.М. Карамзина (впервые — «Вестник Европы», 1802, N 4).

Приехали, скажем, из-за границы несколько обыкновенных проходимцев — пожалуйте в роскошный дворец Кшесинской! — Особняк балерины Матильды Кшесинской находится на углу Кронверкского проспекта и Большой Дворянской улицы. Вечером 27 февраля 1917 г. Кшесинская вместе с сыном покинула свой дом. 11 марта 1917 г. ПК РСДРП(б), его Военная организация, а затем и ЦК партии большевиков перебрались в этот особняк, который превратился в «главный штаб ленинцев».

Не сдавали там Одессу... — 7 февраля 1920 г. в Одессе была установлена Советская власть.

Старая Русь

Впервые: Юг России, 1920, 12 апреля, № 14 (207). Печатается по тексту газеты.

...они приняли меня за генерала Врангеля... — Врангель Петр Николаевич (1878–1928) — барон, генерал-лейтенант (1917), один из главных руководителей Белого движения. В апреле 1920 г., когда был написан фельетон, Врангель был в Севастополе новым и очень популярным лицом. Он прибыл в город 4 апреля 1920 г., сменив А.И. Деникина на посту Главнокомандующего ВСЮР.

Семейная радость

Впервые: Юг России, 1920, 16 апреля, № 17 (210). Печатается по тексту газеты.

Япония объявила нам войну! — Вероятно, имеются в виду события февраля — марта 1920 г. на Дальнем Востоке, где из иностранных войск остались только японцы. Они позволили красным партизанам занять Амурскую область, что вылилось в ряд кровопролитных инцидентов. Вывод японских войск из Приморья завершился лишь 21 октября 1922 г.

...спрошу у сэра Бьюкенена, — как поживает мой дорогой кузен и друг Георг? — Бьюкенен сэр Джордж (1854–1924) — британский дипломат. В 1910–1918 гг. служил послом в России, был посредником в переговорах с британским правительством о предоставлении убежища императорской семье. Король Великобритании Георг V был кузеном Николая II, однако принять его не смог, поскольку правительство опасалось беспорядков. Герой Аверченко этой фразой, судя по всему, намекает на свое «право» занять престол.

Фельетон для англичан друга Англии Аркадия Аверченко

Впервые: Юг России, 1920, 17 апреля, № 18 (211). Печатается по тексту газеты.

...Литвинов будто все мигает во время разговора... — Литвинов Максим Максимович (Меир Моисеевич Валлах; 1867–1951) — советский дипломат, имевший ранг чрезвычайного и полномочного посла. На дипломатической работе с 1917 г.; в 1918 г. был назначен дипломатическим представителем Советской России в Англии, однако британское правительство не признало его полномочий. В 1918–1921 гг. был членом Коллегии Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР. С 1921 г. зам., в 1930–1939 гг. нарком иностранных дел СССР.

...сэр Бальфур... — Бальфур Артур Джеймс (1848–1930) — английский государственный деятель. Во время Первой мировой войны занимал пост морского министра; в 1916–1919 гг. — министра иностранных дел.

Золотой дождь

Впервые: Юг России, 1920, 21 апреля, № 20 (213). Печатается впервые по тексту газеты.

...при уплате эстонскому правительству долга в 15 милл. рублей золотом... — Мероприятие, о котором пишет Аверченко, проводилось в исполнение Тартусского мирного договора между РСФСР и Эстонией, подписанного 2 февраля 1920 г. В числе прочего Договор предусматривал передачу Эстонии части золотого запаса царской России в размере 11,6 т золота (15 млн рублей золотом).

Наседка

Впервые: Юг России, 1920, 24 апреля, № 21 (214). Печатается впервые по тексту газеты.

Люди каменного века

Впервые: Юг России, 1920, 26 апреля, № 23 (216). Печатается впервые по тексту газеты.

...апологетом учения Жнани-йога. — Джнана-йога, джняна-йога или гьяна-йога («путь знания») — один из видов йоги в философии индуизма.

«Сад» Рабиндраната Тагора — «Сад песен»... — Стихотворный цикл индийского поэта Р. Тагора (1861–1941).

Угроза.

Впервые: Юг России, 1920, 29 апреля, № 25 (218). Печатается впервые по тексту газеты.

Чудеса математики

Впервые: Юг России, 1920, 2 мая, № 28 (221). Печатается по тексту газеты.

Буль де неж

Впервые: Юг России, 1920, 3 мая, № 29 (222). Печатается впервые по тексту газеты.

Бык, схваченный за рога

Впервые: Юг России, 1920, 7 мая, № 32 (225). Печатается впервые по тексту газеты.

Негодование Аверченко вызвало следующее распоряжение городских властей:

«В целях экономии осветительной энергии и топлива по приказу Главнокомандующего часовая стрелка в 24 часа 20 апреля (в ночь на 21-е) будет передвинута на 1 час вперед.

Во всех войсках, военных и гражданских учреждениях, на ж.д. и во флоте устанавливается однообразное время по севастопольскому времени» (Перевод часовой стрелки // Юг России, 1920, 16 апреля, № 17 (210)).

Молодняк

Впервые: Юг России, 1920, 10 мая, № 34 (227). Печатается по тексту газеты.

Слышали, как недавно у Байдарских ворот компанию ограбили? — Байдарские ворота находятся на Байдарском перевале, были возведены в 1848 г. в честь окончания строительства первого южнобережного шоссе.

Накажи меня Бог! — Аверченко приводит здесь любимую «божбу» севастопольских босяков.

Вот тоже книжка здорово написана: «Клуб червонных валетов». — Автор романа — французский писатель Понсон дю Террайль.

Homo novus (лат.) — буквально «новый человек».

...камперов угол — хоть куда! — Лицевой (камперов) угол — угол между воображаемыми линиями, соединяющими верхнюю губу с нижней частью ушей и лбом.

— А вы, молодой человек, «Дядю Ваню» видели?

— Видел. В Киеве.

— Понравилось?

— Ничего себе. Только, по-моему, вся эта французская борьба — одно жульничество. Но, как арбитр, дядя Ваня... — В диалоге комически обыгрывается созвучие названия чеховской пьесы и сценического псевдонима известного до революции арбитра чемпионатов по французской борьбе Ивана Лебедева («дяди Вани»).

Шокинг

Впервые: Юг России, 1920, 13 мая, № 36 (229). Печатается по тексту газеты.

Ной и Хам

Впервые: Юг России, 1920, 15 мая, № 38 (231). Печатается впервые по тексту газеты.

26 мая 1918 г. Грузия провозгласила создание независимой Грузинской демократической республики. Военную помощь новому государству оказывали сначала немцы, далее англичане. В феврале 1919 г. были проведены всеобщие выборы и по их результатам сформировано однопартийное правительство социал-демократов («меньшевиков»), которое возглавил Ной Николаевич Жордания (1869–1953). Правительство придерживалось политики невмешательства в Гражданскую войну. 7 мая 1920 г. в Москве был подписан мирный договор между РСФСР и Грузией, по условиям которого советское правительство признавало независимость и самостоятельность Грузии и обязывалось не вмешиваться в ее внутренние дела. Однако ареста Жордании, о котором пишет Аверченко, в мае 1920 г. не было: писатель комментировал недостоверные сведения. Жордания покинет Тбилиси только в феврале 1921 г. (эмигрирует, скончается в Париже).

Летучие голландцы

Впервые: Юг России, 1920, 17 мая, № 40 (233). Печатается по тексту газеты.

11 мая 1920 г. генерал Врангель приказом установил новое административное наказание: «Высылка в Советскую Россию лиц, изобличенных в явном сочувствии большевизму, в непомерной личной наживе на почве тяжелого экономического положения края и пр.». Введение этой меры обосновывалось тем, что тюрьмы были переполнены, их едва хватало на уголовных преступников, а политических предполагалось отправлять за границы Крыма, за Перекоп.

Унылого вида вал за Перекопом... — Перекопский (Турецкий) вал — памятник фортификации эпохи турецкого владычества в Крыму. В наши дни длина его составляет 8475 м, ширина у основания — более 15 м, высота от дна рва — 18–20 м.

Рай на земле

Впервые: Юг России, 1920, 20 мая, № 41 (234). Печатается впервые по тексту газеты.

«Красная газета»! — Ежедневная газета Советской России (затем СССР); официальный орган партийной и государственной власти. Называя дату 10 декабря 1917 г., Аверченко ошибается: № 1 «Красной газеты» вышел только 25 января 1918 г.

РЕЧЬ, произнесенная английским премьер-министром Ллойд Джорджем на Лондонском совещании с советскими представителями

Впервые: Юг России, 1920, 21 мая, № 42 (235). Печатается по тексту газеты.

...из жилетного кармана мистера Бонар Лоу... — Бонар Лоу Эндрью (1858–1923), лидер английской консервативной партии. В 1916 г. в коалиционном кабинете Ллойд Джорджа стал канцлером казначейства (министром финансов) и одновременно лидером палаты общин. После отставки кабинета Ллойд Джорджа Бонар Лоу стал премьер-министром.

Умом Россию не понять // Ее аршином не измерить... — Неточная цитата из четырехстишия Ф.И. Тютчева. Правильная: «Аршином общим не измерить».

Страшная болезнь

Впервые: Юг России, 1920, 23 мая, № 44 (237). Печатается по тексту газеты.

Жизнь Макриды Паскудиной

Впервые: Юг России, 1920, 24 мая, № 45 (238). Печатается впервые по тесту газеты.

Garden party — Вечеринка в саду *(англ.)*.

Самоновейшие отгадки

Впервые: Юг России, 1920, 26 мая, № 46 (239). Печатается впервые по тексту газеты.

Слизняки

Впервые: Юг России, 1920, 28 мая, № 48 (241). Печатается по тексту газеты.

Я вновь пред тобою стою очарован... — Первая строка известного романса «Я вновь пред тобою» (музыка неизвестного автора, слова В. Красова).

Свой стан худощавый к луке наклоня, араб горячил вороного коня... — Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Три пальмы» (1839).

Волхвы не боятся могучих владык... — Строки из пушкинской «Песни о вещем Олеге» (1822).

Наступление-то наше... — В конце апреля 1920 г. П.Н. Врангель одобрил план общего наступления из Крыма, предполагавший молниеносный захват района Днепр — Александровск — Бердянск; при успехе первого этапа операции следовал второй этап — выдвижение на линию Днепр — Синельниково — Гришино — Таганрог, и далее третий — наступление на Дон и Кубань. Операция намечалась на первые числа июня.

Остановимся и закрепимся у Александровска или Синельниково... — Александровск — старое название г. Запорожье, Синельниково — город с 1921 г. на Украине, центр Синельниковского района Днепропетровской области. Крупный железнодорожный узел (линии на Днепропетровск, Лозовую, Чаплино, Запорожье).

Вверх тормашками

Впервые: Юг России, 1920, 30 мая, № 50 (243). Печатается впервые по тексту газеты.

Кюрасо шипр? — «Кюрасо шипр бардене» — популярная марка духов, согласно рецептуре содержавших не менее 70% этилового спирта (т.е. сапожник из-за «сухого закона» употреблял духи).

А жене щиколаду Калье. — Т.е. плиточный шоколад.

...очень ему пикули-англез по душе. — Пикули — мелкие маринованные овощи и фрукты; англез — способ нарезки овощей в виде бочонков.

...ежели бы супругу евонную в «Гнездо перелетных птиц» сводил. — Аверченко рекламирует собственный театр «Гнездо перелетных птиц», открывшийся в апреле 1920 г. на ул. Екатерининской, 8 (ныне ул. Ленина, 4).

Эдгар По в «Разговоре с мумией»... — «Разговор с мумией» («Some Words with A Mummy») (1845) — рассказ Э.А. По.

Ленивые мысли на скамеечке у моря

Впервые: Юг России, 1920, 31 мая, № 51 (244). Печатается впервые по тексту газеты.

...ямку, вырытую Анчуткой Безпятым... — Черт, персонаж сказки «Анчутка Безпятый».

Passez moi le mot... — Подскажи мне слово (франц.).

Где Кавецкая?- Кавецкая Виктория Викторовна (ок. 1870 —?) — русская певица и артистка оперетты (лирико-колоратурное сопрано).

Дело о лимонах

Впервые: Юг России, 1920, 2 июня, № 52 (245). Печатается впервые по тексту газеты.

Сказочная птица

Впервые: Юг России, 1920, 9 июня, № 58 (251). Печатается впервые по тексту газеты.

Курицу под голланку... — Голланка (голландка) — форменная матросская рубаха.

Преступление Ивана Мотыки

Впервые: Юг России, 1920, 12 июня, № 61 (254). Печатается впервые по тексту газеты.

Торговля с людоедами

Впервые: Юг России, 1920, 13 июня, № 62 (255). Печатается по тексту газеты.

Открытое письмо английской полиции

Впервые: Юг России, 1920, 16 июня, № 64 (257). Печатается впервые по тексту газеты.

Старый Цацкин и новый Цацкин

Впервые: Юг России, 1920, 19 июня, № 67 (260). Печатается впервые по тексту газеты.

Цацкин — предприимчивый персонаж известного фельетона Аверченко «Рыцарь индустрии» (1909) и одноименной пьесы 1911 г. Последняя в 1918 г. была запрещена большевиками за то, что в ней «выводится еврей-комиссионер»

(Его Величество Цацкин обиделся // Новый Сатирикон, 1918, июль, № 17).

Роман со всеми последствиями

Впервые: Юг России, 1920, 14 (27) июля, № 88 (281). Печатается по тексту газеты.

...одной рукой на басах «Вы жертвою пали» — Первые строки известной одноименной революционной песни (Вы жертвою пали в борьбе роковой // Любви беззаветной к народу). Эта песня, наряду с «Замучен тяжелой неволей», — самый знаменитый похоронный марш русского революционного движения. Впервые легально прозвучал на похоронах жертв Февральской революции 1917 г.

Сплетались горячие руки... — Фрагмент стихотворения М.Ю. Лермонтова «Тамара».

Этапы самолюбия графа Звенигородцева

Впервые: Юг России, 1920, 15 (28) июля, № 89 (282). Печатается по тексту газеты.

Ресторан «Медведь». — Ресторан был открыт в 1878 г. в здании петербургской гостиницы Демута (ул. Большая Конюшенная, 27). В вестибюле стояло чучело медведя, держащее в лапах поднос.

— *O, cher prince!* — О, дорогой князь (франц.).

Принцевы острова. — Принцевы острова, Кызыладалар (Kiziladalar), архипелаг в северо-восточной части Мраморного моря. Принадлежит Турции. Состоит из девяти мелких гористых островов общей площадью 10,8 км^2.

Баклуши

Впервые: Юг России, 1920, 16 (29) июля, № 90 (283). Печатается впервые по тексту газеты.

День святого Владимира. — 15 июля (ст.ст) Православная церковь чтит память святого равноапостольного князя Владимира, в день его преставления.

Защитный цвет

Впервые: Юг России, 1920, 17 (30) июля, № 91 (284). Печатается по тексту газеты.

...грабят «зеленые»... — «Зелеными» называли банды, скрывавшиеся в крымских лесах и уклонявшиеся от мобилизации.

...убила под Байдарами ехавшего на автомобиле в Ялту... — Село Байдары (с 1945 г. — Орлиное) расположено в Байдарской долине, через которую в 1920 г. проходило шоссе на Ялту.

В неаполитанском аквариуме я видел такую штуку... — Писатель вспоминает о своем посещении Неаполя летом 1911 г. Аналогичный эпизод описан им в книге «Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» (1911).

В безводной пустыне

Впервые: Юг России, 1920, 18 (31) июля, № 92 (285). Печатается по тексту газеты.

А то бы вот в Бахчисарай поехать... Там воды сколько угодно. И родники. И колодцы. Попить бы. — Бахчисарай, находящийся в долине реки Чурук-Су, имеет массу источников пресной воды, что стало одной из причин переноса сюда столицы Крымского ханства в нач. XVI в.

...провести воды из Балаклавы... — Мощный источник пресной воды находится в балаклавской балке Кефало-Вриси (греч. «голова источника»).

...пить Понте-Кане... — Французское красное сухое вино «Шато Понте-Кане».

...помните, были холерные заповеди. — В Севастополе в 1919–1920 гг. была эпидемия холеры. Сводки о количестве заболевших и умерших регулярно печатались на страницах «Юга России».

Безглазое, безротое лицо

Впервые: Юг России, 1920, 21 июля (3 августа), № 94 (287). Печатается по тексту газеты.

Нет в Совдепии сатирических журналов. Нет там юмора и сатиры. — Незадолго до появления этого фельетона советский журнал «Театр и драматургия» (1920, 2–28 марта, № 58) напечатал статью А.В. Луначарского «Будем смеяться!», в которой, в том числе, говорилось: «Мы живем в голодной

и холодной стране, которую недавно рвали на части. Но я часто слышу смех, я вижу смеющиеся лица на улицах, я слышу, как смеется толпа рабочих, красноармейцев на веселых спектаклях... Студия сатиры, театр сатиры — это нам необходимо» (цит. по: Клуб «12 стульев». М.: Искуство, 1973. С. 5). Призыв был услышан — вскоре открылся первый теревсат (театр революционной сатиры), затем начался расцвет советской сатирико-юмористической прессы.

Вильгельм II — Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский (1859–1941) — германский император и король Пруссии с 15 июня 1888 г. по 9 ноября 1918 г. Царствование Вильгельма завершилось Первой мировой войной, одновременно с поражением в которой Вторая империя была свергнута Ноябрьской революцией.

...среди сатириконцев нашелся один сотрудник — О.Л. Д'Ор, который,... соблазнился большевистским золотом, взял у большевиков крупную субсидию и — приступил к изданию журнала «Гильотина»... — «Гильотина» — еженедельный журнал сатиры и юмора, выходивший в Петрограде в апреле — июле 1918 г. Редактор — издатель О.Л. д'Ор (Оршер). Небольшой редакционный коллектив ставил своей задачей создать орган качественно новой социальной сатиры, направленной на укрепление рабоче-крестьянского государства. С первого же номера его отличительной чертой являлась яркая антибуржуазная направленность (*Стыкалин С., Кременская И.* Сатира советской эпохи 1917–1963. М., 1963).

Верный способ разбогатеть

Впервые: Юг России, 1920, 25 июля (7 августа), № 98 (291). Печатается впервые по тексту газеты.

Мой балаганчик

Впервые: Юг России, 1920, 26 июля (8 августа), № 99 (292). Печатается впервые по тексту газеты.

Джон Булль — в переводе с английского Джон Бык — собирательный образ типичного англичанина.

Красный Арап. — Здесь: красный дикарь.

..Целая конная дивизия. Зачем она у тебя в Варшаву пробирается? — Фельетон написан накануне решающей Варшавской битвы 13–25 августа 1920 г. В итоге сражения

Польша сумела остановить наступление Красной Армии, сохранить независимость и впоследствии подписать мирный договор с Советской Россией.

Сенька-дипломат

Впервые: Юг России, 1920, 28 июля (10 августа), № 100 (293). Печатается по тексту газеты.

Анекдоты богини Клио

Впервые: Юг России, 1920, 30 июля (12 августа), № 102 (295). Печатается по тексту газеты.

Английская рабочая делегация ездила в Совдепию знакомиться с жизнью и устройством коммунистического рая. — По решению конгресса тред-юнионов в Советскую Россию весной 1920 г. была направлена английская рабочая делегация, которую возглавлял Бен Тернер. По возвращении делегация опубликовала критический доклад о положении в России.

Кемалисты шалтай-болтай делали. — После капитуляции Османской империи 30 октября 1918 г. был подписан Севрский мирный договор, согласно которому последний султан Махмед VI (1918–1922) должен был стать управляемой фигурой в руках великих держав. Мустафа-Кемаль-паша, вместо подавления восстания, возглавил его и выступил против оккупантов. 23 апреля 1920 г. в Анкаре турецкие националисты провели «Большое национальное собрание Турции» (парламент), которое образовало правительство во главе с М. Кемалем и заявило себя представителем суверенитета Турции. Новое правительство отвергло Севрский мирный договор. Советская Россия безвозмездно предоставила кемалистам оружие, боеприпасы и оказала материальную помощь. В сентябре 1920 г. началась Турецко-армянская война, в ходе которой были уничтожены десятки тысяч мирных жителей Восточной Армении.

Два конверта

Впервые: Юг России, 1920, 31 июля (13 августа), № 103 (296). Печатается впервые по тексту газеты.

Аркадию Тимоф... Мало-Офицерская... 27, кв. 5. — Трудно сказать, указывает ли писатель свой подлинный ад-

рес по состоянию на август 1920 г. или мистифицирует. В известных на сегодня документах присутствует другой адрес: Нахимовский проспект, 30, кв. 12. Если Аверченко действительно жил и на Мало-Офицерской, 27 (дом не сохранился), то это нынешняя ул. Воронина в Ленинском муниципальном округе Севастополя.

Англия тронулась

Впервые: Юг России, 1920, 1 (14) августа, № 104 (297). Печатается впервые по тексту газеты.

Международная конференция

Впервые: Юг России, 1920, 4 (17) августа, № 106 (299). Печатается по тексту газеты.

На следующий день после публикации этого фельетона Аркадий Аверченко напечатал в «Юге России» поясняющее «Письмо в редакцию»:

«М<илостивый> Г<осударь> Господин редактор!

Вчера в “Юге” был напечатан мой фельетон “Международная конференция” (переговоры Ллойд Джорджа с советским представителем).

Вчера же весь день знакомые и незнакомые останавливали меня на улице и спрашивали значение того или другого слова в этом фельетоне и упрекали меня в том, что я там же не поместил перевода каждого жаргонного выражения.

Позвольте мне сделать это сейчас дабы читатели могли точно уяснить весь смысл речи большевистского дипломата.

А именно:

Барахло — вещи, засыпался — попался, машинка — горло, дух — полицейский, очки — паспорт, липовые очки — фальшивый паспорт, желтое колесо — золотая монета, канать — бежать, перо — нож, пришить — убить, мокрое дело, мокрый грант — «дело» с кровью, сухой грант — «дело» без крови, винта нарезать — убежать, малинник — воровская квартира, тырбанка сламу — дележ награбленного (слам тырбанить), блатная музыка — воровской язык.

Впрочем, я уверен, что моему рядовому читателю этот язык не понадобится.

Если же переговоры Ллойд Джорджа с советскими представителями будут продолжаться, то я покорнейше прошу

переводчика английской миссии в Севастополе сделать перевод всех этих слов и послать лично от меня Ллойд Джорджу как руководство для будущих переговоров» (*Аверченко Аркадий.* Письмо в редакцию // Юг, 1920, 5 (18) августа, № 107 (300).

Финансовые парадоксы (Карикатура без рисунков)

Впервые: Юг России, 1920, 06 (19) августа, № 108 (301). Печатается по тексту газеты.

Урок в совдепской школе

Впервые: Юг России, 1920, 11 (24) августа, № 111 (304). Печатается впервые по тексту газеты.

Олимпийские игры

Впервые: Юг России, 1920, 12 (25) августа, № 112 (305). Печатается впервые по тексту газеты.

Смерть Ванечки

Впервые: Юг России, 1920, 13 (26) августа, № 113 (306). Печатается впервые по тексту газеты.

Гвидо-да-Верона «Женщина, которая изобрела любовь»? — Любовный роман, опубликованный в 1915 г. в Милане. В 1918 г. в российский прокат вышла одноименная киноверсия с Верой Холодной в главной роли.

...сойдут и «Сенаторские» — Марка папирос высшего класса, выпускавшихся фирмой «Асмолов и сыновья» (Ростов-на-Дону).

Сахарные мошенники

Впервые: Юг России», 1920, 14 (27) августа, № 114 (307). Печатается по тексту газеты.

Dixi et animam levavi. — «Я сказал и тем облегчил душу» (лат.).

Учитель и ученик

Впервые: Юг России, 1920, 15 (28) августа, № 115 (308). Печатается по тексту газеты.

...они себя называют иначе: «Совет действия». — Советы действия, комитеты действия — организации, созданные

в 1920 г. английскими рабочими для борьбы против участия Великобритании в антисоветской интервенции.

— *А кто у них теперь в Гоцлиберданах?* — Гоцлибердан — аббревиация, составленная из фамилий лидеров социалистов: Гоц Авраам Рафаилович (1882–1940), Либер (Гольдман) Михаил Исаакович (1880–1936) и Дан (Гурвич) Федор Ильич (1871–1947).

Теперь скажите, кто у вас самая известная балерина и есть ли у нее особняк?— Намек на особняк балерины М. Кшесинской.

— *Руку курьерам подавали?* — При первом посещении Министерства юстиции в марте 1917 г. А.Ф. Керенский сделал символический демократический жест — подал руку швейцару Моисееву.

Продуктивная работа

Впервые: Юг России, 1920, 19 августа (1 сентября), № 117 (310). Печатается по тексту газеты.

Две фотографии (Воспоминания, мысли, параллели)

Впервые: Юг России, 1920, 21 августа (3 сентября), № 119 (312). Печатается по тексту газеты.

Хороший журнал — «L'Illustration»... — «L'Illustration» — популярный французский иллюстрированный еженедельник, выходивший в Париже с 1843 г.

«Советский представитель Красин и его три дочери». — *Красин* Леонид Борисович (1870–1926) — советский государственный и партийный деятель. В 1920–1923 гг. был торговым и полномочным представителем РСФСР в Великобритании. От первого брака имел трех дочерей — Людмилу, Екатерину, Любовь.

Развращенное эхо

Впервые: Юг России, 1920, 22 августа (4 сентября), № 120 (313). Печатается впервые по тексту газеты.

Посвящаю Владимиру Сукуренко. — Сукуренко (Сокуренко) Владимир Леонтьевич (? — 1876) — инженер-архитектор, церковный деятель. Эмигрант (Югославия, Тунис, Франция).

...Около Георгиевского монастыря... — Свято-Георгиевский монастырь находится и по сей день на мысе Феолент в окрестностях Севастополя.

Старик и молодой ворон

Впервые: Юг России, 1920, 26 августа (8 сентября), № 123 (316). Печатается по тексту газеты.

...они затеяли строить башню в память Интернационала, и башня эта должна быть в полтора раза больше Эйфелевской... — Имеется в виду знаменитый проект художника-авангардиста Владимира Евграфовича Татлина (1885–1953), созданный в 1919–1920 гг. Модель грандиозного здания — памятника Октябрьской революции или «башни Третьего Интернационала» — представляла собой гигантский комплекс вращающихся с разной скоростью цилиндров, объединенных вокруг общей наклонной оси.

Чудеса Калиостро

Впервые: Юг России, 1920, 28 августа (10 сентября), № 125 (318). Печатается по тексту газеты.

Как живут и работают

Впервые: Юг России, 1920, 2 (15) сентября, № 129 (322). Печатается впервые по тексту газеты.

Машинные ребята

Впервые: Наш юг, 1920, 6 (19) сентября, № 1 (323). Печатается впервые по тексту газеты.

...гицеля возят пойманных бродячих собак. — Гицель — живодер.

Каменев уезжает из Лондона

Впервые: Наш юг, 1920, 8 (21) сентября, № 2 (324). Печатается впервые по тексту газеты.

«Daily Herald» — ежедневная газета лейбористского направления; издавалась в 1912–1964 гг.

Город мертвецов

Впервые: Юг России, 1920, 10 (23) сентября, № 130 (325). Печатается впервые по тексту газеты.

Дружки

Впервые: Юг России, 1920, 12 (25) сентября, № 132 (327). Печатается по тексту газеты.

История без окончания

Впервые: Юг России, 1920, 17 (30) сентября, № 135 (330). Печатается по тексту газеты.

Уговорил

Впервые: Юг России, 1920, 18 сентября (1 октября), № 136 (331). Печатается по тексту газеты.

Английское правительство посадило в тюрьму мэра города Корка МакСвинни, а он объявил в виде протеста голодовку... — Будучи исконно ирландским городом, Корк играл значительную роль в борьбе за независимость страны. В 1920 г. Томас МакКуртан, мэр города и офицер ИРА, был убит несколькими членами английских сил специального назначения. Его преемник, Теренс МакСвинни, умер в Брикстонской тюрьме Лондона после 75 дней голодовки.

Темное дело

Впервые: Юг России, 1920, 19 сентября (2 октября), № 137 (332). Печатается впервые по тексту газеты.

Натюр морт (Рисунки Аркадия Аверченко)

Впервые: Юг России, 1920, 22 сентября (5 октября), № 139 (334). Печатается по тексту газеты.

Благодетели человечества

Впервые: Юг России, 1920, 26 сентября (9 октября), № 143 (338). Печатается по тексту газеты.

Красная Фемида

Впервые: Юг России, 1920, 27 сентября (10 октября), № 144 (339). Печатается по тексту газеты.

Страшная загадка

Впервые: Юг России, 1920, 28 сентября (11 октября), № 145 (340). Печатается впервые по тексту газеты.

...Владимир Леонтьевич отрекомендовал вас... — Возможно, имя не вымышленное: оно совпадает с данными Владимира Сукуренко, адресата фельетона «Развращенное эхо».

Чудеса науки

Впервые: Юг России, 1920, 30 сентября (13 октября), № 146 (341). Печатается по тексту газеты.

Краса и гордость

Впервые: Юг России, 1920, 8 (21) октября, № 152 (347). Печатается по тексту газеты.

Подарок молодым хозяйкам, или Как найти себе комнату

Впервые: Юг России, 1920, 9 (22) октября, № 153 (348). Печатается по тексту газеты.

Эта юмореска позднее была переделана автором (опущены два первых «способа») и под названием «Как раздобыть себе в Праге комнату» включена в сборник «Записки Простодушного. Я в Европе. Турция — Чехословакия» (Берлин, 1923).

«Гранд-Отель» — находился в Севастополе на ул. Екатерининской, 1. Здание не сохранилось.

Фельетон на подлую тему

Впервые: Юг России, 1920, 10 (23) октября, № 154 (349). Печатается впервые по тексту газеты.

Смех сквозь... это самое (Фразы, подхваченные на лету)

Впервые: Юг России, 1920, 14 (27) октября, № 157 (352). Печатается по тексту газеты.

Загадочный незнакомец
(Сенсационная фильма в 3-х частях)

Впервые: Юг России, 1920, 16 (29) октября, № 159 (354). Печатается по тексту газеты.

Рассказ об Унылом Человеке

Впервые: Юг России, 1920, 18 (31) октября, № 161 (356). Печатается по тексту газеты.

Две судьбы. История одной переписки

Впервые: Юг России, 1920, 22 октября (4 ноября), № 164 (359). Печатается по тексту газеты.

Скетч пародирует переписку собак Меджи и Фидель из повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего».

Cela est bien triste! — Это очень печально (франц.).

Mon ange! — Мой ангел! (франц.).

C'est affreux — Как ужасно (франц.).

Mais — Но (франц.).

Je suis outré — Я возмущена (франц.).

Fi! que cela est villain — Фи! Вот злодей (франц.).

Простые дроби

Впервые: Юг России, 1920, 23 октября, № 165 (360). Печатается по тексту газеты.

Слова и мысли

Впервые: Юг России, 1920, 27 октября (9 ноября), № 168 (363). Печатается впервые по тексту газеты.

Это — Врангель! Неужели мы его не раздавим? — На момент публикации этого фельетона Красная Армия уже форсировала Сиваш и заняла Литовский полуостров (8 ноября 1920 г.). 9 ноября 1920 г., в день публикации фельетона, пали Перекопские позици Белой армии. Это было начало Исхода.

Светлая голова

Впервые: Юг России, 1920, 28 октября (10 ноября), № 169 (364). Печатается впервые по тексту газеты.

Последний фельетон Аверченко, опубликованный в России. Через два дня, 30 октября (12 ноября) 1920 г., выйдет последний номер газеты «Юг России» (№ 171 (366).

Это дядя Костя Варламов будет по весу! — Варламов Константин Александрович (1848–1915) — русский актер, заслуженный артист Императорских театров. Имел тучную фигуру.

Граждане мира

Печатается впервые по тексту газетной вырезки, представленной в архиве А.Т. Аверченко с пометой «1920».

Кухарка потеряла место

Фельетон впервые был напечатан в неустановленном крымском издании. Печатается впервые по: Бич [Париж], 1920, № 8.

Мильеран уже не пускает к себе Керенского... — Мильеран Александр (1859–1943) — в описываемое время президент Франции.

Истинно-русский Ренессанс

Фельетон впервые был напечатан в неустановленном крымском издании. Печатается впервые по: Бич [Париж], 1920, № 9.

Эсдеки

Фельетон впервые печатается по тексту первого издания сборника Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» (Симферополь, 1920). В последующие издания книги не включался, остался неизвестным.

1921

Самая свободная в мире страна

Впервые: Presse du soir, 1921, 10 февраля, № 33. Печатается по тексту газеты.

...*«Все, уезжающие в дачные места на лето — хотя бы за 20 верст — оставляют заложников!»* — Возможно, Аверченко вдохновила на создание фельетона заметка «Жизнь на Севере (Письмо из Архангельска)», опубликованная в пражской газете «Воля России» в январе 1921 г.: «Характерные штрихи в системе режима: напр<имер>, если гражданин (все равно кто, женщина или мужчина) теперь захочет съездить хотя бы за 20 верст от своего города, нужно писать прошение об отпуске в особую комиссию, которая произведет медицинское освидетельствование просителя, затем требуется разрешение “Че-Ка” всех категорий, причем обычно гражданину заявляют: “Не время теперь шляться”...».

Чудаки

Впервые: Presse du soir, 1921, 17 февраля, № 39. Печатается по тексту газеты.

...среди нас бродит чистая светлая душа не от мира сего — Владимира Львовича Бурцева... — Бурцев Владимир Львович (1862–1942) — русский революционер, публицист, издатель; известен своими разоблачениями агентов царской охранки (в том числе Е. Азефа). Вел активную борьбу с большевиками, указывал на их связи с Германией. За публикацию секретных материалов о Корниловском мятеже и недостоверной информации о намерении А.Ф. Керенского заключить сепаратный мир с Германией газета «Общее дело» была запрещена Временным правительством. Бурцев пытался возобновить издание газеты 25 октября 1917 г. В единственном вышедшем в свет номере он призвал к спасению России от власти большевиков. Был арестован по приказу Л.Д. Троцкого, содержался в «Крестах» и Петропавловской крепости. После освобождения эмигрировал в Финляндию, затем переехал во Францию, где возобновил в Париже издание газеты «Общее дело» (1918–1922, 1928–1933). В 1921 г. в Париже участвовал в создании антисоветского Русского национального комитета, вошел в состав его президиума, в 1926–1931 гг. был одним из редакторов журнала «Борьба за Россию» (1926–1931). В 1930-х гг. В.Л. Бурцев включился в борьбу с фашизмом и антисемитизмом, публиковал антифашистские статьи. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

На другой день после свадьбы

Впервые: Presse du soir, 1921, 10 марта, № 57. Печатается по тексту газеты.

— Краса и гордость революции! — орал Ленин с балкона дворца Кшесинской. — «Краса и гордость революции» — крылатое выражение 1917 г., применявшееся в отношении революционных матросов.

Самое справедливое.

Впервые: Presse du soir, 1921, 17 марта, № 63. Печатается по тексту газеты.

...кое-кто треплет по гриве кроткого, ставшего на колени Шаляпина. — Эпизод с «коленопреклонением», произошедший в 1911 г., — один из самых драматичных в судьбе Ф.И. Шаляпина. Певец стал невольным участником «верноподданнической манифестации», устроенной хором для получения надбавки к пенсии. Этот эпизод был чрезвычайно раздут прессой.

...главный сторож при зверинце — бесстрастный Павел Милюков, историограф всего этого зверинца. — Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — ученый, историк, публицист и политический деятель, теоретик и лидер партии кадетов.

Полномочный посол

Впервые: Presse du soir, 1921, 1 апреля, № 75. Печатается по тексту газеты.

— *Я — Воровский!!* — Воровский Вацлав Вацлович (1871–1923) — советский партийный и государственный деятель, публицист, литературный критик. После Февральской революции 1917 г. возглавлял Заграничное представительство ЦК РСДРП(б), находившееся в Стокгольме. С ноября 1917 г. — посол Советского государства в скандинавских странах (Швеция, Дания, Норвегия). С 1921 г. — полпред в Италии. Был генеральным секретарем советской делегации на Генуэзской (1922) и Лозаннской (1922–1923) международных конференциях. Убит в Лозанне. Похоронен на Красной площади в Москве.

О подлецах

Впервые: Presse du soir, 1921, 12 апреля, № 84. Печатается по тексту газеты.

См. комментарии к фельетону «О гробах, тараканах и пустых внутри бабах».

Нечто военное

Впервые: Presse du soir, 1921, 14 апреля, № 90. Печатается по тексту газеты.

В газетной публикации был включен Аверченко в цикл «Записки Простодушного». В отдельном константинопольском издании сборника этот фельетон был опущен.

Американцы

Впервые: Зарницы, 1921, 23–30 апреля, № 7. Печатается впервые по тексту журнала.

...кровожадные сиуксы — Коренные жители Северной Америки, имеющие много племен очень воинственного характера.

Положение, которое хуже губернаторского

Впервые: Зарницы, 1921, 8–15 мая, № 9. Печатается впервые по тексту журнала.

Народный комиссариат внешней торговли (Внешторг) был образован из Народного комиссариата торговли и промышленности Декретом СНК «Об организации внешней торговли и товарообмена РСФСР» от 27 января 1920 г. Агенты Внешторга появились на улицах Константинополя после того, как Турция и РСФСР подписали договор о сотрудничестве (16 марта 1921 г.); их деятельность сопровождалась громкими скандалами.

...съев с аппетитом котлетку Марешаль, кротко запивал ее бутылкой Мумм'а... — Котлета Марешаль (côtelette à la Maréchale) — блюдо французской кухни; фаршированная котлета из дичи или курицы. Мумм — марка французского шампанского.

О гробах, тараканах и пустых внутри бабах

Впервые: Presse du soir, 1921, 21 мая, № 118. Печатается по тексту газеты.

В переработанном виде фельетон был включен Аверченко в сборник «Записки Простодушного» (Константинополь, 1921). Оригинальный текст имеет совершенно иную проблематику, поэтому публикуется в данном томе.

...в саду Пти-Шан — Аверченко называет одно из самых популярных мест «ночного Константинополя» 1920-х гг., где собирались обеспеченные русские беженцы. Увеселительный сад работал на одноименной улице (ныне Mesrutiyet Cd.). Теперь на этом месте автопарковка (Tepebasi Parki).

...я служу на записи в тараканий тотализатор. — Тараканьи бега проводились весной–летом 1921 г. в помещении клуба «Русский маяк» на ул. Брусса, 40.

...гельсингфорсская «беспартийная» газета «Путь»... — Ежедневная газета; выходила с 1 февраля 1921 г. по 8 января 1922 г.под редакцией П.И. Леонтьева, К.И. Шарина.

...Фальковского Федора... бывший бесталанный сотрудник «Биржевки» и автор ряда пьес... — Фальковский Федор Николаевич (1874–1942) — писатель, драматург. С 1894 г. занимался журналистской работой. Наибольшей популярностью пользовалась его пьеса «Строители жизни». *«Биржевка» («Биржевые ведомости»)* — российская ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, выходившая в Петербурге в 1861–1879 гг., затем в 1880–1917 гг.

Кольцова Михаила... обитатель «Давыдки»... — Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (1898–1940?) — русский советский писатель, журналист, общественный деятель, член-корреспондент АН СССР (1938). Член КПСС с 1918 г. Начал печататься в 1916 г. Активный участник Февральской и Октябрьской революций 1917 г. С 1922 г. — постоянный фельетонист и очеркист газеты «Правда». Основатель и редактор журналов «Огонек», «Чудак», «Крокодил» и др. 1 февраля 1940 г. был приговорен к смертной казни по обвинению в шпионаже.

Иорданского Николая... солидный редактор солидного «Современного мира»... Когда я читаю... «Красную газету»... — Иорданский Николай Иванович (1876–1928) — журналист, видный представитель дореволюционной легальной социал-демократической публицистики. После Октябрьской революции — член ВКП(б). Полпред в Италии в 1923 г. Журналистская работа Иорданского главным образом была связана с «Современным миром» (бывшим «Миром Божьим»), который он редактировал в 1909–1917 гг..

«Красная газета» — ежедневная газета, в разное время орган центрального, губернского, городского комитетов ВКП(б) и Петросовета (Ленсовета). Выходила в январе 1918 — феврале 1939 гг.

Смерть марксиста

Впервые: Зарницы, 1921, 22–29 мая, № 11. Печатается впервые по тексту журнала.

...средний в Бизерте живут. — Бизерта — самый северный город Туниса, крупнейший порт на Средиземном море. Брат героя фельетона мог оказаться там в случае, если вместе

с кораблями Русской эскадры ушел туда из Константинополя в начале декабря 1920 г.

Баобаб на Пере

Впервые: Presse du soir, 1921, 2 июня, № 128. Печатается по тексту газеты.

...на Пере. — Гран рю де Пера — центральная магистраль района Пера (соединяет площади Таксим и Тоннель), ставшая центром жизни «русского Константинополя» начала 1920-х гг. Ныне носит название Istiklal Caddesi.

Хороший город (О Константинополе)

Впервые: Presse du soir, 1921, 4 июня, № 130. Печатается по тексту газеты.

...мартаделла — сорт колбасы.

...сколько берковцев печенья?.. — Берковец — старорусская единица измерения массы, равная 10 пудам ≈ 164 кг.

А этого хамала видите... — Хамал — носильщик.

Фокусник

Впервые: Зарницы, 1921, 5 июня, № 12. Печатается впервые по тексту журнала.

Свобода печати

Впервые: Зарницы, 1921, 19 июня, № 13. Печатается впервые по тексту журнала.

Жизнь как в раю

Впервые: Presse du soir, 1921, 13 июля, № 163. Печатается впервые по тексту газеты.

...советский представитель в Стокгольме Керженцев... — Керженцев Платон Михайлович (наст.фам. Лебедев; 1881–1940) — советский государственный и общественный деятель, революционер, экономист, журналист. В 1920–1921 гг. состоял на службе в Народном комиссариате иностранных дел; в 1921–1923 гг. — полпред в Швеции.

Две власти (золотопогонники и рабоче-крестьянская)

Впервые: Зарницы, 1921, 3 июля, № 14. Печатается впервые по тексту журнала.

...и новый закон 3-го июня, а больше всех влетело Крыжановскому. — Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935) — русский государственный деятель, юрист. Тайный советник (1907), соратник П.А. Столыпина, статс-секретарь его императорского величества (1916). Автор и разработчик ряда важнейших государственных актов, в том числе нового Положения о выборах в Думу от 3 июня 1907 г., которое нарушало царский манифест от 17 октября 1905 г. и Основные законы 1906 г., согласно которым ни один новый закон не мог быть принят без санкции Государственной думы.

— *Нет такой компании, которая бы не расходилась, — сказал матрос Железняк, разгоняя Учредительное собрание.* — Учредительное собрание — представительный орган в России, избранный в ноябре 1917 г. и созванный 5 (18) января 1918 г. в Таврическом дворце для определения государственного устройства России. Прения затянулись далеко за полночь, и в пятом часу утра 6 (19) января 1918 г. начальник караула матрос Железняк сообщил председательствующему эсеру Чернову, что «караул устал» и предложил поэтому закрыть заседание.

...стукнул кулаком и заорал на Сазонова... — Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — дипломат, государственный деятель. В 1909 г. — товарищ (заместитель) министра иностранных дел, в 1910–1916 гг. — министр иностранных дел.

...жирноволосая, немытая Биценко — Биценко Анастасия Алексеевна (1876–1938) — российский политический деятель, одна из создательниц партии левых эсеров (1917), член ее ЦК; участница мирных переговоров в Брест-Литовске, о которых и пишет Аверченко.

...генерал Гофман — Гофман Макс (1869–1927) — германский генерал и дипломат, сыгравший видную роль в событиях Первой мировой войны. В 1917 г. был назначен начальником штаба Главнокомандующего Восточным фронтом и в этом качестве представлял германское командование в ходе переговоров о Брестском мире. На переговорах занимал крайне агрессивную и неуступчивую позицию, вел себя излишне экспансивно («ставил свой солдатский сапог на стол переговоров», по выражению Л.Д. Троцкого).

Нарисовал я в своем журнале «Барабан» карикатуру на Брест-Литовский мир... Нарисовали мы в «Сатириконе»

карикатуру на Троцкого... двинули сапогом по «Сатирикону» так, что я со своими сотрудниками два года из Петербурга бежал! — Сатирико-юмористический журнал «Барабан» печатался в издательстве «Новый Сатирикон» с апреля 1917 г. по февраль 1918 г. Карикатура, о которой пишет Аверченко, была напечатана в № 28 (декабрьском) за 1917 г. и выглядела так: обрызганный кровью свиток с заголовком «Мирный договор России с Германией». Подпись: «Скреплен кровью генерала Скалона» (генерал-майор В.Е. Скалон застрелился 29 ноября (12 декабря) 1917 г.). Писатель неточен: «Барабан» продолжал выходить и после публикации этой карикатуры; был закрыт в феврале 1918 г. (на № 3).

«Новый Сатирикон» был закрыт на № 18 за 1918 г. Несмотря на то, что на выпуске стояла пометка «август», сам Аверченко утверждал, что его детище погибло 18 июля 1918 г. (см. фельетон «Безглазое, безротое лицо»).

...бежали — от Гороховой, 2. — На ул. Гороховой, 2 размещалась Петроградская Чрезвычайная комиссия.

...последние часы революционера Каляева — Каляев Иван Платонович (1877–1905) — член Боевой организации эсеров. 4 февраля 1905 г. убил бомбой московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Повешен в Шлиссельбургской крепости.

«В занятом советскими войсками районе объявили регистрацию оставшимся офицерам» — Вполне вероятно, что Аверченко пишет о «севастопольском апокалипсисе» ноября 1920 г. Сразу же после занятия города красными частями по городу были расклеены объявления об общем собрании в цирке всех зарегистрировавшихся белых офицеров: Пришедшим гарантировали жизнь, не явившиеся автоматически расценивались как враги и контрреволюционеры. В назначенный день цирк и прилегающая к нему площадь были забиты законопослушными «бывшими». В течение двух дней все эти люди исчезли. Большинство вывозили в окрестности города и расстреливали; тысячи были утоплены.

Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко

Впервые: Зарницы, 1921, 10 июля, № 15. Печатается по тексту журнала.

...знаменитая курсистка товарищ Хайкина. — В октябре 1918 г., когда Аверченко пробирался из Москвы в гетманский Киев, Фрума Ефимовна Хайкина (1897–1977) возглавляла подразделение ЧК в пограничном г. Унеча, через который он следовал. Ее жестокость в отношении тех, кто пытался вывезти ценности из Советской России, стала мрачной легендой среди беженцев.

Три англо-еврейских анекдота

Впервые: Зарницы, 1921, 17 июля, № 16. Печатается впервые по тексту журнала.

Софисты — Софизм — умозаключение или рассуждение, обосновывающее какую-нибудь заведомую нелепость, абсурд или парадоксальное утверждение, противоречащее общепринятым представлениям.

Рассыпанные бусы

Впервые: Presse du soir, 1921, 27 июля, № 175. Печатается по тексту газеты.

Люди и черти

Впервые: Presse du soir, 1921, 6 августа. № 184. Печатается по тексту газеты.

Случай с Миловзоровым

Впервые: Зарницы, 1921, 7 августа, № 18. Печатается впервые по тексту журнала.

Посвящаю В.П. Свободину... — Свободин Владимир Павлович (1880–1935) — драматический артист, рассказчик, чтец-декламатор. До революции играл в московском Малом театре. Их с Аркадием Аверченко пути пересеклись летом 1920 г. в Белом Крыму. В эмиграции, в Константинополе оба стали руководителями театра миниатюр «Гнездо перелетных птиц»; в апреле 1922 г. вместе выехали из Константинополя в Софию, где расстались. Впоследствии Свободин работал в Пражской труппе МХТ, далее в Париже; с 1927 г. служил в Театре Русской драмы (г. Рига).

Сначала у «Медведя», потом в «Малом ярославце», а когда наступил вечер, решили закончить удачный день в «Аквариуме». — «Медведь» и «Малый ярославец» — популярные

и дорогие петербургские рестораны; «Аквариум» — увеселительный театр-сад.

Через год (Если они останутся)

Впервые: Presse du soir, 1921, 16 августа, № 191. Печатается по тексту газеты.

Белые короли

Впервые: Presse du soir, 1921, 17 августа, № 192. Печатается по тексту газеты.

...Советская власть открыла крышку коробки (московской тюрьмы) и вынула оттуда корявой лапой привычного убийцы охапку необходимых для игры фигур: Кишкина, Кускову, Прокоповича и других. — Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) — русский политический деятель, один из лидеров партии кадетов, член ее ЦК. После Февральской революции 1917 г. — комиссар Временного правительства в Москве, министр государственного призрения в правительстве Керенского. В 1921 г. — один из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим Поволжья. Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958) — российская политическая деятельница. В конце 1880-х — нач. 1890-х гг. народница, затем марксистка. После Октябрьской революции находилась в оппозиции к большевикам; была одним из руководителей Помгола (Комиссии помощи голодающим при ВЦИК). В 1921 г. выслана на Север, в 1922 г. — за границу.

Конкуренты

Впервые: Presse du soir, 1921, 20 августа, № 195. Печатается по тексту газеты.

...на площади Тоннеля купить за «юс-пара»... — Площадь Тоннеля — знаковый адрес «русского Константинополя» начала 1920-х гг. Здесь была конечная станция фуникулера, подымавшегося из района Галата; здесь работало Бюро русской печати. В нескольких минутах ходьбы от площади размещались русские консульство и посольство. Пара — монета, бывшая в обращении до 1930 г.

..мы с тобой «стреляли» на линии Владимирский — Литейный... — Названия двух проспектов в Петербурге. Стрелять (крим. жарг.) — вымогать, выпрашивая.

...дузико... — популярный греческий анисовый напиток типа абсента.

А мой пьедатерр в мечети. — pied-a-terre (франц.) — временное жилье, пристанище.

Завтра иду в Таксим слушать оперетку. — Таксим — площадь, замыкающая Гран рю де Пера.

...кофе по-турецки за бешь-груш... — Искаженное турецкое «беш куруш», от «беш» — пять, «куруш» — турецкая монета, 1/100 турецкой лиры (она же — пиастр).

Как сказал поэт: Я на бочке сижу, // Слезы капают... — Слова городской фольклорной песенки 1910-х гг., исполнявшейся на мотив «Яблочка».

Все стрелки, скокари, щирмушивки... — Скокарь (крим. жаргон) — вор, занимающийся квартирными кражами со взломом.

...прямо будто сардину Кано проглотил... — Сардины известной итальянской фирмы «Филипп и Кано».

Интервенция

Впервые: Зарницы, 1921, 11 сентября, № 22. Печатается впервые по тексту журнала.

— *Живио, Россия*! — Да здравствует (сербск.)!

Александр Амфитеатров

Впервые: Presse du soir, 1921, 16 сентября, № 218. Печатается по тексту газеты.

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) — писатель, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург, автор сатирических стихотворений (псевдонимы Old Gentleman, Московский Фауст и другие.).

При старом режиме с ним однажды случился неприятный казус... —Амфитеатрова высылали из России дважды. Первый раз: 1902–1903 гг., ссылка в Минусинск, затем в Вологду. В 1904 г. он эмигрировал и находился за границей вплоть до 1916 г. В феврале 1917 г. за публикацию «Этюдов» с криптограммой, высмеивающей министра внутренних дел А. Протопопова, был выслан в Иркутск, однако благодаря Февральской революции не доехал до места назначения и вернулся в Петроград.

...о котором я прочел на днях газетное сообщение: «Писатель Ал. Вал. Амфитеатров тайком бежал из Петербурга и находится в настоящее время в ужасном виде — в Финляндии». — Проживая в революционном Петрограде, писатель трижды подвергался арестам и допросам в ЧК. Опасность нового ареста заставила его эмигрировать. 23 августа 1921 г. бежал на лодке с семьей из Петрограда в Финляндию. С ноября 1921 г. по весну 1922 г. жил в Праге, позднее в Италии. Умер в Леванто (Италия).

Взрыв возмущения

Впервые: Зарницы, 1921, 25 сентября, № 23. Печатается впервые по тексту журнала.

Хищники в джунглях

Впервые: Зарницы, 1921, 2 октября, № 24. Печатается впервые по тексту журнала.

Чистая работа (Печальный скетч)

Впервые: Presse du soir, 1921, 6 октября, № 235. Печатается по тексту газеты.

О патриотизме

Впервые: Presse du soir, 1921, 8 октября, № 237. Печатается по тексту газеты.

...а приехал в Париж Дягилев с балетом и вся Франция дрогнула от восхищения. — Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) — русский театральный и художественный деятель, антрепренер, один из основоположников группы «Мир искусства», организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева». С 1907 г. организовывал ежегодные зарубежные выступления русских артистов, получившие название «Русские сезоны».

Совсем недавно скромно выплыл на поверхность бушующего парижского океана Никита Балиев... — см. комментарии к фельетону «Пособие для начинающих “конферансье”».

В Берлине — русский дикарь Степан Кузнецов, другой дикарь Василий Вронский — и дрожит от восторженных рукоплесканий Берлин. В Праге — художественники — и Прага кричит, что это огромная эпоха в жизни Золотой Праги! — Кузнецов Степан Леонидович (1879–1932), русский актер.

В 1908 г. вступил в труппу МХТ, где выступал до 1910 г. В 1911–1912 гг. служил в Театре Н.К. Незлобина в Москве. В апреле 1923 г. уехал на гастроли за границу (София, Берлин, Ревель). В том же году вернулся в Москву, где и похоронен.

Василий Вронский (1883–1952) — популярный артист театра и кино, до революции руководил в Одессе театром «Фарс». Сотрудничал с Аверченко в Киеве: играл роли в его пьесах «Старики» и «Сердце молодой девушки» во время творческих вечеров писателя, прошедших в театре Соловцова 21 и 22 октября 1918 г.

«Художественники» — труппа МХТ, которая гастролировала по Европе с 1922 по 1924 гг.

...я видел картину Лысенко и Мозжухина по его же сценарию... — Мозжухин Иван Ильич (1888–1939) — выдающийся русский киноактер. Играл романтических героев в мелодрамах, снимался в бытовых комедиях, салонных и декадентских драмах. Лучшие роли: Герман («Пиковая дама», 1916), князь Касатский («Отец Сергий», 1918). В 1920 г. эмигрировал. Лысенко Наталья Андриановна (1884/1886–1969) — актриса, жена И.И. Мозжухина.

Прив.-доц. Никольский в «Общем деле» уже после расстрела Гумилева спохватился и написал о его творчестве прекрасную восторженную статью. — См.: Никольский Ю. Поэт — рыцарь // Общее дело. 1921. 26 сентября.

В белом венчике из роз // Впереди Иисус Христос. — Заключительные строки поэмы А. Блока «Двенадцать» (1918).

Теоретик на кухне

Впервые: Presse du soir, 1921, 2 ноября, № 258. Печатается по тексту газеты.

По последним известям из России, глава и организатор новой счастливой жизни — Владимир Ульянов-Ленин — начисто отказался от тех идей и принципов, которые он 4 года вводил и применял бархатной ласковой рукой... — Аверченко имеет в виду реализацию новой экономической политики (нэп), провозглашенной декретом ВЦИК от 21 марта 1921 г. на основании решений X съезда РКП(б).

По математическим формулам любые бленмаже выведу. — Правильно «бланмаже» (сладкий десерт из миндального или коровьего молока и желе).

Заговорщики

Впервые: Зарницы, 1921, 6 ноября, № 26. Печатается впервые по тексту журнала.

Феликс Эдуардович Дзержинский — Правильно: Феликс Эдмундович.

Помните Канегиссера? — Канегиссер Леонид Иоакимович (1896–1918) — петербургский поэт, 30 августа 1918 г. убивший председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого.

...ужасный тайный заговор Прокоповича, Кусковой и Кишкина... — В июле 1921 г. в Москве был основан «Всероссийский комитет помощи голодающим» (ВКПГ), в состав которого вошли многие видные представители дореволюционной интеллигенции, в том числе С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова и Н.М. Кишкин. Большевики иронически называли комитет «Прокукиш» (по первым слогам фамилий организаторов). Отношение большевиков к комитету было крайне подозрительным, но его решили использовать для получения продовольственной помощи из-за границы. Однако уже в августе 1921 г. до Ленина дошли слухи о том, что на одном из совещаний комитета Прокопович держал «противоправительственные речи». Ленин поручил Политбюро распустить комитет и арестовать его руководителей, обвинив их в открытой подготовке заговора против советской власти. В результате решения ВЧК в ноябре 1921 г. Кускова и Прокопович были высланы в Вологодскую обл., затем проживали в других северных областях России.

Болтовня

Впервые: Presse du soir, 1921, 7 ноября, № 263. Печатается по тексту газеты.

Вышла книга Петрушевского — «Фрина». — См.: Петрушевский И. Фрина. Берлин:Изд-во Ольга Дьякова и Ко, 1921.

...вышел в свет № 2 берлинской «Жар-Птицы». — «Жар-птица» — ежемесячный литературно-художественный иллюстрированный журнал, выходивший в Берлине и в Париже с 1921 по 1926 гг.

...картины с выставки «Мир искусства» — «Мир искусства» — русское художественное объединение. Оформилось

в конце 1890-х гг. (официально — в 1900 г.) в Петербурге на основе кружка молодых художников и любителей искусства во главе с А.Н. Бенуа и С.П. Дягилевым.

Лучшее — Кустодиев (Эскиз декорации), Ре-ми (трактир) и Шухаев. — Кустодиев Борис Михайлович (1878–1927) — русский советский живописец, график и театральный художник. Учился в Санкт-Петербургской Академии художеств (1896–1903) у И.Е. Репина. Академик Академии художеств (1909). Член Союза русских художников (с 1907 г.), «Мира искусства» (с 1911 г.). В пореволюционные годы участвовал в оформлении Петрограда к 1-й годовщине Октября, создавал плакаты, лубки и картины на темы революции («Большевик», 1919–1920, Третьяковская галерея; «Праздник в честь 2-го конгресса Коминтерна на площади Урицкого», 1921, Русский музей). Ре-ми (Ремизов-Васильев Николай Владимирович) (1887–1975) — график, живописец, художник театра, постоянный сотрудник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона», один из совладельцев «Нового Сатирикона». Выпускник Санкт-Петербургской Академии художеств. С 1920 г. — в эмиграции. Шухаев Василий Яковлевич (1887–1973) — русский художник, живописец и график, один из самобытных представителей неоклассики в духе «Мира искусства». Эмигрировал в 1920 г. В 1935 г. вернулся в СССР, получив персональную мастерскую в ленинградском отделении Академии художеств. Участвовал в оформлении интерьеров московской Библиотеки им. В.И. Ленина. В 1937 г. был арестован «по подозрению в шпионаже» и 10 лет провел в ссылке в Магадане; оформлял спектакли и концерты местного музыкально-драматического театра. После освобождения обосновался в Тбилиси (1947). Умер там же.

И тут же — жуткий контраст — нечеловеческая рожа «Комиссар» Бориса Григорьева. — Григорьев Борис Дмитриевич (1886–1939) — русский художник. Учился в московском Строгановском художественно-промышленном училище (1900–1907) и в Высшем художественном училище при Санкт-Петербургской Академии художеств (1907–1913). С 1913 г. постоянно участвовал в выставках объединения «Мир искусства». Сотрудничал с «Сатириконом» и «Новым Сатириконом». С 1919 г. — эмигрант. По словам самого Бориса Григорьева, на картине «Комиссар» был изображен

некий французский фотограф, а название присовокупили устроители его выставок. Ходили также слухи, что в «Комиссаре» отразились черты А.В. Луначарского (см.: «Все тот же, русский и ничей...». Письма Бориса Григорьева к Евгению Замятину // Знамя, 1998, № 8).

Венгерское

Впервые: Presse du soir, 1921, 8 ноября, № 264. Печатается по тексту газеты.

Карл Габсбургский. — Карл I (Карл Франц Иосиф Габсбург, 1887–1922), последний император Австро-Венгрии, король Чехии и Венгрии с 21.11.1916 по 12.11.1918. После распада Австро-Венгрии в ноябре 1918 г. император объявил, что отстраняется от управления государством, не отрекаясь от престола. После двух неудачных попыток вернуть венгерский престол в 1921 г. был 19 ноября того же года доставлен на остров Мадейра, определенный ему в качестве места ссылки, где вскоре скончался от воспаления легких.

...где-нибудь около Мармароша... — Марамарош — исторический комитат в северо-западной части Венгерского королевства.

...адмирал Хорти... — Миклош Хорти де Надбанья (1868–1957) — правитель (регент) Венгерского королевства в 1920–1944 гг., контр-адмирал (1918).

Живой труп

Впервые: Presse du soir, 1921, 18 ноября, № 272. Печатается по тексту газеты.

Кронштадт восстал! — Аверченко имеет в виду события 1–18 марта 1921 г., когда произошло вооруженное выступление гарнизона г. Кронштадта и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота против большевиков.

Легенда Бискайского побережья

Впервые: Presse du soir, 1921, 22 ноября, № 275. Печатается по тексту газеты.

...бискайский рыбак... — Бискайский залив — часть Атлантического океана, располженная к северу от Пиренейского полуострова, омывает берега Испании и Франции и простирается от Галисии до Бретани.

— Пожалуйста, запишите меня в Р.К.П. — РКП(б) — Рабоче-крестьянская партия (большевиков).

Дурная болезнь

Впервые: Presse du soir, 1921, 6 декабря, № 287. Печатается по тексту газеты.

Письмо в редакцию

Печатается впервые по вырезке, представленной в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ. Ф.32. Оп. 2. Ед. хр.12. Л. 32–33), с пометой «с.х.». Судя по времени публикации последнего из перечисленных в «Письме...» фельетонов (6 октября 1921 г.), заметка появилась после 6 октября, но не позднее 14 декабря 1921 г., когда в «Presse du Soir» был напечатан ответ Аверченко на статью Ленина «Талантливая книжка» (см. ниже фельетон «Pro domo sua»). Можно предположить, что это «Письмо» также стало одним из факторов, побудивших Ленина публично высказаться в адрес Аверченко (подробнее см.: Хлебина Анна, Миленко Виктория. Беженские и эмигрантские годы Аркадия Аверченко (1918–1925). М.: «Дмитрий Сечин», 2013. С. 301–306).

Когда советская власть опубликовала проект памятника 3-му Интернационалу — я в одном из фельетонов посоветовал поместить на самом верху огромный кукиш... См. фельетон «Монументальное» (сборник «Смешное в страшном»; впервые: Presse du Soir, 1921, 13 января, № 10).

...создала знаменитый Прокукиш... Прокукиш — аббревиатура, составленная из первых слогов фамилий руководителей «Всероссийского комитета помощи голодающим» (Помгола) — Прокоповича, Кусковой и Кишкина.

Тогда я написал второй фельетон, где сравнил общественных деятелей... См. в настоящем томе фельетон «Белые короли» (Presse du Soir, 1921, 17 августа, № 192).

Я писал о диких зверях, которые заведутся в железнодорожных депо... См. в настоящем томе фельетон «Чистая работа (Печальный скетч)» (Presse du Soir, 1921, 6 октября, № 235).

Pro domo sua

Впервые: Presse du soir, 1921, 14 декабря, № 294. Печатается по тексту газеты.

Фельетон стал реакцией на статью Н. Ленина (В.И. Ульянова) «Талантливая книжка» в «Правде» (1921, 22 ноября, № 263), посвященную критическому разбору сборника «Дюжина ножей в спину революции» (Париж, 1921).

Написал я летом фельетон о греческом способе ведения войны и слегка коснулся «в теплых, дружеских тонах», как говаривал Н.Н. Брешко-Брешковский, — ихнего греческого вояки генерала Папулоса. — Аверченко имеет в виду фельетон «Нечто военное» в «Presse du soir» (1921, 19 апреля, № 90). Брешко-Брешковский Николай Николаевич (1874–1943) — русский писатель, сын «бабушки русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской. Был с Аркадием Аверченко в приятельских отношениях. Эмигрант.

...я получил за фельетон от Кемаля 500 лир... — Кемаль Мустафа Ататюрк (1881–1938) — основатель и первый президент (1923–1938) Турецкой республики.

...до сих пор не дошел от Пти-Шан к моему дому на углу улицы Сутерази... Положим, на скрещении Пти-Шан и Перы такое бойкое движение... Боюсь, что к весне этот легендарный грек с пистолетом покажется уже в районе Токатлиана. — Аверченко жил в доме № 3 по рю Картал, углом выходящей на Сутерази. На скрещении Пти-Шан и Перы находится очень оживленная площадь Галатасерай, а отель «Токатлиан» расположен буквально напротив дома, где жил писатель, т.е. грек из фельетона к весне, наконец, дойдет до цели.

— Это вы написали книгу «Записки Простодушного»? — Сборник Аверченко «Записки Простодушного» был выпущен в ноябре 1921 г. возрожденным издательством «Новый Сатирикон» (отпечатан в типографии общества «Пресса»).

Коллеги

Печатается впервые по вырезке из газеты «Presse du soir», представенной в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ. Ф.32. Оп.2. Ед.хр.12. Л. 19). С пометой «с.х». Выходные данные утрачены.

Гамак имени Ленина

Печатается впервые по рукописи, представленной в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ. Ф. 32. Оп.2. Ед. хр.15. Л. 1–3).

1922

Рождественский «Сатирикон» Аркадия Аверченко

Печатается по экземпляру, представленному в архиве писателя.

Согласно рекламе в «Presse du soir», газета была выпущена издательством «Новый Сатирикон» на Рождество 1922 г. Сохранился теплый отзыв на нее журналиста Сергея Варшавского, работавшего с Аверченко в севастопольском «Юге» («Юге России»):

«Наш милый юморист, всегда такой уютный и ласковый, не утративший своего благодушия и оптимизма, несмотря на все перенесенные лишения и удары, порадовал нас к празднику выпуском своего “Сатирикона”, номера которого когда-то, когда мы были богаты и сильны, брались нарасхват.

В рождественском номере несколько прелестных вещиц. Кроме рассказов самого Аверченко, заслуживает быть отмеченным рассказ В.П. Свободина — одна из бытовых картинок ушедшей Москвы, которые он такой мастер рассказывать. Насколько нам известно, В. Свободин делает первый опыт записать свои рассказы, это — отличная мысль. Старая Москва “уходит”, умирает, а надо, чтобы она осталась жить, эта яркая, бытовая, русская и бесконечно близкая нашему сердцу Москва» (*С. В.* «Рождественский Сатирикон» Аркадия Аверченко // Presse du soir, 1922, 11 января, № 9).

Помимо публикуемых в настоящем томе материалов из газеты, в ней были напечатаны старые произведения Аверченко «Индейка с каштанами», «Унылый Человек», а также стихотворение сатириконца Валентина Горянского «Из книги “Вехи огненные”» и рассказ Владимира Свободина «Живой утопленник» («Из картинок ушедшей Москвы»).

«Константинопольская природа» — сокращенный и переделанный вариант севастопольского фельетона «Развращенное эхо». Вместо мыса Феолент, где находится Георгиевский монастырь, Аверченко поставил в текст название зеленого лесистого района Стамбула — Бейкос.

Корнет-а-пистон — духовой медный мундштучный инструмент. Каламбур Аверченко построен на омонимии.

...сказал Ландрю, сжигая в печке одиннадцатую жертву... — Ландрю Анри Дезире (1869–1922) — французский

серийный убийца. В годы Первой мировой войны заманивал вдов азетными объявлениями, выманивал у них деньги, затем убивал и сжигал расчлененные тела в печи. 11 апреля 1919 г. был пойман. Судебный процесс длился около двух лет и закончился в ноябре 1921 г.; преступник был приговорен к смертной казни. Приговор привели в исполнение 25 февраля 1922 г.

...сказал Федор Баткин Слащеву, отправляя его в Россию... — Баткин Федор Исаакович (1892–1923) — матрос 2-й статьи, участник Первой мировой и Гражданской войн, Георгиевский кавалер, участник Белого движения, первопоходник. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, где был завербован ЧК и помогал в спецоперации по возвращению в РСФСР генерала Я.А. Слащёва. Отъезд Слащёва и группы офицеров состоялся 21 ноября 1921 г. и вызвал в среде русских беженцев волну возмущения. Аверченко не стал исключением.

— *Арбуз на солнце любит зреть, — говорил Максим Горький, убегая за границу.* — Максим Горький выехал из Советской России в августе 1921 г.

«Гнездо перелетных птиц» открыло свой сезон в помещении рест. «Paradise» на Пере... хорош Шеин в новой пьесе «Флирт Розенберга». — Ресторан «Парадиз» работал на Гран рю де Пера, 197 (здание не сохранилось). Премьерная программа прошла 5 января 1922 г.; ее «гвоздем» была пьеса «Флирт Розенберга» (опубликована в томе 8 настоящего собрания сочинений).

...успехом пользуется кабаре «Эрмитажа»... Во главе — талантливый, разнообразный Александр Вертинский... — Ресторан «Эрмитаж-Яни» (дирекция А.В. Рыжикова) работал на Гран рю де Пера, 322. Александр Вертинский 25 января 1922 г. (на Татьянин день) устраивал здесь бенефис.

В издательстве «Культура» выходят две новых книги Арк. Аверченко: «Дети» и «Кипящий котел». — Издательство «Культура» работало на Гран рю де Пера, 451, в том же здании, что и ресторан «Медведь», с которым были связаны последние константинопольские месяцы Аркадия Аверченко. Обе книги состоялись.

...просит своих читателей — одолжить ему на время или продать... — Аверченко (подобно всем другим литераторам-

эмигрантам) собирал свои книги как с целью переиздания полностью или частями, так и с целью вещественного подтверждения того, что он писатель. Уезжая в сентябре 1918 г. из Петрограда, он не позаботился о том, чтобы взять с собой по экземпляру всех своих книг.

Товарообмен

Впервые: Presse du soir, 1922, 15 февраля, № 38. Печатается по тексту газеты.

Идут дебаты: кого послать от России на Генуэзскую конференцию — Ленина, Красина или Воровского? — Генуэзская конференция — международная встреча по экономическим и финансовым вопросам в Генуе 10 апреля — 19 мая 1922 г. при участии представителей 29 государств и пяти британских доминионов. Конференция имела важное значение для правительства Советской России, которое не имело тогда международного признания. Председателем делегации был назначен В.И. Ленин; заместителем — Георгий Чичерин, который в Генуе, куда Ленин не выезжал, пользовался всеми правами председателя. В состав делегации России также входили: Леонид Красин, Максим Литвинов, Вацлав Воровский и др. Поводом для созыва Конференции было изыскание мер «к экономическому восстановлению Центральной и Восточной Европы». Фактически основным вопросом было стремление европейских стран к аккомодации с коммунистическим режимом в Москве. Участие большевиков в Конференции вызвало негодование в среде русской эмиграции.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ефим Зозуля. Мой Аверченко

Впервые: Зритель, 1918, 20–21 октября, № 38. Печатается по: *Рыбаков Михаил*. Неизвестные фельетоны Аркадия Аверченко // Радуга. 2001. № 1–2.

Зозуля Ефим Давыдович (1891–1941) — писатель, журналист, в 1915–1917 гг. секретарь редакции «Нового Сатирикона». С 1919 г. жил в Москве, в 1923 г. с Михаилом Кольцовым (также сотрудничавшим некогда с «Новым Са-

тириконом») воссоздал журнал «Огонек». В 1927–1929 гг. выпустил собрание сочинений в трех томах. С началом Великой Отечественной войны пошел в ополчение рядовым, умер в госпитале. Оставил интереснейшие воспоминания об Аверченко (см.: *Зозуля Е.Д.* Сатириконцы / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Д.В. Неустроева // Русская литература. 2005. N 2. С. 170–203; *Зозуля Е.Д.* Сатириконцы / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Д.В. Неустроева) // Русская литература. 2005. N 3. С. 185–209).

...в театре «Соловцов» будут поставлены пьески Аверченко. — Театр «Соловцов» — русский драматический театр в Киеве, основанный в 1891 г. российским актером и драматургом Николаем Соловцовым. Ныне Национальный академический театр русской драмы им. Леси Украинки. Вечера Аверченко прошли здесь 21 и 22 октября 1918 г.; ставились пьесы: «Сердце молодой девушки», «Старики», «Двойник».

...написал изумительную книгу «О маленьких для больших». — Книга рассказов А.Т. Аверченко, выпущенная издательством «Новый Сатирикон» в 1916 г. Опубликована в томе 6 настоящего собрания сочинений.

...вышла новая чудесная книга Джорджа Барри. — Правильно Джеймс Барри (1860–1937) — шотландский драматург и романист, автор известной детской сказки «Питер Пэн».

Этот взгляд отразился в его рассказе «В семь часов вечера». — Правильно «Семь часов вечера» («Новый Сатирикон», 1915, № 14); рассказ впоследствии вошел в сборник «Чудеса в решете» (1917). Герой рассказа, неожиданно остро почувствовав одиночество и неприкаянность, в конце горестно вздыхает: «Опасно, если в такой вечер близко бритва лежит.

Зарезаться можно».

Яков Гальский. Аркадию Аверченко

Впервые: Донская волна [Ростов-на-Дону], 1918, 18 ноября, № 23. Печатается впервые по тексту журнала.

Гальский Яков — Данные об авторе не установлены.

«Веселых устриц» юмор тонкий... — «Веселые устрицы» (1910) — сатирико-юмористический сборник Арк. Аверченко. Опубликован в томе 1 настоящего собрания сочинений.

Шутка

Впервые: Приазовский край, 1918, 8 (21) декабря, № 215. Печатается по тексту газеты.

...еще на один вечер остаться в Таганроге... — Дату выступления писателя в Таганроге установить не удалось.

«Здравствуй, дорогой Аркадий!»

Печатается впервые по анонимной машинописной рукописи, представленной в архиве А.Т. Аверченко (РГАЛИ. Ф.32. Оп.2. Ед.хр.15. Л. 4–6) и помеченной 28 июля 1921 г. Письмо представляет собой юмористический ответ «Ленина» на фельетон Аверченко «Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко», опубликованный в «Зарницах» (№ 15) 10 июля 1921 г. Есть основания предполагать авторство сатириконца Аркадия Сергеевича Бухова, жившего в то время в Каунасе. Документ интересен и тем, что он предвосхитил настоящий ответ В.И. Ленина Аркадию Аверченко — статью «Талантливая книжка» (Правда, 22 ноября 1921, № 263).

Красновитая палата. — Пародийное обыгрывание названия Грановитая палата.

...за свою книгу — 12 ножей нам в спину... — Т.е. «Дюжина ножей в спину революции» (1920, 1921).

...до Комиссар-Колокола и Комиссар-Пушки... — Пародийное обыгрывание названий Царь-пушки и Царь-колокола.

Каждому дали фунта по три новых ленинок... — Пародийное обыгрывание народного названия денежной единицы 1917 г. — «керенки».

...и Лева и Анатолий... - Л.Д. Троцкий и А.В. Луначарский.

...все твердили о городах-садах... А мы в эти четыре года Питер в такой сад обратили, что любо-дорого. — Впервые идея города-сада была описана в книге Э. Говарда «Города-сады будущего» (1898). Автор предлагал новую градостроительную концепцию, предусматривавшую органичное сочетание свойств города и деревни. О том, что в 1921 г. на запущенном Невском проспекте росла трава, вспоминали Анна Ахматова, Ирина Одоевцева, Вера Лурье и другие.

Будешь у нас называться ГЛАВКОМЮМ или НАРКОМСМЕХ... — То есть Главнокомандующий юмором или Народный комиссар смеха.

Для тебя реквизнем твою питерскую квартирку... — Аркадий Аверченко в 1913–1918 гг., вплоть до отъезда из Петрограда, жил по адресу: ул. Троицкая (ныне Рубинштейна), 15/17 кв. 203.

...по заграничным... биргалкам просидел... — Биргалка — просторечное название пивной.

...Alexander WOLOSCHIN, а он уже перешлет мне с оказией. — С Александром Волошиным (1886–1960), офицером Русской армии барона Врангеля, ставшим драматическим артистом, Аверченко впервые работал еще в севастопольском театре «Гнездо перелетных птиц». Летом 1923 г. Аверченко выступал вместе с Волошиным в Сопоте. Впоследствии Волошин стал известным актером Голливуда (играл под именем Алекс Волошин).

Целуй Айседору Дункан,... Кудиша, если его уже выпустили. Айседора Дункан (1877–1927) — знаменитая американская танцовщица. Осенью 1921 г. открыла в Москве собственную школу танца. *Кудиш Бронеслав Юльевич* (1894–1937) — в описываемое время возглавлял советскую делегацию Внешторга в Константинополе.

Борис Неандер. Памяти Аркадия Аверченко

Впервые: Возрождение, 1926, 12 марта, № 283. Печатается впервые по тексту газеты.

Неандер Борис Николаевич (1893–1931 (?)) — юрист, журналист. В эмиграции сначала в Праге; в 1925 г. переехал во Францию. Во второй половине 1920-х гг. вернулся в СССР.

12 марта исполняется год со дня смерти... А 14 марта его прах уже приняла к себе Прага мертвых,... что на Ольшанском кладбище. — Писатель скончался 12 марта 1925 г. Похороны состоялись 14 марта на православном участке пражского Ольшанского кладбища (могила и надгробие сохранились там по сей день).

...не довольствуясь знакомством с сатириконцами через журнал, он иногда приглашал некоторых из них, во главе с Аверченко, к себе во дворец... самому Аверченко с искренней благодарностью принимать эти приглашения и с неподдельной радостью вспоминать о них до последних дней жиз-

ни. — Одна из устойчивых полубылей-полулегенд биографии Аверченко — история о приглашении его в Царское Село для чтения рассказов императорской семье. Существуют различные свидетельства мемуаристов о том, когда это случилось: в 1910 г. (Л.М. Камышников), в 1912 г. (А.С. Бухов), в 1913 г. (М.Г. Корнфельд), в 1914 г. (Н.Н. Брешко-Брешковский). Бухов вспоминал слова Аверченко по поводу этого приглашения: «Постоянным придворным чтецом я все равно не останусь, а на один раз не стоит» (*Бухов Арк.* Что вспоминается // Эхо, 1925, 1 апреля, № 70 (1449)). А.А. Радаков, ведущий художник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона», утверждал, что Аверченко и сатириконцы никуда не ездили: «...мы все отказались. В гости к Никола-а-шке?! Не-е-т! Мы не удостоили его этой чести!». Легенда обросла подробностями в книге Николая Вержбицкого «Записки старого журналиста» (М., 1961). Автор вспоминал, что в 1911 г. ему предложили работу в «Сатириконе», и якобы именно тогда пришел в квартиру к Аверченко «придворный чин и заявил, что царь соизволил пригласить» Аркадия Тимофеевича во дворец. «Аверченко прекрасно понимал, что для него пойти в гости к царю — значит поставить крест на своей репутации журналиста. Но и прямо отказаться было как-то страшно. И он объявил себя больным». Потом кто-то придумал анекдот: якобы через некоторое время Аверченко одумался, но Николай сказал: «Поздно спохватился!». Далее Вержбицкий рассказывал, что Куприн, услышав об этой истории, написал на Аверченко эпиграмму:

О, нет, судьба тебя не обошла,
Не из последних ты на кухне барской, —
На заднице хранишь ты знак орла,
Как отпечаток пятки царской!

Свидетельство Бориса Неандера о том, что Аверченко к царю все-таки ездил, полностью разбивает общепринятую версию. Однако не может расцениваться как факт.

В Крыму, при Врангеле, мне пришлось... издавать его первую за годы гражданской войны книжку «Дюжина ножей в спину революции»... Сборник Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» был отпечатан в типографии симферопольской газеты «Таврический голос» в июне 1920 г. В это

время Неандер занимал должность начальника политотдела штаба Добровольческого корпуса генерала А.П. Кутепова. Если верить Неандеру, то тираж «Дюжины...» был заказан и оплачен из средств Русской армии.

...вместе работать при управлении генерального штаба, по заказам которого он писал отличные юмористические прокламации, распространявшиеся в Красной армии. — Подтверждение словам Неандера содержится в рукописи мемуаров Тэффи: «Во время революции Аверченко оказался в Крыму, писал листовки, которые летчики сыпали на головы голодных советских солдат: "А мы сегодня отлично пообедали. На первое борщ с ватрушками, на второе поросенок с хреном, на третье пироги с осетриной и на заедку блины с медом. Завтра будем жарить свинину с капустой, ветер будет в вашу сторону"» (*Тэффи.* Моя летопись // РГАЛИ. Ф.1174. Оп.2. Д.13. Л. 10).

...собирался в последние дни своего царствования открыть рижский фронт, в «Сатириконе» была помещена на эту тему ужасная карикатура... — Мемуарист неточен. Карикатура работы Ре-ми, о которой вспоминал Аверченко, была напечатана в № 12 (мартовском) «Нового Сатирикона» за 1917 г. На ней изображен Николай II, перекусывающий ножницами колючее проволочное заграждение на линии фронта. Подпись: «ПРИЗНАЛИ МЫ ЗА БЛАГО...» как комментарий к цитате из прессы:

«Воейков показал при допросе:

— ...Узнав о революции, царь сказал: "В таком случае откроем немцам Минский фронт. Пусть они усмирят эту революцио́нную сволочь"».

Воейков Владимир Николаевич (1868–1947) — русский военачальник, генерал-майор Свиты Его Величества. 7 марта 1917 г. был арестован; вплоть до сентября того же года содержался в Петропавловской крепости. Допрос, протокол которого цитировали сатириконцы, вел следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства В.М. Руднев.

Содержание

1918

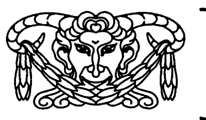
1919

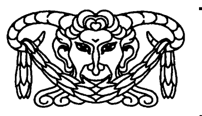
1920

1921

1922

Приложение

Издательство «Дмитрий Сечин» осуществляет выпуск 13-томного собрания сочинений Аркадия Тимофеевича Аверченко

Планируются к изданию

Том 10. Рассказы из газет и журналов 1917–1918 гг.

Том 14. (Дополнительный). Люди и страсти.
Рассказы из журнала «Сатирикон»
1908–1909 гг., не вошедшие в сборники.

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО
Собрание сочинений

Том 11

САЛАТ ИЗ БУЛАВОК

Редактор Е.Б. Егорова
Художественный редактор И.А. Шиляев
Технический редактор Т.В. Иванникова

Подписано в печать 1.11 2015.
Гарнитура «Petersburg». Формат 84×108 1/32
Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,8.
Тираж 1000 экз. Заказ № ВЗК-05513-15.

ООО «Издательство «Дмитрий Сечин»
Ул. Ирины Левченко, 2. Москва, 123298, а/я 33.
Тел. 8(985)995-79-70
E-mail: sechinbook@mail.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp kirov.ru
E-mail: order@gipp.kirov.ru

издательство
Дмитрий
Сечин

